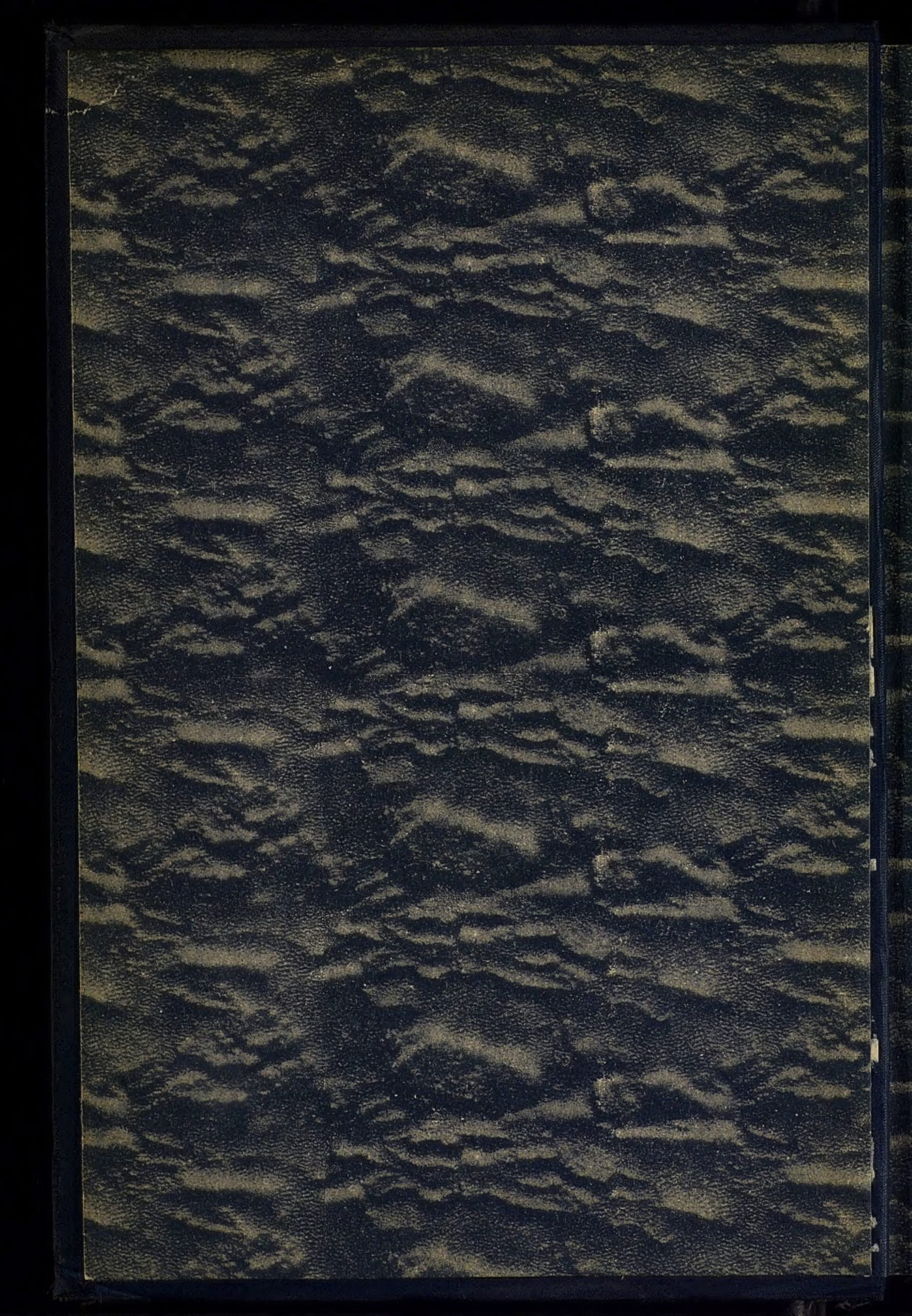
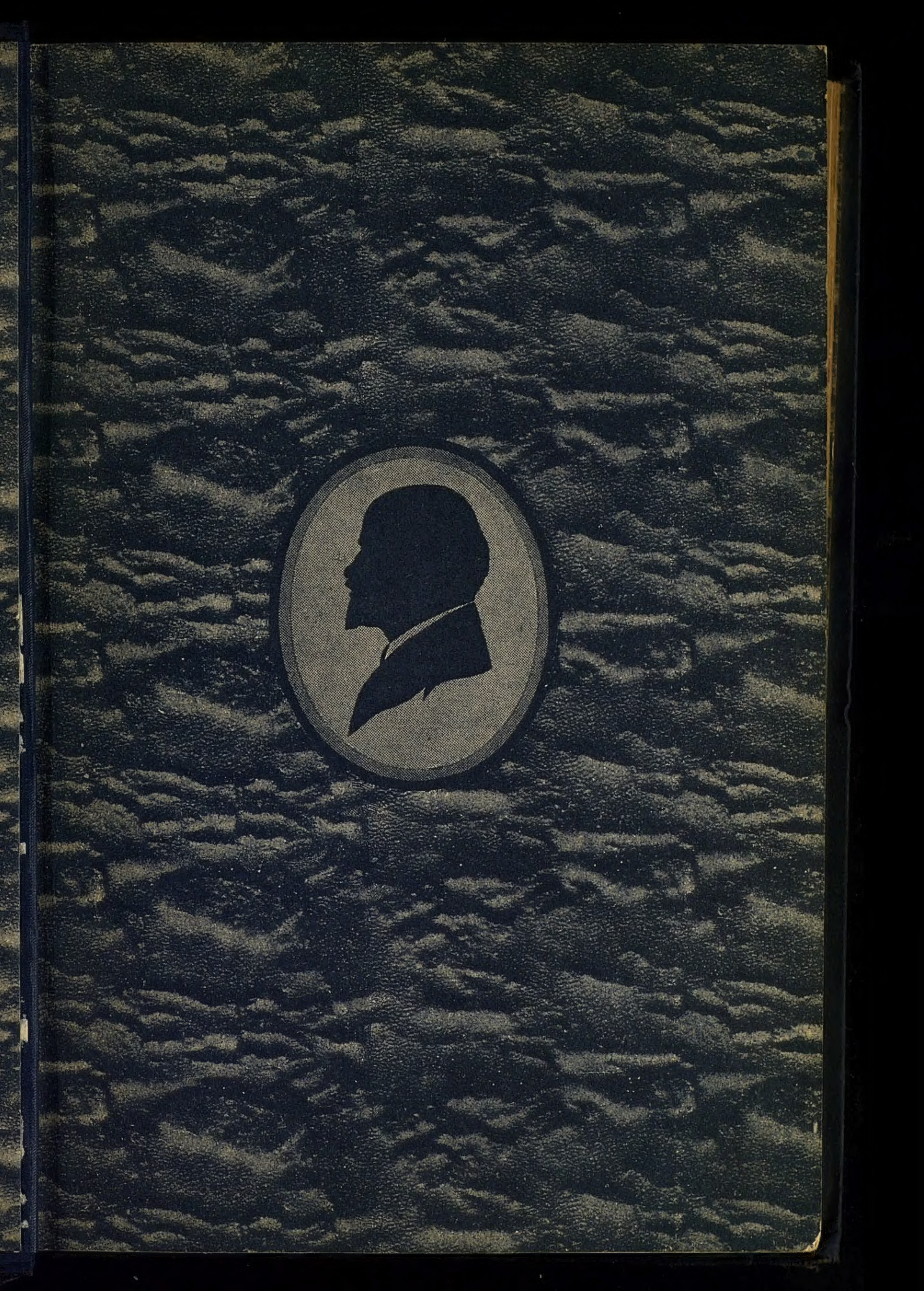
ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

XXI





ЛЕНИН
СОЧИНЕНИЯ
ТОМ XXI

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX СЪЕЗДА Р.К.П.(Б.)
И
II СЪЕЗДА СОВЕТОВ
С.С.С.Р.

Институт Ленина при Ц.К.В.К.П.(б.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:
Н.И.БУХАРИНА, В.М.МОЛОТОВА,
И.И.СКВОРЦОВА-СТЕПАНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1·9·2·8 — ЛЕНИНГРАД

ЛЕНИН

ТОМ

XXI

1917

ОТ РЕДАКЦИИ.

Настоящий том охватывает произведения В. И. Ленина за время с 16 (3) июля по 6 ноября (24 октября) 1917 г., т.-е. от июльского кризиса до Октябрьской революции. Все работы этого тома, за небольшим исключением, написаны в подполье.

Хотя том вышел довольно значительным по объему, он все же едва ли заключает в себе все, что было написано Лениным в этот период. Отсутствует ряд политических писем, которые посылались Лениным в Ц. К. или отдельным членам Ц. К.: сохранилась и включена в том только часть этих писем. Несомненно также, что дальнейшее, еще более тщательное изучение руководящей партийной прессы за июль — октябрь 1917 г. («Рабочий и Солдат», «Рабочий», «Пролетарий» и др.) позволит среди массы газетного материала (неподписанных статей, заметок, сообщений и пр.) обнаружить новые статьи и заметки, принадлежащие перу Ленина.

Документы и материалы даны полнее, нежели в других томах: освещение политической подготовки Октябрьского восстания и борьбы с правой оппозицией, боровшейся против восстания, требует возможно более полной документации. В частности, в виду исключительного значения заседаний Ц. К. 23 (10) и 29 (16) октября, на которых Лениным были произнесены его исторические речи в защиту необходимости вооруженного восстания, протоколы этих заседаний помещены в «Приложениях» полностью, — к сожалению, в том несовершенном виде, в каком они были записаны.

При составлении «Вех жизни» Вл. Ильича редакция встретилась с серьезными затруднениями. Точных, документально засвидетельствованных дат перехода Ленина на нелегальное поло-

жение и последовательных его переездов из окрестностей Петрограда в Гельсингфорс и затем в Выборг и обратно в Петроград установить не удалось. Существующие многочисленные воспоминания участников событий противоречат одно другому, и на их точность положиться нельзя. Поэтому соответствующие даты обозначены только приблизительно.

Октябрь 1928 года.

НА ЧТО МОГЛИ РАССЧИТЫВАТЬ КАДЕТЫ, УХОДЯ ИЗ МИНИСТЕРСТВА? [1])

Написано 16 (3) июля 1917 г.

Напечатано 28 (15) июля 1917 г. в «Пролетарском Деле» [2]) № 2

Печатается по рукописи

(1

На что могли рассчитывать кадеты, уходя из министерства?

Этот вопрос напрашивается сам собою. Чтобы правильно отозваться на события, [illegible] жизнью, надо правильно понять их. Как же понять уход кадетов?..

Досада? Принципиальное несогласие по вопросу об Украине? — Конечно, нет. Смешон был бы тот, кто заподозрил бы кадетов в принципиальности или буржуазию в способности действовать из-за досады.

Нет. Уход кадетов может быть понят лишь как результат расчета. В чем суть этого расчета?

В том, что для управления страной, совершившей великую революцию и не могущей

Первая страница рукописи В. И. Ленина: «На что могли рассчитывать кадеты, уходя из министерства?» — 16 (3) июля 1917 г.

Уменьшено

Этот вопрос напрашивается сам собою. Чтобы правильно ответить на события определенной тактикой, надо правильно понять их. Как же понять уход кадетов?..

Досада? Принципиальное несогласие по вопросу об Украине?— Конечно, нет. Смешон был бы тот, кто заподозрил бы кадетов в принципиальности или буржуазию в способности действовать из-за досады.

Нет. Уход кадетов может быть понят лишь как результат расчета. В чем суть этого расчета?

В том, что для управления страной, совершившей большую революцию и не могущей успокоиться, притом во время империалистской войны всемирных размеров, необходим гигантски смелый, исторически великий, полный беззаветного энтузиазма почин и размах действительно революционного класса. Либо подавлять такой класс насилием — это кадеты давно проповедуют, с самого 6-го мая — либо довериться его руководству. Либо в союзе с империалистским капиталом — тогда надо наступать, надо быть послушным слугой капитала, надо идти в кабалу к нему, надо бросить утопии отмены земельной собственности без выкупа (зри речи Львова, по «Биржевке», против программы Чернова) — либо против империалистского капитала, тогда надо предлагать немедля точные условия мира всем народам, ибо все народы истомлены войной, тогда надо сметь поднять и уметь поднять знамя всемирной пролетарской революции против капитала, делать это не на словах, а на деле, двигать революцию самым решительным образом вперед в самой России.

Кадеты — дельцы и деляги как в торговых делах, в финансах, в охране капитала, так и в политике. Кадеты правильно учли, что положение *объективно* революционное. На реформы они согласны и делить власть с реформистами Церетели и Черновыми им нравится. Но реформами не поможешь. Пути реформ, выводящего из кризиса — из войны, из разрухи, *нет*.

И кадеты рассчитывают, с точки зрения своего класса, с точки зрения класса империалистов-эксплуататоров, правильно: уходя, мы, де, ставим ультиматум. Мы знаем, что Церетели и

Черновы сейчас не доверяют истинно революционному классу, сейчас не хотят вести истинно революционной политики. Мы, де, их попугаем. Без кадетов — это, де, значит без «помощи» всемирного англо-американского капитала, это значит идти революцией и на него. Не пойдут, де, Церетели и Черновы, не решатся! Они, де, нам уступят!

А если нет, то, де, революция против капитала, буде даже она начнется, не удастся, и мы вернемся.

Так рассчитывают кадеты. Повторяем: с точки зрения класса эксплуататоров расчет правильный.

Если бы Церетели и Черновы стояли на точке зрения эксплуатируемого класса — а не колеблющейся мелкой буржуазии — они бы ответили на правильный расчет кадетов правильным присоединением к политике революционного пролетариата.

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія. Цѣна 3 коп.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ЛИСТОКЪ „ПРАВДЫ".

Четвергъ 19-го іюля (6 іюля стараго стиля) 1917 года.

Не имѣя возможности выпустить сегодня очередной номеръ „ПРАВДЫ", мы выпускаемъ „ЛИСТОКЪ ПРАВДЫ"!
Завтра мы надѣемся выпустить очередной номеръ „ПРАВДЫ".

Спокойствіе и выдержка.

РАБОЧІЕ! СОЛДАТЫ!

Демонстрація 3-го—4-го іюля закончилась.

...

ТОВАРИЩИ РАБОЧІЕ И СОЛДАТЫ! МЫ ПРИЗЫВАЕМЪ ВАСЪ КЪ СПОКОЙСТВІЮ И ВЫДЕРЖКѢ! НЕ ДАВАЙТЕ ЗЛОБСТВУЮЩЕЙ РЕАКЦІИ НИКАКОГО ПОВОДА ОБВИНЯТЬ ВАСЪ ВЪ НАСИЛІЯХЪ, НЕ ПОДДАВАЙТЕСЬ НА ПРОВОКАЦІЮ НИКАКИХЪ ВЫСТУПЛЕНІЙ НА УЛИЦЫ, НИКАКИХЪ СТОЛКНОВЕНІЙ.

ТОВАРИЩИ РАБОЧІЕ! ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ МИРНО КЪ СТАНКАМЪ.

ТОВАРИЩИ СОЛДАТЫ! ОСТАВАЙТЕСЬ МИРНО ВЪ ВАШИХЪ—ЧАСТЯХЪ!

Вся жизнь дѣйствуетъ за насъ. Побѣда будетъ за нами. Не нужно никакихъ необдуманныхъ дѣйствій.

Стойкость, выдержка и спокойствіе— таковъ нашъ лозунгъ!

Центральный Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Р. Партіи.

Петербургскій Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Р. Партіи.

Военная Организація Рос. Соц.-Дем. Р. Партіи.

Междурайонный Комитетъ объединенныхъ соціалдемократовъ - интернаціоналистовъ.

Изъ-за чего идетъ борьба?

...

Гдѣ власть и гдѣ контръ-революція?

...

Первая страница однодневной газеты «Листок Правды» — 1917 г.

Уменьшено

ГДЕ ВЛАСТЬ И ГДЕ КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ?

На этот вопрос обычно отвечают очень просто: контр-революции вовсе нет или мы не знаем, где она. Власть же мы прекрасно знаем: она в руках Временного Правительства, контролируемого Центральным Исполнительным Комитетом (Ц. И. К.) Всероссийского Съезда Советов Солд. и Раб. Депутатов. Таков обычный ответ.

Вчерашний политический кризис [3]) оставил в наследство после себя, как и большинство кризисов всякого рода, срывающих все условное, разрушающих все иллюзии, — развалины тех иллюзий, которые выражаются в приведенных нами сейчас обычных ответах на коренные вопросы всякой революции.

Существует на свете бывший член II Государственной Думы Алексинский, которого *эс-эры* и *меньшевики*, правящие партии в Советах Раб., Солд. и Крест. Депутатов, *отказались* допустить в Исполнительный Комитет Совета Солд. и Раб. Депутатов, *пока он не реабилитирует себя,* т.-е. пока он не восстановит своей чести.

В чем дело? Почему Исполн. Комитет публично и формально отказал в доверии Алексинскому, потребовал от него восстановления чести, т.-е. признал его бесчестным?

Потому, что Алексинский настолько прославил себя клеветами, что в Париже журналисты разнообразнейших партий объявили его клеветником. Алексинский не стал восстановлять своей чести перед Исполн. Комитетом, а предпочел спрятаться в плехановской газете «Единство», выступая в ней сначала за инициалами, а потом — осмелев — и открыто.

4 июля, вчера днем, несколько большевиков получило от знакомых предостережение, что Алексинский сообщил комитету журналистов в Питере какую-то новую клеветническую пакость. Большинство из оповещенных не обратило ровно никакого внимания на это предостережение, относясь с брезгливым презрением к Алексинскому и его «работе». Но один большевик, Джугашвили (Сталин), член Центр. Исполнит. Комитета, давно знавший, как

грузинский с.-д., тов. Чхеидзе, заговорил с ним на заседании Ц.И.К. об этом новом гнусном клеветническом походе Алексинского.

Дело было поздно ночью, но Чхеидзе заявил, что Ц. И. К. не будет равнодушно смотреть на распространение клеветы людьми, боящимися суда и расследования со стороны Ц.И.К. От своего имени, как председатель Ц.И.К., и от имени Церетели, как члена Врем. Правительства, Чхеидзе обратился тотчас *по телефону* во все редакции с предложением *воздержаться от напечатания клевет* Алексинского, Чхеидзе сказал Сталину, что большинство газет выразило готовность исполнить его просьбу, что «отмалчивались» некоторое время лишь «Единство» и «Речь» («Единство» мы не видали, а «Речь» *не* перепечатала клеветы). В результате клевета попала лишь на страницы маленькой, желтой, большинству интеллигентных людей вовсе неизвестной, газеты «Живое Слово», № 51 (404), редактором-издателем коей подписывается А. М. Уманский [4]).

Теперь клеветники ответят перед судом. С этой стороны дело просто и несложно.

Вздорность клеветы бьет в глаза: какой-то прапорщик 16 Сибирского стрелкового полка Ермоленко был «переброшен» (?) «25 апреля к нам в тыл на фронт 6 армии для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией». Видимо, это бежавший из плена субъект, про которого напечатанный «Живым Словом» «документ» добавляет: «поручение это Ермоленко принял по настоянию товарищей»!!.

Можно судить уже отсюда, какого доверия заслуживает субъект, столь бесчестный, что он мог согласиться принять подобное «поручение»!.. Свидетель — человек бесчестный. Это — факт.

И что же показал этот свидетель?

Он показал следующее: «Офицеры германского генерального штаба Шидицкий и Люберс ему сообщили, что такого же рода агитацию ведет в России агент германского генерального штаба и председатель украинской секции «Союза освобождения Украины» [5]) А. Скоропись-Иолтуховский и Ленин. Ленину поручено стремиться всеми силами к подорванию доверия русского народа к Врем. Правительству».

Итак, германские офицеры, чтобы склонить Ермоленку к его бесчестному поступку, налгали ему бесстыдно про Ленина, который, как всем известно, как официально заявлено *всей партией* большевиков, сепаратный мир с Германией самым решительным и бесповоротным образом всегда и безусловно *отвергал!* Ложь германских офицеров такая явная, грубая, нелепая, что ни один грамотный человек ни на минуту не усомнится в том, что это ложь. А политически-грамотный человек тем более не усомнится в этом, что сопоставление Ленина с каким-то Иолтуховским (?)

и «Союзом освобождения Украины», есть нелепость, особенно бросающаяся в глаза, ибо от этого подозрительного, социал-патриотического «Союза» и Ленин, и все интернационалисты *отгораживались публично* много раз именно во время войны!

Грубая ложь подкупленного немцами Ермоленки или немецких офицеров не заслуживала бы и тени внимания, если бы «документ» не прибавлял какие-то «только что поступившие сообщения» — неизвестно, к кому, как, от кого, когда, — согласно коим «деньги на агитацию» «получаются» (кем? «документ» *боится* сказать прямо, что обвиняется или подозревается Ленин!! документ молчит, *кем* «получается»!) «через» «доверенных людей»: «большевиков» Фюрстенберга (Ганецкого) и Козловского. Будто об этом имеются и данные относительно перевода денег через банки и «военной цензурой установлен непрерывный (!) обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими агентами и большевистскими лидерами»!!

Опять — настолько грубая ложь, что нелепость бьет в глаза. Будь тут хоть слово правды, как же это могло бы быть тогда, 1) что Ганецкого *совсем недавно* свободно впустили в Россию и свободно выпустили из нее, 2) что ни Ганецкого, ни Козловского *не* арестовали *раньше* появления в газетах сведений об их преступлениях? Неужели в самом деле генеральный штаб, если бы он действительно имел в руках хоть какого-нибудь доверия заслуживающие сведения о переводе денег, о телеграммах и т. п., допустил бы разглашение слухов об этом через Алексинских и желтую прессу, не арестуя Ганецкого и Козловского? Не ясно ли, что перед нами лубочная работа газетных клеветников низшего пошиба, — не более того?

Добавим, что Ганецкий и Козловский оба не большевики, а члены польской с.-д. партии, что Ганецкий — член ее Ц. К., известный нам с Лондонского съезда (1903), с которого польские делегаты ушли, и т. д. *Никаких* денег ни от Ганецкого, ни от Козловского большевики *не* получали. Все это — ложь самая сплошная, самая грубая.

В чем ее политическое значение? Во-первых, в том, что без лжи и клеветы не могут обойтись политические противники большевиков. До того низки и низменны эти противники.

Во-вторых, в том, что мы получаем ответ на вопрос, поставленный заголовком статьи.

Доклад о «документах» послан был Керенскому еще *16 мая.* Керенский член и Временного Правительства, и Совета, т.-е. обеих «властей». С 16 мая по 5 июля времени уйма. Власть, будь она властью, могла бы и должна была бы *сама* «документы» расследовать, свидетелей допросить, подозреваемых арестовать.

Власть, *обе* власти, и Врем. Правительство, и Ц.И.К., могли и должны были сделать это.

Обе власти бездействуют. А генеральный штаб оказывается в каких-то сношениях с Алексинским, недопущенным за клеветничество в Исполнит. Комитет Совета! Генеральный штаб как раз ко времени ухода кадетов допускает — случайно, должно быть — передачу своих официальных документов Алексинскому для публикации?

Власть бездействует. Ни Керенский, ни Врем. Правительство, ни Исполн. Комитет Совета не думают даже о том, чтобы арестовать Ленина, Ганецкого, Козловского, если они подозрительны. Вчера ночью, 4 июля, и Чхеидзе, и Церетели просят газеты не печатать явной клеветы. А в то же время, поздней, поздней ночью, Половцев посылает юнкеров и казаков разгромить «Правду», задержать ее выпуск, арестовать выпускателей, захватить книги (будто бы для проверки, не значатся ли в них подозрительные деньги), и в это самое время в желтой, низкопробной, грязной газетке «Живое Слово» печатается низкая клевета, чтобы разжечь страсти, чтобы загрязнить большевиков, чтобы создать погромное настроение, чтобы придать благовидное оправдание поступку Половцева, юнкеров и казаков, разгромивших «Правду».

Кто не закрывает себе глаз, *дабы не видеть истины,* тот пребывать в заблуждении не может. Когда *надо* действовать, *обе* власти бездействуют: Ц.И.К., ибо он «доверяет» кадетам и боится рассердить их, а кадеты не действуют как власть, ибо они предпочитают действовать *за кулисами.*

Закулисная контр-революция — вот она, как на ладони: это кадеты, известные круги генерального штаба («командных верхов армии», как сказано в резолюции нашей партии) и подозрительная, получерносотенная пресса. Вот кто *не* бездействует, вот кто «работает» дружно вместе; вот та среда, из которой питается обстановка погромов, попытки погромов, выстрелы в манифестантов и так далее, и так далее.

Кто не закрывает себе нарочно глаз, дабы не видеть истины, тот пребывать дальше в заблуждении не может.

Власти нет и не будет, пока переход ее в руки Советов не положит основание ее созданию. Контр-революция пользуется безвластьем, объединяя кадетов с известными командными верхами армии и с черносотенной прессой. Такова печальная действительность, но действительность.

Рабочие и солдаты! От вас требуется выдержка, стойкость, бдительность!

Написано 18 (5) июля 1917 г.
«Листок Правды» [6]*, 19 (6) июля 1917 г.*

ГНУСНЫЕ КЛЕВЕТЫ ЧЕРНОСОТЕННЫХ ГАЗЕТ И АЛЕКСИНСКОГО.

Газета «Живое Слово», явно черносотенного характера, напечатала сегодня низкую, грязную клевету на Ленина.

Газета «Правда» не может выйти, вследствие разгрома ее ночью на 5 июля, юнкерами; поэтому с подробным опровержением грязной клеветы выходит задержка.

Пока мы заявляем, что сообщение «Живого Слова» есть *клевета*, что *Чхеидзе* звонил в ночь на 5 июля *во все большие газеты*, прося не печатать клеветнических погромных статей. Большие газеты исполнили просьбу Чхеидзе, и 5 июля ни одна, кроме грязного «Живого Слова», *не напечатала гнусной клеветы.*

Алексинский же настолько известен, как клеветник, что его *не допустили* в Исполнительный Комитет Совета, *пока он* не реабилитирует себя, т.-е. *не восстановит своей чести.*

Граждане! Не верьте грязным клеветникам Алексинскому и «Живому Слову».

Сразу видна клевета «Живого Слова» уже вот из чего: «Живое Слово» пишет, что *16 мая* письмо (за № 3719) Керенскому об обвинении Ленина было послано из штаба. Ясно, что Керенский обязан был бы тотчас арестовать Ленина и назначить *правительственное следствие*, если бы он верил хоть минуту в серьезность обвинений или подозрений.

Написано 18 (5) июля 1917 г.
«Листок Правды», 19 (6) июля 1917 г.

ЗЛОСЛОВИЕ И ФАКТЫ.

Необъятное количество брани и злословия сыпется на большевиков по поводу демонстрации 3 и 4 июля.

Доходят до обвинения в том, что большевики «старались овладеть городом», что они хотели «изнасиловать» волю Советов, что они «посягали на власть Советов» и так далее, и тому подобное.

А факты говорят, что ни одной не только частью города, но ни одним зданием, ни одним учреждением большевики, несмотря на вооружение масс, *не* овладели (хотя могли овладеть) и *не* пытались овладеть.

Факты говорят, что единственный *политический* случай применения насилия *к учреждению* был ночью на 4 июля и состоял в разгроме «Правды» юнкерами и казаками, по приказу Половцева. *без ведома Совета, помимо воли Совета.*

Вот это — факт.

Вот это — обдуманное, злостное применение насилия к целому учреждению, вот это «посягательство» и «изнасилование» не на словах, а на деле. Будь это посягательство законно, либо Временное Правительство, либо Советы утвердили бы такой шаг: *ни одна власть не сделала этого.* Насильники над «Правдой» ни в Совете, ни во Врем. Правительстве *поддержки не нашли.*

Большевики призвали солдат, начавших выступление, *к мирному и организованному* действию.

Ни Врем. Правительство, ни Совет *не* призвали юнкеров, казаков и Половцева к мирным и организованным, к законным действиям.

* * *

Но, говорят нам, была стрельба.

Да, стрельба была. Но кто стрелял? Кто смеет обвинять в стрельбе кого-либо без следствия?

А вот не угодно ли вам послушать *свидетеля из буржуазной среды.*

Этот свидетель — газета «Биржевые Ведомости», вечерний выпуск 4-го июля; кажется, этого свидетеля никто в мире не сможет заподозрить в пристрастии к большевикам! Вот что говорит свидетель:

«Ровно в 2 часа дня на углу Садовой и Невского, когда проходили вооруженные демонстранты и собравшаяся в значительном количестве публика спокойно смотрела на них, *с правой стороны Садовой раздался оглушительный выстрел,* вслед за которым началась стрельба пачками» [7]).

Итак, свидетель буржуазной газеты и тот вынужден признать правду, именно: что *начали* стрелять с *правой стороны Садовой!!* Разве это не указывает ясно, что стреляли *в демонстрантов.*

Неужели трудно сообразить, что если бы демонстранты стремились или хотели действовать насилием, *они послали бы к определенному учреждению* (как Половцев послал юнкеров и казаков против «Правды»)? Наоборот, если есть убитые матросы и если свидетели из буржуазной газеты говорят, что стрельбу начали «с правой стороны Садовой», «когда проходили вооруженные демонстранты», — разве это не очевидное доказательство, что к насилиям стремились, насилия хотели *именно черносотенцы, именно противники* демократии, именно круги, близкие к кадетам?

Написано 18 (5) июля 1917 г.
«Листок Правды», 19 (6) июля 1917 г.

БЛИЗКО К СУТИ.

На заседании Центр. Исп. Комитета вечером 4-го июля гражданин Чайковский удивительно близко подошел в своей речи к сути дела [8]).

Он возражал против взятия власти Советом и привел, между прочим, такой можно сказать «решающий» довод: мы должны вести войну, а войну нельзя вести без денег, а денег не дадут англичане и американцы, если власть будет у «социалистов», деньги дадут только при участии кадетов.

Близко к сути.

Участвовать в империалистской войне нельзя, не «участвуя» в капиталистическом предприятии закабаления народа займами у господ капиталистов.

Чтобы действительно восстать против империалистской войны, нужно порвать *все* нити, связывающие и привязывающие к капиталу, и безбоязненно брать в руки рабочих и крестьян надзор за банками, надзор за производством, регулирование его.

Англичане и американцы — мы тоже так думаем — не дадут деньги иначе, как под гарантии кадетов. Одно из двух: служить кадетам, служить капиталу, накоплять империалистские займы (и не претендовать на звание «революционной» демократии, мириться с справедливой кличкой *империалистской* демократии) или рвать с кадетами, рвать с капиталистами, рвать с империализмом, становиться революционерами на деле и в вопросах войны.

Чайковский подошел близко к сути.

Написано 18 (5) июля 1917 г.
«Листок Правды», 19 (6) июля 1917 г.

ДРЕЙФУСИАДА [9]).

Старое соединяется с новейшим — так было всегда в приемах эксплуатации и репрессии, применяемых царизмом, так осталось и в республиканской России. Политическую травлю большевиков, как партии международного революционного пролетариата, контр-революционная буржуазия сдабривает гнуснейшими клеветами и «походом» в печати вполне однородного типа с походом французских клерикальных и монархических газет в деле Дрейфуса.

Во что бы то ни стало обвинить Дрейфуса в шпионстве! — таков был пароль тогда. Во что бы то ни стало обвинить кого-либо из большевиков в шпионстве! — таков пароль теперь. Гнуснейшая клевета, подтасовки, грубая ложь и утонченная работа запутывания читателя — все эти приемы желтая и вообще буржуазная пресса пускает в ход с необыкновенным усердием. В общем получается до бешенства дикий рев, в котором иногда не только доводов, но и просто членораздельных звуков не отыщешь.

Вот некоторые из приемов нашей новейшей республиканской дрейфусиады. Сначала «двигали» три главных «довода»: Ермоленку, 20 миллионов у Козловского, припутывание Парвуса.

На другой день главная погромная газета «Живое Слово» печатает уже две «поправки», признавая — «вождя» большевиков не подкупленным, а фанатиком и заменяя 20 миллионов 20 тысячами. А другая газета уже объявляла второстепенными показания Ермоленки.

В «Листке Правды» от 6 июля мы уже показали полнейшую вздорность показаний Ермоленки *). Ясно, что ссылаться на них оказалось неудобным.

В том же «Листке» напечатано письмо Козловского, опровергающее клевету [10]). После опровержения 20.000.000 сбавляют до 20.000, — вместо точной цифры опять «округление»!

*) См. настоящий том, стр. 9. *Ред.*

Припутывают Парвуса, стараясь изо всех сил создать какую-то связь между ним и большевиками. А на деле именно большевики в женевском еще «Социал-Демократе» назвали Парвуса ренегатом (статья о Парвусе была озаглавлена «У последней черты» *)), выступили против него с беспощадным осуждением, как против немецкого Плеханова, устранили раз навсегда всякую возможность какого бы то ни было сближения с подобными социал-шовинистами. Именно большевики в Стокгольме на торжественном заседании при участии шведских левых социалистов категорически отказались не только разговаривать с Парвусом, но даже допустить его в каком бы то ни было качестве, хотя бы гостем [11].

Ганецкий вел торговые дела, как служащий фирмы, в коей участвовал Парвус. Коммерческая и денежная переписка, конечно, шла под цензурой и вполне доступна контролю целиком. Стараются спутать эти коммерческие дела с политикой, хотя ровно ничем этого не доказывают!!

Доходят до такой смешной вещи, что «Правду» упрекают за то, что ее телеграммы в социалистические газеты Швеции и всех других стран (шедшие, разумеется, тоже через цензуру и вполне известные цензуре) перепечатывались немецкими газетами, иногда с искажением! Точно перепечатку или злостные искажения можно ставить в вину!

Дрейфусиада настоящая, поход лжи и клеветы на почве дикой политической ненависти... Но как грязны должны быть источники, подменяющие борьбу идей распространением клевет!

Написано 19—20 (6—7) июля 1917 г.
Впервые напечатано в 1926 г.
в «Ленинском Сборнике» IV.

Печатается по рукописи.

---

*) См. XVIII том Сочинений. *Ред.*

В ОПРОВЕРЖЕНИЕ ТЕМНЫХ СЛУХОВ.

В «Листке Правды» от 6 июля напечатано подробное опровержение гнусной клеветы про Ленина и др., распространяемой черносотенными газетами *). Такое же опровержение, в более кратком виде, напечатано отдельно листком от имени Ц.К. нашей партии.

В дополнение к этому мы должны лишь ответить на задаваемые нам вопросы: верны ли слухи об аресте Ленина, Каменева, Зиновьева и других? Нет, эти слухи *неверны*. Все названные здесь большевики, особенно травимые гнусно-клеветнической прессой — члены Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Еще и еще раз просим всех честных граждан не верить грязным клеветам и темным слухам.

Написано 20 (7) июля 1917 г.
Впервые напечатано в 1928 г.
в «Ленинском Сборнике» VII.

Печатается по рукописи.

---

*) См. настоящий том, стр. 9. *Ред.*

ТРИ КРИЗИСА [12]).

Чем ожесточеннее клевещут и лгут на большевиков в эти дни, тем спокойнее должны мы, опровергая ложь и клеветы, вдумываться в историческую связь событий и в политическое, *то-есть классовое*, значение данного хода революции.

В опровержение лжи и клеветы мы должны здесь лишь повторить ссылку на «Листок Правды» от 6-го июля и особенно обратить внимание читателей на печатаемую ниже статью, документально доказывающую, что 2-го июля большевики агитировали *против* выступления (по признанию газеты партии социалистов-революционеров); что 3-го июля настроение масс вылилось через край и выступление началось вопреки нашим советам; что 4-го июля мы призвали в листке (перепечатанном той же газетой эс-эров, «Делом Народа») к *мирной* и *организованной* демонстрации, что ночью 4-го июля мы приняли решение прекратить демонстрацию [13]). Клевещите, клеветники! вы никогда не опровергнете этих фактов и решающего значения их во всей их связи!

Перейдем к вопросу об исторической связи событий. Когда мы еще в начале апреля высказались против поддержки Временного Правительства, на нас напали и эс-эры, и меньшевики. А что доказала жизнь?

Что доказали три политические кризиса: 20 и 21 апреля, 10 и 18 июня, 3 и 4 июля?

Они доказали, во-первых, растущее недовольство масс буржуазной политикой буржуазного большинства Временного Правительства.

Небезынтересно отметить, что газета правящей партии эс-эров, «Дело Народа», от 6-го июля, несмотря на всю ее вражду к большевикам, вынуждена признать глубокие экономические и политические причины движения 3 и 4 июля [14]). Глупая, грубая, гнусная ложь об искусственном вызывании этого движения, об агитации большевиков *за* выступление, с каждым днем будет разоблачаться больше и больше.

Общая причина, общий источник, общий глубокий корень всех трех названных политических кризисов ясен — особенно, если посмотреть на них в их связи, как повелевает смотреть на политику наука. Нелепо и думать, что три кризиса такого рода могли бы быть вызваны искусственно.

Во-вторых, поучительно вникнуть в то, что̀ было общего, и в то, что̀ было индивидуального в каждом из этих кризисов.

Общее, выливающееся через край недовольство масс, возбуждение их против буржуазии и *ее* правительства. Кто *эту суть дела* забывает или замалчивает или умаляет, тот отрекается от азбучных истин социализма относительно классовой борьбы.

Борьба классов в русской революции — пусть подумают об этом называющие себя социалистами люди, кое-что знающие о том, какова была борьба классов в европейских революциях.

Индивидуально в этих кризисах их проявление: в первом (20 — 21 апреля) — бурно-стихийное, совсем не организованное, приведшее к стрельбе черносотенцев против демонстрантов и к неслыханно-диким и лживым обвинениям большевиков. После взрыва — политический кризис.

Во втором случае — назначение демонстрации большевиками, отмена ее после грозного ультиматума и прямого запрещения Съезда Советов и общая демонстрация 18 июня, давшая явное преобладание большевистским лозунгам. Политический кризис, по признанию самих эс-эров и меньшевиков вечером 18 июня, разразился бы наверное, если бы его не перерезало наступление на фронте.

Третий кризис разрастается стихийно 3-го июля, вопреки усилиям большевиков 2-го июля удержать его, и, достигнув высшей точки 4-го июля, ведет 5-го и 6-го к апогею контр-революции. Колебания у эс-эров и меньшевиков выражаются в том, что Спиридонова и ряд других эс-эров высказываются за переход власти к Советам, и в том же духе высказываются раньше восстававшие против этого меньшевики-интернационалисты.

Наконец, последний—и, пожалуй, самый поучительный—вывод из рассмотрения событий в их связи состоит в том, что *все* три кризиса показывают нам некоторую, новую в истории нашей революции, форму некоей демонстрации более сложного типа, при волнообразном движении, быстром подъеме и крутом спуске, при обострении революции и контр-революции, при «вымывании», на более или менее продолжительное время, средних элементов.

По форме движение в течение всех этих трех кризисов было *демонстрацией*. Противоправительственная демонстрация — таково было бы, формально, наиболее точное описание событий. Но в том-то и суть, что это не обычная демонстрация, это нечто значительно большее, чем демонстрация, и меньшее, чем революция. Это — взрыв революции и контр-революции *вместе*, это —

резкое, иногда почти внезапное «вымывание» средних элементов, в связи с бурным обнаружением пролетарских и буржуазных.

Крайне характерно в этом отношении, что все средние упрекают за *каждое* из этих движений *обе* определенные классовые силы, и пролетарскую и буржуазную. Посмотрите на эс-эров и меньшевиков: они из кожи лезут, надрываясь и крича, что большевики своими крайностями помогают контр-революции, и в то же время постоянно признаваясь, что кадеты (с коими они в блоке в правительстве) контр-революционны. «Отмежеваться» — писало «Дело Народа» вчера — «глубоким рвом от всех элементов справа, вплоть до воинственно настроившегося «Единства» (с коим, добавим от себя, эс-эры шли в блоке на выборах) — такова наша неотложная задача» [15]).

Сопоставьте с этим сегодняшнее «Единство» (7 июля), где плехановская передовица вынуждена констатировать бесспорный факт, именно, что Советы (т.-е. эс-эры и меньшевики) взяли себе «две недели на размышление» и что если власть перейдет к Советам, то это «было бы равносильно победе ленинцев». «Если кадеты не держатся правила: чем хуже, тем лучше...» — пишет Плеханов — «то они сами вынуждены будут сознаться, что они сделали» (уйдя из министерства) «большую ошибку, облегчив ленинцам их работу» [16]).

Разве это не характерно? Средние элементы обвиняют кадетов в том, что они облегчают работу большевикам, а большевиков — в том, что они облегчают работу кадетам!! Неужели трудно догадаться, что вместо политических наименований надо подставить классовые и что мы получаем тогда мечты мелкой буржуазии об исчезновении классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией? Жалобы мелкой буржуазии на классовую борьбу пролетариата с буржуазией? Неужели трудно догадаться, что никакие большевики в мире не в силах были бы «вызвать» не только трех, но даже и одного «народного движения», если бы глубочайшие экономические и политические причины не приводили в движение пролетариата? что никакие кадеты и монархисты вместе не в силах бы вызвать никакого движения «справа», если бы столь же глубокие причины не создавали контр-революционности буржуазии, как класса?

За движение 20—21 апреля и нас, и кадетов ругали за неустойчивость, за крайность, за обострение, доходили до того, что большевиков обвиняли (как это ни нелепо) в стрельбе на Невском, а когда движение кончилось, то те же эс-эры и меньшевики, в своем объединенном и официальном органе, «Известиях», писали, что «народное движение» «смело империалистов Милюкова и пр.», т.-е. *восхваляли* движение!! Разве это не характерно? Разве не показывает это особенно ясно непонимание мелкою буржуазией механизма, сущности классовой борьбы пролетариата с буржуазией?

Объективное положение таково: громадное большинство населения страны мелкобуржуазно по своему жизненному положению и еще более по своим идеям. Но в стране царит крупный капитал, через банки и через синдикаты в первую голову. В стране есть городской пролетариат, достаточно развитый, чтобы идти своим путем, но еще не способный привлечь сразу на свою сторону большинство полупролетариев. Из этого основного, классового, факта вытекает неизбежность таких кризисов, как три кризиса, изучаемые нами, а равно и их формы.

Формы кризисов могут в будущем, конечно, перемениться, но суть дела останется, напр., и в том случае, если в октябре соберется эс-эровское Учредительное Собрание. Эс-эры обещали крестьянам 1) отмену частной собственности на землю; 2) передачу земли трудящимся; 3) конфискацию помещичьих земель, передачу их крестьянам без выкупа. Осуществить эти великие преобразования абсолютно невозможно без самых решительных революционнейших мер против буржуазии, мер, которые провести в состоянии *только* присоединение беднейшего крестьянства к пролетариату, *только* национализация банков и синдикатов.

Доверчивые крестьяне, поверившие на время, что можно достигнуть этих прекрасных вещей соглашательством с буржуазией, неизбежно будут разочарованы и... «недовольны» (говоря мягко) острой классовой борьбой пролетариата с буржуазией за осуществление эс-эровских обещаний на деле. Так было, так будет.

Написано 20 (7) июля 1917 г.
Напечатано 1 августа (19 июля) 1917 г. в журнале «Работница» № 7.
Печатается по рукописи.

К ВОПРОСУ ОБ ЯВКЕ НА СУД БОЛЬШЕВИСТСКИХ ЛИДЕРОВ [17].

Судя по частным беседам, есть два мнения по этому вопросу.

Товарищи, поддающиеся «атмосфере Советов», нередко склоняются к явке.

Более близкие к рабочим массам склоняются, повидимому, к неявке.

Принципиально, вопрос сводится больше всего к оценке того, что̀ принято называть конституционными иллюзиями.

Если считать, что в России есть и возможно правильное правительство, правильный суд, вероятен созыв Учредительного Собрания, тогда можно придти к выводу в пользу явки.

Но такое мнение насквозь ошибочно. Именно последние события, после 4 июля, нагляднейшим образом показали, что созыв Учредительного Собрания невероятен (без новой революции), что ни правильного правительства, ни правильного суда в России нет и быть (теперь) не может.

Суд есть орган власти. Это забывают иногда либералы. Марксисту грех забывать это.

А где власть? Кто власть?

Правительства нет. Оно меняется ежедневно. Оно бездействует.

Действует военная диктатура. О «суде» тут смешно и говорить. Дело не в «суде», а в *эпизоде гражданской войны.* Вот чего напрасно не хотят понять сторонники явки.

Переверзев и Алексинский, как инициаторы «дела». Неужели не смешно тут говорить о суде? Неужели не наивно думать, что какой-нибудь суд при таких условиях может что-либо разобрать, установить, расследовать??

Власть в руках военной диктатуры, и без новой революции власть эта может лишь укрепиться на известное время, на время войны прежде всего.

«Я не сделал ничего противозаконного. Суд справедлив. Суд разберет. Суд будет гласный. Народ поймет. Я являюсь».

Это рассуждение наивное до ребячества. Не суд, а травля интернационалистов, вот что *нужно власти*. Засадить их и держать — вот что надо г.г. Керенскому и К°. Так было (в Англии и Франции), так будет (в России).

Пусть интернационалисты работают нелегально по мере сил, но пусть не делают глупости добровольной явки!

Написано 21 (8) июля 1917 г.

Впервые напечатано в 1925 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 1 (36).

Печатается по рукописи.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ [18]).

Контр-революция организовалась, укрепилась и фактически взяла власть в государстве в свои руки.

Полная организация и укрепление контр-революции состоит в превосходно обдуманном, проведенном уже в жизнь соединении трех главных сил контр-революции: 1) партия конституционалистов-демократов, т.-е. настоящий вождь организованной буржуазии, уйдя из министерства, поставила ему ультиматум, расчистив поле для свержения этого министерства контр-революцией; 2) генеральный штаб и командные верхи армии с сознательной или полусознательной помощью Керенского, коего даже виднейшие эс-эры называли теперь Кавеньяком, захватил в руки фактическую государственную власть, перейдя к расстрелу революционных частей войска на фронте, к разоружению революционных войск и рабочих в Питере и Москве, к подавлению и усмирению в Нижнем [19]), к арестам большевиков и закрытию их газет не только без суда, но и без постановления правительства. Фактически основная государственная власть в России теперь есть военная диктатура; этот факт затемнен еще рядом революционных на словах, но бессильных на деле учреждений, но это несомненный факт и настолько коренной, что без понимания его ничего понять в политическом положении нельзя. 3) Черносотенно-монархическая и буржуазная пресса, перейдя уже от бешеной травли большевиков к травле Советов, «поджигателя» Чернова и т. д., яснее ясного показала, что настоящая суть политики военной диктатуры, царящей ныне и поддерживаемой кадетами и монархистами, состоит в подготовке разгона Советов. Многие вожди эс-эров и меньшевиков, т.-е. теперешнего большинства Советов, уже признали и высказали это в эти последние дни, но, как истые мелкие буржуа, они отделываются от этой грозной действительности пустейшим звонким фразерством.

Вожди Советов и партий социалистов-революционеров и меньшевиков, с Церетели и Черновым во главе, окончательно предали дело революции, отдав его в руки контр-революционерам

и превратив себя и свои партии и Советы в фиговый листок контр-революции.

Этот факт доказан тем, что социалисты-революционеры и меньшевики выдали большевиков и молча утвердили разгром их газет, не посмев даже прямо и открыто сказать народу о том, что они это делают, и почему они это делают. Узаконив разоружения рабочих и революционных полков, они отняли у себя всякую реальную власть. Они стали пустейшими говорунами, помогающими реакции «занять» внимание народа, пока она докончит свои последние приготовления к разгону Советов. Не сознавши этого полного и окончательного банкротства партий социалистов-революционеров и меньшевиков и теперешнего большинства Советов, не сознав полнейшей фиктивности их «директории» и прочих маскарадов, нельзя ровно ничего понять во всем теперешнем политическом положении.

Всякие надежды на мирное развитие русской революции исчезли окончательно. Объективное положение: либо победа военной диктатуры до конца, либо победа решительной борьбы рабочих, возможная лишь при совпадении ее с глубоким массовым подъемом против правительства и против буржуазии на почве экономической разрухи и затягивания войны.

Лозунг перехода всей власти к Советам был лозунгом мирного развития революции, возможного в апреле, мае, июне, до 5—9 июля, т.-е. до перехода фактической власти в руки военной диктатуры. Теперь этот лозунг уже неверен, ибо не считается с этим состоявшимся переходом и с полной изменой эсэров и меньшевиков революции на деле. Не авантюры, не бунты, не сопротивления по частям, не безнадежные попытки по частям противостать реакции могут помочь делу, а только ясное сознание положения, выдержка и стойкость рабочего авангарда, подготовка сил к решительной борьбе, условия победы коей теперь страшно трудны, но возможны все же при совпадении отмеченных в тексте фактов и течений. Никаких конституционных и республиканских иллюзий, никаких иллюзий мирного пути больше, никаких разрозненных действий, не поддаваться *теперь* провокации черных сотен и казаков, а собрать силы, переорганизовать их и стойко готовить к решительной борьбе, если ход кризиса позволит это в действительно массовом, общенародном размере. Переход земли к крестьянам невозможен теперь без решительной борьбы, ибо контр-революция, взяв власть, вполне объединилась с помещиками, как классом.

Цель борьбы может быть лишь переход власти в руки пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, для осуществления программы нашей партии.

Партия рабочего класса, не бросая легальности, но и ни на минуту не преувеличивая ее, должна *соединить* легальную работу с нелегальной, как в 1912—1914 годах.

Ни единого часа легальной работы не бросать. Но и конституционным и «мирным» иллюзиям не верить. (Тотчас всюду и во всем основать нелегальные организации или ячейки для издания листков и пр. Переорганизоваться тотчас, выдержанно, стойко, по всей линии.

Действовать так, как 1912—1914 г.г., когда мы умели говорить о свержении царизма революцией, и не теряя легальной базы ни в Государственной Думе, ни в страховых кассах, ни в профессиональных союзах и т. д.)

Написано 23 (10) июля 1917 г.
Впервые напечатано в 1926 г.
в «Ленинском Сборнике» IV.

Печатается по рукописи.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «НОВОЙ ЖИЗНИ» [20]).

Позвольте, товарищи, обратиться к вашему гостеприимству вследствие вынужденной приостановки газеты нашей партии. Газеты известного рода повели бешеную травлю против нас, обвиняя в шпионстве или в сношениях с вражеским правительством. С каким неслыханным... легкомыслием (это неподходящее, слишком слабое слово) ведется эта травля, показывают следующие простые факты:

«Живое Слово» сначала напечатало, что Ленин шпион, а потом в под видом неменяющей дело «поправки» заметке заявило, что в шпионстве он не обвиняется! Сначала выдвигают показания Ермоленки, потом вынуждены признать, что прямо неловко и стыдно в подобных показаниях подобного человека видеть довод; приплетают имя Парвуса, но умалчивают о том, что никто с такой беспощадной резкостью не осудил Парвуса еще в 1915 г., как женевский «Социал-Демократ», который мы редактировали и который в статье «У последней черты» заклеймил Парвуса, как ренегата, «лижущего сапог» Гинденбурга, и т. п. *). Всякий грамотный человек знает или легко может узнать, что никаких абсолютно политических отношений или иных нашших к Парвусу быть не может. Припутывают имя какой-то Суменсон, с которой мы не только никогда дел не имели, но которой никогда и в глаза не видели. Впутывают коммерческие дела Ганецкого и Козловского, не приводя ни одного факта, в чем же, где, как и когда коммерция была прикрытием шпионства. Мы не только никогда ни прямого, ни косвенного участия в коммерческих делах не принимали, но вообще ни копейки денег ни от одного из названных товарищей ни на себя лично, ни на партию не получали.

Доходят до того, что ставят нам в вину перепечатку телеграмм «Правды» с искажениями немецкими газетами, забывая упомянуть, что «Правда» выпускает за границей бюллетень

*) См. XVIII том Сочинений. *Ред.*

по-немецки и по-французски и что перепечатка из этих бюллетеней вполне свободна[21]).

И все это при участии и даже по инициативе Алексинского, недопущенного в Совет, признанного, иначе говоря, заведомым клеветником!! Неужели можно не понять, что *такой* путь против нас есть *юридическое убийство из-за угла?* Обсуждение Центральным Исполнительным Комитетом вопроса об условиях привлечения к суду членов Центрального Исполнительного Комитета вообще, вносит, несомненно, элемент упорядочения. Захотят ли партии социалистов-революционеров и меньшевиков участвовать в покушении на юридическое убийство? в предании суду, даже без указания на то, в шпионстве или мятеже мы обвиняемся, вообще предании суду без всякой юридически точной квалификации преступления? в явно тенденциозном процессе, могущем помешать кандидатуре в Учредительное Собрание лиц, заведомо намечаемых их партиями в кандидаты? Захотят ли эти партии канун созыва Учредительного Собрания в России сделать началом дрейфусиады на русской почве? Недалекое будущее даст ответ на эти вопросы; открытая постановка их представляется нам долгом свободной печати.

О буржуазной прессе мы не говорим. Разумеется, Милюков столько же верит в наше шпионство или в получение нами немецких денег, сколько Марков и Замысловский верили в то, что евреи пьют детскую кровь.

Но Милюков и К° знают, что делают.

Н. Ленин.
Г. Зиновьев.
Л. Каменев.

«Новая Жизнь» № 71, 24 (11) июля 1917 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ПРОЛЕТАРСКОГО ДЕЛА»[22]).

Товарищи!

Мы переменили свое намерение подчиниться указу Временного Правительства о нашем аресте по таким мотивам.

Из письма бывшего министра юстиции Переверзева, напечатанного в воскресенье в газете «Новое Время», стало ясно, что дело о шпионстве Ленина и других подстроено совершенно обдуманно партией контр-революции[23]).

Переверзев вполне открыто признает, что он пустил в ход непроверенные обвинения, дабы поднять ярость солдат (дословное выражение!) против нашей партии. Это признает вчерашний министр юстиции, человек, вчера еще называвший себя социалистом. Переверзев ушел, но остановится ли новый министр юстиции перед приемами Переверзева, Алексинского, никто сказать не возьмется.

Контр-революционная буржуазия пытается создать новое дело Дрейфуса. Она столько же верит в наше шпионство, сколько вожди русской реакции, создавшие дело Бейлиса, верили в то, что евреи пьют детскую кровь. Никаких гарантий правосудия в России в данный момент нет.

Центральный Исполнительный Комитет, считающий себя полномочным органом русской демократии, назначил было комиссию по делу о шпионстве, но под давлением контр-революционных сил эту комиссию распустил. Приказ о нашем аресте он не захотел ни прямо подтвердить, ни отменить. Он умыл руки, фактически выдав нас контр-революции.

Обвинение нас в заговоре и в моральном подстрекательстве к мятежу носит уже вполне определенный характер. Никакой юридически точной квалификации нашего мнимого преступления не дает ни правительство, ни Совет, которые оба прекрасно знают, что говорить о заговоре в таком движении, как 3—5 июля, просто бессмысленно. Вожди меньшевиков, эс-эров просто на просто пытаются умилостивить напирающую уже и против них контр-

революцию, выдав ей по ее указанию ряд членов нашей партии. Ни о какой легальной почве, ни даже о таких конституционных гарантиях, которые существуют в буржуазных, социал-демократических, упорядоченных странах, в России сейчас не может быть и речи. Отдать себя сейчас в руки властей, значило бы отдать себя в руки Милюковых, Алексинских, Переверзевых, в руки разъяренных контр-революционеров, для которых все обвинения против нас являются простым эпизодом в гражданской войне.

После происшедшего в дни 6 — 8-го июля ни один русский революционер не может питать более конституционных иллюзий. Происходит решающая схватка между революцией и контр-революцией. Мы будем попрежнему бороться на стороне первой.

Мы будем по мере наших сил попрежнему помогать революционной борьбе пролетариата. Учредительное Собрание, если оно соберется и будет созвано не буржуазией, одно только будет правомочно сказать свое слово по поводу приказа Временного Правительства о нашем аресте.

Н. Ленин.
Г. Зиновьев.

«Пролетарское Дело» № 2, 28 (15) июля 1917 г.

К ЛОЗУНГАМ.

Слишком часто бывало, что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня, потерявшие смысл «внезапно» настолько же, насколько «внезапен» был крутой поворот истории.

Нечто подобное может повториться, повидимому, с лозунгом перехода всей государственной власти к Советам. Этот лозунг был верен в течение миновавшего бесповоротно периода нашей революции, скажем, с 27 февраля по 4-е июля. Этот лозунг явно перестал быть верным теперь. Не поняв этого, нельзя ничего понять в насущных вопросах современности. Каждый отдельный лозунг должен быть выведен из всей совокупности особенностей определенного политического положения. А политическое положение в России теперь, после 4 июля, коренным образом отличается от положения 27 февраля — 4 июля.

Тогда, в этот миновавший период революции, господствовало в государстве так называемое «двоевластие», и материально и формально выражавшее неопределенно-переходное состояние государственной власти. Не забудем, что вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции.

Тогда власть находилась в колеблющемся состоянии. Ее делили, по добровольному соглашению между собой, Временное Правительство и Советы. Советы представляли из себя делегации от массы свободных, т.-е. никакому насилию извне не подвергающихся, и вооруженных рабочих и солдат. Оружие в руках народа, отсутствие насилия извне над народом — вот в чем была *суть* дела. Вот что открывало и обеспечивало мирный путь развития вперед всей революции. Лозунг: «переход всей власти к Советам» был лозунгом ближайшего шага, непосредственно осуществимого шага, на этом мирном пути развития. Это был лозунг мирного развития революции, которое было с 27 февраля по 4-е июля возможно и, конечно, наиболее желательно, и которое теперь безусловно невозможно.

По всей видимости, не все сторонники лозунга: «переход всей власти к Советам» достаточно вдумались в то, что это был лозунг мирного развития революции вперед. Мирного не только в том смысле, что никто, ни один класс, ни одна серьезная сила не могли бы тогда (с 27 февраля по 4 июля) воспротивиться и помешать переходу власти к Советам. Это еще не все. Мирное развитие было бы тогда возможно, даже также в том отношении, что борьба классов и партий *внутри* Советов могла бы тогда, при условии своевременного перехода к ним всей полноты государственной власти, уживаться наиболее мирно и наиболее безболезненно.

На эту последнюю сторону дела тоже недостаточно еще обращено внимание. Советы, по своему классовому составу, были органами движения рабочих и крестьян, готовой формой их диктатуры. Будь у них полнота власти, главный недостаток мелкобуржуазных слоев, главный грех их, доверчивость к капиталистам, изжился бы на практике, критиковался бы опытом их собственных мероприятий. Смена классов и партий, имеющих власть, могла бы внутри Советов, на почве их единовластия и всевластия, идти мирно; связь всех советских партий с массами могла бы оставаться прочной и неослабленной. Нельзя ни на минуту упускать из виду, что только эта теснейшая и свободнорастущая вширь и вглубь связь советских партий с массами могла бы помочь мирно изжить иллюзии мелкобуржуазного соглашательства с буржуазией. Переход власти к Советам не изменил бы сам по себе и не мог бы изменить соотношения классов; он ничего не изменил бы в мелкобуржуазности крестьянства. Но он своевременно сделал бы крупный шаг к отрыву крестьян от буржуазии, к сближению, а затем и к соединению их с рабочими.

Так могло бы быть, если бы власть своевременно перешла к Советам. Так было бы всего легче, всего выгоднее для народа. Такой путь был бы самый безболезненный, и потому за него надо было всего энергичнее бороться. Но теперь эта борьба, борьба за своевременный переход власти к Советам, окончилась. Мирный путь развития сделан невозможным. Начался немирный, наиболее болезненный путь.

Перелом 4 июля именно в том и состоит, что после него объективное положение круто изменилось. Колеблющееся состояние власти прекратилось, власть перешла в решающем месте в руки контр-революции. Развитие партий на почве соглашательства мелкобуржуазных партий эс-эров и меньшевиков с контрреволюционными кадетами привело к тому, что обе эти мелкобуржуазные партии оказались фактическими участниками и пособниками контр-революционного палачества. Несознательная доверчивость мелких буржуа к капиталистам довела первых, ходом

развития партийной борьбы, до сознательной поддержки ими контр-революционеров. Цикл развития партийных отношений закончился. 27 февраля все классы оказались вместе против монархии. После 4 июля контр-революционная буржуазия, об руку с монархистами и черной сотней, присоединила к себе мелкобуржуазных эс-эров и меньшевиков, частью запугав их, и отдала фактическую государственную власть в руки Кавеньяков, в руки военной шайки, расстреливающей неповинующихся на фронте, разгромляющих большевиков в Питере.

Лозунг перехода власти к Советам звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка. Этот лозунг, объективно, был бы обманом народа, внушением ему иллюзии, будто Советам и *теперь* достаточно пожелать взять власть или постановить это для получения власти, будто в Совете находятся еще партии, не запятнавшие себя пособничеством палачам, будто можно бывшее сделать небывшим.

Глубочайшей ошибкой было бы думать, что революционный пролетариат способен, так сказать, из «мести» эс-эрам и меньшевикам за их поддержку разгрома большевиков, расстрелов на фронте и разоружение рабочих, «отказаться» поддерживать их против контр-революции. Такая постановка вопроса была бы, во-первых, перенесением мещанских понятий о морали на пролетариат (ибо *для пользы дела* пролетариат поддержит всегда не только колеблющуюся мелкую буржуазию, но и крупную буржуазию); она была бы, во-вторых, — и это главное, — мещанской попыткой заменить посредством «морализирования» политическую суть дела.

Эта суть дела состоит в том, что власть нельзя уже сейчас мирно взять. Ее можно получить, только победив в решительной борьбе действительных обладателей власти в данный момент, именно военную шайку, Кавеньяков, опирающихся на привезенные в Питер реакционные войска, на кадетов и на монархистов.

Суть дела в том, что победить этих новых обладателей государственной власти могут только революционные массы народа, условием движения которых является не только то, чтобы они были руководимы пролетариатом, но и то, чтобы они отвернулись от предавших дело революции партий эс-эров и меньшевиков.

Кто вносит в политику мещанскую мораль, тот рассуждает так: допустим, что эс-эры и меньшевики сделали «ошибку», поддержав Кавеньяков, разоружающих пролетариат и революционные полки; но надо дать возможность им «поправить» ошибку, «не затруднять» им исправление «ошибки»; облегчить колебание мелкой буржуазии в сторону рабочих. Подобное рассуждение было бы детской наивностью или просто глупостью, если не новым обманом рабочих. Ибо колебание мелкобуржуазных масс в сторону рабочих состояло бы только в том, и именно в том,

*

что эти массы отвернулись бы от эс-эров и меньшевиков. Исправление «ошибки» партиями эс-эров и меньшевиков могло бы теперь состоять только в том, чтобы эти партии объявили Церетели и Чернова, Дана и Ракитникова пособниками палачей. Мы вполне и безусловно за такое «исправление» ошибки...

Коренной вопрос о революции есть вопрос о власти, сказали мы. Надо добавить: именно революции показывают нам на каждом шагу затемнение вопроса о том, *где* настоящая власть, показывают нам расхождение между формальной и реальной властью. Именно в этом и состоит одна из главных особенностей всякого революционного периода. В марте и апреле 1917 года неизвестно было, находится ли реальная власть в руках правительства или в руках Совета.

Теперь же особенно важно, чтобы сознательные рабочие посмотрели трезво на коренной вопрос революции: в чьих руках в данный момент государственная власть. Подумайте, каковы материальные ее проявления, не принимайте фразы за дела, и вы не затруднитесь ответом.

Государство есть прежде всего отряды вооруженных людей с материальными привесками вроде тюрем — писал Фридрих Энгельс [24]). Теперь это — юнкера, реакционные казаки, специально свезенные в Питер; это те, кто держит в тюрьме Каменева и других; кто закрыл газету «Правда»; кто разоружил рабочих и определенную часть солдат; кто расстреливает столь же определенную часть солдат; кто расстреливает столь же определенную часть войска в армии. Вот эти палачи, это — реальная власть. Церетели и Черновы — министры без власти, министры-куклы, вожди партий, поддерживающих палачество. Это — факт. И этот факт не меняется от того, что ни Церетели, ни Чернов лично, наверное, «не одобряют» палачество, что их газеты робко отговариваются от него: такое видоизменение политического наряда не меняет сути дела.

Закрытие органа 150.000 петроградских избирателей, убийство юнкерами рабочего Воинова (6 июля) за вынос из типографии «Листка Правды» — разве это не палачество? разве это не дело Кавеньяков? Ни правительство, ни Советы «не виноваты» в этом, — скажут нам.

Тем хуже для правительства и для Советов, — ответим мы, — ибо тогда, значит, они — нули; они марионетки, реальная власть не у них.

Народ должен прежде всего и больше всего знать *правду* — знать, в чьих же руках на деле государственная власть. Надо говорить народу всю правду: власть в руках военной клики Кавеньяков (Керенского, некиих генералов, офицеров и т. д.), кои поддерживает буржуазия, как класс, с партией к.-д. во главе ее, и со всеми монархистами, действующими через все черно-

сотенные газеты, чрез «Новое Время», «Живое Слово» и пр. и пр.

Эту власть надо свергнуть. Без этого все фразы о борьбе с контр-революцией пустые фразы, «самообман и обман народа».

Эту власть поддерживают сейчас и министры Церетели и Черновы, и их партии: надо разъяснять народу их палаческую роль и неизбежность такого «финала» этих партий после их «ошибок» 21 апреля, 5 мая, 9 июня, 4 июля, после их одобрения политики наступления, политики, на девять десятых предрешившей победу Кавеньяков в июле.

Всю агитацию в народе надо перестроить так, чтобы она учитывала конкретный опыт именно теперешней революции и в особенности июльских дней, т.-е., чтобы она ясно указывала настоящего врага народа, военную клику, кадетов и черносотенцев, и чтобы она определенно разоблачала те мелко-буржуазные партии, партии эс-эров и меньшевиков, которые сыграли и играют роль пособников палачества.

Всю агитацию в народе надо перестроить так, чтобы выяснить полнейшую безнадежность получения земли крестьянами, пока не свергнута власть военной клики, пока не разоблачены и не лишены народного доверия партии эс-эров и меньшевиков. Это был бы очень долгий и очень трудный процесс при «нормальных» условиях капиталистического развития, но и война, и экономическая разруха ускорят дело в громадных размерах. Это — такие «ускорители», которые месяц и даже неделю могут приравнять году.

Вероятно, против сказанного выше выдвинуты были бы два возражения: первое, что говорить сейчас о решительной борьбе значит поощрять разрозненные выступления, которые помогли бы именно контр-революции; второе, что ее свержение означает переход власти все же в руки Советов.

В ответ на первое возражение мы скажем: рабочие России уже достаточно сознательны, чтобы не поддаваться на провокацию в заведомо невыгодный для них момент. Что теперь выступать и сопротивляться им значило бы помочь контр-революции, это бесспорно. Что решительная борьба возможна лишь при новом подъеме революции в самых глубоких массах, это тоже бесспорно. Но не достаточно говорить о подъеме революции, о приливе ее, о помощи западных рабочих и т. д. вообще, надо сделать определенный вывод из нашего прошлого, надо учесть именно наши уроки. А этот учет даст именно лозунг решительной борьбы против захватившей власть контр-революции.

Второе возражение тоже сводится к подмену конкретных истин чересчур общими рассуждениями. Свержение буржуазной контр-революции не может дать ничего, никакая сила, кроме революционного пролетариата. Именно революционный пролетариат,

после опыта июля 1917 года, и должен самостоятельно взять в свои руки государственную власть — вне этого победы революции *быть не может.* Власть у пролетариата, поддержка его беднейшим крестьянством или полупролетариями, — вот единственный выход, и мы ответили уже, какие именно обстоятельства могут чрезвычайно ускорить его.

Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции, но *не* теперешние Советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу Советов, это так. Это не вопрос о Советах вообще, а вопрос о борьбе с *данной* контр-революцией и с предательством *данных* Советов.

Подменять конкретное абстрактным один из самых главных грехов, самых опасных грехов в революции. Данные Советы провалились, потерпели полный крах из-за господства в них партии эс-эров и меньшевиков. В данную минуту эти Советы похожи на баранов, которые приведены на бойню, поставлены под топор и жалобно мычат. Советы *теперь* бессильны и беспомощны перед победившей и побеждающей контр-революцией. Лозунг передачи власти Советам может быть понят, как «простой» призыв к переходу власти именно к данным Советам, а говорить это, призывать к этому значило бы теперь обманывать народ. Нет ничего опаснее обмана.

Цикл развития классовой и партийной борьбы в России с 27 февраля по 4 июля закончился. Начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые партии, не старые Советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные ходом борьбы. Надо смотреть не назад, а вперед. Надо оперировать не со старыми, а с новыми, послеиюльскими, классовыми и партийными категориями. Надо исходить, при начале нового цикла, из победившей буржуазной контр-революции, победившей благодаря соглашательству с ней эс-эров и меньшевиков, и могущей быть побежденной только революционным пролетариатом. В этом новом цикле, конечно, будут еще многоразличные этапы и до окончательной победы контр-революции и до окончательного поражения (без борьбы) эс-эров и меньшевиков и до нового подъема новой революции. Об этом однако говорить можно будет лишь позже, когда наметятся эти этапы в отдельности...

Написано в середине июля 1917 г.
Напечатано отдельной брошюрой в 1917 г.
в изд. Кронштадтского Комитета Р. С.-Д. Р. П.

Цѣна 10 коп.

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Рабочій и Солдатъ

№ 3. Среда. ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. 26-го Іюля 1917 г.

ОТВЕТ.

I.

В газетах от 22 июля напечатано сообщение «от прокурора Петербургской Судебной Палаты» о расследовании событий 3—5 июля и о привлечении к суду за измену и за организацию вооруженного восстания меня, вместе с рядом других большевиков [25]).

Правительство вынуждено было опубликовать это сообщение, ибо слишком уже скандально это гнусное дело, явно — для всякого грамотного человека — подделанное при участии клеветника Алексинского, в исполнение давних пожеланий и требований контр-революционной кадетской партии.

Но опубликованием сообщения правительство Церетели и К° сугубо осрамит себя, ибо грубость подделки теперь особенно бьет в глаза.

Я уехал из Петербурга, по болезни, в четверг 29 июня и вернулся только во вторник 4 июля утром. Но, само собою разумеется, что за все решительно шаги и меры, как Центрального Комитета нашей партии, так и вообще нашей партии в целом, я беру на себя полную и безусловную ответственность. На мое отсутствие мне необходимо было указать, чтобы объяснить мою неосведомленность насчет некоторых деталей и мою ссылку, главным образом, на появившиеся в печати документы.

Очевидно, что именно этого рода документы, особенно, если они появились во враждебной большевикам прессе, должны были прежде всего быть тщательно собраны, сведены вместе и проанализированы прокурором. Но «республиканский» прокурор, проводящий политику «социалистического» министра Церетели, именно этой своей, самой основной, обязанности не пожелал выполнить.

В министерской газете «Дело Народа» вскоре после 4 июля было признано, как факт, что большевики 2 июля в гренадерском полку выступали, агитировали против выступления.

Имел ли право прокурор умолчать об этом документе? Имел ли он основание скинуть со счета показание такого свидетеля?

А это показание устанавливает тот первостепенной важности факт, что движение нарастало стихийно и что большевики старались не ускорить, а отсрочить выступление.

Далее. Та же газета напечатала еще более важный документ, именно текст воззвания, подписанного Ц. К. нашей партии и составленного 3 июля ночью[26]). Это воззвание было составлено и сдано в набор уже после того, как движение, вопреки нашим усилиям, сдержать или, вернее, регулировать его, перелилось через край — после того, как выступление стало уже фактом.

Вся безмерная низость и подлость, все вероломство церетелевского прокурора проявляется именно в обходе им вопроса о том, когда именно, в какой день и час, до большевистского воззвания или после него, наступление началось.

В тексте же этого воззвания говорится о необходимости придать движению мирный, организованный характер.

Можно ли себе представить более смехотворное обвинение в «организации вооруженного восстания», как обвинение организации, в ночь на 4-е, т.-е. в ночь перед решающим днем, выпустившей воззвание о «мирном и организованном выступлении». И другой вопрос: чем отличается от прокуроров по делу Дрейфуса или по делу Бейлиса тот «республиканский» прокурор «социалистического» министра Церетели, прокурор, обходящий полным молчанием это воззвание?

Далее. Прокурор умалчивает о том, что 4-го ночью Ц. К. нашей партии составил воззвание о прекращении демонстрации и напечатал это воззвание в «Правде», которую именно в эту ночь разгромил отряд контр-революционных войск.

Далее. Прокурор умалчивает о том, что Троцкий и Зиновьев в ряде речей к рабочим и солдатам, подходившим к Таврическому Дворцу 4-го июля, призывали их разойтись после того, как они уже продемонстрировали свою волю.

Эти речи слушали сотни и тысячи людей. Пусть же каждый честный гражданин, который не хочет, чтобы его страну позорили подстраиванием «дел Бейлиса», позаботится о том, чтобы независимо от их партийной принадлежности слушатели этих речей сделали письменные заявления прокурору (оставив у себя копии), заявления относительно того, был ли призыв расходиться в речах Троцкого и Зиновьева. Порядочный прокурор сам бы обратился к населению с таким призывом, но где же это мыслимо, чтобы в министерстве Керенского, Ефремова, Церетели и К⁰ были порядочные прокуроры. И не пора ли русским гражданам самим заботиться о том, чтобы «дела Бейлиса» стали в их стране невозможны?

Кстати. Я лично, вследствие болезни, сказал только одну речь 4-го июля с балкона дома Кшесинской. Прокурор упоминает ее, пробует изложить ее содержание, но не только не называет свидетелей, а опять умалчивает о свидетельских показаниях, данных в печати. Я далеко не обладаю возможностью иметь полные комплекты газет, но все же видел два показания в печати: 1) в большевистском «Пролетарское Дело» (Кронштадт) и 2) в меньшевистской министерской «Рабочей Газете»[27]. Почему бы этими документами и гласным обращением к населению не проверить содержания моей речи?

Все содержание состояло в следующем: 1) извинение, что по случаю болезни я ограничиваюсь несколькими словами; 2) привет революционным кронштадтцам от имени питерских рабочих; 3) выражение уверенности, что наш лозунг «вся власть Советам» должен победить и победит, несмотря на все зигзаги исторического пути; 4) призыв «к выдержке, стойкости и бдительности».

Я останавливаюсь на этих частностях, чтобы не обходить того ничтожного, действительно фактического материала, который столь бегло, небрежно, неряшливо задет, едва только задет прокурором.

Но, конечно, главное не в частностях, а в общей картине, общем значении 4-го июля. Об этом хотя бы только подумать прокурор обнаружил полную неспособность.

Мы имеем прежде всего по этому вопросу ценнейшее показание в печати, сделанное ярым врагом большевизма, обливающим нас целым дождем ругательств и выражений ненависти, корреспондентом министерской «Рабочей Газеты». Этот корреспондент поместил свои личные наблюдения вскоре после 4 июля[28]. Точно устанавливаемые им факты сводятся к тому, что наблюдения и переживания автора разделяются на две резко различные половины, из которых вторую автор противополагает первой словами, что дело приняло для него «благоприятный оборот».

Первая половина переживаний состоит в том, что автор пробует защищать министров в бушующей толпе. Его подвергают оскорблениям, насилиям, наконец, личному задержанию. Автор выслушивает возгласы и лозунги, до последней степени возбужденные, из коих он в особенности запомнил: «смерть Керенскому» (за то, что он перешел к наступлению, «уложил 40.000 человек» и т. д.).

Вторая половина переживаний автора, давшая его делу «благоприятный», как он выражается, оборот, начинается с того момента, когда бушующая толпа приводит его «на суд» в дом Кшесинской. Там автора сейчас же отпускают на свободу.

Таковы факты, дающие автору повод извергнуть бездну ругательств против большевиков. Ругань со стороны политического

противника вещь естественная, особенно, когда этот противник — меньшевик, чувствующий, что массы, угнетенные капиталом и империалистскою войной, не с ним, а против него. Но ругань не меняет фактов, которые и в изложении самого бешеного врага большевиков говорят, свидетельствуют, что возбужденные массы доходили до лозунга «смерть Керенскому», а организация большевиков придала движению в общем и целом лозунг «вся власть Советам», что организация большевиков имела одна только моральный авторитет перед массой, побуждая ее отказаться от насилий.

Таковы факты. Пусть вольные и невольные слуги буржуазии кричат и бранятся по поводу нас, обвиняя большевиков в «потворстве стихии» и т. д. и т. п.

Мы, как представители партии революционного пролетариата, скажем, что наша партия всегда была и всегда будет вместе с угнетенными массами, когда они выражают свое тысячу раз справедливое и законное возмущение дороговизной, бездеятельностью и предательством «социалистических министров», империалистской войной и ее затягиванием. Наша партия исполнила свой безусловный долг, идя вместе с справедливо возмущенными массами 4-го июля и стараясь внести в их движение, в их выступление возможно более мирный и организованный характер. Ибо 4 июля еще возможен был мирный переход власти к Советам, еще возможно было мирное развитие вперед русской революции.

До какой степени глупа сказка прокурора об «организации вооруженного восстания», видно из следующего. Никто не оспаривает, что 4-го июля из находящихся на улицах Петербурга вооруженных солдат и матросов огромное большинство было на стороне нашей партии. Она имела полную возможность приступить к смещению и аресту сотен начальствующих лиц, к занятию десятков казенных и правительственных зданий и учреждений и т. п.

Ничего подобного сделано не было. Только люди, которые так запутались, что повторяют все небылицы, распространяемые контр-революционными кадетами, способны не видеть смехотворной нелепости утверждения, будто 3-го или 4-го июля имела место «организация вооруженного восстания».

Первым вопросом, который должно бы было поставить следствие, будь оно хоть сколько-нибудь похоже на следствие, явился бы вопрос: кто начал стрельбу, затем вопрос о том, сколько именно убитых и раненых с той и с другой стороны, при каких обстоятельствах имел место каждый случай убийства и нанесения ран.

Будь следствие похоже сколько-нибудь на следствие (а не на склочную статью в органах Данов, Алексинских и т. п.), тогда

обязанностью следователей было бы устроить гласный, открытый для публики, допрос свидетелей по этим вопросам с немедленной публикацией протоколов допроса.

Именно так поступали всегда следственные комиссии в Англии, когда Англия была свободной страной. Именно так или приблизительно так почувствовал себя обязанным поступить Исполнительный Комитет Совета в первую минуту, когда страх перед кадетами еще не затемнил окончательно его совести. Известно, что Исполнит. Комитет печатно обещал тогда два раза в день выпускать бюллетени о работах его следственной комиссии. Известно также, что Исполнит. Комитет (т.-е. эс-эры и меньшевики) обманул народ, дав это обещание, которое он не выполнил. Но текст этого обещания остался перед историей как признание со стороны наших врагов, признание того, что должен был бы сделать всякий сколько-нибудь честный следователь.

Поучительно во всяком случае отметить, что одной из первых буржуазных, бешено ненавидящих большевизм, газет, которая дала сообщение о стрельбе 4 июля, была вечерняя «Биржевка» от того же числа. И как раз из сообщения этой газеты вытекает, что стрельбу начали не демонстранты, что первые выстрелы были против демонстрантов!! Разумеется, «республиканский» прокурор «социалистического» министерства предпочел умолчать об этом свидетельском показании «Биржевки»!! А между тем это показание безусловно враждебной большевизму «Биржевки» вполне соответствует общей картине события, как ее представляет себе наша партия. Будь это событие вооруженным восстанием, тогда, конечно, повстанцы стреляли бы не в контр-манифестантов, а окружили бы определенные казармы, определенные здания, истребили бы определенные части войск и т. п. Напротив, если событие было демонстрацией против правительства, с контр-демонстрацией его защитников, то совершенно естественно, что стреляли первыми контр-революционеры отчасти из озлобления против громадной массы демонстрантов, отчасти с провокационными целями, и так же естественно, что демонстранты отвечали на выстрелы выстрелами.

Списки убитых, хотя, вероятно, и не совсем полные, были все же напечатаны в некоторых газетах (помнится в «Речи» и в «Деле Народа»)[29]. Прямым и первейшим долгом следствия было проверить, пополнить и официально напечатать эти списки. Уклониться от этого — значит прятать доказательства того, что стрельбу начали контр-революционеры.

В самом деле, уже беглый просмотр напечатанных списков показывает, что две главные и особенно ясные группы, казаки и матросы, насчитывают приблизительно равное число убитых. Возможно ли было бы такое явление, если бы 10.000 вооруженных матросов, пришедших 4-го июля в Питер и соединившихся с

рабочими и солдатами, особенно с пулеметчиками, имевшими много пулеметов, если бы они преследовали цели вооруженного восстания?

Ясно, что тогда число убитых на стороне казаков и других противников восстания было бы раз в 10 больше, ибо никто не оспаривает, что преобладание большевиков среди вооруженных людей на улицах Питера 4-го июля было гигантское. Об этом есть длинный ряд появившихся в печати свидетельских показаний противников нашей партии, и сколько-нибудь честное следствие, несомненно, собрало бы и опубликовало все эти показания.

Если число убитых приблизительно одинаково с обеих сторон, то это указывает на то, что стрелять начали именно контрреволюционеры против манифестантов, а манифестанты только отвечали. Иначе равенства числа убитых получиться не могло.

Наконец, из появившихся в печати сведений крайне важно следующее: убийства казаков известны 4-го июля, когда была открытая перестрелка между манифестантами и контр-манифестантами. Такие перестрелки бывают даже в нереволюционные времена при известном возбуждении населения; например, они нередки в романских странах, особенно на юге. Убийства же большевиков известны также за время позже 4 июля, когда никакой встречи возбужденных манифестантов и контр-манифестантов не было, когда, следовательно, убийство безоружного вооруженным было уже прямо палачеством. Таково убийство большевика Воинова на Шпалерной улице 6 июля.

Что же это за следствие, которое не собирает полностью даже появившегося в печати материала, о числе убитых с обеих сторон, о времени и обстоятельствах каждого случая причинения смерти? Это не следствие, а издевательство.

Понятно, что при таком характере «следствия» ждать от него хоть попытки исторически оценить 4 июля не доводится. А такая оценка необходима для всякого, кто хочет вдумчиво относиться к политике.

Кто попытается исторически оценить 3 или 4 июля, тот не сможет закрыть глаз на полнейшую однородность этого движения с движением 20 и 21 апреля.

В обоих случаях стихийный взрыв возмущения масс.

В обоих случаях выход вооруженных масс на улицу.

В обоих случаях перестрелка между манифестантами и контрманифестантами, при известном (приблизительно одинаковом) числе жертв с обеих сторон.

В обоих случаях противоправительственная манифестация особого вида (особенности эти перечислены выше) связана с глубоким и длительным кризисом власти.

В обоих случаях вспышка крайнего обострения в борьбе между революционными массами и контр-революционными элементами

буржуазии, при устранении на время с поля действия средних промежуточных, склонных к соглашательству элементов.

Различие между обоими движениями в том, что второе гораздо острее первого, и в том, что партии эс-эров и меньшевиков, нейтральные 20—21 апреля, запутавшись с тех пор в своей зависимости от контр-революционных кадетов (чрез коалиционное министерство и чрез политику наступления), оказались поэтому 3-го и 4-го июля на стороне контр-революции.

Контр-революционная партия к.-д. и после 20—21 апреля также нагло лгала, крича: «На Невском стреляли ленинцы», и также комедиантски требовала следствия. Кадеты и их друзья были тогда в большинстве в правительстве, следствие было, значит, всецело в их руках. Его начали, но бросили, ничего не опубликовав.

Почему? Очевидно, потому, что факты никак не подтверждали того, что хотелось кадетам. Другими словами: следствие от 20—21 апреля «затушили», ибо факты подтверждали, что стрельбу начали контр-революционеры, кадеты и их друзья. Это ясно.

То же самое было, видимо, 3—4 июля, и потому так груба, топорна подделка господина прокурора, который, чтобы доставить удовольствие Церетели и К°, издевается над всеми правилами сколько-нибудь добросовестного следствия.

Движение 3-го и 4-го июля было последней попыткой путем манифестации побудить Советы взять власть. С этого момента Советы, т.-е. господствующие в них эс-эры и меньшевики, фактически передают власть контр-революции, представляемой кадетами и поддерживаемой эс-эрами и меньшевиками. Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно, и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контр-революции, либо новая революция.

II.

Обвинение в шпионстве и в сношениях с Германией, это—уже чистейшее дело Бейлиса, на котором приходится остановиться совсем кратко. Здесь «следствие» просто повторяет клеветы известного клеветника Алексинского, особенно грубо подтасовывая факты.

Неверно, что арестованы были в 1914 году в Австрии я и Зиновьев. Арестован был только я.

Неверно, что я арестован был, как русский подданный. Я был арестован по подозрению в шпионстве: местный жандарм принял за «планы» диаграммы аграрной статистики в моих тетрадках! Видимо, тот австрийский жандарм стоял вполне на уровне Алексинского и группы «Единства». Но я, кажется, все-таки побил рекорд по части преследования интернационализма, ибо меня

в *обеих* воюющих коалициях преследовали, как шпиона, в Австрии — жандарм, в России — Алексинский, кадеты и К°.

Неверно, что в моем освобождении из тюрьмы в Австрии сыграл роль Ганецкий. Роль сыграл Виктор Адлер, стыдивший австрийские власти. Роль сыграли поляки, коим стыдно было, что в польской стране возможен такой гнусный арест русского революционера.

Гнусная ложь, что я состоял в сношениях с Парвусом, ездил в лагеря и т. д. Ничего подобного не было и быть не могло. Парвус в нашей газете «Социал-Демократ» был назван после первых же номеров парвусовского журнала «Колокол» — ренегатом, немецким Плехановым *). Парвус такой же социал-шовинист на стороне Германии, как Плеханов социал-шовинист на стороне России. Как революционные интернационалисты, мы ни с немецкими, ни с русскими, ни с украинскими социал-шовинистами («Союз освобождения Украины») не имели и не могли иметь ничего общего.

Штейнберг — член эмигрантского комитета в Стокгольме. Я первый раз видел его в Стокгольме. Штейнберг около 20 апреля или попозже приезжал в Питер и, помнится, хлопотал о субсидии эмигрантскому обществу. Проверить это прокурору совсем легко, если бы было желание проверить.

Прокурор играет на том, что Парвус связан с Ганецким, а Ганецкий связан с Лениным. Но это прямо мошеннический прием, ибо все знают, что у Ганецкого были денежные дела с Парвусом, а у нас с Ганецким — никакие.

Ганецкий, как торговец, служил у Парвуса, ибо торговал вместе. Но целый ряд русских эмигрантов, назвавших себя в печати, служили в предприятиях и учреждениях Парвуса.

Прокурор играет на том, что коммерческая переписка могла прикрывать сношения шпионского характера. Интересно, скольких членов партии к.-д., меньшевиков и эс-эров пришлось бы обвинить по этому великолепному рецепту за коммерческую переписку.

Но если прокурор имеет ряд телеграмм Ганецкого к Суменсон (эти телеграммы уже напечатаны), если прокурор знает, в каком банке, сколько и когда было денег у Суменсон (а прокурор печатает пару цифр этого рода), то отчего бы прокурору не привлечь к участию в следствии двух, трех конторских или торговых служащих? Ведь они бы в два дня дали ему полную выписку из всех торговых книг и из книг банков?

Едва ли в чем еще так наглядно обнаружился характер этого «дела Бейлиса», как в том, что прокурор приводит лишь отрывочные цифры: «Суменсон за полгода сняла со своего теку-

*) См. XVIII том Сочинений, ст. «У последней черты». *Ред.*

щего счета 750.000 руб., у псе осталось 180.000 р.». Если уже печатать цифры, отчего же не печатать полностью: когда именно, у кого именно Суменсон получала деньги «за полгода» и кому платила? Когда именно и какие именно партии товара получались?

Чего же легче, как такие полные цифры собрать? Это в два, три дня можно и должно было сделать! Это вскрыло бы весь круг коммерческих дел Ганецкого и Суменсон! Это не оставило бы места темным намекам, коими прокурор оперирует!

Самая грязная и гнусная клевета Алексинского, переписанная на «государственный» манер чиновниками министерства Церетели и К°, — вот как низко пали эс-эры и меньшевики!

III.

Было бы, конечно, величайшей наивностью принимать «судебные дела», поднятые министерством Церетели, Керенского и К° против большевиков, за действительные судебные дела. Это была бы совершенно непростительная конституционная иллюзия.

Эс-эры и меньшевики, войдя в коалицию с контр-революционными кадетами 6 мая и приняв политику наступления, т.-е. возобновления и затягивания империалистской войны, оказались неизбежно в плену у кадетов.

Как пленники, они вынуждены участвовать в самых грязных делах кадетов, в самых подлых, клеветнических подвохах их.

«Дело» Чернова быстро начинает просвещать и отсталых, т.-е. подтверждает правильность этого нашего взгляда. А за Черновым «Речь» травит уже и Церетели, как «лицемера» и «циммервальдиста».

Теперь и слепые увидят, и камни заговорят.

Контр-революция сплачивается. Кадеты — вот ее основа. Штаб и военные начальники, Керенский в их руках, черносотенные газеты к их услугам — таковы союзники буржуазной контр-революции.

Гнусные клеветы на политических противников помогут пролетариату поскорее понять, где контр-революция, и смести ее во имя свободы, мира, хлеба голодным, земли крестьянам.

«Рабочий и Солдат» №№ 3 и 4,
8 и 9 августа (26 и 27 июля) 1917 г.
Подпись: Н. Ленин.

О КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЛЛЮЗИЯХ [30]).

Конституционными иллюзиями называется политическая ошибка, состоящая в том, что люди принимают за существующий нормальный правовой упорядоченный, подзаконный, короче: «конституционный» порядок, хотя его в действительности не существует. Может показаться на первый взгляд, что в современной России, в июле 1917 года, когда конституции никакой еще не выработано, не может быть и речи о возникновении конституционных иллюзий. Но это — глубокая ошибка. На самом деле весь гвоздь всего современного политического положения в России *) состоит в том, что чрезвычайно широкие массы населения проникнуты конституционными иллюзиями. Нельзя ровно ничего понять в современном политическом положении в России *), не поняв этого. Нельзя сделать решительно ни одного шага к правильной постановке тактических задач в современной России, не поставив во главу угла систематическое и беспощадное разоблачение конституционных иллюзий, раскрытие всех их корней, восстановление правильной политической перспективы.

Возьмем три мнения, наиболее типичных для современных конституционных иллюзий, и разберем их повнимательнее.

Первое мнение: наша страна переживает канун Учредительного Собрания; поэтому все происходящее теперь имеет временный, переходящий, не очень существенный, не решающий характер, все будет вскоре пересмотрено и окончательно установлено Учредительным Собранием. Второе мнение: известные партии, — напр., эс-эры или меньшевики или союз их, — имеют явное и несомненное большинство в народе или в «влиятельнейших» учреждениях, вроде Советов, поэтому воля этих партий, этих учреждений, как и вообще воля большинства народа, не может быть обойдена, или тем более нарушена в республиканской, демократической, революционной России. Третье мнение: известная мера, напр., закрытие газеты «Правда», не узаконена ни Временным Правительством, ни Советами; поэтому она является

---

*) В печатном тексте «в» опущено. *Ред.*

лишь эпизодом, случайным явлением, она никак не может быть рассматриваема, как нечто решающее.

Перейдем к разбору каждого из этих мнений.

I.

Созыв Учредительного Собрания обещан Временным Правительством еще первого состава. Оно признало главной своей задачей доведение страны до Учредительного Собрания. Временное Правительство второго состава назначило срок созыва Учредительного Собрания на 30 сентября. Временное Правительство 3-го состава, после 4 июля, торжественнейшим образом подтвердило этот срок.

А между тем 99 шансов из 100 за то, что в этот срок Учредительное Собрание созвано не будет. Будь оно созвано в этот срок, 99 шансов из ста опять-таки за то, что оно будет столь же бессильно и никчемно, как первая Дума, пока не победит вторая революция в России. Чтобы убедиться в этом, достаточно отвлечься хоть на минуту от той шумихи фраз, обещаний и мелочей дня, которая засоряет мозги, и поглядеть на основное, на всеопределяющее в общественной жизни: на классовую борьбу.

Что буржуазия в России теснейшим образом сплилась с помещиками, это ясно. Вся пресса, все выборы, вся политика партии к.-д. и партий правее их, все выступления «съездов» «заинтересованных» лиц доказывают это.

Буржуазия превосходно понимает то, чего не понимают мелкобуржуазные болтуны из эс-эров и «левых» меньшевиков, именно, что *нельзя* отменить частную собственность на землю в России и притом без выкупа, без гигантской экономической революции, без взятия под общенародный контроль банков, без национализации синдикатов, без ряда самых беспощадных революционных мер против капитала. Буржуазия превосходно понимает это. И в то же время она не может не знать, не видеть, не осязать, что громадное большинство крестьян в России не только выскажется теперь за конфискацию помещичьих земель, но и окажется значительно левее Чернова. Ибо буржуазия знает больше нашего, как о том, сколько частичных уступочек делал он, Чернов, хотя бы с 6 мая по 2 июля в вопросах об оттягивании и урезывании различных крестьянских требований, так и о том, сколько труда стоило *правым* эс-эрам (Чернов ведь считается у эс-эров «центром»!) на крестьянском съезде и в Исполнительном Комитете Всероссийского Совета крестьянских депутатов «успокаивать» крестьян и кормить их завтраками.

Буржуазия отличается от мелкой буржуазии тем, что из своего экономического и политического опыта она извлекла понимание условий сохранения «порядка» (т.-е. порабощение масс) при капиталистическом строе. Буржуа — люди деловые, люди крупного

торгового расчета, привыкшие и к вопросам политики подходить строго деловым образом, с недоверием к словам, с уменьем брать быка за рога.

Учредительное Собрание в современной России даст большинство крестьянам более левым, чем эс-эры. Это буржуазия знает. Зная это, она не может не бороться самым решительным образом против скорого созыва Учредительного Собрания. Вести империалистскую войну в духе тайных договоров, заключенных Николаем II, отстаивать помещичье землевладение или выкуп, все это — невозможное или неимоверно трудное дело *при* Учредительном Собрании. Война не ждет. Классовая борьба не ждет. Даже короткий промежуток времени с 28 февраля по 21 апреля наглядно показал это.

С самого начала революции наметились два взгляда на Учредительное Собрание. Эс-эры и меньшевики, насквозь пропитанные конституционными иллюзиями, смотрели на дело с доверчивостью мелкого буржуа, не желающего знать классовой борьбы: Учредительное Собрание провозглашено *), Учредительное Собрание будет, и баста! Что сверх того, то от лукавого. А большевики говорили: лишь в меру укрепления силы и власти Советов созыв Учредительного Собрания и успех его обеспечен. У меньшевиков и эс-эров центр тяжести переносился на юридический акт: провозглашение, обещание, декларирование созыва Учредительного Собрания. У большевиков центр тяжести переносился на классовую борьбу: если Советы победят, Учредит. Собрание будет обеспечено, если нет, оно не обеспечено.

Так и вышло. Буржуазия все время вела то скрытую, то явную, но непрерывную, неуклонную борьбу против созыва Учред. Собрания. Эта борьба выражалась в желании оттянуть его созыв до окончания войны. Эта борьба выражалась в ряде оттяжек назначенного срока созыва Учред. Собрания. Когда, наконец, после 18 июля, более месяца спустя после образования коалиционного министерства, был назначен срок созыва Учред. Собрания, московская буржуазная газета заявила, что это сделано под влиянием агитации большевиков. В «Правде» была приведена точная цитата из этой газеты [31]).

После 4-го июля, когда услужливость и запуганность эс-эров и меньшевиков дала «победу» контр-революции, в «Речи» проскользнуло краткое, но в высшей степени замечательное выражение: «возможно скорый» созыв Учредительного Собрания!! А 16-го июля в «Воле Народа» и в «Русской Воле» появляется заметка, что кадеты требуют отсрочки созыва Учредительного Собрания под предлогом «невозможности» созвать его в такой

---

*) В печатном тексте слова: «Учредительное Собрание провозглашено» опущены. *Ред.*

«короткий» срок, и лакействующий перед контр-революцией меньшевик Церетели соглашается уже, согласно этой заметке, на отсрочку до 20 ноября[32])!

Нет сомнения, что подобная заметка могла проскользнуть только против воли буржуазии. Ей невыгодны такие «разоблачения». Но шила в мешке не утаишь. Распоясавшаяся после 4-го июля контр-революция пробалтывается. Первый же захват власти контр-революционной буржуазией после 4-го июля сопровождается немедленно шагом (и очень серьезным шагом) *против* созыва Учредительного Собрания.

Это факт. И этот факт вскрывает всю пустоту конституционных иллюзий. Без новой революции в России, без свержения власти контр-революционной буржуазии (кадетов в первую голову) *), без отказа народом в доверии партиям эс-эров и меньшевиков, партиям соглашательства с буржуазией, Учредительное Собрание либо не будет собрано вовсе, либо будет «франкфуртской говорильней», бессильным, никчемным собранием мелких буржуа, до-смерти запуганных войной и перспективой «бойкота власти» буржуазией, беспомощно мечущихся между потугами править без буржуазии и боязнью обойтись без буржуазии.

Вопрос об Учредительном Собрании *подчинен* вопросу о ходе и исходе классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом. Помнится, «Рабочая Газета» сболтнула, однажды, что Учредительное Собрание будет конвентом[33]). Это — один из образцов пустой, жалкой, презренной похвальбы наших меньшевистских лакеев контр-революционной буржуазии. Чтобы не быть «франкфуртской говорильней» или Первой Думой, чтобы быть конвентом, для этого надо сметь, уметь, иметь силу наносить беспощадные удары контр-революции, а не соглашаться с нею. Для этого надо, чтобы власть была в руках самого передового, самого решительного, самого революционного для данной эпохи класса. Для этого надо, чтобы он был поддержан всей массой городской и деревенской бедноты (полупролетариев). Для этого нужна беспощадная расправа **) с контр-революционной буржуазией прежде всего, т.-е. с кадетами и командными верхами армии прежде всего ***). Таковы реальные, классовые, материальные условия конвента. Достаточно точно и ясно перечислить эти условия, чтобы понять, как смешна похвальба «Рабочей Газеты», как бездонно глупы конституционные иллюзии эс-эров и меньшевиков насчет Учредительного Собрания в современной России.

---

*) В печатном тексте слова: «без свержения власти контр-революционной буржуазии (кадетов в первую голову)» опущены. *Ред.*

**) В печатном тексте вместо: «беспощадная расправа» — «решительная борьба». *Ред.*

***) В печатном тексте слова: «т.-е. с кадетами и командными верхами армии прежде всего» опущены. *Ред.*

*

II.

Бичуя мелкобуржуазных «социал-демократов» 1848 года, Маркс особенно жестоко клеймил их безудержное фразерство насчет «народа» и большинства народа вообще [34]). Именно это уместно вспомнить при разборе второго мнения при анализе конституционных иллюзий насчет «большинства».

Чтобы большинство действительно решало в государстве, для этого нужны определенные реальные условия. Именно: должен быть просто установлен такой государственный порядок, такая государственная власть, которая давала бы возможность решать дела по большинству и обеспечивала превращение этой возможности в действительность. Это с одной стороны. С другой стороны необходимо, чтобы это большинство по своему классовому составу, по соотношению тех или иных классов внутри этого большинства (и вне его) *могло* дружно и успешно везти государственную колесницу. Для всякого марксиста ясно, что эти два реальные условия играют решающую роль в вопросе о большинстве народа и о ходе государственных дел, согласно воле этого большинства. А между тем вся политическая литература эс-эров и меньшевиков, а еще более все политическое поведение их обнаруживает полнейшее непонимание этих условий.

Если политическая власть в государстве находится в руках такого класса, интересы коего совпадают с интересами большинства, тогда управление государством действительно согласно воле большинства возможно.

Если же политическая власть находится в руках класса, интересы коего с интересами большинства расходятся, тогда всякое правление по большинству неизбежно превращается в обман или подавление этого большинства. Всякая буржуазная республика показывает нам сотни и тысячи примеров этого. В России буржуазия господствует и экономически и политически. Интересы ее *), особенно во время империалистской войны, самым резким образом расходятся с интересами большинства. Поэтому весь гвоздь вопроса, при материалистической, марксистской, а не формально-юридической постановке его, состоит в разоблачении этого расхождения, в борьбе против обмана масс буржуазией.

Наши эс-эры и меньшевики, наоборот, вполне доказали и показали свою действительную роль, как орудия обмана масс («большинства») буржуазией, проводников и пособников такого обмана. Как бы искренни ни были отдельные лица эс-эров и меньшевиков, их основные политические идеи — будто можно вырваться из империалистской войны к «миру без аннексий и контрибуций», без диктатуры пролетариата и победы социа-

*) В печатном тексте слово «ее» опущено. *Ред.*

лизма, будто возможен переход земли к народу без выкупа и «контроль» над производством в интересах народа без того же самого условия, — эти основные политические (и экономические, конечно) идеи эс-эров и меньшевиков представляют из себя объективно именно мелкобуржуазный самообман или, что то же, обман масс («большинства») буржуазией.

Вот наша первая и главная «поправка» к постановке вопроса о большинстве мелкобуржуазными демократами, социалистами луи-блановского типа, эс-эрами и меньшевиками: чего стоит на деле «большинство», когда большинство само по себе есть лишь момент формальный, а материально, в действительности, это большинство есть большинство партий, проводящих в жизнь обман этого большинства буржуазией?

И конечно — здесь мы подходим ко второй «поправке», ко второму из указанных выше основных обстоятельств,— конечно, этот обман можно правильно понять, лишь выяснив его классовые корни и его классовое значение. Это не личный обман, не «жульничество» (выражаясь грубо), это обманчивая идея, вытекающая из экономического положения класса. Мелкий буржуа находится в таком экономическом положении, его жизненные условия таковы, что он не может не обманываться, он тяготеет невольно и неизбежно то к буржуазии, то к пролетариату. Самостоятельной «линии» у него *экономически* быть *не* может.

Его прошлое влечет его к буржуазии, его будущее к пролетариату. Его рассудок — тяготеет к последнему, его предрассудок (по известному выражению Маркса) к первой. Чтобы большинство народа могло стать действительным большинством в управлении государством, действительным служением интересам большинства, действительной охраной его прав и так далее, для этого нужно определенное классовое условие. Это условие: присоединение большинства мелкой буржуазии, по крайней мере, в решающий момент и в решающем месте, к революционному пролетариату.

Без этого большинство есть фикция, которая может держаться некоторое время, блистать, сверкать, шуметь, пожинать лавры, но которая все же с абсолютной неизбежностью осуждена на крах. Именно таков, между прочим, крах большинства, имевшегося у эс-эров и меньшевиков, обнаружившийся в русской революции в июле 1917 года.

Далее. Революция именно тем и отличается от «обычного положения» дел в государстве, что спорные вопросы государственной жизни решает непосредственно борьба классов и борьба масс вплоть до вооруженной борьбы *). Иначе не может быть, раз массы

*) В печатном тексте слова: «до вооруженной борьбы» заменены словами: «до решительных ее форм». *Ред.*

свободны и вооружены. Из этого основного факта вытекает то, что в революционное время недостаточно выявить «волю большинства», — нет, надо *оказаться сильнее* в решающий момент в решающем месте, надо *победить*. Начиная с средневековой «крестьянской войны» в Германии и продолжая всеми крупными революционными движениями и эпохами вплоть до 1848 и 1871 годов, вплоть до 1905 года мы видим бесчисленные примеры тому, как более организованное, более сознательное, лучше вооруженное меньшинство навязывает свою волю большинству, побеждая его.

Фр. Энгельс особенно подчеркивал урок опыта, объединяющий до известной степени крестьянское восстание XVI века и революцию 1848 года в Германии, именно: разрозненность выступлений, отсутствие централизации у угнетенных масс, связанное с их мелкобуржуазным жизненным положением [35]). И, с этой стороны подходя к делу, мы приходим к тому же выводу: простое большинство мелкобуржуазных масс еще ничего не решает и решить не может, ибо организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев *только* руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата.

В конце концов, решает, как известно, вопросы общественной жизни классовая борьба в ее самой резкой, самой острой форме, именно в форме гражданской войны. А в этой войне, как и во всякой войне, решает — это тоже известный и никем в принципе не оспариваемый факт — экономика. Крайне характерно и знаменательно, что ни эс-эры, ни меньшевики, не отрицая этого «в принципе» и превосходно сознавая капиталистический характер современной России, не решаются трезво посмотреть в лицо правде. Они боятся признать правду, именно: основное деление всякой капиталистической страны, России в том числе, на три коренные, главные силы: буржуазию, мелкую буржуазию и пролетариат. О первой и о третьей говорят все, их признают все. Вторую — то-есть как раз *большинство* по численности! — не хотят трезво оценить ни с экономической, ни с политической, ни с военной точки зрения.

Правда глаза колет — к этому сводится боязнь самопознания эс-эров и меньшевиков.

III.

Закрытие «Правды», когда мы начинали данную статейку, было только «случайным» фактом, еще не закрепленным государственной властью. Теперь, после 16-го июля, эта власть формально закрыла «Правду».

Это закрытие, если взглянуть на него исторически, в целом, во всем процессе подготовки и осуществления этой меры, про-

ливает замечательно яркий свет на «сущность конституции» в России и на опасность конституционных иллюзий.

Известно, что кадетская партия, с Милюковым и газетой «Речь» во главе, уже с апреля месяца требует репрессий против большевиков. В самых различных формах, от «государственных» статей «Речи» вплоть до многократных восклицаний Милюкова «арестовать» (Ленина и других большевиков), это требование репрессий составляло одну из главных, если не главную, часть политической программы кадетов в революции.

Задолго до придуманного и сочиненного Алексинским и К⁰ в июне и в июле гнусно-клеветнического обвинения в немецком шпионстве или в получении немецких денег, задолго до столь же клеветнического, противоречащего общеизвестным фактам и опубликованным документам, обвинения в «вооруженном восстании» или в «мятеже», — задолго до всего этого кадетская партия систематически, неуклонно, непрестанно требует репрессий против большевиков. Если теперь это требование осуществлено, то какого же мнения надо быть о честности или о сообразительности тех людей, которые забывают или делают вид, что забывают настоящий классовый и партийный источник этого требования? Как же не назвать грубейшей фальсификацией или невероятным в политике тупоумием, если эс-эры и меньшевики тщатся теперь представить дело так, будто они верят в «случайный» или «единичный», 4-го июля появившийся «повод» к репрессиям против большевиков? Есть же в самом деле пределы извращения бесспорно исторических истин!

Достаточно сравнить движение 20 — 21 апреля с движением 3 — 4 июля, чтобы сразу убедиться в их однородном характере: стихийный взрыв недовольства, нетерпения и возмущения масс, провокационные выстрелы справа, убитые на Невском, клеветнические вопли буржуазии и кадетов, в особенности, что, де, «ленинцы стреляли на Невском», крайнее озлобление и обострение борьбы между пролетарской массой и буржуазией; полнейшая растерянность мелкобуржуазных партий, эс-эров и меньшевиков, гигантский размах колебаний в их политике и в вопросе о государственной власти вообще, — все эти объективные факты характеризуют оба движения. А 9 — 10 и 18 июня в другой форме показывают нам совершенно такую же классовую картину.

Ход событий яснее ясного: все большее нарастание недовольства, нетерпения и возмущения масс, все большее обострение борьбы между пролетариатом и буржуазией, в особенности из-за влияния на мелкобуржуазные массы, а в связи с этим два крупнейших исторических события, подготовивших зависимость эс-эров и меньшевиков от контр-революционных кадетов. Эти события: коалиционное министерство 6 мая, в котором эс-эры и меньшевики оказались прислужниками буржуазии, все более и более

запутываясь в сделки и соглашения с нею, в тысяче «услуг» ей, в оттяжке необходимейших революционных мер, а затем наступление на фронте. Наступление неизбежно означало возобновление империалистской войны, гигантское усиление влияния, веса, роли империалистской буржуазии, широчайшее распространение шовинизма в массах, наконец last but not least (последнее по счету, но не по важности) передачу власти, сначала военной, а потом и государственной вообще в руки контр-революционных командных верхов армии.

Таков ход исторических событий, углублявший и обострявший классовые противоречия с 20 — 21 апреля по 3 — 4 июля и позволивший контр-революционной буржуазии после 4 июля осуществить то, что уже 20 — 21 апреля с полнейшей ясностью обрисовалось как ее программа и тактика, ее ближайшая цель и ее «чистенькие» средства, долженствующие вести к цели.

Нет ничего бессодержательнее с исторической точки зрения, нет ничего более жалкого теоретически и более смешного практически, как мещанские хныканья по поводу 4 июля (повторяемые, между прочим, и Л. Мартовым) насчет того, что большевики «ухитрились» нанести себе поражение, что их «авантюризм» вызвал его и так далее и тому подобное. Все эти хныканья, все эти рассуждения, что «не надо бы» участвовать (в попытке придать «мирный и организованный» характер архи-законному недовольству и возмущению масс!!), — либо сводятся к ренегатству, если исходят от большевиков, либо являются обычным для мелкого буржуа проявлением обычной его запуганности и запутанности. На самом деле движение 3 — 4 июля с такой же неизбежностью выросло из движения 20 — 21 апреля и после него, с какой лето следует за весной. Безусловным долгом пролетарской партии было оставаться с массами, стараясь придать наиболее мирный и организованный характер их справедливым выступлениям, не отходить в сторону, не умывать себе по-Пилатовски руки на том педантском основании, что масса не организована до последнего человека и что в ее движении бывают эксцессы (точно не было эксцессов 20 — 21 апреля! точно было в истории хотя одно серьезное движение масс без эксцессов!).

А поражение большевиков после 4 июля с исторической неизбежностью вытекло из всего предыдущего хода событий именно потому, что мелкобуржуазная масса и ее вожди, эс-эры и меньшевики, 20 — 21 апреля не были еще связаны наступлением, не были еще запутаны в «коалиционном министерстве» сделочками с буржуазией, а к 4 июля они связали себя и запутали настолько, что не могли не сказать: согласны к сотрудничеству (в репрессиях, в клеветах, в палачестве) с контр-революционными кадетами. Эс-эры и меньшевики окончательно скатились 4-го июля в помойную яму контр-революционности, потому что они неуклонно

катились в эту яму в мае и в июне, в коалиционном министерстве и в одобрении политики наступления.

Мы несколько отклонились, повидимому, от своей темы, от вопроса о закрытии «Правды», к вопросу об исторической оценке 4-го июля. Но это только повидимому, ибо одного нельзя понять без другого. Мы видели, что закрытие «Правды», аресты большевиков и другие преследования их представляют из себя, если взглянуть на суть дела и на связь событий, не что иное, как выполнение давней программы контр-революции и кадетов в частности.

Крайне поучительно теперь рассмотреть, *кто* именно и какими приемами осуществил эту программу.

Взглянем на факты. 2 и 3 июля движение нарастает, массы кипят, возмущенные бездействием правительства, дороговизной, разрухой, наступлением. Кадеты уходят, играя «в поддавки» и ставя ультиматум эс-эрам и меньшевикам, предоставляя им, привязанным к власти, но не имеющим власти, расплачиваться за поражение и за возмущение масс.

Большевики 2-го и 3-го удерживают от выступления. Это признал *даже* свидетель из «Дела Народа», рассказав о том, что было 2 июля в Гренадерском полку [36]). 3-го вечером движение переливает через край, а большевики составляют воззвание о необходимости придать движению «мирный и организованный» характер. 4-го июля провокационные выстрелы справа увеличивают число жертв стрельбы с обеих сторон: надо подчеркнуть, что обещание Исполн. Комитета расследовать события, выпускать дважды в день бюллетени и проч. и проч. осталось пустым обещанием! Ровно ничего эс-эры и меньшевики не сделали, *даже* полного списка убитых с обеих сторон они не опубликовали!!

4-го ночью большевики составили воззвание о прекращении выступлений и той же ночью оно напечатано в «Правде». Но в эту самую ночь начинается, во-первых, приход контр-революционных войск в Питер (видимо, по призыву или с согласия эс-эров и меньшевиков, их Советов, при чем, конечно, об этом «деликатном» пункте до сих пор, по миновании самомалейшей надобности в тайне, больше всего и строже всего хранят молчание!). Во-вторых, в эту же ночь начинаются погромы большевиков отрядами юнкеров и тому под., действующими по поручению командующего войсками Половцева и генерального штаба. С 4-го на 5-ое громят «Правду». 5-го и 6-го громят типографию «Труд», убивают рабочего Воинова среди белого дня за то, что он выносил «Листок Правды» из типографии, производят обыски и аресты большевиков, разоружают революционные полки.

Кто начал все это выполнять? Не правительство и не Совет, а контр-революционная военная шайка, сконцентрированная около

генерального штаба, действующая от имени «контр-разведки», пускающая в ход фабрикат Переверзева и Алексинского, дабы «поднять ярость» войск и так далее.

Правительство отсутствует, Советы отсутствуют; они дрожат за свою собственную судьбу, они получают ряд сообщений, что казаки могут придти и разгромить их. Черносотенная и кадетская пресса, проведшая травлю против большевиков, начинает травлю против Советов.

Эс-эры и меньшевики связали себя всей своей политикой по рукам и по ногам. Как связанные люди, звали они (или терпели призыв) контр-революционные войска в Питер. А это связало их еще более. Они скатились на самое дно отвратительной контр-революционной ямы. Они трусливо распускают свою собственную комиссию, назначенную расследовать «дело» большевиков. Они подло выдают большевиков контр-революции. Они униженно участвуют в демонстрации похорон убитых казаков, целуют таким образом руку контр-революционерам.

Они связанные люди. Они на дне ямы.

Они мечутся, отдавая портфель Керенскому, идя в Каноссу к кадетам, устраивая «Земский собор», или «коронацию» контр-революционного правительства в Москве [37]). Керенский увольняет Половцева.

Но эти метания остаются метаниями, нисколько не меняя *сути дела*. Керенский увольняет Половцева и в то же время оформливает, узаконяет *меры* Половцева, его политику, закрывает «Правду», вводит смертную казнь для солдат, запрещение митингов на фронте, продолжает аресты большевиков (даже Коллонтай!) по программе Алексинского.

«Сущность конституции» в России определяется с поразительной ясностью: наступление на фронте и коалиция с кадетами в тылу сваливает эс-эров и меньшевиков в яму контр-революции. *На деле* государственная власть переходит в ее руки, в руки военной шайки. Керенский и правительство Церетели и Чернова *лишь ширма ей,* они вынуждены *задним числом* узаконять ее меры, ее шаги, ее политику.

Торговля Керенского, Церетели, Чернова с кадетами имеет второстепенное, если не десятистепенное, значение. Победят ли кадеты в этой торговле, продержатся ли еще Церетели и Чернов «одни», суть дела не изменится, поворот эс-эров и меньшевиков к контр-революции (поворот, вынужденный всей их политикой с 6 мая) остается основным, главным решающим фактом.

Цикл партийного развития завершился. Эс-эры и меньшевики катились со ступеньки на ступеньку, от «доверия» к Керенскому 28 февраля к 6-му мая, привязавшего их к контр-революции, к 5-му июля, когда они скатились к ней до низу.

Начинается новая полоса. Победа контр-революции вызывает разочарование масс в партиях эс-эров и меньшевиков и открывает дорогу для их перехода к политике поддержки революционного пролетариата.

Написано 8 августа (26 июля) 1917 г.
«Рабочий и Солдат» [88] *№№ 11 и 12, 17 и 18 (4 и 5) августа 1917 г.*

Печатается по рукописи.

НАЧАЛО БОНАПАРТИЗМА.

Самая большая, самая роковая ошибка, которую могли бы теперь, после образования министерства Керенского, Некрасова, Авксентьева и К⁰ [39]), сделать марксисты, состояла бы в принятии слова за дело, обманчивой внешности за сущность или вообще за нечто серьезное.

Предоставим это занятие меньшевикам и эс-эрам, которые играют уже прямо-таки роль шутов гороховых около бонапартиста Керенского. В самом деле, разве же это не шутовство, когда Керенский, явно под диктовку кадетов, составляет нечто вроде негласной директории из себя, Некрасова, Терещенко и Савинкова, умалчивает и об Учр. Собрании и вообще о декларации 8 июля [40]), провозглашает в обращении к населению священное единение между классами, заключает на никому не известных условиях соглашение с поставившим наглейший ультиматум Корниловым, продолжает политику скандально-возмутительных арестов, а Черновы, Авксентьевы и Церетели занимаются фразерством и позерством.

Неужели это не шутовство, когда Чернов занялся в такое время вызовом на третейский суд Милюкова, когда Авксентьев декламирует о непригодности узко-классовой точки зрения, когда Церетели и Дан проводят в Центральном Исполнительном Комитете Советов пустейшие, начиненные бессодержательнейшими фразами, резолюции, напоминающие худшие времена бессилия кадетской Первой Думы перед лицом царизма.

Как кадеты в 1906 году проституировали первое собрание народных представителей в России, сведя его к жалкой говорильне, перед лицом крепнущей царистской контр-революции, так эс-эры и меньшевики в 1917 году проституировали Советы, сведя их к жалкой говорильне перед лицом крепнущей бонапартистской контр-революции.

Министерство Керенского, несомненно, есть министерство первых шагов бонапартизма.

Перед нами на лицо основной исторический признак бонапартизма: лавирование, опирающейся на военщину (на худшие эле-

менты войска) государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравновешивающими друг друга.

Классовая борьба между буржуазией и пролетариатом обострена до крайних пределов: и 20—21 апреля и 3—5 июля страна была на волосок от гражданской войны. Разве это социально-экономическое условие не представляет из себя классической почвы бонапартизма? А ведь к этому условию присоединяются другие, вполне ему родственные; буржуазия рвет и мечет против Советов, но она *еще* бессильна сразу разогнать их, а они *уже* бессильны, проституированные господами Церетели, Черновыми и К°, оказать серьезное сопротивление буржуазии.

Помещики и крестьянство живут тоже в обстановке кануна гражданской войны: крестьяне требуют земли и воли, их может, если может, сдержать только бонапартистское правительство, способное раздавать самые беспардонные обещания всем классам и ни одного обещания не выполняющее.

Добавьте к этому момент вызванных авантюрой наступления военных поражений, когда особенно ходки фразы о спасении родины (прикрывающие желание спасти империалистскую программу буржуазии), и вы увидите перед собой самую полную картину социально-политической обстановки бонапартизма.

Не будем же обманываться фразами. Не дадим ввести себя в заблуждение тем, что перед нами только еще первые шаги бонапартизма. Именно первые-то шаги и надо уметь разгадать, чтобы не попасть в смешное положение туповатого филистера, который будет ахать по поводу второго шага, хотя сам же помогал первому.

Ничем иным, как тупым филистерством, были бы теперь конституционные иллюзии вроде того, напр., что настоящее министерство, пожалуй, левее всех предыдущих (см. «Известия») или что благожелательная критика Советов может исправить ошибки правительства, или что произвольные аресты и закрытия газет были единичны и следует надеяться, что они не повторятся, или что Зарудный честный человек и в республиканской демократической России возможен правильный суд, на который всем надо являться, и так далее, и т. п. [41]).

Глупость этих конституционных филистерских иллюзий слишком очевидна, чтобы на опровержении их стоило особо останавливаться.

Нет, борьба с буржуазной контр-революцией требует трезвости и уменья видеть и говорить то, что есть.

Бонапартизм в России не случайность, а естественный продукт развития классовой борьбы в мелкобуржуазной стране с значительно развитым капитализмом и с революционным пролетариатом. Такие исторические этапы, как 20—21 апреля, 6 мая,

9—10 июня, 18—19 июня, 3—5 июля, суть вехи, наглядно показывающие, как шла подготовка бонапартизма. Величайшей ошибкой было бы думать, что бонапартизм исключается демократической обстановкой. Как раз наоборот, он именно в этой обстановке (история Франции дважды подтвердила это) и вырастает при определенном взаимоотношении классов и их борьбы.

Однако признать неизбежность бонапартизма вовсе не значит забыть неизбежность его краха.

Если мы скажем *только* то, что в России наблюдается временное торжество контр-революции, это будет отпиской.

Если мы проанализируем возникновение бонапартизма и, безбоязненно смотря правде в лицо, скажем рабочему классу и всему народу, что начало бонапартизма есть факт, то мы тем самым положим начало серьезной и упорной, в широком политическом масштабе ведущейся, на глубокие классовые интересы опирающейся борьбе за свержение бонапартизма.

От начала французского бонапартизма в 1799 и в 1849 годах русский бонапартизм 1917 года отличается рядом условий, например, тем, что ни одна коренная задача революции не решена. Борьба за решение земельного и национального вопроса только еще начинает разгораться.

Керенский и контр-революционные кадеты, которые играют им, как пешкой, не могут ни созвать в назначенный срок Учредительного Собрания, ни отсрочить его созыва, не углубляя в обоих случаях революции. А катастрофа, порождаемая затягиванием империалистской войны, продолжает надвигаться с еще гораздо большей силой и быстротой, чем прежде.

Передовые отряды пролетариата России сумели выйти из наших июньских и июльских дней без массового обескровления. Партия пролетариата имеет полную возможность выбрать такую тактику и такую форму или такие формы организации, чтобы внезапные (будто бы внезапные) преследования бонапартистов не могли ни в коем случае прекратить ее существование и ее систематическое обращение со своим словом к народу.

Пусть партия громко и ясно скажет народу правду без урезок, что мы переживаем начало бонапартизма; что «новое» правительство Керенского, Авксентьева и К° есть лишь ширма для прикрытия контр-революционных кадетов и военной клики, имеющей власть в руках; что народ не получит мира, крестьяне не получат земли, рабочие не получат 8-часового рабочего дня, голодные не получат хлеба без полной ликвидации контр-революции,— пусть партия скажет это, и каждый шаг в развитии событий будет подтверждать ее правоту.

Россия с замечательной быстротой пережила целую эпоху, когда большинство народа доверилось мелкобуржуазным партиям

эс-эров и меньшевиков. И теперь уже начинается жестокая расплата большинства трудящихся масс за эту доверчивость.

Все признаки указывают на то, что ход событий продолжает идти самым ускоренным темпом, и страна приближается к следующей эпохе, когда большинство трудящихся вынуждено будет доверить свою судьбу революционному пролетариату. Революционный пролетариат возьмет власть, начнет социалистическую революцию, привлечет к ней, несмотря на все трудности и возможные зигзаги развития, пролетариев всех передовых стран, и победит и войну, и капитализм.

«Рабочий и Солдат» № 6, 11 августа (29 июля) 1917 г.

УРОКИ РЕВОЛЮЦИИ

Написано: статья — в конце июля, послесловие — 19 (6) сентября 1917 г.

Напечатано: статья — в газ. «Рабочий» [42] *№№ 8 и 9, 12 и 13 сентября (30 и 31 августа) 1917 г., послесловие — в сентябре 1917 г. в брошюре «Уроки революции», изд. «Прибой»*

Подпись: в № 8 «Рабочего» Н - к о в, в № 9 — Н. Л е н и н

Печатается: статья — по тексту газеты, послесловие — по тексту брошюры

Всякая революция означает крутой перелом в жизни громадных масс народа. Если не назрел такой перелом, то настоящей революции произойти не может. И как всякий перелом в жизни любого человека многому его учит, заставляет его многое пережить и перечувствовать, так и революция дает всему народу в короткое время самые содержательные и ценные уроки.

За время революции миллионы и десятки миллионов людей учатся в каждую неделю большему, чем в год обычной, сонной жизни. Ибо на крутом переломе жизни целого народа становится особенно ясно видно, какие классы народа преследуют те или иные цели, какою силою они обладают, какими средствами они действуют.

Всякий сознательный рабочий, солдат, крестьянин должен внимательно вдуматься в уроки русской революции, особенно теперь в конце июля, когда ясно стало видно, что первая полоса нашей революции кончилась неудачей.

В самом деле, посмотрим, чего добивались массы рабочих и крестьян, совершая революцию? Чего ждали они от революции? Известно, что они ждали свободы, мира, хлеба, земли.

Что же мы видим теперь?

Вместо свободы начинают восстановлять прежний произвол. Вводят смертную казнь для солдат на фронте, привлекают крестьян к суду за самочинный захват помещичьей земли. Громят типографии рабочих газет. Закрывают без суда рабочие газеты. Арестуют большевиков, часто не предъявляя даже никаких обвинений или предъявляя обвинения явно клеветнические.

Возразят пожалуй, что преследования большевиков не составляют нарушения свободы, ибо преследуют только определенных лиц за определенное обвинение. Но это возражение — заведомая и очевидная неправда, ибо как же можно громить типографию и закрывать газеты за преступления отдельных лиц, будь даже эти обвинения доказаны и признаны судом. Другое дело, если бы правительство признало законом преступными всю партию большевиков, самое направление их, взгляды их. Но всякий

знает, что ничего подобного правительство свободной России сделать не могло и не сделало.

Главное теперь, что газеты помещиков и капиталистов бешено бранили большевиков за их борьбу против войны, против помещиков и против капиталистов, и требовали открытого ареста и преследования большевиков еще тогда, когда ни одно обвинение ни против одного большевика не было еще придумано. Народ хочет мира. А революционное правительство свободной России снова повело захватную войну, на основе тех самых тайных договоров, которые бывший царь Николай II заключил с английскими и французскими капиталистами в интересах ограбления чужих народов русскими капиталистами. Эти тайные договоры так и остались неопубликованными. Правительство свободной России отделалось отговорками, так и не предложив справедливого мира всем народам.

Хлеба нет. Голод опять надвигается. Все видят, что капиталисты и богатые бессовестно обманывают казну на военных поставках (война стоит теперь народу 50 миллионов рублей ежедневно), наживают неслыханные прибыли на высоких ценах, а для серьезного учета производства продуктов и распределения их рабочими ровно ничего не сделано. Капиталисты наглеют все больше, выбрасывая рабочих на улицу, и это в такое время, когда народ бедствует от бестоварья. Громадное большинство крестьян заявило громко и ясно на длинном ряде съездов, что они объявляют помещичью собственность на землю несправедливостью и грабежом. А правительство, называющее себя революционным и демократическим, продолжает месяцами водить крестьян за нос и надувать их обещаниями и оттяжками. Министру Чернову капиталисты месяцами не позволяли издавать законы о запрещении купли-продажи земли. А когда, наконец, этот закон был издан, то капиталисты подняли гнусную клеветническую травлю против Чернова и продолжают эту травлю посейчас.

Правительство дошло до такой наглости в защите помещиков, что начинает привлекать крестьян к суду за «самочинные» захваты.

Крестьян водят за нос, убеждая подождать до Учредительного Собрания. А созыв этого Собрания капиталисты все оттягивают. Теперь, когда этот созыв, под влиянием требования большевиков, назначен на 30-е сентября, капиталисты открыто кричат, что это «невозможно» короткий срок, и требуют отложить созыв Учредительного Собрания... Самые влиятельные члены партии капиталистов и помещиков, партии «кадетов» или партии «народной свободы», например, Панина, прямо проповедуют отсрочку созыва Учредительного Собрания до окончания войны.

С землей подожди до Учредительного Собрания. С Учредительным Собранием подожди до конца войны. С концом войны

подожди до полной победы. Вот что выходит. Над крестьянами прямо издеваются капиталисты и помещики, имея свое большинство в правительстве.

* *
*

Но как же могло это случиться в свободной стране, после свержения царской власти?

В несвободной стране управляют народом царь и кучка помещиков, капиталистов, чиновников, никем не выбранные.

В свободной стране управляют народом только те, кто им самим выбран для этого. При выборах народ делится на партии, и обыкновенно каждый класс населения составляет свою отдельную партию, напр., помещики, капиталисты, крестьяне, рабочие составляют отдельные партии. Поэтому управление народом в свободных странах происходит посредством открытой борьбы партий и свободного соглашения их между собой.

После свержения царской власти 27-го февраля 1917 года, Россия управлялась в течение приблизительно 4 месяцев, как свободная страна, именно посредством открытой борьбы свободно образуемых партий и свободного соглашения между ними. Чтобы понять развитие русской революции, всего необходимее, следовательно, изучить, каковы были главные партии, интересы каких классов они защищали, каковы были взаимоотношения всех этих партий.

* *
*

После свержения царской власти, государственная власть перешла в руки первого Временного Правительства. Оно состояло из представителей буржуазии, т.-е. капиталистов, к которым присоединились и помещики. Партия «кадетов», главная партия капиталистов, стояла на первом месте, как правящая и правительственная партия буржуазии.

Власть досталась в руки этой партии не случайно, хотя боролись с царскими войсками, проливали кровь за свободу не капиталисты, конечно, а рабочие и крестьяне, матросы и солдаты. Власть досталась в руки партии капиталистов потому, что этот класс имел в руках силу богатства, организации и знания. За время после 1905 года и особенно в течение войны класс капиталистов и примыкающих к ним помещиков в России сделал больше всего успехов в деле своей организации.

Партия кадетов всегда была монархической, и в 1905 году, и с 1905 по 1917 год. После победы народа над царской тиранией эта партия объявила себя республиканской. Опыт истории показывает, что партии капиталистов, когда народ побеждал монархию, всегда соглашались быть республиканскими, лишь бы отстоять привилегии капиталистов и их всевластие над народом.

На словах партия кадетов стоит за «народную свободу». На деле она стоит за капиталистов, и на ее сторону тотчас же встали все помещики, все монархисты, все черносотенцы. Доказательство тому — печать и выборы. Все буржуазные газеты и вся черносотенная печать запела после революции в один голос с кадетами. Все монархические партии, не смея выступать открыто, поддерживали на выборах, например, в Петрограде, партию кадетов.

Получив правительственную власть, кадеты все усилия направили на то, чтобы продолжать захватную грабительскую войну, которую начал царь Николай II, заключивший тайные грабительские договоры с английскими и французскими капиталистами. По этим договорам, русским капиталистам обещан, в случае победы, захват и Константинополя, и Галиции, и Армении и т. д. От народа же правительство кадетов отделывалось пустыми отговорками и обещаниями, откладывая все решения великих, необходимых для рабочих и крестьян дел до Учредительного Собрания и не назначая срока его созыва.

Пользуясь свободой, народ начал организовываться самостоятельно. Главной организацией рабочих и крестьян, которые составляют подавляющее большинство населения России, были Советы Р., С. и Кр. Депутатов. Эти Советы стали образовываться уже во время февральской революции, и через несколько недель после нее в большинстве крупных городов России и во многих уездах все сознательные передовые люди рабочего класса и крестьянства были объединены Советами.

Советы выбирались вполне свободно. Советы были настоящими организациями масс народа, рабочих и крестьян. Советы были настоящими организациями громадного большинства народа. Рабочие и крестьяне, одетые в военную форму, были вооружены.

Само собой понятно, что Советы могли и должны были взять в свои руки всю государственную власть. Никакой иной власти в государстве, впредь до созыва Учредит. Собрания, кроме Советов, не должно было быть. Только тогда наша революция стала бы действительно народной, действительно демократической революцией. Только тогда трудящиеся массы, действительно добивающиеся мира, действительно не заинтересованные в захватной войне, могли бы начать, решительно и твердо, проводить в жизнь такую политику, которая положила бы конец и захватной войне, и привела бы к миру. Только тогда рабочие и крестьяне смогли бы обуздать капиталистов, наживающих бешеные деньги «на войне» и доведших страну до разрухи и голода. Но в Советах меньшая часть депутатов была на стороне партии революционных рабочих, социал-демократов большевиков, которые требовали передачи всей государственной власти в руки Советов. Большая же часть депутатов

в Советах была на стороне партии социал-демократов меньшевиков и эс-эров, которые были против передачи власти Советам. Вместо устранения правительства буржуазии и замены его правительством Советов эти партии отстаивали поддержку правительства буржуазии и соглашения с ним, образования общего с ним правительства. В этой политике соглашений с буржуазией партий, которым доверило большинство народа, эс-эров и меньшевиков, заключается главное содержание всего хода развития революции за все 5 месяцев, протекшие с ее начала.

Посмотрим прежде всего на то, как шло это соглашательство эс-эров и меньшевиков с буржуазией, а затем поищем объяснения тому обстоятельству, что большинство народа им доверилось.

Соглашательство меньшевиков и эс-эров с капиталистами происходило во время всех периодов русской революции то в одной, то в другой форме.

В самом конце февраля 1917 года, как только народ победил и царская власть оказалась свергнута, Временное Правительство капиталистов включило в свой состав Керенского, как «социалиста». На самом деле Керенский никогда социалистом не был, был только трудовиком, а в «социалистах-революционерах» он стал числиться только с марта 1917 г., когда это было уже безопасно и не безвыгодно. Через Керенского, как товарища председателя Петроградского Совета, Временное Правительство капиталистов сейчас же постаралось привязать к себе и приручить Совет. Совет, т.-е. преобладавшие в нем эс-эры и меньшевики, дал себя приручить, согласившись тотчас после образования Временного Правительства капиталистов «поддерживать его», «поскольку» оно выполняет свои обещания.

Совет считал себя проверяющим, контролирующим действия Временного Правительства. Вожди Совета учредили так называемую «контактную комиссию», т.-е. комиссию для контакта, для соприкосновения с Правительством. В этой контактной комиссии эс-эровские и меньшевистские вожди Совета вели постоянные переговоры с правительством капиталистов, будучи, собственно говоря, на положении министров без портфеля или неофициальных министров.

Весь март и почти весь апрель продолжалось такое положение дел. Капиталисты действовали оттяжками и отговорками, стараясь выиграть время. Ни единого, сколько-нибудь серьезного шага для развития революции правительство капиталистов за это время не сделало. Даже для своей прямой непосредственной задачи, для созыва Учредительного Собрания, правительство не сделало ровнехонько ничего, не передало вопрос на места, не основало даже еще центральной комиссии по подготовке вопроса. Правительство заботилось об одном: возобновить тайком те

грабительские международные договоры, которые царь заключил с капиталистами Англии и Франции, тормозить как можно осторожнее и незаметнее революцию, все обещать, ничего не исполнять. Эс-эры и меньшевики играли в «контактной комиссии» роль дурачков, которых кормили пышными фразами, обещаниями, «завтраками». Эс-эры и меньшевики, как ворона в известной басне, поддавались на лесть, с удовольствием выслушивали уверения капиталистов, что они высоко ценят Советы и ни шагу не делают без них.

В действительности же время шло, и правительство капиталистов ровно ничего не сделало для революции. Против же революции оно успело за это время возобновить тайные грабительские договоры, вернее, подтвердить их и «оживить» дополнительными столь же тайными переговорами с дипломатами англо-французского империализма. Против революции оно успело за это время положить основание контр-революционной организации (или по крайней мере сближению) генералов и офицеров действующей армии. Против революции оно успело начать организацию промышленников, фабрикантов, заводчиков, которые вынуждены были делать уступку за уступкой под напором рабочих, но в то же время начинали саботировать производство и подготовлять остановку его, выжидая для этого удобный момент.

Но организация передовых рабочих и крестьян в Советах неуклонно шла вперед. Лучшие люди угнетенных классов чувствовали, что правительство, несмотря на его соглашение с Петроградским Советом, несмотря на велеречивость Керенского, несмотря на «контактную комиссию», остается врагом народа, врагом революции. Массы чувствовали, что если не сломить сопротивление капиталистов, то дело мира, дело свободы, дело революции будет неизбежно проиграно. В массах нарастало нетерпение и озлобление.

Оно прорвалось 20—21 апреля. Движение вспыхнуло стихийно, никем не подготовленное. Движение было настолько резко направлено против правительства, что один полк выступил даже вооруженным и явился к Мариинскому дворцу, чтобы арестовать министров. Всем стало до очевидности ясно, что правительство держаться не может. Советы могли (и должны были) взять власть в свои руки без малейшего сопротивления с чьей бы то ни было стороны. Вместо этого эс-эры и меньшевики поддержали падающее правительство капиталистов, запутали себя еще больше соглашательством с ним, сделали еще более роковые, ведущие к гибели революции шаги.

Революция учит все классы с быстротой и основательностью, невиданными в обычное, мирное время. Капиталисты, наилучше организованные, наиболее опытные в делах классовой борьбы и политики, научились быстрее других. Видя, что положение пра-

вительства неудержимо, они прибегли к приему, который в течение целого ряда десятилетий после 1848 года практиковался капиталистами других стран для одурачения, разделения и обессиления рабочих. Этот прием — так называемое «коалиционное», т.-е. соединенное, составленное из буржуазии и перебежчиков социализма, общее министерство.

В тех странах, где дольше всего существует свобода и демократия на ряду с революционным рабочим движением, в Англии и во Франции, капиталисты много раз и с большим успехом употребляли этот прием. «Социалистические» вожди, входя в министерство буржуазии, непременно оказывались подставными фигурами, куклами, ширмой для капиталистов, орудием обмана рабочих. «Демократические и республиканские» капиталисты России пустили в ход этот самый прием. Эс-эры и меньшевики сразу дали себя одурачить, и 6-го мая «коалиционное» министерство с участием Чернова, Церетели и К° стало фактом.

Дурачки эс-эровской и меньшевистской партий ликовали, купаясь самовлюбленно в лучах министерской славы их вождей. Капиталисты потирали руки от удовольствия, получив себе помощников против народа в лице «вождей Советов», получив обещание от них поддерживать «наступательные действия на фронте», т.-е. возобновление приостановившейся было империалистской, грабительской войны. Капиталисты знали все надутое бессилие этих вождей, знали, что обещания со стороны буржуазии — насчет контроля и даже организации производства, насчет политики мира и т. п. — никогда не будут исполнены.

Так и оказалось. Вторая полоса в развитии революции с 6 мая по 9 или по 18 июня, вполне подтвердила расчет капиталистов на легкость одурачения эс-эров и меньшевиков.

Пока Плеханов и Скобелев обманывали себя и народ пышными фразами, что с капиталистов возьмут 100% прибыли, что их «сопротивление сломлено» и т. п., — капиталисты продолжали укрепляться. Ничего, ровнехонько ничего на деле не было за это время предпринято для обуздания капиталистов. Министры из перебежчиков социализма оказывались говорильными машинами для отвода глаз угнетенным классам, а весь аппарат государственного управления оставался на деле в руках бюрократии (чиновничества) и буржуазии. Пресловутый Пальчинский, товарищ министра промышленности, был типичным представителем этого аппарата, тормозящим какие бы то ни было меры против капиталистов. Министры болтали — все оставалось постарому.

Министр Церетели в особенности был употребляем буржуазией для борьбы против революции. Его посылали «успокаивать» Кронштадт, когда тамошние революционеры дошли до такой продерзости, что посмели сместить назначенного комиссара.

Буржуазия открыла в своих газетах неимоверно шумную, злостную, бешеную кампанию лжи, клеветы и травли против Кронштадта, обвиняя его в желании «отложиться от России», повторяя эту и подобные нелепости на тысячу ладов, запугивая мелкую буржуазию и филистеров. Типичнейший представитель тупого, запуганного филистерства, Церетели всех «добросовестнее» попадался на удочку буржуазной травли, всех усерднее «громил и усмирял» Кронштадт, не понимая своей роли лакея контр-революционной буржуазии. Выходило так, что он являлся орудием проведения такого «соглашения» с революционным Кронштадтом, что комиссар в Кронштадте не назначался просто напросто правительством, а выбирался на месте и *утверждался* правительством. На подобные жалкие компромиссы тратили свое время министры, перебежавшие от социализма к буржуазии.

Там, где не мог бы появиться министр-буржуа с защитой правительства, перед революционными рабочими или в Советах, там появлялся (вернее: туда посылался буржуазией) «социалистический» министр Скобелев, Церетели, Чернов и т. п. и добросовестно выполнял буржуазное дело, лез из кожи, защищая министерство, обелял капиталистов, одурачивал народ повторением обещаний, обещаний и обещаний, советами погодить, погодить и погодить.

Министр Чернов был занят в особенности торговлей со своими буржуазными коллегами: до самого июля месяца, до открывшегося тогда после движения 3—4 июля, нового «кризиса власти», до ухода кадетов из министерства, министр Чернов все время занят был полезным, интересным, глубоконародным делом «уговаривания» своих буржуазных коллег, усовещевания их согласиться хотя бы на запрещение земельных сделок купли-продажи. Это запрещение было торжественнейшим образом обещано крестьянам на всероссийском съезде (совете) крестьянских депутатов в Питере. Но обещание так и осталось обещанием. Чернов так и не мог выполнить его ни в мае, ни в июне, до тех самых пор, пока революционная волна стихийного взрыва 3—4 июля, совпавшая с уходом кадетов из министерства, не дала возможность провести этой меры. Но и тогда эта мера оказалась одинокой, бессильной внести серьезные улучшения в дело борьбы крестьянства против помещиков за землю.

На фронте в это время ту контр-революционную, империалистскую задачу возобновления империалистской, грабительской войны, ту задачу, которую не мог выполнить ненавистный народу Гучков, с успехом и блеском выполнял «революционный демократ» Керенский, новоиспеченный член партии социалистов-революционеров. Он упивался собственным красноречием, ему курили фимиам империалисты, игравшие им, как пешкой, ему

льстили, его боготворили — все за то, что он верой и правдой служил капиталистам, убеждая «революционные войска» согласиться на возобновление войны, ведущейся во исполнение договоров царя Николая II с капиталистами Англии и Франции, войны ради получения русскими капиталистами Константинополя и Львова, Эрзерума и Трапезунда.

Так прошла вторая полоса русской революции с 6 мая по 9 июня. Контр-революционная буржуазия усилилась, укрепилась, под прикрытием и под защитой «социалистических» министров, подготовив наступление и против внешнего врага, и против внутреннего, т.-е. революционных рабочих.

9-го июня партия революционных рабочих, большевиков, подготовляла демонстрацию в Питере, чтобы дать организованное выражение неудержимо нараставшему недовольству и возмущению масс. Запутавшиеся в соглашениях с буржуазией, связанные империалистской политикой наступления, эс-эровские и меньшевистские вожди пришли в ужас, чувствуя потерю своего влияния в массах. Поднялся всеобщий вой против демонстрации, вой, объединивший на этот раз контр-революционных кадетов с эс-эрами и меньшевиками. Под их руководством, в результате их политики соглашательства с капиталистами, поворот мелкобуржуазных масс к союзу с контр-революционной буржуазией определился вполне, обрисовался с поразительной наглядностью. В этом историческое значение, в этом классовый смысл кризиса 9 июня.

Большевики отменили демонстрацию, вовсе не желая вести рабочих на отчаянный бой против объединенных кадетов, эс-эров и меньшевиков. Но эти последние, чтобы сохранить хоть какой-нибудь остаточек доверия масс, вынуждены были назначить общую демонстрацию на 18-ое июня. Буржуазия была вне себя от ярости, справедливо видя в этом колебание мелко буржуазной демократии на сторону пролетариата и решая наступлением на фронте парализовать действие демократии.

Действительно, 18 июня дало замечательно внушительную победу лозунгов революционного пролетариата, лозунгов большевизма среди петербургских масс, а 19 июня было торжественно объявлено буржуазией и бонапартистом*) Керенским о начавшемся именно 18 июня наступлении на фронте.

Наступление означало фактически возобновление грабительской войны в интересах капиталистов, вопреки воле громадного большинства трудящихся. Поэтому с наступлением неизбежно было

---

*) Бонапартизмом (по имени двух французских императоров Бонапартов) называется такое правительство, которое старается казаться непартийным, используя крайне острую борьбу партий капиталистов и рабочих друг с другом. На деле служа капиталистам, такое правительство всего больше обманывает рабочих обещаниями и мелкими подачками.

связано, с одной стороны, гигантское усиление шовинизма и переход военной (а следовательно, и государственной) власти к военной шайке бонапартистов, а, с другой стороны, переход к насилию над массами, к преследованию интернационалистов, к отмене свободы агитации, к арестам и расстрелам тех, кто против войны.

Если 6-ое мая привязало эс-эров и меньшевиков к победной колеснице буржуазии канатом, то 18-ое июня приковало их, как слуг капиталистов, цепью.

Озлобление масс, вследствие возобновившейся грабительской войны, естественно возросло еще быстрее и сильнее. 3—4 июля последовал взрыв их возмущения, взрыв, который большевики пытались сдержать и которому они, разумеется, должны были постараться придать наиболее организованную форму.

Эс-эры и меньшевики, как рабы буржуазии, прикованные господином, согласились на все: и на привод реакционных войск в Питер, и на восстановление смертной казни, и на разоружение рабочих и революционных войск, и на аресты, преследования, закрытие газет без суда. Власть, которую не могла взять целиком буржуазия в правительстве, которую не хотели взять Советы, власть скатилась в руки военной клики, бонапартистов, целиком поддержанной, разумеется, кадетами и черносотенцами, помещиками и капиталистами.

Со ступеньки на ступеньку. Раз вступив на наклонную плоскость соглашательства с буржуазией, эс-эры и меньшевики покатились неудержимо вниз и докатились до дна. 28-го февраля они обещали в Петроградском Совете условную поддержку буржуазному правительству. 6-го мая они спасли его от краха и дали превратить себя в слуг и защитников его, согласившись на наступление. 9-го июня они соединились с контр-революционной буржуазией в походе бешеной злобы, лжи и клеветы против революционного пролетариата. 19-го июня они одобрили начавшееся возобновление грабительской войны. 3-го июля они согласились на вызов реакционных войск: начало окончательной сдачи власти бонапартистам. Со ступеньки на ступеньку.

Такой позорный финал партий эс-эров и меньшевиков не случайность, а подтвержденный много раз опытом Европы результат экономического положения мелких хозяев, мелкой буржуазии.

Всякий наблюдал, конечно, как мелкие хозяйчики выбиваются из сил, тянутся «выйти в люди», попасть в настоящие хозяева, подняться до положения «крепкого» хозяина, до положения буржуазии. Пока господствует капитализм, иного выхода мелким хозяевам нет: либо перейти самим на положение капиталистов (а это возможно в лучшем случае для одного мелкого хозяйчика из сотни), либо перейти в положение разоренного хозяйчика, полупролетария, а затем — пролетария. Так и в поли-

тике: мелкобуржуазная демократия тянется за буржуазией, особенно в лице ее вождей. Вожди мелкобуржуазной демократии утешают свои массы обещаниями и уверениями на счет возможности соглашения с крупными капиталистами, в лучшем случае, на самое короткое время они получают от капиталистов уступочки для небольшого верхнего слоя трудящихся масс, а во всем решающем, во всем важном мелкобуржуазная демократия всегда оказывалась в хвосте буржуазии, бессильным придатком ее, послушным орудием в руках финансовых королей. Опыт Англии и Франции много раз подтверждал это.

Опыт русской революции, когда события, особенно под влиянием империалистской войны и созданного ею глубочайшего кризиса, развивались с необычайной быстротой, этот опыт с февраля по июль 1917 года подтвердил старую марксистскую истину о неустойчивости положения мелкой буржуазии замечательно ярко, наглядно.

Урок русской революции: трудящимся массам нет спасения от железных тисков войны, голода, порабощения помещикам и капиталистам, иначе как в полном разрыве с партиями эс-эров и меньшевиков, в ясном сознании их предательской роли, в отказе от каких бы то ни было соглашательств с буржуазией, в решительном переходе на сторону революционных рабочих. Революционные рабочие, если их поддержат беднейшие крестьяне, одни только в состоянии сломить сопротивление капиталистов, повести народ к завоеванию земли без выкупа, к полной свободе, к победе над голодом, к победе над войной, к справедливому и прочному миру.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Статья эта, как видно из текста, написана в конце июля.

История революции за август вполне подтвердила сказанное в статье. Затем в конце августа восстание Корнилова создало новый поворот революции, показав наглядно всему народу, что кадеты в союзе с контр-революционными генералами стремятся разогнать Советы и восстановить монархию. Насколько силен этот новый поворот революции, удастся ли ему положить конец губительной политике соглашательства с буржуазией, покажет недалекое будущее.

6 сентября 1917 г.

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія. Цѣна 15 коп.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

ПРОЛЕТАРІЙ

Центральный органъ Р. С.-Д. Р. П.

№ 3. Среда ПЕТРОГРАДЪ 29-го августа (16-го августа ст. ст.) 1917 г.

О ВЫСТУПЛЕНИИ КАМЕНЕВА В Ц. И. К. ПО ПОВОДУ СТОКГОЛЬМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ [43]).

Речь тов. Каменева в Ц. И. К. 6 августа по поводу Стокгольмской конференции не может не вызвать отпора со стороны верных своей партии и своим принципам большевиков.

В первой же фразе своей речи т. Каменев сделал заявление формального характера, которое придает его выступлению прямо чудовищный характер. Т. Каменев оговаривается, что выступает от себя лично, что «наша фракция этого вопроса не обсуждала».

Во-первых, с каких это пор в организованной партии по важным вопросам выступают отдельные члены «от себя лично», раз фракция вопроса не обсуждала, т. Каменев не имел права выступать. Вот первый вывод из его же слов.

Во-вторых, какое право имел т. Каменев забыть, что есть решение Ц. К. партии против участия в Стокгольме. Если это решение не отменено съездом или новым решением Ц. К., то оно остается законом для партии. Если оно отменено, тогда бы т. Каменев не мог бы умолчать об этом, не мог бы говорить в прошлом времени: «мы, большевики, до сих пор относились к Стокгольмской конференции отрицательно».

Опять-таки вывод тот, что Каменев не только не имел права выступать, но и прямо нарушил постановление партии, прямо говорил против партии, срывал ее волю, не упоминая ни словом об обязательном для него решении Ц. К. А решение это в свое время было опубликовано в «Правде» и даже с добавлением, что представитель партии уйдет с Циммервальдской конференции, если она выскажется за участие в Стокгольме *).

Доводы «прежнего» отрицательного отношения большевиков к участию в Стокгольме Каменев изложил неверно. Он умолчал о том, что там будут участвовать социал-империалисты, что обращаться с таковыми позорно для революционного с.-д.

---

*) См. XX том Сочинений, стр. 366. *Ред.*

Как ни печально в этом сознаться, но сознаться надо: Старостин, часто и много путавший, в 1.000 раз лучше, вернее, достойнее выразил точку зрения революционной социал-демократии, чем Каменев. Идут совещания с социал-империалистами, с министрами, с пособниками палачества в России — позор и предательство. Об интернационализме тогда нечего и говорить.

Доводы Каменева по существу дела за «изменение» нашего взгляда на Стокгольм слабы до смешного.

«Нам стало ясно, — говорил Каменев, — что Стокгольм с этого (??) момента перестает (??) быть слепым орудием в руках империалистских государств».

Это неправда. Ни единого факта нет, и привести ничего серьезного Каменев не мог. Если англо-французские социал-империалисты не идут, а немецкие идут, неужели это есть принципиальное изменение?? Неужели это вообще изменение с точки зрения интернационалиста? Неужели Каменев уже «забыл» решение конференции нашей партии (29 апреля) по вполне аналогичному случаю с датским социал-империалистом *)?

«Над Стокгольмом, — сказал Каменев, по передаче газет, далее, — начинает развеваться широкое революционное знамя, под которым мобилизуются силы всемирного пролетариата».

Это — пустейшая декламация в духе Чернова и Церетели. Это — вопиющая неправда. Не революционное знамя, а знамя сделок, соглашений, амнистии социал-империалистов, переговоров банкиров о дележе аннексий, — вот какое знамя на деле начинает развеваться над Стокгольмом.

Нельзя терпеть, чтобы партия интернационалистов, перед всем миром ответственная за революционный интернационализм, компрометировала себя кокетничанием с проделками социал-империалистов русских и немецких, с проделками министров буржуазного империалистского правительства Черновых, Скобелевых и К°.

Мы решили строить III Интернационал. Мы должны осуществлять это вопреки всем трудностям. Ни шагу назад, к сделкам между социал-империалистами и перебежчиками социализма!

«Пролетарий» [44] *№ 3, 29 (16) августа 1917 г.*
Подпись: Н. Ленин.

---

*) См. XX том Сочинений, стр. 616. *Ред.*

ПО ВОПРОСУ О ПРОГРАММЕ ПАРТИИ.

Сообщение т. Бухарина в «Спартаке» о созыве «узкого» съезда для принятия программы показывает, как зреет этот вопрос [45]).

Вопрос действительно неотложен.

Наша партия стоит впереди других интернационалистских партий, это факт сейчас.

И она обязана взять почин, выступить с программой, *отвечающей* на вопросы империализма.

Будет скандалом и позором, если мы не сделаем это.

Предлагаю Ц. К. постановить:

«*Каждая* организация партии назначает тотчас одну или несколько комиссий по подготовке программы, *обязывает* их, а равно всех теоретиков или писателей и пр., взяться за это *вне очереди* и представить либо свой проект, либо изменения и поправки к другим проектам в срок не более 3—7 дней.»

Это вполне осуществимо при настойчивой работе.

Свести и напечатать эти проекты или разослать их по главным организациям переписанными на машинке — на это пару недель.

Затем *сейчас же* объявить созыв *узкого* съезда (1 делегат на 4.000 или на 5.000 человек)

для принятия программы — *через месяц*.

Наша партия обязана выступить с программой — только *так* мы не на словах, а на деле *двинем* III Интернационал.

Остальное фразы, посулы, откладывание до греческих календ. Взяв почин, мы ускорим работу со всех сторон и только тогда подготовим программу III Интернационала.

Написано 26—31 (13—18) августа 1917 г.

Впервые напечатано в 1928 г. в «Ленинском Сборнике» VII. *Печатается по рукописи.*

ЗА ДЕРЕВЬЯМИ НЕ ВИДЯТ ЛЕСА.

В заседании ЦИК Советов 4-го августа Л. Мартов сказал (цитируем по отчету «Новой Жизни»), что «критика Церетели слишком мягка», что «правительство не дает отпора контр-революционным попыткам в военной среде» и что «в наши цели не входит свержение нынешнего правительства или подрыв доверия к нему»... «Реальное соотношение сил, — продолжал Мартов, — не дает сейчас основания требовать перехода власти к Советам. Это могло бы явиться лишь в процессе гражданской войны, сейчас недопустимой». «Мы не намерены свергать правительство, — заканчивает Мартов, — но мы должны указать ему, что в стране есть силы, кроме кадетов и военных. Это силы революционной демократии и на них должно опираться Временное Правительство»[46]).

Это — замечательные рассуждения Мартова, на которых стоит со всем вниманием остановиться. Замечательны они тем, что необыкновенно рельефно воспроизводят самые распространенные, самые вредные, самые опасные политические ошибки мелкобуржуазной массы, ее типичнейшие предрассудки. Из всех представителей этой массы Мартов, как публицист, наверное, один из наиболее «левых», из наиболее революционных, из наиболее сознательных и искусных. Именно поэтому полезнее разобрать как раз его рассуждения, чем какого-нибудь кокетничающего пустым набором слов Чернова или тупицы Церетели и т. п. Разбирая Мартова, мы будем разбирать то, что есть сейчас в идеях мелкой буржуазии наиболее разумного.

Крайне характерны, прежде всего, колебания Мартова по вопросу о переходе власти к Советам. До 4 июля Мартов был *против* этого лозунга. После 4 июля он — *за*. В начале августа он опять против, и заметьте, как чудовищно нелогична, как забавна с точки зрения марксизма его аргументация. Он против, ибо «реальное соотношение сил не дает сейчас основания требовать перехода власти к Советам. Это могло бы явиться лишь в процессе гражданской войны, сейчас недопустимой».

Вот путаница-то. Выходит, что до 4 июля такой переход власти возможен был *без* гражданской войны (святая истина!), но именно тогда Мартов был против перехода... Выходит, во-вторых, будто после 4 июля, когда Мартов был за переход власти к Советам, такой переход возможен был без гражданской войны: это явная, вопиющая фактическая неправда, ибо именно в ночь с 4 на 5 июля бонапартисты при поддержке кадетов и при лакейском услужении Черновых и Церетели приводят контрреволюционные войска в Питер. Взять власть мирным путем в этих условиях было бы абсолютно невозможно.

Наконец, в-третьих, у Мартова выходит, будто марксист или хотя бы даже просто революционный демократ вправе был отказаться от правильно выражающего интересы народа и интересы революции лозунга на том основании, что этот лозунг мог бы осуществиться «лишь в процессе гражданской войны»... Но ведь это же явный абсурд, явный отказ от всякой классовой борьбы, от всякой революции. Ибо кто же не знает, что всемирная история всех революций показывает нам не случайное, а неизбежное превращение классовой борьбы в гражданскую войну? Кто же не знает, что как раз *после* 4-го июля мы видим в России начало гражданской войны со стороны контр-революционной буржуазии, разоружение полков, расстрелы на фронте, убийства большевиков. Гражданская война, изволите видеть, «недопустима» для революционной демократии как раз тогда, когда ход развития событий с железной необходимостью привел к тому, что ее повела контр-революционная буржуазия.

Мартов запутался самым невероятным, забавным, самым беспомощным образом.

Распутывая внесенную им путаницу, надо сказать:

Именно до 4-го июля лозунг перехода всей власти к данным, тогдашним Советам был единственно правильным. Тогда это было возможно мирно, без гражданской войны, ибо тогда не было еще систематических насилий над массой, над народом, введенных после 4-го июля. Тогда это обеспечивало мирное развитие вперед всей революции и, в частности, возможность мирного изживания борьбы классов и партий *внутри* Советов.

После 4-го июля переход власти к Советам стал невозможным без гражданской войны, ибо власть перешла с 4—5 июля к военной, бонапартистской клике, поддержанной кадетами и черносотенцами. Отсюда вытекает то, что все марксисты, все сторонники революционного пролетариата, все честные революционные демократы *должны* теперь выяснить рабочим и крестьянам коренную перемену положения, обусловливающую другой путь перехода власти к пролетариям и полупролетариям.

Мартов не привел доводов в защиту своей «мысли» о недопустимости «сейчас» гражданской войны, в защиту заявления,

что в его цели «не входит свержение нынешнего правительства». Без мотивировки, его мнение, особенно высказанное в оборонческом собрании, неизбежно смахивает на оборонческий довод: дескать, недопустима гражданская война внутри, грозит внешний враг.

Не знаем, решился ли бы Мартов открыто выдвинуть такой довод. Среди массы мелкой буржуазии довод этот из самых ходких. И довод этот, конечно, из самых пошлых. Буржуазия не боялась революции и гражданской войны в такие моменты, когда грозил внешний враг, ни в сентябре 1870 года во Франции, ни в феврале 1917 года в России. Буржуазия не боялась, ценой гражданской войны, захватывать власть в свои руки в такие моменты, когда грозил внешний враг. Так же мало будет считаться с этим «доводом» лжецов и лакеев буржуазии революционный пролетариат.

* * *

Одна из самых вопиющих теоретических ошибок, которые делает Мартов и которая тоже крайне типична для всего круга политических идей мелкой буржуазии, состоит в смешении контр-революции царистской и вообще монархической с контр-революцией буржуазной. Это — именно специфическая узость или специфическая тупость мелкобуржуазного демократа, который не может вырваться из своей экономической, политической и идейной зависимости от буржуазии, уступает ей первенство, видит в ней «идеал», доверяет ее крикам об опасности «контр-революции справа».

Мартов выразил этот круг идей или, вернее, это недомыслие мелкой буржуазии, сказав в своей речи: «Мы должны в противовес давления на него (на правительство), оказываемому справа, создать контр-давление».

Вот образчик филистерской доверчивости и забвения классовой борьбы. Правительство выходит чем-то вроде надклассового и надпартийного, на него только «давят» слишком сильно справа, надо посильнее давить слева. О, премудрость, достойная Луи Блана, Чернова, Церетели и всей этой презренной братии. И как бесконечно выгодна эта филистерская премудрость бонапартистам, как хочется им представить «глупым мужичкам» дело именно в таком виде, что вот-де нынешнее правительство борется и направо и налево, только с крайностями, осуществляя истинную государственность, проводя в жизнь истинный демократизм, а на деле именно это бонапартистское правительство является правительством контр-революционной буржуазии.

Буржуазии выгодно (и для увековечения ее господства необходимо) обманывать народ, изображая дело так, что она представляет будто бы «революцию вообще, а справа, от царя, грозит

контр-революция». Только бесконечной тупостью Данов и Церетели, бесконечной влюбленностью в себя Черновых и Авксентьевых держится, питаемая условиями жизни мелкой буржуазии, эта идея в среде «революционной демократии» вообще.

Но всякий, кто хоть чему-нибудь научился из истории или из марксистского учения, должен будет признать, что во главу угла политического анализа надо поставить вопрос о *классах:* о революции какого класса идет речь? А контр-революция какого класса?

История Франции показывает нам, что бонапартистская контр-революция выросла к концу XVIII века (а потом второй раз к 1848—1852 г.г.) на почве контр-революционной буржуазии, прокладывая в свою очередь дорогу к реставрации монархии легитимной. Бонапартизм есть форма правления, которая вырастает из контр-революционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции.

Надо нарочно закрыть глаза, чтобы не видеть, как на наших глазах растет бонапартизм в России при очень схожих условиях. Контр-революция царистская сейчас ничтожна, ни тени политического значения не имеет, никакой политической роли не играет. Пугало царистской контр-революции нарочно выдвигают и раздувают шарлатаны, чтобы пугать дураков, чтобы потчевать политической сенсацией филистеров, чтобы отвлекать внимание народа от настоящей серьезной контр-революции. Нельзя без смеха читать рассуждение какого-нибудь Зарудного, который пыжится взвесить контр-революционную роль какого-то задворочного союзника «Святая Русь» и который «не замечает» контрреволюционной роли союза всей буржуазии России, называемого партией к.-д.

Кадетская партия есть главная политическая сила буржуазной контр-революции в России. Эта сила великолепно сплотила вокруг себя всех черносотенцев как на выборах [47]), так (что еще важнее) в аппарате военного и гражданского управления и в кампании газетной лжи, клевет, травли, направляемых сначала против большевиков, т.-е. партии революционного пролетариата, потом против Советов.

Нынешнее правительство проводит постепенно, но неуклонно, именно ту политику, которую партия к.-д. систематически проповедывала и подготовляла с марта 1917 года. Возобновление и затягивание империалистской войны, прекращение «болтовни» о мире, предоставление министрам права закрывать газеты, потом съезды, потом производить аресты и высылки, восстановление смертной казни, расстрелы на фронте, разоружение рабочих и революционных полков, наводнение столицы контр-революционными войсками, начало арестов и преследований крестьян за самочинные «захваты», закрытие фабрик и локауты, — вот

далеко еще не полный список мер, которые яснее ясного рисуют картину буржуазной контр-революции бонапартизма.

А отсрочка созыва Учредительного Собрания и коронация бонапартистской политики «Земским Собором» в Москве, этот переходный шаг к отсрочке Учредительного Собрания до окончания войны? Разве это не перл бонапартистской политики? И Мартов не видит, где главный штаб буржуазной контр-революции... Поистине — за деревьями не видят леса.

* * *

Какую бесконечно грязную лакейскую роль сыграл Ц.И.К. Советов, т.-е. господствующие в нем эс-эры и меньшевики, в деле отсрочки созыва Учредительного Собрания! Кадеты дали тон, бросили идею отсрочки, начали кампанию в печати, выдвинули *казачий съезд* с требованием отсрочки. (Казачий съезд! Как же не лакействовать Либерам, Авксентьевым, Черновым и Церетели!) Меньшевики и эс-эры петушком побежали за кадетами, как собака, поползли на хозяйский свист, под угрозой хозяйского кнута.

Вместо того, чтобы дать народу простую сводку фактических данных, показывающих, как нагло, как бесстыдно кадеты оттягивали и тормозили с марта дело созыва Учредительного Собрания; вместо того, чтобы разоблачать лживые увертки и уверения, будто созыв Учредительного Собрания в срок невозможен; вместо этого Бюро Ц. И. К. быстро отбросило «сомнения», выдвинутые даже Даном (даже Даном!), и послало двух лакеев от этой лакейской коллегии, Брамсона и Бронзова, во Временное Правительство с докладом «о необходимости отсрочить выборы в Учредительное Собрание до 28 — 29 октября»... Великолепное введение к коронации бонапартистов Земским Собором в Москве. Кто не дошел до полной подлости, должен сплотиться вокруг партии революционного пролетариата. Без его победы ни мира народу, ни земли крестьянам, ни хлеба рабочим и всем трудящимся *не получить*.

«Пролетарий» № 6, 1 сентября (19 августа) 1917 г.
Подпись: Н. Карпов.

СЛУХИ О ЗАГОВОРЕ.

Заметка, помещенная под этим заглавием в № 103 «Новой Жизни», от 17 августа, заслуживает очень серьезного внимания, и на ней следует (еще и еще раз) остановиться, несмотря на полную несерьезность того, что выдается за нечто серьезное в заметке.

Содержание ее сводится к тому, что в Москве 14 августа распространились слухи, будто некоторые казачьи части идут к Москве с фронта и что на ряду с этим «определенные военные группы при сочувствии некоторых общественных кругов Москвы» организуют «решительные контр-революционные выступления». Будто бы, далее, военные власти поставили в известность Московский Совет Солд. и Раб. Деп. и «при участии представителей Ц. И. К.» (т.-е. меньшевиков и эс-эров) приняли меры для ознакомления солдат с необходимостью охраны города и т. п. «К этим приготовлениям были привлечены и представители московских большевиков, пользующиеся влиянием во многих воинских частях, — так заканчивается заметка, — куда им на этот случай был открыт доступ» [48]).

Эта последняя фраза построена намеренно неясно и двусмысленно: если большевики пользуются влиянием во многих воинских частях (что бесспорно и общеизвестно), то каким образом и кто *мог* «открывать доступ» большевикам в эти части? Ведь это явный абсурд. Если же действительно большевикам «на этот случай» «открывали доступ» (кто? очевидно, меньшевики и эс-эры!) в *какие бы то ни было* воинские части, то это означает, что был известный *блок*, союз, сговор, между большевиками и оборонцами на предмет «защиты от контр-революции».

Вот это обстоятельство придает серьезное значение несерьезной заметке и требует от всех сознательных рабочих внимательнейшего отношения к рассказанным фактам.

Слухи, распространявшиеся оборонцами, т.-е. меньшевиками и эс-эрами, явно вздорны, и совершенно очевиден тот грязный и гнусный политический расчетец, с которым эти слухи распуска-

Первая страница рукописи В. И. Ленина: «Слухи о заговоре» — Август 1917 г.

Уменьшено

ются. Действительно контр-революционным является как раз то Временное Правительство, которое оборонцы хотят будто бы защищать. Действительно вызывались казачьи войска с фронта в столицы, напр., в Петроград 3 июля, именно Временным Правительством и «социалистами»-министрами, как это и подтвердил формально казачий генерал Каледин на Московском контр-революционном империалистском Совещании. Это факт.

Вот этот факт, разоблачающий меньшевиков и эс-эров, доказывающий их предательство революции, *их союз* с контр-революционерами, *их союз* с Каледиными, этот факт меньшевикам и эс-эрам хочется замять, затушевать, заставить забыть посредством «слухов», будто казаки идут на Москву помимо Керенского, Церетели, Скобелева, Авксентьева, будто меньшевики и эс-эры «защищают революцию» и т. под. Политический расчет предателей меньшевиков и оборонцев яснее ясного: они хотят надуть рабочих, выдать себя за революционеров, разузнать кое-что про большевиков (для передачи в контр-разведку, конечно), починить свою репутацию! Расчет столь же подлый, как и грубо сшитый белыми нитками! Дешевой ценой, состряпав глупенький «слух», мы-де получим «доступ» к большевистским воинским частям и подкрепим вообще доверие к Временному Правительству, уверив наивных людей, будто это правительство хотят свергать казаки, будто оно *не* в блоке с казаками, будто оно «защищает революцию» и прочее и тому подобное.

Расчет ясный. Слухи-то вздорные и сфабрикованные. А доверие-то к Временному Правительству мы-де получим чистой монетой, да кстати и большевиков втянем в «блок» с нами!

Трудно поверить, чтобы могли найтись такие дурачки и негодяи из большевиков, которые пошли бы в блок с оборонцами теперь. Трудно поверить этому, ибо, во-первых, имеется прямая резолюция VI Съезда Р.С.-Д.Р.П. [49]), в которой говорится (см. «Пролетарий» № 4), что «меньшевики окончательно перешли в стан врагов пролетариата». С людьми, окончательно перешедшими в стан врагов, не договариваются, блоков с ними не заключают. «Первейшей задачей революционной социал-демократии» — говорит далее та же резолюция — является «полнейшее изолирование их (меньшевиков-оборонцев) от всех сколько нибудь революционных элементов рабочего класса». Ясно, что против этого изолирования меньшевики с эс-эрами борются пусканием вздорных слухов. Ясно, что в Москве, как и в Питере, рабочие все более отворачиваются от меньшевиков и эс-эров, все яснее видя их предательскую, контр-революционную политику, и для «поправки дела» оборонцам приходится пускаться «во вся тяжкие».

При такой резолюции съезда, большевики, которые пошли бы в блок с оборонцами об «открывании доступа» или о косвенном вынесении доверия Временному Правительству (якобы защи-

щаемому от казаков), такие большевики, разумеется, были бы немедленно — и по заслугам — исключены из партии.

Но еще и по другим причинам трудно поверить, чтобы могли найтись, в Москве или где бы то ни было, большевики, способные пойти на блок с оборонцами, на образование чего-либо подобного общим, хотя бы и временным учреждениям, на какой-либо сговор и т. п. Допустим самое лучшее, для таких мало правдоподобных большевиков, предположение: допустим, что они, по наивности, в самом деле поверили в слухи, переданные им меньшевиками и эс-эрами, допустим даже, что им сообщили какие-либо, тоже сочиненные, «факты» для внушения доверия. Ясно, что и в этом случае ни один честный или не потерявший совершенно головы большевик не пошел бы ни на какой блок с оборонцами, ни в какой сговор об «открывании доступа» и т. п. Даже в этом случае большевик сказал бы: «наши рабочие, наши солдаты будут сражаться с контр-революционными войсками, если те начнут наступление сейчас против Временного Правительства, защищая *не* это правительство, звавшее Каледина и К° третьего июля, а самостоятельно защищая революцию, преследуя цели свои, цели победы рабочих, победы бедных, победы дела мира, а не победы империалистов — Керенского, Авксентьева, Церетели, Скобелева и К°». Даже в том исключительно редком случае, который мы предположили, большевик сказал бы меньшевикам: «Конечно, мы будем сражаться, но ни на малейший политический союз с вами, ни на малейшее выражение доверия к вам мы не пойдем, — совершенно так же, как в феврале 1917 года социал-демократы сражались против царизма совместно с кадетами, не идя ни в какой союз с кадетами, не веря им ни на секунду. Малейшее доверие к меньшевикам было бы такой же изменой революции теперь, как доверие кадетам в 1905 — 1917 годах».

Большевик сказал бы рабочим и солдатам: «будемте сражаться, но ни тени доверия к меньшевикам, если вы не хотите отнять у себя плоды победы».

Меньшевикам слишком выгодно распространять ложные слухи и предположения, будто поддерживаемое ими правительство спасает революцию, когда на деле оно *уже в блоке* с Каледиными, *уже* контр-революционно, *уже* сделало массу шагов и ежедневно делает новые во исполнение условий этого своего блока с Калединым.

Верить этим слухам, прямо или косвенно поддерживать их значило бы со стороны большевиков изменять делу революции. Главный залог ее успеха теперь — ясное сознание массами предательства меньшевиков и эс-эров, полный разрыв с ними, такой же безусловный бойкот их всяким революционным пролетарием, каков был бойкот кадета после опыта 1905 года.

Эту статью я прошу переписать в нескольких экземплярах, чтобы одновременно и послать для печати в несколько партийных газет и журналов, и одновременно внести в Ц. К. от моего имени с такой припиской:

Настоящую статью я прошу рассматривать как мой доклад Ц. К. с добавлением моего предложения — назначить официальное расследование Ц. К., при участии москвичей нечленов Ц. К. для установления факта, были ли общие учреждения на этой почве у большевиков с оборонцами, были ли блоки или сговоры, в чем они состояли и т. д. Необходимо официально расследовать факты и подробности, узнать все детали. Необходимо отстранить от работы членов Ц. К. или М. К., ежели бы факт блока подтвердился, и внести вопрос о формальном отстранении их до съезда на первый же пленум Ц. К. Ибо именно Москва *теперь*, после Московского Совещания, после забастовки, после 3 — 5 июля приобретает или может приобрести значение *центра*. В этом громадном пролетарском центре, который больше Петрограда, вполне возможно нарастание движения типа 3 — 5 июля. Тогда в Питере задача была: придать мирный и организованный характер. Это *был* верный лозунг. Теперь в Москве задача *стоит* совсем иная; старый лозунг был бы архиневерен. Теперь задача была бы *взять власть* самим и объявить себя правительством во имя мира, земли крестьянам, созыва Учредительного Собрания в срок по соглашению с крестьянами на местах и т. д. Весьма возможно, на почве безработицы, голода, железно-дорожной стачки, разрухи и т. п. подобное движение в Москве вспыхнет. Крайне важно, чтобы в Москве «у руля» стояли люди, которые бы не колебались вправо, не способны были на блоки с меньшевиками, которые бы в случае движения понимали *новые* задачи, *новый* лозунг взятия власти, *новые* пути и средства к нему. Вот почему «следствие» по делу о блоке и порицание блокистам-большевикам, если таковые были, отстранение их необходимо не только во имя дисциплины, не только для исправления уже допущенной глупости, а необходимо в существеннейших интересах *будущего* движения. Стачка в Москве 12 августа доказала, что *активный* пролетариат за большевиками, несмотря на большинство при голосованиях в Думу у эс-эров. Это очень похоже на ситуацию в Питере перед 3 — 5 июля 1917 г. Но разница положения: тогда Питер не мог бы взять власть даже физически, а если бы взял физически, то политически не мог бы удержать, ибо Церетели и К° еще не упали до поддержки палачества. Вот почему *тогда*, 3 — 5 июля 1917 г. в Питере лозунг взятия власти был бы *неверен*. Тогда даже у большевиков не было и быть не могло сознательной решимости трактовать Церетели и К°, как контрреволюционеров. Тогда ни у солдат, ни у рабочих не могло быть опыта созданного месяцем июлем.

Теперь совсем не то. Теперь в Москве, если вспыхнет стихийное движение, лозунг должен быть именно взятие власти. Поэтому сугубо важно и стократ важно, чтобы в Москве руководили движением подходящие люди, *вполне* понявшие и продумавшие этот лозунг. Вот почему еще и еще раз приходится настаивать на следствии и отстранении виновных.

Написано 31 августа—1 сентября (18—19 августа) 1917 г.

Впервые напечатано в 1927 г. в «Ленинском Сборнике» VII.

Печатается по рукописи.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ШАНТАЖ.

Шантажем называется вымогательство денег под угрозой разоблачения каких-нибудь фактов или вымышленных «историй», могущих быть неприятными разоблачаемому, или под угрозой причинения ему каких-либо других неприятностей.

Политический шантаж есть угроза разоблачением или разоблачение фактических, а чаще вымышленных «историй» в целях политически нанести ущерб, оклеветать, отнять или затруднить противнику возможность политической деятельности.

Наши республиканские, извините за выражение, даже демократические буржуа и мелкие буржуа проявили себя героями политического шантажа, поднимая «кампанию» наветов, лжи и клеветы против неугодных им партий и политических деятелей. Царизм преследовал грубо, дико, зверски. Республиканская буржуазия преследует *грязно*, стараясь запачкать ненавистного ей пролетарского революционера и интернационалиста клеветой, ложью, инсинуациями, наветами, слухами и прочее и прочее.

Большевики в особенности имели честь испытать на себе эти приемы преследования республиканских империалистов. Большевик вообще мог бы применить к себе известное изречение поэта:

> Он слышит звуки одобрения
> Не в сладком ропоте хвалы,
> А в диких криках озлобления [50]).

Дикие крики озлобления почти тотчас вслед *за* началом русской революции несутся против большевика со страниц всей буржуазной и почти всей мелкобуржуазной печати. И большевик, интернационалист, сторонник пролетарской революции, по справедливости, может в этих диких криках озлобления «слышать» звуки одобрения, ибо бешеная ненависть буржуазии часто служит лучшим доказательством правильной и честной службы пролетариату со стороны оклеветанного, травимого, преследуемого.

Шантажный характер клеветнических приемов буржуазии мы можем особенно наглядно иллюстрировать на примере, *не* касаю-

щемся нашей партии, на примере эс-эра Чернова. Заведомые клеветники, члены кадетской партии, с Милюковым и Гессеном во главе, желая запугать или выгнать Чернова, подняли против него травлю за заграничные его, будто бы, «пораженческие» статьи и за прикосновенность его к людям, получавшим будто бы деньги от агентов немецкого империализма. Травля начала разгораться. Вся буржуазная пресса подхватила ее.

Но вот кадеты и эс-эры «помирились» на определенном составе министерства. И — о чудо! — «дело» Чернова исчезло!! В несколько дней, без суда, без разбора, без оглашения документов, без опроса свидетелей, без заключения экспертов, — «дело» исчезло. Когда кадеты были недовольны Черновым, возникло клеветническое «дело». Когда кадеты, хотя бы на время, политически помирились с Черновым, «дело» исчезло.

Вот вам, как на ладони, политический шантаж. Газетная травля лиц, клеветы, инсинуации служат в руках буржуазии и таких негодяев, как Милюковы, Гессены, Заславские, Даны и пр., орудием политической борьбы и политической мести. Достигнута политическая цель, — и «дело» против NN или ММ «исчезает», доказывая тем грязную натуришку, подлую бесчестность, шантажизм возбудившего «дело».

Ибо ясно, что *не*шантажист ни при каких политических переменах не прекратил бы разоблачения, если бы он разоблачал, руководясь честными побуждениями; что *не*шантажист во всяком случае давал бы свои разоблачения до конца, до приговора суда, до полного осведомления публики, до сбора и оглашения *всех* документов или до признания открытого и прямого, что с его стороны была ошибка или недоразумение.

Пример Чернова, небольшевика, наглядно показывает нам действительную сущность шантажистского похода на большевиков со стороны буржуазной и мелкобуржуазной печати. Когда политическая цель этих рыцарей капитала и прихвостней его казалась им достигнутой, когда большевиков арестовали, газеты их закрыли, тогда шантажисты *замолчали!* Имея в руках все средства раскрытия истины: и печать, и деньги, и помощь заграничной буржуазии, и содействие «общественного мнения» всей буржуазии России, и дружественную поддержку государственной власти одного из крупнейших государств мира; имея в руках все это, герои похода на большевиков, Милюковы и Гессены, Заславские и Даны, *замолчали.*

Для всякого честного человека ясно становится то, что сразу стало ясно сознательным рабочим, коих вся жизнь подготовляет к быстрому уразумению приемов буржуазии, именно: что Милюковы и Гессены, Заславские и Даны и пр. и пр. суть *политические шантажисты.* Надо это закрепить, разъяснить это массам, печатать это ежедневно в газете, собрать документы об

этом для брошюрки, бойкотировать шантажистов и т. д. и т. д. Вот достойные пролетариата приемы борьбы с клеветой и шантажем!

Одним из последних пострадал от шантажа наш товарищ Каменев. Он «устранился от общественной деятельности» до разбора дела [51]). По нашему мнению, это — ошибка. Шантажистам только того и надо было. Разбирать дело они не хотят. Каменеву достаточно было противопоставить негодяям доверие *своей* партии — и пусть потом лают собаки «Речи», «Биржевки», «Дня», «Рабочей Газеты» и прочих подлых газет.

Если наша партия будет соглашаться на отстранение от общественной деятельности ее вождей по случаю оклеветания их буржуазией, то партия страшно пострадает, принесет вред пролетариату, доставит удовольствие врагам его. Ибо газет у буржуазии много, шантажистских наемных перьев (вроде Заславского и К⁰) у нее есть еще больше, слишком ей будет легко «отстранять» наших партийных работников! О разборе дела, о поисках истины она и не думает.

Нет, товарищи! Не будем поддаваться критикам буржуазной прессы! Не будем доставлять удовольствия негодяям шантажа — Милюковым, Гессенам, Заславским. Будем полагаться на суд пролетариев, сознательных рабочих своей партии, состоящей из 240.000 интернационалистов. Не забудем, что во всем мире интернационалистов преследует буржуазия в союзе с оборонцами приемами лжи, клеветы, шантажа.

Будем стойки в клеймении шантажистов. Будем непреклонны в разборе малейших сомнений судом сознательных рабочих, судом своей партии, ей мы верим, в ней мы видим ум, честь и совесть нашей эпохи, в международном союзе революционных интернационалистов видим мы единственный залог освободительного движения рабочего класса.

И никакой податливости «общественному мнению» тех, кто сидит в одном министерстве с кадетами, кто подает руки Милюковым, Данам, Заславским.

Долой политических шантажистов! Презрение и бойкот им! Неустанное разоблачение их подлых имен перед рабочими массами! Мы должны твердо идти своей дорогой, охранять работоспособность своей партии, охранять ее вождей от того даже, чтобы они тратили время на пакостников и их пакостные клеветы.

«Пролетарий» № 10, 6 сентября (24 августа) 1917 г.

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія. Цѣна 15 коп.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

РАБОЧІЙ

Центральный органъ Р. С.-Д. Р. П.

Пріемъ по дѣламъ редакціи

РЕДАКЦІЯ ПОМѢЩАЕТСЯ:
Выборгск. стор., Финляндскій пр., д. № 6, 3-й этажъ, комн. № 12.

№ 2. Суббота ПЕТРОГРАДЪ. 8-го Сентября (26-го августа ст. ст.) 1917 г.

БУМАЖНЫЕ РЕЗОЛЮЦИИ.

Господин Церетели — один из самых болтливых «социалистических» министров и вождей мещанства. Трудно заставить себя прочитывать до конца его бесчисленные речи, до такой степени бессодержательны и пошлы эти, ровно ничего не говорящие, ни к чему не обязывающие, ровно никакого серьезного значения не имеющие, поистине «министерские» речи. Особенно невыносимым делает эти красноречивые «выступления» (которые именно своей пустотой должны были сделать из Церетели любимчика буржуазии) бесконечная самовлюбленность оратора, и трудно бывает решить, тупость ли сверхобычная или циничное политическое делячество прикрывается прилизанными, гладенькими и сладенькими фразами.

Чем бессодержательнее речь Церетели, тем с большей энергией надо подчеркнуть совершенно невероятное, исключительное происшествие, случившееся с этим оратором в пленарном заседании Петроградского Совета 18-го августа. Невероятно — но факт: Церетели обмолвился простым, ясным, дельным, правдивым словом. Он обмолвился таким словом, которое правдиво выражает глубокую и серьезную политическую истину, имеющую не случайное значение, а характеризующую все современное политическое положение в его существенных, коренных чертах, в его основах.

Церетели сказал, по отчету «Речи» (читатель помнит, конечно, что Церетели восставал против резолюции об отмене смертной казни):

«...Никакие ваши резолюции не помогут. Здесь необходимы не бумажные резолюции, а реальные дела»... [52])

Что правда, то правда. Умные речи приятно и слушать...

Конечно, этой правдой Церетели бьет прежде всего и больше всего самого себя. Ибо именно он, как один из виднейших вождей Совета, способствовал проституированию этого учреждения, низведению его до жалкой роли какого-то либерального собрания, оставляющего в наследство миру архив образцовобессильных

добреньких пожеланий. Кто иной, а Церетели, проведший через кастрированный эс-эрами и меньшевиками Совет сотни «бумажных резолюций», меньше всего имел бы право, когда дошло дело до принятия больно бьющей его самого резолюции, кричать о «бумажных резолюциях». Церетели поставил себя в особенно смешное положение парламентария, который больше всего с «парламентскими» резолюциями возился, больше всего превозносил до небес их значение, больше всего над ними хлопотал, а когда получил резолюцию *против себя*, то закричал во все горло «зелен виноград», собственно говоря, ведь резолюция-то бумажная.

А все же правда, хотя и фальшивым человеком, хотя и фальшивым тоном сказанная, остается правдой.

Резолюция бумажная не потому, почему ее объявил бумажной бывший министр Церетели, полагающий, что для защиты революции (не шутите!) необходима смертная казнь. Резолюция бумажная потому, что в ней повторяется шаблонная, с марта 1917 года наизусть заученная и бессмысленно повторяемая формула: «Совет требует от Временного Правительства». Привыкли «требовать» и повторяют по привычке, не замечая, что положение изменилось, сила отошла, а «требование», не опирающееся на силу, смешно.

Мало того, шаблонно повторяемое «требование» внушает массам иллюзии, будто положение не изменилось, будто Совет сила, будто, заявив «требование», Совет сделал дело и может пойти лечь спать сном исполнившего свой долг «революционного» (извините...) «демократа».

Иной читатель, пожалуй, спросит: неужели не надо было большевикам, сторонникам политической трезвости, учета сил, противникам фразы голосовать за резолюцию.

Нет. Голосовать надо было за, уже потому, что в одном параграфе резолюции (§ 3) содержится прекрасная, верная мысль (основная, главная, решающая), что смертная казнь есть орудие против *масс* (другое дело, если бы речь шла об орудии против помещиков и капиталистов) [53]. Голосовать надо было за, хотя мещане эс-эры испакостили текст Мартова и вместо ссылки на «чуждые интересам народа империалистические» цели вставили безусловно лживую, обманывающую народ, прикрашивающую грабительскую войну, фразу о «защите родины и революции».

Голосовать надо было за, оговоривши свое несогласие с отдельными местами и сделав заявление: «Рабочие! Не думайте, что Совет в состоянии теперь что-либо требовать от Временного Правительства. Не поддавайтесь иллюзиям. Знайте, что Совет *уже* не в силах требовать, а *теперешнее* правительство полный пленник контр-революционной буржуазии. Думайте посерьезнее об этой горькой истине». Никто не мог помешать членам Совета голосовать *за*, сделав в той или иной форме такие оговорки.

И тогда резолюция перестала бы быть «бумажной».

И тогда мы обошли бы провокаторский вопрос Церетели, который спрашивал членов Совета, хотят ли они «свергать» Временное Правительство — совершенно так же, буквально так же, как Катков спрашивал либералов при Александре III, хотят ли они «свергать» самодержавие. Мы бы ответили экс-министру: «любезный гражданин, вы только что издали каторжный закон против тех, кто «посягает» или даже только покушается «свергать» правительство (образованное по соглашению помещиков и капиталистов с мелкобуржуазными предателями демократии). Мы вполне понимаем, что вас еще больше хвалили бы все буржуа, если бы вы «подвели» несколько большевиков под этот приятный (для вас) закон. Но не удивляйтесь, если мы не ставим своей задачей облегчать вам нахождение случаев применения этого «приятного» закона».

* *
*

Как солнце в малой капле воды, отразился в инциденте 18-го августа весь политический строй России. Бонапартистское правительство, смертная казнь, каторжный закон, подслащивание этих «приятных» (для провокаторов) вещей совершенно такими же фразами, которые рассыпал Луи Наполеон, о равенстве, братстве, свободе, чести и достоинстве родины, о традициях великой революции, о подавлении анархии.

Сладенькие, до приторности сладенькие мелкобуржуазные министры и эксминистры, которые бьют себя в грудь, уверяя, что у них есть душа, что они ее губят, вводя и применяя против масс смертную казнь, что они плачут при этом — улучшенное издание того «педагога» 60-х годов прошлого века, который следовал заветам Пирогова и порол не попросту, не пообычному, не по-старому, а поливая человеколюбивой слезой «законно» и «справедливо» подвергнутого порке обывательского сынка.

Крестьяне, обманутые своими мелкобуржуазными вождями и продолжающие верить, что от бракосочетания блока эс-эров и меньшевиков с буржуазией может родиться... отмена частной собственности на землю без выкупа.

Рабочие... ну, о том, что думают рабочие, мы помолчим, пока «гуманный» Церетели не отменит нового каторжного закона.

«Рабочий» № 2, 8 сентября (26 августа) 1917 г.

О СТОКГОЛЬМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

Многие интересуются теперь снова Стокгольмской конференцией. Вопрос о ее значении усиленно обсуждался газетами. Вопрос этот неразрывно связан с оценкой самых основ всего современного социализма, в его отношении к империалистской войне в особенности. Вот почему на Стокгольмской конференции следует остановиться поподробнее.

Революционные социал-демократы, т.-е. большевики, с самого начала высказывались против участия в этой конференции. Они исходили при этом из принципиальных оснований. Всем известно, что социалисты во всем мире, во всех странах, как воюющих, так и нейтральных, раскололись по вопросу об отношении к войне на два крупных, основных деления. Одни встали на сторону своих правительств, своей буржуазии. Мы называем их социал-шовинистами, т.-е. социалистами на словах, шовинистами на деле. Шовинистом зовется тот, кто понятием «защита отечества» прикрывает защиту грабительских интересов «своих» правящих классов. В настоящей войне буржуазия обеих воюющих коалиций преследует грабительские цели: немецкая — воюет за ограбление Бельгии, Сербии и т. д., английская и французская — за ограбление немецких колоний и проч., русская — за ограбление Австрии (Львов), Турции (Армения, Константинополь).

Поэтому те социалисты, которые стали на точку зрения своей буржуазии в настоящей войне, перестали быть социалистами, изменили рабочему классу, перешли на деле в лагерь буржуазии. Они стали классовыми врагами пролетариата. И история европейского и американского социализма, особенно за эпоху II Интернационала, т.-е. за время с 1889 по 1914 год, показывает нам, что такой переход части социалистов, особенно большинства вождей и парламентариев, на сторону буржуазии — не случайность. Во всех странах именно оппортунистическое крыло социализма поставило главные кадры социал-шовинистов. Социал-шовинизм, если рассматривать его научно, т.-е. не выхватывать отдельных лиц, а брать целое международное течение в его

развитии, в совокупности его общественных связей, есть оппортунизм, дошедший до своего логического конца.

В пролетарских массах повсюду в более или менее ясной и острой форме наблюдается сознание предательства социализма социал-шовинистами, ненависть и презрение к виднейшим социал-шовинистам, каковы Плеханов в России, Шейдеман в Германии, Гэд и Ренодель с К⁰ во Франции, Гайндман и т. д. в Англии и проч., и проч.

Во всех странах за время войны наметилось, несмотря на отчаянные преследования со стороны буржуазии и затыкание рта, течение революционного интернационализма. Это течение осталось верно социализму. Оно не поддалось шовинизму, не позволило прикрывать его лживыми фразами о защите отечества, а разоблачало всю ложь этих фраз, всю преступность данной войны, которую буржуазия обеих коалиций ведет ради грабительских целей. К этому течению принадлежат, напр., Маклин в Англии, осужденный на полтора года каторги за борьбу против грабительской английской буржуазии, Карл Либкнехт в Германии, осужденный на каторгу разбойниками германского империализма за такое «преступление», как призыв к революции в Германии и разоблачение грабительского характера войны с ее стороны. К этому же течению принадлежат большевики в России, преследуемые агентами русского республиканско-демократического империализма за такое же «преступление», за которое преследуют Маклина и Карла Либкнехта.

Это направление единственно верно социализму. Это направление одно только не изменило тому торжественному заявлению своих убеждений, тому торжественному обещанию, которое единогласно подписали социалисты всего мира, всех стран без исключения в ноябре 1912 года в Базельском манифесте. В этом манифесте говорится, как раз, не о войне вообще, — войны бывают разные, — а именно о той войне, которая в 1912 году явно для всех подготовлялась и в 1914 году разразилась, о войне между Германией и Англией с их союзниками из-за мирового господства. И перед лицом такой войны Базельский манифест ни одним звуком не упоминает ни об обязанности, ни о праве социалистов «защищать отечество» (т. е. оправдывать свое участие в войне), а говорит с полнейшей определенностью, что такая война должна вести к «пролетарской революции». Измена социализму со стороны социал-шовинистов всех стран особенно наглядно видна из того, что они все обходят теперь трусливо, как вор обходит место кражи, то место Базельского манифеста, где говорится о связи именно данной войны с пролетарской революцией.

Понятно, какая непроходимая пропасть существует между социалистами, оставшимися верными Базельскому манифесту и «отвечающими» на войну проповедью и подготовкой пролетарской

революции, и социал-шовинистами, отвечающими на войну поддержкой «своей» национальной буржуазии. Понятно, как беспомощны, наивны и лицемерны потуги «примирить» или «объединить» то и иное течение.

Именно такие потуги во всем их убожестве наблюдаются со стороны третьего течения в мировом социализме, так называемого течения «центра» или «каутскианства» (по имени самого видного представителя «центра» — Карла Каутского). За все три года войны это течение во всех странах обнаружило свою полную безыдейность и беспомощность. В Германии, напр., ход событий заставил каутскианцев расколоться с немецкими Плехановыми и образовать особую, так называемую «независимую с.-д. партию»[54]). и все же эта партия боится сделать необходимые выводы, проповедует «единство» с социал-шовинистами в международном масштабе, продолжает обманывать рабочие массы надеждой на восстановление такого единства в Германии, тормозит единственно правильную пролетарскую тактику революционной борьбы со «своим» правительством, борьбы и во время войны, борьбы, которая может и должна изменить свои формы, но которая не может быть отсрочиваема, отодвигаема.

Вот каково положение дел в международном социализме. Без ясной оценки этого положения, без принципиального взгляда на все течения международного социализма нельзя и подступиться к вопросу практического характера, наприм., к вопросу о Стокгольмской конференции. А между тем принципиальную оценку *всех* течений международного социализма дала *только* партия большевиков в подробной резолюции, принятой на конференции 24—29 апреля 1917 года*) и подтвержденной VI съездом нашей партии в августе. Забывать эту принципиальную оценку и рассуждать о Стокгольме помимо нее, значит становиться на почву полной беспринципности.

Как образец этой беспринципности, господствующей в среде всех мелкобуржуазных демократов, эс-эров и меньшевиков, можно указать статью в «Новой Жизни» от 10 августа. Статья эта именно потому и заслуживает внимания, что собирает вместе, в газете, стоящей на самом левом крыле мелкобуржуазных демократов, самые распространенные ошибки, предрассудки, безыдейность насчет Стокгольма.

«Можно относиться к Стокгольмской конференции, — пишет передовица «Новой Жизни», — по тем или иным причинам отрицательно, можно принципиально осуждать попытки соглашения «оборонческих большинств». Но зачем же отрицать то, что своей очевидностью бьет в глаза? Ведь после известного решения английских рабочих, вызвавшего политический кризис в стране и произведшего первую глубокую трещину в «на-

*) См. XX том Сочинений, стр. 620. *Ред.*

циональном единении» Великобритании, конференция приобрела значение, которого она до сих пор еще не имела»[55]).

Это рассуждение — образчик беспринципности. В самом деле, каким образом из-за того бесплодного факта, что по поводу Стокгольмской конференции дало глубокую трещину «национальное единение» в Англии, можно вывести вывод, будто мы обязаны заклеивать, а не углублять эту трещину. Принципиальный вопрос стоит так и только так: разрыв с оборонцами (социал-шовинистами) или соглашение с ними. Стокгольмская конференция была одной из многих попыток соглашения. Она не удалась. Ее неудача вызвана тем, что англо-французские империалисты *сейчас* вести переговоры о мире несогласны, а немецкие империалисты согласны. Английские рабочие яснее почувствовали обман их английской империалистской буржуазией.

Спрашивается, как надо это использовать? Мы, революционные интернационалисты, говорим: это надо использовать для углубления разрыва пролетарских масс со своими социал-шовинистами, для доведения этого разрыва до конца, для устранения всех и всяких помех развитию революционной борьбы масс со своими правительствами, со своей буржуазией. Действуя так, именно мы и только мы углубляем трещину и доводим ее до разрыва.

А идущие в Стокгольм, или, вернее, проповедующие массам необходимость идти туда, теперь, когда жизнь «ушла» эту затею, — чего они достигают на деле? Только того, что заклеивают трещину, ибо Стокгольмская конференция заведомо собирается и поддерживается людьми, поддерживающими *свои* правительства, министериалистами Черновым и Церетели, Стаунингами, Брантингами, Трульстра, не говоря о Шейдеманах.

Вот что «своей очевидностью бьет всем в глаза», вот что забывают или затушевывают оппортунисты из «Новой Жизни», рассуждая совершенно беспринципно, вне общей оценки социал-шовинизма, как течения. Стокгольмская конференция есть собеседование министров, состоящих в империалистских правительствах. Как ни старается «Новая Жизнь» обойти этот факт, его не обойдешь. Звать рабочих идти в Стокгольм, звать их дожидаться Стокгольма, звать их возлагать какие бы то ни было надежды на Стокгольм, это значит говорить массам: «вы можете, вы должны ждать добра от соглашения мелкобуржуазных партий и министров, состоящих в империалистских правительствах, поддерживающих империалистские правительства».

Именно эту беспринципнейшую, вреднейшую пропаганду «Новая Жизнь», сама того не замечая, и ведет.

Из-за конфликта между социал-шовинистами англо-французскими и их правительствами она забывает, что такими же социал-шовинистами, поддерживающими свои правительства, остаются

Черновы, Скобелевы, Церетели, Авксентьевы, Брантинги, Стаунинги, Шейдеманы. Разве это не беспринципность?

Вместо того, чтобы говорить рабочим: смотрите, англо-французские империалисты не позволили даже своим социал-шовинистам идти поговорить с социал-шовинистами немецкими,— значит война грабительская *и* со стороны Англии и Франции; значит, кроме разрыва со *всеми* правительствами, со *всеми* социал-шовинистами до конца нет спасения, — вместо того, чтобы говорить это, «Новая Жизнь» утешает рабочих иллюзиями:

«В Стокгольме, — пишет она, — собираются придти к соглашению о мире и совместно выработать общий план **борьбы:** отказ голосования кредитов, разрыв с «национальным единением», отозвание министров из правительств и т. п.».

Вся доказательность этой, насквозь лживой, фразы сводится к тому, что слово «борьба» набрано в ней жирным шрифтом. Нечего сказать, хорошее доказательство!

Через три года войны все еще кормить рабочих пустейшими посулами: «в Стокгольме собираются» разорвать с национальным единением...

Собираются это сделать кто? Шейдеманы, Черновы, Скобелевы, Авксентьевы, Церетели, Стаунинги, Брантинги, т.-е. именно люди (и партии), по несколько лет и по несколько месяцев проводящие политику национального единения. Как бы искренна ни была вера «Новой Жизни» в такое чудо, как бы добросовестно она ни исповедывала убеждение, будто это возможно, мы должны все же сказать, что «Новая Жизнь» распространяет величайший обман среди рабочих.

«Новая Жизнь» обманывает рабочих, внушая им доверие к социал-шовинистам: у нее выходит так, что вот-де хотя до сих пор социал-шовинисты и входили в министерства и проводили политику национального единения, но в Стокгольме в ближайшем будущем они договорятся, согласятся, столкуются и перестанут так поступать. Они начнут борьбу за мир, они откажутся от голосования кредитов и прочее, и прочее...

Все это сплошной и величайший обман. Все это есть реакционное утешение и успокаивание рабочих, внушение им доверия к социал-шовинистам. Но ведь те социалисты, которые не на словах, не для самообмана, не для обмана рабочих «борются за мир», давным-давно начали такую борьбу, не дожидаясь никаких международных конференций, начали такую борьбу именно разрывом национального единения, именно так, как Маклин в Англии, Карл Либкнехт в Германии, большевики в России.

«Мы вполне понимаем, — пишет «Новая Жизнь», — законный и здоровый скептицизм большевиков по отношению к Реноделям и Шейдеманам, но публицисты из «Рабочего и Солдата» доктринерски не хотят из-за деревьев видеть леса; они не учитывают

перемены настроения в массах, на которые опирались Ренодель и Шейдеман». Дело не в скептицизме, господа, — это у вас преобладающее настроение есть интеллигентский скептицизм, прикрывающий и выражающий беспринципность. Мы не скептики по отношению к Реноделям и Шейдеманам, мы враги их. Это «две большие разницы». Мы порвали с ними и зовем массы рвать с ними. Именно мы и только мы «учитываем» и перемену настроения в массах, и нечто еще, гораздо более важное и более глубокое, чем настроение и его перемена: основные интересы масс, непримиримость этих интересов с политикой социал-шовинизма, представляемой Реноделями и Шейдеманами. В Стокгольме господчики из «Новой Жизни» вместе с министрами российского империалистского правительства встретятся как раз с Шейдеманами и Реноделями (ибо Стаунинг и Трульстра, не говоря уже об Авксентьеве и Скобелеве, ничем серьезно не отличаются от Реноделей). А мы от Стокгольмской комедии между социал-шовинистами, в среде социал-шовинистов отворачиваемся как раз с тем и для того, чтобы открывать глаза *массам*, чтобы их интересы выражать, их звать на революцию, их перемену настроения использовать не для беспринципного подлаживания под данное настроение, а для принципиальной борьбы за полный разрыв с социал-шовинизмом.

«... Большевики, — пишет «Новая Жизнь», — любят колоть глаза интернационалистам, идущим в Стокгольм, их соглашательством с Шейдеманами и Гендерсонами, «не замечая», что сами они по отношению к конференции, — разумеется, по глубоко различным причинам, — идут вместе с Плехановыми, Гэдами и Гайндманами».

Неверно, что мы идем вместе с Плехановыми по отношению к конференции! Это явная нелепость. Мы совпадаем с Плехановыми в нежелании идти на половинчатую конференцию с частью социал-шовинистов. Но наше *отношение* к конференции совсем не то, ни принципиально, ни практически не то, каково отношение Плехановых. Между тем, вы, называющие себя интернационалистами, вы действительно идете вместе на конференцию с Шейдеманами, Стаунингами, Брантингами, вы действительно соглашательствуете с ними. Ведь это факт. «Великим делом объединения международного пролетариата» вы называете мелкое, мизерное, в значительной степени интриганское, зависимое от империалистов одной из коалиций, дело *объединения социал-шовинистов*. Это факт.

Вы, якобы-интернационалисты, не можете проповедывать массам участия в Стокгольме (очень вероятно, что дальше проповеди дело не пойдет, ибо конференция не состоится, но идейное значение проповеди останется), вы не можете проповедывать массам участия в Стокгольме, не говоря кучи неправд, не

сея иллюзий, не подкрашивая социал-шовинистов, не внушая массам надежды на то, будто Стаунинги и Брантинги, Скобелевы и Авксентьевы способны всерьез порвать «национальное единение».

Между тем, мы, большевики, в своей пропаганде против Стокгольма, говорим массам всю правду, продолжаем разоблачать социал-шовинистов и политику соглашения с ними, ведем массы к полному разрыву с ними. Если дело сложилось так, что немецкий империализм считает для себя данный момент удобным для участия в Стокгольме и посылает туда своих агентов Шейдеманов, а английский империализм считает момент для себя неудобным, не хочет теперь даже говорить о мире, то мы разоблачаем английский империализм и пользуемся конфликтом между ним и английскими пролетарскими массами для углубления их сознания, для усиленной пропаганды интернационализма, для разъяснения им необходимости полного разрыва с социал-шовинизмом.

Якобы интернационалисты из «Новой Жизни» поступают как интеллигентские импрессионисты, т.-е. люди, бесхарактерно поддающиеся настроению минуты и забывающие основные принципы интернационализма. Люди из «Новой Жизни» рассуждают так: раз английский империализм *против* Стокгольмской конференции, значит мы должны быть *за*. Значит конференция приобрела значение, которого она до сих пор не имела.

Рассуждать так, значит на деле впасть в беспринципность, ибо ведь немецкий империализм сейчас *за* Стокгольмскую конференцию из-за своих корыстных и грабительских империалистических интересов. Чего же стоит «интернационализм» таких «интернационалистов», которые боятся прямо признать этот бесспорный и очевидный факт, которые вынуждены прятаться от него. Где же у вас гарантии, господа, что, участвуя в Стокгольме вместе с Шейдеманами, Стаунингами и К°, вы не явитесь фактически игрушкой, орудием в руках тайных дипломатов немецкого империализма? У вас таких гарантий быть не может. Их нет. Стокгольмская конференция, если она все же состоится, что очень мало вероятно, будет попыткой немецких империалистов позондировать почву на счет возможности такого-то или такого-то обмена аннексий. Вот каково будет реальное, действительное значение красноречивых речей Шейдеманов со Скобелевыми и К°. А если эта конференция не состоится, реальное значение будет иметь ваша проповедь массам, внушающая им лживые надежды на социал-шовинистов, на их близкое, возможное, вероятное «исправление».

В обоих случаях вы, желая быть интернационалистами, на деле оказываетесь пособниками социал-шовинистов то одной коалиции, то обеих коалиций.

А мы учитываем все перипетии и частности политики, оставаясь последовательными интернационалистами, проповедуя братский союз рабочих, разрыв с социал-шовинистами, работу над пролетарской революцией.

«Рабочий» № 2, 8 сентября (26 августа) 1917 г.
Подпись: Н. К — ов.

КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧИЕ.

В № 88 «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» [56]) от 19 августа напечатана чрезвычайно интересная статья, которая должна бы стать одним из основных документов в руках всякого партийного пропагандиста и агитатора, имеющего дело с крестьянством, в руках всякого сознательного рабочего, направляющегося в деревню или соприкасающегося с ней.

Эта статья — «Примерный наказ, составленный на основании 242-х наказов, доставленных местными депутатами на 1-й Всероссийский Съезд Крестьянских Депутатов в Петрограде в 1917 году».

Было бы крайне желательно, чтобы Совет Крестьянских Депутатов опубликовал как можно более подробные данные обо всех этих наказах (если уже абсолютно невозможно напечатать все их полностью, что было бы, конечно, всего лучше). Например, особенно необходим полный список губерний, уездов, волостей с указанием, сколько наказов из каждой местности доставлено, время составления или доставления наказов, анализ основных хотя требований, чтобы можно было видеть, заметны ли различия по районам относительно тех или других пунктов. Скажем, район подворного и общинного землевладения, районы великорусский и инонациональные, районы центра и районы окраин, районы, не знавшие крепостного права и пр., отличаются ли они постановкой вопроса об отмене права собственности на все *крестьянские* земли, о периодических переделах земли, о недопущении наемного труда, о конфискации инвентаря и скота у помещиков и проч., и проч. Научное изучение необыкновенно ценного материала крестьянских наказов без таких подробных данных невозможно. А мы, марксисты, всеми силами должны стремиться к научному изучению фактов, лежащих в основе нашей политики.

За неимением лучшего материала *сводка наказов* (так мы будем называть «примерный наказ»), пока не доказана в ней какая-либо фактическая неверность, остается единственным в своем

роде материалом, который, повторяем, обязательно должен быть в руках каждого члена нашей партии.

Первая часть сводки наказов посвящена общим политическим положениям, требованиям политической демократии; вторая—вопросу о земле. (Будем надеяться, что Всероссийский Совет Крестьянских Депутатов или кто-либо другой произведет сводку крестьянских наказов и резолюций по вопросу о войне.) На первой части мы не будем сейчас останавливаться подробно и отметим лишь два пункта. В § 6 требуется выборность всех должностных лиц; в 11 §—упразднение, по окончании войны, постоянной армии [57]). Эти пункты делают политическую программу крестьян *всего ближе* стоящей к программе партии большевиков. Опираясь на эти пункты, мы должны во всей своей пропаганде и агитации указывать и доказывать, что меньшевистские и эс-эровские вожди суть изменники не только социализма, но и демократии, ибо они отстаивали, напр., в Кронштадте, вопреки воле населения, вопреки принципам демократии, в угоду капиталистам, должность комиссара, *утверждаемого* правительством, т.-е. не чисто выборную. Эс-эровские и меньшевистские вожди в районных думах Питера и в других учреждениях местного самоуправления, вопреки принципам демократии, борются против большевистского требования немедленно начать введение рабочей милиции, а затем переход ко всенародной милиции.

Земельные требования крестьянства, по сводке наказов, состоят прежде всего в безвозмездной отмене частной собственности на земли всех видов, вплоть до крестьянских; в передаче государству или общинам земельных участков с высококультурными хозяйствами; в конфискации всего живого и мертвого инвентаря конфискованных земель (исключаются малоземельные крестьяне), с передачей его государству или общинам; в недопущении наемного труда; в уравнительном распределении земли между трудящимися, с периодическими переделами, и т. д. В качестве мер переходного времени до созыва Учредительного Собрания, крестьяне требуют *немедленного* издания законов о запрещении купли-продажи земли, отмены законов о выделе из общины, отрубах и пр., об охране лесов, рыбных и пр. промыслов и т. д., об отмене долгосрочных и пересмотре краткосрочных арендных договоров и т. под.

Достаточно небольшого размышления над этими требованиями, чтобы увидеть полную невозможность осуществлять их *в союзе* с капиталистами, без полного разрыва с ними, без самой решительной и беспощадной борьбы с классом капиталистов, без свержения его господства.

В том-то и состоит самообман социалистов-революционеров и обман ими крестьянства, что они допускают и распространяют

мысль, будто такие преобразования, будто *подобные* преобразования возможны без свержения господства капиталистов, без перехода всей государственной власти к пролетариату, без поддержки беднейшим крестьянством самых решительных, революционных мер пролетарской государственной власти против капиталистов. В том-то и значение выделяющегося левого крыла «социалистов-революционеров», что оно доказывает рост сознания этого обмана внутри самой этой партии.

В самом деле, конфискация всей частновладельческой земли означает конфискацию сотен миллионов капитала банков, в которых эти земли большею частью заложены. Разве мыслима такая мера без того, чтобы революционный класс революционными мерами сломил сопротивление капиталистов. При этом речь идет о наиболее централизованном, банковом капитале, который миллиардами нитей связан со всеми важнейшими центрами капиталистического хозяйства громадной страны и который может быть побежден только не менее централизованной силой городского пролетариата.

Далее. Передача государству высококультурных хозяйств. Не очевидно ли, что «государство», способное взять их и вести хозяйство действительно в пользу трудящихся, а не в пользу чиновников и тех же капиталистов, должно быть пролетарским революционным государством?

Конфискация конских заводов и проч., затем всего живого и мертвого инвентаря — это не только еще и еще гигантские удары по частной собственности на средства производства. Это — шаги к социализму, ибо переход *инвентаря* в «исключительное пользование государства или общины» означает необходимость крупного, социалистического земледелия или по крайней мере социалистического контроля за объединенными мелкими хозяйствами, социалистического регулирования их хозяйства.

А «недопущение» наемного труда? Это пустая фраза, беспомощное, бессознательно наивное пожелание забитых мелких хозяйчиков, которые не видят, что вся капиталистическая промышленность станет при отсутствии резервной армии наемного труда в деревне, что нельзя «не допустить» наемного труда в деревне, допуская его в городе, что, наконец, «недопущение» наемного труда и означает не что иное, как шаг к социализму.

И здесь мы подошли к коренному вопросу об отношении рабочих к крестьянам.

Более 20 лет существует массовое социал-демократическое рабочее движение в России (если считать с больших стачек 1896 года). За этот большой промежуток времени, через две великие революции, красной нитью через всю политическую историю России тянется вопрос: рабочему ли классу вести крестьян

вперед, к социализму, или либеральному буржуа оттаскивать их назад, к примирению с капитализмом.

Оппортунистическое крыло социал-демократии все время рассуждает по следующей премудрой формуле: *так как* социалисты-революционеры мелкие буржуа, поэтому «мы» отбрасываем их мещански-утопический взгляд на социализм *во имя* буржуазного отрицания социализма. Марксизм благополучно подменяется струвизмом, и меньшевизм скатывается до роли кадетского лакея, «примиряющего» крестьян с господством буржуазии. Церетели и Скобелев, под ручку с Черновым и Авксентьевым, занятые подписыванием, от имени «революционной демократии», реакционных помещичьих указов кадетов — таково последнее и самое наглядное выражение этой роли.

Революционная социал-демократия, никогда не отказывавшаяся от критики мелкобуржуазных иллюзий эс-эров, *никогда не блокировавшаяся* с ними иначе, как *против* кадетов, все время борется *за вырывание* крестьян из-под влияния кадетов и противопоставляет мещански-утопическому взгляду на социализм не либеральное примирение с капитализмом, а революционно-пролетарский путь к социализму.

Теперь, когда война необыкновенно ускорила развитие, обострила кризис капитализма невероятно, поставила народы перед немедленным выбором: гибель или тотчас решительные шаги к социализму; теперь вся пропасть расхождения между полулиберальным меньшевизмом и революционно-пролетарским большевизмом выступает наглядно, практически, как вопрос действия десятков миллионов крестьян.

Миритесь с господством капитала, *ибо* для социализма «мы» еще не созрели, — вот что говорят крестьянам меньшевики, подменяя, между прочим, абстрактным вопросом о «социализме» вообще конкретный вопрос, можно ли лечить раны, нанесенные войной, без решительных шагов к социализму.

Миритесь с капитализмом, *ибо* социалисты-революционеры — мелкобуржуазные утописты, — вот что говорят крестьянам меньшевики и вместе с эс-эрами идут поддерживать кадетское правительство...

А эс-эры, бия себя в грудь, уверяют крестьян, что они против всякого мира с капиталистами, что они никогда не считали русскую революцию буржуазной, — и *поэтому* идут в блок *именно* с оппортунистами социал-демократами, идут поддерживать именно буржуазное правительство... Эс-эры подписывают какие угодно, самые что ни на есть революционные, программы крестьянства — с тем, чтобы не исполнять их, с тем, чтобы класть их под сукно, чтобы обманывать крестьян пустейшими обещаниями, на деле занимаясь месяцами «соглашательством» с кадетами в коалиционном министерстве.

Эта вопиющая, практическая, непосредственная, осязательная измена эс-эров интересам крестьянства чрезвычайно видоизменяет положение. Надо учесть эту перемену. Нельзя только постарому агитировать против эс-эров, только так, как мы это делали в 1902—1903 годах и в 1905—1907 годах. Нельзя ограничиваться теоретическими разоблачениями мелкобуржуазных иллюзий «социализации земли», «уравнительного землепользования», «недопущения наемного труда» и т. п.

Тогда был канун буржуазной революции или недовершенная буржуазная революция, и вся задача состояла в том, чтобы довести ее до свержения монархии, прежде всего.

Теперь монархия свергнута. Буржуазная революция завершена постольку, поскольку Россия оказалась демократической республикой с правительством из кадетов, меньшевиков и эс-эров. А война за три года подтащила нас вперед лет на тридцать, создала в Европе всеобщую трудовую повинность и принудительное синдицирование предприятий, довела самые передовые страны до голода и неслыханного разорения, заставляя делать шаги к социализму.

Только пролетариат и крестьянство могут свергнуть монархию—таково было основное, по тогдашнему времени, определение нашей классовой политики. И это определение было верно. Февраль и март 1917 года лишний раз подтвердили это.

Только пролетариат, руководящий беднейшим крестьянством (полупролетариями, как говорит наша программа), может кончить войну демократическим миром, залечить ее раны, начать ставшие безусловно необходимыми и *неотложными* шаги к социализму—таково определение нашей классовой политики теперь.

Отсюда вывод: центр тяжести в пропаганде и агитации против эс-эров надо переносить на то, что они изменили крестьянам. Они представляют не массу крестьянской бедноты, а меньшинство зажиточных хозяев. Они ведут крестьянство не к союзу с рабочими, а к союзу с капиталистами, т.-е. к подчинению им. Они продали интересы трудящейся и эксплуатируемой массы за министерские местечки, за блок с меньшевиками и с кадетами.

История, ускоренная войной, так далеко шагнула вперед, что старые формулы заполнились новым содержанием. «Недопущение наемного труда», это значило раньше *только*: пустая фраза мелкобуржуазного интеллигента. Это значит теперь в жизни иное: миллионы крестьянской бедноты в 242-х наказах говорят, что они хотят идти к отмене наемного труда, но не знают, как это сделать. Мы знаем, как это сделать. Мы знаем, что это можно сделать только в союзе с рабочими, под их руководством, против капиталистов, а не «соглашательствуя» с капиталистами.

Вот как должна измениться теперь основная линия нашей пропаганды и агитации против эс-эров, основная линия наших речей к крестьянству.

Эс-эровская партия изменила вам, товарищи крестьяне. Она изменила хижинам и стала на сторону дворцов, если не дворцов монарха, то тех дворцов, где кадеты, злейшие враги революции и крестьянской революции особенно, заседают в одном правительстве с Черновыми, Пешехоновыми, Авксентьевыми.

Только революционный пролетариат, только объединяющий его авангард, партия большевиков, может *на деле* выполнить ту программу крестьянской бедноты, которая изложена в 242-х наказах. Ибо революционный пролетариат, *действительно*, идет к отмене наемного труда единственным верным путем, свержением капитала, а не запрещением нанимать работничка, не недопущением этого. Революционный пролетариат, действительно, идет к конфискации земель, инвентаря, технических сельскохозяйственных предприятий, к тому, чего крестьяне хотят и чего эс-эры им дать *не могут.*

Вот как должна измениться теперь основная линия речей рабочего к крестьянину. Мы, рабочие, можем дать и дадим вам то, чего крестьянская беднота хочет и ищет, не всегда зная, где и как искать. Мы, рабочие, *против капиталистов* отстаиваем интересы свои и в то же время интересы гигантского большинства крестьян, а эс-эры, идя в союз с капиталистами, изменяют этим интересам.

* * *

Напомним читателю, что говорил Энгельс незадолго до своей смерти о крестьянском вопросе. Энгельс подчеркивал, что социалисты в мыслях не имеют экспроприировать мелких крестьян, что лишь *силой примера* будут выясняться им преимущества машинного социалистического земледелия [58]).

Война поставила сейчас практически перед Россией вопрос именно подобного рода. Инвентаря мало. Конфисковать его и «не делить» высококультурных хозяйств.

Это крестьяне начали понимать. Нужда заставила понять. Война заставила, ибо инвентаря взять негде. Надо беречь его. А крупное хозяйство — это и значит сбережение труда на инвентаре, как и на многом другом.

Крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнительно его нормировать, периодически снова уравнивать... Пусть. Из-за этого ни один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой. Если земли будут конфискованы, *значит* господство банков подорвано; если инвентарь будет конфискован, *значит* господство капитала подорвано, то *при господстве пролетариата в центре,* при переходе политической власти к проле-

тариату, остальное приложится *само собою*, явится в результате «силы примера», подсказано будет самой практикой.

Переход политической власти к пролетариату — вот в чем суть. И тогда все существенное, основное, коренное в программе 242-х наказов *становится осуществимым*. А жизнь покажет, с какими видоизменениями это осуществится. Это дело девятое. Мы не доктринеры. Наше учение не догма, а руководство к деятельности.

Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически это покажет лишь *опыт миллионов*, когда они возьмутся за дело.

Доверьтесь рабочим, товарищи крестьяне, рвите союз с капиталистами! Только в тесном союзе с рабочими вы *можете* начать осуществлять на деле программу 242-х наказов. В союзе с капиталистами, под руководством эс-эров, вы никогда не дождетесь *ни одного* решительного, бесповоротного шага в духе этой программы.

А когда в союзе с городскими рабочими, в беспощадной борьбе против капитала вы *начнете* осуществлять программу 242-х наказов, тогда весь мир придет на помощь вам и нам, тогда успех этой программы — не в ее данной формулировке, а в ее сути — будет обеспечен. Тогда наступит конец государству капитала и наемному рабству. Тогда начнется царство социализма, царство мира, царство трудящихся.

«Рабочий» № 6, 11 сентября (29 августа) 1917 г.
Подпись: Н. Ленин.

О КЛЕВЕТНИКАХ.

В № «Речи» от 20-го августа, а равно в «Русской Воле», газете, основанной на заведомо темные деньги и рекомендующей избирателям, если они «социалистически настроены», голосовать за «Единство» и за «народных социалистов», помещены еще раз клеветнические заявления относительно меня [59].

Сведения эти принадлежат, по сообщению обеих газет, «военному министерству», а «Речь» *даже утверждает*, что они устанавливаются «по документальным данным и многочисленными показаниями отдельных лиц».

Закон о клевете в печати фактически в России приостановлен. Господам клеветникам, особенно в буржуазной печати, предоставлена полная свобода: выступай в печати анонимно, лги и клевещи, сколько хочешь, прикрывайся не подписанными ни одним официальным лицом, но якобы официальными сообщениями, — все сойдет с рук! Грязные клеветники с гг. Милюковыми во главе пользуются привилегией неприкосновенности.

Клеветники утверждают, будто у меня были известные отношения к «Союзу освобождения Украины». Газета Милюкова пишет: «Германским правительством было поручено Ленину пропагандировать мир». «В Берлине были два собрания социалистов, в которых принимали участие Ленин и Иолтуховский». А «Русская Воля» к этой последней фразе добавляет: «Ленин останавливался у Иолтуховского».

Если г-ну Милюкову и другим, подобным же негодяям, рыцарям гнусной клеветы, предоставлена безнаказанность, мне остается одно: еще раз повторить, что это клевета, еще раз противопоставить рыцарям шантажа, ссылающимся на отношение свидетелей, ссылку на известного массе свидетеля.

Один деятель «Союза освобождения Украины», Басок, мне известен с 1906 года, когда он, будучи меньшевиком, участвовал вместе со мной на Стокгольмском съезде. Осенью 1914 или в начале 1915 года, когда я жил в Берне, ко мне на квартиру зашел известный кавказский меньшевик Триа, приехавший из

Константинополя. Трна рассказал мне про участие Баска в «Союзе освобождения Украины» и про связь этого Союза с немецким правительством. Трна передал мне при этом письмо Баска ко мне, в этом письме Басок выразил мне сочувствие и надежду на сближение наших взглядов. Я был так возмущен, что немедленно, в присутствии Трна, написал ответ Баску и отдал письмо тому же Трна для передачи, ибо Трна собирался еще раз побывать в Константинополе.

В письме к Баску я заявлял, что, так как он вступает в сношения с одним из империалистов, то наши дороги безусловно расходятся и у нас нет ничего общего.

Этим ограничились какие бы то ни было мои «отношения» к «Союзу освобождения Украины».

«Рабочий» № 8, 12 сентября (30 августа) 1917 г.
Подпись: Н. Ленин.

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. С.-Д. Р. П. [60]).

Возможно, что эти строки опоздают, ибо события развиваются с быстротой, иногда прямо головокружительной. Я пишу это в среду, 30 августа, читать это будут адресаты не раньше пятницы, 2 сентября. Но все же, на риск, считаю долгом написать следующее.

Восстание Корнилова есть крайне неожиданный (в такой момент и в такой форме неожиданный) и прямо-таки невероятно крутой поворот событий [61]).

Как всякий крутой поворот, он требует пересмотра и изменения тактики. И, как со всяким пересмотром, надо быть архиосторожным, чтобы не впасть в беспринципность.

По моему убеждению, в беспринципность впадают те, кто (подобно Володарскому) скатывается до оборончества или (подобно другим большевикам) до *блока* с эс-эрами, до *поддержки* Временного Правительства. Это архиневерно, это беспринципность. Мы станем оборонцами *лишь после* перехода власти к пролетариату, *после* предложения мира, *после* разрыва тайных договоров и связей с банками, *лишь после*. Ни взятие Риги, *ни взятие Питера* не сделает нас оборонцами (очень бы просил дать это прочесть Володарскому). До тех пор мы за пролетарскую революцию, мы против войны, мы *не* оборонцы.

И поддерживать правительство Керенского мы *даже теперь* не должны. Это беспринципность. Спросят: неужели не биться против Корнилова? Конечно, да! Но это не одно и то же, тут есть грань; ее переходят иные большевики, впадая в «соглашательство», давая *увлечь* себя потоку событий.

Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, *как и войска* Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, *а* разоблачаем его слабость. Это разница. Это разница довольно тонкая, но архисущественная, и забывать ее нельзя.

В чем же изменение нашей тактики после восстания Корнилова?

В Ц.К. РСДРП. Возможно, что эти строки опоздают, ибо события развиваются с быстротой иногда прямо головокружительной. Я пишу это в среду, 30 авг., читать это будут адресаты не раньше пятницы, 2 сент. Но все же, на риск, считаю долгом написать следующее.

Восстание Корнилова есть крайне неожиданный (в такой момент и в такой форме неожиданный) и прямо-таки невероятно крутой поворот событий.

Как всякий крутой поворот, он требует пересмотра и изменения тактики. И, как со всяким пересмотром, надо быть архиосторожным, чтобы не впасть в беспринципность.

По моему убеждению, в беспринципность впадают те, кто (подобно Володарскому) скатывается до оборончества или (подобно другим бол-кам) до блока с с.-р., до поддержки Временного правительства. Это архиневерно, это беспринципность. Мы станем оборонцами лишь после перехода власти к пролетариату, после предложения мира, после разрыва тайных договоров и связей с банками, лишь после. Ни взятие Риги, ни взятие Питера не сделают

Первая страница письма В. И. Ленина в Центральный Комитет Р.С.-Д.Р.П. — 12 сентября (30 августа) 1917 г.

Уменьшено

В том, что мы видоизменяем *форму* нашей борьбы с Керенским. Ни на йоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо *учесть* момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы *иначе* теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъяснять народу (борющемуся против Корнилова) *слабость* и *шатания* Керенского. Это делалось *и* раньше. Но теперь это стало *главным*: в этом видоизменение.

Далее, видоизменение в том, что теперь *главным* стало: усиление агитации за своего рода «частичные требования» к Керенскому: арестуй Милюкова, вооружи питерских рабочих, позови кронштадтские, выборгские и гельсингфорсские войска в Питер, разгони Государственную Думу [62]), арестуй Родзянко, узаконь передачу помещичьих земель крестьянам, введи рабочий контроль за хлебом и за фабриками и пр., и пр. И не только *к* Керенскому, *не столько* к Керенскому должны мы предъявлять эти требования, сколько к рабочим, солдатам и к крестьянам, *увлеченным* ходом борьбы против Корнилова. *Увлекать* их дальше, поощрять их избивать генералов и офицеров, высказывающихся за Корнилова, настаивать, чтобы *они* требовали тотчас передачи земли крестьянам, наводить *их* на мысль о необходимости ареста Родзянки и Милюкова, разгона Государственной Думы, закрытия «Речи» и др. буржуазных газет, следствия над ними. «Левых» эсэров особенно надо толкать в эту сторону.

Неверно было бы думать, что мы *дальше* отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет. Мы чрезвычайно приблизились к ней, но *не прямо*, а со стороны. И агитировать надо *сию минуту* не столько прямо против Керенского, сколько *косвенно* против него же, но косвенно, именно: требуя активной и активнейшей истинно революционной войны с Корниловым. Развитие этой войны одно только может *нас* привести к власти, и *говорить* в агитации об этом поменьше надо (твердо памятуя, что завтра же события могут нас поставить у власти, и тогда мы ее не выпустим). По моему, это бы следовало в письме к агитаторам (не в печати) сообщить коллегиям агитаторов и пропагандистов, вообще членам партии. С фразами об обороне страны, о едином фронте революционной демократии, о поддержке Временного Правительства и проч., и проч. надо бороться беспощадно, именно как с *фразами*. Теперь де время *дела*: вы, гг. эс-эры и меньшевики, давно эти фразы истрепали. Теперь время *дела*, войну против Корнилова надо вести революционно, втягивая массы, подпимая их, разжигая их (а Керенский *боится* масс, *боится* народа). В войне против немцев именно теперь нужно *дело*: *тотчас* и *безусловно предложить мир* на *точных* условиях. Если сделать это, то *можно* добиться либо быстрого мира,

либо превращения войны в революционную, иначе все меньшевики и эс-эры остаются лакеями империализма.

P. S. Прочитав *после* написания этого шесть номеров «Рабочего», должен сказать, что совпадение у нас получилось полное. Приветствую ото всей души превосходные передовицы, обзор печати и статьи В. М—на и Вол—го. О речи Володарского прочел письмо его в редакцию, которое тоже «ликвидирует» мои упреки. Еще раз лучшие приветы и пожелания!

Ленин.

Написано 12 сентября (30 августа) 1917 г.
Впервые напечатано 7 ноября 1920 г. в «Правде» № 250.

Печатается по рукописи.

ИЗ ДНЕВНИКА ПУБЛИЦИСТА.

1. КОРЕНЬ ЗЛА.

Если мы возьмем писателя Н. Суханова из «Новой Жизни», то наверное все согласятся, что это не худший, а один из лучших представителей мелкобуржуазной демократии. У него есть искреннее тяготение к интернационализму, доказанное им в самые трудные времена, в разгар царистской реакции и шовинизма. У него есть знания и желание разбираться в серьезных вопросах самостоятельно, что он доказал своей долгой эволюцией от эсэровщины по направлению к революционному марксизму.

Тем характернее, что даже такие люди могут, в ответственнейшие моменты революции, по коренным вопросам ее, угощать читателя столь легкомысленными суждениями, как нижеследующее:

«... Как ни много революционных завоеваний мы утратили в последние недели, все же одно из них, и, быть может, важнейшее, остается в силе: правительство и его политика могут держаться лишь волею советского большинства. Все влияние революционной демократии уступлено ею по собственному желанию; вернуть его демократические органы могли бы еще вполне легко; и при надлежащем понимании требований момента могли бы без труда ввести политику Временного Правительства в надлежащее русло» («Новая Жизнь» № 106, от 20-го августа) [63].

В этих словах содержится самая легкомысленная, самая чудовищная неправда по самому важному вопросу революции, и притом именно такая неправда, которая чаще всего распространялась в самых различных странах в среде мелкобуржуазной демократии и которая больше всего революций загубила.

Когда вдумываешься в ту сумму мелкобуржуазных иллюзий, которая содержится в приведенном рассуждении, то невольно приходит в голову мысль, а ведь граждане из «Новой Жизни» совсем не случайно сидят на «объединительном» съезде [64]) вместе с министрами, министериабельными социалистами, вместе с Церетели и со Скобелевыми, вместе с членами правительства товарищами

Керенского, Корнилова и К⁰. Совсем не случайно. У них действительно одна общая идейная основа: бессмысленная, без критики перенятая из обывательской среды, мещанская доверчивость к добрым пожеланиям. Ибо именно такой доверчивостью проникнуто все рассуждение Суханова, как и вся деятельность тех из меньшевиков-оборонцев, которые действуют добросовестно. В этой мелкобуржуазной доверчивости — корень зла нашей революции.

Наверное Суханов подписался бы обеими руками под требованием, которое предъявляет марксизм всякой серьезной политике, именно: чтобы в основе ее лежали, за основу ее брались *факты*, допускающие точную объективную проверку. Попробуем с точки зрения этого требования подойти к утверждению Суханова в приведенной цитате.

Какие факты лежат в основе этого утверждения? Чем мог бы Суханов доказать, что правительство «может держаться лишь волею» Советов, что им «вполне легко» «вернуть все свое влияние», что они без «труда» могли бы изменить политику Временного Правительства.

Суханов мог бы сослаться, во-первых, на свое общее впечатление, на «очевидность» силы Советов, на явку Керенского в Совет, на любезные слова того или иного министра и т. п. Это было бы, конечно, совсем уже плохим доказательством, вернее признанием полного отсутствия доказательств, полного отсутствия объективных фактов.

Суханов мог бы сослаться, во-вторых, на тот объективный факт, что гигантское большинство резолюций рабочих, солдат и крестьян высказывается решительно за Советы и за поддержку их. Эти резолюции, дескать, доказывают волю большинства народа.

Такое рассуждение столь же обычно в обывательской среде, как и первое. Но оно совершенно несостоятельно.

Во всех революциях воля большинства рабочих и крестьян, т.-е., несомненно, воля большинства населения была за демократию. И тем не менее громадное большинство революций кончилось поражением демократии.

Учитывая этот опыт большинства революций и в особенности революции 1848 года (наиболее похожей на нашу теперешнюю), Маркс беспощадно высмеивал мелкобуржуазных демократов, которые хотели побеждать резолюциями и ссылкой на волю большинства народа.

Наш собственный опыт еще нагляднее подтверждает это. Весной 1906 года, несомненно, большинство резолюций рабочих и крестьян было за Первую Думу. Большинство народа, несомненно, стояло за нее. И тем не менее царю удался разгон ее, потому что подъем революционных классов (рабочие стачки и крестьянские волнения весной 1906 года) оказался слишком слаб для новой революции.

Вдумайтесь в опыт теперешней революции. И в марте-апреле и в июле-августе 1917 года большинство резолюций было за Советы, большинство народа было за Советы. А между тем все и каждый видят, знают, чувствуют, что в марте-апреле революция шла вперед, а в июле—августе она идет назад. Значит ссылка на большинство народа ничего еще в конкретных вопросах революции не решает.

Одна эта ссылка, как доказательство, есть именно образец мелкобуржуазной иллюзии, нежелание признать, что в революции надо *победить* враждебные классы, надо *свергнуть* защищающую их государственную власть, а для этого недостаточно «воли большинства народа», а необходима *сила* революционных классов, желающих и способных сражаться, притом сила, которая бы в решающий момент и в решающем месте *раздавила* враждебную силу.

Сколько раз бывало в революциях, что маленькая, но хорошо организованная, вооруженная и централизованная сила командующих классов, помещиков и буржуазии подавляла по частям силу «большинства народа», плохо организованного, плохо вооруженного, раздробленного.

Подменять конкретные вопросы классовой борьбы в момент особого обострения ее революцией «общими» ссылками на «волю народа» было бы достойно только самого тупого мелкого буржуа.

В-третьих, Суханов в приведенном рассуждении приводит один «аргумент», тоже довольно обычный в обывательской среде. Он ссылается на то, что «все влияние революционной демократии уступлено ею по собственному желанию». Отсюда как бы выводится, что уступленное «по собственному желанию» легко и вернуть назад...

Рассуждение никуда не годное. Прежде всего, возврат добровольно уступленного предполагает «добровольное согласие» того, кто уступку получил. Отсюда следует, что такое добровольное согласие имеется налицо. Кто получил «*уступку*»? Кто воспользовался «влиянием», уступленным «революционной демократией»?

Крайне характерно, что этот основной для всякого, нелишенного головы, политика вопрос совсем обойден Сухановым... Ведь в этом же гвоздь, в этом суть дела: в чьих руках *на деле* то, что «добровольно уступила» «революционная» (простите за выражение) «демократия».

Именно эту суть дела Суханов и обходит, как обходят ее все меньшевики и эс-эры, все мелкобуржуазные демократы вообще.

Далее. Может быть, в детской «добровольная уступка» указывает легкость возврата: если Катя добровольно уступила Маше мячик, то возможно, что «вернуть» его «вполне легко». Но на политику, на классовую борьбу переносить эти понятия кроме российского интеллигента не многие решатся.

В политике добровольная уступка «влияния» доказывает такое бессилие уступающего, такую дряблость, такую бесхарактерность, такую тряпичность, что «выводить» отсюда, вообще говоря, можно лишь одно: кто добровольно уступит влияние, тот «достоин», чтобы у него отняли не только влияние, но и право на существование. Или, другими словами, факт добровольной уступки влияния, сам по себе, «доказывает» лишь неизбежность того, что получивший это добровольно уступленное влияние отнимет у уступившего даже его права.

Если «революционная демократия» добровольно уступила влияние, значит, это была не революционная, а мещански-подлая, трусливая, не избавившаяся от холопства демократия, которую (именно после этой уступки) смогут разгонять ее враги или просто свести ее на нет, предоставить ей умереть так же «по собственному желанию», как «по собственному желанию» она уступила влияние.

Рассматривать действия политических партий, как *каприз*, значит отказаться от всякого *изучения* политики. А такое действие, как «добровольная уступка влияния» двумя громадными партиями, имеющими, по всем сведениям, сообщениям и объективным данным выборов, большинство в народе, такое действие надо *объяснить*. Оно не может быть случайно. Оно не может не стоять в связи с определенным экономическим положением какого-либо большого класса народа. Оно не может не стоять в связи с историей развития этих партий.

Рассуждение Суханова потому и является замечательно типичным для тысяч и тысяч однородных обывательских рассуждений, что оно базируется в сущности на понятии доброй воли («собственное желание»), игнорируя *историю* рассматриваемых партий. Суханов просто напросто вычеркнул из своего рассмотрения эту историю, забыл, что добровольные уступки влияния начались собственно с 28 февраля, когда Совет выразил доверие Керенскому и одобрил «соглашение» с Временным Правительством. А 6-е мая было уступкой влияния прямо-таки в гигантских размерах. Взятое в целом, перед нами до очевидности ясное явление: партии эс-эров и меньшевиков сразу встали на наклонную плоскость и покатились вниз все с большей и большей быстротой. Они скатились после 3—5 июля совсем в яму.

И теперь говорить: уступка сделана по собственному желанию, «вполне легко» можно повернуть большие политические партии направо кругом, «без труда» можно побудить их взять направление обратное их направлению за много лет (и за много месяцев революции), «вполне легко» выбраться из ямы и взобраться вверх по наклонной плоскости — разве это не предел легкомыслия?

Наконец, в-четвертых, Суханов мог бы сослаться в защиту своего мнения на то, что рабочие и солдаты, выражающие доверие

Совету, вооружены и что потому им «вполне легко» вернуть себе все влияние. Но именно по этому, едва ли не наиболее важному, пункту особенно плохо обстоит дело в обывательских рассуждениях, воспроизводимых писателем «Новой Жизни».

Чтобы быть возможно больше конкретным, сравним 20—21 апреля с 3—5 июля.

20 апреля прорывается возмущение масс правительством. Вооруженный полк выходит на улицу Петрограда и идет арестовать правительство. Ареста не происходит. Но правительство ясно видит, что ему опереться не на кого. Войск *за него* нет. Свергнуть *такое* правительство действительно «вполне легко», и правительство ставит ультиматум Совету: либо я уйду, либо поддержите меня.

4-го июля такой же взрыв возмущения масс, взрыв, который все партии сдерживали, но который прорвался вопреки *всяким* сдерживаниям. Такая же вооруженная противоправительственная демонстрация. Но гигантская разница в следующем: запутавшиеся и оторвавшиеся от народа эс-эровские и меньшевистские вожди *уже 5-го июля* соглашаются с буржуазией о призыве *Калединских* войск в Питер. Вот в чем гвоздь!

Каледин с солдатской откровенностью сказал это на Московском Совещании: ведь вы же сами, министры-социалисты, призвали «нас» 3 июля на помощь!.. Никто не посмел опровергнуть Каледина на Московском Совещании, потому что он сказал правду. Каледин издевался над меньшевиками и эс-эрами, которые вынуждены были молчать. Им плюнул казачий генерал в физиономию, а они утерлись и сказали: «божья роса» [65])!

Буржуазные газеты привели эти слова Каледина, а меньшевистская «Рабочая Газета» и эс-эровское «Дело Народа» *скрыли* от читателей это самое существенное политическое заявление, сделанное на Московском Совещании.

Вышло так, что правительство впервые получило специально Калединские войска, а решительные, действительно революционные войска и рабочие были разоружены. Вот основной факт, который «вполне легко» обошел и забыл Суханов, но который остается фактом. И это решающий факт для данной полосы революции, для *первой* революции.

Власть перешла в решающем месте на фронте и затем в армии в руки *Калединых*. Это факт. Самые активные из враждебных им войск разоружены. Что Каледины не пользуются властью сразу для установления полной диктатуры, это нисколько не опровергает того, что власть у них. Разве царь после декабря 1905 года не имел власти? И разве обстоятельства не заставили его так осторожно пользоваться властью, что он созвал две Думы прежде, чем взять *всю власть*, т.-е. прежде чем совершить государственный переворот?

О власти надо судить по делам, а не по словам. Дела правительства с 5-го июля доказывают, что власть у Калединых, которые медленно, но *неуклонно* продвигаются все дальше, получая ежедневно «уступки» и «уступочки»: сегодня безнаказанность юнкеров, громящих «Правду», убивающих правдистов, арестующих произвольно, завтра закон о закрытии газет, также закон о распущении собраний и съездов, о высылке без суда за границу, о тюрьме за оскорбление «дружественных послов», о каторге за посягательство на правительство, о введении смертной казни на фронте и так далее и *так далее.*

Каледины не дураки. Зачем идти обязательно нахрапом, напролом, рискуя потерпеть неудачу, когда они *ежедневно* получают по частям именно то, что им нужно? А дурачки Скобелевы и Церетели, Черновы и Авксентьевы, Даны и Либеры кричат: «торжество демократии! победа!» при каждом шаге Калединых вперед усматривая «победу» в том, что Каледины, Корниловы и Керенские не глотают их сразу!!.

Корень зла именно в том, что мелкобуржуазная масса самым своим экономическим положением подготовлена к удивительной доверчивости и бессознательности, что она все еще полуспит и во сне мычит: «вполне легко» вернуть назад добровольно уступленное! Подите-ка верните назад, возьмите добровольно от Калединых и Корниловых!

Корень зла в том, что «демократическая» публицистика поддерживает эту сонную, мещанскую, тупоумную, холопскую иллюзию, вместо того, чтобы бороться с ней.

Если взглянуть на вещи так, как должен смотреть историк политики вообще, а марксист в особенности, т.-е. рассматривая события в их связи, то совершенно ясным становится, что решительный поворот теперь не только не «легок», а, напротив, абсолютно невозможен *без новой революции.*

Я вовсе не касаюсь здесь вопроса о том, желательна ли такая революция, я не рассматриваю вовсе, может ли она произойти мирно и легально (в истории, вообще говоря, бывали примеры мирных и легальных революций). Я констатирую только историческую невозможность решительного поворота без новой революции. Ибо власть *уже* в других руках, уже не у «революционной демократии», власть *уже* захвачена и укреплена. А поведение партий эс-эров и меньшевиков неслучайно, оно есть продукт экономического положения мелкой буржуазии и результат длинной цепи политических событий, от 28-го февраля к 6 мая, от 6-го мая к 9 июня, от 9 июня к 18 и 19 июня (наступление) и т. д. Поворот здесь требуется и во всем положении власти, и во всем составе ее, и во всех условиях деятельности крупнейших партий, и в «устремлении» того класса, который их питает. Такие повороты исторически немыслимы *без новой революции.*

Вместо того, чтобы выяснять народу все главные исторические условия новой революции, ее экономические и политические предпосылки, политические задачи, соответствующее ей соотношение классов и т. д., вместо этого Суханов и многое множество мелкобуржуазных демократов *усыпляет* народ игрой в «бирюльки», самоупразднением, что мы де «без труда все вернем», «вполне легко», что у нас де «важнейшее» революционное завоевание «остается в силе», и тому подобный легкомысленный, невежественный, прямо преступный вздор.

Признаки глубокого общественного поворота есть на лицо. Они указывают наглядно направление работы. Среди пролетариата явный упадок влияния эс-эров и меньшевиков, явный рост влияния большевиков. Между прочим, даже выборы 20-го августа дали *увеличение* доли большевиков, по сравнению с июньскими выборами в том же Питере в районные Думы, и это, несмотря на привод «Калединских войск в Питер»[66])!

Среди мелкобуржуазной демократии, которая не может не колебаться между буржуазией и пролетариатом, объективным показателем поворота являются усиление, укрепление, развитие революционных интернационалистских течений: Мартов и др. у меньшевиков, Спиридонова, Камков и пр. у эс-эров. Нечего и говорить, что надвигающийся голод, разруха, военные поражения способны необычайно ускорить этот поворот в сторону перехода власти к пролетариату, поддержанному беднейшим крестьянством.

2. БАРЩИНА И СОЦИАЛИЗМ.

Иногда особенно озлобленные противники социализма оказывают ему услугу неразумной ревностью своих «разоблачений». Они обрушиваются как раз на то, что заслуживает симпатии и подражания. Они раскрывают глаза народу на гнусность буржуазии самым характером своих нападок.

Именно это случилось с одной из наиболее гнусных буржуазных газет, «Русской Волей», поместившей 20-го августа корреспонденцию из Екатеринбурга под названием: «Барщина». Вот, что сообщается в этой корреспонденции:

> ...«Совет Рабочих и Солдатских Депутатов ввел у нас в городе для граждан, имеющих лошадей, натуральную повинность поочередно предоставлять своих лошадей для ежедневных разъездов по службе членам Совета.
>
> Выработано особое расписание дежурств, и каждый «лошадный гражданин» аккуратно письменно уведомлялся, когда и куда и к какому именно часу он должен явиться со своею лошадью на дежурство.
>
> Для большей вразумительности в «приказе» добавляется: «В случае неисполнения сего требования, Совет за Ваш счет произведет расход на наем извозчиков в размере до 25 рублей»...

Защитник капиталистов, конечно, возмущается. Капиталисты вполне спокойно смотрят на то, как громадное большинство на-

рода всю жизнь мается в нужде, не только будучи «на барщине», но прямо-таки на каторге фабричной, горной или иной работы по найму, а сплошь и рядом голодая без работы. На это капиталисты смотрят спокойно.

А когда рабочие и солдаты для капиталистов ввели хоть маленькую общественную повинность, тогда господа эксплуататоры подняли вой: «барщина»!!

Спросите любого рабочего, любого крестьянина, дурно ли это было бы, если бы Советы Рабочих и Солдатских Депутатов были единственною властью в государстве и всюду стали вводить общественную повинность для богатых, напр., обязательное дежурство с лошадьми, с автомобилями, с велосипедами, обязательные ежедневные работы по письменной части для переписи продуктов, числа нуждающихся и т. д. и т. п.?

Всякий рабочий и всякий крестьянин, кроме разве кулака, скажет, что это было бы хорошо.

И это правда. Это еще не социализм, а только один из первых шагов к социализму, но это именно то, что необходимо бедному народу настоятельно и немедленно. Без таких мер нельзя спасти народ от голода и гибели.

Почему же Екатеринбургский Совет остается редким исключением? Почему подобные меры по всей России не применяются давно, не развертываются в целую систему мер именно такого рода?

Почему вслед за общественной повинностью для богатых предоставлять лошадей не вводится такая же общественная повинность для богатых предоставлять полные отчеты об их денежных операциях, особенно по поставкам на казну, под таким контролем Советов, с таким же «аккуратным письменным уведомлением», когда и куда отчет представить, когда и куда сколько именно налогу внести?

Потому, что во главе огромного большинства Советов стоят эс-эровские («социалисты-революционеры») и меньшевистские вожди, которые на деле перешли на сторону буржуазии, вошли в буржуазное правительство, обязались поддерживать его, изменив не только социализму, но и демократии. Эти вожди занимаются «соглашательством» с буржуазией, которая не только не позволит, напр., в Питере ввести общественную повинность для богатых, но тормозит месяцами гораздо более скромные реформы.

Эти вожди обманывают свою совесть и обманывают народ ссылками на то, что «Россия еще не созрела для введения социализма».

Почему такие ссылки надо признать обманом?

Потому, что при помощи подобных ссылок дело облыжно представляется в таком виде, будто речь идет о каком-то невиданной сложности и трудности преобразовании, которое должно

ломать привычную жизнь десятков миллионов народа. Дело облыжно представлено так, будто кто-то хочет «ввести» социализм в России одним указом, не считаясь ни с уровнем техники, ни с обилием мелких предприятий, ни с привычками и с волею большинства населения.

Все это сплошная ложь. Ничего подобного никто не предлагал. Ни одна партия, ни один человек «вводить социализм» указом не собирался. Речь идет и шла исключительно о таких мерах, которые, подобно установлению общественной повинности для богатых в Екатеринбурге, вполне одобряются массой бедных, т.-е. большинством населения, о таких мерах, которые технически и культурно вполне назрели, доставляют немедленное облегчение жизни бедноте и позволяют ослабить тягости войны и распределить их равномернее.

Прошло почти полгода революции, а эс-эровские и меньшевистские вожди тормозят все подобные меры, предавая интересы народа интересам «соглашательства» с буржуазией.

Пока рабочие и крестьяне не поймут, что эти вожди изменники, что их надо прогнать, снять со всех постов, до тех пор трудящиеся неизбежно будут оставаться в рабстве у буржуазии.

«Рабочий» № 10, 14 (1) сентября 1917 г.
Подпись: Н. Ленин.

ПО ВОПРОСУ О ЦИММЕРВАЛЬДЕ [67]).

Теперь особенно ясна ошибка, что мы *не* вышли из него.

Всех надувают надеждой на Стокгольм. А Стокгольмская конференция «откладывается» с месяца на месяц.

А Циммервальд «*ждет*» Стокгольма! Каутскианцы + итальянцы, т. е. большинство Циммервальда, «ждет» Стокгольма.

И мы участвуем в комедии, *отвечая* за нее перед рабочими.

Это позор.

Надо уйти из Циммервальда *тотчас*.

Оставаясь там только *для* информации, мы ничего не теряем, но *не отвечаем* за комедию «ожидания» Стокгольма.

Выходя из гнилого Циммервальда, мы должны решить тотчас же, на заседании пленума 3 сентября 1917 г.: *созываем конференцию левых*, поручаем это стокгольмским представителям.

А то вышло так, что, совершив глупость, оставшись в Циммервальде, наша партия, единственная в мире партия интернационалистов с 17 газетами и проч., *играет в соглашательство* с немецкими и итальянскими Мартовыми и Церетели, как Мартов соглашательствует с Церетели, а Церетели соглашательствует с эс-эрами, а эс-эры с буржуазией...

И это называется «стоять за» III Интернационал!!!

Написано в первой половине сентября 1917 г.

Впервые напечатано в 1928 г. в «Ленинском Сборнике» VII.

Печатается по рукописи.

О НАРУШЕНИЯХ ДЕМОКРАТИЗМА В МАССОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ.

Надо принять резолюцию, клеймящую, как достойный Николая II *подлог* *), такие приемы, как прием Совета *солдатских* депутатов (у солдат 1 на 500, у рабочих 1 на 1.000) или Бюро профессиональных союзов (у мелких 1 на *a* членов, у крупных 1 на *a—b* членов).

Если мы будем терпеть этот *подлог*, то какие же мы *демократы?*

Чем же худ тогда Николай II, который тоже давал представительство от крестьян и от помещиков *не поровну??*

Терпя такие вещи, мы проституируем демократизм.

Надо принять резолюцию, требовать *равного* избирательного права (и в Советах и на съездах профессиональных союзов), заклеймить *малейшее* отступление от равенства, как *подлог*, именно этим словом, как *прием Николая II*, а эту резолюцию пленума Ц. К., популярно написанную, пустить листком в рабочую массу.

Нельзя терпеть *подлога* в демократизме, называясь «демократами». Мы не демократы, а беспринципные люди, если терпим это!!

Написано в первой половине сентября 1917 г.

Впервые напечатано в 1928 г. в «Ленинском Сборнике» VII. — *Печатается по рукописи.*

---

*) «Один представитель всюду и везде от *равного* числа избирателей» — азбука демократизма. Иначе *подлог*.

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія. Цѣна 20 коп.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

РАБОЧІЙ ПУТЬ.

Центральный органъ Р. С.-Д. Р. П.

Пріемъ по дѣламъ редакціи ежедневно съ 2 до 6 ч. веч.
РЕДАКЦІЯ ПОМѢЩАЕТСЯ:
Петроградъ, Выборгск. стор., Финляндскій пр., д. № 6, 3-й этажъ, комн. № 4.

№ 3. Среда ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. 19-го Сентября (6-го сентября ст. ст.) 1917 г.

О КОМПРОМИССАХ.

Компромиссом называется в политике уступка некоторых требований, отказ от части своих требований в силу соглашения с другой партией.

Обычное представление обывателей о большевиках, поддерживаемое клевещущей на большевиков печатью, состоит в том, что большевики ни на какие компромиссы не согласны, ни с кем, никогда.

Такое представление лестно для нас, как партии революционного пролетариата, ибо оно доказывает, что даже враги вынуждены признать нашу верность основным принципам социализма и революции. Но надо все же сказать правду: такое представление не соответствует истине. Энгельс был прав, когда в своей критике манифеста бланкистов-коммунистов (1873 г.) высмеивал их заявление: «никаких компромиссов!» [68]). Это фраза, говорил он, ибо компромиссы борющейся партии часто с неизбежностью навязываются обстоятельствами, и нелепо раз на всегда отказаться «принимать уплату долга по частям». Задача истинно революционной партии не в том, чтобы провозгласить невозможным отказ от всяких компромиссов, а в том, чтобы *через все компромиссы*, поскольку они неизбежны, уметь провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче, своему делу подготовки революции и воспитания масс народа к победе в революции.

Пример. Идти на участие в III и IV Думе был компромисс, временный отказ от революционных требований. Но это был абсолютно вынужденный компромисс, ибо соотношение сил исключало для нас, на известное время, массовую революционную борьбу, а для длительной подготовки ее *надо* было уметь работать и *извнутри* такого «хлева». Что такая постановка вопроса большевиками, как партией, оказалась вполне верной, это доказала история.

Теперь на очереди вопрос не о вынужденном, а о добровольном компромиссе.

Наша партия, как и всякая другая политическая партия, стремится к политическому господству *для себя.* Наша цель — диктатура революционного пролетариата. Полгода революции с необыкновенной яркостью, силой и внушительностью подтвердили правильность и неизбежность такого требования в интересах именно *данной* революции, ибо ни демократического мира, ни земли крестьянству, ни полной свободы (вполне демократической республики) получить народу иначе нельзя. Ход событий за полгода нашей революции, борьба классов и партий, развитие кризисов 20 — 21 апреля, 9 — 10, 18 — 19 июня, 3 — 5 июля, 27 — 31 августа и доказали и показали это.

Теперь наступил такой крутой и такой оригинальный поворот русской революции, что мы можем, как партия, предложить добровольный компромисс — правда, не буржуазии, нашему прямому и главному классовому врагу, а нашим ближайшим противникам, «главенствующим» мелкобуржуазно демократическим партиям, эс-эрам и меньшевикам.

Лишь как исключение, лишь в силу особого положения, которое, очевидно, продержится лишь самое короткое время, мы можем предложить компромисс этим партиям, и мы должны, мне кажется, сделать это.

Компромиссом является, с нашей стороны, наш возврат к доиюльскому требованию: вся власть Советам, ответственное перед Советами правительство из эс-эров и меньшевиков.

Теперь, и только теперь, может быть *всего в течение нескольких дней* или на одну — две недели, такое правительство могло бы создаться и упрочиться вполне мирно. Оно могло бы обеспечить, с гигантской вероятностью, мирное движение *вперед* всей российской революции и чрезвычайно большие шансы больших шагов вперед всемирного движения к миру и к победе социализма.

Только во имя этого мирного развития революции — возможности, *крайне* редкой в истории и *крайне* ценной, возможности, исключительно редкой, только во имя ее большевики, сторонники всемирной революции, сторонники революционных методов, могут и должны, по моему мнению, идти на такой компромисс.

Компромисс состоял бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве (невозможно для интернационалиста без фактического осуществления условий диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства), отказались бы от выставления немедленно требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование. Условием, само собою разумеющимся и неновым для эс-эров и меньшевиков, была бы полная свобода агитации и созыва Учредительного Собрания без новых оттяжек или даже в более короткий срок.

Меньшевики и эс-эры, как правительственный блок, согласились бы (предполагая компромисс осуществленным) составить правительство, целиком и исключительно ответственное перед Советами, при передаче в руки Советов всей власти и на местах. В этом бы состояло «новое» условие. Никаких других условий большевики, я думаю, не поставили бы, полагаясь на то, что действительно полная свобода агитации и немедленное осуществление нового демократизма в составлении Советов (перевыборы их) и в функционировании их сами собою обеспечили бы мирное движение революции вперед, *мирное изживание* партийной борьбы внутри Советов.

Может быть, это *уже* невозможно? Может быть. Но если есть даже один шанс из ста, то попытка осуществления такой возможности все-таки стоила бы того, чтобы осуществить ее.

Что выиграли бы обе «соглашающиеся» стороны от этого «компромисса», т.-е. большевики, с одной, блок эс-эров и меньшевиков, с другой стороны? Если *обе* стороны ничего не выигрывают, то компромисс надо признать невозможным, и тогда не к чему говорить о нем. Как ни труден теперь (после июля и августа, двух месяцев, равняющихся двум десяткам лет «мирного», сонного времени) этот компромисс, мне кажется, есть один маленький шанс на его осуществление, и шанс этот создан решением эс-эров и меньшевиков не идти в правительство вместе с кадетами.

Большевики выиграли бы то, что получили возможность вполне свободно агитировать за свои взгляды и при условиях действительно полного демократизма добиваться влияния в Советах. На словах «все» признают теперь эту свободу за большевиками. На деле она *невозможна* при буржуазном правительстве или при правительстве с участием буржуазии, при правительстве ином кроме советского. При советском правительстве такая свобода была бы *возможна* (не говорим: наверняка обеспечена, но все же возможна). Из-за такой возможности в такое трудное время следовало бы пойти на компромисс с советским большинством нынешнего дня. *Нам* бояться при действительной демократии нечего, ибо жизнь за нас, и даже ход развития течений внутри враждебных нам партий эс-эров и меньшевиков подтверждает нашу правоту.

Меньшевики и эс-эры выиграли бы то, что получили бы сразу полную возможность осуществить программу *своего* блока, опираясь на заведомо громадное большинство народа и обеспечив себе «мирное» пользование своим большинством в Советах.

Конечно, из этого блока, неоднородного как потому, что он блок, так и потому, что мелкобуржуазная демократия *всегда* менее однородна, чем буржуазия и чем пролетариат, из этого блока раздались бы, вероятно, два голоса.

Один голос сказал бы: «Нам никак не по пути с большевиками, с революционным пролетариатом. Он все равно потребует чрезмерного и демагогически увлечет крестьянскую бедноту. Он потребует мира и разрыва с союзниками. Это невозможно. Нам ближе и вернее с буржуазией, ведь мы не разошлись с ней, а только *поссорились* не на долго, и только из-за одного инцидента с Корниловым. Поссорились — помиримся. Притом большевики ровно ничего нам не «уступают», ибо попытки восстания с их стороны все равно так же обречены на поражение, как Коммуна 1871 года».

Другой голос сказал бы: «Ссылка на Коммуну очень поверхностна и даже глупа. Ибо, во-первых, большевики все же кое-чему научились после 1871 года, они не оставили бы банк не взятым в свои руки, они не отказались бы от наступления на Версаль; а при таких условиях даже Коммуна могла победить. Кроме того, Коммуна не могла предложить народу сразу того, что смогут предложить большевики, если станут властью, именно: землю крестьянам, немедленное предложение мира, настоящий контроль над производством, честный мир с украинцами, финляндцами и проч. У большевиков, вульгарно выражаясь, вдесятеро больше «козырей» в руках, чем у Коммуны. А, во-вторых, Коммуна как-никак означает тяжелую гражданскую войну, долгую задержку после этого мирного культурного развития, облегчение операций и проделок всяких Мак-Магонов и Корниловых, а такие операции угрожают всему нашему буржуазному обществу. Разумно ли рисковать Коммуной?

«А Коммуна неизбежна в России, если мы не возьмем власть, если дело останется в столь же тяжком положении, как было с 6 мая по 31 августа. Всякий революционный рабочий и солдат неизбежно будет думать о Коммуне, верить в нее, неизбежно сделает попытку осуществить ее, рассуждая: «Народ гибнет, война, голод, разорение идут все дальше. Только Коммуна спасет. Погибнем, умрем все, но осуществим Коммуну». Такие мысли неизбежны у рабочих, и победить Коммуну теперь не удастся так легко, как в 1871 году. У русской Коммуны будут в 100 раз сильнее союзники во всем мире, чем в 1871 году... Разумно ли нам рисковать Коммуной? Не могу также согласиться с тем, что большевики нам, в сущности, ничего не дают своим компромиссом. Ибо во всех культурных странах культурные министры очень ценят всякое, даже маленькое, соглашение с пролетариатом во время войны. Очень и очень ценят. А ведь это деловые люди, настоящие министры. Большевики же усиливаются довольно быстро, несмотря на репрессии, несмотря на слабость их прессы... Разумно ли нам рисковать Коммуной?

«У нас обеспеченное большинство, до пробуждения крестьянской бедноты еще не так близко, на наш век хватит. Чтобы

в крестьянской стране большинство пошло за крайними, не верю. А против заведомого большинства, в действительно демократической республике восстание невозможно». Так сказал бы второй голос.

Пожалуй, найдется и третий голос, из среды каких-нибудь сторонников Мартова или Спиридоновой, который скажет: «Меня возмущает, «товарищи», что вы оба, рассуждая о Коммуне и ее возможности, без колебаний становитесь на сторону ее противников. Один в одной форме, другой в иной, но оба на стороне тех, кто подавил Коммуну. Я не пойду агитировать за Коммуну, не могу заранее обещать биться в ее рядах, как сделает всякий большевик, но я должен все же сказать: что *если* Коммуна, *вопреки* моим усилиям, вспыхнет, я скорее помогу ее защитникам, чем ее противникам...»

Разноголосица в «блоке» большая и неизбежная, ибо в мелкобуржуазной демократии представлена тьма оттенков, от вполне министерпабельного вполне буржуа до полунищего, еще не совсем способного перейти на позицию пролетария. И каков будет в каждый данный момент этой разноголосицы результат ее, никто не знает.

* *
*

Предыдущие строки писаны в пятницу, 1-го сентября, и по случайным условиям (при Керенском, скажет история, не все большевики пользовались свободой выбора местожительства) не попали в редакцию в этот же день. А по прочтении субботних и сегодняшних, воскресных газет, я говорю себе: пожалуй, предложение компромисса уже запоздало. Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было *еще* возможно, *тоже* прошли. Да, по всему видно, что они уже прошли. Керенский уйдет, так или иначе, и *из* партии эс-эров и *от* эс-эров и укрепится при помощи буржуа *без* эс-эров, благодаря их бездействию... Да, по всему видно, что дни, когда случайно стала возможной дорога мирного развития, *уже* миновали. Остается послать эти заметки в редакцию с просьбой озаглавить их: «Запоздалые мысли»... иногда, может быть, и с запоздалыми мыслями ознакомиться не безынтересно.

Написано 14—16 (1—3) сентября 1917 г.
«Рабочий Путь» [69] *№ 3, 19 (6) сентября 1917 г.*
Подпись: Н. Ленин.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МОМЕНТЕ [70]).

На основании резолюции о политическом положении, принятой Шестым Съездом Р.С.-Д.Р.П. (большевиков) и применяя эту резолюцию к данному моменту, Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. в своем пленарном заседании устанавливает:

1. За два месяца, с 3 июля по 3 сентября, ход классовой борьбы и развитие политических событий подвинули всю страну вперед, вследствие неслыханной быстроты революции, настолько, насколько длинный ряд лет не мог бы подвинуть страны в мирное время, без революции и без войны.

2. Все очевиднее выясняется, что события 3 — 5 июля были переломным пунктом всей революции. Без правильной оценки этих событий невозможна правильная оценка ни задач пролетариата, ни быстроты развития революционных событий, зависящей не от нашей воли.

3. Клеветы, с невероятным усердием распространявшиеся против большевиков буржуазией и брошенные ею в народные массы чрезвычайно широко благодаря миллионам, вложенным в капиталистические газеты и издательства, эти клеветы разоблачаются все быстрее и все шире. Сначала рабочим массам в столице и в крупных городах, а затем и крестьянству становится все очевиднее, что клеветы на большевиков есть одно из главных оружий помещиков и капиталистов в борьбе с защитниками интересов рабочих и беднейших крестьян, т.-е. большевиками.

4. Восстание Корнилова, т.-е. генералов и офицеров, за которыми стоят помещики и капиталисты с партией кадетов (партией «народной свободы») во главе их, это восстание пыталось прямо прикрыться повторением старой клеветы на большевиков и тем самым способствовало окончательному открытию глаз наиболее широких народных масс на истинное значение оклеветания буржуазией большевистской рабочей партии, партии истинных защитников бедноты.

5. Если бы наша партия отказалась от поддержки стихийно вспыхнувшего, вопреки нашим попыткам удержать его, движения масс 3—4 июля, то это было бы прямой и полной изменой пролетариату, ибо массы пришли в движение, законно и справедливо возмущенные затягиванием империалистской, т.-е. захватной и грабительской, в интересах капиталистов ведущейся, войны и бездействием правительства и Советов против буржуазии, усиливающей и обостряющей разруху и голод.

6. Несмотря на все усилия буржуазии и правительства, несмотря на аресты сотен большевиков, захват их бумаг, документов, обыски в редакциях и пр.; несмотря на все это, не удалось и никогда не удастся доказать ту клевету, будто наша партия ставила какую-нибудь иную цель движению 3—4 июля кроме «мирной и организованной» демонстрации с лозунгом передачи всей власти в государстве Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

7. Было бы ошибкой, если бы 3—4 июля большевики поставили своей задачей взятие власти, ибо большинство не только народа, но и рабочих не испытало еще тогда на деле контр-революционной политики генералов в армии, помещиков в деревне, капиталистов в городе, политики, показавшей себя массам после 5 июля и порожденной соглашательством эс-эров и меньшевиков с буржуазией. Но ни одна, ни центральная, ни местная организация нашей партии не только не выставляла ни письменно, ни устно лозунга захвата власти 3—4 июля, но и не ставила даже этого вопроса на обсуждение.

8. Действительной ошибкой нашей партии в дни 3—4 июля, обнаруженной теперь событиями, было только то, что партия считала общенародное положение *менее* революционным, чем оно оказалось, что партия считала *еще* возможным мирное развитие политических преобразований путем перемены политики Советами, тогда как на самом деле меньшевики и эс-эры настолько уже запутали и связали себя соглашательством с буржуазией, а буржуазия настолько стала контр-революционна, что ни о каком мирном развитии не могло уже быть и речи. Но этого ошибочного взгляда, который подкреплялся только надеждой на то, что события не будут развиваться слишком быстро, этого ошибочного взгляда партия не могла изжить иначе, как участием в народном движении 3—4 июля с лозунгом «вся власть Советам» и с задачей придать движению мирный и организованный характер.

9. Историческое значение восстания Корнилова состоит именно в том, что оно с чрезвычайной силой открыло массам народа глаза на ту истину, которая была прикрыта и прикрывается до сих пор соглашательской фразой эс-эров и меньшевиков, именно: помещики и буржуазия с партией к.-д. во главе и

стоящие на их стороне генералы и офицеры соргапизовались, они готовы совершить и совершают самые неслыханные преступления, отдать Ригу (а затем и Петроград) немцам, открыть им фронт, отдать под расстрел большевистские полки, начать мятеж, повести на столицу войска с «дикой дивизией» во главе и т. д. — все это ради того, чтобы захватить всю власть в руки буржуазии, чтобы укрепить власть помещиков в деревне, чтобы залить страну кровью рабочих и крестьян.

Восстание Корнилова доказало для России то, что́ для всех стран доказала вся история, именно, что буржуазия предаст родину и пойдет на все преступления, лишь бы отстоять свою власть над народом и свои доходы.

10. Перед рабочими и крестьянами России нет абсолютно никакого выхода кроме самой решительной борьбы и победы над помещиками и буржуазией, над партией к.-д., над генералами и офицерами, сочувствующими ей. А на такую борьбу и на такую победу может вести народ, т.-е. всех трудящихся, только городской рабочий класс, если в его руки перейдет вся государственная власть и если его поддержат беднейшие крестьяне.

11. События в русской революции, особенно после 6-го мая и еще более после 3-го июля, развиваются с такой невероятной быстротой вихря или урагана, что задачей партии никак не может быть ускорение их; напротив, все усилия должны быть направлены на то, чтобы не отстать от событий и поспевать с нашей работой посильного уяснения рабочим и трудящимся перемен в положении и в ходе классовой борьбы. Именно такова главная задача партии и теперь: разъяснять массам, что положение страшно критическое, что всякое выступление может окончиться взрывом, что поэтому преждевременное восстание способно принести величайший вред. А вместе с тем критическое положение неизбежно подводит рабочий класс — и, может быть, с катастрофической быстротой — к тому, что он, в силу поворота событий от него независящего, окажется вынужденным вступить в решительный бой с контр-революционной буржуазией и завоевать власть.

12. Восстание Корнилова вполне вскрыло тот факт, что армия, вся армия *ненавидит ставку*. Это должны были признать даже такие меньшевики и эс-эры, которые месяцами усилий доказали свою ненависть к большевикам и свою защиту политики соглашения рабочих и крестьян с помещиками и буржуазией. Ненависть армии к ставке не ослабеет, а усилится после того, как правительство Керенского ограничилось заменой Корнилова Алексеевым, оставив на месте Клембовского и других корниловских генералов, не делая ровно ничего серьезного для демократизации армии и удаления контр-революционного командного состава. Советы, которые терпят и поддерживают эту слабую,

колеблющуюся, беспринципную политику Керенского, Советы, которые упустили еще один момент мирно взять всю власть в момент ликвидации восстания Корнилова, эти Советы становятся виновными не только в соглашательстве, но уже в преступном соглашательстве.

Армия, ненавидящая ставку и нежелающая вести войны, на захватный характер которой ей открылись глаза, неизбежно осуждена на новые катастрофы.

13. Рабочий класс, когда он завоюет власть, один только сможет повести политику мира не на словах, как ее ведут меньшевики и эс-эры, на деле поддерживающие буржуазию и ее тайные договоры, а на деле. Именно: он немедленно и при каком угодно военном положении, даже если корниловские генералы, сдав Ригу, сдадут и Петроград, предложит *всем* народам открытые, точные, ясные, *справедливые* условия мира. Рабочий класс может сделать это от имени всего народа, ибо подавляющее большинство рабочих и крестьян России высказалось против теперешней захватной войны и за мир на справедливых условиях, без аннексий (захватов) и без контрибуций.

Эс-эры и меньшевики обманывают сами себя и обманывают народ, месяцами разговаривая о таком мире. Рабочий класс, завоевав власть, не теряя ни одного дня, предложит его всем.

Капиталисты всех стран с таким трудом сдерживают растущую повсюду рабочую революцию против войны, что если русская революция от бессильных и жалких воздыханий насчет мира перейдет к прямому предложению его, вместе с оглашением и разрывом тайных договоров и т. д., то девяносто девять шансов из ста, что мир наступит быстро, что капиталисты не смогут помешать миру.

А если осуществится наименее вероятный случай, что капиталисты отвергнут, вопреки воле своих народов, условия мира русского рабочего правительства, то революция в Европе приблизится во сто раз ближе, а армия наших рабочих и крестьян выберет себе не ненавидимых, а уважаемых начальников и полководцев, убедится в справедливости войны после того, как мир предложен, тайные договоры порваны, союз с помещиками и буржуазией прекращен, земля вся передана крестьянам. Только тогда война станет справедливой войной со стороны России, только такую войну поведут рабочие и крестьяне не из-под палки, а добровольно, и такая война еще более приблизит неизбежную рабочую революцию в передовых странах.

14. Рабочий класс, когда он завоюет власть, один только сможет обеспечить немедленный переход всех помещичьих земель безвозмездно к крестьянам. Откладывать этого нельзя. Учредительное Собрание узаконит это, но в оттяжках его крестьяне не виноваты. Крестьяне каждый день все более убе-

ждаются в том, что путем соглашения с помещиками и капиталистами нельзя получить землю: землю можно добыть только при беззаветном, братском союзе беднейших крестьян с рабочими.

Уход Чернова из правительства после того, как Чернов месяцами пытался отстоять интересы крестьян путем уступок и уступочек кадетам-помещикам и все попытки кончились крахом, этот уход особенно наглядно обнаружил безнадежность политики соглашательства [71]). А крестьянство на местах видит и знает, чувствует и осязает, как после 5 июля обнаглели помещики в деревнях и как необходимо обуздать и обезвредить их.

15. Рабочий класс, когда он завоюет власть, один только сможет положить конец разрухе и грозящему голоду. Правительство с 6-го мая обещает контроль и контроль, но оно не сделало и не могло сделать ничего, ибо капиталисты и помещики срывали всю работу. Безработица растет, голод надвигается, деньги падают в цене, уход Пешехонова после удвоения твердых цен еще более усилит кризис и опять-таки доказывает всю слабость и бессилие правительства. Только рабочий контроль за производством и распределением может спасти дело. Только рабочее правительство обуздает капиталистов, вызовет геройскую поддержку усилий *власти* всеми трудящимися, установит порядок и правильный обмен хлеба на продукты.

16. Доверие крестьянской бедноты к городскому рабочему классу, подорванное на время клеветами буржуазии и надеждами на политику соглашательства, восстановляется особенно после того, как аресты в деревнях и всяческие преследования трудящихся после 5-го июля, а затем корниловское восстание открыли глаза народу. Одним из признаков потери народом веры в соглашение с капиталистами является то, что в двух главных партиях, эс-эров и меньшевиков, которые эту политику соглашений ввели и провели до конца, все растет, особенно после 5-го июля, недовольство изнутри этих партий, борьба против соглашательства, оппозиция, достигшая около двух пятых (40%) на последнем «Совете» партии социалистов-революционеров [72]) и съезде партии меньшевиков.

17. Весь ход событий, все экономические и политические условия, все происшествия в армии подготовляют все быстрее и быстрее успех завоевания власти рабочим классом, который даст мир, хлеб, свободу, который ускорит победу революции пролетариата и в других странах.

Написано 16 (3) сентября 1917 г.
Впервые напечатано в 1926 г. в «Ленинском Сборнике» IV.

Печатается по рукописи.

ОДИН ИЗ КОРЕННЫХ ВОПРОСОВ РЕВОЛЮЦИИ.

Несомненно, самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти. В руках какого класса власть, это решает все. И если газета главной правительственной партии в России, «Дело Народа», жаловалась недавно (№ 147), что из-за споров о власти забывается и вопрос об Учредительном Собрании, и вопрос о хлебе, то эс-эрам следовало бы ответить: «жалуйтесь на себя» [73]). Ведь именно колебания, нерешительность *вашей* партии больше всего повинны и в затяжке «министерской чехарды», и в бесконечных отсрочках Учредительного Собрания, и в подрыве капиталистами принятых и намеченных мер хлебной монополии и обеспечения страны хлебом.

Ни обойти, ни отодвинуть вопроса о власти нельзя, ибо это именно основной вопрос, определяющий *все* в развитии революции, в ее внешней и внутренней политике. Что наша революция полгода «потратила зря» на колебания насчет устройства власти, это бесспорный факт, этот факт определен колеблющейся политикой эс-эров и меньшевиков. А политика этих партий определилась, в последнем счете, классовым положением мелкой буржуазии, ее экономической неустойчивостью в борьбе между капиталом и трудом.

Весь вопрос теперь в том, научилась ли чему-нибудь мелкобуржуазная демократия за эти великие полгода, необыкновенно богатые содержанием, или нет. Если нет, то революция погибла, и только победоносное восстание пролетариата сможет спасти ее. Если да, то надо начать с немедленного создания устойчивой, неколеблющейся, власти. Устойчивой во время народной революции, т.-е. такой, которая подняла к жизни массы, большинство рабочих и крестьян, может быть только власть, опирающаяся заведомо и безусловно *на большинство* населения. До сих пор государственная власть остается в России *фактически* в руках *буржуазии*, которая вынуждена лишь делать частные уступки (с тем, чтобы на другой же день начать отбирать их назад),

раздавать обещания (с тем, чтобы не выполнять их), изыскивать всяческие прикрытия своего господства (с тем, чтобы надуть народ внешностью «честной коалиции») и т. п. и т. д. На словах — народное, демократическое, революционное правительство, на деле — противонародное, антидемократическое, контрреволюционное, буржуазное, вот то противоречие, которое существовало до сих пор и было источником полной неустойчивости и колебаний власти, всей той «министерской чехарды», которою гг. эс-эры и меньшевики с таким печальным (для народа) усердием занимались.

«Либо разгон Советов и бесславная смерть их, либо вся власть Советам» — это я сказал перед Всероссийским Съездом Советов в начале июня 1917 г., и история июля и августа подтвердила правильность этих слов с исчерпывающей убедительностью *). Власть Советов одна только может быть устойчивой, заведомо опирающейся на большинство народа, как бы ни лгали лакеи буржуазии, Потресов, Плеханов и пр., называющие «расширением базиса» власти фактическую передачу ее ничтожному меньшинству народа, буржуазии, эксплуататорам.

Только советская власть могла бы быть устойчивой, только ее нельзя было бы свергнуть даже в самые бурные моменты самой бурной революции, только такая власть могла бы обеспечить постоянное, широкое развитие революции, мирную борьбу партий внутри Советов. Пока не создано такой власти, неизбежны нерешительность, неустойчивость, колебания, бесконечные «кризисы власти», безысходная комедия министерской чехарды, взрывы и справа и слева.

Но лозунг: «власть Советам» очень часто, если не в большинстве случаев, понимается совершенно неправильно в смысле: «министерство из партий советского большинства», и на этом глубоко ошибочном мнении мы хотели бы подробнее остановиться.

«Министерство из партий советского большинства», это значит личная перемена в составе министров, при сохранении в неприкосновенности всего старого аппарата правительственной власти, аппарата насквозь чиновничьего, насквозь недемократического, неспособного провести серьезные реформы, которые в программах даже эс-эров и меньшевиков значатся.

«Власть Советам» — это значит радикальная переделка всего старого государственного аппарата, этого чиновничьего аппарата, тормозящего все демократическое, устранение этого аппарата и замена его новым, народным, т.-е. истинно-демократическим аппаратом Советов, т.-е. организованного и вооруженного большинства народа, рабочих, солдат, крестьян, предоставление почина и самостоятельности большинству народа не только в выборе

*) См. XX том Сочинений, стр. 480. *Ред.*

депутатов, но и в управлении государством, в осуществлении реформ и преобразований.

Чтобы сделать эту разницу более ясной и наглядной, напомним одно ценное признание, которое было сделано несколько времени тому назад газетой правительственной партии, партии эс-эров, «Делом Народа». Даже в тех министерствах, — писала эта газета, — которые переданы министрам-социалистам (это писалось во время пресловутой коалиции с кадетами, когда меньшевики и эс-эры были министрами), *даже* в этих министерствах весь аппарат управления остался старым, и он тормозит всю работу.

Оно и понятно. Вся история буржуазно-парламентарных, а в значительной степени и буржуазно-конституционных, стран показывает, что смена министров значит очень мало, ибо реальная работа управления лежит в руках гигантской армии чиновников. А эта армия насквозь пропитана антидемократическим духом, связана тысячами и миллионами нитей с помещиками и буржуазией, зависима от них на всяческие лады. Эта армия окружена атмосферой буржуазных отношений, дышит только ею, она застыла, заскорузла, окочепела, она не в силах вырваться из этой атмосферы, она не может мыслить, чувствовать, действовать иначе как по старому. Эта армия связана отношениями чинопочитания, известных привилегий «государственной» службы, а верхние ряды этой армии чрез посредство акций и банков закрепощены полностью финансовому капиталу, в известной степени сами представляя из себя его агентов, проводников его интересов и влияния.

Посредством *этого* государственного аппарата пытаться провести такие преобразования, как отмена помещичьей собственности на землю без выкупа или хлебная монополия и т. п., есть величайшая иллюзия, величайший самообман и обман народа. Этот аппарат *может* служить республиканской буржуазии, создавая республику в виде «монархии без монарха», как третья республика во Франции, но проводить реформы, не то что уничтожающие, но хотя бы серьезно подрезывающие или ограничивающие права капитала, права «священной частной собственности», на это такой государственный аппарат абсолютно неспособен. Поэтому и получается всегда такая вещь, при всевозможных «коалиционных» министерствах с участием «социалистов», что эти социалисты, даже при условии полнейшей добросовестности отдельных лиц из их числа, на деле оказываются пустым украшением или ширмой буржуазного правительства, громоотводом народного возмущения от этого правительства, орудием обмана масс этим правительством. Так было и с Луи Бланом в 1848 году, так было с тех пор десятки раз в Англии и Франции при участии социалистов в министерстве, так было и с Черновыми и Церетели в 1917 г., так было и так будет,

пока держится буржуазный строй и сохраняется в неприкосновенности старый, буржуазный, чиновничий, государственный аппарат.

Советы Рабочих, Солдатских, Крестьянских Депутатов тем и ценны особенно, что они представляют из себя новый, неизмеримо более высокий, несравненно более демократический *тип* государственного аппарата. Эс-эры и меньшевики все сделали, все возможное и все невозможное, чтобы превратить Советы (особенно Питерский и общерусский, т.-е. Ц. И. К.) в пустые говорильни, под видом «контроля» занимавшиеся вынесением бессильных резолюций и пожеланий, которые правительство с самой вежливой и любезной улыбкой клало под сукно. Но достаточно было «свежего ветерка» корниловщины, обещавшего хорошую бурю, чтобы все затхлое в Совете отлетело на время прочь и инициатива революционных масс начала проявлять себя как нечто величественное, могучее, непреоборимое.

Пусть учатся на этом историческом примере все маловеры. Пусть устыдятся те, кто говорит: «у нас нет аппарата, чтобы заменить старый, неминуемо тяготеющий к защите буржуазии, аппарат». Ибо этот аппарат *есть*. Это и есть Советы. Не бойтесь инициативы и самостоятельности масс, доверьтесь революционным организациям масс — и вы увидите *во всех* областях государственной жизни такую же силу, величественность, непобедимость рабочих и крестьян, какую обнаружили они в своем объединении и порыве против корниловщины.

Неверие в массы, боязнь их почина, боязнь их самостоятельности, трепет перед их революционной энергией, вместо всесторонней беззаветной поддержки ее, вот чем грешили больше всего эс-эровские и меньшевистские вожди. Вот где один из наиболее глубоких корней их нерешительности, их колебаний, их бесконечных и бесконечно бесплодных попыток влить новое вино в старые меха старого, бюрократического государственного аппарата.

Возьмите историю демократизации армии в русской революции 1917 года, историю министерства Чернова, историю «царствования» Пальчинского, историю ухода Пешехонова — и вы увидите на каждом шагу нагляднейшие подтверждения сказанному выше. Без полного доверия к выборным солдатским организациям, без абсолютного проведения принципа выборности начальства солдатами получилось то, что Корниловы, Каледины и контр-революционные офицеры оказались во главе армии. Это факт. И кто не хочет нарочно закрывать глаз, тот не может не видеть, что *после* корниловщины правительство Керенского все *оставляет по старому*, что оно *на деле восстановляет корниловщину.* Назначение Алексеева, «мир» с Клембовским, Гагариными, Багратионами и прочими корниловцами, мягкость

обращения с самим Корниловым и Калединым, — все это яснее ясного показывает, что Керенский на деле восстановляет корниловщину.

Середины нет. Опыт показал, что середины нет. Либо вся власть Советам и полная демократизация армии, либо корниловщина.

А история министерства Чернова? Разве не доказала она, что всякий сколько-нибудь серьезный шаг для действительного удовлетворения нужды крестьян, всякий шаг, свидетельствующий о доверии к ним, к их собственным массовым организациям и действиям вызывал величайший энтузиазм во всем крестьянстве. А Чернову пришлось почти четыре месяца «торговаться» и «торговаться» с кадетами и чиновниками, которые бесконечными оттяжками и подсиживаниями, в конце концов, вынудили его уйти, не сделав ничего. Помещики и капиталисты на эти четыре месяца и за эти четыре месяца «выиграли игру», отстояли помещичье землевладение, оттянули Учредительное Собрание, начали даже ряд репрессий против земельных комитетов.

Середины нет. Опыт показал, что середины нет. Либо вся власть Советам и в центре и на местах, вся земля крестьянам *тотчас*, впредь до решения Учредительного собрания, либо помещики и капиталисты тормозят все, восстановляют помещичью власть, доводят крестьян до озлобления и доведут дело до бесконечно свирепого крестьянского восстания.

Совершенно та же самая история со срывом капиталистами (при помощи Пальчинского) сколько-нибудь серьезного контроля над производством, со срывом купцами хлебной монополии и *начала* регулированного демократического распределения хлеба и продуктов Пешехоновым.

Дело вовсе теперь в России не в том, чтобы изобретать «новые реформы», чтобы задаваться «планами» каких-либо «всеобъемлющих» преобразований. Ничего подобного. Так изображают дело — заведомо лживо изображают дело капиталисты, Потресовы, Плехановы, кричащие против «введения социализма», против «диктатуры пролетариата». В действительности же положение в России таково, что невиданные тяжести и бедствия войны, неслыханная и самая грозная опасность разрухи и голода сами собой подсказали выход, сами собою наметили, и не только наметили, но и уже выдвинули, как безусловно неотложные реформы и преобразования: хлебная монополия, контроль над производством и распределением, ограничение выпуска бумажных денег, правильный обмен хлеба на товары и т. д.

Мероприятия такого рода, в таком именно направлении, всеми признаны за неизбежные, они начаты во многих местах

и с самых разных сторон. *Они уже начаты,* но их везде тормозит и затормозило сопротивление помещиков и капиталистов, сопротивление, осуществляемое и через правительство Керенского (*на деле* правительство вполне буржуазное и бонапартистское), и через чиновничий аппарат старого государства, и через прямое и косвенное давление русского и «союзного» финансового капитала.

Не так давно И. Прилежаев писал в «Деле Народа» (№ 147), оплакивая уход Пешехонова и крах твердых цен, крах хлебной монополии:

«Смелости и решительности — вот чего не хватало нашим правительствам всех составов... Революционная демократия не должна ждать, она должна сама проявить инициативу и планомерно вмешаться в экономический хаос... Если где, так именно здесь нужны твердый курс и решительная власть» [74]).

Вот что правда, то правда. Золотые слова. Автор не подумал только, что вопрос о твердом курсе, о смелости и решительности не есть личный вопрос, а есть вопрос о том *классе,* который способен проявить смелость и решительность. Единственный такой класс — пролетариат. Смелость и решительность власти, твердый курс ее, не что иное, как диктатура пролетариата и беднейших крестьян. И. Прилежаев, сам того не сознавая, вздыхает по *этой диктатуре.*

Ибо что означала бы на деле такая диктатура? Ничего иного, как то, что сопротивление корниловцев было бы сломлено и полная демократизация армии восстановлена и завершена. Девяносто девять сотых армии были бы восторженными сторонниками такой диктатуры через два дня после ее установления. Эта диктатура дала бы землю крестьянам и всевластие крестьянским комитетам на местах; как можно, не сойдя с ума, сомневаться в том, что крестьяне поддержали бы эту диктатуру? То, что Пешехонов только *посулил* («сопротивление капиталистов сломлено» — буквальные слова Пешехонова в его знаменитой речи перед Съездом Советов), то это диктатура ввела бы в жизнь, превратила в действительность, нисколько не устраняя начавших уже складываться демократических организаций по продовольствию, по контролю и прочее, а, напротив, поддерживая, развивая их, устраняя все помехи их работе.

Только диктатура пролетариев и беднейших крестьян способна сломить сопротивление капиталистов, проявить действительно величественную смелость и решительность власти, обеспечить себе восторженную, беззаветную, истинно героическую поддержку масс и в армии, и в крестьянстве.

Власть Советам — единственное, что могло бы сделать дальнейшее развитие постепенным, мирным, спокойным, идущим вполне в уровень сознания и решения большинства народных

масс, в уровень их собственного опыта. Власть Советам — это значит полная передача управления страной и контроля за хозяйством ее рабочим и крестьянам, которым *никто* не посмел бы сопротивляться и которые *быстро научились бы* на опыте, на своей собственной практике научились бы, правильно распределять землю, продукты и хлеб.

«Рабочий Путь» № 10, 27 (14) сентября 1917 г.
Подпись: Н. Ленин.

КАК ОБЕСПЕЧИТЬ УСПЕХ ВЫБОРОВ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ?

О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ.

В начале апреля я писал, излагая отношение большевиков к вопросу, надо ли созывать Учредительное Собрание:

«Надо, и поскорее. Но гарантия его успеха и созыва одна: увеличение числа и укрепление *силы* Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и пр. Депутатов; организация и *вооружение* рабочих масс — единственная гарантия» («Политич. партии в России и задачи пролетариата». Дешевая библиотека «Жизни и Знания», кн. III, стр. 9 и 29) *).

С тех пор прошло пять месяцев, и правильность этих слов подтверждена рядом оттяжек и отсрочек созыва по вине кадетов, подтверждена, наконец, корниловщиной замечательно.

Теперь, в связи с созывом на 12 сентября Демократического Совещания [75]), я бы хотел остановиться на другой стороне дела.

И «Рабочая Газета» меньшевиков, и «Дело Народа» выражали сожаление по поводу того, как мало делается для агитации среди крестьян, для просвещения этой настоящей *массы* русского народа, настоящего большинства его. Все сознают и признают, что от просвещения крестьян зависит успех Учредительного Собрания, но делается для этого до смешного мало. Крестьян обманывает, одурачивает, запугивает насквозь лживая и контрреволюционная буржуазная и «желтая» пресса, по сравнению с которой пресса меньшевиков и эс-эров (не говоря уже о большевистской) совсем, совсем слаба.

Почему это так?

Именно потому, что слабы, нерешительны, бездеятельны правящие партии эс-эров и меньшевиков, что они, не соглашаясь на взятие всей власти Советами, оставляют крестьянство в темноте и заброшенности, отдают его на «съедение» капиталистам и *их* прессе, *их* агитации.

---

*) См. XX том Сочинений, стр. 139. *Ред.*

Называя нашу революцию хвастливо великою, крича направо, налево громкие, напыщенные фразы о «революционной демократии», меньшевики и эс-эры *на деле* оставляют Россию на положении самой дюжинной, самой мелкобуржуазной революции, которая, сбросив царя, оставляет все остальное по-старому и ничего, ровно ничего серьезного для политического просвещения крестьян, для разрушения крестьянской темноты, этого *последнего* (и самого сильного) оплота, *оплота* эксплуататоров и угнетателей народа, не делает.

Именно теперь уместно напомнить об этом. Именно теперь перед лицом Демократического Совещания, за два месяца «назначенного» (для новой отсрочки) созыва Учредительного Собрания уместно показать, как легко было бы исправить дело, как много можно бы сделать для политического просвещения крестьян, если бы... если бы наша «революционная демократия» в кавычках была действительно революционной, т.-е. способной действовать революционно, и действительно демократией, т.-е. считающейся с волей и интересами большинства народа, не меньшинства капиталистов, которое продолжает держать власть в руках (правительство Керенского) и с которым, не прямо, так косвенно, не в старой, так новой форме, все же хотят «соглашательствовать» эс-эры и меньшевики.

Капиталисты (а за ними, по неразумению или по косности, многие эс-эры и меньшевики) называют «свободой печати» такое положение дела, когда цензура отменена и все партии свободно издают любые газеты.

На самом деле это не свобода печати, а свобода обмана угнетенных и эксплуатируемых масс народа богатыми. буржуазией.

В самом деле. Возьмите хоть питерские и московские газеты. Вы увидите сразу, что по числу выпускаемых экземпляров громадное преобладание имеют буржуазные газеты, «Речь», «Биржевка», «Новое Время», «Русское Слово»[76]) и так далее, и тому подобное (ибо таких газет очень много). На чем основано это преобладание? Вовсе не на воле большинства, ибо выборы показывают, что в обеих столицах большинство (и гигантское) на стороне демократии, т.-е. эс-эров, меньшевиков и большевиков. Голосов у этих трех партий от трех четвертей до четырех пятых, а число экземпляров выпускаемых ими газет наверное менее четверти или даже одной пятой по сравнению с числом экземпляров всей буржуазной прессы (которая, как мы теперь знаем и видим, прямо и косвенно защищала корниловщину).

Почему это так?

Все прекрасно знают, почему. Потому, что издание газеты есть доходное и крупное капиталистическое предприятие, в которое богатые вкладывают миллионы и миллионы рублей. «Свобода печати» буржуазного общества состоит в свободе *богатых* систе-

матически, неуклонно, ежедневно в миллионах экземпляров, обманывать, развращать, одурачивать эксплуатируемые и угнетенные массы народа, бедноту.

Вот та простая, общеизвестная, очевидная правда, которую все наблюдают, все сознают, но «почти все» «стыдливо» замалчивают, боязливо обходят.

Спрашивается, можно ли бороться с таким вопиющим злом и как бороться?

Прежде всего есть одно простейшее, величайшее и законнейшее средство, которое я давно указывал в «Правде», которое особенно уместно напомнить теперь, к 12 сентября, и которое всегда надо иметь в виду рабочим, ибо они едва ли обойдутся без него, когда завоюют политическую власть *).

Это средство — государственная монополия на частные объявления в газетах.

Посмотрите на «Русское Слово», «Новое Время», «Биржевку», «Речь» и т. п. — вы увидите массу частных объявлений, которые дают громадный, и даже главный, доход капиталистам, издающим эти газеты. Так хозяйничают, так обогащаются, *так торгуют ядом для народа* все буржуазные газеты во всем мире.

В Европе есть газеты, которые исчисляются в числе экземпляров, достигающем трети числа жителей данного города (напр., 12.000 экземпляров при населении в 40.000) и которые *даром* разносятся *в каждую* квартиру, давая в то же время хороший доход их издателям. Такие газеты живут объявлениями, за которые частные лица платят, а доставка газеты бесплатно в каждую квартиру обеспечивает наилучшее распространение объявлений.

Спрашивается, почему, называющая себя революционной, демократия не могла бы осуществить такой меры, как объявление государственной монополией частных объявлений в газетах? Запрещение печатать объявления где-либо *кроме* газет, издаваемых Советами в провинции и в городах и *центральным Советом* в Питере для всей России? Почему «революционная» демократия обязана терпеть такую вещь, как обогащение на частных объявлениях богачей, сторонников Корнилова, распространителей лжи и клеветы против Советов?

Такая мера была бы безусловно справедливой мерой. Она дала бы громадные выгоды и тем, кто частные объявления печатает, и всему народу, и особенно наиболее угнетенному и темному крестьянству, которое получило бы возможность иметь за ничтожную цену или даже даром *советские* газеты с приложениями для крестьян.

Почему не осуществить этого? Только потому, что священна частная собственность и наследственное право (на доходы от

---

*) См. XX том Сочинений, стр. 542. *Ред.*

объявлений) у господ капиталистов. И признавать такое право «священным» можно, называя себя революционным демократом XX века, во второй русской революции?!

Скажут: но это нарушение свободы печати.

Неправда. Это было бы расширением и восстановлением свободы печати. Ибо свобода печати означает: все мнения *всех* граждан свободно можно оглашать.

А теперь? А теперь *только* богатые имеют эту монополию, да затем крупные партии. Между тем при издании больших *советских* газет, со всеми объявлениями вполне осуществимо было бы обеспечить выражение своих мнений гораздо более широкому числу граждан, скажем, каждой группе, собравшей определенное число подписей. Свобода печати *на деле* стала бы гораздо демократичнее, стала бы несравненно полнее при таком преобразовании.

Но скажут: где же взять типографии и бумагу?

Вот оно что!!! Не в «свободе печати» дело, а в священной собственности эксплуататоров на захваченные ими типографии и запасы бумаги!!!

Во имя чего мы, рабочие и крестьяне, должны признать это священное право? Чем это «право» издавать ложные сведения лучше «права» владеть крепостными крестьянами?

Почему во время войны допустимы и всюду происходят всякие реквизиции и домов, и квартир, и экипажей, и лошадей, и хлеба, и металлов, а реквизиция типографий и бумаги недопустима?

Нет, рабочих и крестьян можно на время обмануть, представив в их глазах такие меры несправедливыми или трудно осуществимыми, но правда возьмет свое.

Государственная власть, в виде Советов, берет *все* типографии и *всю* бумагу и распределяет ее *справедливо*: на первом месте — государство, в интересах большинства народа, большинства бедных, особенно большинства крестьян, которых веками мучили, забивали и отупляли помещики и капиталисты.

На втором месте — крупные партии, собравшие, скажем, в обеих столицах сотню или две сотни тысяч голосов.

На третьем месте — более мелкие партии и затем любая группа граждан, достигшая определенного числа членов или собравшая столько-то подписей.

Вот какое распределение бумаги и типографий было бы справедливо и, при власти в руках Советов, осуществимо без всякого труда.

Вот тогда, за два месяца до Учредительного Собрания, мы могли бы действительно помочь крестьянам, обеспечить доставку в *каждую* деревню десятка брошюр (или номеров газеты, или особых приложений) *в миллионах* экземпляров от *каждой* крупной партии.

Вот это была бы *«революционно-демократическая»* подготовка выборов в Учредительное Собрание, вот это была бы помощь деревне со стороны передовых рабочих и солдат, вот это было бы государственное содействие просвещению, а не оглуплению и не обманыванию народа, вот это была бы настоящая свобода печати *для всех,* а не для богачей, вот это был бы разрыв с тем проклятым, холопским прошлым, которое заставляет нас терпеть захват богачами великого дела осведомления и обучения крестьянства.

«Рабочий Путь» № 11, 28 (15) сентября 1917 г.
Подпись: Н. Ленин.

ГРОЗЯЩАЯ КАТАСТРОФА И КАК С НЕЙ БОРОТЬСЯ

Написано 23—27 (10—14) сентября 1917 г.
Напечатано в конце октября 1917 г. отдельной брошюрой в изд. «Солдатская и Крестьянская Библиотека»

Печатается по рукописи с вариантами текста брошюры

Первая страница рукописи В. И. Ленина: «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» — сентябрь 1917 г.

Уменьшено

ГОЛОД НАДВИГАЕТСЯ.

России грозит неминуемая катастрофа. Железнодорожный транспорт расстроен неимоверно и расстраивается все больше. Железные дороги встанут. Прекратится подвоз сырых материалов и угля на фабрики. Прекратится подвоз хлеба. Капиталисты умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма, Советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов, облегчая возврат к монархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков.

Катастрофа невиданных размеров и голод грозят неминуемо. Об этом говорилось уже во всех газетах бесчисленное количество раз. Неимоверное количество резолюций принято и партиями и Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, резолюций, в которых признается, что катастрофа неминуема, что она надвигается совсем близко, что необходима отчаянная борьба с ней, необходимы «героические усилия» народа для предотвращения гибели и так далее.

Все это говорят. Все это признают. Все это решили.

И ничего не делается.

Прошло полгода революции. Катастрофа надвинулась еще ближе. Дошло до массовой безработицы. Подумать только: в стране бестоварье, страна гибнет от недостатка продуктов, от недостатка рабочих рук, при достаточном количестве хлеба и сырья, — и в такой стране, в такой критический момент выросла массовая безработица! Какое еще нужно доказательство того, что за полгода революции (которую иные называют великой, но которую, пока что, справедливее было бы, пожалуй, назвать гнилой) *) при демократической республике, при обилии союзов, органов, учреждений, горделиво именующих себя «революционно-демократическими», на деле ровнехонько ничего серьезного против катастрофы, против голода *не* сделано? Мы приближаемся к краху

*) В печатном тексте фраза, заключенная в скобки, опущена. *Ред.*

все быстрее и быстрее, ибо война не ждет, и создаваемое ею расстройство всех сторон народной жизни все усиливается.

А между тем достаточно самого небольшого внимания и размышления, чтобы убедиться в том, что способы борьбы с катастрофой и голодом имеются, что меры борьбы вполне ясны, просты, вполне осуществимы, вполне доступны народным силам и что меры эти *не* принимаются *только* потому, *исключительно* потому, что осуществление их затронет неслыханные прибыли горстки помещиков и капиталистов.

В самом деле. Можно ручаться, что вы не найдете ни одной речи, ни одной статьи в газете любого направления, ни одной резолюции любого собрания или учреждения, где бы не признавалась совершенно ясно и определенно основная и главная мера борьбы, мера предотвращения катастрофы и голода. Эта мера: контроль, надзор, учет, регулирование со стороны государства, установление правильного распределения рабочих сил в производстве и распределении продуктов, сбережение народных сил, устранение всякой лишней траты сил, экономия их. Контроль, надзор, учет — вот первое слово в борьбе с катастрофой и с голодом. Вот что бесспорно и общепризнано. И вот чего как раз *не делают* из боязни посягнуть на всевластие помещиков и капиталистов, на их безмерные, неслыханные, скандальные прибыли, прибыли, которые наживаются на дороговизне, на военных поставках (а на войну «работают» теперь, прямо или косвенно, чуть ли не все), прибыли, которые все знают, все наблюдают, по поводу которых все ахают и охают.

И ровно ничего для сколько-нибудь серьезного контроля, учета, надзора со стороны государства не делается.

ПОЛНАЯ БЕЗДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Происходит повсеместный, систематический, неуклонный саботаж всякого контроля, надзора и учета, всяких попыток наладить его со стороны государства. И нужна невероятная наивность, чтобы не понимать, нужно сугубое лицемерие, чтобы прикидываться не понимающим, откуда этот саботаж исходит, какими средствами он производится. Ибо этот саботаж банкирами и капиталистами, этот *срыв* ими всякого контроля, надзора, учета приспособляется к государственным формам демократической республики, приспособляется к существованию «революционно-демократических» учреждений. Господа капиталисты великолепно усвоили себе ту истину, которую на словах признают все сторонники научного социализма, но которую меньшевики и эс-эры постарались тотчас же забыть после того, как их друзья заняли местечки министров, товарищей министра и т. п. Это именно та истина, что экономическая сущность капиталистической эксплуа-

тации нисколько не затрогивается заменой монархических форм правления республиканско-демократическими и что, следовательно, и наоборот: надо изменить лишь *форму* борьбы за неприкосновенность и святость капиталистической прибыли, чтобы отстоять ее при демократической республике так же успешно, как отстаивали ее при самодержавной монархии.

Современный, новейший республиканско-демократический саботаж всякого контроля, учета, надзора состоит в том, что капиталисты на словах «горячо» признают «принцип» контроля и необходимость его (как и все меньшевики и эс-эры, само собою разумеется), но только настаивают на «постепенном», планомерном, «государственно-упорядоченном» введении этого контроля. На деле же этими благовидными словечками прикрывается *срыв* контроля, превращение его в ничто, в фикцию, игра в контроль, оттяжки всяких деловых и практически-серьезных шагов, создание необыкновенно сложных, громоздких, чиновничьи-безжизненных учреждений контроля, которые насквозь зависимы от капиталистов и ровнехонько ничего не делают и делать не могут.

Чтобы не быть голословным, сошлемся на свидетелей из меньшевиков и эс-эров, т.-е. тех именно людей, которые имели большинство в Советах за первое полугодие революции, которые участвовали в «коалиционном правительстве» и которые поэтому политически ответственны перед русскими рабочими и крестьянами за попустительство капиталистам, за срыв ими всякого контроля.

В официальном органе самого высшего из так называемых «полномочных» (не шутите!) органов «революционной» демократии, в «Известиях Ц.И.К.» (т.-е. Центрального Исполнительного Комитета Всероссийского Съезда Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов), в № 164, от 7-го сентября 1917 года, напечатано *постановление* теми же меньшевиками и эс-эрами созданного и в их руках находящегося специального учреждения по вопросам контроля. Это специальное учреждение — «Экономический Отдел» Центр. Исполн. Комитета. В его постановлении официально признается, как факт, «*полная бездеятельность образованных при правительстве центральных органов регулирования экономической жизни*»[77]).

Не правда ли, разве можно себе представить более красноречивое свидетельство о крахе меньшевистской и эс-эровской политики, подписанное руками самих меньшевиков и эс-эров?

Еще при царизме необходимость регулирования экономической жизни признана, и некоторые учреждения для этого были созданы. Но при царизме разруха росла и росла, достигая чудовищных размеров. Задачей республиканского, революционного правительства было признано сразу принятие серьезных, решительных

мер для устранения разрухи. Когда образовывалось «коалиционное», при участии меньшевиков и эс-эров, правительство, то в торжественнейшей всенародной декларации его от 6-го мая было дано обещание и обязательство установить государственный контроль и регулирование. И Церетели и Черновы, а равно все меньшевистские и эс-эровские вожди божились и клялись, что они не только ответственны за правительство, но что находящиеся у них в руках «полномочные органы революционной демократии» на деле следят за работой правительства и проверяют ее.

Прошло четыре месяца после 6-го мая, четыре длинных месяца, когда Россия уложила сотни тысяч солдат на нелепое, империалистское «наступление», когда разруха и катастрофа приближались семимильными шагами, когда летнее время давало исключительную возможность сделать многое и по части судоходного транспорта, и по части земледелия, и по части разведок в горном деле и пр. и т. п., — и через четыре месяца меньшевики и эс-эры вынуждены официально признать «полную бездеятельность» образованных при правительстве учреждений контроля!!

И эти меньшевики и эс-эры, с серьезным видом государственных мужей, болтают теперь (мы пишем эти строки как раз накануне Демократического Совещания 12-го сентября) о том, что делу можно помочь заменой коалиции с кадетами коалицией с торгово-промышленными Кит Китычами, Рябушинскими, Бубликовыми, Терещенками и К[0].

Спрашивается, чем объяснить эту поразительную слепоту меньшевиков и эс-эров? Следует ли считать их государственными младенцами, которые по крайнему неразумию и наивности не ведают, чтò творят, и заблуждаются добросовестно? Или обилие занятых местечек министра, товарищей министра, генерал-губернаторов, комиссаров и тому подобное имеет свойство порождать особую «политическую» слепоту?

ОБЩЕИЗВЕСТНОСТЬ И ЛЕГКОСТЬ МЕР КОНТРОЛЯ.

Может возникнуть вопрос, не представляют ли способы и меры контроля чего-либо чрезвычайно сложного, трудного, неиспытанного, даже неизвестного? Не объясняется ли затяжка тем, что государственные люди кадетской партии, торгово-промышленного класса, партии эс-эров и меньшевиков в поте лица своего трудятся уже полгода над изысканием, изучением, открытием мер и способов контроля, но задача оказывается неимоверно трудной и все еще не решенной?

Увы! Темным мужичкам, неграмотным и забитым, да обывателям, которые всему верят и ни во что не вникают, стараются «втирать очки» и представлять дело в таком виде. В действительности же даже царизм, даже «старый режим», создавая военно-

промышленные комитеты, *знал* основную меру, главный способ и путь контроля: объединение населения по разным профессиям, целям работы, отраслям труда и т. п. Но царизм *боялся* объединения населения и потому всячески ограничивал, искусственно стеснял этот общеизвестный, легчайший, вполне применимый, способ и путь контроля.

Все воюющие государства, испытывая крайние тяготы и бедствия войны, испытывая — в той или иной мере — разруху и голод, давно наметили, определили, применили, испробовали *целый ряд* мер контроля, которые почти всегда сводятся к объединению населения, к созданию или поощрению союзов разного рода, при участии представителей государства, при надзоре с его стороны и т. п. Все такие меры контроля общеизвестны, об них много говорено и много писано, законы, изданные воюющими передовыми державами и относящиеся к контролю, переведены на русский язык или подробно изложены в русской печати.

Если бы действительно наше государство *хотело* деловым, серьезным образом осуществлять контроль, если бы его учреждения не осудили себя своим холопством перед капиталистами на «полную бездеятельность», то государству оставалось бы лишь черпать обеими руками из богатейшего запаса мер контроля, уже известных, уже примененных. Единственной помехой этому, — помехой, которую прикрывают от глаз народа кадеты, эс-эры и меньшевики, — было и остается то, что контроль обнаружил бы бешеные прибыли капиталистов и подорвал бы эти прибыли.

Чтобы нагляднее пояснить этот важнейший вопрос (равносильный, в сущности, вопросу о программе *всякого* действительно революционного правительства, которое захотело бы спасти Россию от войны и голода), перечислим эти главнейшие меры контроля и рассмотрим каждую из них.

Мы увидим, что правительству, не в насмешку только называемому революционно-демократическим, достаточно было бы в первую же неделю своего образования декретировать (постановить, приказать) осуществление главнейших мер контроля, назначить серьезное, нешуточное наказание капиталистам, которые бы обманным путем стали уклоняться от контроля, и призвать само население к надзору за капиталистами, к надзору за добросовестным исполнением ими постановлений о контроле, — и контроль был бы уже давно осуществлен в России.

Вот эти главнейшие меры:

1) Объединение всех банков в один и государственный контроль над его операциями или национализация банков.

2) Национализация синдикатов, т.-е. крупнейших, монополистических союзов капиталистов (синдикаты: сахарный, нефтяной, угольный, металлургический и т. д.).

3) Отмена коммерческой тайны.

*

4) Принудительное синдицирование (т.-е. принудительное объединение в союзы) промышленников, торговцев и хозяев вообще.

5) Принудительное объединение населения в потребительные общества или поощрение такого объединения и контроль за ним.

Рассмотрим, какое значение имела бы каждая из этих мер, при условии революционно-демократического осуществления ее.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ БАНКОВ.

Банки, как известно, представляют из себя центры современной хозяйственной жизни, главные нервные узлы всей капиталистической системы народного хозяйства. Говорить о «регулировании экономической жизни» и обходить вопрос о национализации банков значит либо обнаруживать самое круглое невежество, либо обманывать «простонародье» пышными словами и велеречивыми обещаниями, при заранее обдуманном решении не исполнять этих обещаний.

Контролировать и регулировать доставку хлеба или вообще производство и распределение продуктов, не контролируя, не регулируя банковых операций, это бессмыслица. Это похоже на ловлю случайно набегающих «копеечек» и на закрывание глаз на миллионы рублей. Современные банки так тесно и неразрывно срослись с торговлей (хлебной и всякой иной) и промышленностью, что, не «накладывая рук» на банки, решительно ничего серьезного, ничего «революционно-демократического» сделать нельзя.

Но, может быть, это «накладывание рук» государства на банки представляет из себя какую-либо очень трудную и запутанную операцию? Филистеров стараются обыкновенно запугать именно такой картиной, — стараются, конечно, капиталисты и их защитники, ибо им это выгодно.

На самом же деле национализация банков, решительно ни одной копейки ни у одного «собственника» не отнимая, абсолютно никаких ни технических, ни культурных трудностей не представляет и задерживается *исключительно* интересами грязной корысти ничтожной горстки богачей. Если национализацию банков так часто смешивают с конфискацией частных имуществ, то виновата в распространении этого смешения понятий буржуазная пресса, интересы которой состоят в обманывании публики.

Собственность на капиталы, которыми орудуют банки и которые сосредоточиваются в банках, удостоверяется печатными и письменными свидетельствами, которые называются акциями, облигациями, векселями, расписками и т. п. Ни одно из этих свидетельств не пропадает и не меняется при национализации банков, т.-е. при слиянии всех банков в один государственный банк. Кто владел 15 рублями по сберегательной книжке, тот остается владельцем 15 рублей и после национализации банков, а кто имел

15 миллионов, у того и после национализации банков остается 15 миллионов в виде акций, облигаций, векселей, товарных свидетельств и тому подобное.

В чем же значение национализации банков?

В том, что за отдельными банками и их операциями никакой действительный контроль (даже если отменена коммерческая тайна и пр.) не возможен, ибо нельзя уследить за теми сложнейшими, запутаннейшими и хитроумнейшими приемами, которые употребляются при составлении балансов, при основании фиктивных предприятий и филиальных отделений, при пускании в ход подставных лиц, и так далее и тому подобное. Только объединение всех банков в один, не означая, само по себе, ни малейших изменений в отношениях собственности, не отнимая, повторяем, ни у одного собственника ни единой копейки, дает *возможность* действительного контроля, — конечно, при условии применения всех других, указанных выше, мероприятий. Только при национализации банков *можно добиться* того, что государство будет знать, куда и как, откуда и в какое время переливают миллионы и миллиарды. И только контроль за банками, за центром, за главным стержнем и основным механизмом капиталистического оборота позволил бы наладить на деле, а не на словах, контроль за всей хозяйственной жизнью, за производством и распределением важнейших продуктов, наладить то «регулирование экономической жизни», которое иначе осуждено неминуемо оставаться министерской фразой для надуванья простонародья. Только контроль за банковыми операциями, при условии их объединения в одном государственном банке, позволяет наладить, при дальнейших легко осуществимых мероприятиях, действительное взыскание подоходного налога без утайки имуществ и доходов, ибо теперь подоходный налог остается в громаднейшей степени фикцией.

Национализацию банков достаточно было бы именно декретировать, — и ее провели бы директора и служащие сами. Никакого особого аппарата, никаких особых подготовительных шагов со стороны государства тут не требуется, эта мера осуществима именно одним указом, «одним ударом». Ибо экономическая возможность такой меры создана как раз капитализмом, раз он доразвился до векселей, акций, облигаций и проч. Тут остается *только объединение счетоводства*, и если бы революционно-демократическое государство постановило: немедленно, по телеграфу, созываются в каждом городе собрания, а в области и во всей стране съезды директоров и служащих, для безотлагательного объединения всех банков в один государственный банк, то эта реформа была бы проведена в несколько недель. Разумеется, именно директора и высшие служащие оказали бы сопротивление, постарались надуть государство, оттянуть дело и проч., ибо эти господа потеряли бы свои особенно доходные местечки, потеряли

бы возможность особенно прибыльных мошеннических операций; *в этом вся суть.* Но ни малейших технических трудностей объединению банков нет, и если государственная власть не на словах только революционная (т.-е. не боится рвать с косностью и рутиной), не на словах только демократическая (т.-е. действующая в интересах большинства народа, а не кучки богатеев), то достаточно бы декретировать конфискацию имущества и тюрьму, как наказание директорам, членам правления, крупным акционерам, за малейшую оттяжку дела и за попытки сокрытия документов и отчетов, достаточно бы, напр., объединить *отдельно* бедных служащих и выдавать им премию за обнаружение обмана и оттяжек со стороны богатых,—и национализация банков прошла бы глаже гладкого, быстрее быстрого.

Выгоды для всего народа и особенно *не* для рабочих (ибо рабочим с банками мало приходится иметь дело), а для массы крестьян и мелких промышленников, были бы от национализации банков огромные. Сбережение труда получилось бы гигантское, и если предположить, что государство сохранило бы прежнее число банковских служащих, то это означало бы в высшей степени большой шаг вперед в направлении к универсализации (всеобщности) пользования банками, к увеличению числа их отделений, доступности их операций и пр. и пр. Доступность и легкость кредита именно для *мелких* хозяйчиков, для крестьянства, возросла бы чрезвычайно. Государство же впервые получило бы возможность сначала *обозревать* все главные денежные операции, без утайки их, затем *контролировать* их, далее *регулировать* хозяйственную жизнь, наконец, *получать* миллионы и миллиарды на крупные государственные операции, не платя «за услугу» бешеных «комиссионных» господам капиталистам. Вот почему — и только поэтому — все капиталисты, все буржуазные профессора, вся буржуазия, все услужающие ей Плехановы, Потресовы и К⁰ с пеной у рта готовы воевать против национализации банков, выдумывать тысячи отговорок против этой величайшей и насущнейшей меры, хотя *даже* с точки зрения «обороны» страны, т.-е. с военной точки зрения эта мера была бы гигантским плюсом, она подняла бы «военную мощь» страны в громадных размерах.

Здесь могут, пожалуй, возразить: отчего же такие передовые государства, как Германия и Соед. Штаты Америки, проводят в жизнь великолепное «регулирование экономической жизни», и не думая осуществлять национализации банков?

Оттого,— ответим мы,— что эти государства, хотя одно монархия, другое республика, являются *оба* не только капиталистическими, но и империалистскими. Являясь таковыми, они проводят в жизнь необходимые для них преобразования путем реакционно-бюрократическим, мы же говорим здесь о пути революционно-демократическом.

Эта «маленькая разница» имеет очень существенное значение. Об ней большей частью «не принято» думать. Слово «революционная демократия» стало у нас (особенно у эс-эров и меньшевиков) почти что условной фразой, вроде выражения: «слава богу», которое употребляется и людьми не настолько невежественными, чтобы верить в бога, или вроде выражения: «почтенный гражданин», с которым обращаются иногда даже к сотрудникам «Дня» или «Единства», хотя почти все догадываются, что газеты эти основаны и содержатся капиталистами в интересах капиталистов и что поэтому участие в них якобы-социалистов имеет в себе очень мало «почтенного».

Если слова: «революционная демократия» употреблять не как шаблонную парадную фразу, не как условную кличку, а *думать* над их значением, то быть демократом значит на деле считаться с интересами большинства народа, а не меньшинства, быть революционером значит ломать все вредное, отжившее самым решительным, самым беспощадным образом.

Ни в Америке, ни в Германии ни правительство, ни правящие классы и не претендуют, насколько слышно, на то звание «революционной демократии», на которое претендуют (и которое проституируют) наши эс-эры и меньшевики.

В Германии всего *четыре* крупнейших частных банка, имеющих общенациональное значение, в Америке всего *два*: финансовым королям этих банков легче, удобнее, выгоднее соединяться приватно, тайком, реакционно, а не революционно, бюрократически, а не демократически, подкупая государственных чиновников (это общее правило и в Америке *и в Германии*), сохраняя частный характер банков именно для сохранения тайны операций, именно для взимания миллионов и миллионов «сверхприбыли» с того же государства, именно для обеспечения мошеннических финансовых проделок.

И Америка и Германия «регулируют экономическую жизнь» так, чтобы рабочим (и крестьянам отчасти) создать *военную каторгу*, а банкирам и капиталистам *рай*. Их регулирование состоит в том, что рабочих «подтягивают» вплоть до голода, а капиталистам обеспечивают (тайком, реакционно-бюрократически) прибыли *выше* тех, какие были до войны.

Такой путь вполне возможен и для республикански-империалистской России; он и осуществляется не только Милюковыми и Шингаревыми, но и Керенским вкупе с Терещенкой, Некрасовым, Бернацким, Прокоповичем и К°, которые *тоже прикрывают* реакционно-бюрократически «неприкосновенность» банков, их священные права на бешеные прибыли. Давайте же лучше говорить *правду*: в республиканской России хотят реакционно-бюрократически регулировать экономическую жизнь, но затрудняются «часто» провести это в жизнь при существовании «Советов»,

которых не удалось разогнать Корнилову номер первый, но которые постарается разогнать Корнилов номер второй...

Вот это будет правда. И эта простая, хотя и горькая правда полезнее для просвещения народа, чем сладенькая ложь о «нашей», «великой», «революционной» демократии...

Национализация банков чрезвычайно облегчила бы одновременную национализацию страхового дела, т.-е. объединение всех страховых компаний в одну, централизацию их деятельности, контроль за ней государства. Съезды служащих в страховых обществах и здесь выполнили бы это объединение немедленно и без всякого труда, если бы революционно-демократическое государство декретировало это и предписало директорам правлений, крупным акционерам, под строгой ответственностью каждого, осуществить объединение без малейшего промедления. В страховое дело вложены капиталистами сотни миллионов, вся работа выполняется служащими. Объединение этого дела понизило бы страховую премию, дало массу удобств и облегчений всем страхующимся, позволило бы расширить их круг, при прежней затрате сил и средств. Решительно никаких других обстоятельств, кроме косности, рутины и корысти горстки обладателей доходных местечек, не задерживает этой реформы, которая опять-таки и «обороноспособность» страны подняла бы, дав сбережение народного труда, открыв ряд серьезнейших возможностей «регулировать экономическую жизнь» на деле, а не на словах.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СИНДИКАТОВ.

Капитализм тем отличается от старых, докапиталистических систем народного хозяйства, что он создал теснейшую связь и взаимозависимость различных отраслей его. Не будь этого, никакие шаги к социализму, кстати сказать, были бы технически не выполнимы. Современный же капитализм с господством банков над производством довел эту взаимозависимость различных отраслей народного хозяйства до высшей степени. Банки и крупнейшие отрасли промышленности и торговли срослись неразрывно. С одной стороны, это значит, что нельзя национализировать только банки, не делая шагов к созданию государственной монополии торговых и промышленных синдикатов (сахарной, угольной, железной, нефтяной и пр.), не национализируя эти синдикаты. С другой стороны, это значит, что регулирование экономической жизни, если его осуществлять серьезно, требует одновременно национализации и банков и синдикатов.

Возьмем для примера хоть сахарный синдикат. Он создался еще при царизме и тогда привел к крупнейшему капиталисти-

ческому объединению прекрасно оборудованных фабрик и заводов, при чем это объединение, разумеется, насквозь проникнуто было реакционнейшим и бюрократическим духом, обеспечивало скандально-высокие барыши капиталистам, ставило в абсолютно бесправное, униженное, забитое, рабское положение служащих и рабочих. Государство уже тогда контролировало, регулировало производство в пользу магнатов богачей.

Тут остается *только* превратить реакционно-бюрократическое регулирование в революционно-демократическое простыми декретами о созыве съезда служащих, инженеров, директоров, акционеров, о введении единообразной отчетности, о контроле рабочих союзов и пр. Это самая простая вещь — и именно она остается не сделанной!! При демократической республике остается *на деле* реакционно-бюрократическое регулирование сахарной промышленности, все остается по старому, хищение народного труда, рутина и застой, обогащение Бобринских и Терещенок. Призвать к самостоятельной инициативе демократию, а не бюрократию, рабочих и служащих, а не «сахарных королей», вот что можно и должно бы сделать в несколько дней, одним ударом; — если бы эс-эры и меньшевики не затемняли сознание народа планами «коалиции» как раз с этими сахарными королями, как раз той коалиции с богачами, от которой, вследствие которой «полная бездеятельность» правительства в деле регулирования экономической жизни проистекает совершенно неизбежно *).

Возьмите нефтяное дело. Оно «обобществлено» уже предшествующим развитием капитализма в гигантских размерах. Пара нефтяных королей — вот кто ворочает миллионами и сотнями миллионов, занимаясь стрижкой купонов, собиранием сказочных прибылей с «дела», *уже* организованного фактически, технически, общественно в общегосударственных размерах, *уже* ведомого сотнями и тысячами служащих, инженеров и т. д. Национализация нефтяной промышленности возможна *сразу* и обязательна для революционно-демократического государства, особенно когда оно переживает величайший кризис, когда надо во что бы то ни стало сберегать народный труд и увеличивать производство топлива. Понятно, что бюрократический контроль тут ничего не даст, ничего не изменит, ибо и с Терещенками, и с Керенскими, и с Авксентьевыми, и с Скобелевыми «нефтяные короли» справятся так же легко, как справились они с царскими министрами, справятся посредством оттяжек, отговорок, обещаний, затем прямого и косвенного подкупа буржуазной прессы (это называется «общественным мнением», и с этим Керенские и Авксентьевы «счи-

*) Эти строки были уже написаны, когда я прочел в газетах, что правительство Керенского вводит сахарную монополию и, разумеется, вводит ее реакционно-бюрократически без съездов служащих и рабочих, без гласности, без обуздания капиталистов!!

таются»), подкупа чиновников (оставляемых Керенскими и Авксентьевыми на старых местах в старом неприкосновенном государственном аппарате).

Чтобы сделать что-либо серьезное, надо от бюрократии перейти и действительно революционно перейти к демократии, т.-е. объявить войну нефтяным королям и акционерам, декретировать конфискацию их имущества и наказание тюрьмой за оттяжку национализации нефтяного дела, за сокрытие доходов или отчетов, за саботирование производства, за непринятие мер к повышению производства. Надо обратиться к инициативе рабочих и служащих, *их* созвать немедленно на совещания и съезды, в *их* руки передать такую-то долю прибыли при условии создания всестороннего контроля и увеличения производства. Если бы такие революционно-демократические шаги были сделаны тотчас, сразу, в апреле 1917 года, тогда Россия, одна из богатейших стран в мире по запасам жидкого топлива, могла бы сделать за лето, пользуясь водным транспортом, очень и очень многое в деле снабжения народа необходимыми количествами топлива.

Ни буржуазное, ни коалиционное эс-эровски-меньшевистски-кадетское правительство не сделали ровно ничего, ограничились бюрократической игрой в реформы. Ни единого революционно-демократического шага предпринять не осмелились. Те же нефтяные короли, тот же застой, та же ненависть рабочих и служащих к эксплуататорам, тот же развал на этой почве, то же хищение народного труда, все как было при царизме, переменились только *заголовки* исходящих и входящих бумаг в «республиканских» канцеляриях!

Относительно угольной промышленности, не менее «готовой» технически и культурно к национализации, не менее бесстыдно управляемой грабителями народа, угольными королями, мы имеем ряд нагляднейших *фактов* прямого саботажа, прямой *порчи* и остановки производства промышленниками. Даже министерская меньшевистская «Рабочая Газета» признала эти факты. И что же? Ровно ничего не сделано, кроме старых, реакционно-бюрократических совещаний «пополам», поровну от рабочих и от разбойников угольного синдиката!!

Ни одного революционно-демократического шага, ни тени попытки установления единственно реального контроля *снизу*, через союз служащих, через рабочих, путем террора по отношению к губящим страну и останавливающим производство углепромышленникам! Как же можно, мы ведь «все» за «коалицию», если не с кадетами, то с торгово-промышленными кругами, а коалиция это и значит оставлять у капиталистов власть, оставлять их безнаказанными, позволять им тормозить дело, валить все на рабочих, усиливать разруху, готовить *таким образом* новую корниловщину!

ОТМЕНА КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ.

Без отмены коммерческой тайны контроль за производством и распределением либо остается пустейшим посулом, потребным только для надувания кадетами эс-эров и меньшевиков, а эс-эрами и меньшевиками—трудящихся классов, либо контроль может быть осуществлен только реакционно-бюрократическими способами и мерами. Как ни очевидно это для всякого непредубежденного человека, как ни упорно настаивала на отмене коммерческой тайны «Правда» *) (закрытая в значительной степени именно за это правительством Керенского, услужающим капиталу), — ни республиканское правительство наше, ни «правомочные органы революционной демократии» и не подумали об этом *первом слове* действительного контроля.

Именно здесь ключ ко всякому контролю. Именно здесь самое чувствительное место капитала, грабящего народ и саботирующего производство. Именно поэтому и боятся эс-эры и меньшевики прикоснуться к этому пункту.

Обычный довод капиталистов, повторяемый без размышления мелкой буржуазией, состоит в том, что капиталистическое хозяйство абсолютно не допускает вообще отмены коммерческой тайны, ибо частная собственность на средства производства, зависимость отдельных хозяйств от рынка делает необходимым «священную неприкосновенность» торговых книг и торговых, а в том числе, конечно, и банковых оборотов.

Люди, в той или иной форме повторяющие этот или подобные доводы, дают себя в обман и сами обманывают народ, закрывая глаза на два основные, крупнейшие и общеизвестные факта современной хозяйственной жизни. Первый факт: крупный капитализм, т.-е. особенность хозяйства банков, синдикатов, больших фабрик и т. д. Второй факт: война.

Именно современный крупный капитализм, становящийся повсюду монополистическим капитализмом, устраняет всякую тень разумности коммерческой тайны, делает ее лицемерием и исключительно орудием скрывания финансовых мошенничеств и невероятных прибылей крупного капитала. Крупное капиталистическое хозяйство, по самой уже технической природе своей, есть обобществленное хозяйство, т.-е. и работает оно на миллионы людей и объединяет своими операциями, прямо и косвенно, сотни, тысячи и десятки тысяч семей. Это не то, что хозяйство мелкого ремесленника или среднего крестьянина, которые вообще никаких торговых книг не ведут, и к которым поэтому и отмена торговой тайны не относится!

---

*) См. XX том Сочинений, стр. 427. *Ред.*

В крупном хозяйстве операции все равно известны сотням и более лиц. Закон, охраняющий торговую тайну, служит здесь не потребностям производства или обмена, а спекуляции и наживе в самой грубой форме, прямому мошенничеству, которое, как известно, в акционерных предприятиях приобретает особенное распространение и особенно искусно прикрывается отчетами и балансами, комбинируемыми так, чтобы надувать публику.

Если торговая тайна неизбежна в мелком товарном хозяйстве, т.-е. среди мелких крестьян и ремесленников, где само производство не обобществлено, распылено, раздроблено, то в крупном капиталистическом хозяйстве охрана этой тайны есть охрана привилегий и прибылей буквально горстки людей *против* всего народа. Это признано уже и законом постольку, поскольку введена публикация отчетов акционерных обществ, но *этот* контроль, во всех передовых странах, а также в России, уже осуществленный, есть именно реакционно-бюрократический контроль, который *народу* глаз не открывает, который *не позволяет* знать *всю правду* об операциях акционерного общества.

Чтобы действовать революционно-демократически, тут следовало бы немедленно издать иной закон, отменяющий торговую тайну, требующий от крупных хозяйств и от богачей самых полных отчетов, предоставляющий любой группе граждан, достигающей солидной демократической численности (скажем, 1.000 или 10.000 избирателей) права просмотра *всех* документов любого крупного предприятия. Такая мера вполне и легко осуществима простым декретом; *только* она развернула бы *народную* инициативу контроля через союзы служащих, через союзы рабочих, через все политические партии, только она сделала бы контроль серьезным и демократическим.

Добавьте еще к этому войну. Громадное большинство торгово-промышленных предприятий работает теперь не на «вольный рынок», а *на казну*, на войну. Я говорил уже поэтому в «Правде», что люди, возражающие нам доводами о невозможности введения социализма, лгут и трижды лгут, ибо речь идет не о введении социализма теперь, непосредственно, с сегодня на завтра, а о *раскрытии казнокрадства* *).

Капиталистическое хозяйство «на войну» (т.-е. хозяйство, связанное прямо или косвенно с военными поставками) есть систематическое, узаконенное *казнокрадство*, и господа кадеты, вместе с меньшевиками и эс-эрами, которые противятся отмене торговой тайны, представляют из себя не что иное, как *пособников и укрывателей казнокрадства* **).

---

*) См. XX том Сочинений, стр. 515. *Ред.*

**) В печатном тексте этот абзац читается след. образом: «Капиталистическое хозяйство «на войну» (т.-е. хозяйство, связанное прямо или косвенно с военными поставками) наживает здесь неслыханные прибыли,

Война стоит России теперь 50 миллионов рублей *в день*. Эти 50 миллионов в день идут большею частью военным поставщикам. Из этих 50 миллионов по меньшей мере 5 миллионов *ежедневно*, а вероятнее 10 миллионов и больше, составляют «безгрешные доходы» капиталистов и находящихся в той или иной стачке с ними чиновников. Особенно крупные фирмы и банки, ссужающие деньги под операции с военными поставками, наживают здесь неслыханные прибыли, наживают именно казнокрадством, ибо иначе нельзя назвать это надувание и обдирание народа «по случаю» бедствий войны, «по случаю» гибели сотен тысяч и миллионов людей.

Об этих скандальных прибылях на поставках, о «гарантийных письмах», скрываемых банками, о том, кто наживается на растущей дороговизне, «все» знают, об этом с усмешечкой говорят в «обществе», об этом не мало отдельных точных указаний имеется *даже* в буржуазной прессе, по общему правилу замалчивающей «неприятные» факты и обходящей «щекотливые» вопросы. Все знают,—и все молчат, все терпят, все мирятся с правительством, красноречиво говорящим о «контроле» и «регулировании»!

Революционные демократы, если бы они были действительно революционерами и демократами *), немедленно издали бы закон, отменяющий торговую тайну, обязывающий поставщиков и торговцев отчетностью, запрещающий им покидать их род деятельности без разрешения власти, вводящий конфискацию имущества и расстрел **) за утайку и обман народа, организующего проверку и контроль *снизу*, демократически, со стороны самого народа, союзов служащих, рабочих, потребителей и т. д.

Наши эс-эры и меньшевики вполне заслуживают названия запуганных демократов, ибо по данному вопросу они повторяют то, что̀ говорят все запуганные мещане, именно, что капиталисты «разбегутся» при применении «слишком суровых» мер, что без капиталистов «нам» не справиться, что «обидятся», пожалуй, и англо-французские миллионеры, которые ведь нас «поддерживают», и тому подобное. Можно подумать, что большевики предлагают нечто в истории человечества не виданное, никогда не испробованное, «утопичное», тогда как на самом деле уже 125 лет тому

наживают господа кадеты вместе с меньшевиками и эс-эрами, которые противятся отмене торговой тайны, представляют из себя не что иное, как *пособников и укрывателей* казнокрадства. *Ред.*

*) В печатном тексте: «революционными и демократическими». *Ред.*

**) Мне уже случилось указывать в большевистской печати, что правильным доводом против смертной казни можно признать только применение ее к *массам* трудящихся со стороны эксплуататоров в интересах охраны эксплуатации. Без смертной казни по отношению к *эксплуататорам* (т.-е. помещикам и капиталистам) едва ли обойдется какое ни на есть революционное правительство.

назад во Франции люди, действительно бывшие «революционными демократами», действительно убежденные в справедливом, оборонительном характере войны с их стороны, действительно опиравшиеся на народные массы, искренно убежденные в том же, — эти люди умели устанавливать *революционный* контроль за богачами и достигать результатов, перед которыми преклонялся весь мир. А за истекшие пять четвертей века развитие капитализма, создав банки, синдикаты, железные дороги и прочее и прочее, во сто крат облегчило и упростило меры действительно демократического контроля со стороны рабочих и крестьян за эксплуататорами, помещиками *) и капиталистами.

В сущности говоря, весь вопрос о контроле сводится к тому, кто кого контролирует, т.-е. какой класс является контролирующим и какой контролируемым. У нас до сих пор, в республиканской России, при участии «правомочных органов» якобы-революционной демократии в роли контролеров признаются и оставляются помещики и капиталисты. В результате неизбежно то мародерство капиталистов, которое вызывает всеобщее возмущение народа, и та разруха, которая искусственно капиталистами поддерживается. Надо перейти решительно, бесповоротно, не боясь рвать со старым, не боясь строить смело новое, к контролю *над* помещиками и капиталистами *со стороны* рабочих и крестьян. А этого наши эс-эры и меньшевики пуще огня боятся.

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ В СОЮЗЫ.

Принудительное синдицирование, т.-е. принудительное объединение в союзы, напр., промышленников уже применено на практике Германией. И тут нет ничего нового. И тут по вине эс-эров и меньшевиков мы видим полнейший застой республиканской России, которую сии малопочтенные партии «занимают» кадрилем, который они танцуют с кадетами, или с Бубликовыми, или с Терещенком и Керенским.

Принудительное синдицирование есть, с одной стороны, своего рода подталкивание государством капиталистического развития, всюду и везде ведущего к организации классовой борьбы, к росту числа, разнообразия и значения союзов. А, с другой стороны, принудительное «обсоюзивание» есть необходимое предварительное условие всякого сколько-нибудь серьезного контроля и всякого сбережения народного труда.

Германский закон обязывает, например, кожевенных фабрикантов данной местности или всего государства объединяться в союз, при чем представитель государства входит для контроля

*) В печатном тексте слово «помещиками» опущено. *Ред.*

в правление этого союза. Подобный закон непосредственно, т.-е. сам по себе, нисколько не затрагивает отношений собственности, не отнимает ни единой копейки ни у одного собственника и не предрешает еще, будет ли контроль осуществляться в реакционно-бюрократических или в революционно-демократических формах, направлении, духе.

Подобные законы можно и должно бы издать у нас немедленно, не теряя ни одной недели драгоценного времени и предоставляя *самой общественной обстановке* определить более конкретные формы осуществления закона, быстроту его осуществления, способы надзора за его осуществлением и т. д. Государству не нужны тут ни особый аппарат, ни особые изыскания, ни какие бы то ни было предварительные исследования для издания такого закона, нужна лишь решимость порвать с некоторыми частными интересами капиталистов, «не привыкших» к подобному вмешательству, не желающих терять сверхприбыли, обеспечиваемые на ряду с бесконтрольностью хозяйничаньем по старинке.

Никакой аппарат и никакая «статистика» (которою Чернов хотел подменить революционную инициативу крестьянства) не нужны *для* издания такого закона, ибо осуществление его должно быть возложено на самих фабрикантов или промышленников, на *наличные* общественные силы, под контролем тоже наличных общественных (т.-е. неправительственных, небюрократических) сил, только обязательно из так называемых «низших сословий», т.-е. из угнетенных, эксплуатируемых классов, которые всегда в истории оказывались неизмеримо *выше* эксплуататоров по способности на героизм, на самопожертвование, на товарищескую дисциплину.

Допустим, что у нас имеется действительно революционно-демократическое правительство и что оно постановляет: все фабриканты и промышленники каждой отрасли производства, если они занимают, скажем, не менее двух рабочих, обязаны немедленно объединиться в поуездные и погубернские союзы. Ответственность за неуклонное выполнение закона возлагается в первую голову на фабрикантов, директоров, членов правления, крупных акционеров (ибо все это настоящие вожди современной промышленности, настоящие ее хозяева). Они рассматриваются, как дезертиры с военной службы и караются, как таковые, за уклонение от работы по немедленному осуществлению закона, отвечая по круговой поруке, все за одного, один за всех, всем своим имуществом. Затем ответственность возлагается и на всех служащих, тоже обязанных составить *один* союз, и на всех рабочих с их профессиональным союзом. Целью «обсоюзывания» является установление полнейшей, строжайшей и подробнейшей отчетности, а главное *соединение операций* по закупке сырья, по сбыту изделий, *по сбережению* народных средств и сил. Это сбережение

при объединении разрозненных предприятий в один синдикат достигает гигантских размеров, как учит экономическая наука, как показывают примеры всех синдикатов, картелей, трестов. При чем еще раз надо повторить, что само по себе это обсоюзывание в синдикат ни на йоту отношений собственности не изменяет, ни одной копейки ни у одного собственника не отнимает. Это обстоятельство приходится усиленно подчеркивать, ибо буржуазная пресса постоянно «пугает» мелких и средних хозяев, будто социалисты вообще, большевики в особенности, хотят «экспроприировать» их: утверждение заведомо лживое *), так как социалисты *даже при полном социалистическом* перевороте экспроприировать мелких крестьян не хотят, не могут и не будут. А мы говорим все время *только* о тех ближайших и насущнейших мерах, которые уже осуществлены в Западной Европе и которые сколько-нибудь последовательная демократия должна бы немедленно осуществить у нас для борьбы с грозящей и неминуемой катастрофой.

Серьезные трудности, и технические, и культурные, встретило бы объединение в союзы мельчайших и мелких хозяев, вследствие крайнего раздробления их предприятий, технической примитивности, неграмотности или необразованности владельцев. Но именно эти предприятия могли бы быть исключены из закона (как уже отмечено, в нашем предположительном примере, выше), и необъединение их, не говоря уже о запоздании их объединения, серьезной полной невозможности создать бы не могло, ибо роль громадного числа мелких предприятий *ничтожна* в общей сумме производства, в их значении для народного хозяйства в целом, а кроме того они часто зависимы, так или иначе, от крупных предприятий.

Решающее значение имеют только крупные предприятия, и здесь технические и культурные средства и силы для «обсоюзывания» *есть на лицо,* недостает только твердой, решительной, беспощадно суровой по отношению к эксплуататорам инициативы *революционной* власти для того, чтобы эти силы и средства были пущены в ход.

Чем беднее страна технически образованными и вообще интеллигентными силами, тем *насущнее* необходимо как можно быстрее и как можно решительнее декретировать принудительное объединение и начать проведение его с крупнейших и крупных предприятий, ибо именно объединение *сбережет* интеллигентные силы, даст возможность *полностью* использовать и правильнее распределить их. Если даже русское крестьянство в своих захолустьях при царском правительстве, работая против тысячи препон, создаваемых им, сумело после 1905 года сделать громадный

*) В печатном тексте: «ложное». *Ред.*

шаг вперед в деле создания всяких союзов, то, разумеется, объединение крупной и средней промышленности и торговли могло бы быть проведено в несколько месяцев, если не *) быстрее, при условии принуждения к этому со стороны действительно революционно-демократического правительства, опирающегося на поддержку, участие, заинтересованность, выгоды «низов», демократии, служащих, рабочих, призывающего *их* к контролю.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ.

Война заставила все воюющие и многие нейтральные государства перейти к регулированию потребления. Хлебная карточка появилась на свет божий, стала привычным явлением, потянула за собой и другие карточки. Россия не осталась в стороне и тоже ввела хлебные карточки.

Но именно на этом примере мы можем всего, пожалуй, нагляднее сравнить реакционно-бюрократические методы борьбы с катастрофой, старающиеся ограничиться минимумом преобразований, с революционно-демократическими, которые, чтобы заслуживать свое название, должны ставить своей прямой задачей насильственный разрыв с отжившим старым и возможно большее ускорение движения вперед.

Хлебная карточка, этот типичный **) образец регулирования потребления в современных капиталистических государствах, ставит своей задачей и осуществляет (в лучшем случае осуществляет) одно: распределить наличное количество хлеба, чтобы всем хватило. Вводится максимум потребления далеко не всех, а только главных «народных» продуктов. И это все. О большем не заботятся. Бюрократически подсчитывают наличные запасы хлеба, делят их по душам, устанавливают норму, вводят ее и ограничиваются этим. Предметов роскоши не трогают, ибо их «все равно» мало ***), и они «все равно» так дороги, что «народу» недоступны. Поэтому во *всех*, без всякого исключения, воюющих странах, *даже* в Германии, которую, кажется, не вызывая споров, можно счесть образцом самого аккуратного, самого педантичного, самого строгого регулирования потребления, *даже* в Германии мы видим постоянный *обход* богатыми каких бы то ни было «норм» потребления. Это тоже «все» знают, об этом тоже «все» говорят с усмешечкой, и в германской социалистической, а иногда даже буржуазной, прессе, несмотря на свирепости казарменно строгой немецкой цензуры, постоянно встречаются заметки и сообщения о «меню» богачей, о получении

*) В печатном тексте: «или же». *Ред.*
**) В печатном тексте: «главный». *Ред.*
***) В печатном тексте слова: «ибо их «все равно» мало» — опущены. *Ред.*

белого хлеба в любом количестве богатыми в таком-то курорте (под видом больных его посещают все... у кого много денег), о замене богачами простонародных продуктов изысканными и редкими предметами роскоши.

Реакционное капиталистическое государство, которое *боится* подорвать устои капитализма, устои наемного рабства, устои экономического господства богатых, *боится* развить самодеятельность рабочих и вообще трудящихся, *боится* «разжечь» их требовательность; *такому* государству ничего не нужно, кроме хлебной карточки. Такое государство ни на минуту, ни при одном своем шаге не упускает из виду *реакционной* цели: укрепить капитализм, не дать подорвать его, ограничить «регулирование экономической жизни» вообще, регулирование потребления в частности, только такими мерами, которые безусловно необходимы, чтобы прокормить народ, отнюдь *не посягая* на действительное регулирование потребления в смысле *контроля за богатыми*, в смысле возложения на них лучше поставленных, привилегированных, сытых и перекормленных в мирное время, *бо́льших* тягот в военное время.

Реакционно-бюрократическое решение задачи, поставленной народом войной, ограничивается хлебной карточкой, распределением поровну абсолютно-необходимых для питания «народных» продуктов, ни на йоту не отступая от бюрократизма и реакционности, именно от цели: самодеятельности бедных, пролетариата, массы народа («демоса»), *не* поднимать контроля *с их стороны* за богатыми, *не* допускать лазеек для того, чтобы богатые вознаграждали себя предметами роскоши, оставлять *побольше*. И во *всех* странах, повторяем, даже в Германии, — о России нечего и говорить, — лазеек оставлено масса, голодает «простой народ», а богатые ездят в курорты, пополняют скудную казенную норму всяческими «додатками» со стороны и *не* позволяют *себя* контролировать.

В России, только что проделавшей революцию против царизма во имя свободы и равенства, в России, сразу ставшей демократической республикой по ее фактическим политическим учреждениям, особенно бьет в глаза народу, особенно вызывает недовольство, раздражение, озлобление и возмущение масс, что легкость обхода «хлебных карточек» богатыми *все* видят. Легкость эта особенно велика. «Под полой» и за особенно высокую цену, особенно «*при связях*» (которые есть только у богатых), достают все и помногу. Голодает народ. Регулирование потребления ограничивается самыми узкими, бюрократически-реакционными рамками. Со стороны правительства нет и тени помышления *), ни тени заботы о том, чтобы поставить это

*) В печатном тексте слова: «и тени помышления» опущены. *Ред.*

регулирование на началах действительно революционно-демократических.

От хвостов страдают «все», но... но богатые посылают прислугу стоять в хвостах и нанимают *даже для этого* особую прислугу! Вот вам и «демократизм»!

Революционно-демократическая политика во время неслыханных бедствий, переживаемых страной, для борьбы с надвигающейся катастрофой, не ограничилась бы хлебными карточками, а добавила бы к ним, во-первых, принудительное объединение всего населения в потребительные общества, ибо без такого объединения контроль за потреблением полностью провести нельзя; во-вторых, трудовую повинность *для богатых*, с тем, чтобы они обслуживали бесплатно эти потребительные общества секретарским и другим трудом; в-третьих, раздел поровну между населением действительно всех продуктов потребления, чтобы тягости войны распределялись действительно равномерно; в-четвертых, организацию контроля такую, чтобы потребление именно богатых контролировали бедные классы населения.

Создание действительного демократизма в этой области, проявление действительной революционности в организации контроля как раз наиболее нуждающимися классами народа было бы величайшим толчком к напряжению каждой наличной интеллигентной силы, к развитию действительно революционной энергии всего народа. А то теперь министры республиканской и революционно-демократической России совершенно так же, как их собратья во всех остальных империалистских странах, говорят пышные слова об «общем труде на пользу народа», о «напряжении всех сил», но именно народ видит, чувствует и осязает лицемерность этих слов.

Получается топтанье на месте и неудержимый рост развала, приближение катастрофы, ибо покорниловски, погинденбурговски, по общему империалистскому образцу ввести военной каторги *для рабочих* наше правительство не может: слишком еще живы в народе традиции, воспоминания, следы, навыки, учреждения *революции;* а сделать действительно серьезные шаги по пути революционно-демократическому наше правительство не хочет, ибо оно насквозь пропитано и сверху донизу опутано отношениями зависимости от буржуазии, «коалиции» с ней, боязнью затронуть ее фактические привилегии.

РАЗРУШЕНИЕ РАБОТЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ.

Мы рассмотрели различные способы и методы борьбы с катастрофой и голодом. Мы видели повсюду непримиримость противоречия между демократией, с одной стороны, и правительством,

*

а также поддерживающим его блоком эс-эров и меньшевиков, с другой. Чтобы доказать, что эти противоречия существуют в действительности, а не только в нашем изложении, и что непримиримость их доказывается *фактически* конфликтами, имеющими общенародное значение, достаточно напомнить два особенно типичных «итога» и урока полугодовой истории нашей революции.

История «царствования» Пальчинского — один урок. История «царствования» и падения Пешехонова — другой.

В сущности, описанные выше меры борьбы с катастрофой и голодом сводятся к всестороннему поощрению (вплоть до принуждения) «обсоюзывания» населения и в первую голову демократии, т.-е. большинства населения, — значит, прежде всего угнетенных классов, рабочих и крестьян, особенно беднейших. И на этот путь стихийно стало становиться население само для борьбы с неслыханными трудностями, тяготами и бедствиями войны.

Царизм всячески тормозил самостоятельное и свободное «обсоюзывание» населения. Но после падения царской монархии демократические организации стали возникать и быстро расти по всей России. Борьбу с катастрофой повели самочинные демократические организации, всякого рода комитеты снабжения, продовольственные комитеты, совещания по топливу и прочее и тому подобное.

И вот, самое замечательное во всей полугодовой истории нашей революции по рассматриваемому вопросу состоит в том, что *правительство*, называющее себя республиканским и революционным, правительство, *поддерживаемое* меньшевиками и эс-эрами от имени «полномочных органов революционной демократии», это правительство *боролось против* демократических организаций и *побороло их!!!*

Пальчинский приобрел себе этой борьбой самую печальную и самую широкую, всероссийскую известность. Он действовал за спиной правительства, не выступая открыто перед народом (совершенно так же, как предпочитали действовать кадеты вообще, охотно выдвигавшие «для народа» Церетели, а сами обделывавшие втихомолку все важные дела). Пальчинский тормозил и срывал всякие серьезные меры самочинных демократических организаций, ибо ни одна серьезная мера не могла состояться без «ущерба» безмерных прибылей и самодурства Кит Китычей. А Пальчинский именно верным защитником и слугой Кит Китычей и был. Доходило до того — и этот факт был опубликован в газетах, — что Пальчинский прямо *отменял* распоряжения самочинных демократических организаций!!

Вся история «царствования» Пальчинского — а он «царствовал» много месяцев и как раз тогда, когда Церетели, Скобелев, Чернов были «министрами», — есть один сплошной, безобразный

скандал, срыв воли народа, решения демократии *в угоду* капиталистам ради их грязной корысти. В газете могла появляться, разумеется, лишь ничтожная доля «подвигов» Пальчинского, и полное расследование того, как он *мешал* борьбе с голодом, удастся осуществить только истинно демократическому правительству пролетариата, когда он завоюет власть и *на суд* народа отдаст без утайки дела Пальчинского и подобных ему.

Возразят, пожалуй, что Пальчинский ведь был исключением и вот его же удалили... Но в том-то и дело, что Пальчинский — не исключение, а *правило*, что с удалением Пальчинского дело ничуть не улучшилось, что его место заняли такие же Пальчинские с иной фамилией, что все *«влияние»* капиталистов, вся политика *срыва борьбы с голодом в угоду им* осталась неприкосновенною. Ибо Керенский и К° — лишь ширма защиты интересов капиталистов. Самое наглядное доказательство тому — уход из министерства Пешехонова, министра продовольствия. Как известно, Пешехонов — народник самый, самый умеренный. Но по организации продовольственного дела он хотел работать добросовестно, в связи с демократическими организациями, опираясь на них. Тем интереснее *опыт* работы Пешехонова и *уход* его, что этот умереннейший народник, член «народно-социалистической» партии, готовый идти на какие угодно компромиссы с буржуазией, все же оказался вынужденным уйти! Ибо правительство Керенского, в угоду капиталистам, помещикам и кулакам, *повысило* твердые цены на хлеб!!

Вот как описывает М. Смит в газете «Свободная Жизнь» № 1, от 2-го сентября, этот «шаг» и его значение:

«За несколько дней до принятия правительством повышения твердых цен в общегосударственном продовольственном комитете произошла такая сцена: представитель правой Ролович, упорный защитник интересов частной торговли и беспощадный враг хлебной монополии и государственного вмешательства в экономическую жизнь, заявил во всеуслышание с самодовольной улыбкою, что, по его сведениям, твердые цены на хлеб будут в скором времени повышены.

«Представитель же Совета Рабочих и Солдатских Депутатов заявил в ответ на это, что ему ничего подобного не известно, что, пока в России длится революция, такой акт не может иметь места, и что, во всяком случае, правительство не может пойти на этот акт без совещания с правомочными органами демократии — Экономическим советом и общегосударственным Продовольственным комитетом. К этому заявлению присоединился и представитель Совета Крестьянских Депутатов.

«Но, увы! Действительность внесла в эту контраверсию весьма жестокую поправку: правы оказались не представители демократии, а представитель цензовых элементов. Он оказался прекрасно осведомленным по поводу готовящегося покушения на права демократии, хотя представители ее и отвергли с негодованием самую возможность такого покушения» [78]).

Итак, и представитель рабочих и представитель крестьянства заявляют определенно свое мнение от имени гигантского большинства народа, а правительство Керенского поступает наоборот, в интересах капиталистов!

Ролович, представитель капиталистов, оказался превосходно осведомленным за спиной демократии — совершенно так же, как мы всегда наблюдали и теперь наблюдаем наилучшую осведомленность буржуазных газет «Речи» и «Биржевки», о том, что происходит в правительстве Керенского.

На что указывает эта замечательная осведомленность? Ясно — на то, что капиталисты имеют свои «ходы» и держат *фактически* власть в своих руках. Керенский—подставная фигура, которую они пускают в ход так и тогда, как и когда им требуется. Интересы десятков миллионов рабочих и крестьян оказываются принесенными в жертву прибылям горстки богачей.

Что же отвечают на это возмутительное издевательство над народом наши эс-эры и меньшевики? Может быть, они обратились к рабочим и крестьянам с воззванием, что Керенскому и его коллегам после этого место только в тюрьме?

Боже упаси! Эс-эры и меньшевики, в лице принадлежащего им «Экономического Отдела», ограничились принятием грозной резолюции, которую мы уже упоминали! В этой резолюции они заявляют, что повышение хлебных цен правительством Керенского есть «мера *пагубная*, наносящая *сильнейший удар* как продовольственному делу, так и всей хозяйственной жизни страны» и что проведены эти пагубные меры с прямым «*нарушением*» закона!!

Таковы результаты политики соглашательства, политики заигрывания с Керенским и желания «щадить» его!

Правительство нарушает закон, принимая, в угоду богачам, помещикам и капиталистам, такую меру, которая *губит* все дело контроля, продовольствия и оздоровления расшатанных донельзя финансов, — а эс-эры и меньшевики продолжают говорить о соглашении с торгово-промышленными кругами, продолжают ходить на совещания с Терещенкой, щадить Керенского и ограничиваются бумажной резолюцией протеста, которую правительство преспокойно кладет под сукно!!

Вот где с особенной наглядностью обнаруживается та истина, что эс-эры и меньшевики изменили народу и революции и что действительным вождем масс, *даже* эс-эровских и меньшевистских, становятся большевики.

Ибо именно завоевание власти пролетариатом, с партией большевиков во главе его, одно в состоянии было бы положить конец творимым Керенским и К° безобразиям и *восстановить* ту работу демократических организаций продовольствия, снабжения и т. д., которую Керенский и его правительство *срывают*.

Большевики выступают, — на приведенном примере это видно с полнейшей ясностью — как представители интересов *всего* народа, интересов обеспечения дела продовольствия и снабжения, интересов удовлетворения насущнейших нужд рабочих *и крестьян* вопреки той колеблющейся, нерешительной, поистине изменнической политике эс-эров и меньшевиков, которая довела страну до позора, подобного этому повышению цен на хлеб!

ФИНАНСОВЫЙ КРАХ И МЕРЫ ПРОТИВ НЕГО.

Вопрос о повышении твердых цен на хлеб имеет также другую сторону. Это повышение означает новое хаотическое увеличение выпуска бумажных денег, новый шаг вперед процесса усиления дороговизны, усиление финансового расстройства и приближение финансового краха. Все признают, что выпуск бумажных денег является худшим видом принудительного займа, что он ухудшает положение всего сильнее именно рабочих, беднейшей части населения, что он является главным злом финансовой неурядицы.

И именно к этой мере прибегает поддерживаемое эс-эрами и меньшевиками правительство Керенского!

Для серьезной борьбы с финансовым расстройством и неизбежным финансовым крахом нет иного пути, кроме того революционного разрыва с интересами капитала и организации контроля действительно демократического, т. е. «снизу», контроля рабочих и беднейших крестьян *за* капиталистами, — того пути, о котором говорит все наше предыдущее изложение.

Необъятный выпуск бумажных денег поощряет спекуляцию, позволяет капиталистам наживать на ней миллионы и создает громадные трудности столь необходимому расширению производства, ибо дороговизна материалов, машин и проч. усиливается и идет вперед скачками. Как помочь делу, когда приобретаемые спекуляцией богатства богатых скрываются?

Можно ввести подоходный налог с прогрессирующими и очень высокими ставками для крупных и крупнейших доходов. Наше правительство, вслед за другими империалистскими правительствами, ввело его. Но он остается в значительной степени фикцией, мертвой буквой, ибо, во-первых, ценность денег все быстрее и быстрее падает, а, во-вторых, утайка доходов тем сильнее, чем больше источником их является спекуляция и чем надежнее охранена коммерческая тайна.

Чтобы сделать налог действительным, а не фиктивным, нужен действительный, неостающийся на бумаге контроль. А контроль за капиталистами невозможен, если он остается бюрократическим, ибо бюрократия тысячами нитей сама связана

и переплетена с буржуазией. Поэтому в западно-европейских империалистских государствах, все равно и в монархиях и в республиках, финансовое упорядочение достигается лишь ценой такого введения «трудовой повинности», которое создает для рабочих *военную каторгу* или *военное рабство*.

Реакционно-бюрократический контроль — вот единственное средство, которое знают империалистские государства, не исключая и демократических республик Франции и Америки, для сваливания тяжестей войны на пролетариат и на трудящиеся массы.

Основное противоречие нашей правительственной политики состоит именно в том, что приходится проводить — дабы не ссориться с буржуазией, не разрушать «коалиции» с ней — реакционно-бюрократический контроль, называя его «революционно-демократическим», обманывая на каждом шагу народ, раздражая и озлобляя массы, только что свергнувшие царизм.

Между тем именно революционно-демократические меры, объединяя в союзы как раз угнетенные классы, рабочих и крестьян, как раз массы, — давали бы возможность установления самого действительного контроля *за богатыми* и самой успешной борьбы с утайкой доходов.

Стараются поощрять чековое обращение для борьбы с чрезмерным выпуском бумажных денег. Для бедных эта мера не имеет значения, ибо беднота все равно живет со дня на день, все равно в неделю завершает свой «хозяйственный оборот», возвращая капиталистам их скудные гроши, которые ей удается заработать. Для богатых чековое обращение могло бы иметь громадное значение, оно позволило бы государству, особенно в связи с такими мерами, как национализация банков и отмена торговой тайны, *действительно контролировать* доходы капиталистов, действительно облагать их налогом, действительно «демократизировать» (а вместе с тем и упорядочить) финансовую систему.

Но помехой тут является именно боязнь нарушить привилегии буржуазии, разорвать «коалицию» с ней. Ибо без мер истинно-революционных, без серьезнейшего принуждения, капиталисты никакому контролю не подчинятся, своих бюджетов не откроют, запасы бумажек не сдадут «под отчет» демократического государства.

Объединенные в союз рабочие и крестьяне, национализируя банки, вводя чековое обращение как обязательное по закону для всех богатых людей, отменяя торговую тайну, устанавливая конфискацию имущества за утайку доходов и т. п., могли бы с чрезвычайной легкостью сделать контроль и действительным и универсальным, контроль именно за богатыми, контроль именно такой, который *вернул бы казне* выпускаемые ею бумажные деньги *от тех*, кто их имеет, *от тех*, кто их прячет.

Для этого нужна революционная диктатура демократии, возглавляемой революционным пролетариатом, т.-е. для этого демократия должна стать революционной *на деле*.

В этом весь гвоздь. Этого-то и не хотят наши эс-эры и меньшевики, обманывающие народ *флагом* «революционной демократии» и поддерживающие на деле реакционно-бюрократическую политику буржуазии, которая, как всегда, руководится правилом: après nous le déluge — после нас хоть потоп!

Мы не замечаем даже обыкновенно, до какой степени глубоко въелись в нас антидемократические привычки и предрассудки насчет «святости» буржуазной собственности. Когда инженер или банкир публикует доходы и расходы рабочего, данные о его заработках и о производительности его труда, это считается архизаконным и справедливым. Никто не думает усматривать в этом посягательство на «частную жизнь» рабочего, «сыск или донос» инженера. Труд и заработок наемных рабочих буржуазное общество рассматривает *своей* открытой книгой, куда всякий буржуа вправе всегда заглянуть, всегда разоблачить «роскошь» рабочего, такую-то будто бы «лень» его и т. п.

Ну, а обратный контроль? Что, если бы союзы служащих, конторщиков, *прислуги* были приглашены *демократическим* государством к проверке доходов и расходов капиталистов, к публикации данных об этом, к содействию правительству в деле борьбы с утайками доходов?

Какой бы дикий вой подняла буржуазия против «сыска», против «доносов»! Когда «господа» контролируют прислугу, капиталисты — рабочих, это считается в порядке вещей, частная жизнь трудящегося и эксплуатируемого *не* считается неприкосновенной, буржуазия вправе потребовать к отчету каждого «наемного раба», всегда вынести на публику его доходы и расходы. А попытку угнетенных контролировать угнетателя, *его* расходы и доходы вывести на чистую воду, *его* роскошь раскрыть, хотя бы даже во время войны, когда эта роскошь вызывает прямой голод и гибель армий на фронте, — о, нет, буржуазия «сыска» и «доносов» не допустит!

Вопрос сводится все к тому же: господство буржуазии с истинно-революционным истинно-демократизмом *непримиримо*. В XX веке, в капиталистической стране нельзя быть революционным демократом, *ежели бояться* идти к социализму.

МОЖНО ЛИ ИДТИ ВПЕРЕД, БОЯСЬ ИДТИ К СОЦИАЛИЗМУ?

Предшествующее изложение легко может у читателя, воспитанного на ходячих оппортунистических идеях эс-эров и меньшевиков, вызвать такое возражение: большинство описываемых

здесь мер, в сущности, не демократические, а *уже* социалистические меры!

Это ходячее возражение, обычное (в той или иной форме) в прессе буржуазной, эс-эровской и меньшевистской, есть реакционная защита отсталого капитализма, защита, наряженная пострувистски. Дескать, мы не созрели для социализма, рано «вводить» социализм, наша революция буржуазная, поэтому надо быть в холопах у буржуазии (хотя великие буржуазные революционеры Франции 125 лет тому назад сделали свою революцию великой посредством *террора* против всех угнетателей и помещиков и капиталистов!).

Услужающие буржуазии горе-марксисты, к которым перешли и эс-эры, и которые рассуждают так, не понимают (если рассмотреть теоретические основы их мнения), что такое империализм? что такое капиталистические монополии? что такое государство? что такое революционная демократия? Ибо, поняв это, нельзя не признать, что нельзя идти вперед, не идя к социализму.

Об империализме говорят все. Но империализм есть не что иное, как монополистический капитализм.

Что в России тоже капитализм стал монополистическим, об этом «Продуголь», «Продамет», сахарный синдикат и пр. свидетельствуют достаточно наглядно. Тот же сахарный синдикат показывает нам воочию перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм.

А что такое государство? Это организация господствующего класса, — напр., в Германии юнкеров и капиталистов. Поэтому то, что немецкие Плехановы (Шейдеман, Ленч и др.) называют «военным социализмом», на деле есть военно-государственный монополистический капитализм или, говоря проще и яснее, военная каторга для рабочих, военная охрана прибылей капиталистов.

Ну, а попробуйте-ка подставить *вместо* юнкерски-капиталистического, вместо помещичье-капиталистического государства государство *революционно-демократическое*, т.-е. революционно разрушающее *всякие* привилегии, не боящееся революционно осуществлять самый полный демократизм? Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг и шаги к социализму!

Ибо если крупнейшее капиталистическое предприятие становится монополией, значит, оно обслуживает весь народ. Если оно стало государственной монополией, значит, государство (т.-е. вооруженная организация населения, рабочих и крестьян, в первую голову, при условии *революционного* демократизма), государство направляет все предприятие — в чьих интересах?

Либо в интересах помещиков и капиталистов — тогда мы получаем не революционно-демократическое, а реакционно-бюрократическое государство, империалистскую республику; либо в интересах революционной демократии — тогда *это и есть шаг к социализму.*

Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией.

Тут середины нет. Объективный ход развития таков, что от *монополий* (а война удесятерила их число, роль и значение) вперед идти *нельзя,* не идя к социализму.

Либо быть революционным демократом на деле — тогда нельзя бояться шагов к социализму.

Либо бояться шагов к социализму, осуждать их поплехановски, подановски, почерновски доводами, что наша революция буржуазная, что нельзя «вводить» социализма и т. п., — и тогда неминуемо скатиться к Керенскому, Милюкову и Корнилову, т. е. *реакционно-бюрократически* подавлять «революционно-демократические» стремления рабочих и крестьянских масс.

Середины нет.

И в этом основное противоречие нашей революции.

Стоять на месте нельзя в истории вообще, во время войны в особенности. Надо идти либо вперед, либо назад. Идти вперед, в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, *нельзя,* не *идя* к социализму, не делая *шагов* к нему (шагов, обусловленных и определяемых уровнем техники и культуры: крупное машинное хозяйство нельзя «ввести» в земледелие крестьян, его нельзя отменить в сахарном производстве).

А если бояться идти вперед, *это значит* идти назад, чем гг. Керенские, при восторгах Милюковых и Плехановых, при глупом пособничестве Церетели и Черновых, и занимаются.

Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, *тем самым* необычайно приблизила человечество к социализму.

Империалистская война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет.*

К вопросу о социализме наши эс-эры и меньшевики подходят подоктринерски, с точки зрения заученной ими наизусть и плохо понятой доктрины. Они представляют социализм чем-то далеким, неизвестным, темным будущим.

А социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма, социализм вырисовывается непосредственно, *практически*, из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе этого новейшего капитализма.

Что такое трудовая всеобщая повинность?

Это шаг вперед на базе новейшего монополистического капитализма, шаг к регулированию экономической жизни в целом, по известному общему плану, шаг к сбережению народного труда, к предотвращению бессмысленной растраты его капитализмом.

В Германии юнкера (помещики) и капиталисты вводят всеобщую трудовую повинность, и тогда она неизбежно становится военной каторгой для рабочих.

Но возьмите то же самое учреждение и продумайте значение его при революционно-демократическом государстве. Всеобщая трудовая повинность, вводимая, регулируемая, направляемая Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, это *еще не* социализм, но это *уже не* капитализм. Это — громадный *шаг к* социализму, такой шаг, что, при условии сохранения полной демократии, от такого шага нельзя уже было бы без неслыханных насилий над массами уйти назад, к капитализму.

БОРЬБА С РАЗРУХОЙ И ВОЙНА.

Вопрос о мерах борьбы с надвигающейся катастрофой подводит нас к освещению другого важнейшего вопроса: о связи внутренней политики с внешнею или, иначе, о соотношении между войной захватной, империалистской и войной революционной, пролетарской, между войной преступно-грабительской и войной справедливо-демократической.

Все описанные нами меры борьбы с катастрофой чрезвычайно усилили бы, как уже было нами отмечено, обороноспособность или, говоря иначе, военную мощь страны. Это с одной стороны. А с другой стороны, эти меры нельзя провести в жизнь, не превращая войны захватной в войну справедливую, войны, ведомой капиталистами в интересах капиталистов, в войну, ведомую пролетариатом в интересах всех трудящихся и эксплуатируемых.

В самом деле. Национализация банков и синдикатов, в связи с отменой коммерческой тайны и рабочим контролем за капиталистами, означала бы не только гигантское сбережение народного труда, возможность сэкономить силы и средства, она означала бы

также улучшение положения трудящихся *масс* населения, большинства его. В современной войне, как все знают, экономическая организация имеет решающее значение. В России хватит хлеба, угля, нефти, железа; в этом отношении наше положение лучше, чем какой бы то ни было из воюющих европейских стран. А при борьбе с разрухой указанными средствами, привлекая к этой борьбе самодеятельность масс, улучшая их положение, вводя национализацию банков и синдикатов, Россия использовала бы свою революцию и свой демократизм для подъема всей страны на неизмеримо более высокую ступень экономической организованности.

Если бы вместо «коалиции» с буржуазией, тормозящей все меры контроля и саботирующей производство, эс-эры и меньшевики осуществили в апреле переход власти к Советам и направили свои силы не на игру «в министерскую чехарду», не на бюрократическое просиживание, рядом с кадетами, местечек министров, товарищей министров и пр. и пр., а для руководства рабочими и крестьянами в *их* контроле *за* капиталистами, в их *войне против* капиталистов, то Россия была бы теперь страной в полном экономическом преобразовании, с землей у крестьян, с национализацией банков, т.-е. была бы *постольку* (а это крайне важные экономические базы современной жизни) *выше* всех остальных капиталистических стран.

Обороноспособность, военная мощь страны *с* национализацией банков *выше*, чем страны с банками, остающимися в частных руках. Военная мощь крестьянской страны, с землей в руках крестьянских комитетов, *выше*, чем страны с помещичьим землевладением.

Ссылаются постоянно на героический патриотизм и чудеса военной доблести французов в 1792 — 1793 годах. Но забывают о материальных, историко-экономических условиях, которые только и сделали эти чудеса возможными. Действительно революционная расправа с отжившим феодализмом, переход всей страны, и притом с быстротой, решительностью, энергией, беззаветностью поистине революционно-демократическими, к более высокому способу производства, к свободному крестьянскому землевладению — вот те материальные, экономические условия, которые с «чудесной» быстротой спасли Францию, *переродив*, *обновив* ее хозяйственную основу.

Пример Франции говорит нам одно и только одно: чтобы сделать Россию обороноспособной, чтобы добиться и в ней «чудес» массового героизма, надо с «якобинской» беспощадностью смести все старое и обновить, переродить Россию *хозяйственно*. А этого нельзя сделать в XX веке одним свержением царизма (Франция 125 лет тому назад не ограничилась этим). Этого нельзя сделать даже одним революционным уничтожением помещичьего

землевладения (мы даже этого не сделали, ибо эс-эры и меньшевики изменили крестьянству!), одной передачей земли крестьянству. Ибо мы живем в XX веке, господство над землей *без господства над банками* не в состоянии внести перерождения, обновления в жизнь народа.

Материальное, производственное обновление Франции, в конце XVIII века, было связано с политическим и духовным, с диктатурой революционной демократии и революционного пролетариата (от которого демократия не обособлялась и который был еще почти слит с нею), с беспощадной войной, объявленной всему реакционному. Весь народ и в особенности массы, т.-е. *угнетенные* классы, были охвачены безграничным революционным энтузиазмом: войну *все* считали справедливой, оборонительной, и она *была на деле* таковой. Революционная Франция оборонялась от реакционно-монархической Европы. Не в 1792—1793 г.г., а много лет спустя, *после* победы реакции внутри страны, контр-революционная диктатура Наполеона превратила войны со стороны Франции из оборонительных в завоевательные.

А в России? Мы продолжаем вести войну империалистскую, в интересах капиталистов, в союзе с империалистами, в согласии с тайными договорами, которые заключил *царь* с капиталистами Англии и проч., обещая в этих договорах русским капиталистам ограбление чужих стран, Константинополь, Львов, Армению и т. д.

Война остается несправедливой, реакционной, захватной со стороны России, пока она не предложила справедливого мира и не порвала с империализмом. Социальный характер войны, ее истинное значение определяется не тем, где стоят неприятельские войска (как думают эс-эры и меньшевики, опускаясь до вульгарности темного мужика). Этот характер определяется тем, *какую политику* война продолжает («война есть продолжение политики»), *какой класс* в каких целях войну ведет.

Нельзя вести массы на грабительскую войну в силу тайных договоров и надеяться на их энтузиазм. Передовой класс революционной России, пролетариат, все яснее сознает преступность войны, и буржуазия не только не могла разубедить в этом массы, а, напротив, сознание преступности войны растет. Пролетариат *обеих столиц* стал в России интернационалистским окончательно!

Где уж тут говорить о массовом энтузиазме за войну!

Одно неразрывно связано с другим, внутренняя политика с внешней. Нельзя сделать страну обороноспособной без величайшего героизма народа, осуществляющего смело, решительно великие экономические преобразования. И нельзя вызвать героизма в массах, не разрывая с империализмом, не предлагая всем народам демократический мир, не превращая войны таким путем из

захватной, грабительской, преступной в справедливую, оборонительную, революционную.

Только беззаветно-последовательный разрыв с капиталистами и во внутренней и во внешней политике в состоянии спасти нашу революцию и нашу страну, зажатую в железные тиски империализма.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ.

Чтобы быть действительно революционной, демократия современной России должна идти в полнейшем союзе с пролетариатом, поддерживая его борьбу, как единственного до конца революционного класса.

Таков итог, к которому приводит разбор вопроса о средствах борьбы с неминуемой катастрофой неслыханных размеров.

Война создала такой необъятный кризис, так напрягла материальные и моральные силы народа, нанесла такие удары всей современной общественной организации, что человечество оказалось перед выбором: или погибнуть, или вручить свою судьбу самому революционному классу для быстрейшего и радикальнейшего перехода к более высокому способу производства.

В силу ряда исторических причин: бо́льшей отсталости России, особенных трудностей войны для нее, наибольшей гнилости царизма, чрезвычайной живости традиций 1905 года, в России раньше других стран вспыхнула революция. Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему *политическому* строю догнала передовые страны.

Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также *и экономически*.

Это возможно, ибо перед нами лежит готовый опыт большого числа передовых стран, готовые результаты их техники и культуры. Нам оказывает моральную поддержку растущий протест против войны в Европе, атмосфера нарастающей всемирной рабочей революции. Нас подтягивает, подхлестывает исключительно редкая во время империалистской войны революционно-демократическая свобода.

Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей.

И отношение пролетариата к крестьянству в такой момент подтверждает, соответственно видоизменяя ее, старую большевистскую постановку: вырвать крестьянство из-под влияния буржуазии. Только в этом залог спасения революции.

А крестьянство есть наиболее многочисленный представитель всей мелкобуржуазной массы.

Наши эс-эры и меньшевики взяли на себя реакционную роль: удержать крестьянство под влиянием буржуазии, вести крестьянство к коалиции с буржуазией, а не с пролетариатом.

Опыт революции учит массы быстро. И реакционная политика эс-эров и меньшевиков терпит крах: они побиты в Советах обеих столиц [79]). В обеих мелкобуржуазно-демократических партиях растет «левая» оппозиция. В Питере 10 сентября 1917 г. городская конференция эс-эров дала большинство в две трети *левым* эс-эрам, тяготеющим к союзу с пролетариатом, отвергающим союз (коалицию) с буржуазией [80]).

Эс-эры и меньшевики повторяют излюбленное буржуазией противопоставление: буржуазия и демократия. Но такое противопоставление столь же бессмысленно, в сущности, как сравнение пудов с аршинами.

Бывает демократическая буржуазия, бывает буржуазная демократия: только самое полное невежество и в истории, и в политической экономии способно отрицать это.

Неверное противопоставление понадобилось эс-эрам и меньшевикам, чтобы *прикрыть* бесспорный факт: между буржуазией и пролетариатом стоит *мелкая буржуазия*. Она неизбежно, в силу ее экономического классового положения, колеблется между буржуазией и пролетариатом.

Эс-эры и меньшевики тянут мелкую буржуазию к союзу с буржуазией. В этом суть всей их «коалиции», всего коалиционного министерства, всей политики Керенского, типичного полукадета. За полгода революции эта политика потерпела полный крах.

Кадеты злорадствуют: революция-де потерпела крах, революция *не* справилась ни с войной, ни с разрухой.

Неправда. Крах потерпели *кадеты* и *эс-эры с меньшевиками*, ибо этот блок (союз) полгода правил Россией, за полгода усилил разруху, запутал и затруднил военное положение.

Чем полнее крах *союза* буржуазии с *эс-эрами и меньшевиками*, тем быстрее *научится* народ. Тем легче он найдет *верный* выход: союз беднейшего крестьянства, т.-е. большинства крестьян с пролетариатом.

10—14 сентября 1917 г.

БОЛЬШЕВИКИ ДОЛЖНЫ ВЗЯТЬ ВЛАСТЬ [81]).

ПИСЬМО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ, ПЕТРОГРАДСКОМУ И МОСКОВСКОМУ КОМИТЕТАМ Р. С.-Д. Р. П.

Получив большинство в обоих столичных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого *никто* не свергнет.

Большинство народа *за* нас. Это доказал длинный и трудный путь от 6 мая до 31 августа и до 12 сентября: большинство в столичных Советах есть *плод* развития народа *в нашу сторону*. Колебания эс-эров и меньшевиков, усиление интернационалистов среди них доказывают то же самое.

Демократическое Совещание *не* представляет большинства революционного народа, а *лишь соглашательские мелкобуржуазные верхи*. Нельзя давать себя обмануть цифрами выборов, не в выборах дело: сравните выборы в городские думы Питера и Москвы и выборы в Советы. Сравните выборы в Москве и московскую стачку 12 августа: вот объективные данные о большинстве революционных элементов, ведущих массы.

Демократическое Совещание обманывает крестьянство, не давая ему ни мира, ни земли.

Большевистское правительство *одно* удовлетворит крестьянство.

* * *

Почему должны власть взять именно *теперь* большевики?

Потому, что предстоящая отдача Питера сделает наши шансы во сто раз худшими.

А отдаче Питера при армии с Керенским и К⁰ во главе мы помешать не в силах.

И Учредительного Собрания «ждать» нельзя, ибо той же отдачей Питера Керенский и К⁰ всегда *могут сорвать* его. Только наша партия, взяв власть, может обеспечить созыв Учредительного Собрания и, взяв власть, она обвинит другие партии в оттяжке и докажет обвинение.

Сепаратному миру между английскими и немецкими империалистами помешать должно и можно, только действуя быстро [82].

Народ устал от колебаний меньшевиков и эс-эров. Только наша победа в столицах увлечет крестьян за нами.

* * *

Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с *массами.*

Вопрос о том, что наша партия теперь на Демократическом Совещании имеет фактически *свой съезд,* и этот съезд решить должен (хочет или не хочет, а должен) *судьбу революции.*

Вопрос в том, чтобы *задачу* сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, *как* агитировать за это, не выражаясь так в печати.

Вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: «*восстание есть искусство*» и т. д.

* * *

Ждать «формального» большинства у большевиков наивно: ни одна революция *этого* не ждет. И Керенский с К⁰ не ждут, а готовят сдачу Питера. Именно жалкие колебания Демократического Совещания должны взорвать и взорвут терпение рабочих Питера и Москвы! История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь.

Нет аппарата? Аппарат есть: Советы и демократические организации. Международное положение *именно* теперь, *накануне* сепаратного мира англичан с немцами, *за нас.* Именно теперь предложить мир народам — значит *победить.*

Взять власть сразу и в Москве, и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим *безусловно и несомненно.*

Н. Ленин.

Написано 25—27 (12—14) сентября 1917 г.

Впервые напечатано в 1921 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 2.

Печатается по тексту журнала.

МАРКСИЗМ И ВОССТАНИЕ.

ПИСЬМО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ Р. С.-Д. Р. П.

К числу наиболее злостных и едва ли не наиболее распространенных извращений марксизма господствующими «социалистическими» партиями принадлежит оппортунистическая ложь, будто подготовка восстания, вообще отношение к восстанию, как искусству, есть «бланкизм».

Вождь оппортунизма, Бернштейн, уже снискал себе печальную славу обвинением марксизма в бланкизме, и нынешние оппортунисты в сущности ни на йоту не подновляют и не «обогащают» скудные «идеи» Бернштейна, крича о бланкизме.

Обвинять в бланкизме марксистов за отношение к восстанию, как к искусству! Может ли быть более вопиющее извращение истины, когда ни один марксист не отречется от того, что именно Маркс самым определенным, точным и непререкаемым образом высказался на этот счет, назвав восстание именно *искусством*, сказав, что к восстанию надо относиться, как к искусству, что надо *завоевать* первый успех и от успеха идти к успеху, не прекращая *наступления* на врага, пользуясь его растерянностью и т. д. и т. д.[83]).

Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и *в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции.* Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается *марксизм от бланкизма.*

Но раз есть на лицо эти условия, то отказаться от отношения к восстанию, как *к искусству,* значит изменить марксизму и изменить революции.

Чтобы доказать, почему именно переживаемый нами момент надо признать таким, когда *обязательно* для партии признать

восстание поставленным ходом объективных событий в порядке дня и отнестись к восстанию, как к искусству, чтобы доказать это, лучше всего, пожалуй, употребить метод сравнения и сопоставить 3—4 июля с сентябрьскими днями.

3—4 июля можно было, не греша против истины, поставить вопрос так: правильнее было бы взять власть, ибо иначе все равно враги обвинят нас в восстании и расправятся, как с повстанцами. Но из этого нельзя было сделать вывода в пользу взятия власти тогда, ибо объективных условий для победы восстания тогда не было.

1) Не было еще за нами класса, являющегося авангардом революции.

Не было еще большинства у нас среди рабочих и солдат столиц. Теперь оно есть в обоих Советах. Оно создано *только* историей июля и августа, опытом «расправы» с большевиками и опытом корниловщины.

2) Не было тогда всенародного революционного подъема. Теперь он есть после корниловщины. Провинция и взятие власти Советами во многих местах доказывают это.

3) Не было тогда *колебаний*, в серьезном общеполитическом масштабе, среди врагов наших и среди половинчатой мелкой буржуазии. Теперь колебания гигантские: наш главный враг, империализм союзный и всемирный, ибо «союзники» стоят во главе всемирного империализма, *заколебался* между войной до победы и сепаратным миром против России. Наши мелкобуржуазные демократы, явно потеряв большинство в народе, заколебались гигантски, отказавшись от блока, т.-е. от коалиции, с кадетами.

4) Потому 3—4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо *драться, умирать* за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого «озверения», такой кипучей ненависти *и к* Керенским, *и к* Церетели — Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эс-эров и меньшевиков.

Политически мы не удержали бы власти 3 — 4 июля, ибо армия и провинция, *до корниловщины*, могли пойти и пошли бы на Питер.

Теперь картина совсем иная.

За нами большинство *класса*, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы.

За нами *большинство* народа, ибо уход Чернова есть далеко не единственный, но виднейший, нагляднейший признак того, что крестьянство от блока эс-эров (и от самих эс-эров) *земли не получит*. А в этом гвоздь общенародного характера революции.

За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь, при неслыханных колебаниях и *всего империализма*, и всего блока меньшевиков с эс-эрами.

За нами *верная победа*, ибо народ совсем уж близок к отчаянию, а мы даем всему народу верный выход, показав значение нашего руководства всему народу «в дни корниловские», затем *предложив* компромисс блокистам и *получив отказ от них* при условии отнюдь не прекращающихся колебаний с их стороны.

Величайшей ошибкой было бы думать, что наше предложение компромисса *еще* не отвергнуто, что «Демократическое Совещание» *еще* может принять его. Компромисс предлагался от *партии* к *партиям*; иначе он не мог предлагаться. *Партии* отвергли его. Демократическое Совещание есть только *совещание*, ничего более. Не надо забывать одного: в нем не представлено *большинство* революционного народа, беднейшее и озлобленное крестьянство. Это совещание *меньшинства народа*,—нельзя забывать этой очевидной истины. Величайшей ошибкой, величайшим парламентским кретинизмом было бы с нашей стороны отнестись к Демократическому Совещанию, как к парламенту, ибо даже *если бы* оно объявило себя парламентом и суверенным парламентом революции, все равно оно ничего *не решает*: решение лежит *вне его*, в рабочих кварталах Питера и Москвы.

Перед нами на лицо все объективные предпосылки успешного восстания. Перед нами — выгоды положения, когда *только* наша победа в восстании положит конец измучившим народ колебаниям, этой самой мучительной вещи на свете; когда *только наша* победа в восстании *сорвет* игру с сепаратным миром против революции, сорвет ее тем, что предложит открыто мир более полный, более справедливый, более близкий, мир *в пользу* революции.

Только наша партия, наконец, победив в восстании, *может* спасти Питер, ибо, если наше предложение мира будет отвергнуто и мы не получим даже перемирия, тогда *мы* становимся «оборонцами», тогда мы становимся *во главе военных партий*, мы будем *самой* «*военной*» партией, мы поведем войну действительно революционно. Мы отнимем весь хлеб и все сапоги у капиталистов. Мы оставим им корки, мы оденем их в лапти. Мы дадим весь хлеб и всю обувь на фронт.

И мы отстоим тогда Питер.

Ресурсы действительно революционной войны, как материальные, так и духовные, в России еще необъятно велики; 99 шансов из 100 за то, что немцы дадут нам по меньшей мере перемирие. А получить перемирие теперь — это значит уже победить *весь мир*.

* * *

Сознав безусловную необходимость восстания рабочих Питера и Москвы для спасения революции и для спасения от «сепаратного» раздела России империалистами обеих коалиций, мы должны, во-первых, приспособить к условиям нарастающего восстания свою политическую тактику на Совещании; мы должны, во-вторых, доказать, что мы не на словах только признаем мысль Маркса о необходимости отнестись к восстанию, как к искусству.

Мы должны на Совещании немедленно сплотить фракцию большевиков, не гоняясь за численностью, не боясь оставить колеблющихся, в стане колеблющихся: они *там* полезнее для дела революции, чем в стане решительных и беззаветных борцов.

Мы должны составить краткую декларацию большевиков, подчеркивая самым резким образом неуместность длинных речей, неуместность «речей» вообще, необходимость немедленного действия для спасения революции, абсолютную необходимость полного разрыва с буржуазией, полного смещения всего теперешнего правительства, полного разрыва с готовящими «сепаратный» раздел России англо-французскими империалистами, необходимость немедленного перехода всей власти в руки *революционной демократии, возглавляемой революционным пролетариатом.*

Наша декларация должна быть самой краткой и резкой формулировкой этого вывода в связи с программными проектами: мир народам, земля крестьянам, конфискация скандальных прибылей и обуздание скандальной порчи производства капиталистами.

Чем короче, тем резче будет декларация, тем лучше. В ней надо только ясно указать еще два важнейших пункта: народ измучился от колебаний, народ истерзан нерешительностью эс-эров и меньшевиков; мы рвем с этими *партиями* окончательно, ибо они изменили революции.

И другое: тотчас предлагая мир без аннексий, тотчас разрывая с союзными империалистами и всякими империалистами, мы получим немедленно либо перемирие, либо переход всего революционного пролетариата на сторону обороны и ведение революционной демократией, под его руководством, действительно справедливой, действительно революционной войны.

Прочтя эту декларацию, призвав *решать,* а не говорить, *действовать,* а не писать резолюции, мы должны всю нашу фракцию *двинуть* на *заводы и в казармы:* там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель Демократического Совещания.

Там должны мы в горячих, страстных речах разъяснять нашу программу и ставить вопрос так: либо *полное* принятие ее Совещанием, либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя. Революция гибнет.

Ставя вопрос так, сосредоточив всю фракцию на заводах и в казармах, *мы правильно учтем момент для начала восстания.*

А чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать *штаб* повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку [84]), арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.

Это все примерно, конечно, лишь для *иллюстрации* того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, *не относясь к восстанию, как к искусству.*

Н. Ленин.

Написано 26—27 (13—14) сентября 1917 г.

Впервые напечатано в 1921 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 2.

Печатается по тексту журнала.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

ПУГАЮТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНОЙ.

Напуганная тем, что меньшевики и эс-эры отказались от коалиции с кадетами [85]), что демократия, пожалуй, сможет прекрасно составить правительство без них и управлять Россией против них, буржуазия изо всех сил старается напугать демократию.

Пугай как можно усерднее—таков лозунг всей буржуазной печати. Пугай изо всех сил! Лги, клевещи — только пугай!

Пугает «Биржевка»—сфабрикованными сообщениями о большевистских выступлениях. Пугают слухами об отставке Алексеева и об угрозе немецкого прорыва к Петрограду, как будто бы факты не доказали, что именно корниловские генералы (а к числу их безусловно принадлежит и Алексеев) способны открыть немцам фронт в Галиции и перед Ригой, и перед Петроградом, что именно корниловские генералы вызывают наибольшую ненависть армии к ставке [86]).

Наиболее «солидный» и убедительный вид этому приему запугивания демократии стараются придать посредством ссылок на опасность «гражданской войны». Из всех видов пуганья пуганье гражданской войной самое, пожалуй, распространенное. Вот как формулировал эту ходячую, в филистерских кругах очень ходкую идею Ростовский на Дону комитет партии народной свободы в резолюции 1-го сентября (№ 210 «Речи»):

«...Комитет убежден в том, что гражданская война может смести все завоевания революции и поглотить в потоках крови нашу молодую, неокрепшую свободу, а потому полагает, что энергичный протест против углубления революции, продиктованного несбыточными социалистическими утопиями, необходим в интересах спасения завоеваний революции...» [87]).

Здесь выражена в наиболее ясной, точной, обдуманной и обстоятельной форме та основная мысль, которая бесчисленное количество раз попадается в передовицах «Речи», в статьях Пле-

ханова и Потресова, в передовицах меньшевистских газет и прочее и прочее. Не бесполезно потому подробнее остановиться на этой мысли.

Постараемся разобрать вопрос о гражданской войне поконкретнее, на основании, между прочим, уже пережитого полугодового опыта нашей революции.

Этот опыт, в полнейшем соответствии с опытом всех европейских революций, начиная с конца XVIII века, показывает нам, что гражданская война есть наиболее острая форма классовой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса. Чаще всего — можно сказать, даже почти исключительно — наблюдается в сколько-нибудь свободных и передовых странах гражданская война между теми классами, противоположность между коими создается и углубляется всем экономическим развитием капитализма, всей историей новейшего общества во всем мире, именно: между буржуазией и пролетариатом.

Так и за пережитые полгода нашей революции мы переживали 20 — 21 апреля и 3 — 4 июля очень сильные стихийные взрывы, вплотную подходившие к началу гражданской войны со стороны пролетариата. А корниловское восстание представляло из себя поддержанный помещиками и капиталистами, с партией к.-д. во главе, военный заговор, приведший уже к фактическому началу гражданской войны со стороны буржуазии.

Таковы факты. Такова история нашей собственной революции. А у этой истории больше всего надо учиться, в ее ход и в ее классовое значение больше всего надо вдумываться.

Попробуем сравнить начатки пролетарской и начатки буржуазной гражданской войны в России с точки зрения: 1) стихийности движения, 2) его целей, 3) сознательности масс, участвовавших в нем, 4) силы движения, 5) упорства его. Мы полагаем, что, если бы все партии, которые теперь походя «швыряются зря» словами «гражданская война», поставили вопрос таким образом и сделали попытку фактического изучения начатков гражданской войны, то сознательность всей русской революции выиграла бы очень и очень много.

Начнем с стихийности движения. О 3 — 4 июля мы имеем показания таких свидетелей, как меньшевистская «Рабочая Газета» и эс-эровское «Дело Народа», признавших *факт* стихийного нарастания движения. Эти показания я приводил в статье «Пролетарского Дела», выходящей отдельной листовкой под названием «Ответ клеветникам»*). Но, по причинам вполне понятным,

*) См. настоящий том, стр. 39. *Ред.*

защищая себя, свое участие в преследовании большевиков, меньшевики и эс-эры официально продолжают отрицать стихийность взрыва 3—4 июля.

Отодвинем пока спорное. Оставим бесспорное. Стихийность движения 20—21 апреля никем не оспаривается. К этому стихийному движению примкнула партия большевиков с лозунгом: «вся власть Советам», примкнул совершенно независимо от нее покойный Линде, выведший на улицу 30.000 вооруженных солдат, готовых арестовать правительство. (Между прочим, в скобках сказать, этот факт вывода войск не обследован и не изучен. А когда вдумаешься в него, поставив 20 апреля в историческую связь событий, т.-е. рассматривая его как звено цепи, идущей от 27 февраля к 29 августа, то ясным становится, что виной и ошибкой большевиков была *недостаточная* революционность их тактики, а никак не чрезмерная революционность, в коей нас обвиняют филистеры.)

Итак, стихийность движения, подходившего к началу пролетариатом гражданской войны, несомненна. Ничего даже приблизительно похожего на стихийность нет в корниловщине: там только заговор генералов, которые рассчитывали увлечь часть войск обманом и силой приказания.

Что стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустранимости, это несомненно. Почвенность пролетарской революции, беспочвенность буржуазной контр-революции, вот что с точки зрения стихийности движения показывают факты.

Посмотрим на цели движения. 20—21 апреля всего ближе подходило к большевистским лозунгам, а 3—4 июля прямо наростало в связи с ними, под их влиянием и руководством. О диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства, о мире и немедленном его предложении, о конфискации помещичьих земель—об этих главных *целях* пролетарской гражданской войны партия большевиков говорила совершенно открыто, определенно, ясно, точно, во всеуслышание, в своих газетах и в устной агитации.

Относительно целей корниловщины мы все знаем, и никто из демократии не оспаривает, что эти цели состояли в диктатуре помещиков и буржуазии, в разгоне Советов, в подготовке восстановления монархии. Партия кадетов—эта главная корниловская партия (ее бы следовало, кстати сказать, так и начать теперь звать корниловской партией), обладая большой прессой и большими агитаторскими силами, чем большевики, никогда не решалась и не решается открыто говорить народу ни о диктатуре буржуазии, ни о разгоне Советов, ни о корниловских целях вообще!

С точки зрения целей движения факты говорят, что пролетарская гражданская война может выступать с открытым изложением народу своих конечных целей, привлекая этим симпатии трудящихся, а буржуазная гражданская война только сокрытием

своих целей и может пытаться вести часть масс; отсюда громадное различие по вопросу о сознательности масс.

Объективные данные по этому вопросу имеются, кажется, исключительно в связи с партийностью и с выборами. Других фактов, позволяющих точно судить о сознательности масс, как будто бы не имеется. Что пролетарски-революционное движение возглавляется партией большевиков, а буржуазное контр-революционное — партией кадетов, это ясно и едва ли может быть оспариваемо после полугодичного опыта революции. Три сравнения фактического характера можно провести по рассматриваемому вопросу. Сопоставление майских выборов в районные думы в Питере с августовскими в центральную думу дает уменьшение кадетских и громадное увеличение большевистских голосов. Кадетская печать признает, что там, где скоплены массы рабочих или солдат, там наблюдается, по общему правилу, и сила большевизма.

Затем, сознательность участия *масс* в партии, при отсутствии всякой статистики по движению числа членов в партии, по посещению собраний и т. п. можно проверить на фактах, лишь по опубликованным сведениям относительно денежных сборов на партию. Эти сведения показывают громадный и массовой героизм большевистских рабочих в сборе денег на «Правду», на закрываемые газеты и т. п. Отчеты о сборах всегда печатались. У кадетов мы не видим ничего подобного: «питают» партийную их работу, явное дело, взносы богачей. Нет и следа активной помощи масс.

Наконец, сравнение движений 20 — 21 апреля и 3 — 4 июля, с одной стороны, и корниловщины, с другой, показывает нам, что большевики прямо указывают массам их врага в гражданской войне, именно: буржуазию, помещиков и капиталистов. Корниловщина уже показала *прямой обман* пошедших за Корниловым войск, обман, раскрытый первой же встречей «дикой дивизии» и корниловских эшелонов с питерцами.

Далее. Каковы данные о *силе* пролетариата и буржуазии в гражданской войне. Сила большевиков только в численности пролетариев, в их сознательности, в симпатиях эс-эровских и меньшевистских «низов» (т.-е. рабочих и беднейших крестьян) к большевистским лозунгам. Что именно фактически эти лозунги увлекали за собой *большинство* активных революционных масс в Питере 20 — 21 апреля, и 18 июня, и 3 — 4 июля, это факт.

При этом сравнении данных о «парламентских» выборах с данными о названных массовых движениях вполне подтверждает по отношению к России наблюдение, много раз делавшееся на западе, именно: *сила* революционного пролетариата, с точки зрения воздействия *на массы* и увлечения их на борьбу, несравненно *больше* во *внепарламентской* борьбе, чем в борьбе парламентской. Это очень важное наблюдение по вопросу о гражданской войне.

Понятно, почему все условия и вся обстановка парламентской борьбы и выборов преуменьшает силу угнетенных классов по сравнению с той силой, которую они фактически могут развертывать в гражданской войне.

Сила кадетов и корниловщины в силе *богатства*. Что англо-французский капитал и империализм *за* кадетов и *за* корниловщину, это доказано длинным рядом политических выступлений и прессой. Общеизвестно, как вся «правая» Московского совещания 12-го августа бешено стояла за Корнилова и Каледина. Общеизвестно, как французская и английская буржуазная пресса «помогали» Корнилову. Есть указания на помощь ему со стороны *банков*.

Вся сила богатства встала за Корнилова, а какой жалкий и быстрый провал! Общественные силы, кроме богачей, можно усмотреть у корниловцев лишь двоякие: «дикая дивизия» и казачество. В первом случае это *только* сила темноты и обмана. Эта сила тем больше страшна, чем больше печать остается в руках буржуазии. Пролетариат подорвал бы, победив в гражданской войне, *этот* источник «силы» сразу и радикально.

Что касается до казачества, то здесь мы имеем слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев (среднее землевладение около 50 десятин) одной из окраин России, сохранивших особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта. Здесь можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи. Но что же показали *факты*, относящиеся к корниловско-калединскому движению? Даже Каледин, «любимый вождь», поддержанный Гучковыми, Милюковыми, Рябушинскими и К°, массового движения *все же не поднял!!* Каледин неизмеримо «прямее», прямолинейнее шел к гражданской войне, чем большевики. Каледин прямо «ездил поднимать Дон», и все же Каледин массового движения никакого не поднял в «своем» крае, в оторванном от общерусской демократии казачьем крае! Наоборот, со стороны пролетариата мы наблюдаем стихийные взрывы движения в центре влияния и силы противо-большевистской всероссийской демократии.

Объективных данных о том, как разные слои и разные хозяйственные группы казачества относятся к демократии и к корниловщине, не имеется. Есть только указания на то, что большинство бедноты и среднего казачества больше склонно к демократии и лишь офицерство с верхами зажиточного казачества вполне корниловское.

Как бы то ни было, исторически доказанной является, после опыта 26 — 31 августа, крайняя слабость массового казаческого движения в пользу буржуазной контр-революции.

Остается последний вопрос: об *упорстве* движения. Относительно большевистского, пролетарски-революционного движения

мы имеем доказанный факт, что борьба с большевизмом за полгода республики в России велась, как идейная, при *гигантском* преобладании органов печати и агитаторских сил на стороне противников большевизма (и при весьма «рискованном» причислении к «идейной» борьбе кампании клеветы), так и *путем репрессий:* сотни арестованных, разгромлена главная типография, закрыта главная газета и ряд газет. Результат доказан фактами: громадное усиление большевизма на августовских выборах в Питере, затем усиление приближающихся к большевизму интернационалистских и «левых» течений и в эс-эровской и меньшевистской партиях. Значит, упорство пролетарски-революционного движения в республиканской России очень велико. Факты говорят, что совместными усилиями кадетов и эс-эров с меньшевиками не *удалось* нисколько ослабить этого движения. Напротив, именно коалиция корниловцев с «демократией» *усилила* большевизм. Кроме идейного воздействия *и* репрессий не может быть иных средств борьбы с пролетарски-революционным течением.

Об упорстве кадетско-корниловского движения данных пока нет. Преследований кадеты никаких не видали. Даже Гучкова выпустили, даже Маклакова и Милюкова не арестовали. Даже «Речи» не закрыли. Кадетов щадят. За кадетами-корниловцами правительство Керенского *ухаживает.* А что, если бы поставить вопрос так: допустим, англо-французские и русские Рябушинские отвалят еще миллионы и миллионы кадетам, «Единству», «Дню» и т. п. на новую избирательную кампанию в Питере; вероятно ли, что число их голосов увеличилось бы теперь, после корниловщины? Едва ли не придется на этот вопрос, судя по собраниям и т. п., ответить отрицательно...

* *
*

Сводя вместе итоги нашего сравнения данных из истории русской революции, мы получаем тот вывод, что начало гражданской войны с стороны пролетариата обнаружило силу, сознательность, почвенность, рост и устойчивость движения. Начало гражданской войны со стороны буржуазии никакой силы, никакой сознательности масс, никакой почвенности, никаких шансов на победу не обнаружило.

Союз кадетов с эс-эрами и меньшевиками против большевиков, т.-е. против революционного пролетариата, испытан на практике в течение ряда месяцев, и этот союз временно притаившихся корниловцев с «демократией» привел на деле не к ослаблению, а к усилению большевиков, к краху «коалиции», к усилению «левой» оппозиции и у меньшевиков.

Союз большевиков с эс-эрами и меньшевиками против кадетов, против буржуазии *еще не испытан.* Или, если быть более точным, такой союз *испытан* только *по одному фронту,* только

в течение *пяти дней*, 26—31 августа, во время корниловщины, и такой союз дал за это время полнейшую, с невиданной еще ни в одной революции легкостью достигнутую победу над контр-революцией, он дал такое сокрушающее подавление буржуазной, помещичьей и капиталистической, союзно-империалистской и кадетской контр-революции, что гражданская война *с этой стороны* развалилась в прах, превратилась в ничто в самом начале, распалась до какого бы то ни было «боя».

И перед лицом этого исторического факта вся буржуазная пресса со всеми ее подголосками (Плехановыми, Потресовыми, Брешко-Брешковскими и т. д.) кричит изо всех сил, что именно союз большевиков с меньшевиками и эс-эрами «грозит» ужасами гражданской войны!..

Это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Грустно то, что подобная, явная, очевидная, вопиющая нелепость, насмешка над фактами, над всей историей нашей революции может вообще находить слушателей... Это доказывает все еще громаднейшую распространенность буржуазно-корыстной лжи (и распространенность неизбежную, пока пресса монополизирована буржуазией), лжи, которая заливает, перекрикивает самые несомненные и осязательно-бесспорные уроки революции.

Если есть абсолютно-бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эс-эрами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной. Ибо против такого союза, против Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов никакая буржуазией начатая гражданская война не мыслима, этакая «война» не дошла бы даже ни до одного сражения, буржуазия, *во второй* раз после корниловщины, не найдет даже и «дикой дивизии», даже прежнего числа эшелонов казачества для движения против Советского правительства!

Мирное развитие какой бы то ни было революции вообще вещь чрезвычайно редкая и трудная, ибо революция есть наибольшее обострение самых острых классовых противоречий, но в крестьянской стране, когда союз пролетариата и крестьянства *может* дать измученным несправедливейшей и преступнейшей войной массам *мир*, а крестьянству всю *землю*, в такой стране, в такой исключительный исторический момент мирное развитие революции при переходе всей власти к Советам *возможно* и *вероятно*. Внутри Советов борьба партий за власть может идти мирно, при полном демократизме Советов, при отказе их от таких «мелких краж», от такого «обкрадывания» демократических принципов, как предоставление солдатам одного представителя на 500, а рабочим одного на тысячу избирателей. В демократической республике такие мелкие кражи осуждены на исчезновение.

Против же Советов, дающих всю землю без выкупа крестьянам и предлагающих справедливый мир всем народам, против таких Советов никакой союз буржуазии англо-французской и русской, Корниловых, Бьюкэненов и Рябушинских, Милюковых с Плехановыми и Потресовыми совершенно не страшен, совершенно бессилен.

Сопротивление буржуазии против безвозмездной передачи земли крестьянам, против подобных же преобразований в других областях жизни, против справедливого мира и разрыва с империализмом, такое сопротивление, конечно, неизбежно. Но, чтобы сопротивление дошло до гражданской войны, для этого нужны хоть какие-нибудь *массы*, способные *воевать* и победить Советы. А таких масс у буржуазии *нет* и взять их ей неоткуда. Чем скорее и решительнее возьмут всю власть Советы, тем скорее расколются и «дикие дивизии», и казаки, расколются на ничтожнейшее меньшинство сознательных корниловцев и на огромное большинство сторонников демократического и *социалистического* (ибо речь тогда пойдет именно о социализме) союза рабочих и крестьян.

Сопротивление буржуазии, при переходе власти к Советам, поведет к тому, что за *каждым* капиталистом будут «следить», надзирать, контролировать и учитывать его *десятки и сотни* рабочих и крестьян, интерес которых будет требовать борьбы с обманом народа капиталистами. Формы и способы этого учета и контроля выработаны и упрощены именно капитализмом, именно такими созданиями капитализма, как банки, крупные фабрики, синдикаты, железные дороги, почта, потребительные общества и профессиональные союзы. Советам совершенно достаточно будет наказывать уклоняющихся от подробнейшего учета или обманывающих народ капиталистов конфискацией всего их имущества и кратковременным арестом, чтобы сломить этим бескровным путем всякое сопротивление буржуазии. Ибо именно через банки, раз они национализированы, именно через союзы служащих, через почту, через потребительные общества, через профессиональные союзы, контроль и учет станут универсальны, всесильны, вездесущи, непреоборимы.

И русские Советы, союз русских рабочих и беднейших крестьян, стоят не одиноко в своих *шагах к* социализму. Если бы мы были одиноки, мы не осилили бы этой задачи до конца и мирно, ибо это задача, по существу дела, международная. Но у нас есть величайший резерв, армии более передовых рабочих в других странах, в которых разрыв России с империализмом и с империалистской войной неминуемо ускорит назревающую в них рабочую, социалистическую революцию.

* * *

Говорят о «потоках крови» в гражданской войне. Это говорит приведенная выше резолюция кадетов-корниловцев. Эту фразу повторяют на тысячи ладов все буржуа и все оппортунисты. Над ней смеются и будут смеяться, не могут не смеяться после корниловщины все сознательные рабочие.

Но вопрос о «потоках крови» в военное время, которое мы переживаем, можно и должно поставить на почву приблизительного учета сил, расчета последствий и результатов, взять его серьезно, а не как пустую ходячую фразу, не как одно только лицемерие кадетов, *все* с своей стороны сделавших *для* того, чтобы Корнилову удалось залить Россию «потоками крови», в целях восстановления диктатуры буржуазии, помещичьей власти и монархии.

«Потоки крови», говорят нам. Разберемся *и в этой* стороне вопроса.

Допустим, колебания меньшевиков и эс-эров продолжаются, власти Советам они *не* передают, Керенского *не* свергают, восстановляют старый, гнилой компромисс с буржуазией чуточку в иной форме (вместо кадетов, напр., «беспартийные» *корниловцы),* аппарата государственной власти не заменяют советским аппаратом, мира не предлагают, с империализмом не рвут, земли помещиков не конфискуют. Допустим такой исход теперешних колебаний эс-эров и меньшевиков, такой исход «сентября».

Опыт нашей собственной революции говорит яснее ясного, что последствием этого было бы дальнейшее обессиление эс-эров и меньшевиков, дальнейший разрыв их с массами, невероятное усиление в массах возмущения и озлобления, громадное усиление симпатии к революционному пролетариату, к большевикам.

Столичный пролетариат стоит тогда еще ближе, чем теперь, к коммуне, к рабочему восстанию, к завоеванию власти в свои руки, к гражданской войне, в ее более высокой и более решительной форме: после опыта 20—21 апреля и 3—4 июля такой результат надо признать исторически неизбежным.

«Потоки крови», кричат кадеты. Но подобные потоки крови дали бы победу пролетариату и беднейшему крестьянству, а эта победа, с вероятностью девяноста девяти шансов из ста, дала бы *мир* вместо империалистской войны, *т.-е.* сберегла бы жизнь *сотням тысяч* людей, ныне проливающих кровь из-за дележа прибылей и захватов (аннексий) капиталистов. Если бы 20 — 21 апреля кончилось переходом всей власти к Советам, а внутри их дало победу большевикам в союзе с беднейшим крестьянством, то, хотя бы это стоило даже «потоков крови», это спасло бы жизнь *полмиллиону* русских солдат, наверное погибших в боях 19-го июня.

Так рассчитывает и так будет рассчитывать каждый сознательный русский рабочий и солдат, если он взвешивает и учитывает поднимаемый повсюду вопрос о гражданской войне, и,

конечно, такого рабочего и солдата, кое-что пережившего и передумавшего, не испугают вопли о «потоках крови», испускаемые людьми, партиями и группами, желающими уложить жизнь *еще миллионов* русских солдат за Константинополь, за Львов, за Варшаву, за «победу над Германией».

Никакие «потоки крови» во внутренней гражданской войне не сравнятся даже приблизительно с теми *морями* крови, которые русские империалисты пролили после 19-го июня (вопреки чрезвычайно высоким шансам на возможность избегнуть этого посредством передачи власти Советам).

Во время войны, господа Милюковы, Потресовы, Плехановы, поосторожнее аргументируйте *против* «потоков крови» в гражданской войне, ибо солдаты знают и видали *моря* крови.

Международное положение русской революции теперь, в 1917 году, на четвертом году неслыханно тяжелой, измучившей народы и преступнейшей войны, таково, что предложение справедливого мира победившим в гражданской войне русским пролетариатом означало бы девяносто девять шансов из ста за возможность добиться перемирия и мира *без пролития еще морей крови.*

Ибо соединение враждующих между собой англо-французского и германского империализмов *против* пролетарски-социалистической республики российской на практике *невозможно,* а соединение английского, японского и американского империализмов против нас до последней степени трудно осуществимо и нам вовсе не страшно, уже в силу географического положения России. А между тем наличность революционных и социалистических пролетарских масс внутри *всех* европейских государств есть факт, назревание и неизбежность всемирной социалистической революции не подлежат сомнению, и помочь этой революции серьезно можно, конечно, не делегациями и не игрой в стокгольмские совещания с иностранными Плехановыми или Церетели, а только движением вперед русской революции.

Буржуа кричат о неизбежном поражении коммуны в России, т.-е. поражении пролетариата, если бы он завоевал власть.

Это лживые, корыстно-классовые крики.

Завоевав власть, пролетариат России имеет *все* шансы удержать ее и довести Россию до победоносной революции на Западе.

Ибо, во-первых, мы многому научились со времени Коммуны и не повторили бы роковых ошибок ее, не оставили бы банка в руках буржуазии, не ограничились бы обороной прорыва наших версальцев (корниловцев тоже), а перешли бы в наступление против них и раздавили их.

Во-вторых, победивший пролетариат даст России мир. И никакая сила не свергнет правительство *мира,* правительства честного, искреннего, справедливого мира, после всех ужасов более чем трехлетней бойни народов.

В-третьих, победивший пролетариат даст крестьянству немедленно землю без выкупа. И гигантское большинство крестьянства, измученное, озлобленное «игрой с помещиками», которую проделывает наше правительство, особенно «коалиционное», особенно правительство Керенского, поддержит победивший пролетариат всецело, всемерно, беззаветно.

Вы говорите все о «героических усилиях» народа, господа меньшевики и эс-эры. Я на днях только встретил еще и еще раз эту фразу в передовице ваших «Известий Ц.И.К.». У вас это *только* фраза. Но рабочие и крестьяне, читающие ее, *думают* над ней, и каждое размышление, подкрепляемое опытом корниловщины, «опытом» министерства Пешехонова, «опытами» министерства Чернова и *так далее*, каждое размышление неминуемо приводит к выводу: но ведь это «героическое усилие», это и есть не что иное, как доверие беднейшего крестьянства к городским рабочим, как к своим вернейшим союзникам и вождям. Героическое усилие это и есть не что иное, как победа русского пролетариата в гражданской войне над буржуазией, ибо такая победа одна спасет от мучительных колебаний, одна даст выход, даст землю, даст мир.

Если можно осуществить союз городских рабочих с беднейшим крестьянством через немедленную передачу власти Советам, тем лучше. Большевики *все* сделают, чтобы этот *мирный* путь развития революции был обеспечен. Без этого и Учредительное Собрание, одно, само по себе, не спасет, ибо в нем ведь тоже эс-эры могут продолжать «игру» в соглашения с кадетами, с Брешко-Брешковской и Керенским (чем они лучше кадетов?) и т. д., и т. подобное.

Если даже опыт корниловщины не научил «демократию», и она будет продолжать губительную политику колебаний и соглашательства, тогда мы скажем: ничто так не разрушает пролетарской революции, как эти колебания. Не пугайте же, господа, гражданской войной: она неизбежна, если вы не хотите рассчитаться с корниловщиной и с «коалицией» теперь же, до конца,— то эта война даст победу над эксплуататорами, даст землю крестьянам, даст мир народам, откроет верный путь к победоносной революции всемирного социалистического пролетариата.

«Рабочий Путь» № 12, 29 (16) сентября 1917 г.
Подпись: Н. Ленин.

О ГЕРОЯХ ПОДЛОГА.

Кончилось так называемое Демократическое Совещание. Слава богу, еще одна комедия осталась позади. Мы все же таки идем вперед, если в книге судеб нашей революции положено пройти не более, как через определенное число комедий.

Чтобы правильно учесть политические итоги Совещания, надо постараться определить его точное классовое значение, вытекающее из объективных фактов.

Дальнейшее разложение правительственных партий эс-эров и меньшевиков, явная для всех потеря ими большинства в революционной демократии, шаг вперед в объединении и оголении бонапартизма как г-на Керенского, так и гг. Церетели, Чернова и К°, — таково классовое значение совещания.

В Советах эс-эры и меньшевики потеряли большинство. Поэтому им и пришлось пойти на подлог: нарушить свое обязательство созвать через три месяца новый съезд Советов, спрятаться от отчета перед теми, кто Ц.И.К. Советов выбирал, подтасовать «Демократическое» Совещание. Об этой подтасовке говорили большевики перед Совещанием, и результаты его вполне подтвердили их. Либерданы и гг. Церетели, Черновы и К° видели, что их большинство в Советах тает, и потому и шли на подлог.

Доводы, вроде того, что кооперативы «имеют уже крупное значение в числе демократических организаций», а равно и «правильно» избранные городские и земские представители, эти доводы шиты настолько белыми нитками, что только грубое лицемерие может выдвигать их в серьез. Во-первых, Ц.И.К. выбран Советами и уклонение его от сдачи отчета и должности *им* есть бонапартистский... подлог. Во-вторых, Советы представляют революционную демократию постольку, поскольку в них идут те, кто хочет бороться революционно. Кооператорам и горожанам двери не закрыты. Хозяевами Советов были те же эс-эры и меньшевики.

Тот, кто оставался *только* в кооперативах, *только* в пределах муниципальной (городской и земской) работы, тем самым выделял

себя добровольно из рядов революционной демократии, тем самым причисляя себя к демократии, либо реакционной, либо нейтральной. Всякий знает, что в кооперативную и муниципальную работу идут *не* только революционеры, идут *и* реакционеры, всякий знает, что в кооперативы и муниципалитеты выбирают преимущественно для работ *не*общеполитического размаха и значения.

Тайком притащить себе подмогу из сторонников «Единства» и «беспартийных» реакционеров — вот какова была цель Данов, Церетели, Чернова и К° при подтасовке Совещания. Вот в чем их подлог. Вот в чем их бонапартизм, объединяющий их с бонапартистом Керенским.

Обкрадыванье демократизма при лицемерном соблюдении внешности демократизма — вот в чем суть.

Николай II обкрадывал демократизм на крупные, так сказать, суммы: он созывал представительные учреждения, но помещикам давал в сотни раз более крупное представительство, чем крестьянам. Даны и Церетели с Черновыми занимаются мелкими кражами демократизма: они созывают «Демократическое Совещание», на котором *и* рабочие, *и* крестьяне с полным правом указывают на урезывание их представительства, на *не*пропорциональности, на *не*справедливости в пользу наиболее близких к буржуазии (и к реакционной демократии) элементов кооперативов и муниципалитетов.

С массами рабочей и крестьянской бедноты гг. Либеры, Даны, Церетели и Черновы порвали, от них они отошли. Спасение их в подлоге, которым держится и «ихний» Керенский.

Размежевка классов идет вперед. Изнутри партий эс-эров и меньшевиков крепнет протест, нарастает прямой раскол вследствие измены «вождей» интересам большинства населения. Вожди опираются на *меньшинства* вопреки основам демократизма. Отсюда для них *неизбежности* подлогов.

Керенский, как бонапартист, все более разоблачает себя. Он считался «эс-эром». Теперь мы знаем, что он только «мартовский» эс-эр, перескочивший сюда от трудовиков «для рекламы». Он сторонник Брешко-Брешковской, этой «г-жи Плехановой» среди эс-эров или «г-жи Потресовой» в эс-эровском «Дне». Так называемое «правое» крыло так называемых «социалистических» партий, Плехановы, Брешковские, Потресовы, вот к кому *принадлежит* Керенский, а это крыло *ничем* серьезным не отличается от кадетов.

Керенского хвалят кадеты. Он ведет *их* политику, он *за спиной народа* советуется с ними и с Родзянкой, он изобличен Черновым и другими в сообществе с Савинковым, другом Корнилова. Керенский — *корниловец*, рассорившийся с Корниловым *случайно* и продолжающий быть в интимнейшем союзе с другими

корниловцами. Это — *факт*, доказанный как разоблачениями Савинкова и «Дела Народа», так и продолжающейся политической игрой, «министерской чехардой» Керенского с корниловцами, под названием «торгово-промышленного класса».

Тайные сделки с корниловцами, тайное кумовство (через Терещенко и К°) с империалистами «союзниками», тайные оттяжки и саботирование Учредительного Собрания, тайные обманы крестьян, чтобы услужить Родзянке, т.-е. помещикам (удвоение хлебных цен), вот чем занимается Керенский *на деле*. Вот его *классовая* политика. Вот в чем его бонапартизм.

Чтобы это прикрыть на совещании, Либеры, Даны и Церетели с Черновыми должны были подтасовать его.

И участие большевиков в этом гнусном подлоге, в этой комедии имело исключительно такое же оправдание, как участие наше в III Думе: и в «хлеву» надо отстаивать наше дело, и из «хлева» давать разоблачающий материал в поучение народу.

Разница тут, однако, та, что III Дума созывалась при заведомом упадке революции, а теперь заведомо идет нарастание *новой революции*, — мы очень мало знаем, к сожалению, о широте и быстроте этого нарастания.

* *
*

Самым характерным эпизодом Совещания я считаю выступление Зарудного. Он рассказывает, что Керенскому «стоило только намекнуть» на реорганизацию правительства, — и все министры стали подавать прошения об отставке. «На другой же день, — продолжает наивный, младенчески-наивный (хорошо еще, если *только* наивный) Зарудный: на другой же день, несмотря на нашу отставку, нас призывали, с нами советовались, нас оставили в конце концов».

«В зале дружный смех» — отмечают в этом месте официальные «Известия».

Веселые люди, эти участники бонапартистского надувания народа республиканцами. Мы ведь все революционные демократы, не шутите!

«С самого начала, — говорит Зарудный, — мы слышали две вещи: стремиться к боеспособности армии и к ускорению мира на демократических началах. И вот, что касается мира, то за полтора месяца, пока я был членом Временного правительства, я не знаю, делало ли Временное правительство в этом отношении что-нибудь. Я не видел этого. (Аплодисменты и голос с места: «ничего не делало» — отмечают «Известия».) Когда я в качестве члена Временного правительства осведомлялся об этом, я не получал ответа»... [88]).

Так говорит Зарудный, по сообщению официальных «Известий». И совещание слушает молча, терпит такие вещи, не останавливает оратора, не прерывает заседания, не ставит вопроса

о немедленной отставке Керенского и правительства! Куда тут! Эти «революционные демократы» горой за Керенского!

Очень хорошо, господа, но чем же отличается тогда понятие «революционный демократ» от понятия... «холопа»?

Что холопы способны весело хохотать, когда «их» министр, отличающийся редкой наивностью или редкой тупостью, докладывает им, как Керенский гоняет министров (чтобы за спиной народа и «без лишних глаз» договариваться с корниловцами), это естественно. Что холопы молчат, когда «их» министр, взявший как будто в серьез всеобщие фразы о мире, не понявши их лицемерия, признается, что ему даже не отвечали на вопрос о реальных шагах к миру, это неудивительно. Ибо холопам так и полагается давать себя надувать правительству. Но при чем же тут революционность, при чем же тут демократизм??

* *
*

И тут я подхожу к ошибкам большевиков. Ограничиться ироническими аплодисментами и возгласами в такой момент — является ошибкой.

Народ измучен колебаниями и оттяжками. Недовольство явно нарастает. Надвигается новая революция. Весь интерес реакционных демократов, Либеров, Данов, Церетели и пр., *отвлечь* внимание народа на комедийное «совещание», «*занять*» народ этой комедией, *отрезать* большевиков от массы, задерживая большевистских делегатов на таком недостойном занятии, как сиденье и выслушивание Зарудных! А Зарудные еще правдивее других!!

Большевики должны были уйти в виде протеста и для того, чтобы не поддаваться в ловушку отвлечения Совещанием народного внимания от серьезных вопросов.

Большевики должны были в числе девяноста девяти сотых своей делегации идти на фабрики и в казармы; там было бы настоящее место делегатов, съехавшихся со всех концов России, и после речи Зарудного увидевших всю бездну эс-эровской и меньшевистской гнилости. Там, поближе к массам, следовало бы обсудить в сотнях и тысячах собраний и бесед уроки этого комедийного совещания.

Десять убежденных солдат или рабочих из отсталой фабрики *стоят в тысячу раз больше*, чем *сотня* подтасованных Либерданами делегатов. Использование парламентаризма, особенно в революционные времена, состоит вовсе не в том, чтобы терять дорогое время на представителей гнилья, а в том, чтобы *учить массы на примере гнилья.*

«Рабочий Путь» № 19, 7 октября (24 сентября) 1917 г.
Подпись: Н. Ленин.

ИЗ ДНЕВНИКА ПУБЛИЦИСТА [89]).

ОШИБКИ НАШЕЙ ПАРТИИ.

Пятница, 22 сентября 1917 г.

Чем больше вдумываешься в значение так называемого Демократического Совещания, чем внимательнее всматриваешься в него со стороны, — а со стороны, говорят, виднее, тем тверже становится убеждение, что наша партия сделала ошибку, участвуя в нем. Надо было его бойкотировать. Скажут, пожалуй, какая польза разбирать такой вопрос. Прошлого не воротишь. Но это возражение против тактики вчерашнего дня было бы явно несостоятельно. Мы всегда осуждали и как марксисты обязаны осуждать тактику живущего «со дня на день». Нам недостаточно минутных успехов. Нам недостаточно и вообще расчетов на минуту или на день. Мы должны постоянно проверять себя, *изучая* цепь политических событий в их целом, их причинной связи, их результатах. Анализируя ошибки вчерашнего дня, мы тем самым учимся избегать ошибок сегодня и завтра.

В стране явно нарастает новая революция, революция *иных* классов (по сравнению с теми, которые осуществили революцию против царизма). Тогда была революция пролетариата, крестьянства и буржуазии в союзе с англо-французским финансовым капиталом против царизма.

Теперь растет революция пролетариата и большинства крестьян, именно: беднейшего крестьянства против буржуазии, против ее союзника, англо-французского финансового капитала, против ее правительственного аппарата, возглавляемого бонапартистом Керенским.

Сейчас не будем останавливаться на фактах, свидетельствующих о нарастании новой революции, ибо, судя по статьям нашего центрального органа «Рабочего Пути», партия уже выяснила свои взгляды по этому пункту. Нарастание новой революции представляет из себя явление, кажется, общепризнанное партией,

Конечно, сводки данных об этом нарастании еще понадобятся, но они должны составить тему других статей.

В данный момент важнее обратить наибольшее внимание на классовые различия между старой и новой революцией, на учет политического момента и наших задач с точки зрения этого основного явления, соотношения классов. Тогда, в первую революцию, авангардом были рабочие и солдаты, т.-е. пролетариат и передовые слои крестьянства.

Этот авангард *увлек за собою* не только многие из худших, колеблющихся элементов мелкой буржуазии (вспомним колебания меньшевиков и трудовиков насчет республики), но и монархическую партию кадетов, либеральную буржуазию, превратив ее в республиканскую. Почему такое превращение было возможно?

Потому, что экономическое господство для буржуазии все, а форма политического господства—дело девятое, буржуазия может господствовать и при республике, даже господство ее вернее при республике в том смысле, что этот политический строй никакими переменами в составе правительства, в составе и группировке правящих партий не задевает буржуазии.

Конечно, буржуазия стояла и будет стоять за монархию, потому что более грубая, военная охрана капитала монархическими учреждениями всем капиталистам и помещикам виднее и «ближе». Но при сильном напоре «снизу» буржуазия всегда и везде «мирилась» с республикой, лишь бы отстоять свое экономическое господство.

Теперь пролетариат и беднейшее крестьянство, т.-е. большинство народа, встали в такое отношение к буржуазии и к «союзному» (а равно и всемирному) империализму, что «*увлечь» за собой* буржуазию *нельзя.* Мало того: верхи *мелкой* буржуазии и более имущие слои *демократической* мелкой буржуазии явно против новой революции. Этот факт до того очевиден, что на нем сейчас нет надобности останавливаться. Господа Либерданы, Церетели и Черновы нагляднее наглядного иллюстрируют его.

Переменилось взаимоотношение классов. В этом суть.

Но те классы стоят «по одну и по другую сторону баррикады».

Это главное.

В этом и *только* в этом *научная* основа для того, чтобы говорить о *новой* революции, которая могла бы, рассуждая чисто теоретически, беря вопрос абстрактно, произойти легально, если бы, например, Учредительное Собрание, созванное буржуазией, дало большинство против нее, дало большинство партиям рабочих и беднейших крестьян.

Объективное взаимоотношение классов, их роль (экономи-

ческая и политическая) вне представительных учреждений данного типа и внутри них; нарастание или упадок революции, соотношение внепарламентских средств борьбы с парламентскими — вот где главнейшие, основные, объективные данные, которые надо учесть, чтобы тактику бойкота или участия вывести не произвольно, не по своим «симпатиям», а марксистски.

Опыт нашей революции наглядно поясняет, как надо по-марксистски подходить к вопросу о бойкоте.

Почему бойкот Булыгинской Думы оказался правильной тактикой?

Потому, что он соответствовал объективному соотношению общественных сил в их развитии. Он давал лозунг нарастающей революции за свержение старой власти, которая, чтобы отвлечь народ от революции, созывала соглашательское, грубо поддельное, не открывавшее поэтому перспектив серьезной «зацепки» за парламентаризм, учреждение (Булыгинскую Думу). Внепарламентские средства борьбы у пролетариата и у крестьянства были сильнее. Вот из каких моментов сложилась правильная, учитывавшая объективное положение, тактика бойкота Булыгинской Думы.

Почему тактика бойкота III Думы оказалась неправильной?

Потому, что она опиралась только на «яркость» лозунга бойкота и на отвращение к грубейшей реакционности третьеиюньского «хлева». Но объективное положение было такое, что, с одной стороны, революция была в сильнейшем упадке и падала дальше. Для подъема ее парламентская опора (даже извнутри «хлева») приобретала громадное политическое значение, ибо внепарламентских средств пропаганды, агитации, организации почти не было или они были крайне слабы. С другой стороны, грубейшая реакционность III Думы не мешала ей быть органом действительного взаимоотношения классов, именно: столыпинского соединения монархии с буржуазией. Это новое взаимоотношение классов страна должна была изжить.

Вот из каких моментов сложилась правильно учитывавшая объективное положение тактика участия в III Думе.

Достаточно вдуматься в эти уроки опыта, в условия марксистского подхода к вопросу о бойкоте или участии, чтобы убедиться в полнейшей неправильности тактики участия в «Демократическом Совещании», «Демократическом Совете» или предпарламенте.

С одной стороны, нарастает новая революция. Война идет вверх. Внепарламентские средства пропаганды, агитации, организации громадны. Значение «парламентской» трибуны в данном предпарламенте ничтожно. С другой стороны, никакого нового взаимоотношения классов этот предпарламент не выражает и не «обслуживает»; крестьянство, например, здесь представлено хуже,

чем в имеющихся уже органах (Совете Крест. Деп.). Вся суть предпарламента — бонапартистский *подлог* не только в том смысле, что грязная банда Либерданов, Церетели и Черновых вместе с Керенским и К° *подтасовали*, фальсифицировали состав этой церетелевски-булыгинской думы, но и в том, более глубоком смысле, что единственное назначение предпарламента — надуть массы, обмануть рабочих и крестьян, отвлечь их от новой растущей революции, засорить глаза угнетенных классов новым нарядом для старой, уже испытанной, истрепанной, истасканной «коалиции» с буржуазией (т.-е. превращения буржуазией господ Церетели и К° в гороховых шутов, помогающих подчинять народ империализму в империалистской войне).

Мы слабы теперь — говорит царь в августе 1905 года своим крепостникам помещикам. Наша власть колеблется. Волна рабочей и крестьянской революции поднимается. Надо надуть «серячка», помазать его по губам...

Мы слабы теперь — говорит теперешний «царь», бонапартист Керенский, кадетам, беспартийным Тит Титычам, Плехановым, Брешковским и К°. — Наша власть колеблется. Волна рабочей и крестьянской революции против буржуазии поднимается. Надо надуть демократию, перекрасив для этого в другие краски тот шутовской костюм, в котором ходят с 6-го мая 1917 года для одурачения народа эс-эровские и меньшевистские «вожди революционной демократии», наши милые друзья Церетели и Черновы. Их не трудно помазать по губам «предпарламентом».

Мы сильны теперь — говорит царь своим крепостникам помещикам в июне 1907 года. — Волна рабочей и крестьянской революции спадает. Но мы не сможем удержаться по старому, и одного обмана мало. Нужна новая политика в деревне, нужен новый экономический и политический блок с Гучковыми — Милюковыми, с буржуазией.

Так можно представить три ситуации: август 1905 года, сентябрь 1917, июнь 1907, чтобы нагляднее пояснить объективные основы тактики бойкота, ее связь с взаимоотношением классов. Обман угнетенных классов угнетателями есть всегда, но значение этого обмана в разные исторические моменты различно. Тактики нельзя основывать только на том, что угнетатели обманывают народ; ее надо определять, анализируя *в целом* взаимоотношения классов и развития как внепарламентской, так и парламентской борьбы.

Тактика участия в предпарламенте *неверна*, она не соответствует объективному взаимоотношению классов, объективным условиям момента.

Надо было бойкотировать Демократическое Совещание, мы все ошиблись, не сделав этого, ошибка в фальшь не становится.

Ошибку мы поправим, было бы искреннее желание стать за революционную борьбу масс, было бы серьезное размышление об объективных основах тактики.

Надо бойкотировать предпарламент. Надо уйти в Совет Раб., Солд. и Крест. Депутатов, уйти в профессиональные союзы, уйти вообще к массам. Надо их звать на борьбу. Надо *им* дать правильный и ясный лозунг: разогнать бонапартистскую банду Керенского с *его* поддельным предпарламентом, с этой церетелевски-булыгинской думой. Меньшевики и эс-эры не приняли, даже после корниловщины, нашего компромисса, мирной передачи власти Советам (в коих у нас *тогда* еще *не* было большинства), они скатились опять в болото грязных и подлых сделок с кадетами. Долой меньшевиков и эс-эров. Беспощадная борьба с ними. Беспощадное изгнание их из всех революционных организаций, никаких переговоров, никакого общения с этими *друзьями Кишкиных,* друзьями корниловских помещиков и капиталистов.

Суббота, 23 сентября.

Троцкий был за бойкот. Браво, товарищ Троцкий!

Бойкотизм побежден во фракции большевиков, съехавшихся на Демократическое Совещание.

Да здравствует бойкот!

Ни в каком случае мириться с участием мы не можем и не должны. Фракция одного из Совещаний — не высший орган партии, да и решения высших органов подлежат пересмотру, на основании опыта жизни.

Надо, во что бы то ни стало, добиваться решения вопроса о бойкоте и пленумом Исполнительного Комитета и экстренным съездом партии. Надо взять сейчас вопрос о бойкоте платформой для выборов на съезд и для *всех* выборов внутри партии. Надо втянуть *массы* в обсуждение вопроса. Надо, чтобы сознательные рабочие взяли дело в свои руки, проводя это обсуждение и оказывая давление на «*верхи*».

Невозможны никакие сомнения на счет того, что в «верхах» нашей партии заметны колебания, которые могут стать *гибельными*, ибо борьба развивается, и в известных условиях колебания, в известный момент, способны *погубить* дело. Пока не поздно, надо всеми силами взяться за борьбу, отстоять правильную линию партии революционного пролетариата.

У нас не все ладно в «парламентских» верхах партии; больше внимания к ним, больше надзора рабочих за ними; компетенцию парламентских фракций надо определить строже.

Ошибка нашей партии очевидна. Борющейся партии передового класса не страшны ошибки. Страшно было бы упорствование в ошибке, ложный стыд признания и исправления ее.

Воскресенье, 24 сентября.

Съезд Советов отложен до 20 октября. Это почти равносильно отсрочке до греческих календ при том темпе, каким живет Россия. Второй раз повторяется комедия, разыгранная эс-эрами и меньшевиками после 20—21 апреля.

Написано 5—7 октября (22—24 сентября) 1917 г.
Впервые напечатано в 1924 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 5 (26).

Печатается по копии рукописи.

ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИИ.

Россия — мелкобуржуазная страна. Гигантское большинство населения принадлежит к этому классу. Его колебания между буржуазией и пролетариатом неизбежны. Только при его присоединении к пролетариату победа дела революции, дела мира, свободы, получения земли трудящимися, обеспечена легко, мирно, быстро, спокойно.

Ход революции нашей показывает нам эти колебания на практике. Не будем же делать себе иллюзий на счет партий эс-эров и меньшевиков, будем твердо стоять на своем классовом пролетарском пути. Нищета беднейших крестьян, ужасы войны, ужасы голода — все это показывает массам нагляднее и нагляднее правильность пролетарского пути, необходимость поддержки пролетарской революции.

«Мирные» мелкобуржуазные надежды на «коалицию» с буржуазией, на соглашательство с ней, на возможность «спокойно» дождаться «скорого» Учредительного Собрания и проч., все это разбивает ход революции беспощадно, жестоко, неумолимо. Корниловщина была последним жестоким уроком, в большом размере уроком, дополняющим тысячи и тысячи уроков мелких уроков, состоящих из обмана рабочих и крестьян на местах капиталистами и помещиками, уроков, состоящих из обмана солдат офицерами и т. д., и т. д.

Недовольство, возмущение, озлобление в армии, в крестьянстве, среди рабочих растет. Все обещающая и ничего не исполняющая «коалиция» эс-эров и меньшевиков с буржуазией нервирует массы, открывает им глаза, толкает их на восстание.

Растет оппозиция левых среди эс-эров (Спиридонова и др.) и среди меньшевиков (Мартов и др.), — достигая уже до 40% «Совета» и «съезда» этих партий. А *внизу*, в пролетариате и крестьянстве, особенно беднейшем, *большинство* эс-эров и меньшевиков «*левые*».

Корниловщина учит. Корниловщина многому научила.

Нельзя знать, смогут ли теперь Советы пойти дальше вождей эс-эров и меньшевиков, обеспечивая этим мирное развитие

революции, или они опять будут топтаться на месте, делая этим пролетарское восстание неизбежным.

Нельзя знать это.

Наше дело — помочь сделать все возможное для обеспечения «последнего» шанса на мирное развитие революции, помочь этому изложением нашей программы, выяснением ее общенародного характера, ее безусловного соответствия интересам и требованиям гигантского большинства населения.

Нижеследующие строки и представляют из себя опыт изложения такой программы.

Пойдем с ней больше в «низы», к массам, к служащим, к рабочим, к крестьянам, не только к своим, но и особенно к эсэровским, к беспартийным, к темным. Постараемся их поднять к самостоятельному суждению, к вынесению своих решений, к посылке *своих* делегаций на совещание, в Советы, в правительство, тогда наша работа не пропадет *ни при каком* исходе совещания. Тогда она пригодится и для совещания, и для выборов в Учредительное Собрание, и для всякой политической деятельности вообще.

Жизнь учит правильности большевистской программы и тактики. От 20 апреля до корниловщины — «как мало прожито, как много пережито».

Опыт *масс*, опыт *угнетенных* классов дал им за это время страшно много, и вожди эс-эров и меньшевиков совсем разошлись с массами. Именно на конкретнейшей программе, поскольку ее обсуждение удастся довести до масс, это и скажется всего вернее.

ГИБЕЛЬНОСТЬ СОГЛАШАТЕЛЬСТВА С КАПИТАЛИСТАМИ.

1. Оставить у власти представителей буржуазии, хотя бы в небольшом числе, оставить таких заведомых корниловцев, как генералы Алексеев, Клембовский, Багратион, Гагарин и пр., или таких, которые доказали свое полное бессилие перед буржуазией и свою способность действовать побонапартистски, как Керенский,—это значит открыть настежь двери, с одной стороны, голоду и неминуемой хозяйственной катастрофе, которую капиталисты умышленно ускоряют и обостряют, а, с другой стороны, военной катастрофе, ибо армия ненавидит ставку и не может с энтузиазмом участвовать в империалистской войне. Кроме того, корниловские генералы и офицеры, оставаясь у власти, несомненно *откроют фронт немцам умышленно*, как они сделали с Галицией и Ригой. Предотвратить это может лишь образование нового правительства, на новых началах, излагаемых ниже. После всего пережитого с 20 апреля продолжать какое бы то ни

было соглашательство с буржуазией было бы со стороны эс-эров и меньшевиков не только ошибкой, но прямой изменой народу и революции.

ВЛАСТЬ СОВЕТАМ.

2. Вся власть в государстве должна перейти исключительно к представителям Советов Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов на основании определенной программы и при полной ответственности власти перед Советами. Должны быть немедленно произведены перевыборы Советов, как для учета всего народного опыта за последние, особенно богатые содержанием, недели революции, так и для устранения вопиющих несправедливостей (непропорциональности, неравенства выборов и т. п.), оставшихся кое-где неисправленными.

Вся власть на местах, где еще нет демократически избранных учреждений, и в армии должна перейти исключительно местным Советам и к выбранным ими комиссарам и др. учреждениям, только выборным.

Безусловно и повсеместно, при полной поддержке государства, должно быть осуществлено вооружение рабочих и революционных, т.-е. доказавших на деле свою способность подавить корниловцев, войск.

МИР НАРОДАМ.

3. Советское правительство должно *немедленно* предложить *всем* воюющим народам (т.-е. одновременно и правительствам их, и рабочим и крестьянским массам) заключить сейчас же общий мир на демократических условиях, а равно заключить немедленно перемирие (хотя бы на три месяца).

Главным условием демократического мира является отказ от аннексий (захватов)—не в том неправильном смысле, что все державы возвращают потерянное ими, а в том, единственно правильном смысле, что *каждая* народность, без единого исключения, и в Европе, и в колониях, получает свободу и возможность решить сама, образует ли она *отдельное* государство или входит в состав любого иного государства.

Предлагая же условия мира, Советское правительство должно немедленно само приступить на деле к их выполнению, т.-е. опубликовать и расторгнуть тайные договоры, которыми мы связаны до сих пор, которые заключены царем и обещают русским капиталистам ограбление Турции, Австрии и т. д. Затем мы обязаны удовлетворить тотчас условия украинцев и финляндцев, обеспечить им, как и всем инополеменникам в России, полную свободу, вплоть до свободы отделения, применить то же самое

ко *всей* Армении, обязаться очистить ее и занятые нами турецкие земли и т. д.

Такие условия мира не будут встречены доброжелательно капиталистами, но у всех народов они встретят такое громадное сочувствие и вызовут такой великий, всемирно-исторический взрыв энтузиазма и всеобщего возмущения затягиванием грабительской войны, что, всего вероятнее, мы получим сразу перемирие и согласие на открытие мирных переговоров. Ибо рабочая революция против войны неудержимо растет всюду, и не фразы о мире (которыми давно обманывают рабочих и крестьян *все* империалистские правительства, в том числе и наше правительство Керенского), а лишь разрыв с капиталистами и предложение мира способны двинуть ее вперед.

Если осуществится наименее вероятное, т.-е. если ни одно воюющее государство не примет даже перемирия, тогда война с нашей стороны сделается действительно вынужденной, действительно справедливой и оборонительной войной. Уже одно сознание этого пролетариатом и беднейшим крестьянством сделает Россию во много раз более сильной и в военном отношении, особенно после полного разрыва с грабящими народ капиталистами, не говоря уже о том, что тогда с нашей стороны война будет не на словах, а на деле, войной в союзе с угнетенными классами всех стран, войной в союзе с угнетенными народами всего мира.

В частности, следует предостеречь народ от того утверждения капиталистов, которому поддаются иногда наиболее запуганные и мещане, и которое состоит в том, будто английские и др. капиталисты, в случае разрыва нашего теперешнего, грабительского союза с ними, способны нанести серьезный вред русской революции. Это утверждение насквозь лживо, ибо «финансовая поддержка союзников», обогащая банкиров, «поддерживает» русских рабочих и крестьян только так, как веревка поддерживает повешенного. В России хватит хлеба, угля, нефти, железа, и только избавление от грабящих народ помещиков и капиталистов необходимо для правильного распределения этих продуктов. Что же касается до возможной военной угрозы русскому народу со стороны его теперешних союзников, то предположение, будто французы и итальянцы способны были бы соединить свои войска с немецкими и двинуть их против предложившей справедливый мир России, есть явно вздорное предположение; а Англия, Америка, Япония, даже если бы они объявили войну России (что для них затруднительно до последней степени, как в силу чрезвычайной непопулярности такой войны в массах, так и в силу материального расхождения интересов между капиталистами этих стран из-за дележа Азии, и в особенности из-за ограбления Китая), не могли бы причинить России и сотой доли того вреда и тех бедствий, которые причиняет война с Германией, Австрией и Турцией.

ЗЕМЛЯ ТРУДЯЩИМСЯ.

4. Советское правительство должно немедленно объявить частную собственность на помещичьи земли отмененною без выкупа и передать эти земли в заведывание крестьянских комитетов, впредь до разрешения Учредительного Собрания. В заведывание тех же крестьянских комитетов должен быть передан и помещичий инвентарь с тем, чтобы он предоставлялся безусловно в первую голову и бесплатно для пользования беднейших крестьян.

Такие меры, давно уже требуемые огромным большинством крестьянства и в резолюциях его съездов, и в сотнях наказов с мест (как это видно, между прочим, и из сводки 242-х наказов в «Известиях Совета Крестьянских Депутатов»), являются безусловно и неотложно необходимыми. Никакие оттяжки, от которых так страдало крестьянство во время «коалиционного» министерства, более не допустимы.

Всякое правительство, которое медлило бы с этими мерами, должно быть признано *противонародным* правительством, достойным быть свергнутым и раздавленным восстанием рабочих и крестьян. И, наоборот, лишь осуществившее эти меры правительство будет всенародным правительством.

БОРЬБА С ГОЛОДОМ И РАЗРУХОЙ.

5. Советское правительство должно немедленно ввести рабочий контроль в общегосударственном масштабе над производством и потреблением. Без этого, как показал уже опыт с 6-го мая, все обещания реформ и попытки их бессильны, и голод вместе с неслыханной катастрофой грозит всей стране с недели на неделю.

Необходима немедленная национализация банков и страхового дела, а равно важнейших отраслей промышленности (нефтяной, каменноугольной, металлургической, сахарной и пр.), рядом с безусловной отменой коммерческой тайны и установлением неуклонного надзора со стороны рабочих и крестьян за ничтожным меньшинством капиталистов, наживающихся на поставках в казну и уклоняющихся от отчетности и от справедливого обложения их прибылей и имуществ.

Такие меры, не отнимая ни копейки собственности ни у средних крестьян, ни у казаков, ни у мелких ремесленников, являются безусловно справедливыми для равномерного несения тягостей войны и неотложными для борьбы с голодом. Только обуздав мародерство капиталистов и прекратив умышленную остановку ими производства, можно будет добиться повышения производительности труда, установления всеобщей трудовой повинности, правильного обмена хлеба на продукты промышленности,

возвращения в казну многих миллиардов бумажных денег, скрываемых богачами.

Без таких мер невозможна и отмена собственности на помещичьи земли без выкупа, ибо помещичьи земли большей частью заложены в банках и интересы помещиков и капиталистов переплетены неразрывно друг с другом.

Последняя резолюция экономического отдела Всероссийского Ц. И. К. Сов. Раб. и Солд. Депутатов («Рабочая Газета» № 152) признает не только «*пагубность*» мер правительства (вроде повышения хлебных цен для обогащения помещиков и кулаков), не только «факт *полной бездеятельности* образованных при правительстве центральных органов регулирования экономической жизни», но даже «*нарушение законов*» этим правительством. Это признание правящих партий эс-эров и меньшевиков лишний раз показывает всю преступность политики соглашательства с буржуазией.

БОРЬБА С КОНТР-РЕВОЛЮЦИЕЙ ПОМЕЩИКОВ И КАПИТАЛИСТОВ.

6. Корниловское и калединское восстание было поддержано всем классом помещиков и капиталистов, с партией к.-д. («народной свободы») во главе их. Это вполне доказано уже фактами, опубликованными в «Известиях» Ц. И. К.

Но ни для полного подавления этой контр-революции, ни даже для ее расследования не сделано ничего, и не может быть сделано ничего серьезного без перехода власти к Советам. Никакая комиссия, не обладая государственной властью, не в силах произвести полного расследования, арестовать виновных и т. д. Только Советское правительство может и должно произвести это. Только оно может, арестуя генералов корниловцев и главарей буржуазной контр-революции (Гучкова, Милюкова, Рябушинского, Маклакова и К⁰), распуская контр-революционные союзы (Государственную Думу, союзы офицеров и т. п.), отдавая их членов под надзор местных Советов, расформировывая контрреволюционные части, обеспечить Россию от неизбежного повторения «корниловских» попыток.

Только оно может создать комиссию для полного и гласного расследования дела корниловцев, как и всех прочих хотя бы и возбужденных буржуазией дел и только такой комиссии партия большевиков, с своей стороны, призвала бы рабочих оказать полное повиновение и содействие.

Только Советское правительство могло бы успешно бороться с такой вопиющей несправедливостью, как захват капиталистами, при помощи награбленных с народа миллионов, крупнейших типографий и большинства газет. Необходимо закрыть буржуаз-

ные контр-революционные газеты («Речь», «Русское Слово» и т. п.), конфисковать их типографии, объявить частные объявления в газетах государственной монополией, перевести их в правительственную газету, издаваемую Советами и говорящую крестьянам правду. Только так можно и должно выбить из рук буржуазии могучее орудие безнаказанной лжи и клеветы, обмана народа, введения в заблуждение крестьянства, подготовки контр-революции.

МИРНОЕ РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИИ.

7. Перед демократией России, перед Советами, перед партиями эс-эров и меньшевиков, открывается теперь чрезвычайно редко встречающаяся в истории революций возможность обеспечить созыв Учредительного Собрания в назначенный срок без новых оттяжек, возможность обезопасить страну от военной и хозяйственной катастрофы, возможность обеспечить мирное развитие революции.

Если Советы возьмут теперь в руки, всецело и исключительно, государственную власть для проведения изложенной выше программы, то Советам обеспечена не только поддержка девяти десятых населения России, рабочего класса и громаднейшего большинства крестьянства. Советам обеспечен и величайший революционный энтузиазм армии и большинства народа, тот энтузиазм, без которого победа над голодом и над войной невозможна.

Ни о каком сопротивлении Советам теперь не могло бы быть и речи, если бы не было колебаний с их стороны. Ни один класс не посмеет поднять восстание против Советов, и помещики с капиталистами, проученные опытом корниловщины, уступят власть мирно перед ультимативным требованием Советов. Для того, чтобы преодолеть сопротивление капиталистов программе Советов, достаточно будет надзора за эксплуататорами со стороны рабочих и крестьян и таких мер наказания ослушникам, как конфискация всего имущества, соединенная с непродолжительным арестом.

Взяв всю власть, Советы могли бы еще теперь — и, вероятно, это последний шанс их—обеспечить мирное развитие революции, мирные выборы народом своих депутатов, мирную борьбу партий внутри Советов, испытание практикой программы разных партий, мирный переход власти из рук одной партии в руки другой.

Если эта возможность будет упущена, то весь ход развития революции, начиная от движения 20 апреля и кончая корниловщиной, указывают на неизбежность самой острой гражданской войны между буржуазией и пролетариатом. Неминуемая катастрофа приблизит эту войну. Она должна будет кончиться, как

*

показывают все доступные уму человека данные и соображения, полной победой рабочего класса, поддержкой его беднейшим крестьянством, для осуществления изложенной программы, но она может оказаться весьма тяжелой, кровопролитной, стоящей жизни десяткам тысяч помещиков, капиталистов и сочувствующих им офицеров. Пролетариат не остановится ни перед какими жертвами для спасения революции, невозможного вне изложенной программы. Но пролетариат всемерно поддерживал бы Советы, если бы они осуществили последний их шанс на мирное развитие революции.

«Рабочий Путь» №№ 20 и 21,
9 и 10 октября (26 и 27 сентября) 1917 г.
Подпись: Н. К.

ПИСЬМО И. Т. СМИЛГЕ [90]).

Пользуюсь хорошей оказией, чтобы побеседовать поподробнее.

1.

Общее политическое положение внушает мне большое беспокойство. Петроградский Совет и большевики объявили войну правительству. Но правительство имеет войско и *систематически* готовится (Керенский в ставке, явное дело, столковывается с корниловцами о войске для подавления большевиков и столковывается *деловым* образом).

А мы что делаем? Только резолюции принимаем? Теряем время, назначаем «сроки» (20 октября Съезд Советов — не смешно ли так откладывать? Не смешно ли полагаться на это?). Систематической работы большевики *не* ведут, чтобы подготовить *свои* военные силы для свержения Керенского.

События вполне подтвердили правильность моего предложения, сделанного во время Демократического Совещания, именно, что партия *должна* поставить на очередь вооруженное восстание *). События *заставляют* это сделать. История сделала коренным *политическим* вопросом сейчас вопрос *военный*. Я боюсь, что большевики забывают это, увлеченные «злобой дня», мелкими текущими вопросами и «*надеясь*», что «волна сметет Керенского». Такая надежда наивна, это все равно, что положиться «на авось». Со стороны партии революционного пролетариата это может оказаться преступлением.

По моему, надо агитировать среди партии за серьезное отношение к вооруженному восстанию — для этого переписать на машине и сие письмо и доставить его питерцам и москвичам.

2.

Дальше о Вашей роли. Кажется, единственное, что̀ мы можем *вполне* иметь в своих руках и что̀ играет *серьезную* военную

*) См. настоящий том, стр. 193. *Ред.*

роль, это финляндские войска и Балтийский флот. Я думаю, Вам надо воспользоваться своим высоким положением, свалить с себя на помощников и секретарей всю мелкую, рутинную работу, не терять времени на «резолюции», а *все внимание* отдать *военной* подготовке финских войск + флота для предстоящего свержения Керенского. Создать *тайный* комитет из *надежнейших* военных, обсудить с ним *всесторонне*, собрать (и проверить *самому*) точнейшие сведения о составе и расположении войск под Питером и в Питере, о перевозке войск финляндских в Питер, о движении флота и т. д.

Мы можем оказаться в смешных дураках, не сделав этого: с прекрасными резолюциями и с Советами, но *без власти!!* Я думаю, у вас есть возможность подобрать действительно надежных и знающих военных, съездить в Ино [91]) и другие важнейшие пункты, взвесить и изучить дело *серьезно*, не полагаясь на *слишком обычные* у нас хвастливые общие фразы.

Что мы *ни в коем случае* не можем позволить увода войск из Финляндии, это ясно. Лучше идти *на все*, на восстание, на взятие власти для передачи ее съезду Советов. Я читаю сегодня в газетах, что уже через две недели опасность десанта равна нулю [92]). Значит, времени на подготовку у вас совсем немного.

3.

Далее. «Власть» в Финляндии надо использовать для систематической пропаганды среди казаков, находящихся в Финляндии здесь. Часть их Керенский и К° нарочно вывели из Выборга, напр., боясь «большевизации», и поставили в Усикирко и Перкъярви, между Выборгом и Териоки, в безопасной (от большевиков) изоляции [93]). Надо изучить все сведения о расположении казаков и организовать посылку к ним *агитаторских отрядов* из лучших сил матросов и солдат Финляндии. Это необходимо. То же и для литературы.

4.

Далее. Конечно, отпуски даются и матросам и солдатам. Надо из отпускаемых в деревню на побывку составить отряд агитаторов для систематического объезда всех губерний и агитации в деревнях, как вообще, так и для Учредительного Собрания. Ваше положение исключительно хорошее, ибо Вы можете *начать* сразу осуществлять тот блок с левыми эс-эрами, который один может нам дать прочную власть в России и большинство в Учредительном Собрании. Пока там суд да дело, заключите немедленно такой *блок* у себя, организуйте издание листовочек (выясните, что̀ вы можете сделать технически для этого и для их провоза в Россию) и тогда надо, чтобы в каждой агитаторской группе для деревни было не менее двух человек: один от боль-

шевиков, один от левых эс-эров. В деревне «фирма» эс-эров пока царит и надо пользоваться вашим счастьем (у вас левые эс-эры), чтобы *во имя этой* фирмы провести в деревне блок большевиков с *левыми* эс-эрами, крестьян с рабочими, а не с капиталистами.

5.

По моему, для правильной подготовки умов надо сейчас же пустить в обращение такой лозунг: власть должна немедленно перейти в руки Петроградского Совета, *который передаст ее* Съезду Советов. Ибо зачем терпеть еще три недели войны и «корниловских подготовлений» Керенского.

От *пропаганды* этого лозунга большевиками и левыми эс-эрами в Финляндии не может быть ничего, кроме пользы.

6.

Раз вы во главе «власти» в Финляндии, на вас ложится еще одно важнейшее, хотя и скромное по задаче, дело: наладить транспорт литературы *из* Швеции нелегально. Без этого все разговоры об «Интернационале» *фраза.* Наладить это вполне можно: во-первых, создав свою организацию *из солдат* на границе; во-вторых, если этого нельзя, то организовав *правильные поездки* хотя бы *одного* надежного человека в одну местность, где я начал налаживать транспорт при помощи *того лица, у коего я жил один день* до въезда в Гельсингфорс (Ровно его знает). Может быть, надо немного помочь деньгами. Обязательно наладьте это!

7.

Я думаю, нам бы надо повидаться, чтобы поговорить на эти темы. Вы могли бы приехать, потеряв меньше суток, но если поедете *только* для свидания со мной, заставьте Ровно спросить по телефону Хуттунена, можно ли видеть «сестре жены» Ровно («сестра жены» = Вы) «сестру» Хуттунена (сестра = я). Ибо я могу уехать внезапно.

Ответьте мне обязательно о получении этого письма *(его сожгите)* через того же товарища, который передаст это письмо Ровно и *который едет скоро назад.*

На случай, что я долго останусь здесь, надо наладить нам почту: *Вы бы могли помочь* этому, передавая железно-дорожным служащим конверты в *Совет* Выборгский (а внутри: Хуттунену).

8.

Пришлите мне через того же товарища удостоверение (по возможности поформальнее: на бланке областного комитета, за

подписью председателя, с печатью, либо на машинке, либо *очень ясно*): на имя Константина Петровича Иванова, что-де председатель областного комитета ручается за сего товарища, просит *все Советы*, как *Выборгский* Совет Солд. Деп., так и другие, оказать ему *полное* доверие, содействие и поддержку.

Мне это необходимо на *всякий* случай, ибо возможен и «конфликт» и «встреча».

9.

Нет ли у Вас московского сборничка «К пересмотру программы» [94])? Поищите у кого-либо в Гельсингфорсе и пришлите мне с тем же товарищем.

10.

Имейте в виду, что Ровио прекрасный человек, но *лентяй*. За ним надо смотреть и *напоминать* два раза в день. Иначе не сделает.

Привет *К. Иванов.*

Написано 10 октября (27 сентября) 1917 г.

Впервые напечатано 7 ноября 1925 г. в «Правде» № 255 (3186).

Печатается по рукописи.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К КНИГЕ: «АГРАРНАЯ ПРОГРАММА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 Г.Г.» *).

Настоящая работа написана в конце 1907 года. В 1908 году она была напечатана в Питере, но царская цензура захватила и уничтожила ее. Уцелел всего один экземпляр, в котором не достает конца (после 269-ой страницы данного издания), так что этот конец приписан теперь.

В настоящее время революция поставила аграрный вопрос в России неизмеримо шире, глубже и острее, чем в 1905—1907 годах. Ознакомление с историей нашей партийной программы в первой революции поможет, я надеюсь, правильнее разобраться в задачах теперешней революции.

Особенно надо подчеркнуть следующее. Война причинила такие неслыханные бедствия воюющим странам, а в то же время она так гигантски ускорила развитие капитализма, превращая монополистический капитализм в государственно-монополистический, что ни пролетариат, ни революционная мелкобуржуазная демократия *не могут* ограничиваться рамками капитализма.

Жизнь уже пошла дальше этих рамок, поставив на очередь дня регулирование производства и распределения в общегосударственном масштабе, всеобщую трудовую повинность, принудительное синдицирование (объединение в союзы) и т. д.

При таком положении дела и национализация земли в аграрной программе неизбежно приобретает иную постановку. Именно: национализация земли есть не только «последнее слово» буржуазной революции, но и *шаг к социализму*. Нельзя бороться с бедствиями войны, не делая таких шагов.

Пролетариат, руководя беднейшим крестьянством, вынужден, с одной стороны, переносить центр тяжести с Советов Крестьянских

---

*) См. XI том Сочинений. *Ред.*

Депутатов на Советы Депутатов от сельских рабочих, а, с другой стороны, требовать национализации инвентаря помещичьих имений, а равно образования из них образцовых хозяйств под контролем этих последних Советов.

Подробнее останавливаться здесь на этих важнейших вопросах я, конечно, не могу и должен отослать интересующегося читателя к текущей большевистской литературе и к моим брошюрам: «Письма о тактике» и «Задачи пролетариата в нашей революции» («Проект платформы пролетарской партии» *)).

28 сентября 1917 г.

Напечатано в 1917 г. в книге: «Аграрная программа с.-д. в первой русской революции 1905—1907 г.г.».

Печатается по тексту книги.

*) См. XX том Сочинений, стр. 99 и 111. *Ред.*

КРИЗИС НАЗРЕЛ [95]).

I.

Нет сомнения, конец сентября принес нам величайший перелом в истории русской, а, по всей видимости, также и всемирной революции.

Всемирная рабочая революция началась выступлениями одиночек, с беззаветным мужеством представлявших все, что осталось честного от прогнившего официального «социализма», а на деле социал-шовинизма. Либкнехт в Германии, Адлер в Австрии, Маклин в Англии — таковы наиболее известные имена этих героев-одиночек, взявших на себя тяжелую роль предтеч всемирной революции.

Вторым этапом в исторической подготовке этой революции явилось широкое массовое брожение, которое выливалось и в форму раскола официальных партий, и в форму нелегальных изданий, и в форму уличных демонстраций. Усиливался протест против войны — увеличивалось число жертв правительственных преследований. Тюрьмы стран, славившихся своей законностью и даже своей свободой, Германии, Франции, Италии, Англии, стали наполняться десятками и сотнями интернационалистов, противников войны, сторонников рабочей революции.

Теперь пришел третий этап, который можно назвать кануном революции. Массовые аресты вождей партии в свободной Италии и особенно начало *военных восстаний* в Германии — вот несомненные признаки великого перелома, признаки *кануна революций* в мировом масштабе.

Нет сомнения, в Германии были и раньше отдельные случаи мятежа в войсках, но эти случаи были так мелки, так разрознены, так слабы, что их удавалось замять, замолчать — и в этом было главное для пресечения *массовой заразительности* мятежнических действий. Наконец, назрело и такое движение во флоте, когда уже ни замять, ни замолчать его, даже при всех неслыханно разработанных и с невероятным педантизмом соблюденных строгостях германского военно-каторжного режима, *не удалось*.

Сомнения невозможны. Мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции. И, так как мы, русские большевики, одни только из всех пролетарских интернационалистов всех стран, пользуемся сравнительно громадной свободой, имеем открытую партию, десятка два газет, имеем на своей стороне столичные Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, имеем на своей стороне *большинство* народных масс в революционное время, то к нам поистине можно и должно применить слова: кому много дано, с того много и спросится.

II.

В России переломный момент революции несомненен.

В крестьянской стране, при революционном, республиканском правительстве, которое пользуется поддержкой партий эс-эров и меньшевиков, имевших вчера еще господство среди мелкобуржуазной демократии, растет *крестьянское восстание.*

Это невероятно, но это факт.

И нас, большевиков, не удивляет этот факт, мы всегда говорили, что правительство пресловутой «коалиции» с буржуазией есть правительство *измены* демократизму и революции, правительство *империалистской* бойни, правительство *охраны* капиталистов и помещиков *от* народа.

В России, благодаря обману эс-эрами и меньшевиками, осталось и остается, при республике, во время революции, рядом с Советами, правительство капиталистов и помещиков. Такова горькая и грозная действительность. Чего же удивительного, если в России, при неслыханных бедствиях, причиняемых народу затягиванием империалистской войны и ее последствиями, началось и разрастается крестьянское восстание?

Чего же удивительного, если противники большевиков, вожди *официальной* эс-эровской партии, той самой, которая все время «коалицию» поддерживала, той самой, которая до последних дней или до последних недель имела большинство народа на своей стороне, той самой, которая продолжает порицать и травить «новых» эс-эров, убедившихся в предательстве интересов крестьянства политикой коалиции, — эти вожди официальной эс-эровской партии пишут 29-го сентября в редакционной передовице «Дела Народа», их официального органа:

«...Почти ничего не сделано до настоящего времени для уничтожения тех кабальных отношений, которые все еще господствуют в деревне именно центральной России... Закон об упорядочении земельных отношений в деревне, давно уже внесенный во Временное Правительство и даже прошедший через такое чистилище, как Юридическое Совещание, этот закон безнадежно застрял в каких-то канцеляриях... Разве мы не правы, утверждая, что наше республиканское правительство далеко еще

не освободилось от старых навыков царского управления, что столыпинская хватка еще сильно дает себя знать в приемах революционных министров»[96]).

Так пишут официальные эс-эры! Подумайте только: сторонники коалиции *вынуждены* признать, что через семь месяцев революции в крестьянской стране «почти ничего не сделано для уничтожения кабалы» крестьян, закабаления их помещиками! Эти эс-эры *вынуждены* назвать *столыпинцами* своего коллегу Керенского и всю его банду министров.

Можно ли найти более красноречивое свидетельство из лагеря наших противников, подтверждающее не только то, что коалиция крахнула, не только то, что официальные эс-эры, терпящие Керенского, стали *противонародной, противокрестьянской, контр-революционной* партией, но и то, что вся русская революция пришла к перелому?

Крестьянское восстание в крестьянской стране против правительства Керенского, эс-эра, Никитина и Гвоздева, меньшевиков, и других министров, представителей капитала и помещичьих интересов! Подавление этого восстания *военными мерами* республиканского правительства.

Можно ли быть еще перед лицом таких фактов добросовестным сторонником пролетариата и отрицать, что кризис назрел, что революция переживает величайший перелом, что победа правительства над крестьянским восстанием была бы теперь окончательными похоронами революции, окончательным торжеством корниловщины?

III.

Ясно само собою, что, если в крестьянской стране, после семи месяцев демократической республики, дело могло дойти до крестьянского восстания, то оно неопровержимо доказывает общенациональный крах революции, кризис ее, достигший невиданной силы, подход контр-революционных сил к *последней черте*.

Это ясно само собою. Перед лицом такого факта, как крестьянское восстание, все остальные политические симптомы, даже если бы они противоречили этому назреванию общенационального кризиса, не имели бы ровнехонько никакого значения.

Но все симптомы указывают, наоборот, именно на то, что общенациональный кризис назрел.

После аграрного вопроса в общегосударственной жизни России особенно большое значение имеет, особенно для мелкобуржуазных масс населения, национальный вопрос. И мы видим, что на «Демократическом» Совещании, подтасованном господином Церетели и К^0, «национальная» курия по радикализму становится на второе место, уступая только профессиональным союзам

и стоя *выше* курии Советов Рабочих и Солдатских Депутатов по проценту голосов, поданных *против* коалиции (40 из 55). Из Финляндии правительство Керенского, правительство подавления крестьянского восстания, выводит революционные войска, чтобы подкрепить реакционную финскую буржуазию. На Украине конфликты украинцев вообще и украинских войск в частности с правительством все учащаются.

Возьмем далее армию, которая в военное время имеет исключительно важное значение во всей государственной жизни. Мы видели полный *откол* от правительства финляндских войск и балтийского флота. Мы видим показание офицера Дубасова, не большевика, который говорит от имени всего фронта и говорит революционнее всех большевиков, что солдаты больше воевать не будут. Мы видим правительственные донесения о том, что настроение солдат «нервное», что за «порядок» (т.-е. за участие этих войск в подавлении крестьянского восстания) ручаться нельзя. Мы видим, наконец, голосование в Москве, где из семнадцати тысяч солдат четырнадцать тысяч голосуют за большевиков.

Это голосование на выборах в районные думы в Москве является вообще одним из наиболее поразительных симптомов глубочайшего поворота в общенациональном настроении. Что Москва более Питера мелкобуржуазна, это общеизвестно. Что у московского пролетариата несравненно больше связей с деревней, деревенских симпатий, близости к деревенским крестьянским настроениям, это факт, много раз подтвержденный и неоспоримый.

И вот в Москве голоса эс-эров и меньшевиков с 70 проц. в июне падают до 18 процентов. Мелкая буржуазия отвернулась от коалиции, народ отвернулся от нее, тут сомнения невозможны. Кадеты усилились с 17 процентов до 30 процентов, но они остались меньшинством, безнадежным меньшинством, несмотря на очевидное присоединение к ним «правых» эс-эров и «правых» меньшевиков. А «Русские Ведомости» [97]) говорят, что *абсолютное* число голосов за кадетов понизилось с *67* до *62* тысяч. Только у большевиков число голосов возросло с 34 тысяч до 82 тысяч. Они получили 47 процентов всего числа голосов [98]). Что вместе с левыми эс-эрами мы имеем теперь большинство и в Советах, и в армии, и *в стране,* в этом ни тени сомнения быть не может.

А к числу симптомов, имеющих не только симптоматическое, но и весьма реальное значение, надо отнести еще тот, что имеющие гигантское общеэкономическое и общеполитическое и военное значение армии железнодорожников и почтовых служащих продолжают быть в остром конфликте с правительством, при чем даже меньшевики-оборонцы недовольны «своим» мини-

стром Никитиным, а официальные эс-эры называют Керенского и К° «столыпинцами». Не ясно ли, что такая «поддержка» правительства меньшевиками и эс-эрами имеет, если имеет, только отрицательное значение?

IV.

. . . .

V.

Да, вожди Центр. Исполн. Комитета ведут правильную тактику защиты буржуазии и помещиков. И нет ни малейшего сомнения, что большевики, если бы они дали себя поймать в ловушку конституционных иллюзий, «веры» в съезд Советов и в созыв Учредительного Собрания, «ожидания» съезда Советов и т. п., — нет сомнения, что такие большевики оказались бы *жалкими изменниками* пролетарскому делу.

Они были бы изменниками ему, ибо они предали бы своим поведением немецких революционных рабочих, начавших восстание на флоте. При таких условиях «ждать» съезда Советов и т. п. есть *измена интернационализму*, измена делу международной социалистической революции.

Ибо интернационализм состоит не в фразах, не в выражении солидарности, не в резолюциях, а в *деле*.

Большевики были бы изменниками *крестьянству*, ибо терпеть подавление крестьянского восстания правительством, которое *даже* «Дело Народа» сравнивает с столыпинцами, значит *губить* всю революцию, губить ее навсегда и бесповоротно. Кричат об анархии и о росте равнодушия масс: еще бы массам не быть равнодушными к выборам, если крестьянство *доведено до восстания*, а так называемая «революционная демократия» терпеливо сносит военное подавление его!!

Большевики оказались бы изменниками демократии и свободе, ибо снести подавление крестьянского восстания в такой момент *значит* дать подделать выборы в Учредительное Собрание *совершенно так же* — и еще хуже, грубее — как подделали «Демократическое Совещание» и «предпарламент».

Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту. Вся честь партии большевиков стоит под вопросом. Все будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту.

Кризис назрел... *Н. Ленин.*

29 сентября 1917 г.

До этого места можно напечатать, а продолжение для *раздачи членам Ц. К., П. К., М. К.* и *Советов.*

VI.

Что же делать? Надо aussprechen was ist, «сказать, что̀ есть», признать правду, что у нас в Ц. К. и в верхах партии есть течение или мнение за *ожидание* съезда Советов, *против* немедленного взятия власти, *против* немедленного восстания. Надо *побороть* это течение или мнение [99]).

Иначе большевики *опозорили* себя на веки и *сошли на нет*, как партия.

Ибо пропускать такой момент и «ждать» съезда Советов есть *полный идиотизм* или *полная измена*.

Полная измена немецким рабочим. Не ждать же нам *начала* их революции!! Тогда и Либерданы будут за «поддержку» ее. Но она *не может* начаться, пока Керенский, Кишкин и К⁰ у власти.

Полная измена крестьянству. Имея оба *столичных* Совета, дать подавить восстание крестьян значит *потерять* и *заслуженно потерять* всякое доверие крестьян, значит сравняться в глазах крестьян с Либерданами и прочими мерзавцами.

«Ждать» съезда Советов есть полный идиотизм, ибо это значит пропустить *недели*, а недели и даже дни решают теперь *все*. Это значит трусливо *отречься* от взятия власти, ибо 1—2 ноября оно будет невозможно (и политически и технически: соберут казаков ко дню глупенько образом «назначенного» *) восстания).

«Ждать» съезда Советов есть идиотизм, ибо съезд *ничего не даст, ничего не может дать!*

«Моральное» значение? Удивительно!! «Значение» резолюций и разговоров с Либерданами, когда мы знаем, что Советы *за* крестьян и что крестьянское восстание *подавляют!!* Мы сведем этим *Советы* до роли жалких болтунов. Сначала победите Керенского, потом созывайте съезд.

Победа восстания *обеспечена* теперь большевикам: 1) мы можем **) (если не будем «ждать» Советского съезда) ударить *внезапно* и из трех пунктов, из Питера, из Москвы, из Балтийского флота; 2) мы имеем лозунги, обеспечивающие нам поддержку: долой правительство, подавляющее крестьянское восстание против помещиков! 3) мы в большинстве *в стране;* 4) развал у меньшевиков и эс-эров полный; 5) мы имеем техническую возможность взять власть в Москве (которая могла бы даже начать, чтобы поразить врага неожиданностью); 6) мы имеем *тысячи*

---

*) «Созывать» съезд Советов на 20 октября для решения взять власть, — чем же это отличается от «назначения» восстания поглупому?? Теперь взять власть можно, а 20 — 29 октября ее вам не дадут взять.

**) Что сделала партия для *изучения* расположения войск и проч.? для проведения восстания как «искусства»? — только разговоры в Ц. К. и т. п.!!

вооруженных рабочих и солдат в Питере, кои могут *сразу* взять и Зимний Дворец, и Генеральный Штаб, и станцию телефонов, и все крупные типографии; не выбить нас оттуда, а агитация в *армии* пойдет такая, что *нельзя* будет бороться с этим правительством мира, крестьянской земли и т. д.

Если бы мы ударили сразу, внезапно, из трех пунктов, в Питере, в Москве, в Балтийском флоте, то девяносто девять сотых за то, что мы победим с меньшими жертвами, чем 3 — 5 июля, ибо *не пойдут войска* против правительства мира. Если даже у Керенского *уже* есть «верная» кавалерия и т. п. в Питере, то при ударе с двух сторон и при сочувствии армии *к нам* Керенский будет вынужден *сдаться*. Если даже при таких шансах, как теперь, не брать власти, тогда все разговоры о власти Советам превращаются в *ложь*.

Не взять власти теперь, «ждать», болтать в Ц.И.К., ограничиться «борьбой за орган» (Совета), «борьбой за съезд» значит *погубить революцию*.

Видя, что Ц.К. оставил *даже без ответа* мои настояния в этом духе с начала Демократического Совещания, что Центральный Орган *вычеркивает* из моих статей указания на такие вопиющие ошибки большевиков, как позорное решение участвовать в предпарламенте, как предоставление места меньшевикам в президиуме Совета и т. д., и т. д., видя это, я должен усмотреть тут «тонкий» намек на нежелание Ц.К. даже обсудить этот вопрос, тонкий намек на зажимание рта и на предложение мне удалиться.

Мне приходится *подать прошение о выходе из Ц.К.*, что̀ я и делаю, и оставить за собой свободу агитации *в низах* партии и на съезде партии.

Ибо мое крайнее убеждение, что, если мы будем «ждать» съезда Советов и упустим момент теперь, мы *губим* революцию.

Н. Ленин.

29 сентября.

P.S. Целый ряд фактов показал, что *даже* казацкие войска не пойдут против правительства мира! А сколько их? где они? А вся армия разве не отрядит частей *за* нас?

Главы I—V напечатаны в «Рабочем Пути» № 30, 20 (7) октября 1917 г.; глава VI напечатана в 1925 г. в кн.: «Л. Троцкий: 1917». ГИЗ.

Печатаются: главы I—III по тексту «Рабочего Пути»; главы V—VI по рукописи.

УДЕРЖАТ ЛИ БОЛЬШЕВИКИ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ВЛАСТЬ?

Написано 7—14 октября (24 сентября — 1 октября) 1917 г.

Напечатано в октябре 1917 г. в журнале «Просвещение» [100] № 1—2

Печатается по тексту журнала

Россiйская Соцiалъ-Демократическая Рабочая Партiя.

Пролетарiи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

III/12

ПРОСВѢЩЕНIЕ

СОДЕРЖАНIЕ:

№ 1-2 Сентябрь-Октябрь 1917 г.

А. З.

Обложка журнала «Просвещение» № 1—2, в котором была напечатана статья В. И. Ленина: «Удержат ли большевики государственную власть?» — 1917 г.

Уменьшено

В чем согласны все направления, от «Речи» до «Новой Жизни» включительно, от кадетов-корниловцев до полубольшевиков, *все* за исключением большевиков?

В том, что большевики одни либо никогда не решатся взять всю государственную власть в свои руки, либо, если решатся и возьмут, не смогут удержать ее даже в течение самого короткого времени.

Если кто-либо заметит, что вопрос о взятии всей государственной власти одними большевиками совершенно нереальный политический вопрос, что считать его реальным может лишь самое дурное самомнение какого-нибудь «фанатика», то мы опровергнем это замечание, приведя точные заявления самых ответственных и самых влиятельных политических партий и направлений различного «цвета».

Но сначала два слова по первому из намеченных вопросов, именно: решатся ли большевики взять одни в свои руки всю государственную власть? Я уже имел случай на Всероссийском съезде Советов ответить категорическим утверждением на этот вопрос в одном замечании, которое мне довелось крикнуть с места во время одной из министерских речей Церетели [101]). И я не встречал ни в печати, ни устно заявлений со стороны большевиков, что нам не следовало бы брать одним власть. Я продолжаю стоять на той точке зрения, что политическая партия вообще, а партия передового класса в особенности, не имела бы права на существование, была бы недостойна считаться партией, была бы жалким нолем во всех смыслах, если бы она отказалась от власти, раз имеется возможность получить власть.

Приведем теперь заявления кадетов, эс-эров и полубольшевиков (я сказал бы охотнее четверть-большевиков) по интересующему нас вопросу.

Передовик «Речи» от 16-го сентября:

«...Разноголосица и разброд царили в зале Александринского театра, и социалистическая пресса отражает ту же картину. Определенностью и прямолинейностью отличается только взгляд большевиков. В Совещании, это — взгляд меньшинства. В Советах, это все усиливающееся течение. Но, несмотря на весь словесный задор, на хвастливые фразы, на демон-

страцию самоуверенности, большевики, за исключением немногих фанатиков, храбры лишь на словах. Взять «всю власть» они не попытались бы по собственному побуждению. Дезорганизаторы и разрушители par excellence*), они по существу трусы, в глубине души прекрасно сознающие и внутреннее свое невежество и эфемерность своих теперешних успехов. Так же хорошо, как и все мы, они понимают, что первый день их окончательного торжества был бы и первым днем их стремительного падения. Безответственные по самой природе, анархисты по методам и приемам, они мыслимы лишь как одно из направлений политической мысли, вернее сказать, как одна из ее аберраций. Лучшим способом на долгие годы освободиться от большевизма, извергнуть его, было бы вручение его вождям судеб страны. И если бы не сознание непозволительности и гибельности подобных опытов, можно было бы с отчаяния решиться и на такое героическое средство. К счастию, повторяем, сами эти печальные герои дня отнюдь не стремятся на самом деле к захвату всей полноты власти. Ни при каких условиях им недоступна созидательная работа. Таким образом, вся их определенность и прямолинейность ограничивается сферой политической трибуны, митинговой словесности. Практически их позиция не может ни с какой точки зрения быть принята в расчет. Впрочем, в одном отношении она имеет и некоторое реальное последствие: она объединяет все прочие оттенки «социалистической мысли» в отрицательном к себе отношении» [102])...

Так рассуждают кадеты. А вот точка зрения самой большой, «господствующей и правительствующей» партии в России, «социалистов-революционеров», в равным образом неподписанной, т.-е. редакционной, передовице их официального органа «Дела Народа» от 21-го сентября:

«... Если буржуазия не захочет работать вместе с демократией до Учредительного Собрания на почве утвержденной Совещанием платформы, когда *коалиция должна возникнуть в недрах состава Совещания.* Это — тяжкая жертва с стороны защитников коалиции, *но на нее должны пойти и пропагандисты идеи «чистой линии» власти.* Но мы опасаемся, что здесь соглашение может и не состояться. И тогда остается третья и последняя комбинация: власть *обязана* организовать та половина Совещания, которая *принципиально* защищала идею однородности ее.

Скажем определенно: *большевики будут обязаны формировать кабинет.* Они с величайшей энергией прививали революционной демократии ненависть к коалиции, обещая ей всякие блага после упразднения «соглашательства» и объясняя этим последним все бедствия страны.

Если они отдавали отчет в своей *агитации,* если они *не обманывали массы, они обязаны* расплачиваться по выдаваемым направо и налево векселям.

Вопрос ставится ясно.

И пусть они не делают бесполезных усилий скрыться за наскоро создаваемые теории о невозможности им взять власть.

Этих теорий демократия не примет.

В то же время сторонники коалиции должны гарантировать им полную поддержку. Вот три комбинации, три пути, которые стоят перед нами, — иных нет!» (Курсив принадлежит самому «Делу Народа».) [103])

---

*) — по преимуществу. *Ред.*

Так рассуждают эс-эры. Вот, наконец, «позиция», если можно попытки сидеть между двух стульев назвать позицией, новожизненских «четверть-большевиков», взятая из редакционной передовицы «Новой Жизни» от 23-го сентября:

«... Если коалиция с Коноваловым и Кишкиным вновь будет составлена, то это будет означать не что иное, как новую капитуляцию демократии и отмену резолюции Совещания об ответственной власти на платформе 14-го августа[104])...

... Однородное министерство меньшевиков и эс-эров так же мало сможет чувствовать свою подотчетность, как мало чувствовали ее ответственные министры-социалисты в коалиционном кабинете... Такое правительство не только не могло бы сплотить вокруг себя «живые силы» революции, но не могло бы рассчитывать на сколько-нибудь деятельную поддержку ее авангарда пролетариата.

Однако, не лучшим, а еще худшим выходом из положения, собственно не выходом, а просто провалом, было бы образование другого типа однородного кабинета, правительства «пролетариата и беднейшего крестьянства». Такой лозунг, правда, никем и не выставляется, кроме как в случайных, несмелых, систематически затем «разъясненных» замечаниях «Рабочего Пути». (Эту вопиющую неправду «смело» пишут ответственные публицисты, забывшие даже передовицу «Дела Народа» от 21-го сентября...)

Формально большевиками воскрешен ныне лозунг — вся власть Советам. Он был отменен, когда, после июльских дней, Советы, в лице Ц.И.К., определенно стали на путь активной антибольшевистской политики. Теперь же не только может считаться выпрямленной «линия Совета», но есть все основания рассчитывать, что предполагаемый Съезд Советов даст большевистское большинство. При таких условиях воскрешенный большевиками лозунг: «вся власть Советам» есть «тактическая линия», направленная именно к диктатуре пролетариата и «беднейшего крестьянства». Правда, под Советами разумеются и Советы Крестьянских Депутатов, и таким образом большевистский лозунг предполагает власть, опирающуюся на подавляющую часть всей демократии России. Но в таком случае лозунг: «вся власть Советам» лишается самостоятельного значения, так как делает Советы почти однозначащими, по своему составу, образуемому Совещанием «предпарламенту»...» (Утверждение «Новой Жизни» есть бесстыднейшая ложь, равняющаяся заявлению, что подлог и подделка демократизма «однозначащи почти» с демократизмом: предпарламент есть *подлог*, выдающий волю меньшинства народа, особенно Кусковой, Беркенгейма, Чайковских и К° за волю большинства. Это во-первых. Во-вторых, даже подделанные Авксентьевыми и Чайковскими Крестьянские Советы дали на

Совещании такой высокий процент противников коалиции, что вместе с Советами Раб. и Солд. Депутатов получился бы *провал коалиции безусловный.* И, в-третьих, «власть Советам» означает, что власть Крестьянских Советов распространялась бы преимущественно на деревню, а в деревнях преобладание *беднейших* крестьян обеспечено...) «Если же одно и то же, то большевистский лозунг надлежит немедленно снять с очереди. Если же «власть Советам» только прикрывает собой диктатуру пролетариата, то такая власть означает именно провал и крушение революции.

Надо ли доказывать, что пролетариат, изолированный не только от остальных классов страны, но и от действительных живых сил демократии, не сможет ни технически овладеть государственным аппаратом и привести его в движение в исключительно сложной обстановке, ни политически не способен будет противостоять всему тому напору враждебных сил, который сметет не только диктатуру пролетариата, но и в придачу всю революцию?

Единственною властью, отвечающей требованиям момента, является сейчас действительно честная коалиция внутри демократии» [105])...

* *
*

Мы извиняемся перед читателями за длинные выписки, но они были безусловно необходимы. Необходимо было точно представить позицию разных партий, враждебных большевикам. Необходимо было точно доказать крайне важное обстоятельство, что *все* эти партии признали вопрос о взятии всей полноты государственной власти одними большевиками не только вопросом вполне реальным, но и актуальным, злободневным.

Перейдем теперь к разбору тех доводов, в силу которых «все», от кадетов до новожизненцев, убеждены, что большевикам власти не удержать.

Солидная «Речь» ровно никаких доводов не приводит. Она только поливает большевиков потоками отборнейшей и озлобленнейшей брани. Приведенная нами цитата показывает, между прочим, как глубоко неправильно было бы думать, что вот де «Речь» «провоцирует» большевиков на взятие власти, а потому: «берегитесь, дескать, товарищи, ибо, что враг советует, то верно худо»! Если мы будем вместо делового учета соображений и общего и конкретного характера давать «убеждать» себя тем, что буржуазия «провоцирует» нас на взятие власти, то мы окажемся одураченными буржуазией, ибо она, наверняка, всегда будет злобно пророчествовать миллионы бед от взятия власти большевиками, всегда будет злобно кричать: «лучше бы всего сразу и на «дол-

ние годы» избавиться от большевиков, если бы подпустить их к власти и затем разбить на голову». Такие крики — тоже «провокация», если хотите, только с противоположной стороны. Кадеты и буржуа вовсе не «советуют» и никогда не «советовали» нам взять власть, они только пытаются *запугать* нас неразрешимыми будто бы задачами власти.

Нет. Мы не должны давать запугать себя криками запуганных буржуа. Мы должны твердо помнить, что «неразрешимых» общественных задач мы себе никогда не ставили, а *вполне* разрешимые задачи немедленных шагов к социализму, как единственного выхода из очень трудного положения, *разрешит только* диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства. Победа и прочная победа более чем когда-либо, более чем где-либо, обеспечена теперь пролетариату в России, если он возьмет власть.

Будем обсуждать чисто деловым образом *конкретные* обстоятельства, делающие неблагоприятными тот или иной отдельный момент, но не дадим ни на минуту запугать себя дикими воплями буржуазии и не забудем, что вопрос о взятии всей власти большевиками становится поистине *злободневным*. Теперь неизмеримо большая опасность грозит нашей партии в том случае, если мы забудем это, чем в том случае, если мы признаем взятие власти «преждевременным». «Преждевременного» в этом отношении быть теперь *не* может: за это говорят из миллиона шансов все, кроме разве одного — двух.

По поводу злобной брани «Речи» можно и должно повторить:

Мы слышим звуки одобренья
Не в сладком рокоте хвалы,
А в диких криках озлобленья!

Что буржуазия нас так дико ненавидит, это одно из нагляднейших пояснений той истины, что мы *правильно* указываем народу пути и средства для свержения господства буржуазии.

* * *

«Дело Народа» на этот раз, в виде редкого исключения, не соблаговолило почтить нас своей бранью, но и не привело ни тени доводов. Оно только в косвенной форме, намеком, пытается *запугать* нас перспективой «большевики будут обязаны формировать кабинет». Вполне допускаю, что, пугая нас, эс-эры сами искреннейшим образом напуганы, до смерти напуганы призраком напуганного либерала. Равным образом допускаю, что эс-эрам удается в каких-нибудь особенно высоких и особенно гнилых учреждениях, вроде Ц. И. К. и ему подобных «контактных» (т.-е. соприкасающихся с кадетами, якшающихся с кадетами, выражаясь попросту) комиссиях запугать кое-кого из большевиков,

ибо, во-первых, атмосфера во всех этих Ц.И.К., в «предпарламенте» и т. п. гнуснейшая, затхлая до тошноты, долго дышать ей для *всякого* человека вредно, а, во-вторых, искренность заразительна, и искренне напуганный филистер способен даже отдельного революционера на время превратить в филистера.

Но как бы ни была понятна, «по человечеству» судя, эта искренняя запуганность эс-эра, имевшего несчастье быть министром с кадетами или быть в министерпабельном положении перед кадетами, но давать себя запугивать значит делать политическую ошибку, которая слишком легко может оказаться граничащей с изменой пролетариату. Ваши деловые доводы, господа! Не надейтесь, что мы дадим себя напугать вашей запуганностью!

* * *

Деловые доводы на этот раз мы находим только в «Новой Жизни». Она выступает на этот раз в более идущей к ней роли адвоката буржуазии, чем в явно «шокирующей» эту даму приятную во всех отношениях роли защитника большевиков.

Адвокат выдвинул *шесть* доводов:

1) пролетариат «изолирован от остальных классов страны»;

2) он «изолирован от действительных живых сил демократии»;

3) он «не сможет технически овладеть государственным аппаратом»;

4) он «не сможет привести в движение» этот аппарат;

5) «обстановка исключительно сложна»;

6) он «не способен будет противостоять всему тому напору враждебных сил, который сметет не только диктатуру пролетариата, но и в придачу всю революцию».

Довод первый изложен «Новой Жизнью» неуклюже до смешного, ибо классов в капиталистическом и полукапиталистическом обществе мы знаем только три: буржуазию, мелкую буржуазию (крестьянство, как ее главный представитель) и пролетариат. Какой же смысл говорить об изолированности пролетариата от остальных классов, когда речь идет о борьбе пролетариата против буржуазии? о революции против буржуазии?

Должно быть, «Новая Жизнь» хотела сказать, что пролетариат изолирован от крестьянства, ибо не о помещиках же, в самом деле, могла здесь идти речь. Но точно, ясно сказать, что пролетариат изолирован теперь от крестьянства, нельзя было, ибо вопиющая неправильность такого утверждения бьет в глаза.

Трудно представить себе, чтобы в капиталистической стране пролетариат был так мало изолирован от мелкой буржуазии — и заметьте: в революции *против буржуазии* — как теперь пролетариат в России. Из объективных и бесспорных данных мы

имеем новейшие данные о голосовании *за* и *против* коалиции с буржуазией по «куриям» церетелевской «булыгинской думы», т. е. пресловутого «Демократического» Совещания. Возьмем курии Советов. Получаем:

	За коалицию	Против
Советы Раб. и Солд. Депутатов	83	192
Советы Крестьянских Депутатов . . .	102	70
Все Советы . .	185	262

Итак, большинство в целом на стороне пролетарского лозунга: *против* коалиции с буржуазией. И мы видели выше, что даже кадеты вынуждены признать усиление влияния большевиков в Советах. А ведь мы имеем здесь Совещание, созванное вождями *вчерашнего дня* в Советах, эс-эрами и меньшевиками, имеющими обеспеченное большинство в центральных учреждениях! Явно, что *действительное* преобладание большевиков в Советах здесь *преуменьшено*.

И по вопросу о коалиции с буржуазией и по вопросу о передаче немедленно помещичьей земли крестьянским комитетам большевики имеют уже сейчас *большинство* в Советах Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, *большинство народа*, большинство мелкой буржуазии. «Рабочий Путь» № 19, от 24-го сентября, приводит из № 25 органа эс-эров «Знамя Труда»[106]) сведения о состоявшемся 18-го сентября в Питере совещании местных Советов Крест. Депутатов[107]). На этом совещании за неограниченную коалицию высказались исполнительные комитеты четырех крестьянских Советов (Костромской, Московской, Самарской и Таврической губерний). За коалицию без кадетов высказались испол. комитеты *трех* губерний и *двух* армий (Владимирской, Рязанской и Черноморской губ.). Против коалиции высказались испол. комитеты *двадцати трех* губерний и *четырех* армий.

Итак, большинство крестьян против коалиции!

Вот вам и «изолированность пролетариата».

Между прочим, отметить надо, что за коалицию высказались три окраинные губернии, Самарская, Таврическая и Черноморская, где сравнительно очень много богатых крестьян, крупных помещиков, работающих с наемными рабочими, а также четыре промышленные губернии (Владимирская, Рязанская, Костромская и Московская), в которых крестьянская буржуазия тоже сильнее, чем в большинстве губерний России. Было бы интересно собрать более подробные данные по этому вопросу и рассмотреть, нет ли сведений именно о *беднейших* крестьянах в губерниях с наиболее «*богатым*» крестьянством.

Интересно далее, что «национальные группы» дали очень значительное преобладание противникам коалиции, именно: 40 го-

лосов против 15. Аннексионистская, грубо насильническая политика бонапартиста Керенского и К° по отношению к неполноправным нациям России принесла свои плоды. Широкая масса населения угнетенных наций, т.-е. масса мелкой буржуазии среди них, доверяет пролетариату России больше, чем буржуазии, ибо на очереди дня история поставила здесь борьбу угнетенных наций против угнетающих за освобождение. Буржуазия подло предала дело свободы угнетенных наций, пролетариат верен делу свободы.

Национальный и аграрный вопросы, это — коренные вопросы для мелкобуржуазных масс населения России в настоящее время. Это неоспоримо. И по обоим вопросам пролетариат «*не* изолирован» на редкость. Он имеет за собой большинство народа. Он *один* способен вести такую решительную, действительно «революционно-демократическую» политику по обоим вопросам, которая сразу обеспечила бы пролетарской государственной власти не только поддержку большинства населения, но и настоящий взрыв революционного энтузиазма в массах, ибо впервые массы встретили бы со стороны правительства не беспощадное угнетение крестьян помещиками, украинцев великороссами, как при царизме, неприкрытое пышными фразами стремление продолжать подобную же политику при республике, не придирки, обиды, кляузы, оттяжки, подножки, увертки (все, чем награждает крестьян и угнетенные нации Керенский), а горячее сочувствие, доказываемое на деле, немедленные и революционные меры против помещиков, немедленное восстановление *полной* свободы для Финляндии, Украины, Белоруссии, для мусульман и т. д.

Господа эс-эры и меньшевики прекрасно знают это и потому протаскивают полукадетские верхи кооператоров на подмогу своей *реакционно*-демократической политике *против* масс. Поэтому никогда не решатся они опросить массу, устроить референдум или хотя бы голосование по всем местным Советам, по всем местным организациям относительно определенных пунктов практической политики, например, следует ли тотчас передать все помещичьи земли крестьянским комитетам, следует ли исполнить такие-то требования финнов или украинцев и т. п.

А вопрос о мире, этот кардинальный вопрос всей современной жизни. Пролетариат «изолирован от остальных классов»... Пролетариат выступает здесь поистине как представитель *всей* нации, всего живого и честного *во всех* классах, гигантского большинства мелкой буржуазии, ибо только пролетариат, достигши власти, *сразу* предложит справедливый мир всем воюющим народам, только пролетариат пойдет на действительно *революционные* меры (опубликование тайных договоров и т. п.), чтобы достигнуть как можно скорее, как можно более справедливого мира.

Нет. Господа из «Новой Жизни», кричащие об изолированности пролетариата, выражают этим только свою субъективную запуганность буржуазией. Объективное положение дел в России, несомненно, таково, что пролетариат *как раз теперь не* «изолирован» от большинства мелкой буржуазии. Как раз теперь, после печального опыта «коалиции», пролетариат имеет на своей стороне сочувствие *большинства* народа. *Это* условие для удержания власти большевиками *есть* налицо.

* * *

Довод второй состоит в том, будто пролетариат «изолирован от действительных живых сил демократии». Что̀ это значит, понять невозможно. Это, должно быть, «по-гречески», как говорят в таких случаях французы.

Писатели «Новой Жизни» — народ министериабельный. Они вполне пригодны были бы в министры при кадетах. Ибо от таких министров требуется именно уменье говорить благовидные и благоприлизанные фразы, в которых нет ровно никакого смысла, которыми можно прикрыть всякую гадость и которым поэтому обеспечены хлопки империалистов и социал-империалистов. Хлопки кадетов, Брешковской, Плеханова и К° обеспечены новожизненцам за утверждение, что пролетариат изолирован от действительных живых сил демократии, ибо в *косвенной* форме здесь сказано — или утверждение это будет так понятно, как если бы им было сказано,— что кадеты, Брешковская, Плеханов, Керенский и К° суть «живые силы демократии».

Это неверно. Это мертвые силы. Это доказала история коалиции.

Запуганные буржуазией и буржуазно-интеллигентской обстановкой, новожизненцы «живым» признают *правое* крыло эс-эров и меньшевиков, ничем существенным не отличающееся от кадетов, вроде «Воли Народа», «Единства» и т. п. Мы же считаем живым только то, что связано с массами, а не с кулаками, только то, что уроки коалиции оттолкнули от нее. «Деятельные живые силы» мелкобуржуазной демократии представлены левым крылом эс-эров и меньшевиков. Усиление этого левого крыла, в особенности после июльской контр-революции, есть один из вернейших объективных признаков того, что пролетариат *не* изолирован.

Еще нагляднее показывают это в самое последнее время колебания влево эс-эровских центровиков, доказанные заявлением Чернова 24-го сентября, что его группа не может поддерживать новую коалицию с Кишкиным и К°[108]. Эти колебания влево эс-эровского центра, который до сих пор давал подавляющее большин-

ство представителей партии эс-эров, партии главенствующей и господствующей по числу голосов, собранных ею в городе и особенно в деревне, доказывают, что цитированные нами выше заявления «Дела Народа» о необходимости для демократии, при известных условиях, «гарантировать полную поддержку» чисто большевистскому правительству, что эти заявления во всяком случае не только фразы.

Такие факты, как отказ эс-эровского центра поддержать новую коалицию с Кишкиным, или преобладание *противников* коалиции среди *меньшевиков-оборонцев* из провинции (Жордания на Кавказе и т. д.), являются объективным доказательством, что известная часть *масс*, идущих до сих пор за меньшевиками и эс-эрами, *поддержат* чисто большевистское правительство.

Именно от *живых*-то сил демократии пролетариат России теперь не изолирован.

* *
*

Довод третий: пролетариат «не сможет технически овладеть государственным аппаратом». Это, пожалуй, самый обычный, наиболее ходкий довод. Он заслуживает наибольшего внимания как по этой причине, так и потому, что он указывает на одну из самых *серьезных*, самых *трудных* задач, стоящих перед победоносным пролетариатом. Нет сомнения, что задачи эти очень трудны, но если мы, называя себя социалистами, будем указывать на эту трудность только для того, чтобы *отмахнуться* от выполнения таких задач, то на практике наше отличие от слуг буржуазии сведется к нулю. Трудность задач пролетарской революции должна побудить сторонников пролетариата к более внимательному и конкретному изучению способов выполнения этих задач.

Под государственным аппаратом разумеется прежде всего постоянная армия, полиция и чиновничество. Говоря о том, что пролетариат не сможет технически овладеть этим аппаратом, писатели «Новой Жизни» обнаруживают самое крайнее невежество и нежелание считаться ни с фактами жизни, ни с соображениями, указанными давно в большевистской литературе.

Писатели «Новой Жизни» все считают себя если не марксистами, то знакомыми с марксизмом, образованными социалистами. А Маркс учил, на основании опыта Парижской Коммуны, что пролетариат *не может* просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих целей, что пролетариат должен *разбить* эту машину и заменить ее новой (об этом подробнее я говорю в брошюре, первый выпуск которой закончен и выходит скоро в свет под заглавием: «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата

в революции»)*). Эта новая государственная машина была создана Парижской Коммуной, и *того же типа* «государственным аппаратом» являются русские Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. На это обстоятельство я указывал много раз, начиная с 4-го апреля 1917 года, об этом говорится в резолюциях большевистских конференций, а равно в большевистской литературе. «Новая Жизнь», конечно, могла бы заявить свое полное несогласие и с Марксом и с большевиками, но обходить вопрос вовсе со стороны газеты, которая так часто и так высокомерно бранит большевиков за несерьезное будто бы отношение к трудным вопросам, значит выдавать себе свидетельство о бедности.

«Овладеть» «государственным аппаратом» и «привести его в движение» пролетариат *не* может. Но он может *разбить* все, что есть угнетательского, рутинного, неисправимо-буржуазного в старом государственном аппарате, поставив на его место *свой*, новый аппарат. Этот аппарат и есть Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Нельзя не назвать прямо чудовищным, что «Новая Жизнь» про этот «государственный аппарат» совершенно забыла. Поступая так в своих теоретических рассуждениях, новожизненцы в сущности делают в области политической теории то, что кадеты делают в политической практике. Ибо, если в самом деле пролетариату и революционной демократии никакого нового государственного аппарата *не надо*, тогда Советы теряют raison d'être **) и теряют право на существование, тогда *правы* кадеты-корниловцы в своих стремлениях свести Советы на нет!

Эта чудовищная теоретическая ошибка и политическая слепота «Новой Жизни» тем чудовищнее, что даже меньшевики-интернационалисты (с которыми «Новая Жизнь» шла в блоке на последних выборах в Городскую Думу в Питере) обнаружили в этом вопросе известное сближение с большевиками. Так, мы читаем в той декларации Советского большинства, которую т. Мартов огласил на Демократическом Совещании:

...«Советы Депутатов Рабочих, Солдатских и Крестьянских, созданные в первые дни революции могучим порывом подлинного народного творчества, образовали собой ту новую ткань революционной государственности, которая заменила обветшавшую ткань государственности старого режима»[109]).

Это сказано немножко чересчур красиво, т.-е. вычурность выражений прикрывает здесь недостаток ясности политической мысли. Советы *не* заменили *еще* старой «ткани», и эта старая

---

*) См. настоящий том, стр. 365. *Ред.*
**) — основание существования. *Ред.*

«ткань» *не* есть государственность старого режима, а государственность *и* царизма *и* буржуазной республики. Но во всяком случае Мартов здесь на две головы выше новожизненцев.

Советы суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, при чем эта сила не оторвана от народа, как сила старой постоянной армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более могучая, чем прежние; в революционном отношении она незаменима ничем другим. Во-вторых, этот аппарат дает связь с массами, с большинством народа настолько тесную, неразрывную, легко проверимую и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократии. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т.-е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части *угнетенных* классов, рабочих и крестьян, являясь таким образом аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитать, обучать и вести за собой *всю гигантскую массу* этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т.-е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию *и исполнение законов*. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение.

Наши Советы в 1905 году были только, так сказать, утробным зародышем, ибо просуществовали всего несколько недель. Ясное дело, что не могло быть и речи при тогдашних условиях о всестороннем развитии их. И в революции 1917 года об этом не может быть еще речи, ибо срок в несколько месяцев крайне мал, а главное: эс-эровские и меньшевистские вожди *проституировали* Советы, сводили их на роль говорилен, на роль придатка к соглашательской политике вождей. Советы гнили и разлагались заживо под руководством Либеров, Данов, Церетели, Черновых. Развиться настоящим образом, развернуть полностью свои задатки и способности Советы могут, только взяв *всю* государственную власть, ибо иначе им *нечего делать*, иначе они либо простые зародыши (а слишком долго зародышем быть нельзя), либо игрушки. «Двоевластие» есть паралич Советов.

Если бы народное творчество революционных классов не создало Советов, то пролетарская революция была бы в России

делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя. Печальная история Церетелевски-Черновского проституирования Советов, история «коалиции» есть вместе с тем история избавления Советов от мелкобуржуазных иллюзий, прохождения их через «чистилище» практического изучения ими всей гнусности и грязи *всех* и *всяких* буржуазных коалиций. Будем надеяться, что это «чистилище» не надорвало Советы, а закалило их.

* *
*

Главная трудность пролетарской революции есть осуществление во всенародном масштабе точнейшего и добросовестнейшего учета и контроля, *рабочего контроля* за производством и распределением продуктов.

Когда новожизненские писатели возражали нам, будто мы впадаем в синдикализм, выставляя лозунг «рабочего контроля», то это возражение было образчиком школьнически-глупенького применения «марксизма», который не продуман, а *заучен* на струвистский манер. Синдикализм либо отрицает революционную диктатуру пролетариата, либо сводит ее, как и вообще политическую власть, на девятое место. Мы ставим ее на первое место. Если просто говорить в духе новожизненцев: *не* рабочий контроль, *а* государственный контроль, то получается буржуазно-реформистская фраза, получается в сущности чисто кадетская формула, ибо против *участия* рабочих в «государственном» контроле кадеты ничего не имеют. Кадеты-корниловцы прекрасно знают, что такое участие есть лучший способ надувания рабочих буржуазией, лучший способ утонченного *подкупа* в политическом смысле всяких Гвоздевых, Никитиных, Прокоповичей, Церетели и всей этой банды.

Когда мы говорим: «рабочий контроль», ставя этот лозунг всегда *рядом* с диктатурой пролетариата, всегда *вслед* за ней, то мы разъясняем этим, о каком государстве идет речь. Государство есть орган господства *класса.* Какого? Если буржуазии, то это и есть кадетски-корниловски-керенская государственность, от которой рабочему народу в России «корнилится и керится» вот уже больше полугода. Если пролетариата, если речь идет о пролетарском государстве, *т.-е.* о диктатуре пролетариата, то рабочий контроль *может* стать всенародным, всеобъемлющим, вездесущим, точнейшим и добросовестнейшим *учетом* производства и распределения продуктов.

В этом главная трудность, в этом главная задача пролетарской, т.-е. социалистической, революции. Без Советов эта задача, по крайней мере для России, была бы неразрешима.

*

Советы *намечают* ту организационную работу пролетариата, которая *может* решить задачу всемирно исторической важности.

Здесь мы подошли к другой стороне вопроса о государственном аппарате. Кроме преимущественно «угнетательского» аппарата постоянной армии, полиции, чиновничества, есть в современном государстве аппарат, связанный особенно тесно с банками и синдикатами, аппарат, который выполняет массу работы учетно-регистрационной, если позволительно так выразиться. Этого аппарата разбивать нельзя и не надо. Его надо вырвать из подчинения капиталистам, от него надо *отрезать, отсечь, отрубить* капиталистов с их нитями влияния, его надо *подчинить* пролетарским Советам, его надо сделать более широким, более всеобъемлющим, более всенародным. И это *можно* сделать, опираясь на завоевания, уже осуществленные крупнейшим капитализмом (как и вообще пролетарская революция, только опираясь на эти завоевания способна достигнуть своей цели).

Капитализм создал *аппараты* учета вроде банков, синдикатов, почты, потребительных обществ, союзов служащих. *Без крупных банков социализм был бы неосуществим.*

Крупные банки *есть* тот «государственный аппарат», который нам *нужен* для осуществления социализма и который мы *берем готовым* у капитализма, при чем нашей задачей является здесь лишь *отсечь* то, что *капиталистически уродует* этот превосходный аппарат, сделать его *еще крупнее*, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупнейших государственный банк, с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике — это уже девять десятых *социалистического* аппарата. Это — общегосударственное *счетоводство,* общегосударственный *учет* производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто вроде *скелета* социалистического общества.

Этот «государственный аппарат» (который является не вполне государственным при капитализме, но который будет вполне государственным у нас, при социализме) мы можем «взять» и «привести в движение» одним ударом, одним указом, ибо фактическую работу счетоводства, контроля, регистрации, учета и счета выполняют здесь *служащие,* большинство которых сами находятся в пролетарском или полупролетарском положении.

Одним указом пролетарского правительства этих служащих можно и должно перевести на положение государственных служащих — подобно тому, как сторожевые псы капитализма, вроде Бриана и других буржуазных министров, одним указом переводят бастующих железнодорожников на положение государственных служащих. Таких государственных служащих нам пона-

добится много больше, и их *можно* получить больше, ибо капитализм упростил функции учета и контроля, свел их к сравнительно несложным, доступным всякому грамотному человеку *записям*.

«Огосударствление» массы служащих банковых, синдикатских, торговых и пр. и пр. — вещь вполне осуществимая и технически (благодаря предварительной работе, выполненной для нас капитализмом и финансовым капитализмом) и политически, при условии контроля и надзора *Советов*.

А с высшими служащими, которых очень немного, но которые тянут к капиталистам, придется поступить, как с капиталистами, «по строгости». Они, как и капиталисты, окажут *сопротивление*. Это сопротивление надо будет *сломить*, и если бессмертно-наивный Пешехонов лепетал еще в июне 1917 года, как настоящий «государственный младенец», что «сопротивление капиталистов сломлено», то эту детскую фразу, ребячью похвальбу, мальчишескую выходку *пролетариат осуществит в серьез*.

Это мы сделать можем, ибо речь идет о сламывании сопротивления ничтожного меньшинства населения, буквально горстки людей, за каждым из которых союзы служащих, профессиональные союзы, потребительные общества и Советы учредят такой *надзор*, что всякий Тит Титыч будет *окружен*, как француз под Седаном. Этих Тит Титычей мы знаем поименно: достаточно взять списки директоров, членов правления, крупных акционеров и т. п. Их несколько сот, самое большее — несколько тысяч на *всю* Россию, к каждому из них пролетарское государство, с аппаратом Советов, союзов служащих и т. д., может приставить и по десятку и по сотне контролеров, так что даже вместо «сламывания сопротивления» удастся, пожалуй, посредством *рабочего контроля* (за капиталистами) сделать какое бы то ни было сопротивление *невозможным*.

Не в конфискации имущества капиталистов будет даже «гвоздь» дела, а именно во всенародном, всеобъемлющем рабочем контроле над капиталистами и за их возможными сторонниками. Одной конфискацией ничего не сделаешь, ибо в ней нет элемента организации, учета правильного распределения. Конфискацию мы легко заменим взиманием *справедливого* налога (хотя бы в «Шингаревских» ставках) — только бы исключить возможность какого-либо уклонения от подотчетности, сокрытия правды, обхода закона. А эту возможность *устранит только* рабочий контроль *рабочего государства*.

Принудительное синдицирование, т.-е. принудительное объединение в союзы под контролем государства, вот что капитализм подготовил, вот что в Германии осуществило государство юнкеров, вот что вполне будет осуществимо в России для Со-

ветов, для диктатуры пролетариата, вот что *даст нам «государственный аппарат»* и универсальный, и новейший, и небюрократический *).

* * *

Четвертый довод адвокатов буржуазии: пролетариат не сможет «привести в движение» государственный аппарат. Этот довод не представляет собой чего-либо нового по сравнению с предыдущим доводом. Старым аппаратом мы не смогли бы, конечно, ни овладеть, ни привести его в движение. Новый аппарат, Советы, *уже* приведен в движение «могучим порывом подлинного народного творчества». С этого аппарата надо только снять те *путы*, которые наложило на него главенство эс-эровских и меньшевистских вождей. Этот аппарат *уже* в ходу, надо только выбросить прочь те уродливые мелкобуржуазные привески, которые мешают ему идти вперед и вперед полным ходом.

Два обстоятельства надо здесь рассмотреть, чтобы дополнить сказанное выше: во-первых, новые средства контроля, созданные *не* нами, а капитализмом в его военно-империалистской стадии; во-вторых, значение углубления демократизма в деле *управления* государством пролетарского типа.

Хлебная монополия и хлебные карточки созданы не нами, а воюющим капиталистическим государством. Оно уже создало всеобщую трудовую повинность в рамках капитализма, это — военная каторжная тюрьма для рабочих. Но и здесь, как и во всем своем историческом творчестве, пролетариат берет свое оружие у капитализма, а не «выдумывает», не «создает из ничего».

Хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность являются в руках пролетарского государства, в руках полновластных Советов, самым могучим средством учета и контроля, таким средством, которое, будучи распространено на капиталистов и *на богатых вообще*, будучи применено к ним *рабочими*, даст невиданную еще в истории силу «приведения в движение» государственного аппарата, для преодоления сопротивления капиталистов, для подчинения их пролетарскому государству. Это средство контроля и *принуждения к труду* посильнее законов конвента и его гильотины. Гильотина *только* запугивала, только сламывала *активное* сопротивление. *Нам этого мало.*

Нам этого мало. Нам надо не только «запугать» капиталистов в том смысле, чтобы они чувствовали всесилие пролетарского государства и забыли думать об активном сопротивле-

*) Подробнее о значении принудительного синдицирования смотри в моей брошюре: «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». (См. настоящий том, стр. 174. *Ред.*)

нии ему. Нам надо сломать и *пассивное*, несомненно, еще более опасное и вредное сопротивление. Нам надо не только сломить какое бы то ни было сопротивление. Нам надо *заставить работать* в новых организационно-государственных рамках. Недостаточно «убрать вон» капиталистов, надо (убрав вон негодных, безнадежных «сопротивленцев») поставить их *на новую государственную службу*. Это относится и к капиталистам и к известному верхнему слою буржуазной интеллигенции, служащих и т. д.

И мы имеем средство для этого. Нам дало для этого средство и оружие в руки само воюющее капиталистическое государство. Это средство — хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность. «Кто не работает, тот не должен есть» — вот основное, первейшее и главнейшее правило, которое могут ввести в жизнь и введут Советы Рабочих Депутатов, когда они станут властью.

Рабочая книжка есть у каждого рабочего. Его не унижает этот документ, хотя он *теперь*, несомненно, является документом капиталистического наемного рабства, свидетельством на принадлежность трудящегося человека тому или иному тунеядцу.

Советы введут рабочую книжку *для богатых*, а *затем* с постепенностью и для всего населения (в крестьянской стране, вероятно, на долгое время рабочая книжка будет не нужна для подавляющего большинства крестьянства). Рабочая книжка перестанет быть признаком «черной кости», перестанет быть документом «низших» сословий, свидетельством наемного рабства. Она превратится в свидетельство того, что в новом обществе нет больше «рабочих», но зато и нет никого, кто бы не был *работником*.

Богатые должны получить от того союза рабочих или служащих, к которому ближе всего относится их область деятельности, рабочую книжку, они должны еженедельно, или через какой-либо другой определенный срок, получать удостоверение от этого союза, что ими добросовестно выполняется их работа; без этого они не могут получить хлебной карточки и продуктов продовольствия вообще. Нам нужны хорошие организаторы банкового дела и объединения предприятий (в этом деле у капиталистов больше опыта, а с опытными людьми работа идет легче), нам нужны в большем и большем, против прежнего, числе инженеры, агрономы, техники, научно-образованные специалисты всякого рода. Мы всем таким работникам дадим посильный и привычный им труд, мы, вероятно, лишь с постепенностью будем вводить равенство платы в полном его размере, оставляя на время перехода более высокую плату для таких специалистов, но мы поставим их под всесторонний рабочий контроль, мы добьемся полного и безусловного проведения в жизнь правила: «кто не работает, тот да не ест». А органи-

запиcную форму работы мы не выдумываем, а берем готовой у капитализма, банки, синдикаты, лучшие фабрики, опытные станции, академии и прочее; нам придется лишь заимствовать наилучшие образцы из опыта передовых стран.

И, конечно, мы не впадем ни капли в утопизм, мы не покинем почвы самого трезвого практического расчета, если скажем: весь класс капиталистов окажет самое упорное сопротивление, но организацией всего населения в Советы это сопротивление будет сломлено, при чем особенно упорных и неповинующихся капиталистов придется, разумеется, наказывать конфискацией всего имущества и тюрьмой, но зато победа пролетариата *увеличит* число таких случаев, о котором, напр., я читаю в сегодняшних «Известиях»:

«26-го сентября в Центральный Совет Фабрично-Заводских Комитетов явились два инженера с заявлением, что группой инженеров решено образовать союз инженеров-социалистов. Считая, что настоящее время является по существу началом социальной революции, союз предлагает себя в распоряжение рабочих масс и желает, отстаивая интересы рабочих, действовать в полном единении с рабочими организациями. Представители Центр. Совета Фабрично-Заводских Комитетов ответили, что Совет охотно образует в своей организации секцию инженеров, включающую в свою программу основные тезисы 1-й конференции Фабрично-Заводских Комитетов о рабочем контроле над производством. В ближайшие дни состоится соединенное заседание делегатов Центр. Совета Фабрично-Заводских Комитетов и инициативной группы инженеров-социалистов». («Известия Ц. И. К.» от 27 сентября 1917 г.)

* * *

Пролетариат не сможет, говорят нам, привести в движение государственный аппарат.

Россией управляли после революции 1905 года 130.000 помещиков, управляли посредством бесконечных насилий над 150 миллионами людей, посредством безграничных издевательств над ними, принуждения огромного большинства к каторжному труду и полуголодному существованию.

И Россией, будто бы, не смогут управлять 240.000 членов партии большевиков, управлять в интересах бедных и против богатых [110]). Эти 240.000 человек имеют за себя уже теперь не менее одного миллиона голосов взрослого населения, ибо именно такое соотношение числа членов партии к числу подаваемых за нее голосов установлено опытом Европы и опытом России, хотя бы, напр., августовскими выборами в Питерскую думу. Вот у нас уже «государственный аппарат» в *один миллион* людей, преданных социалистическому государству идейно, а не ради получения 20-го числа ежемесячно крупного куша.

Мало того, у нас есть «чудесное средство» сразу, одним ударом *удесятерить* наш государственный аппарат, средство,

которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может. Это чудесное дело — привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством.]

Чтобы пояснить, как легко применимо это чудесное средство, как безошибочно его действие, возьмем возможно более простой и наглядный пример.

Государству надо выселить из квартиры принудительно определенную семью и поселить другую. Это делает сплошь да рядом капиталистическое государство, это будет делать и наше, пролетарское или социалистическое государство.

Капиталистическое государство выселяет семью рабочих, потерявшую работника и не внесшую платы. Является судебный пристав, полицейский или милицейский, целый взвод их. В рабочем квартале, чтобы произвести выселение, нужен отряд казаков. Почему? Потому что пристав и «милицейский» отказываются идти без военной охраны очень большой силы. Они знают, что сцена выселения вызывает такую бешеную злобу во всем окрестном населении, в тысячах и тысячах доведенных почти до отчаяния людей, такую ненависть к капиталистам и к капиталистическому государству, что пристава и взвод милицейских могут ежеминутно разорвать в клочки. Нужны большие военные силы, надо привести в большой город несколько полков непременно из какой-нибудь далекой окраины, чтобы солдатам была чужда жизнь городской бедноты, чтобы солдат не могли «заразить» социализмом.

Пролетарскому государству надо принудительно вселить крайне нуждающуюся семью в квартиру богатого человека. Наш отряд рабочей милиции состоит, допустим, из 15 человек: два матроса, два солдата, два сознательных рабочих (из которых пусть только один является членом нашей партии или сочувствующим ей), затем 1 интеллигент и 8 человек из трудящейся бедноты, непременно не менее 5 женщин, прислуги, чернорабочих и т. п. Отряд является в квартиру богатого, осматривает ее, находит 5 комнат на двоих мужчин и две женщины. — «Вы потеснитесь, граждане, в двух комнатах на эту зиму, а две комнаты приготовьте для поселения в них двух семей из подвала. На время, пока мы при помощи инженеров (вы, кажется, инженер?) не построим хороших квартир для всех, вам обязательно потесниться. Ваш телефон будет служить на 10 семей. Это сэкономит часов 100 работы беготни по лавчонкам и т. п. Затем в вашей семье двое незанятых полурабочих, способных выполнить легкий труд: гражданка 55 лет и гражданин 14 лет. Они будут дежурить ежедневно по 3 часа, чтобы наблюдать за правильным распределением продуктов для 10 семей и вести необходимые для этого записи. Гражданин студент, который находится в нашем отряде, напишет сейчас в двух экземплярах текст этого

государственного приказа, а вы будете любезны выдать нам расписку, что обязуетесь в точности выполнить его».

Таково могло бы быть, на мой взгляд, представленное на наглядных примерах соотношение между старым, буржуазным, и новым, социалистическим, государственным аппаратом и государственным управлением.

Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы *обучение* делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно *начали* привлекать всех трудящихся, всю бедноту.

Мы знаем, что кадеты тоже согласны учить народ демократизму. Кадетские дамы согласны читать, по лучшим английским и французским источникам, лекции для прислуги о женском равноправии. А также на ближайшем концерте-митинге, перед тысячами людей, на эстраде будет устроено целование: кадетская дама лекторша будет целовать Брешковскую, Брешковская бывшего министра Церетели, и благодарный народ будет обучаться таким образом наглядно тому, каково республиканское равенство, свобода и братство...

Да, мы согласны, что кадеты, Брешковская и Церетели, посвоему, преданы демократизму и пропагандируют его в народе. Но что же делать, если у нас несколько иное представление о демократизме?

Понашему, для облегчения неслыханных тягостей и бедствий войны, а равно для лечения тех ужаснейших ран, которые нанесла народу война, нужен *революционный* демократизм, нужны *революционные* меры именно такого рода, как описанное для примера распределение жилых помещений в интересах бедноты. *Точно так же* надо поступить и в городе и в деревне с продуктами продовольствия, одеждой, обувью и т. д., в деревне с землей и прочее. К управлению государством *в таком* духе мы можем *сразу привлечь государственный* аппарат, миллионов в десять, если не в двадцать человек, аппарат, не виданный ни в одном капиталистическом государстве. Этот аппарат только мы можем создать, ибо нам обеспечено полнейшее и беззаветное сочувствие гигантского большинства населения. Этот аппарат только мы можем создать, ибо у нас есть сознательные дисциплинированные долгой капиталистической «выучкой» (не даром же мы были

на выучке у капитализма) рабочие, которые в *состоянии* создать рабочую милицию и *постепенно* расширить ее (начиная расширять немедленно) *во всенародную* милицию. Сознательные рабочие должны руководить, но привлечь к делу управления они в состоянии настоящие массы трудящихся и угнетенных.

Разумеется, неизбежны ошибки при первых шагах этого нового аппарата. Но разве не было ошибок у крестьян, когда они из крепостного права выходили на волю и начинали сами вести свои дела? Разве может быть иной путь к обучению народа управлять самим собой, к избавлению от ошибок, как путь практики? как немедленный приступ к настоящему народному самоуправлению? Самое главное теперь распроститься с тем буржуазным интеллигентским предрассудком, будто управлять государством могут только особые чиновники, всецело зависимые от капитала по всему своему общественному положению. Самое главное — положить конец такому положению вещей, когда управлять пытаются постарому буржуа, чиновники и «социалистические» министры, но управлять не могут, и после семи месяцев получают в крестьянской стране крестьянское восстание!! Самое главное внушить угнетенным и трудящимся доверие в свои силы, показать им на практике, что они могут и должны взяться сами за *правильное*, строжайше упорядоченное, организованное распределение хлеба, всякой пищи, молока, одежды, квартир и т. д. *в интересах бедноты.* Без этого спасения России от краха и гибели *нет,* а добросовестный, смелый, повсеместный приступ к передаче дела управления в руки пролетариев и полупролетариев даст такой невиданный в истории революционный энтузиазм масс, умножит во столько раз народные силы по борьбе с бедствиями, что многое кажущееся невозможным для наших узких, старых, бюрократических сил, станет осуществимым для сил миллионной массы, *начинающей работать на себя,* а не на капиталиста, не на барчука, не на чиновника, не из-под палки.

* * *

К вопросу о государственном аппарате относится также вопрос о централизме, поднятый особенно энергично и особенно неудачно т. Базаровым в № 138 «Новой Жизни», от 27-го сентября, в статье: «Большевики и проблема власти».

Тов. Базаров рассуждает так: «Советы не являются аппаратом, приспособленным ко всем областям государственной жизни», ибо семимесячный опыт де показал, «десятки и сотни документальных данных, имеющихся в Экономическом Отделе Петербур. Исполнительного Комитета», подтвердили, что Советы, хотя во многих местах фактически и пользовались «всей полнотой власти», «не могли достигнуть в области борьбы с разрухой сколько-нибудь

удовлетворительных результатов». Необходим аппарат, «расчлененный по отраслям производства, строго централизованный в пределах каждой отрасли и подчиненный единому общегосударственному центру». «Дело идет» — изволите видеть — «не о замене старого аппарата, а лишь о реформировании его... сколько бы большевики ни издевались над людьми с планом»...

Все эти рассуждения товарища Базарова прямо поразительно беспомощны, как сколок рассуждений буржуазии, отражение ее классовой точки зрения!

В самом деле. Говорить, будто Советы хоть где-нибудь в России, хоть когда-нибудь пользовались «всей полнотой власти», это просто смешно (если это не повторение корыстно-классовой лжи капиталистов). Вся полнота власти требует власти над всей землей, над всеми банками, над всеми фабриками; человек, сколько-нибудь знакомый с опытом истории и с данными науки о связи политики с экономикой, не мог бы «забыть» этого «маленького» обстоятельства.

Лживый прием буржуазии состоит в том, что она, *не* давая Советам власти, *саботируя* всякий серьезный шаг их, сохраняя правительство в своих руках, сохраняя власть над землей и над банками и т. д., сваливает вину за разруху на Советы!! В этом же и состоит весь печальный опыт коалиции.

Никогда полноты власти Советы не имели, и ничего кроме паллиативов и усиления путаницы их меры дать не могли.

Доказывать большевикам, централистам по убеждению и по программе и на тактике всей своей партии, необходимость централизма, значит, поистине ломиться в открытую дверь. Если писатели «Новой Жизни» занимаются этим пустым занятием, то это лишь потому, что они совершенно не поняли смысла и значения наших насмешек над их «общегосударственной» точкой зрения. А не поняли этого новожизненцы потому, что учение о классовой борьбе признают они только *губами*, а не умом. Повторяя заученные слова о классовой борьбе, они ежесекундно сбиваются на забавную теоретически, реакционную практически «надклассовую точку зрения», называя это прислужничество буржуазии «общегосударственным» планом.

Государство, милые люди, есть понятие классовое. Государство есть орган или машина насилия одного класса над другим. Пока оно есть машина для насилия буржуазии над пролетариатом, до тех пор пролетарский лозунг может быть лишь один: *разрушение* этого государства. А когда государство будет пролетарским, когда оно будет машиной насилия пролетариата над буржуазией, тогда мы вполне и безусловно за твердую власть и за централизм.

Говоря популярнее: не над «планами» мы смеемся, а над тем, что Базаров и К⁰ не понимают, что, отрицая «рабочий

контроль», отрицая «диктатуру пролетариата», они *стоят* за диктатуру буржуазии. Середины нет, середина пустая мечта мелкобуржуазного демократа.

Против *централизма* Советов, против их объединения в один центр, ни один большевик никогда не спорил. Против фабрично-заводских комитетов по отраслям производства и их централизации никто из нас не возражает. Базаров стреляет *мимо.*

Мы смеемся, смеялись и будем смеяться не над «централизмом» и не над «планами», а над *реформизмом.* Ибо реформизм ваш смешон сугубо после опыта коалиции. А говорить: «не замена аппарата, а реформирование», значит, быть реформистом, значит, становиться не революционным, а реформистским демократом. Реформизм есть не что иное, как уступки правящего класса, а *не* свержение его, уступки его при сохранении власти *за ним.*

Это и есть как раз то, что испробовано полугодичной коалицией.

Над этим мы и смеемся. Базаров, не продумав учения о классовой борьбе, дает себя поймать буржуазии, которая хором поет: «вот, вот именно, мы как раз не против реформирования, мы за участие рабочих в общегосударственном контроле, мы вполне согласны», и добрый Базаров *объективно* играет роль подголоска капиталистов.

Так всегда бывало, так всегда будет с людьми, в обстановке острой классовой борьбы пытающимися занять «среднюю» позицию. И именно потому, что писатели «Новой Жизни» не в состоянии понять классовой борьбы, их политика есть такое смешное, вечное шатание между буржуазией и пролетариатом.

Возьмитесь-ка за «планы», любезные граждане, это не политика, это не дело классовой борьбы, тут вы можете принести народу пользу. У вас в газете масса экономистов. Соедините с такими инженерами и пр., кои готовы поработать над вопросами регулирования производства и распределения, отдайте вкладной лист вашего большого «аппарата» (газеты) на деловую разработку точных данных о производстве и распределении продуктов в России, о банках и синдикатах и т. д. и т. д. — вот в чем вы принесете пользу народу, вот где ваше сидение между двух стульев не особенно вредно скажется, вот какая работа по части «планов» вызовет не насмешку, а благодарность рабочих.

Пролетариат сделает так, когда победит: он посадит экономистов, инженеров, агрономов и пр. *под контролем* рабочих организаций за выработку «плана», за проверку его, за отыскивание средств сэкономить труд централизацией, за изыскание мер и способов самого простого, дешевого, удобного и универсального контроля. Мы заплатим за это экономистам, статистикам, техникам хорошие деньги, но... но мы не дадим им кушать, если

они не будут выполнять этой работы добросовестно и полно *в интересах трудящихся.*

Мы за централизм и за «план», но за централизм и за план *пролетарского* государства, пролетарского регулирования производства и распределения в интересах бедных, трудящихся и эксплуатируемых, *против* эксплуататоров. Под «общегосударственным» мы согласны понимать лишь то, что сламывает сопротивление капиталистов, что дает всю полноту власти большинству народа, т.-е. пролетариям и полупролетариям, рабочим и беднейшим крестьянам.

* *
*

Довод пятый состоит в том, что большевики не удержат власти, ибо «обстановка исключительно сложная»...

О мудрецы! Они готовы, пожалуй, помириться с революцией — только без «исключительно сложной обстановки».

Таких революций не бывает, и ничего кроме реакционных ламентаций буржуазного интеллигента нет в воздыханиях по такой революции. Если даже революция началась при обстановке, которая кажется не очень сложной, то сама революция в своем развитии *всегда* создает *исключительно* сложную обстановку. Ибо революция, настоящая, глубокая, «народная», по выражению Маркса, революция есть невероятно сложный и мучительный процесс умирания старого и рождение нового общественного строя, уклада жизни десятков миллионов людей. Революция есть самая острая, бешеная, отчаянная классовая борьба и гражданская война. Ни одна великая революция в истории не обходилась без гражданской войны. А думать, что гражданская война мыслима без «исключительно сложной обстановки», могут только человеки в футляре.

Если бы не было исключительно сложной обстановки, то не было бы и революции. Волков бояться — в лес не ходить.

В доводе пятом нечего разбирать, потому что в нем нет никакой ни экономической, ни политической, ни вообще какой-либо иной мысли. В нем есть только воздыхание людей, опечаленных и испуганных революцией. Позволю себе, для характеристики этого воздыхания, два маленьких личных воспоминания.

Разговор с богатым инженером незадолго до июльских дней. Инженер был некогда революционером, состоял членом социал-демократической и даже большевистской партии. Теперь весь он — один испуг, одна злоба на бушующих и неукротимых рабочих. Если бы еще это были такие рабочие, как немецкие, — говорит он (человек образованный, бывавший за границей), — я, конечно, понимаю вообще неизбежность социальной революции, но у нас, при том понижении уровня рабочих, которое принесла война... это не революция, это — пропасть.

Он готов бы признать социальную революцию, если бы история подвела к ней так же мирно, спокойно, гладко и аккуратно, как подходит к станции немецкий курьерский поезд. Чинный кондуктор открывает дверцы вагона и провозглашает: «станция социальная революция. Alle aussteigen (всем выходить)!» Тогда почему бы не перейти с положения инженера при Тит Титычах на положение инженера при рабочих организациях.

Этот человек видал стачки. Он знает, какую бурю страстей вызывает всегда, даже в самое мирное время, самая обыкновенная стачка. Он понимает, конечно, во сколько миллионов раз должна быть сильнее эта буря, когда классовая борьба подняла *весь* трудящийся люд огромной страны, когда война и эксплуатация довели почти до отчаяния миллионы людей, которых веками мучили помещики, десятилетиями грабили и забивали капиталисты и царские чиновники. Он понимает все это «теоретически», он признает все это только губами, он просто запуган «исключительно сложной обстановкой».

После июльских дней мне довелось, благодаря особенно заботливому вниманию, которым меня почтило правительство Керенского, уйти в подполье. Прятал нашего брата, конечно, рабочий. В далеком рабочем предместьи Питера, в маленькой рабочей квартире подают обед. Хозяйка приносит хлеб. Хозяин говорит: «Смотри-ка, какой прекрасный хлеб. «Они» не смеют теперь, небось, давать дурного хлеба. Мы забыли, было, и думать, что могут дать в Питере хороший хлеб».

Меня поразила эта классовая оценка июльских дней. Моя мысль вращалась около политического значения события, взвешивала роль его в общем ходе событий, разбирала, из какой ситуации проистек этот зигзаг истории и какую ситуацию он создаст, как должны мы изменить наши лозунги и наш партийный аппарат, чтобы приспособить его к изменившемуся положению. О хлебе я, человек, не видавший нужды, не думал. Хлеб являлся для меня как-то сам собой, нечто вроде побочного продукта писательской работы. В основе всего, к классовой борьбе за хлеб мысль подходит через политический анализ необыкновенно сложным и запутанным путем.

А представитель угнетенного класса, хотя из хорошо оплачиваемых и вполне интеллигентных рабочих, берет прямо быка за рога, с той удивительной простотой и прямотой, с той твердой решительностью, с той поразительной ясностью взгляда, до которой нашему брату интеллигенту, как до звезды небесной, далеко. Весь мир делится на два лагеря: «мы», трудящиеся, и «они», эксплуататоры. Ни тени смущения по поводу происшедшего: одно из сражений в долгой борьбе труда с капиталом. Лес рубят — щепки летят.

«Какая мучительная вещь, эта «исключительно сложная обста-

новка» революции» — так думает и чувствует буржуазный интеллигент.

«Мы «их» нажали, «они» не смеют охальничать, как прежде. Нажмем еще — сбросим совсем» — так думает и чувствует рабочий.

* *
*

Шестой и последний довод: пролетариат «неспособен будет противостоять всему напору враждебных сил, который сметет не только диктатуру пролетариата, но и в придачу всю революцию».

Не пугайте, господа, не запугаете. Видели мы эти враждебные силы и их напор в корниловщине (от которой ничем не отличается керенщина). Как смел пролетариат и беднейшее крестьянство корниловщину, в каком жалком и беспомощном положении оказались сторонники буржуазии и немногочисленные представители особенно зажиточных и особенно «враждебных» революции местных слоев мелких землевладельцев, это все видели, это народ помнит. «Дело Народа», от 30 сентября, уговаривая рабочих «претерпеть» керенщину (т.-е. корниловщину) и поддельную церетелевскую булыгинскую Думу до Учредительного Собрания (созываемого под охраной «военных мер» против восстающего крестьянства!), «Дело Народа» повторяет, захлебываясь, именно шестой довод «Новой Жизни» и кричит до хрипоты: «правительство Керенского ни в коем случае не подчинится» (власти Советов, власти рабочих и крестьян, которую «Дело Народа», чтобы не оставаться позади погромщиков и антисемитов, монархистов и кадетов, называет властью «Троцкого и Ленина»: вот до каких приемов доходят эс-эры!!) [111]).

Но ни «Новая Жизнь», ни «Дело Народа» сознательных рабочих не запугают. «Правительство Керенского», — говорите вы, — «ни в коем случае не подчинится», т.-е. повторит корниловщину, говоря проще, прямее, яснее. И господа из «Дела Народа» смеют говорить, будто это будет «гражданская война», будто это «ужасные перспективы»!

Нет, господа, не обманете рабочих. Это не гражданская война будет, а безнадежнейший бунт кучки корниловцев: или они желают «не подчиняться» народу и, во что бы то ни стало, спровоцировать его на повторение в широком масштабе того, что в Выборге было по отношению к корниловцам, *если* эс-эры *желают* этого, если член партии эс-эров Керенский желает этого, он довести народ до исступления может. Но рабочих и солдат вы этим, господа, не запугаете.

Какая безмерная наглость: подделали новую булыгинскую Думу, посредством подлогов набрали себе в подмогу реакционных кооператоров, деревенских кулаков, надбавили к ним капиталистов и помещиков (называемых цензовыми элементами) и хотят

срывать с этой бандой корниловцев *волю народа*, волю рабочих и крестьян.

Довели в крестьянской стране дело до того, что всюду разливается широкой рекой крестьянское восстание! Подумайте только: в демократической республике с 80 процентами населения из крестьян довели их до крестьянского восстания... То же самое «Дело Народа», газета Чернова, орган партии «социалистов-революционеров», который 30-го сентября имеет бесстыдство советовать рабочим и крестьянам «претерпеть», вынуждено было признаться в передовой статье от 29-го сентября:

> «*Почти ничего* не сделано до настоящего времени для уничтожения тех *кабальных* отношений, которые все еще *господствуют* в деревне, именно, центральной России» [112]).

Это самое «Дело Народа» в той же передовице 29-го сентября говорит, что «столыпинская хватка еще сильно дает себя знать» в приемах «революционных министров», то-есть другими словами, говоря яснее и проще, называет *столыпинцами* Керенского, Никитина, Кишкина и К°.

«Столыпинцы» Керенский и К° довели крестьян до восстания, вводят теперь «военные меры» против крестьян, утешают народ созывом Учредительного Собрания (хотя Керенский и Церетели раз уже *обманули* народ, торжественно объявив 8-го июля, что Учредительное Собрание будет собрано в срок, 17-го сентября, а потом *нарушили свое слово* и отсрочили Учредительное Собрание вопреки советам даже *меньшевика Дана*, отсрочили Учредительное Собрание не на конец октября, как хотел тогдашний меньшевистский Ц. И. К., а на конец ноября). «Столыпинцы» Керенский и К° утешают народ близким созывом Учредительного Собрания, как будто народ может поверить тем, кто раз солгал в подобном деле, как будто бы народ может поверить в *правильный* созыв Учредительного Собрания правительством, вводящим *военные меры* в глухих деревнях, то-есть явно *прикрывающим* произвольные аресты сознательных крестьян и *подделку* выборов.

Довести крестьян до восстания и иметь бесстыдство говорить им: «надо «претерпеть», надо подождать, довериться тому правительству, которое «военными мерами» усмиряет восставших крестьян!»

Довести дело до гибели сотен тысяч русских солдат при наступлении после 19-го июня, до затягивания войны, до восстания немецких матросов, кидающих в воду своих начальников, довести дело до этого, все время фразерствуя о мире и *не предлагая* справедливого мира *всем* воюющим, и иметь бесстыдство говорить рабочим и крестьянам, говорить гибнущим солдатам: «необходимо претерпеть», доверьтесь де правительству «столыпинца»

Керенского, доверьтесь еще на месяц корниловским генералам, может они за месяц еще несколько десятков тысяч солдат отдадут на убой... «Необходимо претерпеть».

Это ли не бесстыдство??

Нет, господа эс-эры, коллеги Керенского по партии, вы не обманете солдат!

Ни одного дня, ни одного *лишнего* часа не потерпят правительства Керенского рабочие и солдаты, знающие, что *советское* правительство даст *немедленное* предложение справедливого мира всем воюющим, а следовательно даст *по всей вероятности* немедленное перемирие и скорый мир.

Ни одного дня, ни одного *лишнего* часа не потерпят солдаты нашей крестьянской армии, чтобы оставалось, вопреки воле Советов, правительство Керенского, *военными мерами* усмиряющее крестьянское восстание.

Нет, господа эс-эры, коллеги Керенского по партии, вы не обманете больше рабочих и крестьян.

* *
*

В вопросе о напоре враждебных сил, который по уверению до смерти запуганной «Новой Жизни» сметет диктатуру пролетариата, есть еще одна чудовищная логическая и политическая ошибка, которую могут не видеть только люди, давшие себя запугать почти до невменяемости.

«Напор враждебных сил сметет диктатуру пролетариата» — говорите вы. Хорошо. Но ведь вы все экономисты и образованные люди, любезные сограждане. Вы все знаете, что противополагать демократию буржуазии есть бессмыслица и невежество, что это то же самое, как противополагать пуды аршинам. Ибо бывает демократическая буржуазия и недемократические (способные на Вандею) слои мелкой буржуазии.

«Враждебные силы», это — фраза. Классовое же понятие есть *буржуазия* (за которую стоят и помещики).

Буржуазия с помещиками, пролетариат, мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, в первую голову крестьянство, — вот три основные «силы», на которые разделяется Россия, как и *всякая* капиталистическая страна. Вот три основные «силы», которые давно показаны в каждой капиталистической стране (и в России) не только научным экономическим анализом, но и *политическим опытом* всей новейшей истории *всех* стран, опытом *всех* европейских революций с XVIII века, опытом *двух* русских революций 1905 и 1917 годов.

Итак, вы грозите пролетариям тем, что их власть сметет напор буржуазии? К этому и только к этому сводится ваша угроза, больше никакого содержания в ней нет.

Хорошо. Если, напр., буржуазия может смести власть рабочих и беднейших крестьян, тогда ничего иного не остается кроме «коалиции», т.-е. союза или соглашения мелких буржуа с буржуазией. Ничего иного и мыслить нельзя!!

А ведь коалиция испробована полгода, привела к краху, и вы сами, любезные, но не умеющие думать граждане из «Новой Жизни», от коалиции *отреклись*.

Что же получается?

Вы так запутались, граждане из «Новой Жизни», так дали запугать себя, что в самом простом рассуждении, *в счете даже не до пяти, а только до трех,* вы не умеете свести концов с концами.

Либо вся власть буржуазии — этого вы давно не защищаете, и сама буржуазия не смеет даже заикнуться об этом, зная, что уже 20—21 апреля такую власть народ одним движением плеча скинул и скинет теперь втрое решительнее, беспощаднее. Либо власть мелкой буржуазии, т.-е. коалиция (союз, соглашение) ее с буржуазией, ибо самостоятельно и независимо мелкая буржуазия власти не хочет и *не может* взять, как доказал опыт всех революций, как доказывает и экономическая наука, разъясняющая, что в капиталистической стране можно стоять за капитал, можно стоять за труд, но по середке устоять нельзя. Эта коалиция в России полгода испробовала не десятки способов и провалилась.

Либо, наконец, вся власть пролетариям и беднейшим крестьянам, против буржуазии, для того, чтобы сломить ее сопротивление. Это еще не испробовано, и это вы, господа из «Новой Жизни», *отсоветуете* народу, запугивая его вашей собственной запуганностью перед буржуазией.

Ничего четвертого и выдумать нельзя.

Значит, если «Новая Жизнь» боится диктатуры пролетариата и отказывается от нее из-за возможного будто бы поражения пролетарской власти буржуазией, то это равносильно *возвращению тайком* на позицию *соглашательства* с капиталистами!!! Ясно как день, что кто боится сопротивления, кто не верит в возможность сломить это сопротивление, кто учит народ: «бойтесь сопротивления капиталистов, вам не сладить с ним», тот *тем самым* призывает опять к соглашательству с капиталистами.

Беспомощно и жалко запуталась «Новая Жизнь», как запутались теперь все мелкобуржуазные демократы, видящие крах коалиции, не смеющие защищать ее открыто и в то же время защищенные буржуазией, боящиеся всевластия пролетариев и беднейшего крестьянства.

* * *

Бояться сопротивления капиталистов и в то же время называть себя революционером, желать числиться в социалистах—

какой позор! Какое идейное падение испорченного оппортунизмом всемирного социализма нужно было, чтобы *могли* появляться такие голоса!

Силу сопротивления капиталистов мы уже видели, весь народ видел, ибо капиталисты сознательнее других классов и сразу поняли значение Советов, сразу напрягли *все свои силы* до последней степени, пустили в ход все и вся, пустились во все тяжкие, дошли до неслыханных приемов лжи и клеветы, до военных заговоров, *чтобы сорвать Советы,* свести их на-нет, проституировать их (при помощи меньшевиков и эс-эров), превратить их в говорильни, утомить крестьян и рабочих месяцами и месяцами пустейшей словесности и игры в революцию.

А силу сопротивления пролетариев и беднейших крестьян *мы еще не видали,* ибо эта сила выпрямится во весь свой рост лишь тогда, когда власть будет в руках пролетариата, когда десятки миллионов людей, раздавленные нуждой и капиталистическим рабством, увидят на опыте, *почувствуют,* что власть в государстве досталась угнетенным классам, что власть помогает бедноте бороться с помещиками и капиталистами, *ломает* их сопротивление. *Только* тогда мы сможем увидеть, какие непочатые еще силы отпора капиталистам таятся в народе, только тогда проявится то, что Энгельс называет «скрытым социализмом», только тогда на каждые *десять тысяч* открытых или прячущихся, проявляющих себя действием или в пассивном упорстве врагов власти рабочего класса поднимется *по миллиону* новых борцов, доселе политически спавших, прозябавших в мучениях нужды и в отчаянии, потерявших веру в то, что и они люди, что и они имеют право на жизнь, что и им может служить вся мощь современного централизованного государства, что и *их* отряды пролетарской милиции с полным доверием зовут к непосредственному, ближайшему повседневному участию в деле управления государством.

Капиталисты с помещиками, при благосклонном участии гг. Плехановых, Брешковских, Церетели, Черновых и К⁰, сделали *все,* чтобы *испоганить* демократическую республику, испоганить ее услужением перед богатством до того, что народом овладевает апатия, равнодушие, *ему все равно,* ибо голодный не может отличить республики от монархии, озябший, разутый, измученный солдат, гибнущий за чужие интересы, не в состоянии полюбить республики.

А вот когда последний чернорабочий, любой безработный, каждая кухарка, всякий разоренный крестьянин увидит — не из газет, а собственными глазами увидит, — что пролетарская власть не раболепствует перед богатством, а помогает бедноте, что эта власть не останавливается перед революционными мерами, что она берет лишние продукты у тунеядцев и дает голодным, что

она вселяет принудительно бесприютных в квартиры богачей, что она заставляет богатых платить за молоко, но не дает им ни одной капли молока, пока не снабжены им в достаточных размерах дети *всех* бедных семей, что земля переходит к трудящимся, фабрики и банки под контроль рабочих, что за укрывательство богатства миллионеров ждет немедленная и серьезная кара, — вот, когда беднота увидит это и почувствует это, тогда никакие силы капиталистов и кулаков, никакие силы ворочающего сотнями миллиардов всемирного финансового капитала не победят народной революции, а, напротив, *она* победит весь мир, ибо во всех странах зреет социалистический переворот.

Наша революция непобедима, если она не будет бояться сама себя, если она вручит всю полноту власти пролетариату, ибо за нами стоят еще неизмеримо большие, более развитые, более организованные всемирные силы пролетариата, временно придавленные войной, но не уничтоженные, а, напротив, умноженные ею.

* *
*

Бояться, что власть большевиков, то-есть власть пролетариата, которому обеспечена беззаветная поддержка беднейшего крестьянства, «сметут» господа капиталисты! Какая близорукость, какая позорная боязнь народа, какое лицемерие! Люди, проявляющие эту боязнь, принадлежат к тому «высшему» (по капиталистической мерке, а на деле *сгнившему*) «обществу», которое произносит слово «справедливость», само не веря в него, по привычке, как фразу, не вкладывая никакого содержания в него.

Вот пример:

Г. Пешехонов — известный полукадет. Более умеренного трудовика, единомышленника Брешковских и Плехановых, не найти. Более услужливого перед буржуазией министра не было. Более горячего сторонника «коалиции», соглашения с капиталистами, не видал мир!

А вот какие признания *вынужден* был делать сей господин в своей речи на «Демократическом» (читай: булыгинском) Совещании) по передаче оборонческих «Известий»:

«Есть две программы. Одна, это — программа групповых притязаний, притязаний классовых и национальных. Наиболее откровенно эту программу защищают большевики. Но и другим частям демократии вовсе не легко отказаться от этой программы. Ведь это признание трудовых масс, притязания обойденных и угнетенных национальностей. И не так легко поэтому демократии разрывать с большевиками, отказаться от этих классовых требований прежде всего от того, что эти требования по существу своему справедливы. Но эта программа, за которую мы боролись до революции, ради которой революцию совершали и которую мы при других условиях очень дружно поддерживали бы все, при данных

условиях представляет громадную опасность. Теперь опасность еще сильнее потому, что предъявлять эти требования приходится в такой момент, когда удовлетворение их для государства невозможно. Нужно отстоять сначала целое — государство, его спасти от гибели и для этого есть только один путь: не удовлетворение требований, сколько бы справедливыми и сильными они ни представлялись, а, напротив, ограничения, жертвы, которые необходимо приносить со всех сторон». («Известия Ц.И.К.» от 17-го сентября.)

Г. Пешехонов не понимает, что, пока капиталисты у власти, он отстаивает *не* целое, а корыстные интересы русского и «союзного» империалистского капитала. Г. Пешехонов не понимает, что война перестала бы быть захватной, империалистской, грабительской только после разрыва с капиталистами, с *их* тайными договорами, с *их* аннексиями (захватами чужих земель), с *их* банковыми финансовыми мошенничествами. Г. Пешехонов не понимает, что лишь *после* этого война стала бы, в случае отказа противника от формально предложенного ему справедливого мира, оборонительной, справедливой войной. Г. Пешехонов не понимает, что обороноспособность страны, свергшей иго капитала, давшей землю крестьянам, поставившей банки и фабрики под рабочий контроль, была бы *во много раз* выше обороноспособности капиталистической страны.

И главное, г. Пешехонов не понимает, что, будучи вынужден признать справедливость большевизма, признать, что его требования суть требования «*трудовых масс*», т.-е. большинства населения, он *сдает* этим всю свою позицию, всю позицию всей мелкобуржуазной демократии.

Вот в чем наша сила. Вот почему наше правительство будет непобедимо: потому, что даже противники вынуждены признать, что большевистская программа есть программа «трудовых масс» и «угнетенных национальностей».

Ведь г. Пешехонов, это — политический друг кадетов, публики из «Единства» и «Дела Народа», Брешковских и Плехановых, это — представитель кулаков и таких господ, жены и сестры которых пришли бы завтра выкалывать зонтиками глаза недобитым большевикам, если бы дошло дело до их поражения войсками Корнилова или (что совершенно одно и то же) войсками Керенского.

И такой господин *вынужден* признать «справедливость» требований большевиков.

Для него «справедливость» только фраза. Но для масс полупролетариев, для большинства мелкой буржуазии города и деревни, разоренных, истерзанных, измученных войной, это не фраза, а самый острый, самый жгучий, самый большой вопрос о голодной смерти, о куске хлеба. Вот почему *нельзя* опереть *никакой* политики на «коалиции», на «соглашении» интересов

голодных и разоряемых с интересами эксплуататоров. Вот почему *обеспечена* поддержка *этими* массами, в их подавляющем большинстве, большевистского правительства.

Справедливость — пустое слово, говорят интеллигенты и те прохвосты, которые склонны объявлять себя марксистами на том возвышенном основании, что они «созерцали *заднюю*» экономического материализма [113]).

Идеи становятся силой, когда они овладевают массами. И именно теперь большевики, т.-е. представители революционно-пролетарского интернационализма, своей политикой воплотили ту идею, которая двигает во всем мире необъятными трудящимися массами.

Одна справедливость, одно чувство возмущенных эксплуатацией масс, никогда не вывело бы их на верный путь к социализму. Но когда вырос, благодаря капитализму, материальный аппарат крупных банков, синдикатов, железных дорог и т. п.; когда богатейший опыт передовых стран скопил запасы чудес техники, применение коих *тормозит* капитализм, когда сознательные рабочие сплотили партию в четверть миллиона, чтобы планомерно взять в руки этот аппарат и пустить его в ход, при поддержке всех трудящихся и эксплуатируемых; когда *есть* на лицо эти условия, тогда не найдется той силы на земле, которая помешала бы большевикам, *если они не дадут себя запугать* и сумеют взять власть, удержать ее до победы всемирной социалистической революции.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Предыдущие строки были написаны, когда передовица «Новой Жизни» от 1-го октября принесла новый перл тупоумия, тем более опасного, что оно прячется под флагом сочувствия к большевикам и под покровом премудрого филистерского рассуждения: «не дать себя провоцировать» (не дать себя поймать в ловушку криков о провокации, долженствующих запугать большевиков и побудить их *не* брать власти).

Вот этот перл:

«Уроки движений, вроде 3—5-го июля, с одной стороны, и корниловских дней, с другой, с полной ясностью показали, что демократия, имеющая в своем распоряжении влиятельнейшие среди населения органы, непобедима, когда в гражданской войне занимает оборонительную позицию, и терпит поражение, теряя все промежуточные, колеблющиеся элементы, когда берет наступательную инициативу в свои руки» [114]).

Если бы большевики проявили, в какой бы то ни было форме, какую бы то ни было уступчивость по отношению к такому филистерскому тупоумию, которое выражено в этом рассуждении, то они погубили бы и свою партию и революцию.

Ибо автор этого рассуждения, взявшись говорить о гражданской войне (тема как раз по плечу для дамы приятной во всех отношениях), извратил *уроки истории* по этому вопросу до невероятного комизма.

Вот как рассуждал об *этих* уроках, об уроках истории по *этому* вопросу представитель и основоположник пролетарски-революционной тактики Карл Маркс:

«Восстание есть искусство, точно так же как и война, как и другие виды искусства. Оно подчинено известным правилам, забвение которых ведет к гибели партии, оказавшейся виновною в их несоблюдении. Эти правила, будучи логическим следствием из сущности партий, из сущности тех условий, с которыми в подобном случае приходится иметь дело, так ясны и просты, что короткий опыт 1848-го года достаточно ознакомил с ними немцев. Во-первых, никогда не следует играть с восстанием, если нет решимости идти до конца (буквально: считаться со всеми последствиями этой игры). Восстание есть уравнение с величинами в высшей степени неопределенными, ценность которых может изменяться каждый день. Боевые силы, против которых приходится действовать, имеют всецело на своей стороне преимущество организации, дисциплины и традиционного авторитета» (Маркс имеет в виду самый «трудный» случай восстания: против «прочной» старой власти,

против неразложившейся под влиянием революции и колебаний правительства армии); «если восставшие не могут собрать больших сил против своего противника, то их разобьют и уничтожат. Во-вторых, раз восстание начато, тогда надо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания; при обороне оно гибнет, раньше еще чем померялось силами с неприятелем. Надо захватить противника врасплох, пока его войска еще разрознены, надо ежедневно добиваться новых, хотя бы и небольших, успехов; надо удерживать моральный перевес, который дало тебе первое успешное движение восстающих; надо привлекать к себе те колеблющиеся элементы, которые всегда идут за более сильным и всегда становятся на более надежную сторону; надо принудить неприятеля к отступлению, раньше чем он мог собрать свои войска против тебя; одним словом, действуй по словам величайшего из известных до сих пор мастера революционной тактики, Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость» («Революция и контр-революция в Германии», нем. изд. 1907 года, стр. 118).

Мы все это переделали—могут сказать про себя «тоже-марксисты» из «Новой Жизни»,— у нас вместо тройной смелости два достоинства: «у нас два-с: умеренность и аккуратность» [115]). Для «нас» опыт всемирной истории, опыт великой французской революции — ничто. Для «нас» важен опыт двух движений 1917 года, искаженный Молчалинскими очками.

Посмотрим на этот опыт без этих милых очков.

3—5 июля вы сопоставляете с «гражданской войной», ибо вы поверили Алексинскому, Переверзеву и К°. Это характерно для господ из «Новой Жизни», что они *таким* людям верят (не сделав самостоятельно ровно ничего, несмотря на громадный аппарат большой ежедневной газеты, для *собрания сведений* о 3—5 июля).

Но допустим даже на минуту, что 3—5 июля было не начатком гражданской войны, удержанной большевиками в пределах начатка, а настоящей гражданской войной. Допустим.

Что же, в таком случае, доказывает этот урок?

Во-первых, что большевики в наступление *не* переходили, ибо неоспоримо, что в ночь с 3-го на 4-е июля и даже 4-го июля они взяли бы очень многое, если бы перешли в наступление. Оборона была их слабостью, если рассуждать о гражданской войне (как рассуждает «Новая Жизнь», а не о превращении стихийного взрыва в демонстрацию типа 20—21 апреля, как говорят *факты*).

Итак, «урок» говорит *против* мудрецов из «Новой Жизни».

Во-вторых, если большевики не задавались даже целью восстания 3—4 июля, если *ни одна коллегия* большевиков подобного вопроса даже не ставила, то причина тому лежит *вне* нашего спора с «Новой Жизнью». Ибо мы спорим об *уроках* «гражданской войны», т.-е. восстания, а не о том, когда заведомое

неимение большинства на своей стороне удерживает революционную партию от мысли о восстании.

Так как известно всем, что большевики получили большинство и в столичных Советах и в стране (более 49% голосов в Москве) лишь *гораздо позже,* чем в июле 1917 года, то, следовательно, «уроки» получаются опять совсем не те, совсем не те, какие желает видеть новожизненская дама приятная во всех отношениях.

Нет, нет, не беритесь-ка лучше за политику, граждане из «Новой Жизни»!

Если нет у революционной партии большинства в передовых отрядах революционных классов и в стране, то не может быть речи о восстании. Кроме того, для него нужны: 1) нарастание революции в общенациональном масштабе; 2) полный моральный и политический крах старого, например, «коалиционного» правительства; 3) большие колебания в лагере всех промежуточных элементов, т.-е. тех, кто *не* вполне за правительство, хотя вчера был вполне за него.

Почему «Новая Жизнь», заговорив об «уроках» 3—5 июля, этого, очень важного, урока даже и не заметила? Потому, что не политики взялись за политический вопрос, а запуганные буржуазией люди интеллигентского кружка.

Далее. В-третьих, факты говорят, что именно *после* 3—4 июля, именно в связи с *разоблачением* господ Церетели их *июльской* политикой, именно в связи с тем, что *массы* увидали в большевиках *своих* передовых борцов, а в «социал-блокистах» изменников, начинается *развал* эс-эров и меньшевиков. Этот развал *еще до* корниловщины вполне доказан выборами 20-го августа в Питере, давшими победу большевикам и разгром «социал-блокистов» («Дело Народа» недавно пыталось опровергнуть это, *скрыв* итоги обо *всех* партиях; но это самообман и обман читателя; по данным «Дня» от 24-го августа, относящимся только к городу, процент голосов за кадетов повысился с 22% до 23%, а абсолютное число голосов за них уменьшилось на 40%; процент голосов за большевиков возрос с 20% до 33%, а абсолютное число голосов за них уменьшилось всего на 10%; процент голосов за всех «средних» уменьшился с 58% до 44%, а абсолютное число голосов за них уменьшилось на 60%!!).

Развал эс-эров и меньшевиков после июльских дней и до корниловских доказан также ростом «левого» крыла в обеих партиях, достигшего почти 40 процентов: «месть» за преследуемых гг. Керенскими большевиков.

Пролетарская партия, несмотря на «потерю» ею нескольких сот ее членов, *выиграла* гигантски от 3—4 июля, ибо именно в эти тяжелые дни *массы* поняли и увидали ее преданность и *измену* эс-эров и меньшевиков. «Урок», значит, получается

совсем, совсем не «новожизненский», а иной: не отходи от кипящих масс к «Молчалиным демократии», и, если восставать, то переходи в наступление, пока силы врага разрознены, захватывай врага врасплох.

Не так ли, господа «тоже-марксисты» из «Новой Жизни»?

Или «марксизм» состоит в том, чтобы *не* класть в основу тактики точный учет *объективного* положения, а бессмысленно и без критики валить в одну кучу и «гражданскую войну», и «съезд Советов с созывом Учредительного Собрания»?

Но ведь это же просто смехотворно, господа, ведь это же сплошная издевка и над марксизмом, и над всякой логикой вообще!

Если в *объективном* положении вещей *нет* основания для обострения классовой борьбы до степени «гражданской войны», тогда зачем вы о «гражданской войне» заговорили *по поводу* «Съезда Советов и Учредительного Собрания»? (именно так озаглавлена рассматриваемая передовица «Новой Жизни»). Тогда надо бы ясно сказать читателю и доказать ему, что в условиях объективного положения *нет* почвы для гражданской войны и что поэтому можно и должно во главу угла тактики класть мирные, конституционно-легальные, юридически и парламентски «простые» вещи, вроде Съезда Советов и Учредительного Собрания. Тогда *можно* держаться того мнения, что подобный съезд и подобное собрание действительно способны *решать*.

Если же в объективных условиях момента коренится неизбежность или хотя бы только вероятность гражданской войны, если вы о ней не «зря» заговорили, а ясно видя, чувствуя, осязая наличность обстановки гражданской войны, тогда как же можно ставить во главу угла Съезд Советов или Учредительное Собрание?? Ведь это насмешка над голодными и истерзанными массами! Что же, голодный согласится «ждать» два месяца? Или разруха, о нарастании которой вы сами ежедневно пишете, согласится «ждать» до Съезда Советов или до Учредительного Собрания? Или немецкое наступление, при отсутствии серьезных шагов к миру (т.-е. при отсутствии формального предложения справедливого мира всем воюющим) с нашей стороны, согласится «ждать» Съезда Советов или Учредительного Собрания? Или вы имеете такие данные, которые позволяют вам заключить, что история русской революции, шедшая с 28-го февраля по 30 сентября необыкновенно бурно и темпом неслыханно быстрым, пойдет с 1 октября по 29 ноября [116]) темпом архиспокойным, мирным, легально уравновешенным, исключающим взрывы, скачки, поражения на войне, экономические кризисы? Или армия на фронте, про которую *не*большевик офицер Дубасов официально от имени фронта заявил, что она «воевать не будет», эта армия станет спокойно голодать и мерзнуть до «назначенного» числа? Или

крестьянское восстание от того, что вы назовете его «анархией» и «погромом», от того, что Керенский пошлет «военные» силы *против крестьян*, перестанет быть элементом гражданской войны? Или возможна, *мыслима* спокойная, правильная, *не*поддельная работа правительства над созывом Учредительного Собрания *в крестьянской* стране при *подавлении* этим правительством крестьянского восстания?

Не смейтесь над «растерянностью Смольного Института» [117]), господа! Ваша растерянность не меньше. На грозные вопросы гражданской войны вы отвечаете растерянными фразами и жалкими конституционными иллюзиями. Вот почему я говорю, что если бы большевики поддались таким настроениям, они погубили бы и свою партию, и свою революцию.

1 октября 1917 г.

К РАБОЧИМ, КРЕСТЬЯНАМ И СОЛДАТАМ.

Товарищи! Партия «социалистов-революционеров», к которой принадлежит Керенский, зовет вас в своей газете «Дело Народа» (от 30 сентября) «*претерпеть*».

«Необходимо претерпеть», — пишет она, советуя оставить власть за правительством Керенского, советуя не передавать власти Советам Рабочих и Солдатских Депутатов. Пусть Керенский опирается на помещиков, капиталистов и кулаков, пусть совершившие революцию и победившие корниловских генералов Советы «претерпят», — говорят нам. Пусть «претерпят» до скорого созыва Учредительного Собрания.

Товарищи! Посмотрите кругом себя, что̀ делается в деревне, что̀ делается в армии, и вы увидите, что крестьяне и солдаты терпеть дольше не могут. По всей России разливается широкой рекой *восстание крестьян*, от которых обманом оттягивали до сих пор землю. Крестьяне терпеть не могут. Керенский посылает *войска* подавлять крестьян и защищать помещиков, Керенский стакнулся опять с корниловскими генералами и офицерами, стоящими за помещиков.

Ни рабочие в городах, ни солдаты на фронте не могут терпеть этого военного подавления справедливой борьбы крестьян за землю.

Про то, что̀ делается в армии на фронте, офицер Дубасов, беспартийный, заявил перед всей Россией: «Солдаты больше воевать не будут». Солдаты измучены, солдаты босы, солдаты голодают, солдаты не хотят воевать ради интересов капиталистов, не хотят «*терпеть*» того, чтобы их угощали только красными словами о мире, а на деле месяцами оттягивали (как оттягивает Керенский) *предложение мира* и справедливого мира, без захватов, *всем* воюющим народам.

Товарищи! Знайте, что Керенский ведет опять переговоры с корниловскими генералами и офицерами, чтобы *вести войска против Советов* Рабочих и Солдатских Депутатов, *чтобы не дать власти* Советам! Керенский «*ни в коем случае не подчинится*» Советам — так прямо признается «Дело

Народа». Идите же все по казармам, идите в казачьи части, идите к трудящимся, и разъясняйте народу *правду:*

Если власть будет у Советов, то не позже 25-го октября (если 20 октября будет съезд Советов) *будет предложен справедливый мир* всем воюющим народам. В России будет *рабочее и крестьянское правительство,* оно *немедленно,* не теряя ни дня, *предложит справедливый мир всем воюющим народам.* Тогда народ узнает, кто хочет несправедливой войны. Тогда народ решит в Учредительном Собрании.

Если власть будет у Советов, то *немедленно помещичьи* земли будут объявлены *владением и достоянием всего народа.*

Вот против чего борется Керенский и его правительство, опирающееся на кулаков, капиталистов и помещиков!

Вот из-за кого, вот из-за чьих интересов зовут вас «претерпеть»!

Согласны ли вы «претерпеть», чтобы военной силой Керенский усмирял крестьян, поднявших восстание за землю?

Согласны ли вы «претерпеть», чтобы дольше затягивали войну, чтобы оттягивали *предложение мира,* чтобы оттягивали разрыв тайных договоров бывшего царя с русскими и англо-французскими капиталистами?

Товарищи! Помните, что Керенский уже однажды обманул народ, обещая созвать Учредительное Собрание! 8-го июля он торжественно обещал созвать его к 17 сентября и *обманул народ!* Товарищи! Кто поверит правительству Керенского, тот изменник своим братьям — крестьянам и солдатам!

Нет, *ни одного дня* народ не согласен терпеть больше оттяжек! *Ни одного дня* нельзя терпеть, чтобы усмиряли военной силой крестьян, чтобы гибли тысячи и тысячи на войне, когда можно и должно немедленно *предложить справедливый мир.*

Долой правительство Керенского, который сговаривается с корниловскими генералами-помещиками, чтобы подавлять крестьян, чтобы стрелять в крестьян, чтобы затягивать войну!

Вся власть Советам Рабочих и Солдатских Депутатов!

Написано 14—15 (1—2) октября 1917 г.

Впервые напечатано в 1924 г. в «Правде» № 93.

Печатается по рукописи.

ТЕЗИСЫ ДЛЯ ДОКЛАДА НА КОНФЕРЕНЦИИ 8 ОКТЯБРЯ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, А РАВНО ДЛЯ РЕЗОЛЮЦИИ И ДЛЯ НАКАЗА ВЫБРАННЫМ НА ПАРТИЙНЫЙ СЪЕЗД [118]).

ПО ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПАРТИИ В ПРЕДПАРЛАМЕНТЕ.

1) Участие нашей партии в «Предпарламенте» или «Демократическом Совете» или «Совете Республики» есть явная ошибка и отступление от пролетарски-революционного пути.

2) Объективное положение таково, что в стране, несомненно, нарастает революция против бонапартистского правительства Керенского (крестьянское восстание, усиление недовольства и конфликтов с правительством в армии и среди национальных групп, конфликт с железнодорожниками и почтовыми служащими, полный крах соглашателей меньшевиков и эс-эров на выборах и пр.).

При таком нарастании революции идти в поддельный парламент, подтасованный для обмана народа, значит облегчить этот обман, *затруднять* дело подготовки революции, отвлекать внимание и силы партии от насущной задачи борьбы за власть и за свержение правительства.

3) Съезд партии должен поэтому отозвать членов нашей партии из предпарламента, объявить бойкот его, призвать народ к подготовке сил для разгона этой церетелевской «булыгинской Думы».

О ЛОЗУНГЕ «ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ».

1. Вся полугодовая работа большевиков в революции, вся критика, направленная ими против меньшевиков и эс-эров за «соглашательство» и за превращение этими партиями Советов в говорильни, требуют от большевиков добросовестного, марксистски выдержанного соблюдения этого лозунга; к сожалению, в верхах партии заметны шатания, как бы «боязнь» борьбы за власть, склонность подменить эту борьбу резолюциями, протестами и съездами.

2. Весь опыт обеих революций, как 1905 г., так и 1917 г., а равно все решения партии большевиков, все ее политические заявления за много лет сводятся к тому, что Совет Рабочих и Солдатских Депутатов реально лишь, как орган восстания, лишь как орган революционной власти. Вне этой задачи Советы пустая игрушка, неминуемо приводящая к апатии, равнодушию, разочарованию масс, коим вполне законно опротивели повторения без конца резолюций и протестов.

3. Особенно теперь, когда в стране разливается крестьянское восстание, подавляемое Керенским при помощи подобранных войск, когда даже военные меры в деревне явно грозят подтасовкой и подделкой выборов в Учредительное Собрание, когда в Германии дошло до восстания во флоте, теперь отказ большевиков от превращения Советов в орган восстания был бы изменой и крестьянам, и делу международной социалистической революции.

4. Задача взятия власти Советами есть задача успешного восстания. Поэтому все лучшие силы партии должны быть направлены на фабрики и в казармы, чтобы разъяснять массам их задачу и чтобы, правильно учитывая их настроение, выбрать правильный момент для свержения правительства Керенского.

Связывать эту задачу непременно со съездом Советов, подчинять ее этому съезду—значит *играть в восстание*, назначая заранее его срок, облегчая подготовку войск правительством, сбивая с толку массы иллюзией, будто «резолюцией» съезда Советов можно решить вопрос, который способен решить только восставший пролетариат своей силой.

5. Надо бороться с конституционными иллюзиями и надеждами на съезд Советов, отказаться от предвзятой мысли непременно «дождаться» его, сосредоточить все силы на разъяснении массам неизбежности восстания и на подготовке его. Имея в руках оба столичные Советы и отказываясь от этой задачи, мирясь с созывом Учредительного Собрания (то есть с подделкой Учредительного Собрания) правительством Керенского, большевики свели бы на пустую фразу свою пропаганду лозунга «власть Советам» и политически опозорили бы себя, как партию революционного пролетариата.

6. Это особенно верно теперь, когда выборы в Москве дали $49^1/_2$ процентов голосов большевикам и когда за большевиками, при поддержке их левыми эс-эрами, поддержке, давно уже осуществляемой на деле, несомненное большинство в стране.

ПРИМЕЧАНИЕ К РЕЗОЛЮЦИИ О «ВЛАСТИ СОВЕТАМ».

Можно не все печатать из тезисов о «власти Советам», но если отказываться от партийного обсуждения и от выяснения

массам таких насущнейших и важнейших вопросов, для обсуждения коих нет полной свободы печати, или коих нельзя вынести перед врагами, то это равносильно потере связи партии с авангардом пролетариата.

О СПИСКЕ КАНДИДАТОВ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ.

Опубликованный Ц. К. список кандидатов составлен недопустимо и требует самого резкого протеста. Ибо в крестьянском Учредительном Собрании необходимо вчетверо или впятеро больше *рабочих*, которые одни способны близко и тесно связаться с крестьянскими депутатами. Совершенно недопустимо также непомерное число кандидатов из малоиспытанных лиц, совсем недавно примкнувших к нашей партии (в роде Ю. Ларина). Заполняя список такими кандидатами, кои должны были бы сначала месяцы и месяцы поработать в партии, Ц. К. открывает настежь двери для карьеризма, для погони за местечками в Учредительном Собрании. Необходим экстренный пересмотр и исправление списка.

ПРИМЕЧАНИЕ К ТЕЗИСУ «О СПИСКЕ КАНДИДАТОВ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ».

Само собою понятно, что из числа межрайонцев, совсем мало испытанных на пролетарской работе *в направлении* нашей партии, никто не оспорил бы такой, например, кандидатуры, как Л. Д. Троцкого, ибо, во-первых, Троцкий сразу по приезде занял позицию интернационалиста; во-вторых, боролся среди межрайонцев за слияние; в-третьих, в тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи и преданным сторонником партии революционного пролетариата. Ясно, что нельзя этого сказать про множество внесенных в список вчерашних членов партии.

Особенно рискованно выставление Ларина (да еще впереди Гр. И. Петровского, Н. В. Крыленки и др.).

Серьезная работа внутри Учредительного Собрания будет *сближение* с крестьянами близкое, тесное, интимное. На это годны только рабочие, близкие по жизни к крестьянам. Ораторов и литераторов набивать в Учредительное Собрание значит идти по избитой дороге оппортунизма и шовинизма. Это недостойно III Интернационала.

Написано 14—20 (1—6) октября 1917 г.

Печатается по тексту книги: «Вторая и третья петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 г.» Ленинградский Истпарт. 1927 г.

ПИСЬМО ПИТЕРСКОЙ ГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ [110]).

ДЛЯ ПРОЧТЕНИЯ НА ЗАКРЫТОМ ЗАСЕДАНИИ.

Товарищи! Позвольте мне обратить внимание конференции на крайнюю серьезность политического положения. Я могу опираться только на сведения утренних субботних газет. Но эти сведения заставляют поставить вопрос так:

Не доказывает ли полное бездействие английского флота вообще, а также английских подводных лодок, при взятии Эзеля немцами, в связи с планом правительства переселиться из Питера в Москву, что между русскими и английскими империалистами, между Керенским и англо-французскими капиталистами заключен *заговор* об отдаче Питера немцам и об удушении русской революции *таким путем?*

Я думаю, что доказывает.

Заговор заключен, может быть, не прямо, а еще раз через каких-нибудь корниловцев (Маклакова, других кадетов, «беспартийных» русских миллионеров и т. п.), но ведь это сути дела нисколько не меняет.

Вывод ясен:

Надо признать, что революция погибла, если правительство Керенского не будет свергнуто пролетариями и солдатами в ближайшем будущем. Вопрос о восстании ставится на очередь.

Надо все силы мобилизовать, чтобы рабочим и солдатам внушить идею о безусловной необходимости отчаянной, последней, решительной борьбы за свержение правительства Керенского.

Надо обратиться к московским товарищам, убеждая их взять власть в Москве, объявить правительство Керенского низложенным и Совет Рабочих Депутатов в Москве объявить Временным правительством в России для предложения тотчас мира и для спасения России от заговора. Вопрос о восстании в Москве пусть московские товарищи поставят на очередь.

Надо воспользоваться созываемым на 8 октября в Гельсингфорсе Областным Съездом Советов Солдатских Депутатов Север-

ного района, чтобы (при проезде делегатов назад через Питер) все силы мобилизовать для их привлечения на сторону восстания [120]).

Надо обратиться в Ц. К. нашей партии с просьбой и предложением ускорить уход большевиков из Предпарламента и все силы направить на разоблачение в массах заговора Керенского с империалистами других стран и на подготовку восстания для правильного выбора момента восстания.

P. S. Резолюция *солдатской* секции Петроградского Совета против ухода правительства из Питера показала, что и среди солдат *зреет* убеждение в заговоре Керенского. Надо все силы собрать для поддержки этого *верного* убеждения и для агитации среди солдат [121]).

* *
*

Я вношу предложение принять следующую резолюцию:

«Конференция, обсудив теперешнее, по общему признанию, до последней степени критическое положение, устанавливает следующие факты:

1. Наступательные операции германского флота, при крайне странном полном бездействии английского флота и в связи с планом Временного Правительства переселиться из Питера в Москву вызывают сильнейшее подозрение в том, что правительство Керенского (или, что все равно, стоящие за ним русские империалисты) составили заговор с англо-французскими империалистами об отдаче немцам Питера для подавления революции *таким* способом.

2. Эти подозрения в высшей степени подкрепляются и приобретают максимум возможной в таких случаях вероятности в силу того, что:

во-первых, в армии давно крепнет и окрепло убеждение, что ее предавали царские генералы, предают и генералы Корнилова и Керенского (особенно сдача Риги);

во-вторых, англо-французская буржуазная пресса не скрывает своей бешеной, до неистовства доходящей ненависти к Советам и готовности какой угодно кровавой ценой уничтожить их;

в-третьих, что Керенский, кадеты, Брешковская, Плеханов и тому подобные политики являются вольно и невольно орудиями в руках англо-французского империализма, это доказала вполне полугодовая история русской революции;

в-четвертых, глухие, но упорные слухи о сепаратном мире Англии с Германией «за счет России» не могли возникнуть беспричинно;

в-пятых, вся обстановка Корниловского заговора, как это явствует даже из заявления сочувствующих в общем Керенскому газет: «Дело Народа» и «Известия», доказала, что Керенский

сильнейшим образом замешан в Корниловской истории, что Керенский был и остается самым опасным корниловцем; Керенский прикрыл главарей корниловщины вроде Родзянки, Клембовского, Маклакова и др.

Исходя из этого, конференция признает, что все крики Керенского и поддерживающих его буржуазных газет об обороне Питера — сплошной обман и лицемерие, и что вполне права солдатская секция Петроградского Совета, резко осудившая план выселения из Питера; — далее, что для обороны Питера и для спасения революции безусловно и напряженно необходимо, чтобы измученная армия убедилась в добросовестности правительства и получила хлеб, одежду и обувь ценой революционных мер против капиталистов, до сих пор саботировавших борьбу с разрухой (по признанию даже Экономического отдела при меньшевистско-эс-эровском Ц. И. К.).

Конференция заявляет поэтому, что только свержение правительства Керенского вместе с подтасованным Советом Республики и замена его рабочим и крестьянским революционным правительством способно:

а) передать землю крестьянам вместо подавления восстания крестьян;

б) тотчас же предложить справедливый мир и тем дать веру в правду всей нашей армии;

в) принять самые решительные революционные меры против капиталистов для обеспечения армии хлебом, одеждой и обувью и для борьбы с разрухой.

Конференция настоятельно просит Ц. К. принять все меры для руководства неизбежным восстанием рабочих, солдат и крестьян для свержения противонародного и крепостнического правительства Керенского.

Конференция постановляет немедленно послать делегацию в Гельсингфорс, Выборг, Кронштадт, Ревель, в войсковые части к югу от Питера и в Москву для агитации за присоединение к этой резолюции и за необходимость быстрым общим восстанием и свержением Керенского открыть дорогу к миру, к спасению Петрограда и революции, к передаче земли крестьянам и власти Советам».

Написано 20 (7) октября 1917 г.
Впервые напечатано в 1925 г.,
в кн.: «Л. Троцкий. 1917». Гиз.

ПИСЬМО В Ц. К., М. К., П. К. И ЧЛЕНАМ СОВЕТОВ ПИТЕРА И МОСКВЫ БОЛЬШЕВИКАМ [122]).

Дорогие товарищи, события так ясно предписывают нам нашу задачу, что промедление становится положительно *преступлением*.

Аграрное движение растет. Правительство усиливает дикие репрессии, в войске симпатии к нам растут (99 процентов голосов солдат за нас в Москве, финляндские войска и флот против правительства, свидетельство Дубасова о фронте вообще) [123]).

В Германии начало революции явное, особенно после расстрела матросов. Выборы в Москве — 47 процентов большевиков — гигантская победа. С левыми эс-эрами *явное* большинство в стране.

Железнодорожные и почтовые служащие в конфликте с правительством [124]). Либерданы вместо съезда на 20 октября говорят уже о съезде в 20 числах, и т. д., и т. д.

При таких условиях «ждать» — преступление.

Большевики не в праве ждать съезда Советов, они должны *взять власть тотчас*. Этим они спасают и всемирную революцию (ибо иначе грозит сделка империалистов всех стран, кои после расстрелов в Германии будут покладисты друг к другу и *против нас объединятся)*, и русскую революцию (иначе волна настоящей анархии может стать сильнее, *чем мы*), и жизнь сотням тысяч людей на войне.

Медлить — преступление. Ждать съезда Советов — ребячья игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции.

Если нельзя взять власти без восстания, надо *идти на восстание* тотчас. Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: например, если бы Московский Совет сразу тотчас взял власть и объявил себя (вместе с Питерским Советом) правительством. В Москве победа обеспечена и воевать некому. В Питере можно выждать. Правительству нечего делать и нет спасения, оно сдастся.

Ибо Московский Совет, взяв власть, банки, фабрики, «Русское Слово»[125]), получает гигантскую базу и силу, агитируя перед всей Россией, ставя вопрос так: *мир* мы предложим *завтра*, если бонапартист Керенский сдастся (а если не сдастся, то мы его свергнем). *Землю* крестьянам *тотчас*, уступки железнодорожникам и почтовым служащим — *тотчас*, и т. д.

Необязательно «начать» с Питера. Если Москва «начнет» бескровно, ее поддержат наверняка: 1) армия на фронте сочувствием, 2) крестьяне везде, 3) флот и финские войска *идут на Питер*.

Если даже у Керенского есть под Питером один — два корпуса конных войск, он вынужден сдаться. Питерский Совет может выжидать, агитируя за московское советское правительство. Лозунг: власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным.

Победа обеспечена, и на девять десятых шансы, что бескровно.

Ждать — преступление перед революцией.

Привет *Н. Ленин.*

Написано 16 — 20 (3 — 7) октября 1917 г.
Впервые напечатано в 1922 г. в Собрании сочинений Н. Ленина, том XIV, часть 1.

Печатается по тексту Собрания сочинений.

К ПЕРЕСМОТРУ ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММЫ [126])

Написано 19—21 (6—8) октября 1917 г.
Напечатано в октябре 1917 г. в журнале «Просвещение» № 1—2.

Печатается по тексту журнала.

В порядке дня экстренного съезда партии, Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (большевиков), созываемого Центральным Комитетом на 17-ое октября, поставлен пересмотр партийной программы. Еще конференция 24 — 29 апреля приняла резолюцию о необходимости пересмотра, указав в 8 пунктах направление его *). Затем в Питере **) и Москве ***) вышло по брошюре, посвященной пересмотру, а в московском журнале «Спартак» появилась в № 4, от 10-го августа, статья тов. Н. И. Бухарина, посвященная этой теме.

Рассмотрим соображения московских товарищей.

I.

Основным вопросом при пересмотре партийной программы является, для большевиков, которые все согласны в том, что надо дать «оценку империализма и эпохи империалистских войн в связи с надвигающейся социалистической революцией» (§ 1 резолюции конференции 24 — 29 апреля) — вопрос о способе составления новой программы. Дополнить ли старую программу характеристикой империализма (это мнение защищал я в питерской брошюре) или переделать весь текст старой программы. (Это мнение высказала секция, составившаяся на апрельской конференции, и его защищают московские товарищи.) Так стоит прежде всего вопрос для нашей партии.

Мы имеем два проекта: один, предлагаемый мной, дополняет старую программу характеристикой империализма ****). Другой, предлагаемый тов. В. Сокольниковым и основанный на замечаниях комиссии из трех лиц (выбранной секцией, составившейся на апрельской конференции)*****), перерабатывает всю общую часть программы.

---

*) См. XX том Сочинений, стр. 624. *Ред.*

**) «Материалы по пересмотру партийной программы» под ред. и с предисловием Н. Ленина. Изд. «Прибой». 1917 г.

***) «Материалы по пересмотру партийной программы». Сборник статей В. Милютина, В. Сокольникова, А. Ломова, В. Смирнова. Изд. Обл. Бюро Моск. Пром. Района Р. С.-Д. Р. П. 1917 г.

****) См. XX том Сочинений, стр. 293 и 299. *Ред.*

*****) См. XX том Сочинений, стр. 626. *Ред.*

Мне тоже пришлось высказать мнение (в названной брошюре, стр. 11*)) о теоретической неправильности того плана переработки, который секция наметила. Посмотрим теперь на выполнение этого плана проектом тов. Сокольникова.

Тов. Сокольников разделил общую часть нашей программы на 10 частей, снабдив каждую часть или каждый абзац отдельным номером. Этой нумерации будем держаться и мы, чтобы облегчить читателю нахождение соответственного места.

Первый абзац теперешней программы состоит из двух предложений. Первое говорит, что рабочее движение стало международным в силу развития обмена. Второе, что российская социал-демократия считает себя одним из отрядов всемирной армии пролетариата. (Дальше, во втором абзаце, говорится об общей конечной цели всех социал-демократов.)

Тов. С. оставляет второе предложение неизменным, а первое заменяет новым, добавляя к указанию на развитие обмена и «вывоз капиталов» и переход борьбы пролетариата в «мировую социалистическую революцию».

Получается сразу нелогичность, смешение *тем*, путаница двух *типов* построения программы. Одно из двух: *или* начинать с характеристики империализма в *целом*, тогда нельзя вырывать один «вывоз капиталов» и тогда нельзя оставлять по-старому, как это делает тов. С., анализ «хода развития» буржуазного общества во *втором* абзаце. Или тип построения программы оставить неизмененным, т.-е. сначала объяснить, почему наше движение стало международным, какова его общая конечная цель, как к ней приводит «ход развития» буржуазного общества.

Чтобы нагляднее показать нелогичность, непоследовательность построения программы у тов. С., приведем полностью начало старой программы:

«Развитие обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным».

Тов. С. недоволен здесь двумя обстоятельствами: 1) говоря о развитии обмена, программа описывает устарелый «период развития»; 2) к слову «цивилизованных» тов. С. ставит восклицательный знак и замечает, что «тесная связь между метрополией и колонией» у нас «не предусмотрена».

«Протекционизм, таможенные войны, империалистские войны разорвут ли связь пролетарского движения?» — спрашивает тов. С. и отвечает: «Если верить тексту нашей программы, разорвут, ибо разрывают связь, устанавливаемую обменом».

*) См. XX том Сочинений, стр. 297. *Ред.*

Критика уж очень странная. Ни протекционизм, ни таможенная война обмена не «разрывают», а только временно видоизменяют или прерывают в одном месте, продолжая в другом. Обмен не разорван данной войной, он только затруднен в одних местах, передвинут в другие места, он *остался* как мировая связь. Нагляднейшее доказательство этому — вексельные курсы. Это во-первых. Во-вторых, у тов. С. в его проекте читаем: «развитие производительных сил, вовлекшее, на основе товарного обмена и вывоза капиталов, все народы в мировое хозяйство» и т. д. Империалистская война также прерывает (в одном месте, на время) и вывоз капиталов, как и обмен; значит, «критика» товарища С. бьет и *его самого.*

В-третьих, речь шла о том (в старой программе), почему рабочее движение «*давно стало*» международным. Бесспорно, что оно стало таковым до вывоза капиталов, как высшей стадии капитализма.

Итог: тов. С. вставил *кусочек* определения империализма (вывоз капиталов) явно *не к месту.*

Далее, слова: «цивилизованный мир» не нравятся товарищу С., ибо, по его мнению, они намекают на что-то мирное, гармоническое, забывающее о колониях.

Как раз напротив. Говоря о «цивилизованном мире», программа указывает на *не*гармоничность, на существование нецивилизованных стран (это же *факт*), а в проекте товарища С. выходит *гораздо гармоничнее,* ибо говорится просто о «вовлечении всех народов в мировое хозяйство»!! Как будто бы все народы *равномерно* вовлечены в мировое хозяйство! Как будто бы не было отношений *кабалы* между «цивилизованными» и нецивилизованными народами именно *на почве* «вовлечения в мировое хозяйство»!

У товарища С. вышло прямо-таки *ухудшение* старой программы по обеим затронутым им темам. У него *слабее* подчеркнута международность. Нам очень важно указать, что она возникла *давно,* гораздо раньше эпохи финансового капитала. И у него вышло *больше* «гармонизма» по вопросу об отношении к колониям. А бесспорный факт, что рабочее движение охватило пока, к сожалению, *только* цивилизованные страны, нам замалчивать совсем не к лицу.

Я охотно готов бы согласиться с тов. С., если бы он потребовал *более* ясного указания на эксплуатацию колоний. Это действительно *важная* составная часть понятий империализма. Но как раз в первом абзаце, предлагаемом тов. С., ни единого намека на это. У него различные составные части понятия империализма *разбросаны* по различным местам, в ущерб и последовательности и ясности.

Мы сейчас увидим, как страдает *весь* проект тов. С. от этой разбросанности и этой непоследовательности.

II.

Пусть читатель бросит общий взгляд на связь и последовательность *тем* в различных абзацах старой программы (абзацы по нумерации товарища С.):

1) Рабочее движение давно стало международным. Мы—один из отрядов его.

2) Конечная цель движения определяется ходом развития буржуазного общества. Исходный пункт: частная собственность на средства производства и бесхозяйственность пролетариев.

3) Рост капитализма. Вытеснение мелких производителей.

4) Рост эксплуатации (женский труд, резервная армия и пр.).

5) Кризисы.

6) Прогресс техники и рост неравенства.

7) Рост борьбы пролетариев. Материальные условия замены капитализма социализмом.

8) Социальная революция пролетариата.

9) Ее условие — диктатура пролетариата.

10) Задача партии — руководить борьбой пролетариата за социальную революцию.

Я добавляю еще одну тему:

11) Капитализм дорос до такой высшей стадии (империализм), и теперь эра пролетарской революции началась.

Сравните с этим распорядок *тем* — не частных исправлений текста, а именно тем — в проекте товарища С., а равно *темы его добавлений об империализме:*

1) Рабочее движение международно. Мы — один из отрядов его. (Вставлено: вывоз капиталов, мировое хозяйство, переход борьбы в мировую революцию, т.-е. вставлен один кусочек из определения империализма.)

2) Конечная цель движения определяется ходом развития буржуазного общества. Исходный пункт: частная собственность на средства производства и бесхозяйственность пролетариев. (В середине вставлено: всемогущие банки и синдикаты, мировые монополистические союзы, т.-е. вставлен другой кусочек определения империализма.)

3) Рост капитализма. Вытеснение мелких производителей.

4) Рост эксплуатации (женский труд, резервная армия, иноземные рабочие и пр.).

5) Кризисы и войны. Вставлен еще кусочек определения империализма: «попытки раздела мира»; еще раз повторены монополистические союзы и экспорт капитала; к слову финансовый капитал прибавлено в скобках пояснение: «продукт слияния банкового капитала с промышленным».

6) Прогресс техники и рост неравенства. Вставлен еще кусо-

чек определения империализма: дороговизна, милитаризм. Еще раз повторены монополистические союзы.

7) Рост борьбы пролетариев. Материальные условия замены капитализма социализмом. В середине вставка, еще раз повторяющая: «монополистический капитализм» и указывающая на подготовку банками и синдикатами аппарата общественного регулирования и пр.

8) Социальная революция пролетариата. (Вставка, что она покончит с господством финансового капитала.)

9) Диктатура пролетариата, как ее условие.

10) Задача партии — руководить борьбой пролетариата за социальную революцию. (В середине вставка, что эта последняя становится на очередь дня.)

Мне кажется, из этого сопоставления ясно, что «механический» характер добавлений (которого опасались некоторые товарищи) получился именно в проекте товарища С. Различные кусочки определения империализма разбросаны по разным пунктам совершенно непоследовательно, точно мозаика. Общего и цельного представления об империализме не получается. Повторений чрезмерно много. Сохранена старая канва. Сохранен старый общий план программы: показать, что «конечная цель» движения «определяется» характером современного буржуазного общества и *ходом его развития.* Но как раз «хода развития» и не вышло, а получились обрывки определений империализма, вкрапленные большей частью *не* к месту.

Возьмем второй абзац. В нем тов. С. оставил без изменения начало и конец; начало говорит о том, что средства производства принадлежат небольшому числу лиц, а конец о том, что большинство населения — пролетарии и полупролетарии. *По середине* т. С. вставляет особое предложение о том, что «за последнюю четверть века прямое или косвенное распоряжение капиталистически-организованным производством перешло в руки всемогущих» банков, трестов и т. д.

Это говорится *раньше,* чем изложено положение о *вытеснении мелких хозяйств крупными!!* Ибо это изложено лишь в *третьем* абзаце. Но ведь тресты, это — наивысшее и наипозднейшее проявление как раз данного процесса вытеснения мелких хозяйств крупными. Мыслимо ли говорить сначала о появлении трестов, а потом о вытеснении мелких хозяйств крупными? Разве не нарушается этим логическая последовательность? Ибо откуда же взялись тресты? Разве не получается теоретическая неправильность? Как и почему «перешло» в их руки распоряжение? Этого нельзя понять, не выяснив себе сначала вытеснения мелких хозяйств крупными.

Возьмем третий абзац. Его тема — вытеснение мелких предприятий крупными. И здесь т. С. оставляет начало (о том, что

значение крупных предприятий увеличивается) и конец (мелкие производители вытесняются), а в середине добавляет, что крупные предприятия «сливаются в гигантские организмы, объединяющие целый ряд последовательных ступеней производства и обращения». Но эта вставка посвящена уже другой теме — именно: концентрации средств производства и обобществлению труда капитализмом, созданию материальных условий замены капитализма социализмом. В старой программе эта тема разработана только в седьмом абзаце.

Тов. С. сохраняет этот общий план. Он тоже говорит о материальных условиях замены капитализма социализмом *лишь в 7-м абзаце*. Он тоже сохраняет в этом 7-м абзаце указание на концентрацию средств производства и на обобществление труда!

Получилось, что обрывок указания на концентрацию вставлен за несколько параграфов *раньше* общего, сводного, цельного параграфа, посвященного концентрации специально. Это верх нелогичности и способно только затруднить понимание нашей программы широкими массами.

III.

Пятый абзац программы, говорящий о кризисах, т. С. «подвергает общей переработке». Он находит, что старая программа, «в угоду популярности, грешит теоретически» и «уклоняется от теории кризисов Маркса».

Тов. С. полагает, что слово «перепроизводство», употребленное в старой программе, кладется «в основу объяснения» кризисов и что «такой взгляд скорее соответствует теории Родбертуса, исходившего в объяснении кризисов из недостаточного потребления рабочего класса».

До какой степени неудачны эти поиски теоретической ереси товарищем С., до какой степени *за волосы* притянут здесь Родбертус, легко увидеть из сравнения старого текста с новым, предлагаемым тов. С.

В старом тексте *после* указания (в абзаце 4-м) на «технический прогресс», на повышение уровня эксплуатации рабочих, на относительное уменьшение потребности рабочих говорится: «*Такое* положение дел внутри буржуазных стран и т. д. делает все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающем количестве. *Перепроизводство*, проявляющееся в кризисах... и периодах застоя... есть неизбежное следствие...».

Ясно, что здесь в «основу объяснения» перепроизводство вовсе не кладется, а лишь *описывается* происхождение кризисов и периодов застоя. У тов. С. в его проекте читаем:

«Совершающиеся в этих противоречивых формах, в которых условия производства приходят в столкновение с условиями потребления,

условия реализации капитала с условиями его накопления, развитие производительных сил, направляемое только погоней за прибылью, имеет неизбежным следствием острые промышленные кризисы и депрессии, означающие остановку сбыта товаров, анархически производимых в постоянно возрастающем количестве».

Тов. С. сказал то же самое, ибо «остановка сбыта» товаров, производимых в «возрастающем количестве», есть именно *перепроизводство.* Напрасно тов. С. боится этого слова, в котором нет никакой неверности. Напрасно тов. С. пишет, что вместо «перепроизводство» с «одинаковым и даже большим правом можно тут поставить недопроизводство».

Попробуйте-ка «остановку сбыта товаров», «производимых в постоянно возрастающем количестве», назвать «недопроизводством»! Это вам никак не удастся.

Родбертусианизм состоит вовсе не в употреблении слова «перепроизводство» (которое одно только *точно описывает* одно из самых глубоких *противоречий* капитализма), а в объяснении кризисов *только* недостаточным потреблением рабочего класса. Но старая программа выводит кризисы *не* из этого. Она ссылается на «*такое* положение дел внутри буржуазных» стран, которое перед этим, в предыдущем абзаце, как раз указано и которое состоит в «техническом прогрессе» и в «относительном уменьшении потребности в живом труде рабочих». Рядом с этим старая программа говорит об «обостряющемся соперничестве на всемирном рынке».

Тут как раз сказано *основное* о столкновении условий накопления с условиями реализации и сказано гораздо *яснее.* Теория не «изменена» здесь, как думает ошибочно тов. С., в «угоду популярности», а изложена ясно и популярно; это—достоинство.

О кризисах, конечно, можно написать томы, можно дать более конкретный анализ условий накопления, сказать о роли *средств производства,* об обмене прибавочной стоимости и переменного капитала в средствах производства на постоянный капитал в предметах потребления, об обесценении постоянного капитала новыми изобретениями и так далее и так далее. Но ведь этого не пытается дать и тов. С.!! Его якобы исправление программы состоит лишь в следующем:

1) Сохранив план перехода от абзаца 4-го к 5-му, от указания на технический прогресс и пр. к кризисам, он *ослабил связь* между обоими абзацами, выкинув слова: «*такое* положение дел».

2) Он добавил теоретично-звучащие фразы о столкновении условий производства с условиями потребления и условий реализации с условиями накопления, фразы, в коих нет неверности, но которые не дают новой мысли, ибо предыдущий абзац основное как раз по этой части говорит яснее.

3) Он добавляет «погоню за прибылью», выражение, мало подходящее к программе, употребленное здесь, пожалуй, именно «*в угоду* популярности», ибо *мысль* выражена та *самая* несколько раз и словами об «условиях реализации» и словами о «товарном» производстве и проч.

4) Он заменяет «застой» «депрессией»; замена неудачная.

5) Он добавляет слово «анархически» к старому тексту («товаров, анархически производимых в постоянно возрастающем количестве»). Это добавление теоретически неправильно, ибо как раз «анархичность» или «отсутствие планомерности», если взять выражение, употребленное в проекте Эрфуртской программы и оспоренное Энгельсом, *не* характеризует тресты *).

У тов. С. вышло вот что:

...«Товары анархически производятся в постоянно возрастающем количестве. Попытки капиталистических союзов (трестов и пр.), ограничивая производство, устранять кризисы терпят крушение» и т. д...

Но товары производятся именно трестами *не* анархически, а по учету. Тресты *не только* «ограничивают» производство. *Попыток* устранить кризисы они не делают, таких «попыток» со стороны трестов быть не может. У тов. С. получился ряд неточностей. Надо бы сказать: хотя тресты производят товары не анархически, а по учету, но кризисы все же остаются неустранимыми в силу указанных выше свойств капитализма, сохраняющихся и при трестах. А если тресты, в периоды наибольшего подъема и спекуляции, ограничивают производство в том смысле, чтобы «не зарваться», то этим они в лучшем случае сберегают самые крупные предприятия, кризисы же наступают тем не менее.

Сводя вместе все сказанное по вопросу о кризисах, мы получаем вывод, что улучшения старой программы проект тов. С. *не* дает. Напротив, новый проект содержит неточности. Необходимость исправления старого осталась недоказанной.

IV.

По вопросу о войнах империалистского характера проект тов. С. грешит теоретической неправильностью в двух отношениях.

Во-первых, он не дает оценки данной, теперешней войны. Он говорит, что империалистская эпоха порождает империалист-

*) Энгельс критиковал выражение: «частное производство» и «отсутствие планомерности» в проекте Эрфуртской программы и писал: «если мы от акционерных обществ перейдем к трестам, которые господствуют над целыми отраслями промышленности, монополизируя их, то тут прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности» [127].

ские войны. Это верно, и сказать это в программе, конечно, надо было. Но этого мало. Необходимо, кроме того, сказать, что именно теперешняя война 1914—1917 годов и есть война империалистская. Немецкая группа «Спартак» в своих «тезисах», изданных по-немецки в 1915 году, выставила утверждение, что в эру империализма национальных войн *быть не может*[128]). Это явно неправильное утверждение, ибо угнетение наций империализм обостряет, а вследствие этого не только возможны и вероятны, но прямо неизбежны национальные восстания и национальные войны (попытки провести различие между восстаниями и войнами были бы осуждены на крушение).

Марксизм требует безусловно точной оценки, на основании конкретных данных, каждой отдельной войны. Обходить вопрос о теперешней войне посредством общих рассуждений и теоретически неверно, и практически недопустимо, ибо за это прячутся оппортунисты, создавая себе лазейку: вообще-де империализм есть эпоха империалистских войн, но *эта* война была *не совсем* империалистская (так рассуждал, напр., Каутский).

Во-вторых, тов. С. связывает «кризисы и войны» *вместе*, как некий двуединый спутник капитализма вообще и новейшего в особенности. На стр. 20—21 московской брошюры, в проекте тов. С. *три раза* повторено это соединение кризисов и войн. Тут дело не только в нежелательности повторений в программе. Тут дело в принципиальной неверности.

Кризисы, именно в форме перепроизводства или «остановки сбыта товаров», если т. С. изгоняет слово перепроизводство, есть явление *исключительно* капитализму свойственное. Войны же свойственны и рабской, и крепостнической системе хозяйства. Империалистские войны тоже бывали и на почве рабства (война Рима с Карфагеном была с обеих сторон империалистской войной)[129]), и в средние века, и в эпоху торгового капитализма. Всякую войну, в которой *обе* воюющие стороны угнетают чужие страны или народности, воюя из-за раздела добычи, из-за того, «кому больше угнетать или грабить», нельзя не назвать империалистской.

Если мы говорим, что только новейший капитализм, только империализм принес с собой империалистские войны, то это справедливо, ибо *предшествующая* стадия капитализма, стадия свободной конкуренции или стадия домонополистического капитализма характеризовалась преимущественно *национальными* войнами в Западной Европе. Но если сказать, что в предшествующей стадии вовсе не было империалистских войн, то это будет уже неверно, это будет забвением «колониальных войн», *тоже* империалистских. Это во-первых.

А во-вторых, неправильным остается именно *соединение* кризисов и войн, ибо это явления совершенно различного по-

рядка, различного исторического происхождения, различного классового значения. Например, нельзя сказать, как говорит в своем проекте т. С.: «И кризисы и войны, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала»... Ибо *возможны* войны в интересах освобождения наемного труда от капитала, в ходе борьбы наемных рабочих против класса капиталистов, возможны войны не только реакционно-империалистские, но и революционные. «Война есть продолжение политики» того *или* иного класса; и в каждом классовом обществе, и в рабском, и в крепостническом, и в капиталистическом, бывали войны, продолжавшие политику угнетательских классов, а также бывали войны, продолжавшие политику угнетенных классов. По той же причине нельзя сказать, как говорит тов. С., что «кризисы и войны показывают, что капиталистическая система из формы развития производительных сил превращается в их тормоз».

Что данная империалистская война своей реакционностью и своей тяжестью революционизирует массы и ускоряет революцию, это верно, это надо сказать. И про империалистские войны вообще, как *типичные для* эпохи империализма, это будет верно и это сказать можно. Но нельзя сказать того про всякие «войны» вообще, и затем никак нельзя связывать кризисы и войны.

V.

Нам надо теперь подвести итоги по тому главнейшему вопросу, который по единодушному решению всех большевиков должен прежде всего найти освещение и оценку в новой программе. Это вопрос об *империализме*. Тов. Сокольников стоит за то, что это освещение и эту оценку целесообразнее дать, так сказать, в разбивку, разделив разные признаки империализма между разными параграфами программы; я думаю, что целесообразнее сделать это в особом параграфе или в особой части программы, собрав вместе все, что надо сказать об империализме. Члены партии имеют теперь перед глазами оба проекта, и на съезде вынесено будет решение. Но мы вполне согласны с тов. Сокольниковым насчет того, что об империализме сказать надо, и остается рассмотреть, нет ли разногласий относительно того, *как* следует осветить и оценить империализм.

Сравним два проекта новой программы с этой точки зрения. В моем проекте взяты пять главных отличительных признаков империализма: 1) монополистические союзы капиталистов; 2) слияние банкового капитала с промышленным; 3) вывоз капитала в чужие страны; 4) территориальный раздел мира, раздел уже законченный; 5) раздел мира экономически-интернацио-

нальными трестами. (В моей брошюре: «Империализм, как новейший этап капитализма», вышедшей позже, чем «Материалы по пересмотру партийной программы», приведены эти пять отличительных признаков империализма на стран. 85*).) В проекте тов. Сокольникова мы находим, в сущности, те же пять основных признаков, так что принципиальное согласие по вопросу об империализме устанавливается, видимо, в нашей партии очень полное, как и следовало ожидать, ибо практическая агитация нашей партии по этому вопросу, как устная, так и печатная, давно уже, с самого начала революции, обнаружила полное единодушие всех большевиков по данному коренному вопросу.

Остается рассмотреть, каковы различия *формулировки* в определении и характеристике империализма между обоими проектами. Оба проекта содержат конкретное указание на то, с какого времени можно собственно говорить о превращении капитализма в империализм, и едва ли можно спорить против необходимости такого указания в интересах точности и исторической правильности всей оценки хозяйственного развития. Тов. С. говорит: «за последнюю четверть века»; у меня говорится: «приблизительно с начала XX века». В цитированной только что брошюре об империализме приведены (напр., на стр. 10—11) свидетельства одного экономиста, специально изучающего картели и синдикаты, что поворотным пунктом в Европе к *полной* победе картелей явился кризис 1900—1903 годов. Поэтому, мне кажется, точнее будет сказать: «приблизительно с начала XX века», чем «за последнюю четверть века». Это будет правильнее еще и потому, что как тот специалист, на которого я сейчас указал, так и вообще европейские экономисты чаще всего оперируют с германскими данными, а Германия *обогнала* другие страны в процессе образования картелей.

Далее. О монополиях в моем проекте говорится: «монополистические союзы капиталистов получили решающее значение». В проекте товарища С. указания на монополистические союзы повторены *несколько раз*, но из всех этих указаний только одно отличается сравнительной определенностью, именно следующее:

> ...«За последнюю четверть века прямое или косвенное распоряжение капиталистически организованным производством перешло в руки всемогущих, соединившихся между собой банков, трестов и синдикатов, образовавших мировые монополистические союзы, руководимые кучкой магнатов финансового капитализма».

Мне кажется, здесь слишком много «агитации», т. е. «в угоду популярности» в программу вставлено то, чему в ней не место.

---

*) См. XIX том Сочинений. *Ред.*

в газетных статьях, в речах, популярных брошюрах «агитация» необходима, но программа партии должна отличаться экономической точностью и не давать лишнего. Что монополистические союзы получили «решающее значение», это, мне кажется, наиболее точно, и этим все сказано. Между тем в приведенном абзаце из проекта т. С. не только много лишнего, но и теоретически сомнительным является выражение: распоряжение «капиталистически организованным производством». Только ли капиталистически организованным? Нет. Это слишком слабо. И производство заведомо *не*организованное капиталистически: мелкие ремесленники, крестьяне, мелкие производители хлопка в колониях и проч. и проч. подпали под зависимость банков и вообще финансового капитала. Если мы будем говорить о «всемирном капитализме» вообще (а только о нем и можно говорить здесь, не впадая в неправильность), то, сказав: «решающее значение» получили монополистические союзы, мы *никаких* производителей не исключаем из подчинения этому решающему значению. Ограничивать влияние монополистических союзов «капиталистически-организованным производством» — неправильно.

Далее, о роли банков в проекте товарища С. сказано одно и то же два раза: один раз в только что приведенном абзаце, другой раз — в абзаце о кризисах и войнах, где дано определение: «финансовый капитал (продукт слияния банкового капитала с промышленным)». В моем проекте говорится: «банковый капитал громадной концентрации слился с промышленным». Один раз сказать это в программе достаточно.

Третий признак: «вывоз капитала в чужие страны развился в очень больших размерах» (так сказано в моем проекте). В проекте тов. С. находим один раз простое указание на «вывоз капиталов», второй раз в совершенно другой связи говорится о «новых странах, являющихся... полем приложения эксплуатируемого капитала, ищущего сверх-прибылей». Трудно принять здесь правильным указание на сверх-прибыли и на новые страны, ибо вывоз капитала развился также из Германии в Италию, из Франции в Швейцарию и т. под. Капитал стал вывозиться при империализме и в старые страны, и не только ради *сверх*-прибылей. То, что верно по отношению к новым странам, неверно по отношению к вывозу капитала вообще.

Четвертый признак — то, что Гильфердинг назвал «борьбой за хозяйственную территорию». Это название *не* точно, ибо оно не выражает главного отличия современного империализма от *прежних* форм борьбы за хозяйственную территорию. За такую территорию боролся и античный Рим, боролись и европейские государства XVI—XVIII веков, завоевывая колонии, и старая Россия, завоевывая Сибирь, и т. д. и т. п. Отличительный при-

знак современного империализма состоит в том, что (как говорится в моем проекте программы) «весь мир уже поделен территориально между богатейшими странами», т.-е. раздел земли между государствами закончен. Именно из этого обстоятельства вытекает особая острота борьбы за *передел* мира, особая острота столкновений, приводящая к войнам.

В проекте тов. С. это выражено весьма многословно и теоретически едва ли правильно. Я приведу сейчас его формулировку, но так как она соединяет в одно и вопрос об экономическом разделе мира, то необходимо сначала коснуться и этого последнего, пятого, признака империализма. В моем проекте он формулирован так:

...«Начался раздел мира экономический между интернациональными трестами». Большего сказать не позволяют данные политической экономии и статистики. *Такой* раздел мира очень важный процесс, но он еще только начался. Империалистские войны из-за *этого* раздела мира, из-за *передела* вытекают, раз территориальный раздел закончен, т.-е. «свободных» земель для захвата без войн с соперником *не* осталось.

Посмотрим теперь на формулировку товарища С.:

«Но область господства капиталистических отношений непрерывно расширяется и вовне путем перенесения их в новые страны, являющиеся для монополистических союзов капиталистов товарными рынками, поставщиками сырья и полем приложения эксплуатируемого капитала, ищущего сверх-прибылей. Огромные массы накопленной прибавочной стоимости, находящиеся в распоряжении финансового капитала (продукт слияния банкового капитала с промышленным), выбрасываются на мировой рынок. Соперничество могущественных национально, а иногда и международно организованных союзов капиталистов за господство на рынке, за обладание или контроль над территориями более слабых стран, т.-е. за преимущественное право на беспощадное угнетение их, неминуемо приводит к попыткам раздела всего мира между богатейшими капиталистическими государствами, к империалистским войнам, порождающим всеобщие бедствия, разорение и одичание».

Тут чрезмерно много слов, прикрывающих ряд теоретических неправильностей. Нельзя говорить о «попытках» раздела мира, ибо мир *уже* поделен. Война 1914—1917 г.г. не есть «попытка раздела» мира, а борьба *за передел* уже разделенного мира. Война стала неизбежной для капитализма, потому что за несколько лет до нее империализм *разделил* мир по старым, так сказать, меркам силы, «исправляемых» войною.

И борьба за колонии (за «новые страны»), и борьба за «обладание территориями более слабых стран», все это было и *до* империализма. Характерно для современного империализма *иное:* именно, что вся земля оказалась в начале XX века занятой тем или иным государством, поделенной. Только поэтому *передел*

«господства над миром» не мог, на основе капитализма, произойти иначе, как ценою всемирной войны. «Международно-организованные союзы капиталистов» тоже бывали и *до* империализма: всякое акционерное общество с участием капиталистов разных стран есть «международно-организованный союз капиталистов».

Для империализма характерно *иное*, чего раньше, до XX века, *не было*, именно: раздел мира экономический между интернациональными трестами, раздел ими стран *по договору*, как областей сбыта. Это как раз в проекте товарища С. не выражено, так что сила империализма изображена *слабее*, чем она есть.

Наконец, теоретически неправильно говорить о выбрасывании на мировой рынок масс накопленной *прибавочной стоимости*. Это похоже на теорию реализации Прудона, по которой капиталисты легко могут реализовать и постоянный, и переменный капитал, но оказываются в затруднении при реализации прибавочной стоимости. На деле капиталисты без затруднений и без кризисов не могут реализовать не только прибавочной стоимости, но и переменного капитала, и постоянного капитала. На рынок выбрасываются массы товаров, являющихся не только накопленной стоимостью, но и стоимостью, воспроизводящей переменный капитал и постоянный капитал. Напр., на мировой рынок выбрасываются массы рельс или железа, долженствующие реализоваться обменом на предметы потребления рабочих или на другие средства производства (лес, нефть и т. п.).

VI.

Заканчивая этим разбор проекта товарища Сокольникова, мы должны особо отметить одно очень ценное добавление, которое он предлагает и которое, по моему мнению, следовало бы принять и даже расширить. Именно: он предлагает в абзаце, говорящем о техническом прогрессе и о росте употребления женского и детского труда, добавить: (применять) «равно как и труд необученных иноземных рабочих, ввозимых из отсталых стран». Это — ценное и необходимое добавление. Как раз для империализма такая эксплуатация труда *хуже оплачиваемых* рабочих из отсталых стран особенно характерна. Как раз на ней основан, в известной степени, *паразитизм* империалистских, богатых стран, подкупающих и часть своих рабочих более высокой платой при безмерной и бесстыдной эксплуатации труда «дешевых» иностранных рабочих. Слова «хуже оплачиваемых» следовало бы добавить, а также слова: «и часто бесправных», ибо эксплуататоры «цивилизованных» стран всегда пользуются тем, что ввозимые иностранные рабочие бесправны. Это постоянно наблюдается не только в Германии по отношению к русским, т. е. приезжим из России

рабочим, но и в Швейцарии по отношению к итальянцам, во Франции по отношению к испанцам и итальянцам и т. д.

Может быть, было бы целесообразно сильнее подчеркнуть и нагляднее выразить в программе выделение кучки богатейших империалистских стран, паразитически наживающихся грабежом колоний и слабых наций. Это крайне важная особенность империализма, которая, между прочим, до известной степени облегчает возникновение глубоких революционных движений в странах, которые подвергаются империалистскому грабежу, которым угрожает раздел и удушение их гигантами-империалистами (такова Россия), и, наоборот, до известной степени затрудняет возникновение глубоких революционных движений в странах, которые грабят империалистски много колоний и чужих стран, делая таким образом очень большую (сравнительно) часть своего населения *участником* дележа империалистской добычи.

Я предложил бы поэтому вставить, хотя бы в том месте моего проекта, где дается характеристика социал-шовинизма (стр. 22 брошюры *)), указание на эту эксплуатацию богатейшими странами ряда других стран. Соответственное место проекта получилось бы такое (курсивом отмечаю новые добавления):

«Таким извращением является, с одной стороны, течение социал-шовинизма, социализма на словах, шовинизма на деле, прикрытие лозунгом «защиты отечества» защиты грабительских интересов «своей» национальной буржуазии *в империалистской войне, а равно защиты привилегированного положения граждан богатой нации, получающей громадные доходы от грабежа колоний и слабых наций.* Таким извращением является, с другой стороны, столь же широкое и международное течение «центра» и т. д.».

Добавление слов «в империалистской войне» необходимо ввиду большей точности: «защита отечества» есть не что иное, как лозунг оправдания войны, признания ее законности, справедливости. Войны бывают разные. Возможны войны и революционные. Надо поэтому сказать с полной точностью, что здесь идет речь именно об империалистской войне. Это подразумевается, но во избежание кривотолков, чтобы это не подразумевалось, а было сказано прямо и ясно.

VII.

От общей или теоретической части программы переходим к программе-минимум. Здесь мы встречаем сразу «очень радикальное», по внешности, и очень несостоятельное предложение товарищей Н. Бухарина и В. Смирнова *вовсе удалить* программу-минимум [130]). Деление, дескать, на программу-максимум и программу-минимум «устарело», к чему оно, раз речь идет о переходе

---

*) См. XX том Сочинений, стр. 302. *Ред.*

к социализму. Никакой программы-минимум, прямо программу переходных мер к социализму.

Таково предложение двух названных товарищей, которые, однако, не решились почему-то предложить соответственного проекта (хотя постановка в порядок дня ближайшего съезда партии пересмотра партийной программы прямо обязывала этих товарищей составить такой проект). Возможно, что авторы кажущегося «радикальным» предложения сами остановились в нерешительности... Как бы то ни было, их мнение надо рассмотреть.

Войной и разрухой все страны вынуждены идти от монополистического капитализма к государственно-монополистическому капитализму. Таково объективное положение. Но в обстановке революции, при революции государственно-монополистический капитализм *непосредственно* переходит в социализм. Нельзя идти вперед при революции, не идя к социализму, — таково объективное положение, созданное войной и революцией. Его учла наша апрельская конференция, поставив лозунги «республики советов» (политическая форма диктатуры пролетариата) и национализация банков и синдикатов (основная из переходных мер к социализму). До сих пор все большевики согласны между собой и единодушны. Но товарищи В. Смирнов и Н. Бухарин хотят идти дальше, *вовсе* выкидывая программу-минимум. Это значило бы поступать вопреки мудрому совету мудрой пословицы, которая гласит:

«Не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати».

Мы едем на рать, т.-е. мы боремся за завоевание нашей партией политической власти. Эта власть была бы диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства. Беря эту власть, мы не только не боимся выйти за пределы буржуазного строя, а, напротив, ясно, прямо, точно и во всеуслышание говорим, что мы выйдем за эти пределы, что мы пойдем безбоязненно к социализму и что вот какой дорогой лежит наш путь через республику Советов, через национализацию банков и синдикатов, рабочий контроль, всеобщую трудовую повинность, национализацию земли, конфискацию помещичьего инвентаря и проч. и проч. В этом смысле программу переходных мер к социализму мы дали.

Но мы не должны хвалиться, едучи на рать, мы не должны выкидывать программу-минимум, ибо это было бы равносильно пустой похвальбе: не хотим ничего «требовать от буржуазии», а осуществлять сами, не хотим работать по мелочам в рамках буржуазного строя.

Это было бы пустой похвальбой, ибо сначала надо завоевать власть, а мы еще ее не завоевали. Сначала надо осуществить на деле переходные меры к социализму, довести нашу революцию до победы всемирной социалистической революции, а потом уже, *«едучи с рати»*, можно и должно выкинуть вон программу-минимум, *как ненужную больше*.

Можно ли теперь ручаться, что она больше не нужна? Конечно, нельзя по той простой причине, что мы еще власти не завоевали, социализма не осуществили и даже еще до начала всемирной социалистической революции не дожили.

Надо твердо, смело, без колебаний *идти* к этой цели, но смешно объявлять ее достигнутой, когда она заведомо еще не достигнута. Выкидывание уже прочь программы-минимум равносильно объявлению, провозглашению (похвальбе, говоря попросту), «что мы уже победили».

Нет, дорогие товарищи, мы еще не победили.

Мы не знаем, победим ли мы завтра, или немного позже. (Я лично склонен думать, что завтра, — пишу это 6-го октября 1917 года — и что можем опоздать с взятием власти, но и завтра все же есть завтра, а не сегодня.) Мы не знаем, как скоро после нашей победы придет революция на Западе. Мы не знаем, не будет ли еще временных периодов реакции и победы контр-революции после нашей победы, — невозможного в этом ничего нет, — и потому мы построим, когда победим, «тройную линию окопов» против такой возможности.

Мы всего этого не знаем и *знать не можем.* Никто этого знать *не может.* А потому и смешно выкидывать программу-минимум, которая *необходима,* пока мы еще живем в рамках буржуазного строя, пока мы еще этих рамок не разрушили, основного для перехода к социализму не осуществили, врага (буржуазию) не разбили и, разбив, не уничтожили. Все это будет и будет, может быть, гораздо скорее, чем многим кажется (я лично думаю, что это должно *начаться* завтра), *но этого еще нет.*

Возьмите программу-минимум в политической области. Она, эта программа, рассчитана на буржуазную республику. Мы добавляем, что не ограничиваем себя ее рамками, а боремся тотчас же за более высокого типа *республику Советов.* Это мы должны сделать. К новой республике мы должны идти с беззаветной смелостью и решительностью *и мы пойдем к ней, я уверен, именно так.* Но программы-минимум выкидывать никак нельзя, ибо, во-первых, республики Советов *еще* нет; во-вторых, не исключена возможность «попыток реставрации»; их надо сначала пережить и победить; в-третьих, возможны, при переходе от старого к новому, временные «комбинированные типы» (как справедливо указал «Рабочий Путь» на днях), например, и республика Советов, и Учредительное Собрание [131]). *Изживем* сначала все это, а потом успеем выкинуть программу-минимум.

То же самое в области экономической. Мы все согласны, что *боязнь* идти к социализму есть величайшая пошлость и *измена* делу пролетариата. Мы все согласны, что основными из первых шагов на этом пути должны быть такие меры, как национализация банков и синдикатов. Осуществим сначала их и другие

подобные меры, а *там видно будет.* Там будет *виднее,* ибо наш кругозор неизмеримо расширит практический опыт, стоящий в миллион раз больше наилучших программ. Возможно, и даже вероятно, и даже несомненно, что без переходных «комбинированных типов» не обойдется и здесь; например, мелкие хозяйства с одним—двумя наемными рабочими мы сразу не сможем ни национализировать, ни даже взять под настоящий рабочий контроль. Пусть их роль будет ничтожна, пусть они будут связаны и по рукам, и по ногам национализацией банков и трестов, все это так, но пока будут хоть маленькие уголки буржуазных отношений, к чему выкидывать вон программу-минимум? Как марксисты, смело идущие на величайшую в мире революцию и в то же время трезво учитывающие факты, мы не в праве выкидывать программы-минимум.

Выкинув ее теперь, мы доказали бы этим, что, еще не успев победить, мы уже потеряли голову. А мы не должны терять ее ни до победы, ни во время победы, ни после победы, ибо, потеряв голову, мы все потеряем.

Что касается до конкретных предложений, то тов. Н. Бухарин, в сущности, не сказал ничего, ибо он только повторил давно уже сказанное о национализации банков и синдикатов. Тов. В. Смирнов дал в своей статье чрезвычайно интересный и поучительный перечень примерных преобразований, которые сводятся к регулированию производства и потребления продуктов. Это в общей форме *уже* есть в моем, напр., проекте, есть там вслед за этим *«и т. подобное».* Идти дальше сейчас, пускаться в конкретизацию отдельных мероприятий, мне кажется, нецелесообразно. *После* основных мер нового типа, *после* национализации банков, *после* приступа к рабочему контролю многое будет виднее, и опыт подскажет *массу нового,* ибо это будет опыт миллионов, опыт строительства новых порядков экономики сознательным участием миллионов. Разумеется, в статьях, брошюрах, речах *намечать* новое, выдвигать планы, оценивать их, разрабатывать местный и частичный опыт разных советов или комитетов снабжения и т. п. — все это весьма полезная работа. Но в программу вносить чрезмерную детализацию преждевременно и может даже повредить, связав нам руки в частностях. А руки надо иметь свободными, чтобы сильнее творить новое, когда мы вступим вполне на новый путь.

VIII.

В статье тов. Бухарина затронут еще один вопрос, на котором следует остановиться.

...«Вопрос о пересмотре нашей партийной программы должен быть связан с вопросом о выработке единой программы для международной партии пролетариата».

Это сказано несовсем ясно. Если понимать это так, что автор не советует нам принимать новой программы, отложив это дело до создания единой международной программы, программы III Интернационала, то против такого мнения следовало бы восстать самым решительным образом. Ибо отсрочка по такой причине (я полагаю, что другие причины для отсрочки не существуют, напр., никто не требовал отсрочки из-за недостаточной подготовки наших партийных материалов для пересмотра) была бы равносильна затягиванию дела создания III Интернационала с *нашей* стороны. Создание III Интернационала нельзя, конечно, понимать формально. Пока не победила хотя бы в одной стране пролетарская революция или пока не кончилась война, невозможно надеяться на быстрое и успешное движение вперед дела по созыву *большой* конференции революционно-интернационалистических партий разных стран, на их соглашение в деле формального утверждения новой программы. А до тех пор надо двигать вперед дело почином тех партий, которые сейчас поставлены лучше других и могут сделать первый шаг, отнюдь не считая его, конечно, последним шагом, отнюдь не противопоставляя, во что бы то ни стало, своей программы другим «левым» (т. е. революционно-интернационалистским) программам, а *идя* именно к выработке общей программы. Кроме России нет сейчас ни одной страны в мире, где была бы сравнительная свобода съездов для интернационалистов и где было бы так много хорошо осведомленных в международных течениях и программах товарищей, как в нашей партии. Вот почему надо обязательно взять на себя почин. Это требует наш прямой долг, как интернационалистов.

Повидимому, именно так смотрит на дело и т. Бухарин, ибо в начале своей статьи он говорит, что «только что закончившийся (писано в августе) партийный съезд признал переработку программы необходимой» и что «для этой цели будет созван специальный съезд», из этих слов можно заключить, что против принятия новой программы на этом съезде т. Бухарин ничего не имеет [132]).

Если это так, то по затронутому вопросу устанавливается полное единодушие. Едва ли найдется кто-либо, кто был бы против того, чтобы наш съезд, после принятия новой программы, выразил пожелание создания общей единой программы III Интернационала, предприняв для этого известные шаги вроде ускорения конференции левых, издания сборника на нескольких языках, образования комиссии по сводке материала о том, что сделано другими странами для «нащупывания» (по верному выражению товарища Бухарина) пути к новой программе (трибунисты в Голландии [133]), левые в Германии). «Лигу социалистической пропаганды» в Америке [134]) т. Бухарин уже назвал, можно бы указать

еще Американскую «Социалистическую *Рабочую* партию» и ее постановку вопроса о замене «политического государства индустриальной демократией») [135]).

Затем одно указание тов. Бухарина на недостаток в моем проекте я должен безусловно признать правильным. Тов. Б. цитирует то место этого проекта (на стр. 23 брошюры)*), где говорится о переживаемом Россией моменте, о Временном Правительстве капиталистов и т. д. Тов. Бухарин прав, критикуя это место и говоря, что его надо перенести в тактическую резолюцию или в платформу. Я вношу поэтому предложение либо выкинуть совершенно весь последний абзац 23-ей страницы, либо изложить его следующим образом:

«Стремясь к созданию такого государственного устройства, которое наилучше обеспечивало бы как экономическое развитие и права народа вообще, так и возможность наиболее безболезненного перехода к социализму в особенности, партия пролетариата не может ограничиться» и т. д.

Наконец, по одному пункту я должен ответить здесь на один вопрос, возникший у некоторых товарищей, но не поднятый, насколько я знаю, в печати. Это вопрос о § 9 политической программы, о праве наций на самоопределение [136]). Пункт состоит из двух частей: первая дает новую формулировку права на самоопределение, вторая содержит не требование, а декларацию. Вопрос, поставленный мне, состоял в том, уместна ли здесь декларация. Вообще говоря, декларациям место не в программе, но исключение из правила, по-моему, здесь необходимо. Вместо слова самоопределение, много раз подававшего повод к кривотолкам, я ставлю совершенно точное понятие: «право на свободное отделение». После опыта полугодовой революции 1917 года едва ли можно спорить, что партия революционного пролетариата России, партия, работающая на великорусском языке, обязана признать право на отделение. Завоевав власть, мы безусловно тотчас признали бы это право и за Финляндией, и за Украиной, и за Арменией, и за всякой угнетавшейся царизмом (и великорусской буржуазией) народностью. Но мы, с своей стороны, вовсе отделения не хотим. Мы хотим как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великоруссами; мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся разных наций. Мы хотим *революционно-пролетарского* единства, *соединения*, а не разделения. Мы хотим *революционного* соединения, поэтому не ставим лозунга объединения всех и всяких госу-

---

*) См. XX том Сочинений, стр. 303. *Ред.*

дарств вообще, ибо на очереди дня социальная революция ставит объединение *только* государств, перешедших и переходящих к социализму, освобождающихся колоний и т. д. Мы хотим *свободного* соединения, и потому мы обязаны признать свободу отделения (без свободы отделения соединение не может быть названо свободным). Мы тем более обязаны признать свободу отделения, что царизм и великорусская буржуазия своим угнетением оставила в соседних нациях тьму озлобления и недоверия к великоруссам вообще, и это недоверие надо рассеять *делами*, а не словами.

Но мы хотим объединения, и это надо сказать, это так важно сказать в программе партии пестрого национального государства, что ради этого необходимо отступить от обычного, необходимо дать место декларации. Мы хотим, чтобы республика русского (я бы не прочь сказать даже: великорусского, ибо это правильнее) народа *привлекала* к себе иные нации, но чем? Не насилием, а исключительно добровольным соглашением. Иначе нарушается единство и братский союз *рабочих* всех стран. В отличие от буржуазных демократов мы ставим лозунг не братство народов, а братство *рабочих* всех народностей, ибо буржуазии всех стран мы не доверяем, считаем ее врагом.

Вот почему надо здесь допустить исключение из правила и вставить в § 9 *декларацию принципов*.

IX.

Предыдущие строки были уже написаны, когда вышел № 31 «Рабочего Пути» со статьей тов. Ю. Ларина «Рабочие требования нашей программы» [137]). Нельзя не приветствовать этой статьи, как начала обсуждения проектов программы нашим центральным органом. Тов. Ларин останавливается специально на том отделе программы, над которым мне не приходилось работать и проект которого имеется только в редакции «подсекции по охране труда», подсекции, образовавшейся на конференции 24 — 29 апреля 1917 г. [138]). Тов. Ларин предлагает ряд *дополнений*, на мой взгляд вполне приемлемых, но, к сожалению, не всегда им точно редактированных.

Неудачной мне представляется формулировка одного пункта у тов. Ларина: «правильное (?) распределение рабочих сил на основе (?) демократического (?) самоуправления рабочих в деле распределения (?) их личностями (?)». По моему, это хуже, чем формулировка подсекции: «биржи труда должны быть классовыми пролетарскими организациями» и т. д. Затем по вопросу о минимуме заработной платы тов. Ларину следовало бы обстоятельнее разработать и точно формулировать свое предложение, поставить его в *связь* с *историей* взглядов Маркса и марксизма по этому пункту.

Далее, по вопросу о политической и аграрной части программы т. Ларин находит необходимой «более тщательную редакцию». Надо пожелать, чтобы наша партийная пресса начала тотчас обсуждать и вопросы *редактирования* того и иного требования, отнюдь не откладывая этого до съезда, ибо, во-первых, иначе мы не получим хорошо подготовленного съезда, во-вторых, всякий, кому случалось работать над программами и резолюциями, знает, как часто тщательная выработка *редакции* известного пункта *вскрывает и устраняет* принципиальные неясности или разногласия.

Наконец, по вопросу о финансово-экономической части программы т. Ларин пишет, что «вместо нее есть почти пустое место, не упомянуто даже аннулирование военных займов и государственных долгов царизма» (только царизма?), «борьба против фискального использования государственных монополий и т. д.». Крайне желательно, чтобы т. Ларин не откладывал до съезда своих конкретных предложений, а выдвинул их тотчас, ибо иначе подготовка получится несерьезная. По вопросу об аннулировании государственных долгов (и, конечно, не одного царизма, но и буржуазии) надо тщательно обдумать вопрос о мелких подписчиках, а по вопросу о «борьбе против фискального использования государственных монополий» надо обдумать положение дела с монополией производства предметов роскоши и связь проектируемого пункта с требованием программы об отмене всех косвенных налогов.

Повторяю: для серьезной подготовки программы, для работы над нею действительно всей партией надо *немедленно* взяться за дело всем интересующимся и *печатать* как соображения, так и *точные проекты* сформулированных уже пунктов, содержащих дополнения или изменения.

СОВЕТЫ ПОСТОРОННЕГО.

Я пишу эти строки 8 октября и мало надеюсь, чтобы они уже 9 были в руках питерских товарищей. Возможно, что они опоздают, ибо съезд северных Советов назначен на 10 октября. Но все-таки я попытаюсь выступить со своими «Советами постороннего» на тот случай, что вероятное выступление рабочих и солдат Питера и всей «округи» состоится вскоре, но еще не состоялось.

Что вся власть должна перейти к Советам, это ясно. Так же бесспорно должно быть для всякого большевика, что революционно-пролетарской (или большевистской — это теперь одно и то же) власти обеспечено величайшее сочувствие и беззаветная поддержка всех трудящихся и эксплуатируемых во всем мире вообще, в воюющих странах в частности, среди русского крестьянства в особенности. На этих, слишком общеизвестных и давно доказанных, истинах не стоит останавливаться.

Остановиться надо на том, что едва ли вполне ясно всем товарищам, именно: что переход власти к Советам означает теперь на практике вооруженное восстание. Казалось бы, это очевидно, но не все в это вдумались и вдумываются. Отрекаться теперь от вооруженного восстания, значило бы отречься от главного лозунга большевизма (вся власть Советам) и от всего революционно-пролетарского интернационализма вообще.

Но вооруженное восстание есть *особый* вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное «*восстание, как и война, есть искусство*».

Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

1) Никогда *не играть* с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо *идти до конца*.

2) Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить *в наступление.* «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, «*моральный перевес*».

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами «величайшего в истории мастера революционной тактики Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость».

В применении к России и к октябрю 1917 года это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление *всего* флота, скопление *гигантского перевеса* сил над 15—20 тысячами (а может и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнкеров), наших «вандейских войск» (часть казаков) и т. д.

Комбинировать наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой *каких угодно потерь* были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железно-дорожные станции, г) мосты в первую голову.

Выделить *самые решительные* элементы (наших «ударников» и *рабочую молодежь,* а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и *для участия* их везде, во всех важных операциях, напр.:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска,—такова задача, требующая *искусства и тройной смелости.*

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграф и телефон и прочее) с лозунгом: *погибнуть всем, но не пропустить неприятеля.*

Будем надеяться, что, в случае, если выступление будет решено, руководители успешно применят великие заветы Дантона и Маркса.

Успех и русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы.

Написано 21 (8) октября 1917 г.
Впервые напечатано 7 ноября 1920 г. в «Правде» № 250.
Подпись: «Посторонний».

Печатается по тексту «Правды».

ПИСЬМО К ТОВАРИЩАМ БОЛЬШЕВИКАМ, УЧАСТВУЮЩИМ НА ОБЛАСТНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ [139]).

Товарищи! Наша революция переживает в высшей степени критическое время. Этот кризис совпал с великим кризисом нарастания мировой социалистической революции и борьбы против нее всемирного империализма. На ответственных руководителей нашей партии ложится гигантская задача, невыполнение которой грозит полным крахом интернационалистского пролетарского движения. Момент такой, что промедление поистине смерти подобно.

Взгляните на международное положение. Нарастание всемирной революции неоспоримо. Взрыв возмущения чешских рабочих подавлен с невероятным зверством, указывающим на крайнюю запуганность правительства. В Италии дело тоже дошло до массового взрыва в Турине. Но важнее всего восстание в немецком флоте [140]). Надо представить себе неимоверные трудности революции в такой стране, как Германия, да еще при теперешних условиях. Невозможно сомневаться, что восстание в германском флоте означает великий кризис нарастания мировой революции. Если наши шовинисты, проповедующие поражение Германии, требуют от ее рабочих восстания сразу, то мы, русские революционеры-интернационалисты, знаем по опыту 1905—1917 г.г., что более внушительного признака нарастания революции, чем восстание в войсках, нельзя себе и представить.

Подумайте, в каком положении оказываемся мы теперь перед немецкими революционерами Они могут сказать нам: мы имеем одного Либкнехта, который открыто призвал к революции. Его голос задавлен каторжной тюрьмой. У нас нет ни одной газеты, открыто выясняющей необходимость революции, у нас нет свободы собраний. У нас нет ни одного Совета Рабочих или Солдатских Депутатов. Наш голос едва-едва доходит до настоящих широких масс. И мы сделали попытку восстания, имея какой-нибудь один шанс из сотни. А вы, русские

революционные интернационалисты, имеете за собой полгода свободной агитации, вы имеете десятка два газет, вы имеете целый ряд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, вы победили в Совете обеих столиц, на вашей стороне весь Балтийский флот и все русские войска в Финляндии и вы не отвечаете на наш призыв к восстанию, вы не свергнете вашего империалиста Керенского, имея девяносто девять шансов из ста за победу вашего восстания.

Да, мы будем настоящими изменниками Интернационала, если в такой момент, при таких благоприятных условиях на такой призыв немецких революционеров ответим только... резолюциями.

Добавьте к этому, что мы все прекрасно знаем быстрое нарастание сговора и заговора международных империалистов против русской революции. Задушить ее, во что бы то ни стало, задушить ее и военными мерами и миром за счет России — вот к чему подходит международный империализм все ближе. Вот что особенно обостряет кризис мировой социалистической революции, вот что делает особенно опасным — я почти готов сказать: преступным с нашей стороны — промедление с восстанием.

Возьмите далее внутреннее положение России. Крах мелкобуржуазно-соглашательских партий, выразивших бессознательное доверие масс к Керенскому с империалистами вообще, назрел вполне. Крах полный. Голосование советской курии на Демократическом Совещании против коалиции, голосование *большинства* местных Советов Крестьянских Депутатов (вопреки их Центральному Совету, где сидят Авксентьевы и другие друзья Керенского) против коалиции; выборы в Москве, где рабочее население наиболее близко к крестьянству и где более 49 проц. голосовало за большевиков (а среди солдат 14 тысяч из 17 тысяч), — разве это не полный крах доверия народных масс к Керенскому и к соглашателям с Керенским и К°? Разве можно себе представить, чтобы народные массы как-нибудь яснее еще, чем этим голосованием, могли сказать большевикам: ведите нас, мы пойдем за вами.

А мы, получив таким образом большинство народных масс на свою сторону, завоевав оба столичных Совета, будем ждать. Ждать чего? Чтобы Керенский и его корниловцы-генералы сдали Питер немцам, войдя таким образом прямо или косвенно, открыто или прикрыто, в заговор и с Бьюкененом и с Вильгельмом для полного удушения русской революции.

Мало того, что народ московским голосованием и перевыбором Советов выразил доверие к нам. Есть признаки роста апатии и равнодушия. Это понятно. Это означает не упадок революции, как кричат кадеты и их подголоски, а упадок

веры в резолюции и в выборы. Массы в революции требуют от руководящих партий дела, а не слов, победы в борьбе, а не разговоров. Близится момент, когда в народе может появиться мнение, что и большевики тоже не лучше других, ибо они не сумели действовать после выражения нами доверия к ним...

По всей стране разгорается крестьянское восстание. Яснее ясного видно, что кадеты и кадетские прихвостни всячески умаляют его, сводят к «погромам» и «анархии». Эта ложь разрушается тем, что землю начали в центрах восстания передавать крестьянам: никогда еще «погромы» и «анархия» к таким превосходным политическим результатам не приводили! Громадную силу крестьянского восстания доказывает то, что и соглашатели, и эс-эры в «Деле Народа», и *даже* Брешко-Брешковская заговорили о передаче земли крестьянам, чтобы притушить движение, пока оно окончательно не переросло им через голову [141]).

А мы будем ждать, не удастся ли казачьим частям корниловца Керенского (как раз в последнее время самими эс-эрами разоблаченного в корниловщине) подавить *по частям* это крестьянское восстание?

Повидимому, многие руководители нашей партии не заметили *особого* значения того лозунга, который мы все признали и повторяли без конца. Это лозунг: вся власть Советам. Бывали периоды, бывали моменты за полгода революции, когда этот лозунг не означал восстания. Может быть, эти периоды и эти моменты ослепили часть товарищей и заставили их забыть, что теперь и для нас, по крайней мере с половины сентября, этот лозунг *равносилен призыву к восстанию.*

На этот счет не может быть и тени сомнения. «Дело Народа» недавно «популярно» объяснило это, сказав: «ни в коем случае Керенский не подчинится!» Еще бы!

Лозунг «вся власть Советам» есть не что иное, как призыв к восстанию. И вина ляжет на нас всецело и безусловно, если мы, месяцами звавшие массы к восстанию, к отказу от соглашательства, не поведем эти массы на восстание накануне краха революции после того, как массы выразили нам доверие.

Кадеты и соглашатели запугивают примером 3—5 июля, ростом черносотенной агитации и т. п. Но 3—5 июля, если и была ошибка, то только та, что мы не взяли власти. Я думаю, этой ошибки не было тогда, ибо тогда мы еще не были в большинстве, а теперь это было бы роковой ошибкой и хуже чем ошибкой. Рост черносотенной агитации понятен, как обострение крайностей в атмосфере нарастающей пролетарско-крестьянской революции. Но делать из этого довод *против* восстания смешно, ибо бессилие черносотенцев, подкупленных капиталистами, *бессилие черной сотни в борьбе* не требует даже и доказательств. В борьбе Корнилов и Керенский могут опираться только на ди-

кую дивизию да казаков. А теперь разложение началось и у казаков, а кроме того, им извнутри их казачьих областей грозят гражданской войной крестьяне.

Я пишу эти строки в воскресенье, 8 октября, вы прочтете их не раньше 10 октября. Я слышал от одного проезжего товарища, что проезжающие по Варшавской дороге говорят: Керенский ведет казаков в Питер! Вполне вероятно, и будет прямой нашей виной, если мы всесторонне не проверим этого и не изучим силы и распределения *корниловских войск второго призыва.*

Керенский снова подвел корниловские войска под Питер, чтобы помешать передаче власти Советам, чтобы помешать немедленному предложению мира этой властью, чтобы помешать передаче всей земли тотчас крестьянству, чтобы сдать Питер немцам, а самому удрать в Москву! Вот лозунг восстания, который мы должны пустить в обращение как можно шире и который будет иметь громадный успех.

Нельзя ждать Всероссийского съезда Советов, который Центральный Исполнительный Комитет может оттянуть и до ноября, нельзя откладывать, позволяя Керенскому подвозить еще корниловские войска. На съезде Советов представлена Финляндия, флот и Ревель, которые, вместе взятые, могут дать немедленное движение к Питеру против корниловских полков, движение флота и артиллерии и пулеметов и двух-трех корпусов солдат, доказавших, напр., в Выборге всю силу их ненависти к корниловским генералам, с коими опять снюхался Керенский.

Было бы величайшей ошибкой отказываться от возможности немедленно разбить корниловские полки второго призыва из-за того соображения, что балтийский флот, уходя в Питер, откроет будто бы этим фронт немцам. Клеветники-корниловцы скажут это, как скажут всякую ложь вообще, но давать запугать себя ложью и клеветой недостойно революционеров. Керенский сдаст Питер немцам, вот что яснее ясного теперь; никакие заверения в обратном не устранят нашей полной уверенности в этом, вытекающей из всего хода событий и из всей политики Керенского.

Керенский и корниловцы сдадут Питер немцам. Именно для спасения Питера надо свергнуть Керенского и взять власть *Советам обеих столиц*, эти Советы тотчас предложат мир всем народам и выполнят этим свой долг перед немецкими революционерами, сделают этим решительный шаг к разрыву преступных заговоров против русской революции, заговоров международного империализма.

Только немедленное движение балтийского флота, финляндских войск, Ревеля и Кронштадта против корниловских войск под Питером способно спасти русскую и всемирную революцию.

И такое движение имеет девяносто девять шансов из ста привести в несколько дней к сдаче одной части казачьих войск, к полному разгрому другой части, к свержению Керенского, ибо рабочие и солдаты обеих столиц поддержат такое движение.

Промедление смерти подобно.

Лозунг: «вся власть Советам» есть лозунг восстания. Кто употребляет такой лозунг, не сознавая этого, не продумав этого, пусть пеняет на себя. А к восстанию надо уметь отнестись как к искусству, — я настаивал на этом во время Демократического Совещания и настаиваю теперь, ибо *этому* учит марксизм, этому учит все теперешнее положение в России и во всем мире.

Дело не в голосованиях, не в привлечении «левых эс-эров», не в добавлении провинциальных Советов, не в съезде их. Дело в восстании, которое может и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель. Под *Питером* и в Питере — вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание, как можно серьезнее, как можно подготовленнее, как можно быстрее, как можно энергичнее.

Флот, Кронштадт, Выборг, Ревель могут и должны пойти на Питер, разгромить корниловские полки, поднять обе столицы, двинуть массовую агитацию за власть, немедленно передающую землю крестьянам и немедленно предлагающую мир, свергнуть правительство Керенского, создать эту власть.

Промедление смерти подобно.

Н. Ленин.

8 октября 1917 г.

Впервые напечатано 7 ноября 1925 г. в «Правде» № 255 (3186).

Печатается по рукописи.

ЗАСЕДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА Р. С.-Д. Р. П. 23 (10) ОКТЯБРЯ 1917 Г. [142]).

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ.

1.

ДОКЛАД.

Ленин констатирует, что с начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании. Между тем это недопустимо, если мы серьезно ставим лозунг о захвате власти Советами. Поэтому давно уже надо обратить внимание на техническую сторону вопроса. Теперь же, повидимому, время значительно упущено.

Тем не менее, вопрос стоит очень остро, и решительный момент близок.

Положение международное таково, что инициатива должна быть за нами.

То, что затевается со сдачей до Нарвы и сдачей до Питера, еще больше вынуждает нас к решительным действиям.

Политическое положение также внушительно действует в эту сторону. 3 — 5 июля решительные действия с нашей стороны разбились бы о то, что за нами не было большинства. С тех пор наш подъем идет гигантскими шагами.

Абсентеизм и равнодушие масс можно объяснить тем, что массы утомились от слов и резолюций.

Большинство теперь за нами. Политически дело совершенно созрело для перехода власти.

Аграрное движение также идет в эту сторону, ибо ясно, что нужны героические силы, чтобы притушить это движение. Лозунг перехода всей земли стал общим лозунгом крестьян. Политическая обстановка таким образом готова. Надо говорить о технической стороне. В этом все дело. Между тем мы, вслед за оборонцами, склонны систематическую подготовку восстания считать чем-то в роде политического греха.

2064

1917 г. № 51

ЦК признает, что как между-
народное положение русской рево-
люции (восстание во флоте в Гер-
мании, как крайнее проявление
нарастания всемирной социалистиче-
ской революции, затем угроза
мира империалистов с целью
удушения революции в России)
— так и военное положение
(несомненное решение русской
буржуазии и Керенского с К° сдать
Питер немцам), — так и
приобретение большевистской
партией большинства в Сове-
тах, — все это в связи с
крестьянским восстанием
и с поворотом народного
[illegible]

Рукопись резолюции В. И. Ленина о вооруженном восстании — 23 (10) октября 1917 г.

Уменьшено

Ждать до Учредительного Собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу.

Областным съездом и предложением из Минска [143]) надо воспользоваться для начала решительных действий.

Впервые напечатано в 1922 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 10.

Печатается по тексту протоколов.

2.

РЕЗОЛЮЦИЯ.

Ц.К. признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К° сдать Питер немцам), так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах, — все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец явное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.), — все это ставит на очередь дня вооруженное восстание.

Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, Ц. К. предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.).

Впервые напечатано 31 октября 1924 г. в журнале «Прожектор» № 12 (42).

Печатается по рукописи.

ЗАСЕДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА Р.С.-Д.Р.П. 29 (16) ОКТЯБРЯ 1917 Г.[144])

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ.

1.

Ленин оглашает резолюцию, принятую Ц. К. на предыдущем заседании. Сообщает, что резолюция была принята против двух голосов. Если возражавшие товарищи пожелают высказаться, то можно развернуть прения, пока же мотивирует эту резолюцию.

Если бы партии меньшевиков и эс-эров порвали с соглашательством, можно было бы предложить им компромисс. Это предложение было сделано, но ясно было, что данными партиями этот компромисс был отвергнут *). С другой стороны, к этому периоду уже ясно определилось, что массы идут за нами. Это было еще до корниловщины. В доказательство приводит статистику выборов в Питере и в Москве. Корниловщина же еще решительнее толкнула массы к нам. Соотношение сил на Демократическом Совещании. Положение ясное, либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства. Настроением руководиться невозможно, ибо оно изменчиво и не поддается учету; мы должны руководиться объективным анализом и оценкой революции. Массы дали доверие большевикам и требуют от тех не слов, а дел, решительной политики и в борьбе с войной, и в борьбе с разрухой. Если в основу положить политический анализ революции, то совершенно ясным станет, что даже анархические выступления теперь подтверждают это.

Далее анализирует положение в Европе, и доказательства, что там революция еще труднее, чем у нас: если в такой стране, как Германия, дело дошло до восстания во флоте, то это доказывает,

---

*) См. настоящий том, стр. 132. *Ред.*

что и там дело уже очень далеко дошло. Положение международное дает нам ряд объективных данных, что, выступая теперь, мы будем иметь на своей стороне всю пролетарскую Европу; доказывает, что буржуазия хочет сдать Питер. От этого мы можем спасти, только взяв Петроград в свои руки. Из всего этого ясен вывод, что на очереди то вооруженное восстание, о котором говорится в резолюции Ц. К.

Что касается практических выводов из резолюции, то их удобнее сделать после заслушания докладов представителей центров.

Из политического анализа классовой борьбы в России и в Европе вытекает необходимость самой решительной, самой активной политики, которая может быть только вооруженное восстание.

2.

Ленин полемизирует с Милютиным и Шотманом и доказывает, что дело не в вооруженных силах, дело не идет о борьбе с войском, но о борьбе одной части войска с другой. Не видит пессимизма в том, что здесь говорилось. Доказывает, что силы на стороне буржуазии невелики. Факты доказывают, что мы имеем перевес над неприятелем. Почему Ц. К. не может начать? Это не вытекает из всех данных. Чтобы отбросить резолюцию Ц. К., надо доказать, что разрухи нет, что международное положение не приводит к осложнениям. Если профессиональные деятели требуют всей власти, то они отлично понимают, что хотят. Объективные условия доказывают, что крестьянство нужно вести; за пролетариатом оно пойдет.

Боятся того, что мы не удержим власть, но у нас именно теперь особенные шансы удержать власть.

Выражает пожелание, чтобы дебаты велись в плоскости обсуждения резолюции по существу.

3.

Если бы все резолюции так проваливались, то лучшего желать нельзя было бы. Теперь Зиновьев говорит так, что лозунг «власть Советам» — долой и давит на правительство. Если говорить, что восстание «назрело», говорить о заговорах не приходится. Если политически восстание неизбежно, то нужно относиться к восстанию, как к искусству. А политически уже оно назрело.

Именно потому, что хлеба только на день, мы не можем ждать Учредительного Собрания. Предлагает резолюцию подтвердить, к подготовке решительно готовиться и предоставить Ц. К. и Совету решить, когда.

4.

Ленин возражает Зиновьеву, что нельзя противопоставить эту революцию революции февральской. По существу предлагает резолюцию:

«Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию Ц. К., призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что Ц. К. и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления».

Впервые напечатано в октябре 1927 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 10.

Печатается по тексту журнала.

ПИСЬМО К ТОВАРИЩАМ.

Товарищи! Время, которое мы переживаем, настолько критическое, события летят с такой невероятной быстротой, что публицист, поставленный волей судеб несколько в стороне от главного русла истории, рискует постоянно опоздать или оказаться неосведомленным, особенно если его писания с запозданием появляются в свет. Вполне сознавая это, я вынужден тем не менее обратиться к большевикам с этим письмом, даже под риском, что оно вовсе не появится в печати, ибо колебания, против которых я считаю своим долгом восстать со всей решительностью, неслыханны и способны оказать губительное действие на партию, на движение международного пролетариата, на революцию. А что касается до опасности опоздать, то для предупреждения ее я буду указывать, какими сведениями, от какого числа, я обладаю.

Мне удалось только в понедельник, 16-го октября, утром увидеть товарища, который участвовал накануне в очень важном большевистском собрании в Питере и подробно осведомил меня о прениях [145]). Обсуждался тот самый вопрос о восстании, который обсуждается и воскресными газетами всех направлений. На собрании было представлено все влиятельнейшее из всех отраслей большевистской работы в столице. И только ничтожнейшее меньшинство собрания, именно всего на всего двое товарищей заняли отрицательное отношение. Доводы, с которыми выступали эти товарищи, до того слабы, эти доводы являются таким поразительным проявлением растерянности, запуганности и краха всех основных идей большевизма и революционно-пролетарского интернационализма, что нелегко подыскать объяснение столь позорным колебаниям. Но факт на лицо, и так как революционная партия терпеть колебаний по столь серьезному вопросу не вправе, так как известную смуту эта парочка товарищей, растерявших свои принципы, внести может, то необходимо разобрать их доводы, вскрыть их колебания, показать, насколько они позорны. Дальнейшие строки пусть будут попыткой выполнить эту задачу.

«...У нас нет большинства в народе, без этого условия восстание безнадежно»...

Люди, которые способны говорить это, либо исказители правды, либо педанты, которые желают, во что бы то ни стало, не считаясь ни капли с реальной обстановкой революции, получить наперед гарантии, что во всей стране партия большевиков получила ровнехонько половину голосов плюс один голос. Таких гарантий история никогда и ни в одной революции не представляла и представить абсолютно не в состоянии. Предъявление подобного требования есть издевательство над слушателями и не более, как прикрытие своего *бегства* от действительности.

Ибо действительность показывает нам воочию, что именно после июльских дней большинство народа стало быстро переходить на сторону большевиков. Это доказали и выборы 20 августа в Питере, еще до корниловщины, когда процент большевистских голосов поднялся с 20% до 33% в городе без пригородов, и затем выборы в сентябре в районные думы Москвы, когда процент большевистских голосов поднялся с 11% до $49^1/_3\%$ (один товарищ москвич, которого я видел на-днях, говорил мне, что точная цифра 51%). Это доказали перевыборы Советов. Это доказал тот факт, что большинство крестьянских Советов, вопреки своему «авксентьевскому» центральному совету, высказалось *против* коалиции. Быть против коалиции это значит *на деле* идти за большевиками. Далее, сообщения с фронта все чаще и все определеннее показывают, что *масса* солдат вопреки злостным клеветам и нападкам эс-эровско-меньшевистских вождей, офицеров, депутатов и проч., и проч., все решительнее и решительнее переходит на сторону большевиков.

Наконец, самый крупный факт современной жизни в России есть *крестьянское восстание.* Вот объективный, не словами, а делами показанный переход народа на сторону большевиков. Ибо, как ни лжет буржуазная пресса и ее жалкие подголоски из «колеблющихся» новожизненцев и К°, крича о погромах и об анархии, но факт на лицо. Движение крестьян в Тамбовской губернии было восстанием и в физическом и в политическом смысле, восстанием, давшим столь великолепные политические результаты, как, во-первых, согласие передать земли крестьянам. Не даром вся запуганная восстанием эс-эровская шваль вплоть до «Дела Народа» *вопит* теперь о необходимости передачи земель крестьянам! Вот *на деле* доказанная правильность большевизма и успех его. «Учить» бонапартистов и их лакеев в предпарламенте *оказалось* невозможным иначе как восстанием.

Это факт. Факты — упрямая вещь. И такой фактический «довод» *за* восстание сильнее тысячи «пессимистических» увертов растерявшегося и запуганного политика.

Не будь крестьянское восстание событием общенационального политического значения, эс-эровские лакеи из предпарламента не кричали бы о необходимости передать землю крестьянам.

Другое великолепное политическое и революционное последствие крестьянского восстания, отмеченное уже в «Рабочем Пути», это — подвоз хлеба к станциям железных дорог Тамбовской губ. [146]). Вот вам еще «довод», господа растерявшиеся, довод за восстание, как единственное средство спасти страну от стучащегося уже в дверь голода и кризиса неслыханных размеров. Пока эс-эровско-меньшевистские предатели народа ворчат, грозят, пишут резолюции, обещают накормить голодных созывом Учредительного Собрания, народ *побольшевистски* приступит к решению вопроса о хлебе *восстанием* против помещиков, капиталистов и скупщиков.

И прекрасные плоды *такого* (единственно реального) решения вопроса о хлебе вынуждена была признать *буржуазная* пресса, даже «Русская Воля», напечатавшая сообщение, что станции железных дорог Тамбовской губернии оказались завалены хлебом... *После того как крестьяне восстали!!*

Нет, сомневаться теперь в том, что большинство народа идет и пойдет за большевиками, значит позорно колебаться и на деле выкидывать прочь *все* принципы пролетарской революционности, отрекаться от большевизма совершенно.

...«Мы недостаточно сильны, чтобы взять власть, а буржуазия недостаточно сильна, чтобы сорвать Учредительное Собрание»...

Первая часть этого довода есть простой пересказ довода предъидущего. Он не выигрывает в силе и убедительности, если свою растерянность и запуганность буржуазией выражают пессимизмом насчет рабочих, оптимизмом насчет буржуазии. Если юнкера и казаки говорят, что будут драться до последней капли крови против большевиков, то это заслуживает полного доверия; если же рабочие и солдаты на сотнях собраний выражают полное доверие большевикам и подтверждают готовность грудью встать за переход власти к Советам, то «уместно» вспомнить, что одно дело голосовать, а другое дело драться!

Конечно, если рассуждать так, то восстание «опровергнуто». Только, спрашивается, чем же отличается этот своеобразно направленный, своеобразно устремленный «пессимизм» от политического перехода на сторону буржуазии?

Взгляните на факты, вспомните «забываемые» нашими пессимистами тысячекратные заявления большевиков. Мы тысячи раз говорили, что Советы Р. и С. Депутатов — сила, что это авангард революции, что они *могут* взять власть. Мы тысячи раз упрекали меньшевиков и эс-эров, что они фразерствуют насчет

«полномочных органов демократии» и в то же время *боятся* взять власть в руки Советов.

А что доказала корниловщина? Она доказала, что Советы действительно сила.

И после того, как это доказано опытом, фактами, мы выбросим прочь большевизм, отречемся от себя и скажем: мы недостаточно сильны (хотя мы имеем оба столичных и большинство провинциальных Советов на стороне большевиков)!!! Ну, разве это не позорные колебания? В сущности, ведь наши «пессимисты» выкидывают прочь лозунг «вся власть Советам», *боясь* признаться в этом.

Как можно доказать, что буржуазия недостаточно сильна для срыва Учредительного Собрания?

Если буржуазию *не в силах* свергнуть Советы, то, *значит*, она достаточно сильна для срыва Учредительного Собрания, ибо больше помешать некому. Верить обещаниям Керенского и К°, верить резолюциям лакейского предпарламента — неужели это достойно члена пролетарской партии и революционера?

Буржуазия не только *в силах* сорвать Учредительное Собрание, если теперешнее правительство не будет свергнуто, но она может и *косвенно* достигнуть этого результата, сдавая Питер немцам, открывая фронт, усиливая локауты, саботируя подвоз хлеба. Доказано *фактами*, что по частям все это буржуазия уже делала. Значит, она в силах сделать это и *в целом*, если рабочие и солдаты не свергнут ее.

...«Советы должны быть револьвером, приставленным к виску правительства с требованием созыва Учредительного Собрания и отказа от корниловских попыток»...

До этого договорился один из двух печальных пессимистов!

Пришлось договориться до этого, ибо отказ от восстания *есть* отказ от лозунга вся власть Советам.

Конечно, лозунги — «не святыня», слов нет. Но почему же *никто* не поднял вопроса об изменении этого лозунга (как поднял я этот вопрос после июльских дней) *)? Почему *боятся* сказать это открыто, хотя с сентября в партии обсуждается вопрос о восстании, *неизбежном* отныне для осуществления лозунга: «вся власть Советам»?

Тут не вывернуться нашим печальным пессимистам никогда. Отказ от восстания есть отказ от передачи власти Советам и «передача» всех надежд и упований на добренькую буржуазию, которая «обещала» созвать Учредительное Собрание.

Неужели трудно понять, что *при власти* в руках Советов

---

*) См. настоящий том, стр. 33. *Ред.*

Учредительное Собрание *обеспечено* и его успех обеспечен? Это тысячи раз говорили большевики. *Никто* ни разу не пытался опровергнуть этого. Такой «комбинированный тип» все признавали, но протащить теперь под словечком «комбинированный тип» *отказ* от передачи власти Советам, протащить *тайком, боясь* отречься от нашего лозунга открыто, — что это такое? можно ли подыскать для характеристики этого парламентские выражения?

Нашему пессимисту ответили метко: «револьвер без пули?» Если да, то это прямой переход к Либерданам, которые тысячу раз объявляли Советы «револьвером» и тысячи раз обманывали народ, ибо Советы *при их господстве* оказывались нолем.

А если револьвер «с пулей», то это и есть *техническая* подготовка восстания, ибо пулю надо достать, револьвер надо зарядить, да и одной пули маловато будет.

Либо переход к Либерданам и *открытый* отказ от лозунга «вся власть Советам», либо восстание. Средины нет.

...«Буржуазия не может сдать Питера немцам, хотя Родзянко и хочет этого, ибо воюют не буржуа, а наши геройские матросы»...

Этот довод сводится опять к тому «оптимизму» *насчет буржуазии*, который на каждом шагу фатально проявляют пессимисты по части революционных сил и способностей пролетариата.

Воюют геройские матросы, *но* это не помешало *двум* адмиралам *скрыться* перед взятием Эзеля!!

Это факт. Факты — упрямая вещь. Факты доказывают, что адмиралы *способны* предавать не хуже Корнилова. А что ставка не реформирована, что командный состав корниловский, это бесспорный факт.

Если корниловцы (с Керенским во главе, ибо он тоже корниловец) *захотят* сдать Питер, они могут сделать это двояко и даже «трояко».

Во-первых, они могут предательством корниловского командного состава открыть сухопутный северный фронт.

Во-вторых, они могут «сговориться» насчет свободы действий всего немецкого флота, который *сильнее* нас, сговориться и с немецкими и с английскими империалистами. Кроме того «скрывшиеся адмиралы» могли передать немцам *и планы*.

В-третьих, локаутами и саботажем доставки хлеба они могут довести войска наши до *полного* отчаяния и бессилия.

Ни одного из этих трех путей отрицать нельзя. Факты доказали, что во все эти три двери буржуазно-казацкая партия России уже стучалась, их пробовала открыть.

Следовательно? Следовательно, мы не в праве *ждать*, пока буржуазия задушит революцию.

Что родзянковские «хотения» — не пустышка, это доказано опытом. Родзянко — человек дела. За Родзянкой стоит *капитал*. Это неоспоримо. Капитал — силища, пока пролетариат не овладел властью. Политику капитала Родзянко верой и правдой проводил *десятилетия*.

Следовательно? Следовательно, колебаться по вопросу о восстании, как единственном средстве спасти революцию, значит впадать в ту наполовину либердановскую, эс-эровски-меньшевистскую трусливую доверчивость к буржуазии, наполовину «мужицки»-бессознательную доверчивость, против которой больше всего большевики боролись.

Либо сложить ненужные руки на пустой груди и ждать, клянясь «верой» в Учредительное Собрание, пока Родзянко и К° сдадут Питер и задушат революцию, либо восстание. Середины нет.

Даже созыв Учредительного Собрания, отдельно взятый, ничего тут не меняет, ибо никаким «учредительством», никакими голосованиями хотя бы архисуверенного собрания голода не проймешь, Вильгельма не проймешь. И созыв Учредительного Собрания и *успех* его зависит от перехода власти к Советам, эту старую большевистскую истину все более наглядно и все более *жестоко* подтверждает действительность.

...«Мы усиливаемся с каждым днем, мы можем войти сильной оппозицией в Учредительное Собрание, к чему нам все ставить на карту»...

Довод филистера, который «читал», что Учредительное Собрание созывается и доверчиво успокаивается на легальнейшем, лойяльнейшем, конституционном пути.

Жаль только, что ни вопроса о голоде, ни вопроса о сдаче Питера *ожиданиями* Учредительного Собрания решить нельзя. Эту «мелочь» забывают наивные или растерявшиеся, или давшие себя запугать люди.

Голод не ждет. Крестьянское восстание не ждало. Война не ждет. Скрывшиеся адмиралы не ждали.

Или от того, что мы, большевики, *провозгласим* веру в созыв Учредительного Собрания, от этого голод согласится подождать? Скрывшиеся адмиралы согласятся подождать? Маклаковы и Родзянки согласятся прекратить локауты, саботаж подвоза хлеба, тайные сговоры с английскими и немецкими империалистами?

Ведь *так* выходит у героев «конституционных иллюзий» и парламентского кретинизма. Живая жизнь исчезает, остается только *бумажка* о созыве Учредительного Собрания, остаются только выборы.

И слепые люди дивятся еще, что голодный народ и предаваемые генералами и адмиралами солдаты равнодушны к выборам! О, мудрецы!

...«Вот если бы корниловцы опять начали, тогда мы бы показали! А начинать самим, к чему рисковать?..»

Это так чрезвычайно убедительно и чрезвычайно революционно. История не повторяется, но если мы повернемся к ней *задом* и будем, созерцая корниловщину первую, твердить: «вот кабы корниловцы начали»; если мы это сделаем, какая это превосходная революционная стратегия! Как она похожа на «авось да небось»! Авось корниловцы опять начнут не во время! — не правда ли, какой это сильный «довод»? Какое это серьезное обоснование пролетарской политики?

А если корниловцы второго призыва научились кое-чему? Если они *дождутся* голодных бунтов, прорыва фронта, сдачи Питера, *не начиная* до тех пор? Что тогда?

Тактику пролетарской партии нам предлагают построить на возможном повторении корниловцами одной из своих старых ошибок!

Забудем все, что сотни раз доказывали и *доказали* большевики, что доказала полугодовая история нашей революции, именно: что выхода *нет*, объективно нет, не может быть, *кроме* диктатуры корниловцев или диктатуры пролетариата, забудем это, отречемся от всего этого и будем ждать! Ждать чего? Ждать чуда: именно, что бурное и катастрофическое течение событий с 20 апреля по 29 августа сменится (по случаю затягивания войны и роста голодовки) мирным, спокойным, гладким, легальным созывом Учредительного Собрания и исполнением его законнейших решений. Вот она «марксистская» тактика! Ждите, голодные, Керенский обещал созвать Учредительное Собрание!

...«В международном положении нет, собственно, ничего, обязывающего нас выступать немедленно, мы скорее повредим делу социалистической революции на Западе, если дадим себя расстрелять»...

Этот довод поистине великолепен: «сам» Шейдеман, «сам» Ренодель не сумел бы искуснее «оперировать» с сочувствием рабочих успеху международной социалистической революции!

Подумайте только: немцы при дьявольски трудных условиях, имея *одного* Либкнехта (да и то в каторге), без газет, без свободы собраний, без Советов, при невероятной враждебности *всех* классов населения, вплоть до последнего зажиточного крестьянина, идее интернационализма, при великолепной организованности империалистской крупной, средней и мелкой буржуазии, немцы, т.-е. немецкие революционеры-интернационалисты, рабочие, одетые в матросские куртки, устроили восстание во флоте — с шансами разве один на сотню.

А мы, имея десятки газет, свободу собраний, имея *большинство* в Советах, мы, наилучше поставленные во всем мире про-

летарские интернационалисты, мы откажемся от поддержки немецких революционеров нашим восстанием. Мы будем рассуждать, как Шейдеманы и Ренодели: благоразумнее всего не восставать, ибо если нас перестреляют, то мир потеряет таких прекрасных, таких благоразумных, таких идеальных интернационалистов!!

Докажем свое благоразумие. Примем резолюцию сочувствия *немецким повстанцам* и отвергнем *восстание* в России. Это будет настоящим, благоразумным интернационализмом. И как быстро процветет международный интернационализм, если *повсюду* восторжествует такая же мудрая политика!..

Война замучила, истерзала рабочих всех стран до крайности. Взрывы и в Италии, и в Германии, и в Австрии учащаются. Мы *одни* имеем Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, — будем *выжидать* — предадим немецких интернационалистов, как мы предаем русских крестьян, не словами, а делами, восстанием против помещиков, зовущих нас к восстанию против правительства Керенского...

Пусть сгустилась туча империалистского заговора капиталистов всех стран, которые готовы задушить русскую революцию,— будем спокойно выжидать, пока нас задушат *рублем!* Вместо того, чтобы напасть на заговорщиков и сломать их ряды победой Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, будем ожидать Учредительного Собрания, где *голосованиями* победятся все международные заговоры, если Керенский и Родзянко добросовестно созовут Учредительное Собрание. Имеем ли мы право сомневаться в добросовестности Керенского и Родзянки?

...«Но против нас «все»! Мы изолированы; и Ц. И. К., и меньшевики-интернационалисты, и новожизненцы, и левые эс-эры выпустили и выпустят воззвания против нас!..»

Пресильный довод. Мы до сих пор били беспощадно колеблющихся за колебания. Мы *на этом* приобрели сочувствие народа. Мы *на этом* завоевали Советы, без которых восстание не могло быть надежным, быстрым, верным. Теперь воспользуемся завоеванными Советами, чтобы *и нам перейти в стан колеблющихся.* Какая прекрасная карьера большевизма!

Вся суть политики Либерданов и Черновых, а также «левых» среди эс-эров и меньшевиков состоит в *колебаниях.* Как *показатели* того, что *массы левеют,* левые эс-эры и меньшевики интернационалисты имеют *огромное* политическое значение. Такие два факта, как переход около 40% и у меньшевиков и у эс-эров в лагерь левых, с одной стороны, и крестьянское восстание, с другой, стоят в несомненной, очевидной связи.

Но именно характер этой связи и разоблачает всю бездну бесхарактерности тех, кто вздумал теперь хныкать по поводу того,

что заживо сгнивший Ц. И. К. или колеблющиеся левые эс-эры и К° выступили против нас. Ибо *эти* колебания мелкобуржуазных вождей, Мартовых, Камковых, Сухановых и К°, надо сопоставить с *восстанием* крестьян. Вот *реальное* политическое сопоставление. С кем идти? С теми колеблющимися горстками питерских вождей, которые *косвенно* выразили *левение* масс и которые при *каждом* политическом повороте позорно хныкали, колебались, бегали просить прощение у Либерданов и Авксентьевых с Комп., *или с этими полевевшими массами.*

Так, только так стоит вопрос.

По случаю предательства крестьянского восстания Мартовыми, Камковыми, Сухановыми, и нам, рабочей партии революционных интернационалистов, предлагают предать его. Вот к чему сводится политика «киваний» на левых эс-эров и меньшевиков-интернационалистов.

А мы сказали: чтобы помочь колеблющимся, надо перестать колебаться самому. Эти «милые» левые мелкобуржуазные демократы колебались и за коалицию! Мы их повели, в конце концов, за собой тем, что не колебались сами. И жизнь подтвердила нас.

Своими колебаниями эти господа губили революцию всегда. Только мы спасали ее. И теперь мы спасуем, когда голод стучится в ворота Питера, а Родзянко и К° готовят сдачу его?!

...«Но у нас нет даже прочных связей с железнодорожниками и почтовыми служащими. Их официальные представители Плансоны. А можно ли победить без почты и без железных дорог?..»

Да, да, Плансоны—здесь, Либерданы — там. Какое доверие оказали им *массы?* Не мы ли доказывали всегда, что эти вожди предают *массы?* Не от этих ли вождей повернули массы *к нам* и на выборах в Москве и на выборах в Советы? Или масса железнодорожных и почтовых служащих не голодает? не бастует против правительства Керенского и К°?

«А перед 28 февраля были у нас связи с этими союзами?» спросил один товарищ «пессимиста». Тот ответил указанием на несравнимость обеих революций. Но это указание только *усиливает* позицию того, кто задал вопрос.[147]) Ибо о длинной подготовке *пролетарской* революции *против буржуазии* тысячи раз говорили как раз большевики (и говорили не для того, чтобы забыть это накануне решительного момента). Как раз *выделением* пролетарских элементов массы от мелкобуржуазных и буржуазных верхов характеризуется политическая и экономическая жизнь союзов почтово-телеграфного и железнодорожного. Дело вовсе не в том, чтобы обязательно запастись заранее «связями» с тем

и другим союзом, дело в том, что только победа пролетарского и крестьянского восстания *может* удовлетворить *массы* в армиях железнодорожников и почтово-телеграфных служащих.

...«Хлеба в Питере на два — три дня. Можем ли мы дать хлеб повстанцам?..»

Одно из тысячи скептических замечаний (скептики *всегда* могут «сомневаться», и ничем, кроме опыта, не опровергнешь их), из таких замечаний, которое валит с больной головы на здоровую.

Именно Родзянки и К⁰, именно буржуазия готовит голод и спекулирует удавить революцию голодом. Нет и быть *не может* иного спасения от голода, как восстание крестьян против помещиков в деревне и победа рабочих над капиталистами в городе и в центре. Иначе ни достать хлеба у богачей, ни вывезти его, вопреки их саботажу, ни сломить сопротивление подкупленных служащих и наживающихся капиталистов, ни создать строгий учет *нельзя*. Это доказала именно история продовольственных учреждений и продовольственной маяты «демократии», которая миллионы раз *жаловалась* на саботаж капиталистов, *хныкала, умоляла*.

Нет силы на свете, кроме силы победоносной пролетарской революции, чтобы вместо жалоб и просьб и слез перейти к *революционному делу*. И чем дольше будет оттянута пролетарская революция, чем дольше отсрочат ее события или колебания колеблющихся и растерявшихся, тем больше жертв она будет стоить, тем труднее будет *наладить* подвоз и распределение хлеба.

«Промедление в восстании смерти подобно» — вот что надо ответить тем, кто имеет печальное «мужество» смотреть на рост разрухи, на близость голода и *отсоветовать* рабочим восстание *(то есть советовать им подождать, еще положиться на буржуазию).*

...«В положении на фронте тоже нет еще опасности. Если даже солдаты сами заключат перемирие, это еще не беда»...

Но солдаты не заключат перемирия. Для этого нужна государственная власть, которой нельзя получить без восстания. Солдаты просто *убегут*. Об этом говорят доклады с фронта. Ждать нельзя, не рискуя помочь сговору Родзянки с Вильгельмом и *полной* разрухой при повальном бегстве солдат, если они *(уже близкие к отчаянию)* дойдут до полного отчаяния и бросят все на произвол судьбы.

...«А если мы возьмем власть и не получим ни перемирия, ни демократического мира, то солдаты могут не пойти на революционную войну. Что тогда?..»

Довод, заставляющий вспомнить изречение: один дурак может вдесятеро больше задать вопросов, чем десять мудрецов способны разрешить.

Мы никогда не отрицали трудностей *власти* во время империалистской войны, но мы тем не менее всегда *проповедывали* диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства. Неужели мы отречемся от этого, когда пришел момент действия??

Мы всегда говорили, что диктатура пролетариата в одной стране создает гигантские перемены и международного положения, и экономики страны, и положения армии, и настроения ее,— и мы «забудем» все это теперь, давая себя запугать «трудностями» революции??

...«В массах нет рвущегося на улицу настроения, как передают все. К признакам, оправдывающим пессимизм, принадлежит также крайне возросшее распространение погромной и черносотенной прессы»...

Когда люди дадут буржуазии запугать себя, тогда, естественно, все предметы и явления окрашиваются для них в желтый цвет. Во-первых, они марксистский критерий движения подменяют интеллигентски-импрессионистским, *на место* политического учета развития классовой борьбы и хода событий во всей стране в целом, в международной обстановке в целом ставят субъективные впечатления о настроении; о том, что твердая линия партии, ее непреклонная решимость *тоже* есть *фактор* настроения, особенно в наиболее острые революционные моменты, об этом, конечно, «кстати» забывают. Иногда людям бывает очень «кстати» забыть, что ответственные руководители своими колебаниями и склонностью сжечь то, чему они вчера поклонялись, вносят самые неприличные колебания и в настроения известных слоев массы.

Во-вторых,— и это в данный момент главное — говоря о настроении масс, бесхарактерные люди забывают добавить,

что «все» передают его, как сосредоточенное и выжидательное;

что «все» согласны насчет того, что по призыву Советов и для защиты Советов рабочие выступят, как один человек;

что «все» согласны насчет сильного недовольства у рабочих нерешительностью центров в вопросе о «последнем, решительном бое», неизбежность коего сознается ясно;

что «все» единодушно характеризуют настроение наиболее широких масс, как близкое к отчаянию, и указывают на факт нарастания анархизма именно на этой почве;

что «все» признают также, что среди сознательных рабочих есть определенное нежелание выходить на улицу *только* для

демонстраций, *только для* частичной борьбы, ибо в воздухе носится приближение не частичного, а общего боя, безнадежность же отдельных стачек, демонстраций, давлений испытана и сознана вполне.

И так далее.

Если мы к этой характеристике настроения масс подойдем с точки зрения всего развития классовой и политической борьбы и всего хода событий за полгода нашей революции, то нам станет ясно, как искажают дело запуганные буржуазией люди. Дело стоит именно не так, как перед 20—21 апреля, 9 июня, 3 июля, ибо тогда было *стихийное возбуждение,* которое мы, как партия, или не улавливали (20 апреля), или сдерживали и оформливали в мирную демонстрацию (9 июня и 3 июля). Ибо мы хорошо знали тогда, что Советы *еще* не наши, что крестьяне *еще* верят пути либердановско-черновскому, а не пути большевистскому (восстанию), что, следовательно, за нами большинства народа быть не может, что, следовательно, восстание преждевременно.

Тогда у большинства сознательных рабочих вопроса о последнем решительном бое *не* возникало вовсе; нет ни одной коллегии из партийных коллегий вообще, которая бы этот вопрос ставила. А у малосознательной и очень широкой массы не было ни сосредоточенности, ни решимости отчаяния, а было именно стихийное *возбуждение* с наивной надеждой просто «выступлением», просто демонстрацией «повлиять» на Керенских и буржуазию.

Для восстания нужно не это, а сознательная, твердая и непреклонная решимость сознательных биться до конца, это—с одной стороны. А, с другой стороны, нужно сосредоточенно-отчаянное настроение широких масс, которые *чувствуют,* что полумерами ничего теперь спасти нельзя, что «повлиять» никак не повлияешь, что голодные «разнесут все, размозжат все даже поанархически», *если* не сумеют руководить ими в решительном бое большевики.

Именно к этому сочетанию наученной опытом сосредоточенности сознательных и близкого к отчаянию настроения ненависти к локаутчикам и капиталистам у широчайших масс развитие революции привело на деле *и* рабочих *и* крестьянство.

Именно на этой почве понятен также «успех» подделывающихся под большевизм негодяев черносотенной печати. Что черные злорадствуют при виде приближающегося решительного боя буржуазии с пролетариатом, это бывало всегда, это наблюдалось во всех без всякого изъятия революциях, это абсолютно неизбежно. И если *этим* обстоятельством давать себя запугивать, тогда надо отказаться не только от восстания, но и пролетарской революции вообще. Ибо *не* может в капиталистическом обществе быть такого нарастания этой революции, которое бы *не*

сопровождалось злорадством черной сотни и ее надеждами погреть себе руки.

Сознательные рабочие прекрасно знают, что черная сотня с буржуазией работают рука об руку и что решительная победа рабочих (в которую мелкие буржуа не верят, которой капиталисты боятся, которой черносотенцы иногда из злорадства желают, уверенные, что большевики не удержат власти), что эта победа черную сотню *раздавит* до конца, что власть большевики *сумеют* удержать твердо и к величайшей пользе для всего измученного и истерзанного войной человечества.

В самом деле, кто же из не сошедших с ума людей может сомневаться в том, что *Родзянки* и Суворины действуют вместе? что между ними распределены роли?

Разве факты не доказали, что по указке Родзянки действует Керенский, а «Государственная типография Российской республики» (не шутите!) печатает на казенный счет черносотенные речи черносотенцев «Государственной Думы»? Разве этого факта не разоблачили *даже* лакействующие перед «своим человечком» лакеи из «Дела Народа»? Разве опыт *всех* выборов не доказал полнейшей поддержки «Новым Временем», продажной газетой, царскопомещичьими «интересами» направляемой газетой, кадетских списков [148])?

Разве мы не читали вчера, что торгово-промышленный капитал (беспартийный, конечно, о, разумеется, беспартийный, ведь Вихляевы и Ракитниковы, Гвоздевы и Никитины коалируют не с кадетами, боже упаси, а с *беспартийными* торгово-промышленными кругами!), отвалил 300.000 р. кадетам?

Вся черносотенная пресса, если смотреть на вещи с классовой, а не сантиментальной точки зрения, есть *отделение* фирмы «Рябушинский, Милюков и К°». Капитал покупает себе, с одной стороны, Милюковых, Заславских, Потресовых и прочее, а, с другой стороны, черносотенцев.

Никакого иного средства покончить с этим безобразнейшим отравлением народа ядом дешевой черносотенной заразы быть не может, кроме *победы пролетариата.*

И можно ли удивляться тому, что измученная и истерзанная голодом и затягиванием войны толпа «хватается» за черносотенный яд? Можно ли мыслить себе капиталистическое общество накануне краха *без* отчаяния в среде угнетенных масс? И может ли отчаяние масс, среди которых не мало темноты, *не* выражаться в увеличенном сбыте всякого яда?

Нет, безнадежна позиция тех, кто, толкуя о настроении масс, свою личную бесхарактерность сваливает на массы. Массы делятся на сознательно выжидающих, на бессознательно готовых впасть в отчаяние, но массы угнетенных и голодных *не* бесхарактерны.

...«Марксистская партия, с другой стороны, не может сводить вопрос о восстании к вопросу о военном заговоре»...

Марксизм есть чрезвычайно глубокое и разностороннее учение. Неудивительно поэтому, что *обрывки* цитат из Маркса, — особенно если приводить цитаты *не*кстати — можно встретить всегда среди «доводов» тех, кто рвет с марксизмом. Военный заговор есть бланкизм, *если* его устраивает не партия определенного класса, *если* его устроители не учли политического момента вообще и международного в особенности, *если* на стороне этой партии нет доказанного объективными фактами сочувствия большинства народа, *если* развитие событий революции не привело к практическому опровержению соглашательских иллюзий мелкой буржуазии, *если* не завоевано большинство признанных «полномочными» или иначе себя показавших органов революционной борьбы вроде «Советов», *если* в армии (буде дело происходит во время войны) нет вполне назревшего настроения против правительства, затягивающего несправедливую войну против воли народа, *если* лозунги восстания (вроде «вся власть Советам», «земля крестьянам», «немедленное предложение демократического мира всем воюющим народам в связи с немедленной же отменой тайных договоров и тайной дипломатии» и т. п.) не приобрели широчайшей известности и популярности, *если* передовые рабочие не уверены в отчаянном положении масс и в поддержке деревни, поддержке, доказанной серьезным крестьянским движением, или восстанием против помещиков и защищающего их правительства, *если* экономическое положение страны внушает серьезные надежды на благоприятное разрешение кризиса мирными и парламентскими средствами.

Пожалуй, довольно?

В своей брошюре: «Удержат ли большевики государственную власть?» (я надеюсь, что она на днях выйдет уже в свет) я привел цитату из Маркса, действительно относящуюся к вопросу о восстании и определяющую признаки восстания как «искусства» *).

Я готов биться о заклад, что если предложить раскрыть рот тем болтунам, которые кричат теперь в России против военного заговора, и призвать их к объяснению разницы между «искусством» вооруженного восстания и осуждения достойным военным заговором, то они либо повторят сказанное выше, либо осрамят себя и вызовут всеобщий смех рабочих. Попробуйте-ка, любезные тоже-марксисты! Спойте нам песенку *против* «военного заговора»!

---

*) См. настоящий том, стр. 280. *Ред.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Предыдущие строки были уже написаны, когда я получил в 8 час. вечера, во вторник, утренние питерские газеты со статьей г. В. Базарова в «Новой Жизни». Г. В. Базаров утверждает, что «по городу пущен в рукописи листок, высказывающийся от имени двух видных большевиков против выступления» [149]).

Если это правда, то я прошу товарищей, в руки которых это письмо не может попасть раньше полудня в среду, *напечатать его* возможно скорее.

Оно писалось не для печати, а только для беседы с членами партии по переписке. Но если непринадлежащие к партии и тысячу раз осмеянные ею за презренную бесхарактерность герои из «Новой Жизни» (третьего дня голосовавшие за большевиков, вчера за меньшевиков и *почти* объединившие их на всемирно-знаменитом объединительном съезде), если подобные субъекты получают *листок* от членов нашей партии, агитирующих против восстания, тогда молчать нельзя. Надо агитировать и *за* восстание. Пускай анонимы вылезают окончательно на свет божий и понесут заслуженное ими за их позорные колебания наказание хотя бы в виде насмешек всех сознательных рабочих. Я имею в своем распоряжении только час времени до отсылки настоящего письма в Питер и потому только в двух словах отмечу один «прием» печальных героев безголового «новожизненства». Г. В. Базаров пробует полемизировать с тов. Рязановым, который сказал и сказал тысячу раз правильно, что «восстание подготовляют все те, кто создает в массах настроение отчаяния и индифферентизма».

Печальный герой печального дела «возражает»:

«Разве отчаяние и индифферентизм когда-либо побеждали?»

О, презренные дурачки из «Новой Жизни»! Они знают *такие* примеры восстания в истории, когда массы угнетенных классов побеждали в отчаянном бою, не будучи долгими страданиями и крайним обострением кризисов всякого рода доведены до отчаяния? Когда эти массы не охватывал индифферентизм (равнодушие) к разным лакейским предпарламентам, к пустой игре в революции, к низведению Либерданами Советов с органов власти и восстания до роли пустых говорилен?

Или, может быть, презренные дурачки из «Новой Жизни» открыли у масс *равнодушие*... к вопросу о хлебе? о затягивании войны? о земле для крестьян?

Написано 29 и 30 (16 и 17) октября 1917 г.

«Рабочий Путь» №№ 40, 41, 42,
1, 2 и 3 ноября (19, 20 и 21 октября) 1917 г.

Подпись: Н. Ленин.

ПИСЬМО К ЧЛЕНАМ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ [150]).

Товарищи! Я не имел еще возможности получить питерские газеты от среды, 18 октября. Когда мне передали по телефону полный текст выступления Каменева и Зиновьева в непартийной газете «Новая Жизнь», то я отказался верить этому, но сомнения оказались невозможны, и я вынужден воспользоваться случаем, чтобы доставить это письмо членам партии к четвергу вечером или к пятнице утром, ибо молчать перед фактом такого неслыханного *штрейкбрехерства* было бы преступлением.

Чем серьезнее практический вопрос, чем ответственнее и «виднее» люди, совершившие штрейкбрехерство, тем опаснее оно, тем решительнее надо выкинуть вон штрейкбрехеров, тем непростительнее было бы колебаться из-за прошлых хотя бы «заслуг» штрейкбрехера.

Подумать только! В партийных кругах известно, что партия с сентября обсуждает вопрос о восстании. Ни об одном письме или листке ни одного из названных лиц никто ничего не слыхал! Теперь, накануне, можно сказать, съезда Советов двое видных большевиков выступают *против* большинства и, явное дело, *против Ц.К.* Это не говорится прямо, и от этого вред для дела еще больше, ибо намеками говорить еще опаснее.

Из текста заявления Каменева и Зиновьева ясно вполне, что они пошли против Ц.К., ибо иначе их заявление бессмысленно, но *какое* именно постановление Ц.К. они оспорили, не сказано.

Почему?

Ясное дело: потому, что его не публиковал Ц.К.

Что же это такое выходит?

По важнейшему боевому вопросу, накануне критического дня 20 октября, двое «видных большевиков» в *не*партийной печати, и притом именно в такой газете, которая по данному вопросу идет *об руку с буржуазией против рабочей партии*, в такой газете нападают на *не*опубликованное решение центра партии!

Да ведь это в тысячу раз подлее и *в миллион раз вреднее* всех тех выступлений хотя бы Плеханова в непартийной пе-

чати в 1906—1907 г.г., которые так резко осуждала партия! Ведь тогда шло дело только о выборах, а теперь идет дело о восстании для завоевания власти[151])!

И по такому вопросу, *после* принятия центром решения, оспаривать это *неопубликованное* решение перед Родзянками и Керенскими, в газете непартийной — можно ли себе представить поступок более изменнический, более штрейкбрехерский?

Я бы считал позором для себя, если бы из-за прежней близости к этим бывшим товарищам я стал колебаться в осуждении их. Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами и перед Ц.К. и перед съездом буду бороться за исключение обоих из партии.

Ибо рабочая партия, которую жизнь все чаще и чаще ставит лицом к лицу с восстанием, не в силах решать эту трудную задачу, если неопубликованные постановления центра, после их принятия, оспариваются в непартийной печати и в ряды борцов вносятся колебания и смута.

Пусть господа Зиновьев и Каменев основывают свою партию с десятками растерявшихся людей или кандидатов в Учредительное Собрание. Рабочие в такую партию не пойдут, ибо ее первым лозунгом будет:

«цекистам, побежденным по вопросу о решительном бое на собрании Ц.К., разрешается идти в непартийную печать для нападок на неопубликованные постановления партии».

Пусть строят они себе *такую* партию; наша рабочая партия большевиков от этого только выиграет.

Когда будут опубликованы все документы, штрейкбрехерство Зиновьева и Каменева выступит еще гораздо яснее. А пока перед рабочими пусть встанет вопрос:

«Допустим, правление Всероссийского профессионального союза решило, после месячного обсуждения и большинством свыше 80 процентов, что надо приготовить стачку, но ни о сроке, ни о чем ином пока не публиковать. Допустим, двое членов, прикрываясь облыжно «особым мнением», *после* решения не только стали писать в местные группы о пересмотре решения, но и допустили сообщения своих писем в *не*партийные газеты. Допустим, что, наконец, они и сами в непартийных газетах напали на решение, хотя оно еще не опубликовано, и стали поносить стачку перед капиталистами.

Спрашивается, колебнутся ли рабочие исключить из своей среды подобных штейкбрехеров?»

* *
*

Что касается до положения вопроса о восстании теперь, так близко к 20 октября, то я издалека не могу судить, насколько

именно испорчено дело штрейкбрехерским выступлением в непартийной печати. Несомненно, что *практический* вред нанесен очень большой. Для исправления дела надо прежде всего восстановить единство большевистского фронта исключением штрейкбрехеров.

Слабость идейных доводов против восстания будет тем яснее, чем больше мы вытащим их на свет божий. Я послал на-днях статью об этом в «Рабочий Путь», и если редакция не сочтет возможным поместить ее, члены партии, вероятно, ознакомятся с ней в рукописи *).

Сводятся эти «идейные», с позволения сказать, доводы к двум: во-первых, к «ожиданию» Учредительного Собрания. Подождем, авось дотянем, — вот и весь довод. Авось с голодом, с разрухой, с истощением терпения солдат, с родзянковскими шагами к сдаче Питера немцам (с локаутами авось) еще дотянем.

Авось да небось, в этом вся сила довода.

Во-вторых, крикливый пессимизм. У буржуазии и Керенского все отлично, у нас все плохо. У капиталистов все подготовлено чудесно, у рабочих все плохо. «Пессимисты» насчет военной стороны дела кричат во всю глотку, а «оптимисты» молчат, ибо перед Родзянкой и Керенским открывать кое-что едва ли кому, кроме штрейкбрехеров, приятно.

Трудное время. Тяжелая задача. Тяжелая измена.

И все-же-таки задача будет решена, рабочие сплотятся, крестьянское восстание и крайнее нетерпение солдат на фронте сделают свое дело! Теснее сплотим ряды, — пролетариат должен победить!

Н. Ленин.

Написано 31 (18) октября 1917 г.
Впервые напечатано 4 ноября 1927 г. в «Правде» № 180.

Печатается по рукописи.

---

*) См. настоящий том, стр. 334. *Ред.*

ПИСЬМО В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р.С.Д.-Р.П.

Дорогие товарищи!

Уважающая себя партия не может терпеть штрейкбрехерства и штрейкбрехеров в своей среде. Это очевидно. А чем больше вдуматься в выступления Зиновьева и Каменева в непартийной прессе, тем более бесспорно становится, что их поступок представляет из себя полный состав штрейкбрехерства. Увертка Каменева на заседании Петроградского Совета есть нечто прямо низкое; он, видите ли, вполне согласен с Троцким. Но неужели трудно понять, что Троцкий *не мог*, не имел права, не должен перед врагами говорить больше, чем он сказал. Неужели трудно понять, что *долг* партии, скрывшей от врага *свое* решение (необходимости вооруженного восстания о том, что оно вполне назрело, о всесторонней подготовке и т. д.), что это решение *обязывает* при публичных выступлениях не только вину, но и почин сваливать на противника. Только дети могли бы не понять этого. Увертка Каменева просто жульничество [152]). То же самое надо сказать про увертку Зиновьева. По крайней мере его «оправдывающееся» письмо (кажется, в Центральном органе), письмо, которое я только и видел (ибо особого мнения, якобы особого мнения, о коем трубит *буржуазная* печать, я, член Ц.К., *до сих пор* не видал). Из «доводов» Зиновьева: Ленин рассылал свои письма «до принятия каких бы то ни было решений», и вы не протестовали. Так буквально пишет Зиновьев, подчеркивая сам четырьмя чертами слово *до*. Неужели трудно понять, что *до* решения центром вопроса о стачке агитировать и за и против можно, а *после* решения в пользу стачки (после добавочного решения скрыть это от врага), после этого агитировать против стачки есть штрейкбрехерство? Всякий рабочий поймет это. Вопрос о вооруженном восстании обсуждался в центре с сентября. Вот когда Зиновьев и Каменев могли и *должны* были выступать письменно, чтобы *все*, видев их доводы, чтобы *все* оценили их полную растерянность. Прятать свои взгляды от партии целый

месяц *до* принятия решения и рассылать особое мнение *после* решения — значит, быть штрейкбрехером.

Зиновьев прикидывается непонимающим этой разницы, непонимающим того, что после решения о стачке, решения центра, лишь штрейкбрехеры могут агитировать перед низшими инстанциями против решения. Всякий рабочий поймет это.

А Зиновьев именно агитировал и срывал решения центра как на воскресном собрании, где он и Каменев ни одного голоса не приобрели, так и в своем теперешнем письме. Ибо Зиновьев имеет бесстыдство утверждать, что «партия не опрошена» и что такие вопросы «не решаются десятью человеками». Подумайте только. Все цекисты знают, что на решающем собрании присутствовало больше десяти членов Ц.К., что присутствовало *большинство пленума*, что сам Каменев на этом собрании заявил: «Это собрание решающее», что про отсутствующих членов Ц.К. было доскональна известно, что *большинство* из них *не согласно* с Зиновьевым и Каменевым. И вот, *после* решения Ц.К. на собрании, которое Каменев признал *решающим*, член Ц.К. имеет наглость писать: «Партия не опрошена», «Такие вопросы десятью не решаются»; это полный состав штрейкбрехерства. До съезда партии решает Ц.К. Ц.К. решил. Каменев и Зиновьев, не выступавшие письменно *до* решения, стали *оспаривать* решение Ц.К. *после* того, как оно состоялось.

Это есть полный состав штрейкбрехерства. После принятия решения никакое оспорение *недопустимо*, раз дело касается немедленной и *тайной* подготовки к стачке. Зиновьев имеет наглость на *нас* сваливать теперь «предупреждение неприятеля». Где же граница бесстыдству? Кто, в самом деле, испортил дело, сорвал стачку «предупреждением неприятеля», как не люди, выступившие в *непартийной* прессе?

В газете, которая по *данному* вопросу идет за одно со всей буржуазией, выступать *против* «решающего» постановления партии.

Если теперь это, то партия невозможна, партия разбита.

Называть «особым мнением» то, что узнает и пропечатывает Базаров в непартийной газете — это значит издеваться над партией.

Выступление Каменева и Зиновьева в непартийной печати было особенно подло еще потому, что их *клеветническую ложь* партия не может опровергнуть открыто: мне неизвестны решения о сроке, пишет и печатает от своего и Зиновьева имени Каменев. (Зиновьев вполне ответственен за все поведение и выступление Каменева после такого заявления.)

Как может Ц.К. опровергнуть это?

Мы не можем сказать перед капиталистами правды, именно, что мы *решили* стачку и решили *скрыть выбор момента* для нее.

Мы не можем опровергнуть кляузной лжи Зиновьева и Каменева, *не вредя еще больше делу*. В том-то и состоит безмерная подлость, настоящее изменничество обоих этих лиц, что они перед капиталистами выдали план стачечников, ибо раз мы молчим в печати, всякий догадается, *как* стоит дело.

Каменев и Зиновьев *выдали* Родзянке и Керенскому решение Ц.К. своей партии о вооруженном восстании и о сокрытии от врага подготовки вооруженного восстания, выбора срока для вооруженного восстания. Это факт. Никакими увертками нельзя опровергнуть этого факта. Двое членов Ц.К. кляузной ложью перед капиталистами *выдали* им решение рабочих. Ответ на это может и должен быть один: немедленное решение Ц.К.:

«Признав полный состав штрейкбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати, Ц.К. исключает обоих из партии».

Мне нелегко писать это про бывших близких товарищей, но колебания я считал бы здесь преступлением, ибо иначе партия революционеров, не карающая видных штрейкбрехеров, *погибла*.

Вопрос о вооруженном восстании, даже если его надолго отсрочили выдавшие дело Родзянке и Керенскому штрейкбрехеры, не *снят*, не снят партией. Как же можно готовиться к вооруженному восстанию и готовить его, *терпя* в своей среде «видных» штрейкбрехеров? Чем виднее, тем *опаснее*, тем более недостойно «прощать», говорят французы. Изменником может стать лишь *свой* человек.

Чем «*виднее*» штрейкбрехеры, тем обязательнее немедля карать их исключением.

Только так можно оздоровить рабочую партию, очиститься от дюжины бесхарактерных интеллигентиков, сплотив ряды революционеров, идти навстречу великим и величайшим трудностям, идти *с революционными рабочими*.

Мы не можем напечатать правды: что *после* решающего собрания Ц.К. Зиновьев и Каменев имели наглость требовать *пересмотра* на воскресном собрании, что Каменев бесстыдно кричал: «Ц.К. провалился, ибо за неделю ничего не сделал» (опровергать я *не* мог, ибо сказать, *что именно сделано*, нельзя), а Зиновьев с невинным видом предлагал проваленную собранием резолюцию: «Не выступать до совещания с большевиками, имеющими приехать 20-го на съезд Советов».

Подумать только: после решения *центром* вопроса о стачке предлагать собранию низов отложить его и передать (к съезду 20-го, а съезд отложили потом... Зиновьевы верят Либерданам), передать *такой* коллегии, которая устава партии не знает, которая над Ц.К. *не* властна, которая Питера *не* знает.

И после этого еще Зиновьев имеет наглость писать: «Так едва ли укрепляют единство партии».

*

Извольте это назвать иначе, как угрозу расколом.

Я на такую угрозу отвечаю, что пойду до конца, добьюсь себе свободы слова перед рабочими и, *во что бы то ни стало*, буду клеймить штрейкбрехера Зиновьева как штрейкбрехера. На угрозу раскола я отвечаю объявлением войны до конца, за исключение обоих штрейкбрехеров из партии.

Правление профессионального союза после *месячных* дебатов решило: стачка неизбежна и назрела, срок скроем от хозяев. После этого двое из правления идут *в низы* оспаривать решение и проваливаются. Тогда двое идут в печать перед капиталистами и выдают посредством кляузной лжи решение правления, срывая этим стачку на добрую половину или оттягивая ее до худшего времени, предупреждая неприятеля.

Вот полный состав штрейкбрехерства. И вот почему я требую исключения обоих штрейкбрехеров, сохраняя за собой право (ввиду их угрозы расколом) *все* опубликовать, когда можно будет публиковать.

Написано 1 ноября (19 октября) 1917 г.
Впервые напечатано 4 ноября 1927 г. в «Правде» № 180.

Печатается по копии рукописи.

НОВЫЙ ОБМАН КРЕСТЬЯН ПАРТИЕЙ ЭС-ЭРОВ.

Партия эс-эров объявила торжественно и всенародно в своей главной газете «Дело Народа» от 18 и 19 октября, что новый земельный законопроект министра земледелия является «крупным шагом к осуществлению аграрной программы партии», что «Ц. К. партии настоятельно предлагает всем партийным организациям развить энергичную агитацию в пользу законопроекта и популяризовать его в массах» [153]).

Между тем этот законопроект министра С. Л. Маслова, члена партии эс-эров, перепечатанный в главных частях «Делом Народа», есть *обман крестьян.* Партия эс-эров обманула крестьян: она переползла со своего земельного проекта на помещичий, кадетский, план «справедливой оценки» и сохранения помещичьей собственности на землю. Партия эс-эров торжественно и всенародно на своих съездах первой (1905 года) и второй (1917 года) русской революции обязалась поддерживать крестьянское требование *конфискации* помещичьих земель, т.-е. перехода их к крестьянам *безвозмездно.* А в теперешнем проекте господина С. Л. Маслова не только оставляется помещичья собственность на землю, но даже плата крестьян за «арендуемые» земли, по «справедливой» оценке, *поступает помещикам.*

Этот законопроект господина С. Л. Маслова есть полная измена партии эс-эров крестьянам, полный переход этой партии к приверженчеству помещикам. Надо все силы напречь, все усилия употребить, чтобы как можно шире распространить среди крестьян сознание этой истины.

«Дело Народа» от 18 октября напечатало §§ 25—40 проекта С. Л. Маслова. Вот основное и главнейшее из этого проекта:

1) В образуемый «временный арендный фонд» поступают *не все* помещичьи земли.

2) Зачисление помещичьих земель в этот фонд производится *земельными комитетами,* созданными по закону *помещичьего* правительства князя Львова от 21 апреля 1917 года [154]).

3) Арендная плата крестьян за эти помещичьи земли устанавливается земельными комитетами «сообразно чистой доходности»

и, за вычетом платежей, поступает «подлежащему владельцу», *то-есть помещику.*

Это тройной обман крестьян эс-эрами, и поэтому на каждом из трех этих пунктов надо подробнее остановиться.

В «Известиях Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» № 88, от 19 августа, напечатан «примерный наказ, составленный на основании 242-х наказов, доставленных с мест депутатами на 1-ый Всероссийский Съезд Советов крестьянских депутатов в Петрограде в 1917 году.

Эта сводка 242-х наказов, сделанная выборными от местных крестьян, есть *лучший* материал для суждения о том, *чего хотят крестьяне.* И этот сводный наказ вполне наглядно доказывает обман крестьян проектом С. Л. Маслова и партии эс-эров.

Крестьяне требуют отмены права частной собственности на землю; обращения *всей* частновладельческой и т. д. земли в всенародное достояние безвозмездно; превращения земельных участков с высоко-культурными хозяйствами (сады, плантации и пр.) в «показательные участки», передачи их в «исключительное пользование государства и общин»; конфискация «*всего* хозяйственного инвентаря, живого и мертвого» и т. д.

Так выражены требования крестьян, точно и ясно, на основании 242-х местных наказов, самими крестьянами данных.

А партия эс-эров вместо этого, войдя в «коалицию» (т.-е. в союз или в соглашение) с буржуазией (капиталистами) и помещиками, участвуя в правительстве капиталистов и помещиков, составила теперь проект, *не уничтожающий помещичьей собственности,* а передающий *только часть* помещичьих земель в *временный арендный фонд!!*

В арендный фонд, по этому проекту, *не* могут быть зачислены сады, плантации, посевы свекловицы и прочее! В арендный фонд *не* могут быть зачислены земли, необходимые «для удовлетворения потребностей самого владельца, его семьи, служащих и рабочих, а также для обеспечения содержания наличного скота»!!

Значит, у богатого помещика, имеющего свеклосахарный, картофельный завод, маслобойни или мельницы, сады и плантации, сотни голов скота и десятки служащих и рабочих, остается *большое хозяйство и притом капиталистическое хозяйство.* Вот с какой наглостью, с каким бесстыдством обманула крестьян партия эс-эров!

Зачисление помещичьей, или «частновладельческой», как говорит проект, земли в арендный фонд производится *земельными комитетами,* созданными по закону 21 апреля 1917 года *помещичьим* правительством *князя Львова* и К°, тем правительством Милюкова и Гучкова, империалистов и грабителей народных масс, которое рабочие и солдаты Петрограда разбили движением 20—21 апреля, т.-е. целых полгода тому назад.

Понятно, что закон этого помещичьего правительства о земельных комитетах далеко не является демократическим (народным) законом. Напротив, в этом законе целый ряд возмутительнейших отступлений от демократизма. Напр., § XI этого закона предоставляет «губернским земельным комитетам право приостанавливать решения волостных и уездных комитетов до окончательного решения главного земельного комитета». А комитеты, по этому мошеннически написанному помещичьему закону, составлены так, что уездный комитет менее демократичен, чем волостной, губернский менее демократичен, чем уездный, главный комитет менее демократичен, чем губернский!

Волостной земельный комитет весь выборный населением волости. В уездный комитет входит, по закону, напр., мировой судья, 5 членов от «временных исполнительных комитетов» (до организации нового самоуправления). В губернский комитет входит не только член окружного суда и мировой судья, но и представитель министерства, *назначаемый* министром, и т. п. А в главный земельный комитет входят 27 членов «по приглашению Временного Правительства»! В него входят, по одному, представители одиннадцати политических партий, при чем большинство (6 из 11) дано *кадетам и правее их стоящим.* Ну, разве это не мошенничество Львова, Шингарева (они подписали закон) и их приятелей? Разве это не издевка над демократизмом в угоду помещикам?

Разве не подтверждает это полностью многократное заявление большевиков, что только *Советы Крестьянских Депутатов*, выбранные *массой трудящихся* и сменяемые ею в любое время, способны правильно выражать волю крестьянства и проводить ее в жизнь?

Эс-эры, получившие благодаря бессознательной доверчивости крестьян большинство в Всероссийском Исполнительном Комитете Советов Крестьянских Депутатов, *изменили* крестьянам, *предали* Советы крестьянские, *перешли на сторону помещиков* и помирились с законом помещика князя Львова о земельных комитетах. Вот в чем второй главный обман крестьян эс-эрами.

И тем с большей настоятельностью должны мы, рабочая партия, повторить требование большевиков: вся власть в деревне Советам Крестьянских Депутатов и депутатов от сельско-хозяйственных рабочих!

Крестьянские наказы требуют конфискации, *безвозмездного* отчуждения помещичьих земель, конфискации конских заводов, частных племенных скотоводств и птицеводств, передачи в государственное пользование высоко-культурных участков, конфискации всего живого и мертвого инвентаря помещичьих имений.

Вместо этого эс-эровский министерский проект угощает крестьян *сохранением арендной платы*, которая попрежнему попадает в карман помещика!

«Арендная плата, — гласит § 33 эс-эровского проекта, — вносится в комитеты, которые» (покрыв платежи в казну и пр.) «остаток передают подлежащему владельцу».

Вот как «социалисты-революционеры», обманув крестьян пышными обещаниями, преподнесли крестьянству *помещичье-кадетский* земельный проект!!

Это — полнейший обман крестьян.

Ровнехонько ничего из крестьянских требований конфискации тут не осталось. Это не конфискация помещичьего землевладения, а *укрепление* его «республиканским» правительством, *обеспечивающим* помещикам *сохранение* и инвентаря, и земли на содержание «служащих и рабочих», и земли, «предназначенной» (достаточно одного «предназначения»!!) «владельцем под посев сахарной свекловицы и иных технических растений», *и платы* за всю остальную землю, передаваемую в арендный фонд. Земельные комитеты превращаются в *сборщиков арендной платы* для господ благородных землевладельцев!!

Помещичья собственность не уничтожается, а укрепляется эс-эрами. Их переход на сторону помещиков, их измена крестьянам выступает теперь наружу яснее ясного.

Не надо дать себя в обман хитрым кадетам, этим верным друзьям капиталистов и помещиков. Кадеты делают вид, что проект эс-эров необычайно «революционный», и во всех буржуазных газетах поднят шум *против* проекта, повсюду помещены заметки о «*сопротивлении*» буржуазных министров (и, конечно, их прямых прихвостней вроде Керенского) такому «страшному» законопроекту. Все это — комедия, игра, запрос торгующегося купца, который видит бесхарактерность эс-эров и надеется еще больше отторговать. На самом же деле проект С. Л. Маслова есть «*помещичий*» проект, писанный *для* соглашения с помещиками, *для* спасения их.

Если «Дело Народа» в названных номерах называет этот проект «выдающимся законопроектом о земле, начинающим (!) великую (!!) реформу социализации (!!!) земли», то это чистейшее шарлатанство. В проекте нет ни малейшей «социализации» (кроме разве «социальной» помощи помещику получать наверняка арендную плату), нет ровнехонько ничего «революционно-демократического», нет вообще ничего кроме обычных в европейском *буржуазном реформаторстве* «реформ» ирландского типа.

Повторяем, это проект *для* спасения помещиков, *для* «успокоения» начавшегося крестьянского восстания путем ничтожных уступок, сохраняющих главное за помещиками.

Внесение эс-эрами в правительство такого позорного проекта является наглядным выяснением того неслыханного лицемерия, с которым большевиков упрекают в «срыве» Учредительного Собрания планами перехода власти к Советам. «Всего 40 дней осталось

до Учредительного Собрания» — лицемерно кричат кадеты, капиталисты, помещики, меньшевики и эс-эры! А под шумок вносят в правительство громадный законопроект о земле, *надувающий* крестьян, *закабаляющий* их помещикам, *укрепляющий* помещичью собственность на землю.

Когда надо поддержать помещиков против разрастающегося крестьянского восстания, тогда и за 40 дней до Учредительного Собрания, и за 30 дней до него *«можно»* протащить громадный законопроект.

А когда речь заходит о передаче всей власти Советам *для* передачи *всей* земли крестьянам, *для немедленного* уничтожения помещичьей собственности на землю, *для немедленного* предложения справедливого мира, — о, тогда кадеты, капиталисты, помещики, меньшевики и эс-эры поднимают дружный вой против большевиков.

Пусть же знают крестьяне, как обманула их партия эс-эров, как предала она их помещикам.

Пусть знают крестьяне, что только *рабочая* партия, только *большевики* стоят горой и до конца *против* капиталистов, *против* помещиков, за интересы *беднейшего* крестьянства и *всех* трудящихся.

Написано 2 ноября (20 октября) 1917 г.
«Рабочий Путь» № 44, 6 ноября (24 октября) 1917 г.
Подпись: Н. Ленин.

ПИСЬМО ЧЛЕНАМ Ц.К.

Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс.

Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского показывает, что ждать нельзя. Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!

Цена взятия власти тотчас: защита *народа* (не съезда, а народа, армии и крестьян в первую голову) от Корниловского правительства, которое прогнало Верховского и составило второй Корниловский заговор.

Кто должен взять власть?

Это сейчас не важно: пусть ее возьмет Военно-Революционный Комитет «или другое учреждение», которое заявит, что сдаст власть только истинным представителям интересов народа, интересов армии (предложение мира тотчас), интересов крестьян (землю взять должно тотчас, отменить частную собственность), интересов голодных.

Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-Революционный Комитет, в Ц. К. большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью.

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все.

Взяв власть сегодня, мы берем ее не против Советов, а для них.

Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия.

Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой; народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, даже своих лучших представителей, а не ждать их.

Это доказала история всех революций, и безмерным было бы преступление революционеров, если бы они упустили момент, зная, что от них зависит *спасение революции*, предложение мира, спасение Питера, спасение от голода, передача земли крестьянам.

Правительство колеблется. Надо *добить* его, во что бы то ни стало!

Промедление в выступлении смерти подобно.

Написано 6 ноября (24 октября) 1917 г.
Впервые напечатано в 1925 г. в кн.: «Л. Троцкий. 1917». Гиз.

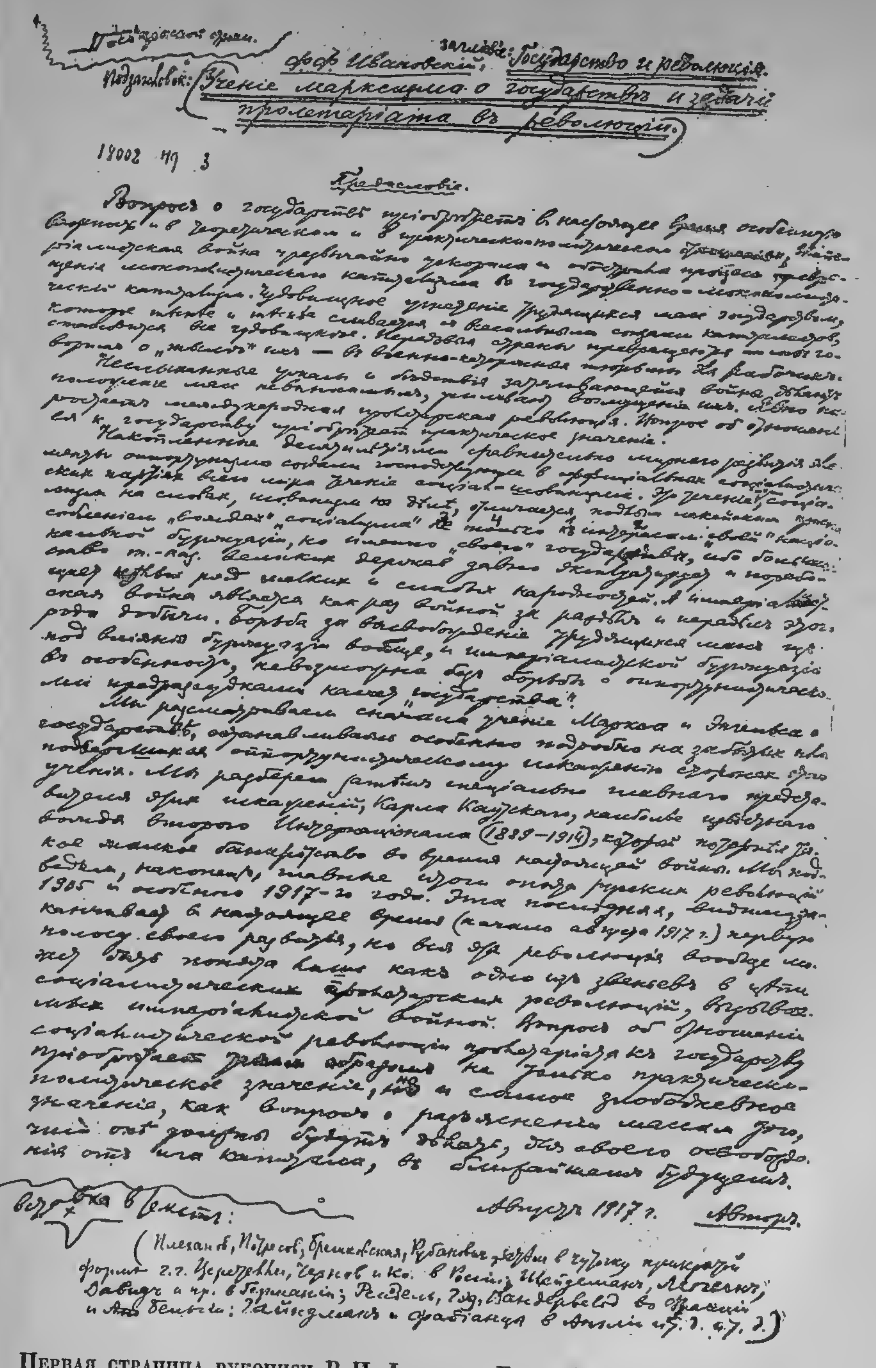
Печатается по тексту книги.

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ

УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА О ГОСУДАРСТВЕ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА В РЕВОЛЮЦИИ [155]

Написано в августе—сентябре 1917 г.
Напечатано в 1918 г. отдельной брошюрой в изд. «Жизнь и Знание»

Печатается по тексту 2 издания (1918 г.), сверенному с рукописью и 1 изданием



Псевдонимъ: Ф. Ф. Ивановскiй. Заглавие: Государство и революцiя.
Подзаголовокъ: Ученiе марксизма о государствѣ и задачи пролетарiата въ революцiи.

14002 49 3

Предисловiе.

Вопросъ о государствѣ прiобрѣтаетъ въ настоящее время особенную важность и въ теоретическомъ и въ практически-политическомъ отношенiи. Имперiалистская война чрезвычайно ускорила и обострила процессъ превращенiя монополистическаго капитализма въ государственно-монополистическiй капитализмъ. Чудовищное угнетенiе трудящихся массъ государствомъ, которое тѣснѣе и тѣснѣе сливается съ всесильными союзами капиталистовъ, становится все чудовищнѣе. Передовыя страны превращаются — мы говоримъ о „тылѣ" ихъ — въ военно-каторжныя тюрьмы для рабочихъ.

Неслыханные ужасы и бѣдствiя затягивающейся войны дѣлаютъ положенiе массъ невыносимымъ, усиливаютъ возмущенiе ихъ. Явно нарастаетъ международная пролетарская революцiя. Вопросъ объ отношенiи ея къ государству прiобрѣтаетъ практическое значенiе.

Накопленные десятилѣтiями сравнительно мирнаго развитiя элементы оппортунизма создали господствующее въ офицiальныхъ соцiалистическихъ партiяхъ всего мiра теченiе соцiалъ-шовинизма. Это теченiе* (соцiализмъ на словахъ, шовинизмъ на дѣлѣ) отличается подлымъ лакейскимъ приспособленiемъ „вождей" „соцiализма" къ интересамъ не только „своей" нацiональной буржуазiи, но именно „своего" государства, ибо большинство т. наз. великихъ державъ давно эксплуатируетъ и порабощаетъ цѣлый рядъ мелкихъ и слабыхъ народностей. А имперiалистская война является какъ разъ войной за раздѣлъ и передѣлъ этого рода добычи. Борьба за освобожденiе трудящихся массъ изъ-подъ влiянiя буржуазiи вообще, и имперiалистской буржуазiи въ особенности, невозможна безъ борьбы съ оппортунистическими предразсудками насчетъ „государства".

Мы разсматриваемъ сначала ученiе Маркса и Энгельса о государствѣ, останавливаясь особенно подробно на забытыхъ или подвергшихся оппортунистическому искаженiю сторонахъ этого ученiя. Мы разбираемъ затѣмъ спецiально главнаго представителя этихъ искаженiй, Карла Каутскаго, наиболѣе извѣстнаго вождя второго Интернацiонала (1889—1914), который потерпѣлъ такое жалкое банкротство во время настоящей войны. Мы подводимъ, наконецъ, главные итоги опыта русскихъ революцiй 1905 и особенно 1917-го года. Эта послѣдняя, видимо, заканчиваетъ въ настоящее время (начало августа 1917 г.) первую полосу своего развитiя, но вся эта революцiя вообще можетъ быть понята лишь какъ одно изъ звеньевъ въ цѣпи соцiалистическихъ пролетарскихъ революцiй, вызываемыхъ имперiалистской войной. Вопросъ объ отношенiи соцiалистической революцiи пролетарiата къ государству прiобрѣтаетъ, такимъ образомъ, не только практически-политическое значенiе, но и самое злободневное значенiе, какъ вопросъ о разъясненiи массамъ того, что они должны будутъ дѣлать, для своего освобожденiя отъ ига капитала, въ ближайшемъ будущемъ.

Вставка въ текстъ: Августъ 1917 г. Авторъ.

*(Плехановъ, Потресовъ, Брешковская, Рубановичъ, затѣмъ въ чуточку прикрытой формѣ гг. Церетели, Черновъ и Ко въ Россiи; Шейдеманъ, Легинъ, Давидъ и пр. въ Германiи; Ренодель, Гэдъ, Вандервельде во Францiи и Бельгiи; Гайндманъ и фабiанцы въ Англiи и т. д. и т. д.)

Первая страница рукописи В. И. Ленина: «Государство и революция» — август-сентябрь 1917 г.

Уменьшено

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Вопрос о государстве приобретает в настоящее время особенную важность и в теоретическом и в практически-политическом отношениях. Империалистская война чрезвычайно ускорила и обострила процесс превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм. Чудовищное угнетение трудящихся масс государством, которое теснее и теснее сливается с всесильными союзами капиталистов, становится все чудовищнее. Передовые страны превращаются — мы говорим о «тыле» их — в военно-каторжные тюрьмы для рабочих.

Неслыханные ужасы и бедствия затягивающейся войны делают положение масс невыносимым, усиливают возмущение их. Явно нарастает международная пролетарская революция. Вопрос об отношении ее к государству приобретает практическое значение.

Накопленные десятилетиями сравнительно мирного развития элементы оппортунизма создали господствующее в официальных социалистических партиях всего мира течение социал-шовинизма. Это течение (Плеханов, Потресов, Брешковская, Рубанович, затем в чуточку прикрытой форме г.г. Церетели, Чернов и К° в России; Шейдеман, Легин, Давид и пр. в Германии; Ренодель, Гэд, Вандервельд во Франции и Бельгии; Гайндман и фабианцы в Англии и т. д. и т. д.), социализм на словах, шовинизм на деле, отличается подлым лакейским приспособлением «вождей» «социализма» к интересам не только «своей» национальной буржуазии, но именно «своего» государства, ибо большинство так называемых великих держав давно эксплуатирует и порабощает целый ряд мелких и слабых народностей. А империалистская война является как раз войной за раздел и передел этого рода добычи. Борьба за высвобождение трудящихся масс из-под влияния буржуазии вообще, и империалистской буржуазии в особенности, невозможна без борьбы с оппортунистическими предрассудками насчет «государства».

Мы рассматриваем сначала учение Маркса и Энгельса о государстве, останавливаясь особенно подробно на забытых или

подвергшихся оппортунистическому искажению сторонах этого учения. Мы разберем затем специально главного представителя этих искажений, Карла Каутского, наиболее известного вождя Второго Интернационала (1889—1914 г.г.), который потерпел такое жалкое банкротство во время настоящей войны. Мы подведем, наконец, главные итоги опыта русских революций 1905-го и особенно 1917-го года. Эта последняя, видимо, заканчивает в настоящее время (начало августа 1917 г.) первую полосу своего развития, но вся эта революция вообще может быть понята лишь как одно из звеньев в цепи социалистических пролетарских революций, вызываемых империалистской войной. Вопрос об отношении социалистической революции пролетариата к государству приобретает таким образом не только практически-политическое значение, но и самое злободневное значение, как вопрос о разъяснении массам того, что̀ они должны будут делать, для своего освобождения от ига капитала, в ближайшем будущем.

Автор.

Август 1917 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Настоящее, второе, издание печатается почти без перемен. Добавлен только параграф 3-й к главе II-й.

Автор.

Москва.
30 (17) декабря 1918 г.

ГЛАВА I.

КЛАССОВОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО.

1. ГОСУДАРСТВО—ПРОДУКТ НЕПРИМИРИМОСТИ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ.

С учением Маркса происходит теперь то, что не раз бывало в истории с учениями революционных мыслителей и вождей угнетенных классов в их борьбе за освобождение. Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их *имени* для «утешения» угнетенных классов и для одурачения их, выхолащивая *содержание* революционного учения, притупляя его революционное острее, опошляя его. На такой «обработке» марксизма сходятся сейчас буржуазия и оппортунисты внутри рабочего движения. Забывают, оттирают, искажают революционную сторону учения, его революционную душу. Выдвигают на первый план, прославляют то, что приемлемо или что кажется приемлемым для буржуазии. Все социал-шовинисты нынче «марксисты», не шутите! И все чаще немецкие буржуазные ученые, вчерашние специалисты по истреблению марксизма, говорят о «национально-немецком» Марксе, который будто бы воспитал так великолепно организованные для ведения грабительской войны союзы рабочих!

При таком положении дела, при неслыханной распространенности искажений марксизма, наша задача состоит прежде всего в *восстановлении* истинного учения Маркса о государстве. Для этого необходимо приведение целого *) ряда длинных цитат из собственных сочинений Маркса и Энгельса. Конечно, длинные цитаты сделают изложение тяжеловесным и нисколько не посодействуют

*) В рукописи слово «целого» отсутствует. *Ред.*

*

его популярности. Но обойтись без них совершенно невозможно. Все, или по крайней мере все решающие, места из сочинений Маркса и Энгельса по вопросу о государстве должны быть непременно приведены в возможно более полном виде, чтобы читатель мог составить себе самостоятельное представление о совокупности взглядов основоположников научного социализма и о развитии этих взглядов, а также чтобы искажение их господствующим ныне «каутскианством» было доказано документально и показано наглядно.

Начнем с самого распространенного сочинения Фр. Энгельса: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которое в 1894 году вышло в Штутгарте уже 6-ым изданием. Нам придется переводить цитаты с немецких оригиналов, потому что русские переводы, при всей их многочисленности, большей частью либо неполны, либо сделаны крайне неудовлетворительно.

«Государство — говорит Энгельс, подводя итоги своему историческому анализу, — никоим образом не представляет из себя силы, извне навязанной обществу. Государство не есть также «действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общества в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, повидимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство» (стр. 177 — 178 шестого немецкого издания).

Здесь с полной ясностью выражена основная идея марксизма по вопросу об исторической роли и о значении государства. Государство есть продукт и проявление *непримиримости* классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы.

Именно по этому важнейшему и коренному пункту начинается искажение марксизма, идущее по двум главным линиям.

С одной стороны, буржуазные и особенно мелкобуржуазные идеологи, вынужденные под давлением бесспорных исторических фактов признать, что государство есть только там, где есть классовые противоречия и классовая борьба, «подправляют» Маркса таким образом, что государство выходит органом *примирения* классов. По Марксу, государство не могло бы ни возникнуть, ни держаться, если бы возможно было примирение

классов. У мещанских и филистерских профессоров и публицистов выходит — сплошь и рядом при благожелательных ссылках на Маркса! — что государство как раз примиряет классы. По Марксу, государство есть орган классового *господства*, орган *угнетения* одного класса другим, есть создание «порядка», который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов. По мнению мелкобуржуазных политиков, порядок есть именно примирение классов, а не угнетение одного класса другим; умерять столкновение значит примирять, а не отнимать у угнетенных классов определенные средства и способы борьбы за свержение угнетателей.

Например, все эс-эры (социалисты-революционеры) и меньшевики в революции 1917 года, когда вопрос о значении и роли государства как раз встал во всем своем величии, встал практически, как вопрос немедленного действия и притом действия в массовом масштабе, — все скатились сразу и целиком к мелкобуржуазной теории «примирения» классов «государством». Бесчисленные резолюции и статьи политиков обеих этих партий насквозь пропитаны этой мещанской и филистерской теорией «примирения». Что государство есть орган господства определенного класса, который *не может* быть примирен со своим антиподом (с противоположным ему классом), этого мелкобуржуазная демократия никогда не в состоянии понять. Отношение к государству — одно из самых наглядных проявлений того, что наши эс-эры и меньшевики вовсе не социалисты (что̀ мы, большевики, всегда доказывали), а мелкобуржуазные демократы с почти социалистической фразеологией.

С другой стороны, «каутскианское» извращение марксизма гораздо тоньше. «Теоретически» не отрицается ни то, что государство есть орган классового господства, ни то, что классовые противоречия непримиримы. Но упускается из виду или затушевывается следующее: если государство есть продукт непримиримости классовых противоречий, если оно есть сила, стоящая *над* обществом и «*все более и более отчуждающая* себя от общества», то явно *), что освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, *но и без уничтожения* того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан и в котором это «отчуждение» воплощено. Этот вывод, теоретически ясный сам собою, Маркс сделал, как мы **) увидим ниже, с полнейшей определенностью на основании конкретно-исторического анализа задач революции. И именно этот вывод Каутский — мы покажем это подробно в дальнейшем изложении — ...«забыл» и извратил.

---

*) В рукописи: «ясно». *Ред.*
**) В рукописи слово «мы» отсутствует. *Ред.*

2. ОСОБЫЕ ОТРЯДЫ ВООРУЖЕННЫХ ЛЮДЕЙ, ТЮРЬМЫ И ПР.

...«По сравнению со старой гентильной (родовой или клановой) организацией — продолжает Энгельс — государство отличается, во-первых, разделением подданных государства по территориальным делениям»... Нам это деление кажется «естественным», но оно стоило долгой борьбы со старой организацией по коленам или по родам.

...«Вторая отличительная черта — учреждение общественной власти, которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим самое себя, как вооруженная сила. Эта особая общественная власть необходима потому, что самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы... Эта общественная власть существует в каждом государстве. Она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода, которые были неизвестны родовому (клановому) устройству общества»...

Энгельс развертывает понятие той «силы», которая называется государством, силы, происшедшей из общества, но ставящей себя над ним и все более и более отчуждающей себя от него. В чем состоит, главным образом, эта сила? В особых отрядах вооруженных людей, имеющих в своем распоряжении тюрьмы и прочее.

Мы имеем право говорить об особых отрядах вооруженных людей, потому что свойственная всякому государству общественная власть «не совпадает непосредственно» с вооруженным населением, с его «самодействующей вооруженной организацией».

Как все великие революционные мыслители, Энгельс старается обратить внимание сознательных рабочих именно на то, что̀ господствующей обывательщине представляется наименее сто̀ящим внимания, наиболее привычным, освященным предрассудками не только прочными, но, можно сказать, окаменевшими. Постоянное войско и полиция суть главные орудия силы государственной власти, но — разве может это быть иначе?

С точки зрения громадного большинства европейцев конца XIX века, к которым обращался Энгельс и которые не переживали и не наблюдали близко ни одной великой революции, это не может быть иначе. Им совершенно непонятно, что это такое за «самодействующая вооруженная организация населения»? На вопрос о том, почему явилась надобность в особых, над обществом поставленных, отчуждающих себя от общества, отрядах вооруженных людей (полиция, постоянная армия), западноевропейский и русский филистер склонен отвечать парой фраз, заимствованных у Спенсера или у Михайловского, ссылкой на усложнение общественной жизни, на дифференциацию функций и т. п.

Такая ссылка кажется «научной» и прекрасно усыпляет обывателя, затемняя главное и основное: раскол общества на непримиримо враждебные классы *).

Не будь этого раскола, «самодействующая вооруженная организация населения» отличалась бы своей сложностью, высотой своей техники и пр. от примитивной организации стада обезьян, берущих палки, или первобытных людей, или людей, объединенных в клановые общества, но такая организация была бы возможна.

Она невозможна потому, что общество цивилизации расколото на враждебные и притом непримиримо враждебные классы, «самодействующее» вооружение которых привело бы к вооруженной борьбе между ними. Складывается государство, создается особая сила, особые отряды вооруженных людей, и каждая революция **), разрушая государственный аппарат ***), показывает нам воочию, как господствующий класс стремится возобновить служащие *ему* особые отряды вооруженных людей, как угнетенный класс стремится создать новую организацию этого рода, способную служить не эксплуататорам, а эксплуатируемым.

Энгельс ставит в приведенном рассуждении теоретически тот самый вопрос, который практически, наглядно и притом в масштабе массового действия ставит перед нами каждая великая революция, именно вопрос о взаимоотношении «особых» отрядов вооруженных людей и «самодействующей вооруженной организации населения». Мы увидим, как этот вопрос конкретно иллюстрируется опытом европейских и русских революций.

Но вернемся к изложению Энгельса.

Он указывает, что иногда, например, кое-где в Северной Америке, эта общественная власть слаба (речь идет о редком исключении для капиталистического общества и о тех частях Северной Америки в ее доимпериалистическом периоде, где преобладал свободный колонист), но, вообще говоря, она усиливается:

...«Общественная власть усиливается по мере того, как обостряются классовые противоречия внутри государства, и по мере того, как соприкасающиеся между собой государства становятся больше и населеннее. Взгляните хотя бы на теперешнюю Европу, в которой классовая борьба и конкуренция завоеваний взвинтили общественную власть до такой высоты, что она грозит поглотить все общество и даже государство.»...

Это писано не позже начала 90-х годов прошлого века. Последнее предисловие Энгельса помечено 16 июня 1891 года. Тогда

---

*) В рукописи настоящий абзац слит с предыдущим. *Ред.*

**) В рукописи: «великая революция». *Ред.*

***) В рукописи далее следует: «показывает нам обнаженную классовую борьбу». *Ред.*

поворот к империализму — и в смысле полного господства трестов, и в смысле всевластия крупнейших банков, и в смысле грандиозной колониальной политики и прочее — только-только еще начинался во Франции, еще слабее в Северной Америке и в Германии. С тех пор «конкуренция завоеваний» сделала гигантский шаг вперед, тем более, что земной шар оказался в начале второго десятилетия XX века окончательно поделенным между этими «конкурирующими завоевателями», т.-е. великими грабительскими державами. Военные и морские вооружения выросли с тех пор неимоверно, и грабительская война 1914 — 1917 годов из-за господства над миром Англии или Германии, из-за дележа добычи приблизила «поглощение» всех сил общества хищнической государственною властью к полной катастрофе.

Энгельс умел еще в 1891 году указывать на «конкуренцию завоеваний», как на одну из важнейших отличительных черт внешней политики великих держав, а негодяи социал-шовинизма в 1914 — 1917 годах, когда именно эта конкуренция, обострившись во много раз, породила империалистскую войну, прикрывают защиту грабительских интересов «своей» буржуазии фразами о «защите отечества», об «обороне республики и революции» и т. под.!

3. ГОСУДАРСТВО — ОРУДИЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ УГНЕТЕННОГО КЛАССА.

Для содержания особой, стоящей над обществом, общественной власти нужны налоги и государственные долги.

...«Обладая общественной властью и правом взыскания налогов, чиновники — пишет Энгельс — становятся, как органы общества, *над* обществом. Свободное, добровольное уважение, с которым относились к органам родового (кланового) общества, им уже недостаточно — даже если бы они могли завоевать его»... Создаются особые законы о святости и неприкосновенности чиновников. «Самый жалкий полицейский служитель» имеет больше «авторитета», чем представители клана, но даже глава военной власти цивилизованного государства мог бы позавидовать старшине клана, пользующемуся «не из-под палки приобретенным уважением» общества.

Вопрос о привилегированном положении чиновников, как органов государственной власти, здесь поставлен. Намечено, как основное: что̀ ставит их *над* обществом? Мы увидим, как этот теоретический вопрос практически решался Парижской Коммуной в 1871 году и реакционно затушевывался Каутским в 1912 году.

...«Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самых столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господ-

ствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса»... Не только древнее и феодальное государства были органами эксплуатации рабов и крепостных, но и «современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом. В виде исключения встречаются однако периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними»... Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, бонапартизм первой и второй империи во Франции, Бисмарк в Германии.

Таково — добавим от себя — правительство Керенского в республиканской России после перехода к преследованиям революционного пролетариата, в такой момент, когда Советы благодаря руководству мелкобуржуазных демократов *уже* бессильны, а буржуазия *еще* недостаточно сильна, чтобы прямо разогнать их.

В демократической республике — продолжает Энгельс — «богатство пользуется своей властью косвенно, но зато тем вернее», — именно, во-первых, посредством «прямого подкупа чиновников» (Америка), во-вторых, посредством «союза между правительством и биржей» (Франция и Америка).

В настоящее время империализм и господство банков «развили» оба эти способа отстаивать и проводить в жизнь всевластие богатства в каких угодно демократических республиках до необыкновенного искусства. Если, например, в первые же месяцы демократической республики в России, можно сказать, в медовый месяц бракосочетания «социалистов» эс-эров и меньшевиков с буржуазией, в коалиционном правительстве г. Пальчинский саботировал все меры обуздания капиталистов и их мародерства, их грабежа казны на военных поставках, если затем ушедший из министерства г. Пальчинский (замененный, конечно, другим совершенно таким же Пальчинским) «награжден» капиталистами местечком с жалованьем в 120.000 рублей в год, то что это такое? прямой подкуп или непрямой? союз правительства с синдикатами, или «только» дружественные отношения? Какую роль играют Черновы и Церетели, Авксентьевы и Скобелевы? — «Прямые» ли они союзники миллионеров-казнокрадов или только косвенные?

Всевластие «богатства» потому *вернее* при демократической республике, что оно не зависит *) от плохой политической оболочки капитализма. Демократическая республика есть наилучшая возможная политическая оболочка капитализма, и потому капитал, овладев (через Пальчинских, Черновых, Церетели и К°) этой наилучшей оболочкой, обосновывает свою власть настолько надежно,

*) В рукописи далее следует: «от отдельных недостатков политического механизма». *Ред.*

настолько верно, что *никакая* смена ни лиц, ни учреждений, ни партий буржуазной демократической республики не колеблет этой власти.

Надо отметить еще, что Энгельс с полнейшей определенностью называет *) всеобщее избирательное право орудием господства буржуазии. Всеобщее избирательное право, говорит он, явно учитывая долгий опыт немецкой социал-демократии, есть

«показатель зрелости рабочего класса. Дать большее оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве».

Мелкобуржуазные демократы, вроде наших эс-эров и меньшевиков, а также их родные братья, все социал-шовинисты и оппортунисты Западной Европы, ждут именно «большего» от всеобщего избирательного права. Они разделяют сами и внушают народу ту ложную мысль, будто всеобщее избирательное право «в *теперешнем* государстве» способно действительно выявить волю большинства трудящихся и закрепить проведение ее в жизнь.

Мы можем здесь только отметить эту ложную мысль, только указать на то, что совершенно ясное, точное, конкретное заявление Энгельса искажается на каждом шагу в пропаганде и агитации «официальных» (т.-е. оппортунистических) социалистических партий. Подробное выяснение всей лживости той мысли, которую отметает здесь прочь Энгельс, дается нашим дальнейшим изложением взглядов Маркса и Энгельса на «*теперешнее*» государство.

Общий итог своим взглядам Энгельс дает в своем наиболее популярном сочинении в следующих словах:

«Итак, государство существует неизвечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое поновому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором».

Не часто случается встречать эту цитату в пропагандистской и агитационной литературе современной социал-демократии. Но даже тогда, когда эта цитата встречается, ее приводят большей частью, как будто бы совершали поклон перед иконой, т.-е. для

*) В рукописи: «и всеобщее избирательное право». *Ред.*

официального выражения почтения к Энгельсу, без всякой попытки вдуматься в то, насколько широкий и глубокий размах революции предполагается этой «отправкой всей государственной машины в музей древностей». Не видно даже большей частью понимания того, что называет Энгельс государственной машиной.

4. «ОТМИРАНИЕ» ГОСУДАРСТВА И НАСИЛЬСТВЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Слова Энгельса об «отмирании» государства пользуются такой широкой известностью, они так часто цитируются, так рельефно показывают, в чем состоит соль обычной подделки марксизма под оппортунизм, что на них необходимо подробно остановиться. Приведем все рассуждение, из которого они взяты:

«Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность. Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство *). Существовавшему и существующему до сих пор обществу, которое двигается в классовых противоположностях, было необходимо государство, т.-е. организация эксплуататорского класса для поддержания его внешних условий производства, значит, в особенности для насильственного удержания эксплуатируемого класса в определяемых данным способом производства условиях подавления (рабство, крепостничество, наемный труд). Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество: в древности оно было государством рабовладельцев — граждан государства, в средние века — феодального дворянства, в наше время — буржуазии. Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. С того времени, как не будет ни одного общественного класса, который надо бы было держать в подавлении, с того времени, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы (крайности), которые проистекают из этой борьбы, — с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно, как представитель всего общества — взятие во владение средств производства от имени общества — является в то же время последним самостоятельным актом его, как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другою излишним и само собою засыпает. Место правительства над лицами заступает распоряжение вещами и руководство процессами производства. Государство не «отменяется», *оно отмирает*. На основании этого следует оценивать фразу про «свободное народное государство», фразу, имевшую на

*) В рукописи далее следует: «как государство». *Ред.*

время агитаторское право на существование, но в конечном счете научно несостоятельную. На основании этого следует оценивать также требование так называемых анархистов, чтобы государство было отменено с сегодня на завтра». («Анти-Дюринг», «Ниспровержение науки господином Евгением Дюрингом», стр. 302—303 по 3-му нем. изд.).

Не боясь ошибиться, можно сказать, что из этого, замечательно богатого мыслями, рассуждения Энгельса действительным достоянием социалистической мысли в современных социалистических партиях стало только то, что государство «отмирает», по Марксу, в отличие от анархического учения об «отмене» государства. Так обкарнать марксизм значит свести его к оппортунизму, ибо при таком «толковании» остается только смутное представление о медленном, ровном, постепенном изменении, об отсутствии скачков и бурь, об отсутствии революции. «Отмирание» государства в ходячем, общераспространенном, массовом, если можно так выразиться, понимании означает, несомненно, затушевывание, если не отрицание, революции.

А между тем, подобное «толкование» есть самое грубое, выгодное лишь для буржуазии, искажение марксизма, теоретически основанное на забвении важнейших обстоятельств и соображений, указанных хотя бы в том же, приведенном нами полностью, «итоговом» рассуждении Энгельса.

Во-первых. В самом начале этого рассуждения Энгельс говорит, что, беря государственную власть, пролетариат «тем самым уничтожает государство как государство». Что это значит, об этом думать «не принято». Обычно это либо игнорируют совершенно, либо считают чем-то вроде «гегельянской» «слабости» Энгельса. На деле в этих словах выражен кратко опыт одной из величайших пролетарских революций, опыт Парижской Коммуны 1871 года, о чем подробнее пойдет у нас речь в своем месте. На деле здесь Энгельс говорит об «уничтожении» пролетарской революцией государства *буржуазии*, тогда как слова об отмирании относятся к остаткам *пролетарской* государственности *после* социалистической революции. Буржуазное государство не «отмирает», по Энгельсу, а «*уничтожается*» пролетариатом в революции. Отмирает после этой революции пролетарское государство или полугосударство.

Во-вторых. Государство есть «особая сила для подавления». Это великолепное и в высшей степени глубокое определение Энгельса дано им здесь с полнейшей ясностью. А из него вытекает, что «особая сила для подавления» пролетариата буржуазией, миллионов трудящихся горстками богачей должна смениться «особой силой для подавления» буржуазии пролетариатом (диктатура пролетариата). В этом и состоит «уничтожение государства как государства». В этом и состоит «акт» взятия во владение

средств производства от имени общества. И само собою очевидно, что *такая* смена одной (буржуазной) «особой силы» другою (пролетарскою) «особою силою» никак уже не может произойти в виде «отмирания».

В-третьих. Об «отмирании» и — даже еще рельефнее и красочнее — о «засыпании» Энгельс говорит совершенно ясно и определенно по отношению к эпохе *после* «взятия средств производства во владение государством от имени всего общества», т.-е. *после* социалистической революции. Мы все знаем, что политической формой «государства» в это время является самая полная демократия. Но никому из оппортунистов, бесстыдно искажающих марксизм, не приходит в голову, что речь идет здесь, следовательно, у Энгельса, о «засыпании» и «отмирании» *демократии*. Это кажется на первый взгляд очень странным. Но «непонятно» это только для того, кто не вдумался, что демократия есть *тоже* государство и что, следовательно, демократия тоже исчезнет, когда исчезнет государство. Буржуазное государство может «уничтожить» только революция. Государство вообще, т.-е. самая полная демократия, может только «отмереть».

В-четвертых. Выставив свое знаменитое положение: «государство отмирает», Энгельс сейчас же поясняет конкретно, что направляется это положение и против оппортунистов и против анархистов. При этом на первое место поставлен у Энгельса тот вывод из положения об «отмирании государства», который направлен против оппортунистов.

Можно биться о заклад, что из 10.000 человек, которые читали или слыхали об «отмирании» государства, 9.990 совсем не знают или не помнят, что Энгельс направлял свои выводы из этого положения *не только* против анархистов. А из остальных десяти человек, наверное, девять не знают, что такое «свободное народное государство» и почему в нападении на этот лозунг заключается нападение на оппортунистов. Так пишется история! Так происходит незаметная подделка великого революционного учения под господствующую обывательщину. Вывод против анархистов тысячи раз повторялся, опошлялся, вбивался в головы наиболее упрощенно, приобрел прочность предрассудка. А вывод против оппортунистов затушевали и «забыли»!

«Свободное народное государство» было программным требованием и ходячим лозунгом немецких социал-демократов 70-х годов. Никакого политического содержания, кроме мещански напыщенного описания понятия демократии, в этом лозунге нет. Поскольку в нем легально намекали на демократическую республику, постольку Энгельс готов был «на время» «оправдать» этот лозунг с агитаторской точки зрения. Но этот лозунг был оппортунистичен, ибо выражал не только подкрашивание буржуазной демократии, но и непонимание социалистической критики всякого

государства вообще. Мы за демократическую республику, как наилучшую для пролетариата форму государства при капитализме, но мы не вправе забывать, что наемное рабство есть удел народа и в самой демократической буржуазной республике. Далее. Всякое государство есть «особая сила для подавления» угнетенного класса. Поэтому *всякое* государство *не*свободно и *не*народно. Маркс и Энгельс неоднократно разъясняли это своим партийным товарищам в 70-х годах.

В-пятых. В том же самом сочинении Энгельса, из которого все помнят рассуждение об отмирании государства, есть рассуждение о значении насильственной революции. Историческая оценка ее роли превращается у Энгельса в настоящий панегирик насильственной революции. Этого «никто не помнит», о значении этой мысли говорить и даже думать в современных социалистических партиях не принято, в повседневной пропаганде и агитации среди масс эти мысли никакой роли не играют. А между тем они связаны с «отмиранием» государства неразрывно, в одно стройное целое.

Вот это рассуждение Энгельса:

...«Что насилие играет также в истории другую роль («кроме свершителя зла»), именно революционную роль, что оно, по словам Маркса, является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым, что насилие является тем орудием, посредством которого общественное движение пролагает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы, — обо всем этом ни слова у г-на Дюринга. Лишь со вздохами и стонами допускает он возможность того, что для ниспровержения эксплуататорского хозяйства понадобится, может быть, насилие — к сожалению, изволите видеть! ибо всякое применение насилия деморализует, дескать, того, кто его применяет. И это говорится, несмотря на тот высокий нравственный и идейный подъем, который бывал следствием всякой победоносной революции! И это говорится в Германии, где насильственное столкновение, которое ведь может быть навязано народу, имело бы по меньшей мере то преимущество, что вытравило бы дух холопства, проникший в национальное сознание из унижения тридцатилетней войны [156]). И это тусклое, дряблое, бессильное поповское мышление смеет предлагать себя самой революционной партии, какую только знает история?» (стр. 193 по 3-му нем. изд., конец 4-ой главы II отдела).

Как можно соединить в одном учении этот панегирик насильственной революции, настойчиво преподносимый Энгельсом немецким социал-демократам с 1878 по 1894 год, т.-е. до самой его смерти, с теорией «отмирания» государства?

Обычно соединяют то и другое при помощи эклектицизма, безыдейного или софистического выхватывания произвольно (или для угождения власть имущим) то одного, то другого рассуждения, при чем в девяносто девяти случаях из ста, если не чаще, выдвигается на первый план именно «отмирание». Диалектика за-

меняется эклектицизмом: это самое обычное, самое распространенное явление в официальной социал-демократической литературе наших дней по отношению к марксизму. Такая замена, конечно, не новость, она наблюдалась даже в истории классической греческой философии. При подделке марксизма под оппортунизм подделка эклектицизма под диалектику легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и проч., а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития.

Мы уже говорили выше и подробнее покажем в дальнейшем изложении, что учение Маркса и Энгельса о неизбежности насильственной революции относится к буржуазному государству. Оно смениться государством пролетарским (диктатурой пролетариата) *не может* путем «отмирания», а может, по общему правилу, лишь насильственной революцией. Панегирик, воспетый ей Энгельсом и вполне соответствующий многократным заявлениям Маркса — (вспомним конец «Нищеты философии» и «Коммунистического манифеста») с гордым, открытым заявлением неизбежности насильственной революции; вспомним критику Готской программы 1875 года, почти 30 лет спустя, где Маркс беспощадно бичует оппортунизм этой программы) [157]) — этот панегирик отнюдь не «увлечение», отнюдь не декламация, не полемическая выходка. Необходимость систематически воспитывать массы в *таком* и именно таком взгляде на насильственную революцию лежит в основе *всего* учения Маркса и Энгельса. Измена их учению господствующими ныне социал-шовинистским и каутскианским течениями особенно рельефно выражается в забвении и теми и другими *такой* пропаганды, такой агитации.

Смена буржуазного государства пролетарским невозможна без насильственной революции. Уничтожение пролетарского государства, т.-е. уничтожение всякого государства, невозможно иначе, как путем «отмирания».

Подробное и конкретное развитие этих взглядов Маркс и Энгельс давали, изучая каждую отдельную революционную ситуацию, анализируя уроки опыта каждой отдельной революции. К этой, безусловно самой важной части их учения мы и переходим.

ГЛАВА II.

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ. ОПЫТ 1848—1851 ГОДОВ.

1. КАНУН РЕВОЛЮЦИИ.

Первые произведения зрелого марксизма, «Нищета философии» и «Коммунистический манифест», относятся как раз к кануну революции 1848-го года. В силу этого обстоятельства, на ряду с изложением общих основ марксизма, мы имеем здесь до известной степени отражение тогдашней конкретной революционной ситуации, и поэтому целесообразнее будет, пожалуй, рассмотреть то, что̀ говорится авторами этих произведений о государстве, непосредственно перед их выводами из опыта 1848—1851 годов.

...«Рабочий класс — пишет Маркс в «Нищете философии» — поставит, в ходе развития, на место старого буржуазного общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже никакой собственно политической власти, ибо именно политическая власть есть официальное выражение противоположности классов внутри буржуазного общества» (стр. 182 нем. изд. 1885 г.).

Поучительно сопоставить с этим общим изложением мысли об исчезновении государства после уничтожения классов то изложение, которое дано в написанном Марксом и Энгельсом несколько месяцев спустя, — именно, в ноябре 1847 года, — «Коммунистическом манифесте»:

...«Описывая наиболее общие фазы развития пролетариата, мы прослеживали более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии»...

...«Мы видели уже выше, что первым шагом в рабочей революции является превращение» (буквально: повышение) «пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии».

«Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы постепенно вырвать у буржуазии весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т.-е. организованного, как господствующий класс, пролетариата, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил» (стр. 31 и 37 по 7-му нем. изд. 1906 года).

Здесь мы видим формулировку одной из самых замечательных и важнейших идей марксизма в вопросе о государстве, именно идеи «диктатуры пролетариата» (как стали говорить Маркс и Энгельс после Парижской Коммуны), а затем в высшей степени интересное определение государства, принадлежащее тоже

к числу «забытых слов» марксизма. «*Государство, то-есть организованный в господствующий класс пролетариат*».

Это определение государства не только никогда не разъяснялось в господствующей пропагандистской и агитационной литературе официальных социал-демократических партий. Мало того. Оно было именно забыто, так как оно совершенно непримиримо с реформизмом, оно бьет в лицо обычным оппортунистическим предрассудкам и мещанским иллюзиям на счет «мирного развития демократии».

Пролетариату нужно государство—это повторяют все оппортунисты, социал-шовинисты и каутскианцы, уверяя, что таково учение Маркса, и «*забывая*» добавить, что, во-первых, по Марксу, пролетариату нужно лишь отмирающее государство, т.-е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать. А, во-вторых, трудящимся нужно «государство», «то-есть организованный в господствующий класс пролетариат».

Государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса. Какой же класс надо подавлять пролетариату? Конечно, только эксплуататорский класс, т.-е. буржуазию. Трудящимся нужно государство лишь для подавления сопротивления эксплуататоров, а руководить этим подавлением, провести его в жизнь в состоянии только пролетариат, как единственный до конца революционный класс, единственный класс, способный объединить всех трудящихся и эксплуатируемых в борьбе против буржуазии, в полном смещении ее.

Эксплуататорским классам нужно политическое господство в интересах поддержания эксплуатации, т.-е. в корыстных интересах ничтожного меньшинства, против громаднейшего большинства народа. Эксплуатируемым классам нужно политическое господство в интересах полного уничтожения всякой эксплуатации, т.-е. в интересах громаднейшего большинства народа против ничтожного меньшинства современных рабовладельцев, т.-е. помещиков и капиталистов.

Мелкобуржуазные демократы, эти якобы социалисты, заменявшие классовую борьбу мечтаниями о соглашении классов, представляли себе и социалистическое преобразование мечтательным образом, не в виде свержения господства эксплуататорского класса, а в виде мирного подчинения меньшинства понявшему свои задачи большинству. Эта мелкобуржуазная утопия, неразрывно связанная с признанием надклассового государства, приводила на практике к предательству интересов трудящихся классов, как это и показала, напр., история французских революций 1848 и 1871 годов, как это показал опыт «социалистического» участия в буржуазных министерствах в Англии, во Франции, в Италии и других странах в конце XIX и в начале XX века.

Маркс всю свою жизнь боролся с этим мелкобуржуазным социализмом, ныне возрожденным в России партиями эс-эров и меньшевиков. Маркс провел учение о классовой борьбе последовательно вплоть до учения о политической власти, о государстве.

Свержение господства буржуазии возможно только со стороны пролетариата, как особого класса, экономические условия существования которого подготовляют его к такому свержению, дают ему возможность и силу совершить его. В то время как буржуазия раздробляет, распыляет крестьянство и все мелкобуржуазные слои, она сплачивает, объединяет, организует пролетариат. Только пролетариат, — в силу экономической роли его в крупном производстве, — способен быть вождем *всех* трудящихся и эксплуатируемых масс, которые буржуазия эксплуатирует, гнетет, давит часто не меньше, а сильнее, чем пролетариев, но которые не способны к *самостоятельной* борьбе за свое освобождение.

Учение о классовой борьбе, примененное Марксом к вопросу о государстве и о социалистической революции, ведет необходимо к признанию *политического господства* пролетариата, его диктатуры, т.-е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс. Свержение буржуазии осуществимо лишь превращением пролетариата в *господствующий класс,* способный подавить неизбежное, отчаянное, сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства *все* трудящиеся и эксплуатируемые массы.

Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для *руководства* громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства.

Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и *вести весь народ* к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии. Наоборот, господствующий ныне оппортунизм воспитывает из рабочей партии отрывающихся от массы представителей лучше оплачиваемых рабочих, «устраивающихся» сносно при капитализме, продающих за чечевичную похлебку свое право первородства, т.-е. отказывающихся от роли революционных вождей народа против буржуазии.

«Государство, то-есть организованный в господствующий класс пролетариат», — эта теория Маркса неразрывно связана со всем его учением о революционной роли пролетариата в истории.

Завершение этой роли есть пролетарская диктатура, политическое господство пролетариата.

Но если пролетариату нужно государство, как *особая* организация насилия *против* буржуазии, то отсюда сам собой напрашивается вывод, мыслимо ли создание такой организации без предварительного уничтожения, без разрушения той государственной машины, которую создала *себе* буржуазия? К этому выводу вплотную подводит «Коммунистический манифест», и об этом выводе говорит Маркс, подводя итоги опыту революции 1848—1851 годов.

2. ИТОГИ РЕВОЛЮЦИИ.

По интересующему нас вопросу о государстве Маркс подводит итоги революции 1848—1851 годов в следующем рассуждении, из сочинения «18-ое Брюмера Луи Бонапарта»:

...«Но революция основательна. Она еще находится в путешествии через чистилище. Она выполняет свое дело методически. До 2-го декабря 1851-го года» (день совершения государственного переворота Луи Бонапартом) «она закончила половину своей подготовительной работы, теперь она заканчивает другую половину. Сначала она доводит до совершенства парламентарную власть, чтобы иметь возможность ниспровергнуть ее. Теперь, когда она этого достигла, она доводит до совершенства *исполнительную власть*, сводит ее к ее самому чистому выражению, изолирует ее, противопоставляет ее себе, как единственный упрек, *чтобы сконцентрировать против нее все силы разрушения*» (курсив наш). «И когда революция закончит эту вторую половину своей предварительной работы, тогда Европа поднимется со своего места и скажет, торжествуя: ты хорошо роешь, старый крот!»

«Эта исполнительная власть, с ее громадной бюрократической и военной организацией, с ее многосложной и искусственной государственной машиной, с этим войском чиновников в полмиллиона человек рядом с армией еще в полмиллиона, этот ужасный организм-паразит, обвивающий точно сетью все тело французского общества и затыкающий все его поры, возник в эпоху самодержавной монархии, при упадке феодализма, упадке, который этот организм помогал ускорять». Первая французская революция развила централизацию, «но вместе с тем расширила объем, атрибуты и число пособников правительственной власти. Наполеон завершил эту государственную машину». Легитимная монархия и июльская монархия «не прибавили ничего нового, кроме бо́льшего разделения труда»...

...«Наконец, парламентарная республика оказалась в своей борьбе против революции вынужденной усилить, вместе с мерами репрессии, средства и централизацию правительственной власти. *Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее*» (курсив наш). «Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания, как главную добычу при своей победе» («18-ое Брюмера Луи Бонапарта», стр. 98—99, изд. 4, Гамбург, 1907 г.).

В этом замечательном рассуждении марксизм делает громадный шаг вперед по сравнению с «Коммунистическим манифестом».

Там вопрос о государстве ставится еще крайне абстрактно, в самых общих понятиях и выражениях. Здесь вопрос ставится конкретно, и вывод делается чрезвычайно точный, определенный, практически-осязательный: все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать.

Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве. И именно это основное не только совершенно *забыто* господствующими официальными социал-демократическими партиями, но и прямо *извращено* (как увидим ниже) виднейшим теоретиком II Интернационала К. Каутским.

В «Коммунистическом манифесте» подведены общие итоги истории, заставляющие видеть в государстве орган классового господства и приводящие к необходимому заключению, что пролетариат не может свергнуть буржуазии, не завоевав сначала политической власти, не получив политического господства, не превратив государства в «организованный, как господствующий класс, пролетариат», и что это пролетарское государство сейчас же после его победы начнет отмирать, ибо в обществе без классовых противоречий государство не нужно и невозможно. Здесь не ставится вопрос о том, какова же должна — с точки зрения исторического развития — быть эта смена буржуазного государства пролетарским.

Именно такой вопрос Маркс ставит и решает в 1852-ом году. Верный своей философии диалектического материализма, Маркс берет в основу исторический опыт великих годов революции, 1848 — 1851 г.г. Учение Маркса и здесь, как и всегда, есть освещенное глубоким философским миросозерцанием и богатым знанием истории *подытожение опыта*.

Вопрос о государстве ставится конкретно: как исторически возникло буржуазное государство, необходимая для господства буржуазии государственная машина? каковы ее изменения, какова ее эволюция в ходе буржуазных революций и перед лицом самостоятельных выступлений угнетенных классов? каковы задачи пролетариата по отношению к этой государственной машине?

Централизованная государственная власть, свойственная буржуазному обществу, возникла в эпоху падения абсолютизма. Два учреждения наиболее характерны для этой государственной машины: чиновничество и постоянная армия. О том, как тысячи нитей связывают эти учреждения именно с буржуазией, говорится неоднократно в сочинениях Маркса и Энгельса. Опыт каждого рабочего поясняет эту связь с чрезвычайной наглядностью и внушительностью. Рабочий класс на своей шкуре учится познавать эту связь, — вот почему он так легко схватывает и так твердо усваивает науку о неизбежности этой связи, науку, которую мелкобуржуазные демократы либо невежественно и легкомысленно

отрицают, либо еще легкомысленнее признают «вообще», забывая делать соответствующие практические выводы.

Чиновничество и постоянная армия, это — «паразит» на теле буржуазного общества, паразит, порожденный внутренними противоречиями, которые это общество раздирают, но именно паразит, «затыкающий» жизненные поры. Господствующий ныне в официальной социал-демократии каутскианский оппортунизм считает взгляд на государство, как на *паразитический организм*, специальной и исключительной принадлежностью анархизма. Разумеется, это извращение марксизма чрезвычайно выгодно тем мещанам, которые довели социализм до неслыханного позора оправдания и прикрашивания империалистской войны путем применения к ней понятия «защита отечества», но все же это — безусловное извращение.

Через все буржуазные революции, которых видала Европа многое множество со времени падения феодализма, идет развитие, усовершенствование, укрепление этого чиновничьего и военного аппарата. В частности, именно мелкая буржуазия привлекается на сторону крупной и подчиняется ей в значительной степени посредством этого аппарата, дающего верхним слоям крестьянства, мелких ремесленников, торговцев и проч. сравнительно удобные, спокойные и почетные местечки, ставящие обладателей их *над* народом. Возьмите то, что̀ произошло в России за полгода после 27 февраля 1917 г.: чиновничьи места, которые раньше давались предпочтительно черносотенцам, стали предметом добычи кадетов, меньшевиков и эс-эров. Ни о каких серьезных реформах, в сущности, не думали, стараясь оттягивать их «до Учредительного Собрания» — а Учредительное Собрание оттягивать помаленьку до конца войны! С дележом же добычи, с занятием местечек министров, товарищей министра, генерал-губернаторов и прочее и прочее не медлили и никакого Учредительного Собрания не ждали! Игра в комбинации насчет состава правительства была, в сущности, лишь выражением этого дележа и передела «добычи», идущего и вверху и внизу, во всей стране, во всем центральном и местном управлении. Итог, объективный итог за полгода 27 февраля — 27 августа 1917 г. несомненен: реформы отложены, раздел чиновничьих местечек состоялся, и «ошибки» раздела исправлены несколькими переделами.

Но чем больше происходит «переделов» чиновничьего аппарата между различными буржуазными и мелкобуржуазными партиями (между кадетами, эс-эрами и меньшевиками, если взять русский пример), тем яснее становится угнетенным классам, и пролетариату во главе их, их непримиримая враждебность ко *всему* буржуазному обществу. Отсюда необходимость для всех буржуазных партий, даже для самых демократических и «революционно-демократических» в том числе, усиливать репрессии против революционного

пролетариата, укреплять аппарат репрессий, т.-е. ту же государственную машину. Такой ход событий вынуждает революцию «*концентрировать все силы разрушения*» против государственной власти, вынуждает поставить задачей не улучшение государственной машины, а *разрушение, уничтожение* ее.

Не логические рассуждения, а действительное развитие событий, живой опыт 1848—1851 годов привели к такой постановке задачи. До какой степени строго держится Маркс на фактической базе исторического опыта, это видно из того, что в 1852 году он не ставит еще конкретно вопроса о том, *чем* заменить эту подлежащую уничтожению государственную машину. Опыт не давал еще тогда материала для такого вопроса, поставленного историей на очередь дня позже, в 1871 году. В 1852 году с точностью естественно-исторического наблюдения можно было лишь констатировать, что пролетарская революция *подошла* к задаче «сосредоточить все силы разрушения» против государственной власти, к задаче «сломать» государственную машину.

Здесь может возникнуть вопрос, правильным ли является обобщение опыта, наблюдений и заключений Маркса, перенесение их на пределы более широкие, чем история Франции за три года, 1848—1851 годы? Для разбора этого вопроса напомним сначала одно замечание Энгельса, а затем перейдем к фактическим данным.

...«Франция — писал Энгельс в предисловии к 3-му изданию «18-го Брюмера» — Франция есть страна, в которой историческая борьба классов больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца. Во Франции в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которых находили свое выражение ее результаты. Средоточие феодализма в средние века, образцовая страна единообразной сословной монархии со времени Ренессанса, Франция разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии, с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна. И борьба поднимающего голову пролетариата против господствующей буржуазии выступает здесь в такой острой форме, которая другим странам неизвестна» (стр. 4 в изд. 1907 г.).

Последнее замечание устарело, поскольку с 1871-го года наступил перерыв в революционной борьбе французского пролетариата, хотя этот перерыв, каким бы продолжительным он ни был, не устраняет нисколько возможности того, что в грядущей пролетарской революции Франция проявит себя, как классическая страна борьбы классов до решительного конца.

Но бросим общий взгляд на историю передовых стран в конце XIX и начале XX века. Мы увидим, что медленнее, многообразнее, на гораздо более широкой арене происходил тот самый

процесс, с одной стороны, выработки «парламентарной власти» как в республиканских странах (Франция, Америка, Швейцария), так и в монархических (Англия, Германия до известной степени, Италия, скандинавские страны и т. д.), — с другой стороны, борьбы за власть различных буржуазных и мелкобуржуазных партий, деливших и переделявших «добычу» чиновничьих местечек, при неизменности основ буржуазного строя, — наконец, усовершенствования и укрепления «исполнительной власти», ее чиновничьего и военного аппарата.

Нет никакого сомнения, что это — общие черты всей новейшей эволюции капиталистических государств вообще. За три года, 1848—1851, Франция в быстрой, резкой, концентрированной форме показала те самые процессы развития, которые свойственны всему капиталистическому миру.

В особенности же империализм, эпоха банкового капитала, эпоха гигантских капиталистических монополий, эпоха перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, показывает необыкновенное усиление «государственной машины», неслыханный рост ее чиновничьего и военного аппарата в связи с усилением репрессий против пролетариата как в монархических, так и в самых свободных, республиканских странах.

Всемирная история подводит теперь, несомненно, в несравненно более широком масштабе, чем в 1852 году, к «концентрации всех сил» пролетарской революции на «разрушение» государственной машины.

Чем заменит ее пролетариат, об этом поучительнейший материал дала Парижская Коммуна.

3. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА МАРКСОМ В 1852 ГОДУ *).

В 1907 году Меринг опубликовал в журнале «Neue Zeit» (XXV, 2, 164) выдержки из письма Маркса к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. В этом письме содержится, между прочим, следующее замечательное рассуждение:

«Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими битвами, свойственными развитию производства (historische Entwickelungskämpfe der Produktion),

*) Добавлено ко второму изданию. *Ред.*

2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»...

В этих словах Марксу удалось выразить с поразительной рельефностью, во-первых, главное и коренное отличие его учения от учения передовых и наиболее глубоких мыслителей буржуазии, а во-вторых, суть его учения о государстве.

Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это не верно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его в духе приемлемости для буржуазии. Ибо учение о классовой борьбе *не* Марксом, а буржуазией *до* Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, *приемлемо*. Кто признает *только* борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще невыходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать *действительное* понимание и признание марксизма. И неудивительно, что когда история Европы подвела рабочий класс *практически* к данному вопросу, то не только все оппортунисты и реформисты, но и все «каутскианцы» (колеблющиеся между реформизмом и марксизмом люди) оказались жалкими филистерами и мелкобуржуазными демократами, *отрицающими* диктатуру пролетариата. Брошюра Каутского «Диктатура пролетариата», вышедшая в августе 1918 г., т.-е. много спустя после первого издания настоящей книжки, есть образец мещанского искажения марксизма и подлого отречения от него *на деле*, при лицемерном признании его *на словах* (см. мою брошюру: «Пролетарская революция и ренегат Каутский», Петроград и Москва 1918 г. *)).

Современный оппортунизм в лице его главного представителя, бывшего марксиста К. Каутского, подпадает целиком под приведенную характеристику *буржуазной* позиции у Маркса, ибо этот оппортунизм ограничивает область признания классовой борьбы областью буржуазных отношений. (А внутри этой области, в рамках ее ни один образованный либерал не откажется «принципиально» признать классовую борьбу!) Оппортунизм *не доводит* признания классовой борьбы как раз до самого главного, до периода *перехода* от капитализма к коммунизму, до периода *свер-*

*) См. XXIII том Сочинений. *Ред.*

жения буржуазии и полного уничтожения ее. В действительности этот период неминуемо является периодом невиданно ожесточенной классовой борьбы, невиданно острых форм ее, а следовательно, и государство этого периода неизбежно должно быть государством *по новому* демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и *по новому* диктаторским (против буржуазии).

Далее. Сущность учения Маркса о государстве усвоена только тем, кто понял, что диктатура *одного* класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для *пролетариата*, свергнувшего буржуазию, но и для целого *исторического периода*, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма. Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно *диктатурой буржуазии*. Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*.

ГЛАВА III.

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ. ОПЫТ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ 1871 ГОДА. АНАЛИЗ МАРКСА.

1. В ЧЕМ ГЕРОИЗМ ПОПЫТКИ КОММУНАРОВ?

Известно, что за несколько месяцев до Коммуны, осенью 1870 года, Маркс предостерегал парижских рабочих, доказывая, что попытка свергнуть правительство была бы глупостью отчаяния. Но когда в марте 1871 года рабочим *навязали* решительный бой и они его приняли, когда восстание стало фактом, Маркс с величайшим восторгом приветствовал пролетарскую революцию, несмотря на плохие предзнаменования. Маркс не уперся на педантском осуждении «несвоевременного» движения, как печально-знаменитый русский ренегат марксизма Плеханов, в ноябре 1905 года писавший в духе поощрения борьбы рабочих и крестьян, а после декабря 1905 года по-либеральному кричавший: «не надо было браться за оружие» [158].

Маркс, однако, не только восторгался героизмом «штурмовавших небо», по его выражению, коммунаров. В массовом революционном движении, хотя оно и не достигло цели, он видел громадной важности исторический опыт, известный шаг вперед всемирной пролетарской революции, практический шаг, более важный, чем сотни программ и рассуждений. Анализировать этот

опыт, извлечь из него уроки тактики, пересмотреть на основании его свою теорию — вот как поставил свою задачу Маркс.

Единственная «поправка» к «Коммунистическому Манифесту», которую счел необходимым сделать Маркс, была сделана им на основании революционного опыта парижских коммунаров.

Последнее предисловие к новому немецкому изданию «Коммунистического Манифеста», подписанное обоими его авторами, помечено 24 июня 1872-го года. В этом предисловии авторы, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, говорят, что программа «Коммунистического Манифеста» «теперь местами устарела»:

...«*В особенности — продолжают они — Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей»*»...

Взятые во вторые кавычки слова этой цитаты заимствованы ее авторами из сочинения Маркса: «Гражданская война во Франции».

Итак, один основной и главный урок Парижской Коммуны Маркс и Энгельс считали имеющим такую гигантскую важность, что они внесли его, как существенную поправку к «Коммунистическому Манифесту».

Чрезвычайно характерно, что именно эта существенная поправка была искажена оппортунистами, и смысл ее, наверное, неизвестен девяти десятым, если не девяноста девяти сотым читателям «Коммунистического Манифеста». Подробно об этом искажении мы скажем ниже, в главе, специально посвященной искажениям. Теперь достаточно будет отметить, что ходячее, вульгарное «понимание» приведенного нами знаменитого изречения Маркса состоит в том, будто Маркс подчеркивает здесь идею медленного развития в противоположность захвату власти и тому подобное.

На самом деле *как раз наоборот*. Мысль Маркса состоит в том, что рабочий класс должен *разбить, сломать* «готовую государственную машину», а не ограничиваться простым захватом ее.

12-го апреля 1871 года, т.-е. как раз во время Коммуны, Маркс писал Кугельману:

...«Если ты заглянешь в последнюю главу моего «18-го Брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее» (курсив Маркса; в оригинале стоит zerbrechen), «и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте. Как раз в этом и состоит попытка наших геройских парижских товарищей» (стр. 709 в «Neue Zeit», XX, 1, год 1901 — 1902). Письма Маркса к Кугельману вышли по-русски не менее, как в двух изданиях, одно из них под моей редакцией и с моим предисловием) *) [159]).

---

*) См. том X Сочинений, стр. 361. *Ред.*

В этих словах: «сломать бюрократически-военную государственную машину» заключается кратко выраженный главный урок марксизма по вопросу о задачах пролетариата в революции по отношению к государству. И именно этот урок не только совершенно забыт, но и прямо извращен господствующим, каутскианским, «толкованием» марксизма!

Что касается до ссылки Маркса на «18-ое Брюмера», то мы привели выше полностью соответствующее место.

Интересно отметить особо два места в приведенном рассуждении Маркса. Во-первых, он ограничивает свой вывод континентом. Это было понятно в 1871-ом году, когда Англия была еще образцом страны чистокапиталистической, но без военщины и в значительной степени без бюрократии. Поэтому Маркс исключал Англию, где революция, и даже народная революция, представлялась и была тогда возможной *без* предварительного условия разрушения «готовой государственной машины».

Теперь, в 1917-ом году, в эпоху первой великой империалистской войны, это ограничение Маркса отпадает. И Англия и Америка, крупнейшие и последние—во всем мире—представители англо-саксонской «свободы» в смысле отсутствия военщины и бюрократизма, скатились вполне в общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих. Теперь и в Англии и в Америке «предварительным условием всякой действительно народной революции» является *ломка*, *разрушение* «готовой» (изготовленной там в 1914—1917 годах до «европейского», общеимпериалистского, совершенства) «государственной машины».

Во-вторых, особенного внимания заслуживает чрезвычайно *) глубокое замечание Маркса, что разрушение бюрократически-военной государственной машины является «предварительным условием всякой действительной *народной* революции». Это понятие «народной» революции кажется странным в устах Маркса, и русские плехановцы и меньшевики, эти последователи Струве, желающие считаться марксистами, могли бы, пожалуй, объявить такое выражение у Маркса «обмолвкой». Они свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что кроме противоположения буржуазной и пролетарской революции для них ничего не существует, да и это противоположение понимается ими донельзя мертвенно.

Если взять для примера революции XX века, то и португальскую и турецкую придется, конечно, признать буржуазной. Но «народной» ни та, ни другая не является, ибо масса народа,

*) В рукописи: «замечательно». *Ред.*

громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, ни в той, ни в другой революции заметно не выступают. Напротив, русская буржуазная революция 1905—1907 годов, хотя в ней не было таких «блестящих» успехов, которые выпадали временами на долю португальской и турецкой, была, несомненно, «действительной народной» революцией, ибо масса народа, большинство его, самые глубокие общественные «низы», задавленные гнетом и эксплуатацией, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток *своих* требований, *своих* попыток посвоему построить новое общество, на место разрушаемого старого.

В Европе 1871 года на континенте ни в одной стране пролетариат не составлял большинства народа. «Народная» революция, втягивающая в движение действительно большинство, могла быть таковою, лишь охватывая и пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда «народ». Оба класса объединены тем, что «бюрократически-военная государственная машина» гнетет, давит, эксплуатирует их. *Разбить* эту машину, *сломать* ее — таков действительный интерес «народа», большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное условие» свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочна демократия и невозможно социалистическое преобразование.

К такому союзу, как известно, и пробивала себе дорогу Парижская Коммуна, не достигшая цели в силу ряда причин внутреннего и внешнего характера.

Следовательно, говоря о «действительно народной революции», Маркс, нисколько не забывая особенностей мелкой буржуазии (об них он говорил много и часто), строжайше учитывал фактическое соотношение классов в большинстве континентальных государств Европы в 1871 году. А с другой стороны, он констатировал, что «разбитие» государственной машины требуется интересами и рабочих и крестьян, объединяет их, ставит перед ними общую задачу устранения «паразита» и замены его чем-либо новым.

Чем же именно?

2. ЧЕМ ЗАМЕНИТЬ РАЗБИТУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ МАШИНУ?

На этот вопрос в 1847-ом году, в «Коммунистическом Манифесте», Маркс давал ответ еще совершенно абстрактный, вернее, указывающий задачи, но не способы их разрешения. Заменить «организацией пролетариата в господствующий класс», «завоеванием демократии» — таков был ответ «Коммунистического Манифеста».

Не вдаваясь в утопии, Маркс от *опыта* массового движения ждал ответа на вопрос о том, в какие конкретные формы эта организация пролетариата, как господствующего класса, станет выливаться, каким именно образом эта организация будет совмещена с наиболее полным и последовательным «завоеванием демократии».

Опыт Коммуны, как он ни был мал, Маркс подвергает в «Гражданской войне во Франции» самому внимательному анализу. Приведем важнейшие места из этого сочинения:

В XIX веке развилась происходящая от средних веков «централизованная государственная власть с ее вездесущими органами: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством, судейским сословием». С развитием классового антагонизма между капиталом и трудом «государственная власть принимала все более и более характер общественной власти для угнетения труда, характер машины классового господства. После каждой революции, означающей известный шаг вперед классовой борьбы, чисто угнетательский характер государственной власти выступает наружу все более и более открыто». Государственная власть после революции 1848—1849 г.г. становится «национальным орудием войны капитала против труда». Вторая империя закрепляет это.

«Прямой противоположностью империи была Коммуна». «Она была определенной формой» «такой республики, которая должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство»...

В чем именно состояла эта «определенная» форма пролетарской, социалистической республики? Каково было государство, которое она начала создавать?

...«Первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом»...

Это требование стоит теперь в программах всех, желающих называться социалистическими, партий. Но чего стоят их программы, лучше всего видно из поведения наших эс-эров и меньшевиков, на деле отказавшихся как раз после революции 27 февраля от проведения в жизнь этого требования!

...«Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство их состояло, само собою разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса»...

...«Полиция, до сих пор бывшая орудием государственного правительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время... То же самое — чиновники всех остальных отраслей управления... Начиная с членов Коммуны, сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за *заработную плату рабочего.* Всякие привилегии и выдачи денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами... По устранении постоянного войска и полиции,

этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, силу попов... Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость... они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми»...

Итак, разбитую государственную машину Коммуна заменила как будто бы «только» более полной демократией: уничтожение постоянной армии, полная выборность и сменяемость всех должностных лиц. Но на самом деле это «только» означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как раз один из случаев «превращения количества в качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства (= особая сила для подавления определенного класса) в нечто такое, что уже не есть собственно государство.

Подавлять буржуазию и ее сопротивление все еще необходимо. Для Коммуны это было особенно необходимо, и одна из причин ее поражения состоит в том, что она недостаточно решительно это делала. Но подавляющим органом является здесь уже большинство населения, а не меньшинство, как бывало всегда и при рабстве, и при крепостничестве, и при наемном рабстве. А раз большинство народа *само* подавляет своих угнетателей, то «особой силы» для подавления *уже не нужно!* В этом смысле государство *начинает отмирать*. Вместо особых учреждений привилегированного меньшинства (привилегированное чиновничество, начальство постоянной армии), само большинство может непосредственно выполнять это, а чем более всенародным становится самое выполнение функций государственной власти, тем меньше становится надобности в этой власти.

Особенно замечательна в этом отношении подчеркиваемая Марксом мера Коммуны: отмена всяких выдач денег на представительство, всяких денежных привилегий чиновникам, сведение платы *всем* должностным лицам в государстве до уровня «*заработной платы рабочего*». Тут как раз всего нагляднее сказывается *перелом* — от демократии буржуазной к демократии пролетарской, от демократии угнетательской к демократии угнетенных классов, от государства, как *«особой силы»* для подавления определенного класса, к подавлению угнетателей *всеобщей силой* большинства народа, рабочих и крестьян. И именно на этом, особенно наглядном — по вопросу о государстве, пожалуй, наиболее важном — пункте уроки Маркса наиболее забыты! В популярных комментариях — им же несть числа — об этом не говорят. «Принято» об этом умалчивать, точно о «наивности», отжившей свое время, вроде того, как христиане, получив положение госу-

дарственной религии, «забыли» о «наивностях» первоначального христианства с его демократически-революционным духом.

Понижение платы высшим государственным чиновникам кажется «просто» требованием наивного, примитивного демократизма. Один из «основателей» новейшего оппортунизма, бывший социал-демократ Эд. Бернштейн, не раз упражнялся в повторении пошлых буржуазных насмешечек над «примитивным» демократизмом [160]). Как и все оппортунисты, как и теперешние каутскианцы, он совершенно не понял того, что, во-первых, переход от капитализма к социализму *невозможен* без известного «возврата» к «примитивному» демократизму (ибо иначе как же перейти к выполнению государственных функций большинством населения и поголовно всем населением?), а во-вторых, что «примитивный демократизм» на базе капитализма и капиталистической культуры — не то, что̀ примитивный демократизм в первобытные или в докапиталистические времена. Капиталистическая культура *создала* крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и пр., а *на этой базе* громадное большинство функций старой «государственной власти» так упростилось и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям, что эти функции вполне можно будет выполнять за обычную «заработную плату рабочего», что можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, «начальственного».

Полная выборность, сменяемость *в любое время* всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной «заработной плате рабочего», эти простые и «само собою понятные» демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму. Эти мероприятия касаются государственного, чисто-политического переустройства общества, но они получают, разумеется, весь свой смысл и значение лишь в связи с осуществляемой или подготовляемой «экспроприацией экспроприаторов», т.-е. переходом капиталистической частной собственности на средства производства в общественную собственность.

«Коммуна — писал Маркс — сделала правдой лозунг всех буржуазных революций, дешевое правительство, уничтожив две самые крупные статьи расходов, армию и чиновничество».

Из крестьянства, как и из других слоев мелкой буржуазии, лишь ничтожное меньшинство «поднимается вверх», «выходит в люди» в буржуазном смысле, т.-е. превращается либо в зажиточных людей, в буржуа, либо в обеспеченных и привилегированных чиновников. Громадное большинство крестьянства во всякой капиталистической стране, где только есть крестьянство

(а таких капиталистических стран большинство), угнетено правительством и жаждет свержения его, жаждет «дешевого» правительства. Осуществить это может *только* пролетариат и, осуществляя это, он делает вместе с тем шаг к социалистическому переустройству государства.

3. УНИЧТОЖЕНИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА.

«Коммуна — писал Маркс — должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы»...

...«Вместо того, чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять (ver- und zertreten) народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю».

Эта замечательная критика парламентаризма, данная в 1871-ом году, тоже принадлежит теперь, благодаря господству социал-шовинизма и оппортунизма, к числу «забытых слов» марксизма. Министры и парламентарии по профессии, изменники пролетариату и «деляческие» социалисты наших дней предоставили критику парламентаризма всецело анархистам, и на этом удивительно-разумном основании объявили *всякую* критику парламентаризма «анархизмом»!! Ничего нет странного, что пролетариат «передовых» парламентских стран, испытывая омерзение при виде таких «социалистов», как Шейдеманы, Давиды, Легины, Самба, Ренодели, Гендерсоны, Вандервельды, Стаунинги, Брантинги, Биссолати и $К^0$, все чаще отдавал свои симпатии анархо-синдикализму, несмотря на то, что это был родной брат оппортунизма.

Но для Маркса революционная диалектика никогда не была той пустой модной фразой, побрякушкой, которой сделали ее Плеханов, Каутский и пр. Маркс умел беспощадно рвать с анархизмом за неумение использовать даже «хлев» буржуазного парламентаризма, особенно когда заведомо нет на лицо революционной ситуации, но в то же время он умел и давать действительно революционно-пролетарскую критику парламентаризма.

Раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет подавлять, раздавлять народ в парламенте — вот в чем настоящая суть буржуазного парламентаризма, не только в парламентарно-конституционных монархиях, но и в самых демократических республиках.

Но если ставить вопрос о государстве, если рассматривать парламентаризм, как одно из учреждений государства, с точки зрения задач пролетариата в *этой* области, то где же выход из парламентаризма? как же можно обойтись без него?

Опять и опять приходится сказать: уроки Маркса, основанные на изучении Коммуны, настолько забыты, что современному «социал-демократу» (читай: современному предателю социализма) прямо-таки непонятна иная критика парламентаризма, кроме анархической или реакционной.

Выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорилен в «работающие» учреждения. «Коммуна должна была быть не парламентским учреждением, а работающим, в одно и то же время законодательствующим и исполняющим законы».

«Не парламентское, а работающее» учреждение, это сказано не в бровь, а в глаз современным парламентариям и парламентским «комнатным собачкам» социал-демократии! Посмотрите на любую парламентскую страну, от Америки до Швейцарии, от Франции до Англии, Норвегии и проч.: настоящую «государственную» работу делают за кулисами и выполняют департаменты, канцелярии, штабы. В парламентах только болтают со специальной целью надувать «простонародье». Это до такой степени верно, что даже в русской республике, буржуазно-демократической республике, раньше чем она успела создать настоящий парламент, сказались уже тотчас все эти грехи парламентаризма. Такие герои гнилого мещанства, как Скобелевы и Церетели, Черновы и Авксентьевы, сумели и Советы испоганить по типу гнуснейшего буржуазного парламентаризма, превратив их в пустые говорильни. В Советах господа «социалистические» министры надувают доверчивых мужичков фразерством и резолюциями. В правительстве идет перманентный кадриль, с одной стороны, чтобы по очереди сажать «к пирогу» доходных и почетных местечек побольше эс-эров и меньшевиков, с другой стороны, чтобы «занять внимание» народа. А в канцеляриях, в штабах «работают» «государственную» работу!

«Дело Народа», орган правящей партии «социалистов-революционеров», недавно в редакционной передовице признался, — с бесподобной откровенностью людей из «хорошего общества», в котором «все» занимаются политической проституцией, — что даже в тех министерствах, кои принадлежат «социалистам» (извините за выражение!), даже в них весь чиновничий аппарат остается в сущности старым, функционирует по-старому, саботирует революционные начинания вполне «свободно» [161])! Да если бы не было этого признания, разве фактическая история участия эс-эров и меньшевиков в правительстве не доказывает этого? Характерно тут только то, что, находясь в министерском обществе с кадетами, господа Черновы, Русановы, Зензиновы и прочие редактора «Дела Народа» настолько потеряли стыд, что не стесняются публично, как о пустячке, рассказывать, не краснея,

что «у них» в министерствах все по-старому!! Революционно-демократическая фраза для одурачения деревенских Иванушек, а чиновничья канцелярская волокита для «ублаготворения» капиталистов — вот вам *суть* «честной» коалиции.

Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями. Представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов, здесь *нет*. Без представительных учреждений мы не можем себе представить демократии, даже и пролетарской демократии; без парламентаризма можем и *должны*, если критика буржуазного общества для нас не пустые слова, если стремление свергнуть господство буржуазии есть наше серьезное и искреннее стремление, а не «избирательная» фраза для уловления голосов рабочих, как у меньшевиков и эс-эров, как у Шейдеманов и Легинов, Самба и Вандервельдов.

Крайне поучительно, что, говоря о функциях *того* чиновничества, которое нужно и Коммуне, и пролетарской демократии, Маркс берет для сравнения служащих «всякого другого работодателя», т.-е. обычное капиталистическое предприятие с «рабочими, надсмотрщиками и бухгалтерами».

У Маркса нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, сфантазировал «новое» общество. Нет, он изучает, как естественно-исторический процесс, *рождение* нового общества *из* старого, переходные формы от второго к первому. Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки. Он «учится» у Коммуны, как все великие революционные мыслители не боялись учиться у опыта великих движений угнетенного класса, никогда не относясь к ним с педантскими «правоучениями» (вроде плехановского: «не надо было браться за оружие» или церетелевского: «класс должен самоограничиваться»).

Об уничтожении чиновничества сразу, повсюду, до конца не может быть речи. Это — утопия. Но *разбить* сразу старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на нет всякое чиновничество, это *не* утопия, это — опыт Коммуны, это прямая, очередная задача революционного пролетариата.

Капитализм упрощает функции «государственного» управления, позволяет отбросить «начальствование» и свести все дело к организации пролетариев (как господствующего класса), от

имени всего общества нанимающей «рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров».

Мы не утописты. Мы не «мечтатели» о том, как бы *сразу* обойтись без всякого управления, без всякого подчинения; эти анархистские мечты, основанные на непонимании задач диктатуры пролетариата, в корне чужды марксизму и на деле служат лишь оттягиванию социалистической революции до тех пор, пока люди будут иными. Нет, мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь, которые без подчинения, без контроля, без «надсмотрщиков и бухгалтеров» не обойдутся.

Но подчиняться надо вооруженному авангарду всех эксплуатируемых и трудящихся — пролетариату. Специфическое «начальствование» государственных чиновников можно и должно тотчас же, с сегодня на завтра, начать заменять простыми функциями «надсмотрщиков и бухгалтеров», функциями, которые уже теперь вполне доступны уровню развития горожан вообще и вполне выполнимы за «заработную плату рабочего».

Организуем крупное производство, исходя из того, что̀ уже создано капитализмом, *сами* мы, рабочие, опираясь на свой рабочий опыт, создавая строжайшую, железную дисциплину, поддерживаемую государственной властью вооруженных рабочих, сведем государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений, ответственных, сменяемых, скромно оплачиваемых «надсмотрщиков и бухгалтеров» (конечно, с техниками всех сортов, видов и степеней) — вот *наша* пролетарская задача, вот с чего можно и должно *начать* при совершении пролетарской революции. Такое начало, на базе крупного производства, само собою ведет к постепенному «отмиранию» всякого чиновничества, к постепенному созданию такого порядка, — порядка без кавычек, порядка, не похожего на наемное рабство, — такого порядка, когда все более упрощающиеся функции надсмотра и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой и, наконец, отпадут, как *особые* функции особого слоя людей.

Один остроумный немецкий социал-демократ семидесятых годов прошлого века назвал *почту* образцом социалистического хозяйства. Это очень верно. Теперь почта есть хозяйство, организованное по типу государственно-*капиталистической* монополии. Империализм постепенно превращает все тресты в организации подобного типа. Над «простыми» трудящимися, которые завалены работой и голодают, здесь стоит та же буржуазная бюрократия. Но механизм общественного хозяйничанья здесь уже готов. Свергнуть капиталистов, разбить железной рукой вооруженных рабочих сопротивление этих эксплуататоров, сломать бюрократическую машину современного государства — и перед

нами освобожденный от «паразита» высоко технически оборудованный механизм, который вполне могут пустить в ход сами объединенные рабочие, нанимая техников, надсмотрщиков, бухгалтеров, оплачивая работу *всех* их, как и *всех* вообще «государственных» чиновников, заработной платой рабочего. Вот задача конкретная, практическая, осуществимая тотчас по отношению ко всем трестам, избавляющая трудящихся от эксплуатации, учитывающая опыт, практически уже начатый (особенно в области государственного строительства) Коммуной.

Все народное хозяйство, организованное, как почта, с тем, чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и *все* должностные лица, получали жалованье не выше «заработной платы рабочего», под контролем и руководством вооруженного пролетариата, — вот наша ближайшая цель. Вот какое государство, вот на какой экономической основе нам необходимо. Вот что даст уничтожение парламентаризма и сохранение представительных учреждений, вот что избавит трудящиеся классы от проституирования этих учреждений буржуазией.

4. ОРГАНИЗАЦИЯ ЕДИНСТВА НАЦИИ.

...«В том коротком очерке национальной организации, который Коммуна не имела времени разработать дальше, говорится вполне определенно, что Коммуна должна была... стать политической формой даже самой маленькой деревни»... От коммун выбиралась бы и «национальная делегация» в Париже.

...«Немногие, но очень важные функции, которые остались бы тогда еще за центральным правительством, не должны были быть отменены,— такое утверждение было сознательным подлогом, — а должны были быть переданы коммунальным, т.-е. строго ответственным, чиновникам»...

...«Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства. Единство нации должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной власти, которая выдавала себя за воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над нею стоящей. На деле эта государственная власть была лишь паразитическим наростом на теле нации»... «Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества».

До какой степени не поняли — может быть, вернее будет сказать: не захотели понять — оппортунисты современной социал-демократии эти рассуждения Маркса, лучше всего показывает геростратовски-знаменитая книга ренегата Бернштейна: «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». Именно по поводу приведенных слов Маркса Бернштейн писал, что эта программа «по своему политическому содержанию обнаруживает во

всех существенных чертах величайшее сходство с федерализмом— Прудона... При всех прочих расхождениях между Марксом и «мелким буржуа» Прудоном (Бернштейн ставит слова «мелкий буржуа» в кавычки, которые должны быть, по его мнению, ироническими) в этих пунктах ход мысли у них настолько близок, как только возможно. Конечно, продолжает Бернштейн, значение муниципалитетов растет, но «мне кажется сомнительным, чтобы первой задачей демократии было такое упразднение *) (Auflösung — буквально: распущение, растворение) современных государств и такое полное изменение (Umwandlung — переворот) их организации, как представляют себе Маркс и Прудон — образование национального собрания из делегатов от провинциальных или областных собраний, которые, в свою очередь, составлялись бы из делегатов от коммун, — так что вся прежняя форма национальных представительств исчезла бы совершенно» (Бернштейн, «Предпосылки», стр. 134 и 136 немецкого издания 1899 года).

Это прямо чудовищно: смешать взгляды Маркса на «уничтожение государственной власти—паразита» с федерализмом Прудона! Но это не случайно, ибо оппортунисту и в голову не приходит, что Маркс говорит здесь вовсе не о федерализме в противовес централизму, а о разбитии старой, буржуазной, во всех буржуазных странах существующей государственной машины.

Оппортунисту приходит в голову только то, что̀ он видит вокруг себя, в среде мещанской обывательщины и «реформистского» застоя, именно только «муниципалитеты»! О революции пролетариата оппортунист разучился и думать.

Это смешно. Но замечательно, что в этом пункте с Бернштейном не спорили. Бернштейна многие опровергали — особенно Плеханов в русской литературе, Каутский в европейской, но ни тот, ни другой об *этом* извращении Маркса Бернштейном *не* говорили.

Оппортунист настолько разучился мыслить революционно и размышлять о революции, что он приписывает «федерализм» Марксу, смешивая его с основателем анархизма Прудоном. А желающие быть ортодоксальными марксистами, отстоять учение революционного марксизма Каутский и Плеханов об этом молчат! Здесь лежит один из корней того крайнего опошления взглядов на разницу между марксизмом и анархизмом, которое свойственно и каутскианцам и оппортунистам и о котором нам еще придется говорить.

Федерализма в приведенных рассуждениях Маркса об опыте Коммуны нет и следа. Маркс сходится с Прудоном как раз

*) В рукописи: «расчленение». *Ред.*

в том, чего не видит оппортунист Бернштейн. Маркс расходится с Прудоном как раз в том, в чем Бернштейн видит их сходство.

Маркс сходится с Прудоном в том, что они оба стоят за «разбитие» современной государственной машины. Этого сходства марксизма с анархизмом (и с Прудоном и с Бакуниным) ни оппортунисты, ни каутскианцы не хотят видеть, ибо они отошли от марксизма в этом пункте.

Маркс расходится и с Прудоном и с Бакуниным как раз по вопросу о федерализме (не говоря уже о диктатуре пролетариата). Из мелкобуржуазных воззрений анархизма федерализм вытекает принципиально. Маркс централист. И в приведенных его рассуждениях нет никакого отступления от централизма. Только люди, полные мещанской «суеверной веры» в государство, могут принимать уничтожение буржуазной *) машины за уничтожение централизма!

Ну, а если пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть, организуются вполне свободно по коммунам и *объединят* действие всех коммун в ударах капиталу, в разрушении сопротивления капиталистов, в передаче частной собственности на железные дороги, фабрики, землю и прочее *всей* нации, всему обществу, разве это не будет централизм? разве это не будет самый последовательный демократический централизм? и притом пролетарский централизм?

Бернштейну просто не может прийти в голову, что возможен добровольный централизм, добровольное объединение коммун в нацию, добровольное слияние пролетарских коммун в деле разрушения буржуазного господства и буржуазной государственной машины. Бернштейну, как всякому филистеру, централизм рисуется, как нечто только сверху, только чиновничеством и военщиной могущее быть навязанным и сохраненным.

Маркс нарочно, как бы предвидя возможность извращения его взглядов, подчеркивает, что сознательным подлогом являются обвинения Коммуны в том, будто она хотела уничтожить единство нации, отменить центральную власть. Маркс нарочно употребляет выражение «организовать единство нации», чтобы противопоставить сознательный, демократический, пролетарский централизм **) буржуазному, военному, чиновничьему.

Но... хуже всякого глухого, кто не хочет слушать. А оппортунистам современной социал-демократии именно не хочется слушать об уничтожении государственной власти, об отсечении паразита.

*) В рукописи далее следует: «государственной». *Ред.*
**) В рукописи далее следует: «централизму». *Ред.*

5. УНИЧТОЖЕНИЕ ПАРАЗИТА—ГОСУДАРСТВА.

Мы привели уже соответствующие слова Маркса и должны дополнить их.

...«Обычной судьбой нового исторического творчества — писал Маркс — является то, что его принимают за подобие старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи. Так и эта новая Коммуна, которая ломает (bricht — разбивает) современную государственную власть, была рассматриваема, как воскрешение средневековой коммуны,... как союз мелких государств (Монтескье, жирондисты),... как преувеличенная форма старой борьбы против чрезмерной централизации»...

...«Коммунальное устройство вернуло бы общественному телу все те силы, которые до сих пор пожирал этот паразитический нарост «государство», кормящийся на счет общества и задерживающий его свободное движение. Одним уже этим было бы двинуто вперед возрождение Франции»...

...«Коммунальное устройство привело бы сельских производителей под духовное руководство главных городов каждой области и обеспечило бы им там, в лице городских рабочих, естественных представителей их интересов. Самое уже существование Коммуны вело за собой, как нечто само собою разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней».

«Уничтожение государственной власти», которая была «паразитическим наростом», «отсечение» ее, «разрушение» ее; «государственная власть делается теперь излишней» — вот в каких выражениях говорил Маркс о государстве, оценивая и анализируя опыт Коммуны.

Все это писано было без малого полвека тому назад, и теперь приходится точно раскопки производить, чтобы до сознания широких масс довести неизвращенный марксизм. Выводы, сделанные из наблюдений над последней великой революцией, которую пережил Маркс, забыли *) как раз тогда, когда подошла пора следующих великих революций пролетариата.

...«Разнообразие истолкований, которые вызвала Коммуна, и разнообразие интересов, нашедших в ней свое выражение, доказывают, что она была в высшей степени гибкой политической формой, между тем как все прежние формы правительства были, по существу своему, угнетательскими. Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, *правительством рабочего класса*, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего, она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда»...

«Без этого последнего условия коммунальное устройство было бы невозможностью и обманом»...

---

*) В рукописи: «забыты». *Ред.*

Утописты занимались «открыванием» политических форм, при которых должно бы произойти социалистическое переустройство общества. Анархисты отмахивались от вопроса о политических формах вообще. Оппортунисты современной социал-демократии приняли буржуазные политические формы парламентарного демократического государства за предел, его же не прейдеши, и разбивали себе лоб, молясь на этот «образец», объявляли анархизмом всякое стремление *сломать* эти формы.

Маркс вывел из всей истории социализма и политической борьбы, что государство должно будет исчезнуть, что переходной формой его исчезновения (переходом от государства к негосударству) будет «организованный в господствующий класс пролетариат». Но *открывать* политические *формы* этого будущего Маркс не брался. Он ограничился точным наблюдением французской истории, анализом ее и заключением, к которому приводил 1851 год: дело подходит к *разрушению* буржуазной государственной машины.

И когда массовое революционное движение пролетариата разразилось, Маркс, несмотря на неудачу этого движения, несмотря на его кратковременность и бьющую в глаза слабость, стал изучать, какие формы *открыло* оно.

Коммуна — «открытая наконец» пролетарской революцией форма, при которой может произойти экономическое освобождение труда.

Коммуна — первая попытка пролетарской революции *разбить* буржуазную государственную машину и «открытая наконец» политическая форма, которою можно и должно *заменить* разбитое.

Мы увидим в дальнейшем изложении, что русские революции 1905 и 1917 годов, в иной обстановке, при иных условиях, продолжают дело Коммуны и подтверждают гениальный исторический анализ Маркса.

ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖЕНИЕ. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ ЭНГЕЛЬСА.

Маркс дал основное по вопросу о значении опыта Коммуны. Энгельс неоднократно возвращался к этой же теме, поясняя анализ и заключения Маркса, иногда с такой силой и рельефностью освещая *другие* стороны вопроса, что на этих пояснениях необходимо особо остановиться.

1. «ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС».

В своем сочинении о жилищном вопросе (1872 г.) Энгельс учитывает уже опыт Коммуны, останавливаясь несколько раз на

задачах революции по отношению к государству. Интересно, что на конкретной теме выясняются наглядно, с одной стороны, черты сходства пролетарского государства с теперешним государством,— черты, дающие основание в обоих случаях говорить о государстве, — а, с другой стороны, черты различия или переход к уничтожению государства.

«Как разрешить жилищный вопрос? В современном обществе он решается совершенно так же, как всякий другой общественный вопрос: постепенным экономическим выравниванием спроса и предложения, а это такое решение, которое постоянно само порождает вопрос заново, т. е. не дает никакого решения. Как решит этот вопрос социальная революция, это зависит не только от обстоятельств времени и места, это связано также с вопросами, идущими гораздо дальше, среди которых один из важнейших — вопрос об уничтожении противоположности между городом и деревней. Так как мы не занимаемся сочинением утопических систем устройства будущего общества, то было бы более чем праздным делом останавливаться на этом. Несомненно одно, — именно, что уже теперь в больших городах достаточно жилых зданий, чтобы тотчас помочь действительной *нужде* в жилищах при разумном использовании этих зданий. Это осуществимо, разумеется, лишь посредством экспроприации теперешних владельцев и посредством поселения в этих домах бездомных рабочих или рабочих, живущих теперь в слишком перенаселенных квартирах. И как только пролетариат завоюет политическую власть, подобная мера, предписываемая интересами общественной пользы, будет столь же легко выполнима, как и прочие экспроприации и занятия квартир современным государством» (стр. 22 нем. издания 1887 года).

Здесь изменение формы государственной власти не рассматривается, а берется только содержание ее деятельности. Экспроприации и занятия квартир происходят и по распоряжению теперешнего государства. Пролетарское государство, с формальной стороны дела, тоже «распорядится» занять квартиры и экспроприировать дома. Но ясно, что старый исполнительный аппарат, чиновничество, связанное с буржуазией, был бы просто непригоден для проведения в жизнь распоряжений пролетарского государства.

...«Необходимо констатировать, что фактическое овладение всеми орудиями труда, всей индустрией со стороны трудящегося народа является прямой противоположностью прудонистского «выкупа». При последнем отдельный рабочий становится собственником жилища, крестьянского участка земли, орудий труда; при первом же совокупным собственником домов, фабрик и орудий труда остается «трудящийся народ». Пользование этими домами, фабриками и проч. едва ли будет предоставляться, по крайней мере, в переходное время, отдельным лицам или товариществам без покрытия издержек. Точно так же уничтожение поземельной собственности не предполагает уничтожения поземельной ренты, а передачу ее, хотя и в видоизмененной форме, обществу. Фактическое овладение всеми орудиями труда со стороны трудящегося народа не исключает, следовательно, никоим образом сохранения найма и сдачи в наем» (стр. 69).

Вопрос, затронутый в этом рассуждении, именно: об экономических основаниях отмирания государства, мы рассмотрим в следующей главе. Энгельс выражается крайне осторожно, говоря, что пролетарское государство «едва ли» без платы будет раздавать квартиры, «по крайней мере в переходное время». Сдача квартир, принадлежащих всему народу, отдельным семьям за плату предполагает и взимание этой платы, и известный контроль, и ту или иную нормировку распределения квартир. Все это требует известной формы государства, но вовсе не требует особого военного и бюрократического аппарата с особо привилегированным положением должностных лиц. А переход к такому положению дел, когда можно будет бесплатно отдавать квартиры, связан с полным «отмиранием» государства.

Говоря о переходе бланкистов, после Коммуны и под влиянием ее опыта, на принципиальную позицию марксизма, Энгельс мимоходом формулирует эту позицию следующим образом:

> ...«Необходимость политического действия пролетариата и его диктатуры, как переход к отмене классов, а вместе с ними и государства...» (стр. 55).

Какие-нибудь любители буквенной критики или буржуазные «истребители марксизма» усмотрят, пожалуй, противоречие между этим *признанием* «отмены государства» и отрицанием такой формулы, как анархистской, в приведенном выше месте «Анти-Дюринга». Было бы не удивительно, если бы оппортунисты и Энгельса зачислили в «анархисты», — теперь все распространеннее становится со стороны социал-шовинистов обвинение интернационалистов в анархизме.

Что вместе с отменой классов произойдет и отмена государства, этому марксизм учил всегда. Общеизвестное место об «отмирании государства» в «Анти-Дюринге» обвиняет анархистов не просто в том, что они стоят за отмену государства, а в том, что они проповедуют, будто возможно отменить государство «с сегодня на завтра».

Ввиду полного искажения господствующей ныне «социал-демократической» доктриной отношения марксизма к анархизму по вопросу об уничтожении государства, особенно полезно напомнить одну полемику Маркса и Энгельса с анархистами.

2. ПОЛЕМИКА С АНАРХИСТАМИ.

Эта полемика относится к 1873-му году. Маркс и Энгельс дали статьи против прудонистов, «автономистов» или «антиавторитаристов», в итальянский социалистический сборник, и только в 1913 году эти статьи появились в немецком переводе в «Neue Zeit» [162]).

...«Если политическая борьба рабочего класса — писал Маркс, высмеивая анархистов с их отрицанием политики, — принимает революционные формы, если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру, то они совершают ужасное преступление оскорбления принципов, ибо для удовлетворения своих жалких, грубых потребностей дня, для того, чтобы сломать сопротивление буржуазии, рабочие придают государству революционную и преходящую форму, вместо того, чтобы сложить оружие и отменить государство...» («Neue Zeit», 1913—14, год 32, т. 1, стр. 40).

Вот против какой «отмены» государства восставал исключительно Маркс, опровергая анархистов! Совсем не против того, что государство исчезнет с исчезновением классов или будет отменено с их отменой, а против того, чтобы рабочие отказались от употребления оружия, от организованного насилия, *то есть от государства*, долженствующего служить цели: «сломить сопротивление буржуазии».

Маркс нарочно подчеркивает — чтобы не искажали истинный смысл его борьбы с анархизмом — «революционную и *преходящую* форму» государства, необходимого для пролетариата. Пролетариату только на время нужно государство. Мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства, как *цели*. Мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти *против* эксплуататоров, как для уничтожения классов необходима временная диктатура угнетенного класса. Маркс выбирает самую резкую и самую ясную постановку вопросов против анархистов: свергая иго капиталистов, должны ли рабочие «сложить оружие» или использовать его против капиталистов, для того, чтобы сломить их сопротивление? А систематическое использование оружия одним классом против другого класса, — что это такое, как не «преходящая форма» государства?

Пусть каждый социал-демократ спросит себя: *так* ли ставил он вопрос о государстве в полемике с анархистами? *так* ли ставило этот вопрос огромное большинство официальных социалистических партий Второго Интернационала?

Энгельс еще гораздо подробнее и популярнее излагает те же мысли. Он высмеивает прежде всего путаницу мысли у прудонистов, которые звали себя «антиавторитаристами», т. е. отрицали всякий авторитет, всякое подчинение, всякую власть. Возьмите фабрику, железную дорогу, судно в открытом море — говорит Энгельс — разве не ясно, что без известного подчинения, следовательно, без известного авторитета или власти невозможно функционирование ни одного из этих сложных технических заведений, основанных на применении машин и планомерном сотрудничестве многих лиц?

...«Если я выдвигаю эти аргументы — пишет Энгельс — против самых отчаянных антиавторитаристов, то они могут дать мне лишь следующий

ответ: «А! это правда, но дело идет здесь не об авторитете, которым мы наделяем наших делегатов, *а об известном поручении*». Эти люди думают, что мы можем изменить известную вещь, если мы изменим ее имя»...

Показав таким образом, что авторитет и автономия понятия относительные, что область применения их меняется с различными фазами общественного развития, что за абсолюты принимать их нелепо, добавив, что область применения машин и крупного производства все расширяется, Энгельс переходит от общих рассуждений об авторитете к вопросу о государстве.

...«Если бы автономисты — пишет он — хотели сказать только, что социальная организация будущего будет допускать авторитет лишь в тех границах, которые с неизбежностью предписываются условиями производства, тогда с ними можно бы было столковаться. Но они слепы по отношению ко всем фактам, которые делают необходимым авторитет, и они борются страстно против слова.

«Почему антиавторитаристы не ограничиваются тем, чтобы кричать против политического авторитета, против государства? Все социалисты согласны в том, что государство, а вместе с ним и политический авторитет исчезнут вследствие будущей социальной революции; то-есть что общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами. Но антиавторитаристы требуют, чтобы политическое государство было отменено одним ударом, еще раньше, чем будут отменены те социальные отношения, которые породили его. Они требуют, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета.

«Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т.-е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не в праве ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом? Итак: или — или. Или авторитаристы не знают сами, что они говорят, и в этом случае они сеют лишь путаницу. Или они это знают, и в этом случае они изменяют делу пролетариата. В обоих случаях они служат только реакции» (стр. 39).

В этом рассуждении затронуты вопросы, которые следует рассмотреть в связи с темой о соотношении политики и экономики при отмирании государства (этой теме посвящена следующая глава). Таковы вопросы о превращении общественных функций из политических в простые административные и о «политическом государстве». Это последнее выражение, в особенности способное вызвать недоразумения, указывает на процесс отмирания государства: отмирающее государство на известной ступени его отмирания можно назвать неполитическим государством.

Наиболее замечательна в данном рассуждении Энгельса опять-таки постановка вопроса против анархистов. Социал-демократы, желающие быть учениками Энгельса, миллионы раз спорили с 1873-го года против анархистов, но спорили именно *не*так, как можно и должно спорить марксистам. Анархистское представление об отмене государства путанно и *нереволюционно,*— вот как ставил вопрос Энгельс. Анархисты именно революции-то в ее возникновении и развитии, в ее специфических задачах по отношению к насилию, авторитету, власти, государству видеть не хотят.

Обычная критика анархизма у современных социал-демократов свелась к чистейшей мещанской пошлости: «мы-де признаем государство, а анархисты нет!» Разумеется, такая пошлость не может не отталкивать сколько-нибудь мыслящих и революционных рабочих. Энгельс говорит иное: он подчеркивает, что все социалисты признают исчезновение государства, как следствие социалистической революции. Он ставит затем конкретно вопрос о революции, тот именно вопрос, который обычно социал-демократы из оппортунизма обходят, оставляя его, так сказать, на исключительную «разработку» анархистам. И, ставя этот вопрос, Энгельс берет быка за рога: не следовало ли Коммуне *больше* пользоваться *революционной* властью *государства*, т.-е. вооруженного, организованного в господствующий класс пролетариата?

Господствующая официальная социал-демократия от вопроса о конкретных задачах пролетариата в революции обыкновенно отделывалась либо просто насмешечкой филистера, либо, в лучшем случае, уклончиво софистическим: «там видно будет». И анархисты получали право говорить против такой социал-демократии, что она изменяет своей задаче революционного воспитания рабочих. Энгельс использует опыт последней пролетарской революции именно для самого конкретного изучения, что̀ и как следует делать пролетариату и по отношению к банкам и по отношению к государству.

3. ПИСЬМО К БЕБЕЛЮ.

Одним из самых замечательных, если не самым замечательным, рассуждением в сочинениях Маркса и Энгельса по вопросу о государстве является следующее место в письме Энгельса к Бебелю от 18—28 марта 1875 года. Письмо это, — заметим в скобках, — было напечатано, насколько мы знаем, впервые Бебелем во втором томе его мемуаров («Из моей жизни»), вышедшем в свет в 1911 году, т.-е. 36 лет спустя после его составления и отправки.

Энгельс писал Бебелю, критикуя тот самый проект Готской программы, который критиковал и Маркс в знаменитом письме к Браккэ, и касаясь специально вопроса о государстве, следующее:

...«Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов, свободное государство есть такое, в котором государство свободно по отношению к своим гражданам, т.-е. государство с деспотическим правительством. Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле. «Народным государством» анархисты кололи нам глаза более, чем достаточно, хотя уже сочинение Маркса против Прудона, а затем «Коммунистический Манифест» говорят прямо, что с введением социалистического общественного строя государство само собою распускается (sich auflöst) и исчезает. Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать. Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова *государство* слово: «община» (Gemeinwesen), прекрасное старое немецкое слово *), соответствующее французскому слову «коммуна» (стран. 322 немецкого оригинала).

Надо иметь в виду, что это письмо относится к партийной программе, которую Маркс критиковал в письме, помеченном всего несколькими неделями позже данного письма (письмо Маркса от 5 мая 1875 года), и что Энгельс жил тогда, вместе с Марксом, в Лондоне. Поэтому, говоря: «мы» в последней фразе, Энгельс, несомненно, от своего и Маркса имени предлагает вождю немецкой рабочей партии *выкинуть из программы* слово «государство» и заменить его словом «*община*».

Какой бы вой об «анархизме» подняли главари нынешнего, подделанного под удобства оппортунистов «марксизма», если бы им предложили такое исправление программы!

Пусть воют. За это их похвалит буржуазия.

А мы будем делать свое дело. При пересмотре программы нашей партии совет Энгельса и Маркса безусловно следует принять во внимание, чтобы быть ближе к истине, чтобы восстановить марксизм, очистив его от искажений, чтобы вернее направить борьбу рабочего класса за его освобождение. Среди большевиков, наверное, противников совета Энгельса и Маркса не найдется. Трудность будет, пожалуй, только в термине. По-немецки есть два слова: «община», из которых Энгельс выбрал такое, которое *не* означает отдельной общины, а совокупность их, систему общин. По-русски такого слова нет, и, может быть, придется выбрать французское слово «коммуна», хотя это тоже имеет свои неудобства.

---

*) В рукописи далее до конца абзаца следует: «которое очень хорошо может заменить французское слово «коммуна»». *Ред.*

«Коммуна не была уже государством в собственном смысле» — вот важнейшее, теоретически, утверждение Энгельса. После изложенного выше, это утверждение вполне понятно. Коммуна *переставала* быть государством, поскольку подавлять ей приходилось не большинство населения, а меньшинство (эксплуататоров); буржуазную государственную машину она разбила; вместо *особой* силы для подавления на сцену выдвигалось само население. Все это — отступления от государства в собственном смысле. И если бы Коммуна упрочилась, то в ней сами собой «отмерли» бы следы государства, ей бы не надо было «отменять» его учреждений: они перестали бы функционировать по мере того, как им становилось бы нечего делать.

«Анархисты колют нам глаза «народным государством»; говоря это, Энгельс имеет в виду прежде всего Бакунина и его нападки на немецких социал-демократов. Энгельс признает эти нападки *постольку* правильными, поскольку «народное государство» есть такая же бессмыслица и такое же отступление от социализма, как и «свободное народное государство». Энгельс старается поправить борьбу немецких социал-демократов против анархистов, сделать эту борьбу принципиально правильной, очистить ее от оппортунистических предрассудков насчет «государства». Увы! Письмо Энгельса 36 лет пролежало под спудом. Мы увидим ниже, что и после опубликования этого письма Каутский упорно повторяет, в сущности, те же ошибки, от которых предостерегал Энгельс.

Бебель ответил Энгельсу письмом от 21 сентября 1875 г., в котором он писал, между прочим, что «вполне согласен» с его суждением о проекте программы и что он упрекал Либкнехта за уступчивость (стр. 304 нем. издания мемуаров Бебеля, т. II). Но если взять брошюру Бебеля «Наши цели», то мы встретим в ней совершенно неверные рассуждения о государстве:

> «Государство должно быть превращено из основанного на *классовом господстве* государства в *народное государство*» (нем. изд. «Unsere Ziele», 1886, стр. 14).

Так напечатано в *девятом* (девятом!) издании брошюры Бебеля! Неудивительно, что столь упорное повторение оппортунистических рассуждений о государстве впитывалось немецкой социал-демократией, особенно когда революционные разъяснения Энгельса клались под спуд, а вся жизненная обстановка надолго «отучала» от революции.

4. КРИТИКА ПРОЕКТА ЭРФУРТСКОЙ ПРОГРАММЫ.

Критика проекта Эрфуртской программы, посланная Энгельсом Каутскому 29 июня 1891 года и опубликованная только десять лет спустя в «Neue Zeit», не может быть обойдена при раз-

боре учения марксизма о государстве, потому что она посвящена, главным образом, именно критике *оппортунистических* воззрений социал-демократии в вопросах *государственного* устройства [163]).

Мимоходом отметим, что по вопросам экономики Энгельс дает также одно замечательно ценное указание, которое показывает, как внимательно и вдумчиво следил он именно за видоизменениями новейшего капитализма и как сумел он поэтому предвосхитить в известной степени задачи нашей, империалистской, эпохи. Вот это указание: по поводу слова «отсутствие планомерности» (Planlosigkeit), употребленного в проекте программы для характеристики капитализма, Энгельс пишет:

...«Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности» («Neue Zeit», год 20, т. 1, 1901 — 1902, стр. 8).

Здесь взято самое *) основное в теоретической оценке новейшего капитализма, т.-е. империализма, именно, что капитализм превращается в монополистический *капитализм*. Последнее приходится подчеркнуть, ибо самой распространенной ошибкой является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический или государственно-монополистический капитализм *уже не* есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом» и тому подобное. Полной планомерности, конечно, тресты не давали, не дают до сих пор и не могут дать. Но поскольку они дают планомерность, поскольку магнаты капитала наперед учитывают размеры производства в национальном или даже интернациональном масштабе, поскольку они его планомерно регулируют, мы остаемся все же при *капитализме*, хотя и в новой его стадии, но, несомненно, при капитализме. «Близость» *такого* капитализма к социализму должна быть для действительных представителей пролетариата доводом за близость, легкость, осуществимость, неотложность социалистической революции, а вовсе не доводом за то, чтобы терпимо относиться к отрицанию этой революции и к подкрашиванью капитализма, чем занимаются все реформисты.

Но вернемся к вопросу о государстве. Троякого рода особенно ценные указания дает здесь Энгельс: во-первых, по вопросу о республике; во-вторых, о связи национального вопроса с устройством государства; в-третьих, о местном самоуправлении.

Что касается республики, то Энгельс сделал из этого центр тяжести своей критики проекта Эрфуртской программы. А если мы припомним, какое значение Эрфуртская программа приобрела во всей международной социал-демократии, как она стала образцом для всего Второго Интернационала, то без преувеличения

*) В рукописи: «именно». *Ред.*

можно будет сказать, что Энгельс критикует здесь оппортунизм всего Второго Интернационала.

«Политические требования проекта — пишет Энгельс — страдают большим недостатком. *В нем нет того* (курсив Энгельса), что̀ собственно следовало сказать».

И дальше поясняется, что германская конституция есть собственно слепок с реакционнейшей конституции 1850 года, что рейхстаг есть лишь, как выразился Вильгельм Либкнехт, «фиговый листок абсолютизма», что на основе конституции, узаконяющей *) мелкие государства и союз немецких мелких государств, хотеть осуществить «превращение всех орудий труда в общую собственность» — «очевидная бессмыслица».

«Касаться этой темы опасно»,— добавляет Энгельс, прекрасно знающий, что легально выставить в программе требование республики в Германии нельзя. Но Энгельс не мирится просто на просто с этим очевидным соображением, которым «все» удовлетворяются. Энгельс продолжает: «Но дело, тем не менее, так или иначе должно быть двинуто. До какой степени это необходимо, показывает именно теперь распространяющийся (einreissende) в большой части социал-демократической печати оппортунизм. Из боязни возобновления закона против социалистов, или вспоминая некоторые сделанные при господстве этого закона преждевременные заявления, хотят теперь, чтобы партия признала теперешний законный порядок в Германии достаточным для мирного осуществления всех ее требований»...

Что германские социал-демократы действовали из боязни возобновления исключительного закона, этот основной факт Энгельс выдвигает на первый план и, не обинуясь, называет его оппортунизмом, объявляя, именно в силу отсутствия республики и свободы в Германии, совершенно бессмысленными мечты о «мирном» пути. Энгельс достаточно осторожен, чтобы не связать себе рук. Он признает, что в странах с республикой или с очень большой свободой «можно себе представить» (только «представить»!) мирное развитие к социализму, но в Германии, повторяет он:

...«в Германии, где правительство почти всесильно, а рейхстаг и все другие представительные учреждения не имеют действительной власти,— в Германии провозглашать нечто подобное, и при том без всякой надобности, значит снимать фиговый листок с абсолютизма и самому становиться для прикрытия наготы»...

Прикрывателями абсолютизма действительно и оказались в громадном большинстве официальные вожди германской социал-демократической партии, которая положила «под сукно» эти указания.

...«Подобная политика может лишь, в конце концов, привести партию на ложный путь. На первый план выдвигают общие, абстрактные

*) В рукописи: «признающей». *Ред.*

политические вопросы и таким образом прикрывают ближайшие конкретные вопросы, которые сами собою становятся в порядок дня при первых же крупных событиях, при первом политическом кризисе. Что может выйти из этого, кроме того, что партия внезапно в решающий момент окажется беспомощной, что по решающим вопросам в ней господствует неясность и отсутствие единства, потому что эти вопросы никогда не обсуждались...

«Это забвение великих, коренных соображений из-за минутных интересов дня, эта погоня за минутными успехами и борьба из-за них без учета дальнейших последствий, это принесение будущего движения в жертву настоящему, может быть, происходит и из-за «честных» мотивов. Но это есть оппортунизм и остается оппортунизмом, а «честный» оппортунизм, пожалуй, опаснее всех других...

«Если что не подлежит никакому сомнению, так это то, что наша партия и рабочий класс могут придти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта последняя является даже специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже великая Французская революция»...

Энгельс повторяет здесь в особенно рельефной форме ту основную идею, которая красной нитью тянется через все произведения Маркса, именно, что демократическая республика есть ближайший подход к диктатуре пролетариата. Ибо такая республика, нисколько не устраняя господства капитала, а следовательно, угнетения масс и классовой борьбы, неизбежно ведет к такому расширению, развертыванию, раскрытию и обострению этой борьбы, что, раз возникает возможность удовлетворения коренных интересов угнетенных масс, эта возможность осуществляется неминуемо и единственно в диктатуре пролетариата, в руководстве этих масс пролетариатом. Для всего Второго Интернационала это—тоже «забытые слова» марксизма, и забвение их необычайно ярко обнаружила история партии меньшевиков за первое полугодие русской революции 1917-го года.

По вопросу о федеративной республике в связи с национальным составом населения Энгельс писал:

«Что должно встать на место теперешней Германии?» (с ее реакционной монархической конституцией и столь же реакционным делением на мелкие государства, делением, увековечивающим особенности «пруссачества», вместо того, чтобы растворить их в Германии, как целом). «По моему, пролетариат может употреблять лишь форму единой и неделимой республики. Федеративная республика является еще и теперь, в общем и целом, необходимостью на гигантской территории Соединенных Штатов, хотя на востоке их она уже становится помехой. Она была бы шагом вперед в Англии, где на двух островах живет четыре нации и, несмотря на единство парламента, существуют друг подле друга три системы законодательства. Она давно уже сделалась помехой в маленькой Швейцарии, и если там можно еще терпеть федеративную республику, то только потому, что Швейцария довольствуется ролью чисто пассивного члена европейской государственной системы. Для Германии федералистическое ошвейцарение ее было бы огромным шагом назад. Два пункта отличают союзное государство от вполне единого государства, именно, что каждое отдельное госу-

дарство, входящее в союз, имеет свое особое гражданское и уголовное законодательство, свое особое судоустройство, а затем то, что рядом с народной палатой существует палата представителей от государств, и в ней каждый кантон голосует, как таковой, независимо от того, велик он или мал». В Германии союзное государство есть переход к вполне единому государству, и «революцию сверху» 1866-го и 1870-го годов надо не поворачивать вспять, а дополнить «движением снизу».

Энгельс не только не обнаруживает равнодушия к вопросу о формах государства, а, напротив, с чрезвычайной тщательностью старается анализировать именно переходные формы, чтобы учесть, в зависимости от конкретно-исторических особенностей каждого отдельного случая, переходом *от чего к чему* данная переходная форма является.

Энгельс, как и Маркс, отстаивает, с точки зрения пролетариата и пролетарской революции, демократический централизм, единую и нераздельную республику. Федеративную республику он рассматривает либо как исключение и помеху развитию, либо как переход от монархии к централистической республике, как «шаг вперед» при известных особых условиях. И среди этих особых условий выдвигается национальный вопрос.

У Энгельса, как и у Маркса, несмотря на беспощадную критику ими реакционности мелких государств и прикрытия этой реакционности национальным вопросом в определенных конкретных случаях, нигде нет и тени стремления отмахнуться от национального вопроса, стремления, которым часто грешат голландские и польские марксисты, исходящие из законнейшей борьбы против мещански-узкого национализма «своих» маленьких государств.

Даже в Англии, где и географические условия, и общность языка, и история многих сотен лет, казалось бы, «покончила» с национальным вопросом отдельных мелких делений Англии, даже здесь Энгельс учитывает ясный факт, что национальный вопрос еще не изжит, и потому признает федеративную республику «шагом вперед». Разумеется, тут нет ни тени отказа от критики недостатков федеративной республики и от самой решительной пропаганды и борьбы за единую, централистически-демократическую республику.

Но централизм демократический Энгельс понимает отнюдь не в том бюрократическом смысле, в котором употребляют это понятие буржуазные и мелкобуржуазные идеологи, анархисты в числе последних. Централизм для Энгельса нисколько не исключает такого широкого местного самоуправления, которое, при добровольном отстаивании «коммунами» и областями единства государства, устраняет всякий бюрократизм и всякое «командование» сверху безусловно.

...«Итак, единая республика» — пишет Энгельс, развивая программные взгляды марксизма на государство — «но не в смысле теперешней

французской республики, которая представляет из себя не больше, чем основанную в 1798 году империю без императора. С 1792 по 1798 год каждый французский департамент, каждая община (Gemeinde) пользовались полным самоуправлением по американскому образцу, и это должны иметь и мы. Как следует организовать самоуправление и как можно обойтись без бюрократии, это показала и доказала нам Америка и первая французская республика, а теперь еще показывают Канада, Австралия и другие английские колонии. И такое провинциальное (областное) и общинное самоуправление—гораздо более свободные учреждения, чем, напр., швейцарский федерализм, где, правда, кантон очень независим по отношению к бунду» (т.-е. к федеративному государству в целом), «но независим также и по отношению к уезду (бецирку) и по отношению к общине. Кантональные правительства назначают уездных исправников (штатгальтеров) и префектов, чего совершенно нет в странах английского языка и что мы у себя в будущем так же решительно должны устранить, как и прусских ландратов и регирунгсратов» (комиссаров, исправников, губернаторов, вообще чиновников, назначаемых сверху). Энгельс предлагает соответственно этому формулировать пункт программы о самоуправлении следующим образом: «Полное самоуправление в провинции» (губернии или области), «уезде и общине чрез чиновников, избранных всеобщим избирательным правом; отмена всех местных и провинциальных властей, назначаемых государством».

В закрытой правительством Керенского и других «социалистических» министров «Правде» (№ 68, от 28 мая 1917 года *)) мне уже случалось указывать, как в этом пункте — разумеется, далеко не в нем одном — наши якобы социалистические представители якобы революционной якобы демократии совершали вопиющие отступления *от демократизма*. Понятно, что люди, связавшие себя «коалицией» с империалистской буржуазией, оставались глухи к этим указаниям.

Крайне важно отметить, что Энгельс с фактами в руках, на самом точном примере, опровергает чрезвычайно распространенный, особенно среди мелкобуржуазной демократии, предрассудок, будто федеративная республика означает непременно больше свободы, чем централистическая. Это неверно. Факты, приводимые Энгельсом относительно централистической французской республики 1792—1798 г.г. и федералистической швейцарской, опровергают это. Свободы *больше* давала действительно демократическая централистическая республика, чем федералистическая. Или иначе: *наибольшая* местная, областная и пр. свобода, известная в истории, дана была *централистической*, а не федеративной республикой.

На этот факт, как и на весь вообще вопрос о федеративной и централистической республике и о местном самоуправлении, в нашей партийной пропаганде и агитации обращалось и обращается недостаточно внимания.

---

*) См. XX том Сочинений, стр. 437. *Ред.*

5. ПРЕДИСЛОВИЕ 1891-го ГОДА К «ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ» МАРКСА.

В предисловии к 3-му изданию «Гражданской войны во Франции» — это предисловие помечено 18-м марта 1891 года и первоначально было напечатано в журнале «Neue Zeit» — Энгельс, рядом с интересными мимоходными замечаниями по вопросам, связанным с отношением к государству, дает замечательно рельефную сводку уроков Коммуны. Эта сводка, углубленная всем опытом двадцатилетнего периода, отделявшего автора от Коммуны, и специально направленная против распространенной в Германии «суеверной веры в государство», может быть по справедливости названа *последним словом* марксизма по рассматриваемому вопросу.

«Во Франции, — отмечает Энгельс, — после каждой революции рабочие бывали вооружены; поэтому для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разоружение рабочих. Отсюда — после каждой, завоеванной рабочими, революции новая борьба, которая оканчивается поражением рабочих» [164])...

Итог опыта буржуазных революций столь же краткий, сколь выразительный. Суть дела — между прочим и по вопросу о государстве *(есть ли оружие у угнетенного класса?)* — схвачена здесь замечательно. Именно эту суть чаще всего и обходят как профессора, находящиеся под влиянием буржуазной идеологии, так и мелкобуржуазные демократы. В русской революции 1917-го года «меньшевику», «тоже-марксисту» Церетели выпала честь (кавеньяковская честь) выболтать эту тайну буржуазных революций. В своей «исторической» речи 9-го июня Церетели проговорился о решимости буржуазии разоружить питерских рабочих, выдавая, конечно, это решение и за свое, и за «государственную» необходимость вообще [165])!

Историческая речь Церетели от 9-го июня будет, конечно, для всякого историка революции 1917 года одной из нагляднейших иллюстраций того, как предводимый господином Церетели блок эс-эров и меньшевиков перешел на сторону буржуазии *против* революционного пролетариата.

Другое мимоходное замечание Энгельса, тоже связанное с вопросом о государстве, относится к религии. Известно, что германская социал-демократия, по мере того, как она загнивала, становясь все более оппортунистической, чаще и чаще скатывалась к филистерскому кривотолкованию знаменитой формулы: «объявление религии частным делом». Именно: эта формула истолковывалась так, будто *и для партии* революционного пролетариата вопрос о религии есть частное дело!! Против этой полной измены революционной программе пролетариата и восстал Энгельс, который в 1891 году наблюдал только *самые слабые* зачатки

оппортунизма в своей партии и который выражался поэтому наиболее осторожно:

«Соответственно тому, что в Коммуне заседали почти исключительно рабочие или признанные представители рабочих, и постановления ее отличались решительно пролетарским характером. Либо эти постановления декретировали такие реформы, от которых республиканская буржуазия отказалась только из подлой трусости и которые составляют необходимую основу для свободной деятельности рабочего класса. Таково проведение в жизнь принципа, что *по отношению к государству* религия является просто частным делом. Либо Коммуна издавала постановления, прямо лежащие в интересах рабочего класса и которые отчасти глубоко врезывались в старый общественный порядок»...

Энгельс подчеркнул слова «по отношению к государству» умышленно, направляя удар не в бровь, а в глаз немецкому оппортунизму, объявлявшему религию частным делом *по отношению к партии* и таким образом принижавшему партию революционного пролетариата до уровня пошлейшего «свободомыслящего» мещанства, готового допустить вневероисповедное состояние, но отрекавшегося от задачи *партийной* борьбы против религиозного опиума, оглупляющего народ.

Будущий историк германской социал-демократии, прослеживая корни ее позорного краха в 1914 году, найдет немало интересного материала по этому вопросу, начиная от уклончивых, открывающих настежь дверь оппортунизму, заявлений в статьях идейного вождя партии, Каутского, и кончая отношением партии к «Los-von-Kirche-Bewegung» (движению к отделению от церкви) в 1913 году.

Но перейдем к тому, как Энгельс двадцать лет спустя после Коммуны подытоживал ее уроки борющемуся пролетариату.

Вот какие уроки выдвигал на первый план Энгельс:

...«Именно та угнетающая власть прежнего централизованного правительства, армия, политическая полиция, бюрократия, которую Наполеон создал в 1798 году и которую с тех пор каждое новое правительство перенимало, как желательное орудие, и использовывало его против своих противников, именно эта власть должна была пасть всюду во Франции, как пала она в Париже.

«Коммуна должна была с самого начала признать, что рабочий класс, придя к господству, не может дальше хозяйничать со старой государственной машиной; что рабочий класс, дабы не потерять снова своего только что завоеванного господства, должен, с одной стороны, устранить всю старую, доселе употреблявшуюся против него, машину угнетения, а, с другой стороны, должен обеспечить себя против своих собственных депутатов и чиновников, объявляя их всех, без всякого исключения, сменяемыми в любое время»...

Энгельс подчеркивает еще и еще раз, что не только в монархии, но *и в демократической республике* государство остается государством, т. е. сохраняет свою основную отличительную черту:

превращать должностных лиц, «слуг общества», органы его в *господ* над ним.

...«Против этого, неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах, превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом Коммуна применила два безошибочных средства. Во-первых, она назначала на все должности, по управлению, по суду, по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отозвать этих выборных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие. Самое высокое жалованье, которое вообще платила Коммуна, было 6.000 франков *). Таким образом была создана надежная помеха погоне за местечками и карьеризму, даже и независимо от императивных мандатов депутатам в представительные учреждения, введенных Коммуной сверх того»...

Энгельс подходит здесь к той интересной грани, где последовательная демократия, с одной стороны, *превращается* в социализм, а с другой стороны, где она *требует* социализма. Ибо для уничтожения государства необходимо превращение функций государственной службы в такие простые операции контроля и учета, которые доступны, подсильны громадному большинству населения, а затем и всему населению поголовно. А полное устранение карьеризма требует, чтобы «почетное», хотя и бездоходное, местечко на государственной службе *не* могло служить мостиком для перепрыгиванья на высокодоходные должности в банках и в акционерных обществах, как это бывает *постоянно* во всех свободнейших капиталистических странах.

Но Энгельс не делает той ошибки, которую делают, напр., иные марксисты по вопросу о праве наций на самоопределение: дескать, при капитализме оно невозможно, а при социализме излишне. Подобное, якобы остроумное, а на деле неверное, рассуждение можно бы повторить про *любое* демократическое учреждение, и про скромное жалованье чиновникам в том числе, ибо до конца последовательный демократизм при капитализме невозможен, а при социализме *отомрет* всякая демократия.

Это — софизм, похожий на ту старую шутку, станет ли человек лысым, если у него будет волос меньше на один волос.

Развитие демократии *до конца*, изыскание *форм* такого развития, испытание их *практикой* и т. д. — все это есть одна из составных задач борьбы за социальную революцию. Отдельно взятый, никакой демократизм не даст социализма, но в жизни демократизм никогда не будет «взят отдельно», а будет «взят вместе»,

*) Номинально это дает около 2.400 руб., а по теперешнему курсу около 6.000 рублей. Совершенно непростительно поступают те большевики, которые предлагают, напр., в городских думах жалованье по 9.000 руб., не предлагая ввести *для всего государства* максимум 6.000 руб., — сумма достаточная [166]).

оказывать свое влияние и на экономику, подталкивать *ее* преобразование, подвергаться влиянию экономического развития и т. д. Такова диалектика живой истории.

Энгельс продолжает:

...«Этот взрыв (Sprengung) старой государственной власти и ее замена новою, поистине демократическою, подробно описаны в третьем отделе «Гражданской войны». Но вкратце остановиться еще раз на некоторых чертах этой замены было здесь необходимо, потому что как раз в Германии суеверная вера в государство перешла из философии в общее сознание буржуазии и даже многих рабочих. По учению философов, государство есть «осуществление идеи» или, переведенное на философский язык, царство божие на земле, государство является таким поприщем, на котором осуществляется или должна осуществиться вечная истина и справедливость. А отсюда вытекает суеверное почтение к государству и ко всему тому, что̀ имеет отношение к государству, — суеверное почтение, которое тем легче укореняется, что люди привыкают с детства думать, будто дела и интересы, общие всему обществу, не могут быть иначе выполняемы и охраняемы, как прежним способом, т.-е. через посредство государства и его награжденных доходными местечками чиновников. Люди воображают, что делают необыкновенно сильный шаг вперед, если они отделываются от веры в наследственную монархию и становятся сторонниками демократической республики. В действительности же, государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии. И в лучшем случае государство есть зло, которое по наследству передается пролетариату, одержавшему победу в борьбе за классовое господство; победивший пролетариат, так же, как и Коммуна, вынужден будет немедленно отсечь худшие стороны этого зла, до тех пор пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности».

Энгельс предостерегал немцев, чтобы они по случаю замены монархии республикой не забыли основ социализма по вопросу о государстве вообще. Его предостережения читаются теперь, как прямой урок господам Церетели и Черновым, проявившим в своей «коалиционной» практике суеверную веру в государство и суеверное почтение к нему!

Еще два замечания. 1) Если Энгельс говорит, что при демократической республике «ничуть не меньше», чем при монархии, государство остается «машиной для угнетения одного класса другим», то это вовсе не значит, чтобы *форма* угнетения была для пролетариата безразлична, как «учат» иные анархисты. Более широкая, более свободная, более открытая *форма* классовой борьбы и классового угнетения дает пролетариату гигантское облегчение в борьбе за уничтожение классов вообще.

2) Почему только новое поколение в состоянии будет совсем выкинуть вон весь этот хлам государственности, — этот вопрос связан с вопросом о преодолении демократии, к которому мы и переходим.

6. ЭНГЕЛЬС О ПРЕОДОЛЕНИИ ДЕМОКРАТИИ.

Энгельсу пришлось высказаться об этом в связи с вопросом о *научной* неправильности названия «социал-демократ».

В предисловии к изданию своих статей 1870-х годов на разные темы, преимущественно «интернационального» содержания («Internationales aus dem Volksstaat» *))—предисловии, помеченном 3 января 1894 года, т.-е. написанном за полтора года до смерти Энгельса, он писал, что во всех статьях употребляется слово «коммунист», *а не* «социал-демократ», ибо тогда социал-демократами называли себя прудонисты во Франции, лассалеанцы в Германии.

...«Для Маркса и для меня — продолжает Энгельс — было поэтому чистейшей невозможностью употреблять для обозначения специально нашей точки зрения выражение столь растяжимое. В настоящее время дело обстоит иначе, и это слово («социал-демократ») может, пожалуй, сойти (mag passieren), хотя оно и остается неточным (unpassend, неподходящим) для такой партии, экономическая программа которой не является просто социалистической вообще, а прямо коммунистической, — для партии, политическая конечная цель которой есть преодоление всего государства, а следовательно, также и демократии. Названия *действительных* (курсив Энгельса) политических партий, однако, никогда вполне не соответствуют им; партия развивается, название остается».

Диалектик Энгельс на закате дней остается верен диалектике. У нас с Марксом, говорит он, было прекрасное, научно-точное, название партии, но не было действительной, т.-е. массовой пролетарской партии. Теперь (конец XIX века) есть действительная партия, но ее название научно неверно. Ничего, «сойдет», лишь бы партия *развивалась*, лишь бы научная неточность ее названия не была от нее скрыта и не мешала ей развиваться в верном направлении!

Пожалуй, иной шутник и нас, большевиков, стал бы утешать по-энгельсовски: у нас есть действительная партия, она развивается отлично; «сойдет» **) и такое бессмысленное, уродливое слово, как «большевик», не выражающее абсолютно ничего, кроме того чисто случайного обстоятельства, что на Брюссельско-Лондонском съезде 1903 года мы имели большинство... Может быть, теперь, когда июльские и августовские преследования нашей партии республиканцами и «революционной» мещанской демократией сделали слово «большевик» таким всенародно почетным, когда они ознаменовали кроме того столь громадный, исторический шаг вперед, сделанный нашей партией в ее *действительном* развитии, может быть, и я поколебался бы в своем

*) «На международные темы из «Народного Государства»». *Ред.*
**) В рукописи: «даже». *Ред.*

апрельском предложении изменить название нашей партии. Может быть, я предложил бы своим товарищам «компромисс»: назваться коммунистической партией, а в скобках оставить слово большевики...

Но вопрос о названии партии несравненно менее важен, чем вопрос об отношении революционного пролетариата к государству.

В обычных рассуждениях о государстве постоянно делается та ошибка, от которой здесь предостерегает Энгельс и которую мы отмечали мимоходом в предыдущем изложении. Именно: постоянно забывают, что уничтожение государства есть уничтожение также и демократии, что отмирание государства есть отмирание демократии.

На первый взгляд такое утверждение представляется крайне странным и непонятным; пожалуй, даже возникнет у кого-либо опасение, не ожидаем ли мы пришествия такого общественного устройства, когда не будет соблюдаться принцип подчинения меньшинства большинству, ибо ведь демократия это и есть признание такого принципа?

Нет. Демократия *не* тождественна с подчинением меньшинства большинству. Демократия есть признающее подчинение меньшинства большинству *государство*, т.-е. организация для систематического *насилия* одного класса над другим, одной части населения над другою.

Мы ставим своей конечной целью уничтожение государства, т.-е. всякого организованного и систематического насилия, всякого насилия над людьми вообще. Мы не ждем пришествия такого общественного порядка, когда бы не соблюдался принцип подчинения меньшинства большинству. Но, стремясь к социализму, мы убеждены, что он будет перерастать в коммунизм, а в связи с этим будет исчезать всякая надобность в насилии над людьми вообще, в *подчинении* одного человека другому, одной части населения другой его части, ибо люди *привыкнут* к соблюдению элементарных условий общественности *без насилия* и *без подчинения*.

Чтобы подчеркнуть этот элемент привычки, Энгельс и говорит о новом *поколении*, «выросшем в новых, свободных, общественных условиях, которое окажется в состоянии совершенно выкинуть вон весь этот хлам государственности»,—всякой государственности, в том числе и демократически - республиканской государственности.

Для пояснения этого требуется разбор вопроса об экономических основах отмирания государства.

ГЛАВА V.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОТМИРАНИЯ ГОСУДАРСТВА.

Самое обстоятельное разъяснение этого вопроса дано Марксом в его «Критике Готской программы» (письмом к Бракке) от 5 мая 1875 года, напечатанное только в 1891 году в «Neue Zeit», IX, 1, и вышедшее по-русски отдельным изданием) [167]. Полемическая часть этого замечательного произведения, состоящая в критике лассалеанства, затенила, так сказать, его положительную часть, именно: анализ связи между развитием коммунизма и отмиранием государства.

1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА МАРКСОМ.

При поверхностном сравнении письма Маркса к Бракке от 5 мая 1875 года и рассмотренного выше письма Энгельса к Бебелю от 28 марта 1875 года может показаться, что Маркс гораздо более «государственник», чем Энгельс, и что различие между взглядами обоих писателей на государство очень значительное.

Энгельс предлагает Бебелю вовсе бросить болтовню о государстве, изгнать совершенно слово государство из программы, заменив его словом «община»; Энгельс заявляет даже, что Коммуна не была уже государством в собственном смысле. Между тем Маркс говорит даже о «будущей государственности коммунистического общества», т.-е. как будто бы признает необходимость государства даже при коммунизме.

Но подобный взгляд был бы в корне неправилен. Ближайшее рассмотрение показывает, что взгляды Маркса и Энгельса на государство и его отмирание вполне совпадают, а приведенное выражение Маркса относится именно к этой *отмирающей* государственности.

Ясно, что не может быть и речи об определении момента *будущего* «отмирания», тем более, что оно представляет из себя заведомо процесс длительный. Кажущееся различие между Марксом и Энгельсом объясняется различием тем, которые они себе брали, задач, которые они преследовали. Энгельс ставил задачей наглядно, резко, в крупных штрихах показать Бебелю всю нелепость ходячих (и разделявшихся Лассалем в немалой степени) предрассудков насчет государства. Маркс только мимоходом касается *этого* вопроса, интересуясь другой темой: *развитием* коммунистического общества.

Вся теория Маркса есть применение теории развития—в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме — к современному капитализму. Естественно, что

для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к *предстоящему* краху капитализма и к *будущему* развитию *будущего* коммунизма.

На основании каких же *данных* можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма?

На основании того, что он *происходит* из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая *рождена* капитализмом. У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, попустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется.

Маркс прежде всего отметает прочь ту путаницу, которая Готской программой вносится в вопрос о соотношении государства и общества.

...«Современное общество — пишет он — есть капиталистическое общество, которое существует во всех цивилизованных странах, более или менее свободное от примеси средневековья, более или менее видоизмененное особенностями исторического развития каждой страны, более или менее развитое. Напротив того, «современное государство» меняется с каждой государственной границей. В прусско-германской империи оно совершенно иное, чем в Швейцарии, в Англии совершенно иное, чем в Соедин. Штатах. «Современное государство» есть, следовательно, фикция.

«Однако, несмотря на пестрое разнообразие их форм, различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о «современной государственности» в противоположность тому будущему, когда отомрет теперешний ее корень, буржуазное общество.

«Вопрос ставится затем так: какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе? Другими словами: какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним государственным функциям? На этот вопрос можно ответить только научно; и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово «народ» со словом «государство», это ни капельки не подвинет его разрешения»...

Высмеяв таким образом все разговоры о «народном государстве», Маркс дает постановку вопроса и как бы предостерегает, что для научного ответа на него можно оперировать только твердо установленными научными данными.

Первое, что̀ установлено вполне точно всей теорией развития, всей наукой вообще,—и что̀ забывали утописты, что̀ забывают нынешние оппортунисты, боящиеся социалистической революции,—это то обстоятельство, что исторически несомненно должна быть особая стадия или особый этап *перехода* от капитализма к коммунизму.

2. ПЕРЕХОД ОТ КАПИТАЛИЗМА К КОММУНИЗМУ.

...«Между капиталистическим и коммунистическим обществом — продолжает Маркс — лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ни чем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»...

Этот вывод покоится у Маркса на анализе той роли, которую играет пролетариат в современном капиталистическом обществе, на данных о развитии этого общества и о непримиримости противоположных интересов пролетариата и буржуазии.

Раньше вопрос ставился так: чтобы добиться своего освобождения, пролетариат должен свергнуть буржуазию, завоевать политическую власть, установить свою революционную диктатуру.

Теперь вопрос ставится несколько иначе: переход от капиталистического общества, развивающегося к коммунизму, в коммунистическое общество невозможен без «политического переходного периода», и государством этого периода может быть лишь революционная диктатура пролетариата.

Каково же отношение этой диктатуры к демократии?

Мы видели, что «Коммунистический Манифест» ставит просто рядом два понятия: «превращение пролетариата в господствующий класс» и «завоевание демократии». На основании всего изложенного выше можно точнее определить, как изменяется демократия в переходе от капитализма к коммунизму.

В капиталистическом обществе, при условии наиболее благоприятного развития его, мы имеем более или менее полный демократизм в демократической республике. Но этот демократизм всегда сжат тесными рамками капиталистической эксплуатации и всегда остается поэтому, в сущности, демократизмом для меньшинства, только для имущих классов, только для богатых. Свобода капиталистического общества всегда остается приблизительно такой же, какова была свобода в древних греческих республиках: свобода для рабовладельцев. Современные наемные рабы, в силу условий капиталистической эксплуатации, остаются настолько задавленными нуждой и нищетой, что им «не до демократии», «не до политики», что при обычном, мирном течении событий большинство населения от участия в общественно-политической жизни отстранено.

Правильность этого утверждения всего нагляднее, может быть, подтверждается Германией именно потому, что в этом государстве конституционная легальность продержалась удивительно долго и устойчиво почти полвека (1871—1914), а социал-демократия за это время гораздо больше, чем в других странах, сумела сделать

для «использования легальности» и для организации такой высокой доли рабочих в политическую партию, как нигде в свете.

Какова же эта наиболее высокая из наблюдавшихся в капиталистическом обществе доля политически сознательных и деятельных наемных рабов? Один миллион членов партии социал-демократов — из 15 миллионов наемных рабочих! Три миллиона профессионально организованных — из 15 миллионов!

Демократия для ничтожного меньшинства, демократия для богатых, вот каков демократизм капиталистического общества. Если присмотреться поближе к механизму капиталистической демократии, то мы увидим везде и повсюду, и в «мелких», якобы мелких, подробностях избирательного права (ценз оседлости, исключение женщин и т. д.), и в технике представительных учреждений, и в фактических препонах праву собраний (общественные здания не для «нищих»!), и в чисто капиталистической организации ежедневной прессы и так далее, и так далее, мы увидим ограничения да ограничения демократизма. Эти ограничения, изъятия, исключения, препоны для бедных кажутся мелкими, особенно на глаз того, кто сам никогда нужды не видал и с угнетенными классами в их массовой жизни близок не был (а таково девять десятых, если не девяносто девять сотых буржуазных публицистов и политиков), — но в сумме взятые эти ограничения исключают, выталкивают бедноту из политики, из активного участия в демократии.

Маркс великолепно схватил эту *суть* капиталистической демократии, сказав в своем анализе опыта Коммуны: угнетенным раз в несколько лет позволяют решать, какой именно из представителей угнетающего класса будет в парламенте представлять и подавлять их!

Но от этой капиталистической демократии, неизбежно узкой, тайком отталкивающей бедноту, а поэтому насквозь лицемерной и лживой, развитие вперед не идет просто, прямо и гладко, «ко все большей и большей демократии», как представляют дело либеральные профессора и мелкобуржуазные оппортунисты. Нет. Развитие вперед, т.-е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не может, ибо *сломить сопротивление* эксплуататоров капиталистов больше некому и иным путем нельзя.

А диктатура пролетариата, т.-е. организация авангарда угнетенных в господствующий класс для подавления угнетателей, не может дать просто только расширения демократии. *Вместе* с громадным расширением демократизма, *впервые* становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких, диктатура пролетариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам, капиталистам. Их мы должны подавить, чтобы освободить человечество

от наемного рабства, их сопротивление надо сломить силой, — ясно, что там, где есть подавление, есть насилие, нет свободы, нет демократии.

Энгельс прекрасно выразил это в письме к Бебелю, сказав, как вспомнит читатель, что «пролетариат нуждается в государстве не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда можно будет говорить о свободе, не будет государства».

Демократия *для* гигантского большинства народа и подавление силой, т.-е. исключение из демократии, эксплуататоров, угнетателей народа, — вот каково видоизменение демократии при *переходе* от капитализма к коммунизму.

Только в коммунистическом обществе, когда сопротивление капиталистов уже окончательно сломлено, когда капиталисты исчезли, когда нет классов (т.-е. нет различия между членами общества по их отношению к общественным средствам производства), *только* тогда «исчезает государство и *можно говорить о свободе*». Только тогда возможна и будет осуществлена демократия действительно полная, действительно без всяких изъятий. И только тогда демократия начнет *отмирать* в силу того простого обстоятельства, что, избавленные от капиталистического рабства, от бесчисленных ужасов, дикостей, нелепостей, гнусностей капиталистической эксплуатации, люди постепенно *привыкнут* к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, *без особого аппарата* для принуждения, который называется государством.

Выражение «государство *отмирает*» выбрано очень удачно, ибо оно указывает и на постепенность процесса и на стихийность его. Только привычка может оказать и несомненно окажет такое действие, ибо мы кругом себя наблюдаем миллионы раз, как легко привыкают люди к соблюдению необходимых для них правил общежития, если нет эксплуатации, если нет ничего такого, что̀ возмущает, вызывает протест и восстание, создает необходимость *подавления*.

Итак: в капиталистическом обществе мы имеем демократию урезанную, убогую, фальшивую, демократию только для богатых, для меньшинства. Диктатура пролетариата, период перехода к коммунизму, впервые даст демократию для народа, для большинства, на ряду с необходимым подавлением меньшинства, эксплуататоров. Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собою.

Другими словами: при капитализме мы имеем государство в собственном смысле слова, особую машину для подавления одного класса другим и притом большинства меньшинством. Понятно,

что для успеха такого дела, как систематическое подавление меньшинством эксплуататоров большинства эксплуатируемых, нужно крайнее свирепство, зверство подавления, нужны моря крови, через которые человечество и идет свой путь в состоянии рабства, крепостничества, наемничества.

Далее, при *переходе* от капитализма к коммунизму подавление *еще* необходимо, но уже подавление меньшинства эксплуататоров большинством эксплуатируемых. Особый аппарат, особая машина для подавления, «государство» *еще* необходимо, но это уже переходное государство, это уже не государство в собственном смысле, ибо подавление меньшинства эксплуататоров большинством *вчерашних* наемных рабов дело настолько сравнительно легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле. И оно совместимо с распространением демократии на такое подавляющее большинство населения, что надобность в *особой машине* для подавления начинает исчезать. Эксплуататоры, естественное дело, не в состоянии подавить народа без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, но *народ* подавить эксплуататоров может и при очень простой «машине», почти что без «машины», без особого аппарата, простой *организацией вооруженных масс* (вроде Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, заметим, забегая вперед).

Наконец, только коммунизм создает полную ненадобность государства, ибо *некого* подавлять, «некого» в смысле *класса*, в смысле систематической борьбы с определенной частью населения. Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов *отдельных лиц*, а равно необходимости подавлять *такие* эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной. А, во-вторых, мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении *) правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут «*отмирать*». Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием *отомрет* и государство.

Маркс, не пускаясь в утопии, определил подробнее то, что̀ можно *теперь* определить относительно этого будущего, именно: различие низшей и высшей фазы (степени, этапа) коммунистического общества.

---

*) В рукописи далее следует: «основных». *Ред.*

3. ПЕРВАЯ ФАЗА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

В «Критике Готской программы» Маркс опровергает подробно лассалевскую идею о получении рабочим при социализме «неурезанного» или «полного продукта труда». Маркс показывает, что из всего общественного труда всего общества необходимо вычесть и резервный фонд, и фонд на расширение производства, и возмещение «сношенных» машин и т. п., а затем из предметов потребления фонд на издержки управления, на школы, больницы, приюты престарелых и т. п.

Вместо туманной, неясной, общей фразы Лассаля («полный продукт труда — рабочему») Маркс дает трезвый учет того, как именно социалистическое общество вынуждено будет хозяйничать. Маркс подходит к *конкретному* анализу условий жизни такого общества, в котором не будет капитализма, и говорит при этом:

«Мы имеем здесь дело» (при разборе программы рабочей партии) «не с таким коммунистическим обществом, которое *развилось* на своей собственной основе, а с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, носит еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло».

Вот это коммунистическое общество, которое только что вышло на свет божий из недр капитализма, которое носит во всех отношениях отпечаток старого общества, Маркс и называет «первой» или низшей фазой коммунистического общества.

Средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество продуктов. За вычетом того количества труда, которое идет на общественный фонд, каждый рабочий, следовательно, получает от общества столько же, сколько он ему дал.

Царствует как будто бы «равенство».

Но когда Лассаль говорит, имея в виду такие общественные порядки (обычно называемые социализмом, а у Маркса носящие название первой фазы коммунизма), что это «справедливое распределение», что это «равное право каждого на равный продукт труда», то Лассаль ошибается, и Маркс разъясняет его ошибку.

«Равное право» — говорит Маркс — мы здесь действительно имеем, но это *еще* «буржуазное право», которое, как и всякое право, *предполагает неравенство*. Всякое право есть применение *одинакового* масштаба к *различным* людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу; и потому «равное право» есть нарушение равенства и несправедливость». В самом деле, каждый получает, отработав равную с другим долю общественного труда, равную долю общественного производства *) (за указанными вычетами).

А между тем отдельные люди не равны, один сильнее, другой слабее; один женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и т. д.

...«При равном труде, — заключает Маркс — следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и т. д. Чтобы избежать всего этого, право, вместо того, чтобы быть равным, должно бы быть неравным»...

Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся и различия несправедливые, но невозможна будет *эксплуатация* человека человеком, ибо нельзя захватить *средства производства*, фабрики, машины, землю и проч. в частную собственность. Разбивая мелкобуржуазно неясную фразу Лассаля о «равенстве» и «справедливости» *вообще*, Маркс показывает *ход развития* коммунистического общества, которое *вынуждено* сначала уничтожить *только* ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое *не в состоянии* сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям).

Вульгарные экономисты, в том числе буржуазные профессора, в том числе «наш» Туган, постоянно упрекают социалистов, будто они забывают о неравенстве людей и «мечтают» уничтожить это неравенство. Такой упрек, как видим, доказывает только крайнее невежество г.г. буржуазных идеологов.

Маркс не только точнейшим образом учитывает неизбежное неравенство людей, он учитывает также то, что один еще переход средств производства в общую собственность всего общества («социализм» в обычном словоупотреблении) *не устраняет* недостатков распределения и неравенства «буржуазного права», которое *продолжает господствовать*, поскольку продукты делятся «по работе».

...«Но эти недостатки — продолжает Маркс — неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит, после

*) В рукописи: «продукта». *Ред.*

долгих мук родов, из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»...

Таким образом, в первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) «буржуазное право» отменяется *не* вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т.-е. лишь по отношению к средствам производства. «Буржуазное право» признает их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их *общей* собственностью. *Постольку* — и лишь постольку — «буржуазное право» отпадает.

Но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора (определителя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества. «Кто не работает, тот не должен есть», этот социалистический принцип *уже* осуществлен; «за равное количество труда равное количество продукта» — и этот социалистический принцип *уже* осуществлен. Однако, это еще не коммунизм, и это еще не устраняет «буржуазного права», которое неравным людям за неравное (фактически неравное) количество труда дает равное количество продукта.

Это — «недостаток», говорит Маркс, но он неизбежен в первой фазе коммунизма, ибо, не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество *без всяких норм права*, да и экономических предпосылок *такой* перемены отмена капитализма *не дает сразу*.

А других норм, кроме «буржуазного права», нет. И постольку остается еще необходимость в государстве, которое бы, охраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта.

Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, классов уже нет, *подавлять* поэтому какой бы то ни было *класс* нельзя.

Но государство еще не отмерло совсем, ибо остается охрана «буржуазного права», освящающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм.

4. ВЫСШАЯ ФАЗА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

Маркс продолжает:

...«На высшей фазе коммунистического общества после того, как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием

индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям»».

Только теперь мы можем оценить всю правильность замечаний Энгельса, когда он беспощадно издевался над нелепостью соединения слов: «свобода» и «государство». Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства.

Экономической основой полного отмирания государства является такое высокое развитие коммунизма, при котором исчезает противоположность умственного и физического труда, исчезает, следовательно, один из важнейших источников современного *общественного* неравенства и притом такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя.

Эта экспроприация даст *возможность* гигантского развития производительных сил. И, видя, как теперь уже капитализм невероятно *задерживает* это развитие, как многое можно было бы двинуть вперед на базе современной, уже достигнутой, техники, мы в праве с полнейшей уверенностью сказать, что экспроприация капиталистов неизбежно даст гигантское развитие производительных сил человеческого общества. Но как скоро пойдет это развитие дальше, как скоро дойдет оно до разрыва с разделением труда, до уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, до превращения труда в «первую жизненную потребность», этого мы не знаем и знать *не можем.*

Поэтому мы и в праве говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития *высшей фазы* коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материалу для решения таких вопросов *нет.*

Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по потребностям», т.-е. когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться *по способностям.* «Узкий горизонт буржуазного права», заставляющий высчитывать, с черствостью Шейлока, не переработать бы лишних получаса против другого, не получить бы меньше платы, чем другой, этот узкий горизонт будет тогда перейден. Распределение продуктов не будет требовать тогда нормировки со стороны общества количества получаемых каждым продуктов; каждый будет свободно брать «по потребности».

С точки зрения буржуазной легко объявить подобное общественное устройство «чистой утопией» и зубоскалить по поводу того, что социалисты обещают каждому право получать от общества, без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трюфелей, автомобилей, пианино и т. п. Таким зубоскальством отделывается и поныне большинство буржуазных «ученых», которые обнаруживают этим и свое невежество и свою корыстную защиту капитализма.

Невежество, ибо «обещать», что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту в голову не приходило, а *предвидение* великих социалистов, что она наступит, предполагает и нетеперешнюю производительность труда и *нетеперешнего* обывателя, способного «зря», вроде как бурсаки у Помяловского, портить склады общественного богатства и требовать невозможного.

До тех пор, пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют *строжайшего* контроля со стороны общества *и со стороны государства* над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен *начаться* с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством *вооруженных рабочих*.

Корыстная защита капитализма буржуазными идеологами (и их прихвостнями вроде г.г. Церетели, Черновых и К°) состоит именно в том, что спорами и разговорами о далеком будущем они *подменяют* насущный и злободневный вопрос *сегодняшней* политики: экспроприацию капиталистов, превращение *всех* граждан в работников и служащих *одного* крупного «синдиката», именно: всего государства, и полное подчинение всей работы всего этого синдиката государству действительно демократическому, *государству Советов Рабочих и Солдатских Депутатов*.

В сущности, когда ученый профессор, а за ним обыватель, а за ним господа Церетели и Черновы говорят о безрассудных утопиях, о демагогических обещаниях большевиков, о невозможности «введения» социализма, они имеют в виду именно высшую стадию или фазу коммунизма, «вводить» который никто не только не обещал, но и не помышлял, ибо «ввести» ее вообще нельзя.

И здесь мы подошли к тому вопросу о научном различии между социализмом и коммунизмом, которого коснулся Энгельс в приведенном выше рассуждении его о неправильности названия «социал-демократы». Политически различие между первой, или низшей, и высшей фазой коммунизма со временем будет, вероятно, громадно, но теперь, при капитализме, признавать его было бы смешно и выдвигать его на первый план могли бы разве лишь отдельные анархисты (если еще остались среди анархистов

люди, ничему не научившиеся после «плехановского» превращения Кропоткиных, Грава, Корнелиссена и прочих «звезд» анархизма в социал-шовинистов или в анархо-траншейников, как выразился один из немногих сохранивших честь и совесть анархистов Гэ).

Но научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что̀ обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм. Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм, как нечто развивающееся *из* капитализма. Вместо схоластически-выдуманных, «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм), Маркс дает анализ того, что̀ можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма.

В первой своей фазе, на первой своей ступени коммунизм *не* может еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма. Отсюда такое интересное явление, как сохранение «узкого горизонта *буржуазного* права» при коммунизме в его первой фазе. Буржуазное право по отношению к распределению продуктов *потребления* предполагает, конечно, неизбежно и *буржуазное государство*, ибо право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права.

Выходит, что не только при коммунизме остается в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство без буржуазии!

Это может показаться парадоксом или просто диалектической игрой ума, в которой часто обвиняют марксизм люди, не потрудившиеся ни капельки над тем, чтобы изучить его чрезвычайно глубокое содержание.

На самом же деле, остатки старого в новом показывает нам жизнь на каждом шагу, и в природе, и в обществе. И Маркс непроизвольно всунул кусочек «буржуазного» права в коммунизм, а взял то, что̀ экономически и политически неизбежно в обществе, выходящем *из недр* капитализма.

Демократия имеет громадное значение в борьбе рабочего класса против капиталистов за свое освобождение. Но демократия вовсе не есть предел, его же не прейдеши, а лишь один из этапов по дороге от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму.

Демократия означает равенство. Понятно, какое великое значение имеет борьба пролетариата за равенство и лозунг равенства,

если правильно понимать его в смысле уничтожения *классов*. Но демократия означает только *формальное* равенство. И тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества *по отношению* к владению средствами производства, т.-е. равенства труда, равенства заработной платы, пред человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т.-е. к осуществлению правила: «каждый по способностям, каждому по потребностям». Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем. Но важно выяснить себе, как бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз на всегда данное, тогда как на самом деле *только* с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни.

Демократия есть форма государства, одна из его разновидностей. И, следовательно, она представляет из себя, как и всякое государство, организованное, систематическое применение насилия к людям. Это с одной стороны. Но, с другой стороны, она означает формальное признание равенства между гражданами, равного права всех на определение устройства государства и управление им. А это, в свою очередь, связано с тем, что на известной ступени развития демократии она, во-первых, сплачивает, революционный против капитализма класс, пролетариат, и дает ему возможность разбить, сломать вдребезги, стереть с лица земли буржуазную, хотя бы и республикански буржуазную, государственную машину, постоянную армию, полицию, чиновничество, заменить их *более* демократической, но все еще государственной машиной в виде вооруженных рабочих масс, переходящих к поголовному участию народа в милиции.

Здесь «количество переходит в качество»: *такая* степень демократизма связана с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства. Если действительно *все* участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться. И развитие капитализма, в свою очередь, создает *предпосылки* для того, чтобы действительно «все» *могли* участвовать в управлении государством. К таким предпосылкам принадлежит поголовная грамотность, осуществленная уже рядом наиболее передовых капиталистических стран, затем «обучение и дисциплинирование» миллионов рабочих крупным, сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банкового дела и т. д. и т. п.

При таких *экономических* предпосылках вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы, свергнув

капиталистов и чиновников, заменить их в деле *контроля* за производством и распределением, в деле *учета* труда и продуктов вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом. (Не надо смешивать вопрос о контроле и учете с вопросом о научно образованном персонале инженеров, агрономов и пр.: эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим.)

Учет и контроль—вот *главное,* чтò требуется для «налажения», для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества. *Все* граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного «синдиката». Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим *упрощен* капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок *).

Когда *большинство* народа начнет производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентиками, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, «некуда будет деться».

Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы.

Но эта «фабричная» дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только *ступенькой,* необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатации *и для дальнейшего* движения вперед.

С того момента, когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их *сами* научились управлять государством, сами взяли это дело в свои руки, «наладили» контроль за ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки, за рабочими, глубоко развращенными капитализмом, с этого момента начинает исчезать

*) Когда государство сводится в главнейшей части его функций к такому учету и контролю со стороны самих рабочих, тогда оно перестает быть «политическим государством», тогда «общественные функции превращаются из политических в простые административные функции» (ср. выше, гл. IV, § 2, о полемике Энгельса с анархистами).

надобность во всяком управлении вообще. Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной. Чем демократичнее «государство», состоящее из вооруженных рабочих и являющееся «уже не государством в собственном смысле слова», тем быстрее начинает отмирать *всякое* государство.

Ибо, когда *все* научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, барчей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма», тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие—люди практической жизни, а не сантиментальные интеллигентики, и шутить они с собой едва ли позволят), что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*.

И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства.

ГЛАВА VI.

ОПОШЛЕНИЕ МАРКСИЗМА ОППОРТУНИСТАМИ.

Вопрос об отношении государства к социальной революции и социальной революции к государству занимал виднейших теоретиков и публицистов II-го Интернационала (1889—1914) очень мало, как и вообще вопрос о революции. Но самое характерное в том процессе постепенного роста оппортунизма, который привел к краху II-го Интернационала в 1914-ом году,—это то, что, даже когда вплотную подходили к этому вопросу, его *старались обойти*, или его не замечали.

В общем и целом можно сказать, что из *уклончивости* по вопросу об отношении пролетарской революции к государству, уклончивости, выгодной для оппортунизма и питавшей его, проистекло *извращение* марксизма и полное опошление его.

Чтобы охарактеризовать, хоть вкратце, этот печальный процесс, возьмем виднейших теоретиков марксизма, Плеханова и Каутского.

1. ПОЛЕМИКА ПЛЕХАНОВА С АНАРХИСТАМИ.

Плеханов посвятил вопросу об отношении анархизма к социализму особую брошюру: «Анархизм и социализм», которая вышла по-немецки в 1894 году.

Плеханов ухитрился трактовать эту тему, совершенно обойдя самое актуальное, злободневное и политически наиболее существенное в борьбе против анархизма, именно отношение революции к государству и вопрос о государстве вообще! В его брошюре выделяются две части: одна — историко-литературная, с ценным материалом по истории идей Штирнера, Прудона и пр. Другая часть: филистерская, с аляповатым рассуждением на тему о том, что анархиста не отличишь от бандита.

Сочетание тем презабавное и прехарактерное для всей деятельности Плеханова во время кануна революции и в течение революционного периода в России: Плеханов так и показал себя в 1905 — 1917 годах полудоктринером, полуфилистером, в политике шедшим в хвосте у буржуазии.

Мы видели, как Маркс и Энгельс, полемизируя с анархистами, выясняли всего тщательнее свои взгляды на отношение революции к государству. Энгельс, издавая в 1891 году «Критику Готской программы» Маркса, писал, что «мы (т.-е. Энгельс и Маркс) находились тогда в самом разгаре борьбы с Бакуниным и его анархистами — после Гаагского конгресса (Первого) Интернационала [168]) едва прошло два года».

Анархисты пытались именно Парижскую Коммуну объявить, так сказать, «своей», подтверждающей их учение, при чем они совершенно не поняли уроков Коммуны и анализа этих уроков Марксом. Ничего даже приблизительно подходящего к истине по конкретно-политическим вопросам: надо ли *разбить* старую государственную машину?— и *чем* заменить ее?— анархизм не дал.

Но говорить об «анархизме и социализме», обходя весь вопрос о государстве, *не замечая* всего развития марксизма до и после Коммуны, это значило неминуемо скатываться к оппортунизму. Ибо оппортунизму как раз больше всего и требуется, чтобы два указанные нами сейчас вопроса *не* ставились вовсе. Это *уже* есть победа оппортунизма.

2. ПОЛЕМИКА КАУТСКОГО С ОППОРТУНИСТАМИ.

В русской литературе переведено, несомненно, неизмеримо большее количество произведений Каутского, чем в какой бы то ни было другой. Не даром шутят иные немецкие социал-демократы, что Каутского больше читают в России, чем в Германии (в скобках сказать, в этой шутке есть гораздо более глубокое историческое содержание, чем подозревают те, кто пустил ее в ход, именно: русские рабочие, предъявив в 1905 году необыкновенно сильный, невиданный спрос на лучшие произведения лучшей в мире социал-демократической литературы и получив неслыханное в иных странах количество переводов и изданий этих произведений, тем самым перенесли, так сказать, на моло-

дую почву нашего пролетарского движения ускоренным образом громадный опыт соседней, более передовой страны).

Особенно известен у нас Каутский, кроме своего популярного изложения марксизма, своей полемикой с оппортунистами и с Бернштейном во главе их. Но почти неизвестен факт, которого нельзя обойти, если ставить себе задачей проследить, как скатился Каутский к невероятно-позорной растерянности и защите социал-шовинизма во время величайшего кризиса 1914—1915 годов. Это именно тот факт, что перед своим выступлением против виднейших представителей оппортунизма во Франции (Мильеран и Жорес) и в Германии (Бернштейн) Каутский проявил очень большие колебания. Марксистская «Заря» [169]), выходившая в 1901—1902 г.г. в Штутгарте и отстаивавшая революционно-пролетарские взгляды, вынуждена была *полемизировать* с Каутским, называть «каучуковой» его половинчатую, уклончивую, примирительную по отношению к оппортунистам резолюцию на Парижском международном социалистическом конгрессе 1900 года [170]). В немецкой литературе были напечатаны письма Каутского, обнаружившие не меньшие колебания его перед выступлением в поход против Бернштейна.

Неизмеримо большее значение имеет, однако, то обстоятельство, что в самой его полемике с оппортунистами, в его постановке вопроса и способа трактования вопроса мы замечаем теперь, когда изучаем *историю* новейшей измены марксизму со стороны Каутского, систематический уклон к оппортунизму именно по вопросу о государстве.

Возьмем первое крупное произведение Каутского против оппортунизма, его книгу «Бернштейн и социал-демократическая программа». Каутский подробно опровергает Бернштейна. Но вот что характерно.

Бернштейн в своих геростратовски-знаменитых «Предпосылках социализма» обвиняет марксизм в «*бланкизме*» (обвинение, с тех пор тысячи раз повторенное оппортунистами и либеральными буржуа в России против представителей революционного марксизма, большевиков). При этом Бернштейн останавливается специально на марксовой «Гражданской войне во Франции» и пытается — как мы видели, весьма неудачно — отождествить точку зрения Маркса на уроки Коммуны с точкой зрения Прудона. Особенное внимание Бернштейна вызывает то заключение Маркса, которое этот последний подчеркнул в предисловии 1872 года к «Коммунистическому Манифесту» и которое гласит: «рабочий класс не может просто взять в руки готовой государственной машины и пустить ее в ход для своих собственных целей».

Бернштейну так «понравилось» это изречение, что он не менее трех раз в своей книге повторяет его, толкуя его в самом извращенном, оппортунистическом смысле.

Маркс, как мы видели, хочет сказать, что рабочий класс должен *разбить, сломать, взорвать* (Sprengung, взрыв, — выражение, употребленное Энгельсом) всю государственную машину. А у Бернштейна выходит, будто Маркс предостерегал этими словами рабочий класс *против* чрезмерной революционности при захвате власти.

Более грубого и безобразного извращения мысли Маркса нельзя себе и представить.

Как же поступил Каутский в своем подробнейшем опровержении бернштейниады?

Он уклонился от разбора всей глубины извращения марксизма оппортунизмом в этом пункте. Он привел цитированный выше отрывок из предисловия Энгельса к «Гражданской войне» Маркса, сказав, что, по Марксу, рабочий класс не может *просто* овладеть *готовой* государственной машиной, но вообще *может* овладеть ей, и только. О том, что Бернштейн приписал Марксу *прямо обратное* действительной мысли Маркса, что Маркс с 1852 года выдвигал задачу пролетарской революции «разбить» государственную машину, об этом у Каутского ни слова.

Вышло так, что самое существенное отличие марксизма от оппортунизма по вопросу о задачах пролетарской революции оказалось у Каутского смазанным!

«Решение вопроса о проблеме пролетарской диктатуры — писал Каутский *«против»* Бернштейна — мы вполне спокойно можем предоставить будущему» (стр. 172 нем. издания).

Это не полемика *против* Бернштейна, а, в сущности, *уступка* ему, сдача позиций оппортунизму, ибо оппортунистам пока ничего большего и не надо, как «вполне спокойно предоставить будущему» все коренные вопросы о задачах пролетарской революции.

Маркс и Энгельс с 1852 года по 1891 год, в течение сорока лет, учили пролетариат тому, что он должен разбить государственную машину. А Каутский в 1899 году, пред лицом полной измены оппортунистов марксизму в этом пункте, проделывает *подмен* вопроса о том, необходимо ли эту машину разбить, вопросом о конкретных формах разбивания, и спасается под сень «бесспорной» (и бесплодной) филистерской истины, что конкретных форм наперед знать мы не можем!!

Между Марксом и Каутским — пропасть в их отношении к задаче пролетарской партии готовить рабочий класс к революции.

Возьмем следующее, более зрелое, произведение Каутского, посвященное тоже в значительной степени опровержению ошибок оппортунизма. Это — его брошюра о «Социальной революции» [171]). Автор взял здесь своей специальной темой вопрос о «пролетарской революции» и о «пролетарском режиме». Автор дал очень

много чрезвычайно ценного, но как раз вопрос о государстве *обошел.* В брошюре говорится везде о завоевании государственной власти, и только, т.-е. выбрана такая формулировка, которая делает уступку оппортунистам, поскольку *допускает* завоевание власти *без* разрушения государственной машины. Как раз то, что Маркс в 1872 году объявил «устарелым» в программе «Коммунистического Манифеста», *возрождается* Каутским в 1902-м году.

В брошюре посвящен специальный параграф «формам и оружию социальной революции». Здесь говорится и о массовой политической стачке, и о гражданской войне, и о таких «орудиях силы современного крупного государства, как бюрократия и армия», но о том, чему уже научила рабочих Коммуна, ни звука. Очевидно, Энгельс не даром предостерегал, особенно немецких социалистов, против «суеверного почтения» к государству.

Каутский излагает дело так: победивший пролетариат «осуществит демократическую программу» и излагает параграфы ее. О том, что нового дал 1871-ый год по вопросу о замене пролетарскою демократией демократии буржуазной, ни звука. Каутский отделывается такими «солидно» звучащими банальностями:

«Очевидно само собой, что мы не достигнем господства при теперешних порядках. Революция сама предполагает продолжительную и глубоко захватывающую борьбу, которая успеет уже изменить нашу теперешнюю политическую и социальную структуру».

Несомненно, что это «очевидно само собой», как и та истина, что лошади кушают овес и что Волга течет в Каспийское море. Жаль только, что посредством пустой и надутой фразы о «глубоко захватывающей» борьбе *обходится* насущный для революционного пролетариата вопрос о том, *в чем же* выражается «глубина» *его* революции по отношению к государству, по отношению к демократии, в отличие от прежних, непролетарских революций.

Обходя этот вопрос, Каутский *на деле* по этому существеннейшему пункту делает уступку оппортунизму, объявляя грозную *на словах* войну ему *), подчеркивая значение «идеи революции» (многого ли стоит эта «идея», если бояться пропагандировать рабочим конкретные уроки революции?), или говоря: «революционный идеализм прежде всего», или объявляя, что английские рабочие представляют из себя теперь «едва ли многим большее, чем мелких буржуа».

«В социалистическом обществе—пишет Каутский—могут существовать рядом друг с другом... самые различные формы предприятий: бюрократическое (??), тред-юнионистское, кооперативное, единоличное»... «Существуют, например, предприятия, которые не могут обойтись без

*) В рукописи: «*на словах* объявляя грозную войну ему». *Ред.*

бюрократической (??) организации, — таковы железные дороги. Тут демократическая организация может получить такой вид: рабочие выбирают делегатов, которые образуют нечто вроде парламента, и этот парламент устанавливает распорядок работ и наблюдает за управлением бюрократического аппарата. Другие предприятия можно передать в ведение рабочих союзов, третьи можно организовать на кооперативных началах» (стр. 148 и 115 русского перевода, женевское издание 1903 года).

Это рассуждение ошибочно, представляя из себя шаг назад по сравнению с тем, что̀ разъясняли в 70-х годах Маркс и Энгельс на примере уроков Коммуны.

Железные дороги решительно ничем не отличаются, с точки зрения необходимой будто бы «бюрократической» организации, от всех вообще предприятий крупной машинной индустрии, от любой фабрики, большого магазина, крупнокапиталистического сельскохозяйственного предприятия. Во всех таких предприятиях техника предписывает безусловно строжайшую дисциплину, величайшую аккуратность при соблюдении каждым указанной ему доли работы, под угрозой остановки всего дела или порчи механизма, порчи продукта. Во всех таких предприятиях рабочие будут, конечно, «выбирать делегатов, которые образуют *нечто вроде парламента*».

Но в том-то вся и соль, что это «нечто вроде парламента» *не* будет парламентом в смысле буржуазно-парламентарных учреждений. В том-то вся и соль, что это «нечто вроде парламента» *не* будет только «устанавливать распорядок и наблюдать за управлением бюрократического аппарата», как воображает Каутский, мысль которого не выходит за рамки буржуазного парламентаризма. В социалистическом обществе «нечто вроде парламента» из рабочих депутатов будет, конечно, устанавливать распорядок и наблюдать за управлением» «аппарата», *но* аппарат-то этот *не* будет «бюрократическим». Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, не оставят от *) него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих, *против* превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас меры, подробно разобранные Марксом и Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время; 2) плата не выше платы рабочего; 3) переход немедленный к тому, чтобы *все* исполняли функции контроля и надзора, чтобы *все* на время становились «бюрократами» и чтобы поэтому *никто* не мог стать «бюрократом».

Каутский совершенно не продумал слов Маркса: «Коммуна была не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время издающей законы и исполняющей их».

*) В рукописи: «из». *Ред.*

Каутский совершенно не понял разницы между буржуазным парламентаризмом, соединяющим демократию (*не для народа*) с бюрократизмом (*против народа*), и пролетарским демократизмом, который сразу примет меры, чтобы в корне подрезать бюрократизм, и который в состоянии будет довести эти меры до конца, до полного уничтожения бюрократизма, до полного введения демократии для народа.

Каутский обнаружил здесь *) все то же «суеверное почтение» к государству, «суеверную веру» в бюрократизм.

Перейдем к последнему и лучшему произведению Каутского против оппортунистов, к его брошюре «Путь к власти» (кажется, неизданной по-русски, ибо она вышла в разгар реакции у нас, в 1909 году) [172]). Эта брошюра есть большой шаг вперед, поскольку в ней говорится не о революционной программе вообще, как в брошюре 1899 года против Бернштейна, не о задачах социальной революции безотносительно к времени ее наступления, как в брошюре «Социальная революция» 1902 года, а о конкретных условиях, заставляющих нас признать, что «эра революций» *наступает*.

Автор определенно указывает на обострение классовых противоречий вообще и на империализм, играющий особенно большое значение в этом отношении. После «революционного периода 1789—1871 г.г.» для Западной Европы, начинается с 1905 года аналогичный период для Востока. Всемирная война надвигается с угрожающей быстротой. «Пролетариат не может уже больше говорить о преждевременной революции». «Мы вступили в революционный период». «Революционная эра начинается».

Эти заявления совершенно ясны. Эта брошюра Каутского должна служить мерилом для сравнения того, чем *обещала быть* германская социал-демократия перед империалистской войной и как низко она пала (в том числе и сам Каутский) при взрыве войны. «Теперешняя ситуация—писал Каутский в рассматриваемой брошюре — ведет за собой ту опасность, что нас (т. е. германскую социал-демократию) легко принять за более умеренных, чем мы есть на деле». Оказалось, что на деле германская социал-демократическая партия несравненно более умеренна и оппортунистична, чем она казалась!

Тем характернее, что при такой определенности заявлений Каутского насчет начавшейся уже эры революций, он и в брошюре, посвященной, по его собственным словам, разбору вопроса именно о «*политической* революции», опять-таки совершенно обошел вопрос о государстве.

Из суммы этих обходов вопроса, умолчаний, уклончивостей и получился неизбежно тот полный переход к оппортунизму, о котором нам сейчас придется говорить.

*) В рукописи: «лишь». *Ред.*

Германская социал-демократия, в лице Каутского, как бы заявляла: я остаюсь при революционных воззрениях (1899 г.). Я признаю в особенности неизбежность социальной революции пролетариата (1902 г.). Я признаю наступление новой эры революций (1909 г.). Но я все-же-таки иду назад против того, что говорил Маркс уже в 1852 году, раз вопрос ставится о задачах пролетарской революции по отношению к государству (1912 г.).

Именно так был поставлен вопрос в упор в полемике Каутского с Паннекуком.

3. ПОЛЕМИКА КАУТСКОГО С ПАННЕКУКОМ.

Паннекук выступил против Каутского, как один из представителей того «лево-радикального» течения, которое числило в своих рядах Розу Люксембург, Карла Радека и других и которое, отстаивая революционную тактику, объединялось убеждением, что Каутский переходит на позицию «центра», беспринципно колеблющегося между марксизмом и оппортунизмом. Правильность этого взгляда вполне доказала война, когда течение «центра» (неправильно называемого марксистским) или «каутскианства» вполне показало себя во всем своем отвратительном убожестве.

В затронувшей вопрос о государстве статье: «Массовые действия и революция» («Neue Zeit», 1912, XXX, 2) Паннекук охарактеризовал позицию Каутского, как позицию «пассивного радикализма», «теорию бездеятельного ожидания». «Каутский не хочет видеть процесса революции» (стр. 616). Ставя вопрос таким образом, Паннекук подошел к интересующей нас теме о задачах пролетарской революции по отношению к государству.

«Борьба пролетариата — писал он — есть не просто борьба против буржуазии *из-за* государственной власти, а борьба *против* государственной власти... Содержание пролетарской революции есть уничтожение орудий силы государства и вытеснение их (буквально: распущение, Auflösung) орудиями силы пролетариата... Борьба прекращается лишь тогда, когда, как конечный результат ее, наступает полное разрушение государственной организации. Организация большинства доказывает свое превосходство тем, что уничтожает организацию господствующего меньшинства» (стр. 548).

Формулировка, в которую облек свои мысли Паннекук, страдает очень большими недостатками. Но мысль все же ясна, и интересно, *как* опровергал ее Каутский.

«До сих пор — писал он — противоположность между социал-демократами и анархистами состояла в том, что первые хотели завоевать государственную власть, вторые — ее разрушить. Паннекук хочет и того и другого» (стр. 724)[178].

Если у Паннекука изложение страдает неотчетливостью и недостатком конкретности (не говоря здесь о других недостатках

его статьи, не относящихся к разбираемой теме), то Каутский взял именно намеченную Паннекуком *принципиальную* суть дела, и *по коренному принципиальному* вопросу Каутский целиком покинул позицию марксизма, перешел вполне к оппортунизму. Различие между социал-демократами и анархистами определено у него совершенно неверно, марксизм искажен и опошлен окончательно.

Различие между марксистами и анархистами состоит в том, что 1) первые, ставя своей целью полное уничтожение государства, признают эту цель осуществимой лишь после уничтожения классов социалистической революцией, как результат установления социализма, ведущего к отмиранию государства; вторые хотят полного уничтожения государства с сегодня на завтра, не понимая условий осуществимости такого уничтожения. 2) Первые признают необходимым, чтобы пролетариат, завоевав политическую власть, разрушил полностью старую государственную машину, заменив ее новой, состоящей из организации вооруженных рабочих, по типу Коммуны; вторые, отстаивая разрушение государственной машины, представляют себе совершенно неясно, *чем* ее пролетариат заменит и *как* он будет пользоваться революционной властью; анархисты даже отрицают использование государственной власти революционным пролетариатом, его революционную диктатуру. 3) Первые требуют подготовки пролетариата к революции путем использования современного государства; анархисты это отрицают.

Против Каутского марксизм представлен именно Паннекуком, в данном споре, ибо как раз Маркс учил тому, что пролетариат не может просто завоевать государственную власть в смысле перехода в новые руки старого государственного аппарата, а должен разбить, сломать этот аппарат, заменить его новым.

Каутский уходит от марксизма к оппортунистам, ибо у него совершенно исчезает именно это разрушение государственной машины, совершенно неприемлемое для оппортунистов, и остается лазейка для них в смысле истолкования «завоевания», как простого приобретения большинства.

Чтобы прикрыть свое извращение марксизма, Каутский поступает, как начетчик: он двигает «цитату» из самого Маркса. В 1850 году Маркс писал о необходимости «решительной централизации силы в руках государственной власти». И Каутский спрашивает с торжеством: не хочет ли Паннекук разрушить «централизм»?

Это уже просто фокус, похожий на бернштейновское отожествление марксизма и прудонизма во взглядах на федерацию вместо централизма.

«Цитата» взята Каутским ни к селу, ни к городу. Централизм возможен и со старой и с новой государственной машиной.

Если рабочие добровольно объединят свои вооруженные силы, это будет централизм, но он будет покоиться на «полном разрушении» государственного централистического аппарата, постоянной армии, полиции, бюрократии. Каутский поступает совершенно мошеннически, обходя прекрасно известные рассуждения Маркса и Энгельса о Коммуне и вытаскивая цитату, не относящуюся к вопросу.

... «Может быть, Паннекук хочет уничтожить государственные функции чиновников? — продолжает Каутский. — Но мы не обходимся без чиновников и в партийной и в профессиональной организации, не говоря уже о государственном управлении. Наша программа требует не уничтожения государственных чиновников, а выбора чиновников народом»... «Речь идет у нас теперь не о том, какой вид примет аппарат управления в «будущем государстве», а о том, уничтожает ли (буквально: распускает, auflöst) наша политическая борьба государственную власть, *прежде чем мы ее завоевали* (курсив Каутского). Какое министерство с его чиновниками могло бы быть уничтожено?» Перечисляются министерства просвещения, юстиции, финансов, военное. «Нет, ни одно из теперешних министерств не будет устранено нашей политической борьбой против правительства... Я повторяю, чтобы избежать недоразумений: речь идет не о том, какую форму придаст «государству будущего» победоносная социал-демократия, а о том, как изменяет теперешнее государство наша оппозиция» (стр. 725).

Это явная передержка. Паннекук ставил вопрос именно о *революции*. Это и в заглавии его статьи и в цитированных местах сказано ясно. Перескакивая на вопрос об «оппозиции», Каутский как раз и подменяет революционную точку зрения оппортунистической. У него выходит так: теперь оппозиция, а *после* завоевания власти поговорим особо. *Революция исчезает*! Это как раз то, что и требовалось оппортунистами.

Речь идет не об оппозиции и не о политической борьбе вообще, а именно о *революции*. Революция состоит в том, что пролетариат *разрушает* «аппарат управления» и *весь* государственный аппарат, заменяя его новым, состоящим из вооруженных рабочих. Каутский обнаруживает «суеверное почтение» к «министерствам», но почему они не могут быть заменены, скажем, комиссиями специалистов при полновластных и всевластных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов?

Суть дела совсем не в том, останутся ли «министерства», будут ли «комиссии специалистов» или иные какие учреждения, это совершенно неважно. Суть дела в том, сохраняется ли старая государственная машина (связанная тысячами нитей с буржуазией и насквозь пропитанная рутиной и косностью), или она *разрушается* и заменяется *новой*. Революция должна состоять не в том, чтобы новый класс командовал, управлял при помощи *старой* государственной машины, а в том, чтобы он *разбил* эту машину и командовал, управлял при помощи *новой* машины, —

эту *основную* мысль марксизма Каутский смазывает, или он совсем не понял ее.

Его вопрос насчет чиновников показывает наглядно, что он не понял уроков Коммуны и учения Маркса. «Мы не обходимся без чиновников и в партийной и в профессиональной организации»...

Мы не обходимся без чиновников *при капитализме, при господстве буржуазии.* Пролетариат угнетен, трудящиеся массы порабощены капитализмом. При капитализме демократизм сужен, сжат, урезан, изуродован всей обстановкой наемного рабства, нужды и нищеты масс. Поэтому, и только поэтому, в наших политических и профессиональных организациях должностные лица развращаются (или имеют тенденцию быть развращаемыми, говоря точнее) обстановкой капитализма и проявляют тенденцию к превращению в бюрократов, т.-е. в оторванных от масс, в стоящих *над* массами, привилегированных лиц.

В этом *суть* бюрократизма, и пока не экспроприированы капиталисты, пока не свергнута буржуазия, до тех пор неизбежна известная «бюрократизация» *даже* пролетарских должностных лиц.

У Каутского выходит так: раз останутся выборные должностные лица, значит, останутся и чиновники при социализме, останется бюрократия! Именно это-то и не верно. Именно на примере Коммуны Маркс показал, что при социализме должностные лица перестают быть «бюрократами», быть «чиновниками», перестают *по мере* введения, кроме выборности, *еще* сменяемости в любое время, *да еще* сведения платы к среднему рабочему уровню, *да еще* замены парламентарных учреждений «работающими, т.-е. издающими законы и проводящими их в жизнь».

В сущности, вся аргументация Каутского против Паннекука и особенно великолепный довод Каутского, что мы и в профессиональных и в партийных организациях не обходимся без чиновников, показывают повторение Каутским старых «доводов» Бернштейна против марксизма вообще. В своей ренегатской книге «Предпосылки социализма» Бернштейн воюет против идей «примитивной» демократии, против того, что он называет «доктринерским демократизмом»: императивные мандаты, не получающие вознаграждения должностные лица, бессильное центральное представительство и т. д. В доказательство несостоятельности этого «примитивного» демократизма Бернштейн ссылается на опыт английских тред-юнионов в истолковании его супругами Вэбб. За семьдесят, дескать, лет своего развития тред-юнионы, развивавшиеся будто бы «в полной свободе» (стр. 137 нем. изд.), убедились именно в непригодности примитивного демократизма и заменили его обычным: парламентаризм, соединенный с бюрократизмом.

На деле тред-юнионы развивались не «в полной свободе», *а в полном капиталистическом рабстве*, при котором, разумеется, «не обойтись» без ряда уступок царящему злу, насилию, неправде, исключению бедноты из дел «высшего» управления. При социализме многое из «примитивной» демократии неизбежно оживет, ибо впервые в истории цивилизованных обществ *масса* населения поднимется до *самостоятельного* участия не только в голосованиях и выборах, *но и в повседневном управлении.* При социализме *все* будут управлять поочереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял.

Маркс с его гениальным критически-аналитическим умом увидел в практических мерах Коммуны тот *перелом*, которого боятся и не хотят признавать оппортунисты из трусости, из-за нежелания бесповоротно порвать с буржуазией, и которого не хотят видеть анархисты либо из торопливости, либо из непонимания условий массовых социальных превращений вообще. «Не надо и думать о разрушении старой государственной машины, где же нам обойтись без министерств и без чиновников» — рассуждает оппортунист, насквозь пропитанный филистерством и, в сущности, не только не верящий в революцию, в творчество революции, но смертельно боящийся ее (как боятся ее наши меньшевики и эс-эры).

«Надо думать *только* о разрушении старой государственной машины, нечего вникать в *конкретные* уроки прежних пролетарских революций и анализировать, *чем* и *как* заменять разрушаемое», — рассуждает анархист (лучший из анархистов, конечно, а не такой, который, вслед за гг. Кропоткиными и К°, плетется за буржуазией); и у анархиста выходит поэтому тактика *отчаяния*, а не беспощадно-смелой и в то же время считающейся с практическими условиями движения масс революционной работы над конкретными задачами.

Маркс учит нас избегать обеих ошибок, учит беззаветной смелости в разрушении всей старой государственной машины и в то же время учит ставить вопрос конкретно: Коммуна смогла в несколько недель *начать* строить *новую*, пролетарскую, государственную машину, вот так-то проводя указанные меры к большему демократизму и к искоренению бюрократизма. Будем учиться у коммунаров революционной смелости, будем видеть в их практических мерах *намечание* практически-насущных и немедленно-возможных мер и тогда, *идя таким путем,* мы придем к полному разрушению бюрократизма.

Возможность такого разрушения обеспечена тем, что социализм сократит рабочий день, поднимет *массы* к новой жизни, поставит *большинство* населения в условия, позволяющие *всем* без изъятия выполнять «государственные функции», а это приводит к *полному отмиранию* всякого государства вообще.

...«Задача массовой стачки — продолжает Каутский — никогда не может состоять в том, чтобы *разрушить* государственную власть, а только в том, чтобы привести правительство к уступчивости в каком-либо определенном вопросе или заменить правительство, враждебное пролетариату, правительством, идущим ему навстречу (entgegenkommende) ...Но никогда и ни при каких условиях это» (т.-е. победа пролетариата над враждебным правительством) «не может вести к *разрушению* государственной власти, а только к известной *передвижке* (Verschiebung) отношений сил *внутри государственной власти*... И целью нашей политической борьбы остается при этом, как и до сих пор, завоевание государственной власти посредством приобретения большинства в парламенте и превращение парламента в господина над правительством» (стр. 726, 727, 732).

Это уже чистейший и пошлейший оппортунизм, отречение от революции на деле при признании ее на словах. Мысль Каутского не идет дальше «правительства, идущего навстречу пролетариату» — шаг назад к филистерству по сравнению с 1847 годом, когда «Коммунистический Манифест» провозгласил «организацию пролетариата в господствующий класс».

Каутскому придется осуществлять излюбленное им «единство» с Шейдеманами, Плехановыми, Вандервельдами, которые все согласны бороться за правительство, «идущее навстречу пролетариату».

А мы пойдем на раскол с этими изменниками социализму и будем бороться за разрушение всей старой государственной машины, так чтобы сам вооруженный пролетариат *был правительством*. Это «две большие разницы».

Каутскому придется быть в приятной компании Легинов и Давидов, Плехановых, Потресовых, Церетели, Черновых, которые вполне согласны бороться за «передвижку отношений силы внутри государственной власти», за «приобретение большинства в парламенте и за всевластие парламента над правительством», — благороднейшая цель, в которой все приемлемо для оппортунистов, все остается в рамках буржуазной парламентарной республики.

А мы пойдем на раскол с оппортунистами; и весь сознательный пролетариат будет с нами в борьбе не за «передвижку отношений силы», а за *свержение буржуазии*, за *разрушение* буржуазного парламентаризма, за демократическую республику типа Коммуны или республику Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, за революционную диктатуру пролетариата.

* * *

Правее Каутского в международном социализме стоят такие течения, как «Социалистический Ежемесячник» в Германии (Легин, Давид, Кольб и мн. другие, включая скандинавов Стаунинга и Брантинга), жоресисты и Вандервельд во Франции и Бельгии, Турати, Тревес и другие представители правого крыла

итальянской партии, фабианцы и «независимцы» («независимая рабочая партия», на деле всегда бывшая в зависимости от либералов) в Англии и тому подобное. Все эти господа, играя громадную, очень часто преобладающую роль в парламентарной работе и в публицистике партии, прямо отрицают диктатуру пролетариата, проводят неприкрытый оппортунизм. Для этих господ «диктатура» пролетариата «противоречит» демократии!! Они, в сущности, ничем серьезно не отличаются от мелкобуржуазных демократов.

Принимая во внимание это обстоятельство, мы в праве сделать вывод, что Второй Интернационал в подавляющем большинстве его официальных представителей вполне скатился к оппортунизму. Опыт Коммуны был не только забыт, но извращен. Рабочим массам не только не внушалось, что близится время, когда они должны будут выступить и разбить старую государственную машину, заменяя ее новой и превращая таким образом свое политическое господство в базу социалистического переустройства общества; массам внушалось обратное, и «завоевание власти» представлялось так, что оставались тысячи лазеек оппортунизму.

Извращение и замалчивание вопроса об отношении пролетарской революции к государству не могло не сыграть громадной роли тогда, когда государства, с усиленным вследствие империалистического соревнования, военным аппаратом, превратились в военные чудовища, истребляющие миллионы людей ради того, чтобы решить спор: Англии или Германии, тому или другому финансовому капиталу господствовать над миром *).

---

*) В рукописи далее следует:

ГЛАВА VII.

ОПЫТ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ 1905 И 1917 ГОДОВ.

Тема, указанная в названии этой главы, так необъятно велика, что об ней можно и должно писать томы. В настоящей брошюре придется ограничиться, разумеется, только самыми главными уроками опыта, касающимися непосредственно задач пролетариата в революции по отношению к государственной власти». (Здесь рукопись обрывается.) *Ред.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Настоящая брошюра написана в августе и сентябре 1917 года. Мною был уже составлен план следующей, седьмой, главы: «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов». Но, кроме заглавия, я не успел написать из этой главы ни строчки: «помешал» политический кризис, канун октябрьской революции 1917 года. Такой «помехе» можно только радоваться. Но второй выпуск брошюры (посвященный «Опыту русских революций 1905 и 1917 годов»), пожалуй, придется отложить надолго; приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать.

Автор.

Петроград.
30 ноября 1917 года.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА, ОТНОСЯЩИХСЯ К ПЕРИОДУ ИЮЛЬ — ОКТЯБРЬ 1917 Г., ДО СЕГО ВРЕМЕНИ НЕ РАЗЫСКАННЫХ.

ГАЗЕТНЫЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ.

Вл. Ильич, находившийся после июльских дней в подполье, присылал из Финляндии различного рода мелкие заметки и небольшие статьи без подписи в большевистские газеты, заменившие закрытую «Правду», — «Рабочий и Солдат», «Пролетарий» и др. Эти заметки, в силу цензурных условий, подвергались нередко редакционным изменениям, а иногда и значительной обработке: несколько заметок соединялись в одну, редакция изменяла начало статьи и т. п. Отсутствие рукописей и наличие указанных выше редакционных изменений крайне затрудняют выделение из массы газетного материала статей и заметок, принадлежащих Ленину. Определить «по стилю» мелкие заметки, написанные Лениным, не удалось.

ТЕЗИСЫ ПО ТЕКУЩЕМУ МОМЕНТУ.

В протоколе вечернего заседания Петроградской общегородской конференции Р. С.-Д. Р. П. 29 (16) июля 1917 г., в прениях по докладу И. В. Сталина по текущему моменту, имеется следующая запись: «...Группа конферентов просит огласить тезисы т. Ленина. Сталин сообщает, что у него нет с собой этих тезисов, но они сводятся приблизительно к трем положениям: 1) контр-революция победила; 2) . . . (не разобрано. *Ред.*) и 3) «Вся власть Советам» — является в настоящей обстановке донкихотским лозунгом, что власть должна быть передана классам, а не учреждениям» («Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и сентябре 1917 г.». Гиз. 1927).

Эти тезисы не найдены. Повидимому, в них были формулированы те же положения, которые разработаны в статьях Вл. Ильича «Политическое положение» и «К лозунгам», написанных в то же самое время (см. настоящий том, стр. 26 и 33).

* * *

Несомненно участие Вл. Ильича в предварительной разработке основных резолюций VI съезда Р. С.-Д. Р. П. Однако, каких-либо письменных следов этой разработки или иных материалов не сохранилось.

* * *

Изданий, в редактировании которых принимал бы участие Вл. Ильич, а также его переводных работ за данный период, не имеется.

II. УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ И ИСТОЧНИКОВ, УПОМИНАЕМЫХ В. И. ЛЕНИНЫМ, В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ XXI ТОМА.

КАУТСКИЙ, К. — Социальная революция. I. Социальная реформа и социальная революция. II. На другой день после социальной революции. Перевод с немецкого Н. Карпова под редакцией Н. Ленина. Издание «Лиги Русской Революционной Социал-Демократии». Женева. 1903. — 445 — 447.

К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ХЛЕБНЫХ ЦЕН. «Рабочая Газета» № 152, 18 (5) сентября 1917 г. — 206.

КРИЗИС ВЛАСТИ. «Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета Р. и С. Д.» № 126, 7 августа (25 июля) 1917 г. — 61.

ЛАРИН, Ю. — Рабочие требования нашей программы. «Рабочий Путь» № 31, 21 (8) октября 1917 г. — 317.

[ЛЕНИН, В. И.] — У последней черты. «Социал-Демократ» № 1, 20 ноября 1915 г. — 18, 28, 47.

— О созыве международной якобы социалистической конференции с участием социал-шовинистов. «Правда» № 55, 25 (12) мая 1917 г. — 78.

— Речь на I Всероссийском Съезде Советов об отношении к Временному правительству 17 (4) июня 1917 г. «Правда» №№ 82 и 83, 28 (15) и 29 (16) июня 1917 г. — 143.

— Как бороться с контр-революцией. «Правда» № 84, 30 (17) июня 1917 г. — 151.

— Надо разоблачать капиталистов. «Правда» № 67, 9 июня (27 мая) 1917 г. — 171.

— Введение социализма или раскрытие казнокрадства? «Правда» № 77, 22 (9) июня 1917 г. — 172.

— Где власть и где контр-революция? «Листок Правды» 19 (6) июля 1917 г. — 17, 19.

— Ответ. «Рабочий и Солдат» №№ 3 и 4, 8 (26 июля) и 9 августа (27 июля) 1917 г. — 201.

— Один принципиальный вопрос. Забытые слова демократизма. «Правда» № 68, 10 июня (28 мая) 1917 г. — 420.

ЛЕНИН, Н. — Империализм как новейший этап капитализма. Петроград. 1917. — 307.

— О компромиссах. «Рабочий Путь» № 3, 19 (6) сентября 1917 г. — 31.

— Удержат ли большевики государственную власть? «Просвещение» № 1 — 2, сентябрь-октябрь 1917 г. — 347.

— Письмо к товарищам. «Рабочий Путь» №№ 40, 41, 42, 1, 2 и 3 ноября (19, 20 и 21 октября) 1917 г. — 352.

— Пролетарская революция и ренегат Каутский. Изд. «Коммунист». Петроград — Москва. 1918. — 392.

— Политические партии в России и задачи пролетариата. Изд. «Жизнь и Знание». Петроград. 1917. — 149.

— Большевики должны взять власть. Письмо Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому Комитетам Р. С.-Д. Р. П. Рукопись. — 228.

— Письмо о тактике. Письмо 1-е. Изд. «Прибой». Петроград. 1917. — 234.

— Задачи пролетариата в нашей революции. Проект платформы пролетарской партии. Изд. «Прибой». Петербург. 1917. — 234.

— Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. Изд. «Жизнь и Знание». 1918. — 256.

«ЛИСТОК ПРАВДЫ» 19 (6) июля 1917 г. Письмо т. Козловского. — 17.

— [В. И. Ленин.] Где власть и где контр-революция? — 17, 19.

письмо к товарищам, приславшим мне полномочие. «Заря» № 1, апрель 1901 г. — 443.

ПОДАВАЙТЕ СПИСОК ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ. Обращение от редакции. «Новое Время» № 14787, 9 июня (27 мая) 1917 г. — 346.

ПОПРАВКИ, ВЫДВИНУТЫЕ К РАБОЧЕЙ ЧАСТИ ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММЫ ПОДСЕКЦИЕЙ ПО ОХРАНЕ ТРУДА [Всероссийской апрельской конференции 1917 г. Р. С.-Д. Р. П.]. Сборник «Материалы по пересмотру партийной программы». Изд. «Прибой». Петроград. 1917. — 317.

ПО РОССИИ. ПАРТИЯ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ. Резолюция Ростовского на Дону комитета. «Речь» № 210 (3952), 20 (7) сентября 1917 г. — 200.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ. «Дело Народа» № 184, 1 ноября (19 октября) 1917 г. — 357.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОТДЕЛА Ц. И. К. О ПОВЫШЕНИИ ХЛЕБНЫХ ЦЕН. «Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета Р. и С. Д.» № 164, 20 (7) сентября 1917 г. — 161, 182.

«ПРАВДА» № 55, 25 (12) мая 1917 г. [В. И. Ленин.] О созыве международной якобы социалистической конференции с участием социалшовинистов. — 78.

— № 67, 9 июня (27 мая) 1917 г. [В. И. Ленин.] Надо разоблачать капиталистов. — 171.

— № 68, 10 июня (28 мая) 1917 г. [В. И. Ленин.] Один принципиальный вопрос. Забытые слова демократизма. — 420.

— № 77, 22 (9) июня 1917 г. [В. И. Ленин.] Введение социализма или раскрытие казнокрадства? — 172.

— №№ 82 и 83, 28 (15) и 29 (16) июня 1917 г. В. И. Ленин. Речь на I Всероссийском съезде Советов об отношении к Временному правительству 17 (4) июня 1917 г. — 143.

— № 84, 30 (17) июня 1917 г. [В. И. Ленин.] Как бороться с контрреволюцией? — 151.

— № 92, 10 июля (27 июня) 1918 г. Виноваты большевики. — 50.

ПРАВИЛА ОБ УРЕГУЛИРОВАНИИ ЗЕМЕЛЬНЫМИ КОМИТЕТАМИ ЗЕМЕЛЬНЫХ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ. «Дело Народа» № 183, 31 (18) октября 1917 г. — 357.

ПРИЛЕЖАЕВ, П. — Кризис продовольственной политики министерства продовольствия. «Дело Народа» № 147, 19 (6) сентября 1917 г. — 147, 401.

ПРИМЕРНЫЙ НАКАЗ, СОСТАВЛЕННЫЙ НА ОСНОВАНИИ 242 НАКАЗОВ, ДОСТАВЛЕННЫХ МЕСТНЫМИ ДЕПУТАТАМИ НА I ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ В ПЕТРОГРАДЕ В 1917 ГОДУ. «Известия Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» № 88, 1 сентября (19 августа) 1917 г. — 107, 358.

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ И УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ. «Дело Народа» № 147, 19 (6) сентября 1917 г. — 142.

ПРОГРАММА Р. С. Д. Р. П. 1903 Г. — 316.

«ПРОСВЕЩЕНИЕ» № 1 — 2, сентябрь-октябрь 1917 г. Н. Ленин. Удержат ли большевики государственную власть? — 347.

ПРОТОКОЛ СЕКЦИИ ПО ПЕРЕСМОТРУ ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММЫ VI СЪЕЗДА Р. С.-Д. Р. П. — 317.

ПУТИ СОГЛАШЕНИЯ. «Дело Народа» № 160, 4 октября (21 сентября) 1917 г. — 248, 249.

«РАБОЧАЯ ГАЗЕТА» № 100, 20 (7) июля 1917 г. Ник. Андреев. Контрреволюция на улицах Петрограда 4 июля. — 41, 201.

СООБЩЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА МИЛИЦИИ В ГОРОДСКОЙ ДУМЕ. «Речь» № 156, 19 (6) июля 1917 г. — 43.
«СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ» № 1, 20 ноября 1915 г. [В. И. Ленин.] У последней черты. — 18, 28, 47.
СОЮЗ ОСВОБОЖДЕНИЯ УКРАИНЫ». «Речь» № 195 (3937), 2 сентября (20 августа) 1917 г. — 114.
«СПАРТАК» № 4, 23 (10) августа 1917 г. Н. Бухарин. К пересмотру партийной программы. — 80, 297.
СТРЕЛЬБА НА НЕВСКОМ. «Биржевые Ведомости» № 16317, 17 (4) июля 1917 г. — 15, 43.
СУХАНОВ, Н. К ликвидации борьбы за мир. «Новая Жизнь» № 106, 2 сентября (20 августа) 1917 г. — 121.
СЪЕЗД СОВЕТОВ И УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ. «Новая Жизнь» № 142, 14 (1) октября 1917 г. — 280.
ТЕЗИСЫ «СПАРТАКА». «Die Spartakus Briefe» № 3, 1916. — 305.
ТЕЗИСЫ «СПАРТАКА». Junius. «Die Krise der social-demokratie». Unionsdruckerei. Bern. 1916. — 305.
УБИТЫЕ И РАНЕНЫЕ. «Дело Народа» № 96, 22 (9) июля 1917 г. — 43.
Ш. — Тревожные дни. «Рабочая Газета» № 100, 20 (7) июля 1917 г. — 41, 201.
ЭНГЕЛЬС, Ф. — Программа коммунаров-бланкистов. — 132.
— Бланкисты. — 132.
— Революция и контр-революция в Германии. — 194, 195, 281, 319.
— Происхождение семьи, частной собственности и государства. — 36.
— Крестьянский вопрос во Франции и Германии. Под редакцией и с предисловием Г. Плеханова. Издание Р. С.-Д. Р. П Женева. 1904. — 112.

НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ.

ALMANACCO REPUBLICANO PER L'ANNO 1874. Lodi. 1873. — 410.
BEBEL, AUGUST. — Unsere Ziele. Verlag des Volksbuchhandlung. Socialdemokratische Bibliotek. Höttingen — Zürich. 1886. S. 48. — 415.
— Aus meinem Leben. Zweiter Teil. Stuttgart. 1911. Verlag J. H. W. Dietz. S. 420. — 413 — 415.
BERNSTEIN, ED. — Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Billige Ausgabe. Stuttgart. 1899. Verlag von J. H. W. Dietz. S. 188. — 399, 405, 443.
ENGELS, FR. — Der Ursprung der Familie, Privateingethums und des Staats. 6 Auf. Stuttgart. 1894. Dietz. — 373 — 379.
— Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. Dritte, durchgesehene Auflage. Stuttgart. Verlag von J. H. W. Dietz. 1894, S. 354. — 379 — 383.
— Über den Bürgerkrieg in Frankreich. «Die Neue Zeit», IX Jahrgang, II Band, 1890 — 1891, S. S. 33 — 41. — 421 — 424.
— Zur Kritik des Socialdemokratischen Programmentwurfes. «Die Neue Zeit», XX Jahrgang, I Band, 1901—1902. — 304, 415 — 420.
— Dell Autorità. Almanacco Republicano per l'anno 1874. Lodi. 1873. — 410 — 413.
— Über das Autoritätsprinzip. «Die Neue Zeit», 1913 — 1914, XXXII Jahrgang, I Band. — 410 — 413.
— Einleitung zu «Der Bürgerkrieg in Frankreich» K. Marx. Dritte deutsche Auflage. Berlin. 1891. S. S. 1—14, 15—71. — 421 — 424.

ENGELS, FR. — Zur Urgeschichte der Familie. «Die Neue Zeit» 1890—1891, IX Jahrgang, II Band, S.S. 460—467.—375.
— Zur Wohnungsfrage. Separatabdruck aus dem «Volksstaat» von 1872. Zweite, durchgesehene Auflage. Höttingen — Zürich. Verlag der Volksbuchhandlung. 1887.—408—410.
— Internationales aus dem «Volksstaat» (1871—1875). Verlag «Vorwärts». Berlin. 1894. S. 72.—425.
KAUTSKY, K. — Bernstein und das sozialdemokratische Programm. Stuttgart. 1899. Verlag von J. H. W. Dietz. S. 195.— 443—444.
— Die Diktatur des Proletariats. 2 Auflage. Wien. 1918. Verlag der Wiener Volksbuchhandlung Ignaz Brand. S. 63.—392.
— Die soziale Revolution. I. Sozialreform und soziale Revolution. II. Am Tage nach der sozialen Revolution. Expedition der Buchhandlung «Vorwärts». Berlin. 1902.—445— 447.
— Der Weg zur Macht. Politische Betrachtungen über das Hineinwachsen in die Revolution. Expedition der Buchhandlung «Vorwärts». Berlin. 1909. S. 104.—448.
— Die neue Taktik. «Die Neue Zeit», XXX Jahrgang, II Band, 1911—1912.—448—453.
MARX, K., ENGELS, FR. — Das Kommunistische Manifest. Neue Ausgabe mit einem Vorwort der Verfasser. Leipzig. 1872. Verlag der Expedition des «Volksstand».—394.
— Das Kommunistische Manifest. Siebente autorisierte deutsche Ausgabe mit Vorreden von Karl Marx und Friedrich Engels und einem Vorwort von Karl Kautsky. Verlag: Buchhandlung «Vorwärts». Berlin. 1906. S. 46.—384.
MARX, K. — Der Achtzehnte Brümaire des Louis Bonaparte. Vierte Auflage. Hamburg. Otto Meiszners Verlag. 1907. S. 110.—52, 387.
— Der Bürgerkrieg in Frankreich. Leipzig. 1872.—397—408.
— Der politische Indifferentismus. «Die Neue Zeit», XXXII Jahrgang, I Band, 1913—1914.—410—413.
— L'indifferenza in materia politica. Almanaco Republicano per l'anno 1874. Lodi. 1873.—410—413.
— Das Elend der Philosophie. Stuttgart. 1885.—384.
— Ein Brief an Bracke, 5 Mai 1875, London. «Die Neue Zeit», IX Jahrgang, I Band, 1890—1891. S.S. 561—575.—427—436.
— Ein Brief an Dr. L. Kugelman. «Die Neue Zeit», XX Jahrgang, I Band, 1901—1902. S.S. 709—710.—394, 395.
— Briefe an Dr. L. Kugelman.—«Die Neue Zeit», XX Jahrgang, II Band, 1901—1902. №№ 1, 2, 3, 4, 6, 7, 12, 13, 15, 17, 19, 25.— 394.
— Ein Brief an Weidemeier, 5 März 1852. (Fr. Mehring. Neue Beiträge zur Biografie Karl Marx und Friedrich Engels.) «Die Neue Zeit», XXV Jahrgang, II Band, 1906—1907. S.S. 160—168.—391.
«DIE NEUE ZEIT», IX Jahrgang, I Band, 1890—1891. K. Marx. Ein Brief an Bracke, 5 Mai 1875. London.—427—436.
— IX Jahrgang, II Band, 1890—1891. Fr. Engels. Zur Urgeschichte der Familie.—375.
— IX Jahrgang, II Band, 1890—1891. Fr. Engels. Über den Bürgerkrieg in Frankreich.—421—424.
— XX Jahrgang, I Band, 1901—1902. Fr. Engels. Zur Kritik des socialdemokratischen Programmentwurfes.—304, 415—420.
— XX Jahrgang, I Band, 1901—1902. K. Marx. Ein Brief an Dr. L. Kugelman.—394, 395.

«DIE NEUE ZEIT», XX Jahrgang, II Band, 1901 — 1902. K. Marx. Briefe an Dr. L. Kugelman. №№ 1, 2, 3, 4, 6, 7, 12, 13, 15, 17, 19 u. 25. — 394, 395.
— XXV Jahrgang, II Band, 1906 — 1907. K. Marx. Ein Brief an Weidemeier, 5 März 1852. (Fr. Mehring. Neue Beiträge zur Biografie Karl Marx und Friedrich Engels.) — 391.
— XXX Jahrgang, II Band, 1911 — 1912. A. Pannekoek. Massenaktion und Revolution. — 448.
— XXX Jahrgang, II Band, 1911 — 1912. K. Kautsky. Die neue Taktik. — 448 — 453.
— XXXII Jahrgang, I Band, 1913 — 1914. K. Marx. Der politische Indifferentismus. — 410 — 413.
— XXXII Jahrgang, I Band, 1913 — 1914. Fr. Engels. Über das Autoritätsprinzip. — 410 — 413.
PANNEKOEK, A. — Massenaktion und Revolution. «Die Neue Zeit». XXX Jahrgang, II Band, 1911 — 1912. S.S. 609 — 616. — 448.
PLECHANOW, G. — Anarchismus und Sozialismus. Berlin. Verlag der Expedition des «Vorwärts». 1894. — 441 — 442.
RUSSISCHE KORRESPONDENZ «PRAWDA». Herausgegeben von der ausländischen Vertretung des Centralkomittees der Russ. Soc.-Dem. Arbeiterpartei (Bolschewiki). Erscheint in Stockholm 2 Mal wöchentlich №№ 1 — 33, 3 VI 1917 — 3 XI 1917. — 28.

III. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ.

№ 1 (к стр. 20 и 57).

ВОЗЗВАНИЕ Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. В НОЧЬ НА 17 (4) ИЮЛЯ 1917 Г.

Товарищи рабочие и солдаты Петрограда!

После того, как контр-революционная буржуазия явно выступила против революции, пусть Всероссийский Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов возьмет всю власть в свои руки.

Такова воля революционного населения Петрограда, который имеет право довести эту волю путем *мирной* и *организованной* демонстрации до сведения заседающего сейчас Исп. Комитета Всер. С. Р., С. и К. Д.

Да здравствует воля революционных рабочих и революционных солдат!

Да здравствует власть Советов!

Коалиционное правительство потерпело крах: оно распалось, не будучи в состоянии выполнить тех задач, ради которых оно было создано; грандиозные, труднейшие задачи стоят перед революцией. Нужна новая власть, которая в единении с революционным пролетариатом, революционной армией и революционным крестьянством решительно взялась бы за укрепление и расширение завоеваний народа. Такой властью может быть только власть Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Вчера революционный гарнизон Петрограда и рабочие выступили, чтобы провозгласить этот лозунг: вся власть Совету. Это движение, вспыхнувшее в полках и на заводах, мы зовем превратить в мирное, организованное выявление воли всего рабочего, солдатского и крестьянского Петрограда.

Центральный Комитет Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии.
Петроградский Комитет Р.С.-Д.Р.П.
Межрайонный Комитет Р.С.-Д.Р.П.
Военная Организация при Центр. Ком. Р.С.-Д.Р.П.
Комиссия Рабочей Секции Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Напечатано отдельным листком 17 (4) июля 1917 г.

№ 2 (к стр. 20 и 57).

ВОЗЗВАНИЕ Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. В НОЧЬ НА 18 (5) ИЮЛЯ 1917 Г.

Товарищи! В понедельник вы вышли на улицу. Во вторник вы решили продолжать демонстрацию. Мы звали вас вчера на *мирную* демонстрацию. Мы ставили ее целью показать всем массам трудящихся и эксплуа-

тируемых силу наших лозунгов, их вес, их значение, их необходимость для освобождения народов от войны, от голода, от гибели.

Цель демонстрации достигнута. Лозунги передового отряда рабочего класса и армии показаны внушительно и достойно. Отдельные выстрелы в демонстрантов со стороны контр-революционеров не могли нарушить общего характера демонстрации.

Товарищи! В течение данного политического кризиса наша цель достигнута. Мы постановили поэтому закончить демонстрацию. Пусть все и каждый мирно, организованно прекратят забастовку и демонстрацию.

Выждем развития кризиса дальше. Будем продолжать готовить свои силы. Жизнь за нас, ход событий доказывает правильность наших лозунгов.

Центральный Комитет Р.С.-Д.Р.П.
Петербургский Комитет Р.С.-Д.Р.П.
Межрайонный Комитет Р.С.-Д.Р.П.
Военная Организация при Ц.К. Р.С.-Д.Р.П.
Комиссия Рабочей Секции Совета Р. и С.Д.

«Правда» № 99, 18 (5) июля 1917 г.

№ 3 (к стр. 19).

ВОЗЗВАНИЕ Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. ПО ПОВОДУ КЛЕВЕТЫ НА ЛЕНИНА.

К населению Петрограда! к рабочим! к солдатам! ко всем честным гражданам!

Клевета должна быть разоблачена!

Клеветников под суд!

Против *т. Ленина* выдвинуто неслыханное обвинение: будто он получал и получает деньги из германских источников на свою агитацию. Газеты уже дали этой чудовищной клевете огласку. Уже печатаются подпольные листки со ссылкой на бывшего депутата Алексинского. Уже раздаются призывы к убийствам большевиков. Уже по рукам обманутых солдат ходят списки лиц, которые подлежат истреблению.

Цель ясна: контр-революция хочет простейшим способом обезглавить революцию, посеяв смуту в массах и натравив их на наиболее популярных вождей, заслуженных борцов революции.

Мы заявляем: все, что сообщается о денежных или иных связях т. Ленина с правящей Германией,—ложь и клевета.

Инициатор дела—Алексинский, известный клеветник, обвинявший в подкупе немцами целый ряд лиц и уже осужденный за бесчестные поступки союзом русских, английских, итальянских и нейтральных журналистов во Франции и исключенный за злонамеренную клевету из всех демократических организаций Парижа и недопущенный в состав Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Мы требуем от Временного правительства и Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Солдатских Депутатов немедленного и гласного расследования всех обстоятельств подлого заговора погромщиков и наемных клеветников против чести и жизни вождей рабочего класса.

Необходимо пролить полный свет на все это дело. И весь народ убедится из этого расследования, что на революционной чести т. Ленина нет ни одного пятна.

Под суд клеветников и распространителей клеветы! К позорному столбу погромщиков и лжецов!

Центральный Комитет Р.С.-Д.Р.П.

Отдельный листок.

№ 4 (к стр. 101 и сл.).

РЕЗОЛЮЦИИ VI СЪЕЗДА Р.С.-Д.Р.П.

1. Текущий момент и война.

1. Война за последнее время приобретает размах всеобъемлющего мирового столкновения. На сцене появился новый гигант империализма и претендент на мировую гегемонию — Америка. Под давлением Америки и союзников вступает в войну Китай. Борьба империалистских держав переносится на все решительно страны. На ряду с расширением сферы войны ее затягиванию способствует и борьба мировой буржуазии против назревающей пролетарской революции, путем сохранения режима военной диктатуры и раздробления сил международного пролетариата.

2. Наиболее опасным моментом для империалистов всех стран является русская революция, как первое выступление масс, грозящее в ходе развития превратиться в непосредственное выступление их против войны и империализма и втянуть в эту борьбу пролетарские массы других стран.

3. С самого начала революции империалисты союзных стран открыли против нее поход (заигрывание с свергнутым Николаем, травля Советов, аресты русских интернационалистов и т. д.). Этот поход перешел в прямой штурм революции, выразившийся в открытом блоке между союзными банкирами и контр-революционными силами в России, финансировании их английским капиталом, прямом вмешательстве «союзных» властей во внутренние дела России, наконец, в требовании перехода в наступление, несмотря на абсолютную неподготовленность к нему русской армии.

4. Победа сторонников политики наступления в России привела во всех странах к новому подъему шовинизма, к усилению империалистской диктатуры и к созданию условий, затрудняющих работу интернациональных социалистов.

5. Верхние слои мелкой буржуазии и крестьянства, а также часть рабочих, не покончивших еще с мелкобуржуазными иллюзиями, политически представляемые партиями эс-эров и меньшевиков, стали на точку зрения наступления и тем самым попали в плен к империалистской крупной буржуазии.

На почве общих военных задач между ними и социал-империалистами запада создался тесный союз, который неизбежно превратился в союз активной поддержки империализма стран «Согласия».

6. Российская мелкобуржуазная демократия, в лице партий эс-эров и меньшевиков, оказалась втянутой в русло общей империалистской политики. В этом отношении произошло полное уравнение политики социал-патриотов всех стран, окончательно превратившихся и в России в прямых агентов империализма. Таким образом меньшевики и эс-эры помогли контр-революционному финансовому капиталу ослабить значение России, как очага революции международной.

7. Дальнейшее продолжение войны, с одной стороны, ускоряет процесс разрушения производительных сил, с другой — приводит к чрезвычайной концентрации производства и к централизации его в руках милитаристского государства. В то же время продолжение войны, пролетаризируя в невиданных размерах промежуточные слои, превращая пролетариат в крепостного империалистского государства, способствуя абсолютному обнищанию рабочих, обрушивая на них полицейские репрессии и т. д., неизбежно приводит к нарастанию элементов пролетарской революции.

8. Кампания за мир путем «давления» на союзные правительства и соглашения с социал-империалистами, предпринятая Советами, отказавшимися на деле от разрыва с империализмом, не могла не потерпеть жесто-

кого краха. Этот крах подтвердил правильность точки зрения революционной социал-демократии, что лишь революционная борьба масс во всех странах против империализма, интернациональная пролетарская революция, сможет привести к демократическому миру.

9. Ликвидация империалистического господства ставит перед рабочим классом той страны, которая первая осуществит диктатуру пролетариев и полупролетариев, задачу всяческой (вплоть до вооруженной) поддержки борющегося пролетариата других стран. В частности, такая задача станет на очереди перед Россией, если, что очень вероятно, новый неизбежный подъем русской революции поставит у власти рабочих и беднейших крестьян раньше переворота в капиталистических странах Запада.

10. Единственным способом действительно демократической ликвидации войны для международного пролетариата является поэтому завоевание им власти, а в России завоевание ее рабочими и беднейшим крестьянством. Только эти классы будут в состоянии порвать с капиталистами всех стран и способствовать на деле росту международной пролетарской революции, которая должна ликвидировать не только войну, но и капиталистическое рабство.

2. О политическом положении.

1. Развитие классовой борьбы и взаимоотношение партий в обстановке империалистской войны, в связи с кризисом на фронте и усиливающейся зависимостью России от союзного капитала, привели к диктатуре контрреволюционной империалистской буржуазии, опирающейся на военную клику из командных верхов и прикрываемой революционной ширмой вождями мелкобуржуазного социализма.

2. По свержении царизма власть перешла к буржуазии, вследствие ее экономической силы и политической организованности. Но, стремясь к продолжению империалистской войны и к охране грабительски высоких прибылей капитала и помещичьего землевладения, буржуазия не могла удержать власть при полной политической свободе и вооружении масс, что дала революция. Пролетариат и крестьянство, организовавшись в Советы Р., С. и К. Депутатов, неизбежно стремились к прекращению империалистской бойни народов из-за интересов капиталистов и к обузданию их мародерства, главным образом при военных поставках, а равно и к передаче помещичьих земель крестьянам.

Первый же кризис, разразившийся 20—21 апреля, неминуемо привел бы к падению буржуазного Временного правительства и к мирному переходу власти в руки Совета, если бы вожди их, эс-эры и меньшевики, не спасли правительства капиталистов, связав с его судьбой Советы под видом коалиционного министерства.

3. Господство мелкобуржуазных партий эс-эров и меньшевиков среди представителей крестьянства и мелких хозяев вообще, а также части не освободившихся от влияния буржуазии рабочих сложилось естественно в силу мелкобуржуазности преобладающей массы населения России. При доверчиво-бессознательном отношении этой массы к капиталистам естественно было известное время увлечение мечтой о замене острой классовой борьбы мирным соглашательством рабочих с капиталистами, крестьян с помещиками.

4. При господстве этих партий Советы неизбежно опускались все ниже и ниже, перестали быть органами восстания, как и органами государственной власти, а решения их неизбежно превращались в бессильные резолюции и невинные пожелания. А буржуазия в это время, играя «социалистическими» министрами, оттягивала выборы в Учредительное Со-

брание, тормозила переход земли к крестьянам, саботировала всякую борьбу с разрухой, подготовляла—с одобрения большинства Советов—наступление на фронте, т.-е. возобновление империалистской войны, организуя всем этим силы контр-революции.

5. Нарастание недовольства масс дороговизной, разрухой, затягиванием войны находило себе выражение в обострении борьбы между буржуазией и пролетариатом, толкавшим вперед революцию и остававшимся непреклонно враждебным империалистской войне. Перед лицом этого обострения борьбы классов запутавшиеся в соглашательстве с буржуазией и в поддержке политики наступления эс-эры и меньшевики неминуемо перешли к поддержке контр-революционных кадетов против пролетариата.

Уже при кризисе 9-го июня Церетели предлагал разоружить питерских рабочих и революционные полки. Манифестация 18-го июня особенно наглядно показала, что эс-эры и меньшевики окончательно разошлись с стремлениями масс. А когда вспыхнуло стихийное движение 3—4 июля, когда партия пролетариата, исполняя свой революционный долг, стала на сторону справедливо негодующих, возмущенных масс, тогда эс-эры и меньшевики, окончательно поставленные перед необходимостью разрыва с буржуазией, но более всего боящиеся этого разрыва, ответили решительным переходом к открытой борьбе с революционным пролетариатом и революционными войсками, вызвали несознательные войска в Питер, одобрили разгромы и закрытие интернационалистских газет, разоружение революционных войск и рабочих, смертную казнь на фронте, аресты большевиков и т. д. и т. п.

6. В силу такого хода событий в настоящее время государственная власть оказалась фактически в руках контр-революционной буржуазии, поддержанной военной кликой. Именно эта империалистская диктатура провела и проводит все перечисленные выше меры разрушения политической свободы, насилия над массами и беспощадного преследования интернационалистского пролетариата, при полнейшем бессилии и бездействии центрального учреждения Советов, Ц. И. К.

Советы переживают мучительную агонию, разлагаясь вследствие того, что не взяли во-время всей государственной власти в свои руки.

7. Лозунг передачи власти Советам, выдвинутым первым подъемом революции, который пропагандировала наша партия, был лозунгом мирного развития революции, безболезненного перехода власти от буржуазии к рабочим и крестьянам, постепенного изживания мелкой буржуазией ее иллюзии.

В настоящее время мирное развитие и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контр-революционной буржуазии.

Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контр-революционной буржуазии. Лишь революционный пролетариат, при условии поддержки его беднейшим крестьянством, в силах выполнить эту задачу, являющуюся задачей нового подъема.

8. Успешность этого подъема зависит от того, достаточно ли быстро и прочно сознает большинство народа всю гибельность надежд на соглашательство с буржуазией, надежд, выражаемых и поддерживаемых партиями эс-эров и меньшевиков. Ход событий опровергает эти надежды чрезвычайно жестоко.

Партия должна взять на себя роль передового борца против контр-революции; энергично отстаивать все завоеванные свободы и явочным порядком утвержденные права; отстаивать против контр-революционных покушений все массовые организации (Советы, фабр.-зав. комитеты, солд. и крест. комитеты), и в первую голову Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов; всеми силами сохранять и укреплять позиции, завоеванные в этих органах интернационалистским крылом; энергично

бороться за влияние в них, сплачивая вокруг себя все элементы, переходящие на точку зрения последовательной борьбы с контр-революцией.

9. Пролетариат не должен поддаваться на провокацию буржуазии, которая очень желала бы в данный момент вызвать его на преждевременный бой. Он должен направить все усилия на организацию и подготовку сил к моменту, когда общенациональный кризис и глубокий массовый подъем создадут благоприятные условия для перехода бедноты города и деревни на сторону рабочих—против буржуазии.

10. Задачей этих революционных классов явится тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее, в союзе с революционным пролетариатом передовых стран, к миру и к социалистическому переустройству общества.

3. Экономическое положение.

1. Основной причиной экономического развала является несоответствие между состоянием производительных сил и теми требованиями, которые предъявляет империалистская война. Особенно резкое несоответствие имеется в России, благодаря относительно низкому уровню развития производительных сил и несовершенству их экономическо-технической организации.

В результате, после трех лет войны, экономическое положение России представляется в следующем виде: полное истощение в сфере производительного труда и дезорганизация производства, всемерное расстройство и распад транспортной сети, близкое к окончательному краху состояние государственных финансов и, как последствия всего этого, доходящий до голода продовольственный кризис, абсолютная нехватка топлива и средств производства вообще, прогрессирующая безработица, громадное обнищание масс и т. д. Страна уже падает в бездну окончательного экономического распада и гибели.

2. Этот с каждым днем все обостряющийся кризис усиливается политикой буржуазии, которая, боясь потерять вместе с политической властью и власть над организованным производством, не только не организует его, но ведет политику саботажа, прибегая к скрытым локаутам, остановке производства и т. д., сознательно способствуя экономическому хаосу в целях использования его для дела контр-революции.

3. Аналогичную экономическую политику ведут представители «торговли и промышленности» и в министерстве. Тактика саботажа государственной власти и всякой работы, клонящейся к урегулированию производства, а также упорное противодействие самочинным организациям, до известной степени упорядочивающим хозяйственную жизнь, на практике не могла не привести к еще большей разрухе. Ни одной серьезной реформы ни в области общественного, ни в области государственного хозяйства сделано не было.

4. Продолжение войны, хронический кризис власти, вытекающий из соглашательской политики мелкобуржуазных партий, и страх буржуазии перед возрастающим натиском пролетариата делают невозможным даже милитаристскую, государственно-капиталистическую организацию хозяйства, закрепощающую рабочий класс империалистскому государству.

5. Таким образом, единственным выходом из критического положения является ликвидация войны и организация производства не для войны, а для восстановления всего разрушенного ею, не в интересах кучки финансовых олигархов, а в интересах рабочих и беднейших крестьян.

Такое урегулирование производства в России может быть проведено лишь организацией, находящейся в руках пролетариев и полупролетариев, что предполагает переход в их руки и государственной власти. При этом

является необходимым проведение ряда решительных революционных мероприятий.

6. Необходимо вмешательство в область производства, в целях планомерного урегулирования производства и распределения, а также необходима национализация и централизация банкового дела, национализация ряда синдицированных предприятий (напр., нефтяных, каменноугольных, сахарных, металлургических, а также транспорта).

7. Организация правильного обмена между городом и деревней, опирающегося на кооперативы и на продовольственные комитеты, в целях снабжения города необходимыми продуктами сельского хозяйства и деревни необходимыми фабрикатами, с.-х. орудиями, машинами и т. п.

8. Установление действительного рабочего контроля. В органы контроля должны войти в большинстве представители Советов Раб. Депутатов, професс. союзов и фабрично-заводских комитетов. В органы контроля должны быть привлечены и представители технически научно-образованного персонала.

9. Рабочий контроль должен быть развит путем постепенно осуществляемых мер в полное регулирование производства.

10. Для проведения контроля необходимо провести в качестве предварительных мер: отмену коммерческой тайны, книги торговцев, промышленников, банков должны быть открыты для контроля. Сокрытие документов должно быть объявлено уголовнонаказуемым. Периодически должен производиться учет запасов и публикация во всеобщее сведение о имеющихся запасах с указанием предприятий, имеющих их.

В целях борьбы с тайными и явными локаутами — издание закона с запрещением закрытия фабрик или сокращения производства без разрешения Советов Раб. Деп., професс. союзов и центральных фабрично-заводских комитетов.

11. В целях борьбы с финансовым крахом необходимы следующие меры: немедленное прекращение дальнейшего выпуска бумажных денег, отказ от уплаты государственных долгов, как внешних, так и внутренних с соблюдением, однако, интересов мелких подписчиков, преобразование всей налоговой системы путем введения поимущественного налога, налога на прирост имуществ и высоких косвенных налогов на предметы роскоши, реформа подоходного налога и постановка оценки доходов имуществ под действительный контроль как в центре, так и на местах.

12. В области поднятия производительных сил необходимо правильное распределение рабочих сил: перевод их из отраслей и предприятий, работающих на войну, в отрасли и предприятия, работающие на нужды страны.

13. По выполнении всех вышеуказанных условий и при условии перехода власти в руки пролетариата и полупролетариев в целях правильного распределения рабочих сил и поднятия производства необходимо введение всеобщей трудовой повинности. Только при таком условии всеобщая трудовая повинность даст возможность наибольшего подъема производительных сил, а не послужит новым способом закабаления рабочих.

14. Задачей рабочих организаций (профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов, Советов Раб. Депутатов) должно быть поощрение в проведении подобных мер на местах, развитие инициативы в этом направлении, ускорение и обобщение таких шагов в общегосударственном масштабе.

15. Проведение и осуществление всех вышеуказанных мероприятий возможно лишь при напряжении всех сил рабочих, при поддержке беднейшими слоями крестьянства, для проведения их в жизнь и для решительного отпора и борьбы с политикой власти империалистической буржуазии и ее контр-революционным напором.

4. Предвыборная кампания в Учредительное Собрание.

I. ПРЕДВЫБОРНЫЕ ОРГАНЫ.

1. Центральный Комитет организует Центральную Избирательную Комиссию, куда областные организации делегируют своих представителей.

2. Областные организации создают Областную Избирательную Комиссию, куда местные организации делегируют своих представителей.

3. Во всех последующих ступенях партийных объединений и организаций, в каждой из них под руководством общих коллективов, для предвыборных работ рекомендуется создание таких же местных предвыборных комиссий.

4. В крупнопромышленных центрах для тех же работ желательна организация среди рабочих (и солдат) землячеств.

II. ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА.

5. Денежные средства на предвыборные работы составляются путем:

а) организации единовременных отчислений однодневного заработка;

б) путем сборов пожертвований (кружечных и по подписным листам), устройства платных лекций, концертов, вечеров, выпуска однодневных газет и т. п.

6. Собранные таким путем средства распределяются:

а) 40% в кассу Центральн. Комиссии.

б) 60% остаются в местных организациях.

III. АГИТАЦИЯ.

7. *Письменная:*

а) издание крестьянской газеты;

б) популярных брошюр-листовок, доступно излагающих все основные лозунги нашей платформы;

в) издание Центр. Комиссией руководства для агитаторов с указанием тем, плана и содержания речей, а также и перечня необходимых литературных источников. Кроме того, в этом руководстве должны быть изложены основные положения избирательного закона, его особенности и методы избирательной техники.

8. *Устная:* Проводниками ее должны быть кадры подготовленных работников. С этой целью при Центр. Комиссии и на местах должны быть организованы краткосрочные курсы агитаторов и, кроме того, должна практиковаться посылка в предвыборный период в деревню сознательных рабочих и солдат.

IV. БЛОКИ И СОГЛАШЕНИЯ.

9. Блоки допускаются лишь с партиями, стоящими на почве интернационализма, не на словах, а на деле порвавшими с оборонцами.

10. Соглашения допустимы и с беспартийными революционными организациями (напр., Советами Депутатов, Земельными Комитетами, Комитетами засевщиков и т. д.), *полностью принимающими нашу платформу.*

11. Избирательные соглашения должны быть санкционированы Централ. Комитетом.

V. КАНДИДАТСКИЕ СПИСКИ.

12. Кандидаты намечаются губернскими конференциями или местными организациями.

13. Центр. Комитету предоставляется право отвода.

14. Ему же предоставляется право предлагать местным организациям своих кандидатов.

VI. ПРЕДВЫБОРНАЯ РАБОТА В АРМИИ И НА ФРОНТЕ.

15. Съезд высказывает пожелание, чтобы военная организация при Центр. Комитете немедленно же приступила бы к разработке плана предвыборных работ партии в армии, и особенно на фронте.

5. Задачи профессионального движения.

I. Развитие классовой борьбы в эпоху ожесточенных схваток империалистической буржуазии за захват мировых рынков, не устраняя основной задачи, стоящей перед профессиональным движением — руководство экономической борьбы пролетариата, как одной из форм его классовой борьбы — выдвигает перед ним новые и сложные проблемы, радикальное разрешение которых возможно только при замене капиталистического строя социалистическим.

II. Трехлетняя братоубийственная война и преступная политика господствующих классов всех стран привели к экономической катастрофе, которая при наличности контр-революционной диктатуры кадетско-оборонческого блока грозит особенно тяжкими последствиями для рабочих масс России.

III. Безработица, усиливаемая явными и скрытыми локаутами, организуемыми буржуазией в целях борьбы с революционными завоеваниями рабочего класса, в связи с надвигающейся демобилизацией промышленности и демобилизацией армии, угрожает самому существованию профессиональных союзов и революции.

IV. Невыносимые условия труда, созданные в обстановке войны путем фактической отмены тех жалких завоеваний в области охраны труда, которые были добыты до войны, выдвигают задачу борьбы за самое широкое всестороннее рабочее законодательство.

V. Профессиональные союзы, все более вовлекаясь логикой событий в борьбу за социализм, должны *во всех своих выступлениях* руководствоваться *принципами последовательной классовой борьбы,* энергично и планомерно отстаивать общие интересы рабочего класса, отвергая всякие попытки сузить профессиональное движение и подчинить его интересам войны и господствующих классов.

VI. Профессиональные союзы, как боевые организации рабочего класса, кровно заинтересованные в доведении революции до победоносного конца, должны в тесном контакте с политической партией пролетариата организовать экономический и политический отпор контр-революции, пользующейся экономической разрухой для полного порабощения широких народных масс.

VII. Для борьбы с экономическим разложением страны, обостряемым растущей контр-революцией, и в целях доведения революции до победного конца профессиональные союзы должны добиваться государственного вмешательства в организацию производства и распределения продуктов, памятуя при этом, что только при подъеме новой революционной волны и диктатуре пролетариата, опирающегося на беднейшие слои крестьянства, эти мероприятия могут быть проведены в интересах широких народных масс.

Ввиду всего этого съезд признает: Все эти ответственные задачи могут быть осуществлены профессиональными союзами России лишь в том случае, если они будут оставаться *боевыми классовыми организациями* и вести свою борьбу в тесном органическом сотрудничестве с политической классовой партией пролетариата; если во время выборов в Учредительное собрание они будут энергично бороться за победу социалистической партии, которая неуклонно отстаивает классовые интересы пролетариата и выступает за скорейшую ликвидацию войны путем массовой революцион-

ной борьбы против правящих классов всех стран; если они, в целях скорейшего окончания войны и создания Интернационала, вступят в немедленные сношения со всеми профессиональными союзами, которые ведут в различных странах войну против войны, и вместе с ними выработают общий план их борьбы против международной бойни и за социализм; если они будут ставить свою повседневную борьбу за улучшение экономического положения в связи с переживаемой нами эпохой гигантских социальных битв, и если, наконец, они во всех своих выступлениях будут подчеркивать, что разрешение поставленных историей перед русским пролетариатом задач возможно только в международном масштабе.

Международный революционный социализм — против международного империализма!

6. Устав Р. С.-Д. Р. П.

1. Членом партии признается всякий, признающий программу партии, входящий в одну из ее организаций, подчиняющийся всем постановлениям партии и уплачивающий членские взносы.

2. Новые члены принимаются местными партийными организациями по рекомендации 2-х членов партии и утверждаются ближайшим общим собранием членов организации.

3. Членский взнос устанавливается местной организацией в размере не менее 1% заработной платы.

Новые члены уплачивают вступительный взнос в размере 50 коп.

> *Примечание.* Члены партии, в течение 3 месяцев не уплатившие без уважительных причин членских взносов, считаются выбывшими из организации, о чем доводится до сведения общего собрания.

4. Вопрос об исключении члена партии решается на общем собрании местной организации, коей членом он состоит. Решение общего собрания может быть обжаловано в высшее партийное учреждение, в районную или областную (в столице — общегородскую) конференцию.

Высшей инстанцией считается партийный съезд.

> *Примечание.* Об исключенных членах партии публикуется в партийных органах.

5. Все организации партии строятся на началах демократического централизма.

6. Все организации автономны во внутренней своей деятельности. Всякая организация партии имеет право издавать от своего имени партийную литературу.

7. Партийные организации объединяются по районам и областям. Районные и областные комитеты избираются на районных и областных конференциях.

Границы районов и областей определяются районными конференциями. В случае недоразумений между соседними областями решение вопроса передается Центр. Комитету.

8. Новые партийные организации утверждаются областными комитетами, а при отсутствии таковых Центр. Комитетом. Контроль над утверждением принадлежит Центр. Комитету.

О каждой новой организации Ц. К. объявляет в партийной печати.

9. Все местные организации должны отчислять Центр. Комитету 10% всех членских взносов и прочих денежных поступлений, не имеющих специального назначения.

> *Примечание.* В местностях, где организация делится на районы и подрайоны, местной организацией считается районный и подрайонный комитет.

10. Верховным органом партии является съезд. Очередные съезды созываются ежегодно. Чрезвычайные съезды созываются Центр. Комитетом по собственной инициативе или по требованию не менее $^1/_3$ общего числа членов, представленных на последнем партийном съезде. Созыв партийного съезда и порядок дня объявляется не менее как за $1^1/_2$ месяца до съезда. Чрезвычайный съезд созывается в 2 месячный срок. Съезд считается действительным, если на нем представлено не менее половины всех членов партии.

Нормы представительства на съезде партии устанавливаются Центр. Комитетом по соглашению с областными комитетами с соблюдением принципа пропорциональности.

11. В случае несозыва Центр. Комитетом чрезвычайного съезда в указанный в пункте 10-м срок, организации, потребовавшие его, имеют право образовать Организационный Комитет, пользующийся всеми правами Ц. К. по созыву съезда.

12. Съезд: а) заслушивает и утверждает отчеты Ц. К., ревизионной комиссии и прочих центральных учреждений; б) пересматривает и изменяет программу партии; в) определяет тактическую линию партии по текущим вопросам и г) избирает Ц. К. и ревизионную комиссию.

13. Ц. К. избирается ежегодно на съезде. Для текущей работы Ц. К. выделяет из своей среды узкий состав Ц. К.

Пленарные заседания Ц. К. собираются не реже 1 раза в 2 месяца. Ц. К. представляет партию в сношениях с другими партиями и учреждениями, организует различные учреждения партии и руководит их деятельностью, назначает редакцию Ц. О., работающую под его контролем, организует и ведет предприятия, имеющие общепартийное значение, распределяет силы и средства партии и заведует центральной кассой партии.

В случае выбытия членов Ц. К., состав его пополняется из числа выбранных съездом кандидатов в порядке, определенном съездом.

14. Ревизионная комиссия избирается ежегодно на партийном съезде, ревизует кассу и все предприятия Ц. К. и представляет доклад ближайшему партийному съезду.

7. О союзах молодежи.

С первых дней революции в целом ряде городов России и в особенности в Петрограде началось широкое движение рабочей молодежи и рабочего юношества в целях создания самостоятельных пролетарских организаций молодых рабочих и работниц. Русская буржуазия, как западноевропейская, великолепно понимая, какое огромное значение имеет подрастающее поколение рабочего класса на весь ход и развитие классовой борьбы, попытается, — и отчасти такие попытки были уже сделаны, — использовать эти организации в целях подчинения молодых пролетариев своей буржуазной идеологии, внедряя в их умы и сознание понятия об «обществе», «патриотизме» и т. п. и отвлекая рабочую молодежь хотя бы на время от активного участия в экономической и политической борьбе рабочего класса. Партия пролетариата в свою очередь отдает себе отчет в том огромном значении, какое рабочая молодежь имеет для рабочего движения в целом.

Съезд считает поэтому необходимым, чтобы партийные организации на местах обратили самое серьезное внимание на дело организации молодежи. *Вмешательство партии в организационное строительство рабочей молодежи не должно носить характера опеки над нею.* Учитывая опыт Западной Европы, где самостоятельные организации социалистической рабочей молодежи, в отличие от опекаемых официальными партиями, почти всюду являются опорой левого интернационалистского крыла рабочего движения, наша партия должна и в России стремиться к тому, чтобы

рабочая молодежь создала самостоятельные организации, организационно не подчиненные, а только духовно связанные с партией. Но в то же время партия стремится к тому, чтобы организации эти с самого же своего возникновения приняли социалистический характер, чтобы будущий социалистический Союз Рабочей Молодежи России при самом своем возникновении примкнул к Интернационалу молодежи, чтобы его местные секции преследовали по преимуществу цели развития классового самосознания пролетарского юношества путем пропаганды идей социализма, энергичной борьбы с шовинизмом и милитаризмом и одновременной защиты экономических и политических правовых интересов несовершеннолетних рабочих и работниц. В настоящее время, когда борьба рабочего класса переходит в фазу непосредственной борьбы за социализм, съезд считает содействие созданию классовых социалистических организаций рабочей молодежи одной из неотложных задач момента и вменяет партийным организациям в обязанность уделить работе этой возможный максимум внимания.

8. Об объединении партий.

Раскол между социал-патриотами и революционными интернационалистами в России, раскол, закрепленный и в мировом масштабе, с каждым днем становится все глубже и глубже. Меньшевики, начавшие оборончеством, закончили самым позорным союзом с контр-революционной буржуазией, вдохновляя и санкционируя гонения на интернационалистские организации, на рабочую печать и т. д. и т. д. Превратившись в прислужников российского и союзного империализма, они окончательно перешли в стан врагов пролетариата.

При таких обстоятельствах первейшей задачей революционной Социал-демократии является настойчивое разоблачение перед самыми широкими рабочими массами предательской политики меньшевиков-империалистов, полнейшее изолирование их от всех сколько-нибудь революционных элементов рабочего класса. Поэтому тяжелым ударом интересам пролетариата является всякая попытка примирения империалистских и революционно-интернационалистских элементов социализма путем «объединительного съезда» на предмет создания единой с.-д. партии (проект группы беспочвенных интеллигентов из «Новой Жизни»). Исходя из признания необходимости полного и бесповоротного раскола с меньшевиками-империалистами, съезд высказывается самым решительным образом против таких попыток. Противопоставляя опасному лозунгу единства всех, социал-демократия выдвигает классовой революционный лозунг — единство всех интернационалистов, порвавших на деле с меньшевиками-империалистами. Полагая такое единство необходимым и неизбежным, съезд призывает все революционные элементы социал-демократии немедля порвать организационную связь с оборонцами и объединиться вокруг Р. С.-Д. Р. П.

9. О неявке т. Ленина на суд.

Считая, что устанавливающиеся теперь приемы полицейско-охранных преследований и деятельности прокуратуры восстанавливают, как то признал и Ц. И. К. С. Р. и С. Д., нравы щегловитовского режима; полагая, что при таких условиях нет абсолютно никаких гарантий не только беспристрастного судопроизводства, но и элементарной безопасности привлекаемых к суду, съезд Р. С.-Д. Р. П. выражает свой горячий протест против возмутительной прокурорско-шпионски-полицейской травли вождей революционного пролетариата, шлет свой привет тт. Ленину, Зиновьеву, Троцкому и др., надеется увидеть их снова в рядах партии революционного пролетариата.

«Протоколы VI съезда Р. С.-Д. Р. П. (большевиков)». Изд. «Коммунист». 1919.

№ 5 (к стр. 101 и сл.).

МАНИФЕСТ РОССИЙСКОЙ СОЦ.-ДЕМОКР. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ *).

Ко всем трудящимся, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам России.

Товарищи!

Пять месяцев прошло с того времени, как революционный пролетариат и войска свергли господство кнута и палки и посадили под замок Николая Романова. Рабочий сбросил с себя цепи, в которые заковал его полицейский порядок. Солдат стал свободным гражданином. Среди мирового варварства и озверения мощно прозвучал голос российской революции: «Мир и братство народов».

Впереди революционных борцов шел *пролетариат*. С самого начала российский пролетариат понимал, что для успеха русской революции для дела мира, для дела свободы необходима взаимная поддержка рабочих всех стран, необходимо международное восстание порабощенных, истекающих кровью пролетариев Европы. Его боевым кличем стал клич: «Да здравствует международная революция!»

Международный капитал ответил на этот клич *заговором* против русской революции. Русская революция означала для него прорыв империалистического фронта. Русская революция грозила зажечь пожар мирового восстания, расшатать и разбить господство капитала, повергнуть в прах золотого тельца. Для международных биржевых волков и заправил банков во весь рост встала задача: задушить русскую революцию во что бы то ни стало, разрушить ее силы, обезглавить международный пролетариат, перебить его партию.

Российские захватчики вошли с ними в тесный союз, связались тайными нитями. С самых первых дней революции российская финансовая буржуазия и ее партия — так называемая партия народной свободы — заключила договор с хищниками западно-европейского империализма. Русская буржуазия ничего не имела против свержения самодержавия царя, господство которого делало невозможным даже ведение войны (этому мешало воровство и распутство царских министров). Но дальнейший ход революции грозил ей неисчислимыми «ужасами»: революция должна была передать землю крестьянам, обуздать капитал, вооружить рабочих, положить конец захватнической политике. *На грязных тайных договорах кровавого царя клялись «союзные» банкиры в верности общему делу захватов и удушения русской революции.* Вступление в войну *Америки* еще более окрылило союзных империалистов. Они отлично знали цену этой «великой демократии», которая казнит электричеством своих социалистов, с оружием в руках душит маленькие народы и устами своих беспримерных по наглому цинизму дипломатов толкует о вечном мире. Американские миллиардеры, наполнившие свои погреба золотом, перечеканенным из крови умирающих на полях опустошенной Европы, присоединили свое оружие, свои финансы, свою контр-разведку и своих дипломатов для того, чтобы разгромить своих немецких коллег по международному грабежу, но и затянуть потуже удавную петлю на шее русской революции.

Российская буржуазия оказалась связанной с капиталистами Европы и Америки и общими целями, и тяжелой золотой цепью, концы которой сходятся в банкирских домах Лондона и Нью-Иорка. Так организовался *капиталистический блок против революции.*

Мелкая буржуазия России, верхи крестьянства, часть обманутых капиталом рабочих и бедняков деревни не видели и не хотели видеть всей опасности капиталистического заговора. Их партии, меньшевики и

*) Составлен по поручению VI съезда Р. С.-Д. Р. П. Центральным Комитетом от имени съезда. *Ред.*

эс-эры, имеющие большинство в Советах, пошли за крупной буржуазией. Они стали на точку зрения обороны, не понимая, что буржуазия всех стран обманывает рабочих этим словом и говорит об обороне, думая о захватах. Они не решились взять всю власть в свои руки и передоверили ее буржуазии. Они радушно встречали «социал-патриотических» агентов западно-европейского капитала, этих обманщиков и отравителей народа. С каждым днем они все более запутывались в сетях, которые расставлял международный капитал.

Только революционный пролетариат и его партия, поддержанные беднейшими крестьянами и солдатами, били тревогу. Партия пролетарского социализма, партия международной революции неуклонно и последовательно срывала лживую маску миролюбцев с хищников империализма. Она разоблачала все козни буржуазии, она критиковала трусость, нерешительность и беспомощность меньшевистско-эс-эровской тактики. Она со всей настойчивостью требовала перехода власти в руки демократии, разрыва с капиталистами всех стран, опубликования всех тайных договоров, скрываемых от народа. Она требовала немедленного перехода земли к крестьянам, рабочего контроля над производством, всеобщего мира, заключенного самими народами. «Хлеба, мира, свободы» — было написано на ее красном знамени.

В стране, извивавшейся в тисках трехлетней войны, как лавина, нарастал небывалый *экономический и финансовый кризис*. Жестокий молот войны дробил и стирал в порошок уцелевшие остатки накопленного народного труда. Страна с каждым днем становилась все более похожей на паралитика. Разрушение производительных сил, варварское расхищение их приводило к краху. Война, точно огромный вампир, высасывала все соки, отнимала все силы. Нет топлива, нет сырья, нет хлеба. Призрак голода стал гулять по городам, по квартирам бедноты. Бездонная пропасть гибели разверзлась перед страной.

Капитал сознательно толкает народ в эту пропасть.

Крупная буржуазия обостряла кризис, усиливала анархию, закрывая предприятия, дезорганизуя производство. Вопия о патриотизме и родине, шельмуя революционных рабочих, объединенные синдикатчики по плану, выработанному на своих тайных совещаниях, упорно и систематически тормозили ход производства, чтобы, создав хаос и сумятицу, свалив вину на рабочих, захватить цепкими лапами всю власть в свои руки. На развалинах народного хозяйства, сведенного судорогой войны, на костях бесчисленного количества мелких разорившихся хозяев гиены крупного капитала, алчно хватающего баснословные прибыли на поставках, спекулирующего на голоде нищающих масс, вели свою наглую политику натиска на рабочий класс. В низах назревало глухое недовольство и возмущение капиталом и его министрами. Все слышнее становился ропот миллионных армий труда.

Им ответили *политикой наступления*. Объединенный капитал союзников стянул свои силы для штурма русской революции. Английские и американские капиталисты, которые в качестве кредиторов стали хозяевами русской жизни, объединившись со своими верными русскими прислужниками, решили погнать в бой заведомо неподготовленную армию. Им не важен был исход сражения. Им важен был срыв перемирия, возобновление военных операций, усиление власти командиров. Им нужно было снова впрячь измученную армию в колесницу войны. Грохотом пушек им нужно было заглушить громовые раскаты классовой борьбы и революции.

Эс-эры и меньшевики одобрили политику наступления и тем выдали с головой и себя, и революцию. Постоянным соглашательством с империалистами, отсутствием всякого намека на решительность они отдали себя в плен заядлым хищникам. Своими собственными руками они вручили власть контр-революционной военной клике. И ликующие тузы банка и

биржи нагло бросают теперь вызов демократии, открыто заявляя о своем желании вести войну «до конца», то есть без конца, до тех пор, пока не лопнут от напора золота погреба американских Морганов, пока кровавая роса не промочит насквозь полей истерзанной земли.

Буржуазия временно добилась своего. Где гордые призывы к братству всех народов? Где развевающиеся знамена мировой революции? Эти призывы эс-эры и меньшевики сменили призывами к продолжению бойни. Эти знамена оплевали и очернили слуги буржуазии, они отдали их на поругание героев наступления, они смешали их с грязью.

Рост возмущения и негодования был откликом на эту политику со стороны пролетариата и передовых солдат. И бурный, стихийный взрыв этого негодования вывел на улицу рабочих и солдат, когда кадетские министры, получившие секретное донесение о крахе наступления, поспешили уйти и возложить всю ответственность на своих «социалистических» услужающих. *Дни 3—4 июля* поставили перед вождями мещанского «социализма», перед Советским большинством, громадный исторический вопрос: с кем они, с пролетариатом против контр-революции или с контр-революцией против пролетариата. В эти дни нужно было решать. Здесь нужно было выбирать ясно и определенно. И они выбрали, эти министерские социалисты: против рабочих и солдат, выставивших на своем знамени лозунг: «Вся власть Советам!». Вожди Советов вызвали усмирительные войска. Запутавшись в соглашательстве с контр-революцией, они поддержали эту контр-революцию и направили ружейные дула против рабочих баталионов, против цвета революционных сил, против *партии пролетариата.* Только эта партия, наша партия, осталась стоять на посту. Только она в этот смертный час свободы не покинула рабочих кварталов. Только она стремилась придать выступлению мирный и организованный характер, идя вместе с массами. Это был ее революционный долг. Этого требовала ее революционная честь.

Меньшевики и эс-эры, исполняя волю буржуазии, разоружили революцию и тем самым вооружили контр-революцию. Им буржуазия предоставила заняться грязным делом усмирения и разгрома. С их молчаливого согласия были спущены с цепи остервенелые псы гнусной буржуазной клеветы против славных вождей нашей партии. Это они вели позорный и постыдный торг головами пролетарских вождей, выдавая их одного за другим рассвирепевшим буржуа. Это они отдали сердце революции, которое стучало на весь мир, столицу России, на растерзание юнкерам и казакам. С их содействием была разгромлена «Правда», и начался неистовый поход против левого фланга революции.

Июльские дни открыли новую страницу истории. Впервые решительную победу одержала временно контр-революция, и власть перешла к буржуазии и военному штабу. До тех пор было двоевластие. До тех пор громадная сила была в руках Советов. За ними стояли вооруженные массы солдат и рабочих, свободный народ. Теперь Советы обессилили себя. Разоружив рабочих, расформировав полки революции, нагнав в центр казаков, они связали себя по рукам и ногам, они превратились в привесок буржуазного правительства. «Социалистическим» министрам заткнули рот. Их посадили на цепи их буржуазные коллеги. Ими пользуются, когда нужно усмирять, на них плюют, когда они пробуют протестовать.

Передав власть в руки контр-революции и предав революцию, вожди мещанства, эс-эры и меньшевики, стали подписывать почти все контр-революционные мероприятия правительства. Красный флаг свободы спущен. На его месте взвился черный флаг *смертной казни.* Расстрелы солдат и рабочих, цензура, судебная клевета, контр-разведка, аресты, восстановление ненавистных царских статей против политических преступлений, грязная охранная клевета — все прелести старого режима пущены в ход новым правительством «спасения революции», — правительством, арестующим

*

революционеров и выпускающим царских министров и провокаторов, откладывающим созыв Учредительного собрания и собирающим сегодня вместо него контр-революционное «московское совещание «из тузов» промышленности и торговли». Укрепив свою позицию внутри страны, контрреволюция перешла к старым приемам в остальном. Против украинцев ведется решительная атака не только декретами, но и кирасирами. Распускают финляндский сейм и грозят вооруженной силой тому самому праву на самоопределение, которое так торжественно возвещалось в официальных декларациях. Ведется через правительственных посланников темная интрига против встречи даже умереннейших «социалистов» в Стокгольме.

Формула «мир без аннексий» сдана в архив, и вместо нее появилась милюковско-гучковская «война до полной победы». Керенский провозглашает лозунг «изничтожить большевиков» и посылает «от имени русского народа» телеграмму ближайшему родственнику Вильгельма Гогенцоллерна и Николая Романова, английскому королю Георгу. Лозунг революции «мир хижинам, война дворцам» заменяется лозунгом «мир дворцам, война хижинам».

Но рано торжествует контр-революция свою победу. Пулей не накормить голодных. Казацкой плетью не отереть слезы матерей и жен. Арканом и петлей не высушить море страданий. Штыком не успокоить народов. Генеральским окриком не остановить развала промышленности.

Работают подземные силы истории. В самых глубинах народных масс назревает глухое недовольство. Крестьянам нужна земля, рабочим нужен хлеб, и тем и другим нужен мир. По всему земному шару залетали уже буревестники. В Англии рабочие начинают уже открытую борьбу за обуздание капитала, во Франции солдаты агитируют за мир и революцию, в Германии — непрерывное брожение и стачки, в Америке буржуазия переходит к расстрелу социалистов, поднимающих знамя борьбы с войной. Испания охвачена пламенем революционной схватки классов. Уже съезжаются финансисты всех стран на тайные съезды, чтобы обсудить общий вопрос о надвигающейся грозе. Ибо они уже слышат железную поступь рабочей революции. Ибо они уже видят неотвратимое.

В эту схватку наша партия идет с развернутыми знаменами. Она твердо держала их в своих руках. Она не склонила их перед насильниками и грязными клеветниками, перед изменниками революции и слугами капитала. Она впредь будет держать их высоко, борясь за социализм, за братство народов. Ибо она знает, что грядет новое движение и настает смертный час старого мира.

Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи! Стойко, мужественно и спокойно, не поддаваясь на провокацию копите силы, стройтесь в боевые колонны! Под знамя партии, пролетарии и солдаты! Под наше знамя, угнетенные деревни!

Да здравствует революционный пролетариат!
Да здравствует союз рабочих и деревенской бедноты!
Долой контр-революцию и ее «московское совещание»!
Да здравствует мировая рабочая революция!
Да здравствует социализм!
Да здравствует Российская Соц.-Дем. Рабочая Партия (большевики)

Шестой съезд Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии (большевики).

12 августа 1917 года.
Петроград.

«Протоколы VI съезда Р.С.-Д.Р.П. (большевиков)». Изд. «Коммунист». 1919.

№ 6 (к стр. 58).

РЕЗОЛЮЦИЯ Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. О МОСКОВСКОМ СОВЕЩАНИИ

Государственная власть в России целиком переходит в настоящий момент в руки контр-революционной империалистической буржуазии при явной поддержке мелкобуржуазными партиями эс-эров и меньшевиков. Политика разжигания и затягивания войны, отказ дать землю крестьянам, отобрание прав у солдат, восстановление смертной казни, насилие над Финляндией и Украиной, наконец, яростный поход против наиболее революционной части пролетариата, — социал-демократов-интернационалистов, — таковы наиболее яркие проявления господства контр-революционной политики. Для закрепления своего влияния и своих позиций, контр-революционная буржуазия стремится создать сильный общероссийский центр, объединить свои силы и выступить во всеоружии против пролетариата, против демократии. Этой цели и призвано служить созываемое на 12 августа Московское совещание.

Московское совещание, составленное в преобладающем большинстве из представителей таких учреждений свергнутого революцией строя, как царская Государственная Дума, являющаяся гнездом контр-революции, и из представителей многочисленных организаций крупнейшей буржуазии, имеет своей задачей подделать общенародное мнение и ввести тем самым широкие народные массы в обман. В то время как самим созывом Московского совещания организуется центр контр-революционной буржуазии, Советы, солдатские и крестьянские комитеты систематически низводятся до роли простых придатков империалистического механизма. В то время как собирается Московское совещание, Учредительное собрание откладывается все дальше и дальше.

Буржуазия осторожно, но неуклонно, идет к своей цели, к срыву Учредительного собрания, к подмене его такими органами, где ей обеспечено преобладание.

Вследствие этого, Московское совещание имеет своей задачей санкционировать контр-революционную политику, поддержать затягивание империалистической войны, встать на защиту интересов буржуазии и помещиков, подкрепить своим авторитетом преследование революционных рабочих и крестьян. Таким образом, Московское совещание, прикрываемое и поддерживаемое мелкобуржуазными партиями, эс-эрами и меньшевиками, на деле является заговором против революции, против народа.

Исходя из сказанного, Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. предлагает партийным организациям: во-первых, разоблачать созываемое в Москве совещание, как орган заговора контр-революционной буржуазии против революции; во-вторых, разоблачать контр-революционную политику эс-эров и меньшевиков, поддерживающих это совещание; в-третьих, организовать массовые протесты рабочих, крестьян и солдат против совещания.

«Рабочий и Солдат» № 14, 21 (8) августа 1917 г.

№ 7 (к стр. 116).

ВОЗЗВАНИЕ Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. ПО ПОВОДУ КОРНИЛОВСКОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ.

Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда.

Контр-революция надвигается на Петроград. Предатель революции, враг народа, Корнилов ведет на Петроград войска, обманутые им. Вся

буржуазия во главе с партией кадетов, которая непрестанно сеяла клевету на рабочих и солдат, теперь приветствует изменника и предателя и готова от всего сердца аплодировать тому, как Корнилов обагрит улицы Петрограда кровью рабочих и революционных солдат, как он руками темных, обманутых им людей задавит пролетарскую, крестьянскую и солдатскую революцию. Чтобы облегчить Корнилову расстрел пролетариата, буржуазия выдумала, что в Питере будто бы восторжествовал мятеж рабочих. Теперь вы видите, что мятеж поднят не рабочими, а буржуазией и генералами во главе с Корниловым. Торжество Корнилова — гибель воли, потеря земли, торжество и всевластие помещика над крестьянином, капиталиста — над рабочим, генерала — над солдатом.

Временное правительство распалось при первом же движении корниловской контр-революции. Это правительство, которому часть демократии неоднократно выражала свое доверие, которому она вручила всю полноту власти, это правительство оказалось не в состоянии исполнить свою первую и прямую задачу: задавить в корне генеральско-буржуазную контрреволюцию. Поиски соглашения с буржуазией ослабили демократию, разожгли аппетиты буржуазии, дали ей смелость решиться на открытое восстание против революции, против народа.

Спасение народа, спасение революции — в революционной энергии самих пролетарских и солдатских масс. Только своим силам, своей дисциплинированности, своей организованности можем мы доверять. Мы доверяем руководство решительной борьбой за спасение всей революции, ее завоеваний и ее будущего той власти, которая безоговорочно, беззаветно, всецело возьмет на себя проведение в жизнь требований пролетарской и солдатско-крестьянской массы. Только эта власть спасет революцию, спасет от наступления контр-революции, спасет ее, несмотря на колебания, шаткость, бесхарактерность колеблющейся части демократии.

Население Петрограда! На самую решительную борьбу с контр-революцией зовем мы вас! За Петроградом стоит вся революционная Россия!

Солдаты! Во имя революции — вперед против генерала Корнилова!

Рабочие! Дружными рядами оградите город революции от нападения буржуазной контр-революции!

Солдаты и рабочие! В братском союзе, спаянные кровью февральских дней, покажите Корниловым, что не Корниловы задавят революцию, а революция сломит и сметет с земли попытки буржуазной контр-революции.

Во имя интересов революции, во имя власти пролетариата и крестьянства в освобожденной России и во всем мире дружной семьей, сплоченными рядами, рука об руку, все как один человек, встретьте врага народа, предателя революции, убийцу свободы!

Вы смогли свергнуть царизм, докажите, что вы не потерпите господства ставленника помещиков и буржуазии — Корнилова.

Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. (большевиков).
П.К. Р.С.-Д.Р.П. (большевиков).
Военная организация при Ц.К. Р.С.-Д.Р.П.
Центральный Совет фабрично-заводских комитетов.
Большевистская фракция Петроградского и Центрального Советов Р. и С. Депутатов.

«Рабочий» № 8, 12 сентября (30 августа) 1917 г.

№ 8 (к стр. 214).

ДЕКЛАРАЦИЯ ФРАКЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ, ОГЛАШЕННАЯ НА ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ СОВЕЩАНИИ 1 ОКТЯБРЯ (18 СЕНТЯБРЯ) 1917 г.

Революция подошла к самому критическому пункту. Дальше следует либо новый подъем, либо гибельное падение. Народ истощен войной, но едва ли не более еще он измучен нерешительностью, истерзан колебаниями политики руководящих политических партий. Через 6 с лишним месяцев после низвержения царизма, после ряда попыток построить революционную власть на основе коалиции представителей демократии с представителями цензовой буржуазии, после жалких деяний личного режима, приведшего непосредственно к корниловщине, перед движущими силами революции снова поставлен ребром вопрос о власти.

Каждая новая правительственная комбинация начиналась с провозглашения программы государственных мероприятий и через несколько недель обнаруживала свою полную неспособность сделать хотя бы один серьезный шаг перед. Все новые и новые сделки с цензовиками после того, как с очевидностью обнаружилась гибельность коалиции, поселяют величайшие недоумения, тревогу и смуту в сознании всех трудящихся и угнетенных классов страны. Не только городской рабочий, не только томящийся три года в окопах солдат, но и крестьянин самой глухой и отсталой деревни не могут не понимать, что нельзя разрешать земельный вопрос путем соглашательства с Львовыми и Родзянками. Нельзя поручать демократизацию армии генералам, крепостникам старого режима, Корниловым и Алексеевым, осуществлять контроль над промышленностью через посредство министров-промышленников, финансовые реформы—через посредство банкиров и военных мародеров или их прямых ставленников—Коноваловых, Пальчинских, Третьяковых или Бурышкиных. Наконец, нельзя провести в жизнь ни одной серьезной меры по урегулированию продовольствия и транспорта, ни одной реформы в области судебной, школьной и пр., сохраняя в эпоху величайших потрясений на местах и в центре старый чиновничий аппарат и состав власти с его противонародным духом и тупым бюрократизмом.

Несмотря на все усилия власти оттеснить и обессилить Советы, несмотря на самоубийственную политику официальных советских вождей-оборонцев, Советы обнаружили всю несокрушимость выражающейся через них революционной мощи и инициативы народных масс в период подавления корниловского мятежа, когда Временное правительство навсегда опорочило себя перед судом народа и истории, в одной своей части — прямым пособничеством корниловщине, в другой — готовностью передать в руки Корнилова завоевания революции. После этого нового испытания, которого ничто более не вытравит из сознания рабочих, солдат и крестьян, клич, поднятый в самом начале революции нашей партией: «вся власть Советам в центре и на местах» — стал голосом всей революционной страны.

Только такая власть, опирающаяся непосредственно на пролетариат и на крестьянскую бедноту, власть, держащая на учете все материальные богатства страны и ее хозяйственные возможности, не останавливающаяся в своих мероприятиях у порога своекорыстных интересов собственнических групп, мобилизующая все научно подготовленные технически ценные силы в общественно-хозяйственных целях, способна внести максимум достижимой сейчас планомерности в распадающееся хозяйство, помочь крестьянству и сельским рабочим с наибольшей плодотворностью использовать наличные средства сельскохозяйственного производства, ограничить прибыль, установить заработную плату и в соответствии с регламентированным производством обеспечить подлинную дисциплину труда,

основанную на самоуправлении трудящихся и на их централизованном контроле над промышленностью, и обеспечить с наименьшими потрясениями демобилизацию всего хозяйства.

Ввиду того, что контр-революционная партия кадет, больше всего боящаяся перехода власти к советам, постоянно запугивает менее сознательные элементы демократии признаком вооруженного восстания большевиков, мы считаем необходимым снова заявить здесь во всеуслышание всей страны, что, борясь за власть во имя осуществления своей программы, наша партия никогда не стремилась и не стремится овладеть властью *против* организованной воли большинства трудящихся масс страны. Передача всей власти Советам не упразднила бы ни борьбы классов, ни борьбы партий в лагере демократии. Но *при условии полной и неограниченной свободы агитации* и при постоянном обновлении советов снизу, борьба за влияние и власть развертывалась бы в рамках советских организаций. Наоборот, продолжение нынешней политики насилия и репрессий по отношению к рабочему классу, революционным элементам армии и крестьянства с целью задержать дальнейшее развитие революции, неизбежно должно, совершенно независимо от воли революционных организаций, привести к грандиозному столкновению, каких немного было в истории.

В данных условиях коалиционная власть есть неизбежно власть насилия и репрессий верхов над низами. Только тот, кто хочет вызвать гражданскую войну во что бы то ни стало, чтобы затем обрушить ответственность за нее на рабочие массы и на нашу партию, может после всего проделанного опыта предлагать демократии заключение нового союза с контр-революционной буржуазией.

Народ жаждет мира. Коалиционная власть означает продолжение империалистической войны. Состав Временного правительства приспособлялся до сих пор к требованиям союзных империалистов, смертельно враждебных русской революционной демократии. Гибельное наступление 18 июня, против которого наша партия так настойчиво предупреждала; корниловские приемы обуздания армии, проводившиеся при прямом участии министров-соглашателей — все это было прямо или косвенно внушено союзными империалистами. На этом пути русская революция уже успела расточить огромную долю своего нравственного авторитета, ни мало не укрепив своей физической мощи. Все яснее становится, что, подорвав внутреннюю силу русской революции, союзные империалисты не остановятся перед заключением мира за счет русского народа. В то же время дальнейшее безвольное затягивание войны, без доверия народа к целям войны и к ведущему ее Временному правительству, дает огромный козырь в руки контр-революции, которая может попытаться сыграть свою игру на сепаратном мире с хищным германским империализмом. Создание советской власти означает, прежде всего, прямое, открытое, решительное предложение всем народам немедленного честного, справедливого, демократического мира. Революционная армия могла бы сознать неизбежность войны только в том случае, если бы такой мир был отвергнут. Но все говорит за то, что предложение революционной власти встретило бы такое могучее эхо со стороны исстрадавшихся рабочих масс всех воюющих народов, что дальнейшее продолжение войны стало бы невозможным. Советская власть означает мир.

Довольно колебаний! Довольно политики безволия и малодушия! Нельзя безнаказанно полгода томить и терзать крестьянство, обещая ему землю и волю и отказывая на деле в немедленной отмене частной собственности на помещичьи земли без выкупа и в немедленной передаче их в заведывание местных крестьянских комитетов до Учредительного собрания.

Довольно шатаний! Довольно той политики двусмысленностей, которую проводили до сих пор вожди эс-эров и меньшевиков. Довольно оттяжек! Довольно слов! Настал последний час решения.

В основу деятельности революционной власти должны быть положены следующие меры, выдвинутые многочисленными влиятельными революционными организациями во главе с Петроградским и Московским Советами Р. и С. Д.:

1) Отмена частной собственности на помещичью землю без выкупа и передача ее в заведывание крестьянских комитетов, впредь до решения Учредительного собрания, с обеспечением беднейших крестьян инвентарем.

2) Введение рабочего контроля в общегосударственном масштабе над производством и распределением, централизация банкового дела, контроль над банками и национализация важнейших отраслей промышленности, как-то: нефтяной, каменноугольной и металлургической; всеобщая трудовая повинность; немедленные меры по демобилизации промышленности и организация снабжения деревни продуктами промышленности по твердым ценам. Беспощадное обложение крупных капиталов и имуществ и конфискация военных прибылей в целях спасения страны от хозяйственной разрухи.

3) Объявление тайных договоров недействительными и немедленное предложение всем народам воюющих государств всеобщего демократического мира.

4) Обеспечение прав наций, населяющих Россию, на самоопределение. Немедленная отмена всех репрессивных мер против Финляндии и Украины.

В качестве немедленных мер должно быть декретировано:

1) Прекращение всяких репрессий, направленных против рабочего класса и его организаций. Отмена смертной казни на фронте и восстановление полной свободы агитации и всех демократических организаций в армии. Очищение армии от контр-революционного состава.

2) Выборность комиссаров и других должностных лиц местными организациями.

3) Всеобщее вооружение рабочих и организация красной гвардии.

4) Роспуск Государственного Совета и Государственной Думы. Немедленный созыв Учредительного собрания.

5) Уничтожение всех сословных (дворянских и пр.) преимуществ, полное равноправие граждан.

6) Установление 8-часового рабочего дня и введение всестороннего социального страхования.

В виде экстренной меры, необходимой для оздоровления политической атмосферы и раскрытия язв судебного ведомства, мы требуем немедленного назначения авторитетной для демократии следственной комиссии для всестороннего расследования событий 3—5 июля и для проверки действия всех судебных властей — агентов старого режима, в руках которых сейчас сосредоточено следствие против пролетариата.

Немедленное освобождение всех арестованных революционеров и назначение скорейшего гласного суда по всем начатым делам.

Мы считаем нужным сказать, что в основу созыва настоящего совещания положены совершенно произвольные критерии представительства, которые в своей совокупности отводят наименее революционным, соглашательским элементам демократии такое место, на которое они совершенно не в праве претендовать по своей действительной политической роли. Армейские организации представлены совершенно недостаточно и притом лишь в лице своих, далеко стоящих от солдатской массы и полгода не переизбиравшихся верхушек. Думы и земства, лишь на половину реформированные, уже в силу своего специального назначения в крайне несовершенной степени отражают революционно-политический опыт демократии и ее взгляды, и еще в большей степени это относится к коопе-

ративам, где подбор руководящих лиц стоит лишь в крайне отдаленной связи с политическими воззрениями демократических масс и с эволюцией их настроений. По сравнению с думами, земствами и кооперативами крайне урезано представительство советов. Между тем именно эти организации вернее всего отражают политическую волю рабочих, солдат и крестьян. Именно Советы овладели всем положением, а во многих местах и всей властью в критические дни корниловского восстания. Вот почему мы считаем, что только те решения и предложения настоящего совещания, направленные на полное упразднение личного режима Керенского, могут найти себе путь к осуществлению, которые встретят признание со стороны всероссийского съезда раб., кр. и солд. деп. Безотлагательный созыв такого съезда есть сейчас важнейшая задача.

«Рабочий Путь» № 15, 3 октября (20 сентября) 1917 г.

№ 9 (к стр. 287).

ДЕКЛАРАЦИЯ ФРАКЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ, ОГЛАШЕННАЯ В ПРЕДПАРЛАМЕНТЕ 20 (7) ОКТЯБРЯ 1917 Г.

Официально заявлявшиеся цели Демократического Совещания, созванного Ц.И.К. Советов Р. и С. Д., состояли в упразднении безответственного личного режима, питавшего корниловщину, и в создании подотчетной власти, способной ликвидировать войну и обеспечить созыв Учредительного собрания в назначенный срок.

Между тем, за спиною демократического совещания, путем закулисных сделок г. Керенского, кадет и вождей эс-эров и меньшевиков, достигнуты результаты, прямо противоположные официально заявленным целям.

Создана власть, в которой и вокруг которой явные и тайные корниловцы играют руководящую роль. Безответственность этой власти отныне закреплена и провозглашена формально.

Совет Российской Республики объявлен совещательным учреждением; на восьмом месяце революции безответственная власть создала для себя прикрытие из нового издания булыгинской думы.

Цензовые элементы вошли во Временный Совет в таком числе, на которое, как показывают все выборы в стране, они не имеют никакого права. Несмотря на это, именно кадетская партия добивалась и добилась безответственности власти даже перед искаженным в угоду цензовой буржуазии предпарламентом.

Та самая кадетская партия, которая настаивала до вчерашнего дня на зависимости Временного правительства от Думы г. Родзянко, добилась независимости Временного правительства от Совета Республики.

В Учредительном собрании цензовые элементы будут занимать несравненно менее благоприятное положение, чем во Временном Совете. Перед Учредительным собранием власть не сможет не быть ответственной. Если бы цензовые элементы действительно готовились к Учредительному собранию через полтора месяца, у них не было бы никаких мотивов отстаивать безответственность власти сейчас. Вся суть в том, что буржуазные классы, направляющие политику Временного правительства, поставили себе целью *сорвать* Учредительное собрание. Это сейчас основная задача цензовых элементов, которой подчинена вся их политика, внутренняя и внешняя.

В промышленной, аграрной и продовольственной областях политика правительства и имущих классов усугубляет естественную разруху, порожденную войной. Цензовые классы, провоцировавшие крестьянское восстание, теперь приступают к его подавлению и открыто держат курс на

«костлявую руку голода», которая должна задушить революцию и в первую очередь Учредительное собрание.

Не менее преступной является внешняя политика буржуазии и ее правительства.

После сорока месяцев войны столице грозит смертельная опасность. В ответ на это выдвигается план переселения правительства в Москву. Мысль о сдаче революционной столицы немецким войскам нимало не вызывает возмущения буржуазных классов, наоборот, приемлется ими, как естественное звено общей политики, которое должно облегчить им их контр-революционный заговор.

Вместо того, чтобы признать, что спасение страны в заключении мира, вместо того, чтобы через головы всех империалистических правительств и дипломатических канцелярий открыто бросить предложение немедленного мира всем истощенным народам и сделать, таким образом, фактически невозможным дальнейшее ведение войны, Временное правительство, под указку кадетских контр-революционеров и союзных империалистов, без смысла, без силы и без плана тянет убийственную лямку войны, обрекая бесцельной гибели все новые сотни тысяч солдат и матросов и подготовляя сдачу Петрограда и удушение революции. В то время как солдаты и матросы-большевики гибнут вместе с другими матросами и солдатами в результате чужих ошибок и преступлений, так называемый верховный главнокомандующий продолжает громить большевистскую прессу (закрыт «Молот» в Минске).

Руководящие партии Временного Совета служат для всей этой политики добровольным прикрытием.

Мы, фракция социал-демократов-большевиков, заявляем: с этим правительством народной измены и с этим советом контр-революционного попустительства мы не имеем ничего общего. Той убийственной для народа работы, которая совершается за официальными кулисами, мы не хотим ни прямо, ни косвенно прикрывать ни одного дня.

Революция в опасности! В то время как войска Вильгельма угрожают Петрограду, правительство Керенского-Коновалова готовится бежать из Петрограда, чтобы превратить Москву в оплот контр-революции.

Мы взываем к бдительности московских рабочих и солдат!

Покидая Временный Совет, мы взываем к бдительности и мужеству рабочих, солдат и крестьян всей России.

Петроград в опасности! Революция в опасности! Народ в опасности!

Правительство усугубляет эту опасность. Правящие партии помогают ему.

Только сам народ может спасти себя и страну. Мы обращаемся к народу.

Вся власть Советам!

Вся земля народу!

Да здравствует немедленный, честный, демократический мир!

Да здравствует Учредительное собрание!

«Рабочий Путь» № 31, 21 (8) октября 1917 г.

№ 10 (к стр. 291).

РЕЗОЛЮЦИЯ О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ, ПРИНЯТАЯ III ПЕТРОГРАДСКОЙ ОБЩЕГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИЕЙ Р. С.-Д. Р. П. 23 (10) ОКТЯБРЯ 1917 Г.

1. Буржуазно-империалистическая контр-революционная власть, поддерживаемая потерявшими всякое влияние на массы партиями эсеров и меньшевиков, окончательно дискредитировала себя в глазах рабочих, солдат и крестьян.

2. Освобождаясь всецело от иллюзии возможности мирного развития русской революции, массы стихийно снова вступают на путь революционной борьбы, свидетельством чего служит усиливающееся аграрное движение, растущее недовольство и стихийные вспышки в городах и резко изменившееся настроение на фронте.

3. В этой начавшейся борьбе массы возлагают все свои надежды на революционную партию пролетариата и на руководимые ею Петроградский, Московский и др[угие] советы.

4. Империалистическая власть, опасаясь растущего влияния столичных революционных советов, потерпев крах в попытке создания в лице Сов[ета] Рос[сийской] респ[ублики] органа, способного заменить открытую революционную борьбу парламентской говорильней, готовится оставить революционную столицу, чтобы тем легче, наконец, нанести смертельный удар революции.

5. С другой стороны, союзные и русские империалисты, смертельно напуганные растущей революцией в Зап[адной] Европе, пытаются задушить русскую революцию.

Нападение германского флота, которому не препятствует флот союзников, требование союзных империалистов об очищении революционной столицы и готовность правительства сдать эту столицу — все это свидетельствует о начавшемся активном походе на русскую революцию—походе, имеющем целью разбить революцию западно-европейскую.

Революционное движение в Западной Европе увеличивает шансы на победу революционного пролетариата. Все эти обстоятельства ясно говорят о том, что наступил момент последней решительной схватки, долженствующей решить судьбу не только революции российской, но и революции мировой.

Ввиду этого конференция заявляет, что только замена правительства Керенского, вместе с подтасованным советом республики, рабочим и крестьянским революционным правительством способна:

а) передать землю крестьянам вместо подавления восстания крестьян;

б) тотчас же предложить справедливый мир и тем дать веру в правду всей нашей армии;

в) принять самые решительные революционные меры против капиталистов для обеспечения армии хлебом, одеждой и обувью и для борьбы с разрухой.

«Вторая и третья петроградские конференции большевиков в июле и сентябре 1917 г.». Гиз. 1927 г.

№ 11 (к стр. 326).

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ Ц.К. Р.С.-Д. Р.П. 23 (10) ОКТЯБРЯ 1917 Г.

Присутствуют: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов.

Председательствует Свердлов.

Порядок дня:

1. Румынский фронт.
2. Литовцы.
3. Минск и Северный фронт.
4. Текущий момент.
5. Областной съезд.
6. Вывод войск.

1. Румынский фронт.

Сообщение делает *Свердлов.* На Румынском фронте состоялась с.-д. конференция всех оттенков. Выработан список смешанный. Были в Ц.К. (объединенном). Получили одобрение. Спрашивают, как отнесется к этому наш Ц.К. Выставлены 4 большевика из 20 кандидатов.

Постановляется: Считаясь с постановлением съезда, никакие блоки не допустимы.

2. Литовцы.

Докладывает *Свердлов.*

У литовцев была конференция в Москве, на которой обнаружилось, что от имени партии часто выступают оборонцы. Чтобы противодействовать этому решению, выбрать временный центр, который становится вместе со всей конференцией под знамя большевиков. Этот центр надо утвердить.

Тов. Ломов. Думает, что утвердить надо. Но надо обратить внимание на то, что там присутствовали и оборонческие организации.

Временное бюро утверждается.

3. Минск и Северный фронт.

Докладчик *Свердлов.*

Приезжали представители некоторых армий Северного фронта, которые утверждают, что на этом фронте готовится какая-то темная история с отходом войск вглубь.

Из Минска сообщают, что там готовится новая корниловщина. Минск ввиду характера гарнизона окружен казачьими частями. Идут какие-то переговоры между штабами и ставкой подозрительного характера. Ведется агитация среди осетин и отдельных частей войск против большевиков. На фронте же настроение за большевиков, пойдут за ними против Керенского. Никаких документов нет. Они могут быть получены, если захватить штаб, что в Минске вполне возможно технически; при этом местный гарнизон может разоружить все кольцо войск. Вся артиллерия загнана в Пинские болота. Могут из Минска послать корпус в Петроград.

4. Текущий момент.

Слово получает *Ленин.*

Констатирует, что с начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании. Между тем это недопустимо, если мы серьезно ставим лозунг о захвате власти Советами. Поэтому давно уже надо обратить внимание на техническую сторону вопроса. Теперь же, повидимому, время значительно упущено.

Тем не менее вопрос стоит очень остро, и решительный момент близок.

Положение международное таково, что инициатива должна быть за нами.

То, что затевается со сдачей до Нарвы и сдачей Питера, еще более вынуждает нас к решительным действиям.

Политическое положение также внушительно действует в эту сторону. 3 — 5 июля решительные действия с нашей стороны разбились бы о то, что за нами не было большинства. С тех пор наш подъем идет гигантскими шагами.

Абсентеизм и равнодушие масс можно объяснить тем, что массы утомились от слов и резолюций.

Большинство теперь за нами.

Политически дело совершенно созрело для перехода власти. Аграрное движение также идет в эту сторону, ибо ясно, что нужны героические

силы, чтобы притушить это движение. Лозунг перехода всей земли стал общим лозунгом крестьян. Политическая обстановка таким образом готова. Надо говорить о технической стороне. В этом все дело. Между тем мы вслед за оборонцами склонны систематическую подготовку восстания считать чем-то вроде политического греха.

Ждать до Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу.

Северным областным съездом Советов и предложением из Минска надо воспользоваться для начала решительных действий.

Тов. Ломов берет слово для информации о позиции Московского областного бюро и М.К., а также о положении в Москве вообще.

Тов. Урицкий констатирует, что мы слабы не только в технической части, но и во всех других сторонах нашей работы. Мы выносили массу резолюций. Действий решительно никаких. Петроградский Совет дезорганизован, мало собраний и пр.

На какие силы мы опираемся?

40.000 винтовок есть в Петрограде у рабочих, но это не решает дела; это — ничто.

Гарнизон после июльских дней не может внушать больших надежд. Но во всяком случае, если держать курс на восстание, то нужно действительно что-либо делать в этом направлении. Надо *решиться* на действия определенные.

Тов. Свердлов информирует о том, что ему известно о положении дел во всей России.

Тов. Дзержинский предлагает создать для политического руководства на ближайшее время Политическое бюро из членов Ц.К.

После обмена мнений предложение принимается. Политическое бюро создается из 7 чел. (редакция + двое + Бубнов).

Принимается резолюция в следующем виде (см. стр. 330. *Ред.*).

Высказываются за 10, против 2.

Затем ставится вопрос о создании Политического бюро Ц.К. Решено образовать бюро из 7 чел.: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников, Бубнов.

Архив Ц. К.

№ 12 (к стр. 334 и 536).

ЗАЯВЛЕНИЕ Г. ЗИНОВЬЕВА И Ю. КАМЕНЕВА 24 (11) ОКТЯБРЯ.
11 октября 1917 г.

Уважаемые товарищи!

На последнем заседании Ц.К. мы остались в меньшинстве и вдвоем голосовали против принятых тезисов. Ввиду важности вопроса мы сочли нужным изложить в особом прилагаемом при сем заявлении краткое резюме произнесенных нами на заседании речей и просим вас приложить это наше заявление к протоколам собрания. Мы считаем своим долгом познакомить Петроградский комитет, Московский комитет, Московский областной комитет и областной Финляндский комитет с этим нашим заявлением. Форма, приданная нашему заявлению, вам, конечно, будет понятна без пояснений.

Г. Зиновьев.
Ю. Каменев.

Петроградскому, Московскому, Московскому областному, Финляндскому областному комитетам Р.С.-Д.Р.П., большевистской фракции Ц.И.К. Советов Р. и С. Д., большевистской фракции съезда Советов Северной области.

К настоящему моменту.

В связи с политической обстановкой уход большевиков из предпарламента поставил перед нашей партией вопрос:

Что же дальше?

Складывается и растет в рабочих кругах течение, видящее единственный выход в немедленном объявлении вооруженного восстания. Все сроки сошлись теперь так, что, если говорить о таком восстании, его приходится уже прямо назначать, и притом на ближайшие дни. В той или иной форме этот вопрос уже обсуждается во всей повременной печати, в рабочих собраниях и занимает умы немалого круга партийных работников. Мы, в свою очередь, считаем своим долгом и своим правом высказаться по этому вопросу с полной откровенностью.

Мы глубочайше убеждены, что объявлять сейчас вооруженное восстание — значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции.

Нет никакого сомнения, бывают такие исторические положения, когда угнетенному классу приходится признать, что лучше идти на поражение, чем сдаться без бою. Находится ли сейчас русский рабочий класс именно в таком положении? *Нет, и тысячу раз нет!!!*

В результате громадного роста влияния нашей партии в городах и особенно армии, в настоящий момент сложилось такое положение, что сорвать Учредительное собрание для буржуазии становится делом все более невозможным. Через армию, через рабочих мы держим револьвер у виска буржуазии: буржуазия поставлена в такое положение, что, если бы она задумала сделать попытку сорвать теперь Учредительное собрание, она опять толкнула бы мелкобуржуазные партии к нам, и курок револьвера был бы спущен.

Шансы нашей партии на выборах в Учредительное собрание превосходны. Разговор о том, что влияние большевизма начинает падать и тому подобное, мы считаем решительно ни на чем не основанным. В устах наших политических противников это утверждение просто прием политической игры, рассчитанной именно на то, чтобы вызвать выступление большевиков в условиях, благоприятных для наших врагов. Влияние большевиков растет. Целые пласты трудящегося населения только еще начинают захватываться им. При правильной тактике мы можем получить треть, а то и больше мест в Учредительном собрании. Позиция мелкобуржуазных партий в Учредительном собрании не сможет быть во всем такой, какой она является сейчас. Прежде всего отпадает их лозунг: «с землей, со свободой жди Учредительного собрания». А обострение нужды, голода, крестьянского движения будет все больше на них давить и заставлять их искать союза с пролетарской партией против помещиков и капиталистов, представленных партией кадетов.

Учредительное собрание, само по себе, не может, конечно, уничтожить нынешнее маскирование этого соотношения. Советы, внедрившиеся в жизнь, не смогут быть уничтожены. Только на Советы сможет опереться в своей революционной работе и Учредительное собрание. Учредительное собрание плюс Советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем. На этой же базе политики наша партия приобретает громадные шансы на действительную победу.

Мы никогда не говорили, что русский рабочий класс *один* собственными силами способен победоносно завершить нынешнюю революцию. Мы не забывали, не должны забывать и теперь, что между нами и буржуазией стоит громадный третий лагерь: мелкая буржуазия. Этот лагерь присоединился к нам в дни корниловщины и дал нам победу. Он будет присоединяться к нам еще не раз. Нельзя позволить гипнотизировать себя тем, что

есть в данный момент. Несомненно, сейчас лагерь этот стоит гораздо ближе к буржуазии, чем к нам. Но нынешнее положение не вечно и не прочно. И только неосторожным шагом, каким-нибудь необдуманным выступлением, ставящим всю судьбу революции в зависимость от немедленного восстания, пролетарская партия толкает мелкую буржуазию в объятия Милюкова *надолго*.

Говорят: 1) за нас уже большинство народа в России и 2) за нас большинство международного пролетариата. Увы! — ни то, ни другое не верно, и в этом все дело.

В России за нас большинство рабочих и значительная часть солдат. Но все остальное — под вопросом. Мы все уверены, например, что если дело теперь дойдет до выборов в Учредительное собрание, то крестьяне будут голосовать в большинстве за эсеров. Что же, это — случайность? Солдатская масса поддерживает нас не за лозунг войны, а за лозунг мира. Это крайне важное обстоятельство, не учтя которого мы рискуем все наши расчеты построить на песке. Если мы, взявши власть сейчас одни, придем (в силу всего мирового положения) к необходимости вести революционную войну, солдатская масса отхлынет от нас. С нами останется, конечно, лучшая часть солдатской молодежи, но солдатская масса уйдет. В том-то и заключается преступность империалистического правительства, что, обслуживая интересы русской и союзной буржуазии, оно в корне подорвало хозяйственные силы страны, дезорганизовало ее и тем самым все больше отнимает у революционного народа возможность защищаться от аппетитов мирового империализма методами революционной войны. После сорока месяцев империалистской войны в разоренной господством мародеров стране, в созданной царизмом и продолженной господством буржуазии разрухе измученные солдаты все менее способны провести победоносную революционную войну против всего международного капитализма.

Те же делегаты с фронта, которые теперь ведут такую агитацию против войны, прямо просят наших ораторов не говорить о революционной войне, ибо это оттолкнет солдат. Это крайне важный симптом.

Несомненно, пролетарское правительство немедленно перешло бы к тому, что возложило бы экономические тяготы войны на буржуазию, — оставило бы буржуазии «только корки хлеба» и «сняло бы с нее сапоги». Это должно поднять энтузиазм в массе. Но это еще не дает гарантий победы над германским империализмом в революционной войне. Нынешняя Россия, позволившая, вопреки рабочему классу, истощать себя империалистической войной, все-таки осталась бы страной сравнительно отсталой техники с подорванной системой железных дорог, без товаров, без необходимого военно-технического оборудования и т. п. Взявши власть, рабочая партия, несомненно, нанесет тем удар Вильгельму. Ему труднее вести войну против революционной России, предлагающей немедленный демократический мир. Это так. Но настолько ли силен будет в данных обстоятельствах, после Риги и т. д., этот удар, чтобы отвести от России руку германского империализма? Если сепаратные переговоры между германским и английским империализмом начались, — а это почти несомненно, — то не поведут ли они их дальше и после нашей победы, не удастся ли Вильгельму и тогда придти в Питер? Где же те данные, которые говорят за то, что пролетарская партия одна — при противодействии мелкобуржуазной демократии — должна взять теперь на себя, и только на себя, ответственность за подобное положение вещей и за его неизбежные последствия.

И тут мы подходим ко второму утверждению, — что международный пролетариат, будто бы, уже сейчас в своем большинстве за нас. Это, к сожалению, еще не так. Восстание в германском флоте имеет громадное симптоматическое значение. Предвестники серьезного движения существуют в Италии. Но отсюда до сколько-нибудь активной поддержки пролетарской революции в России, объявляющей войну всему буржуазному миру, еще

очень далеко. Переоценивать силы крайне вредно. Нам, несомненно, много дано, и с нас много спросится. Но если мы сейчас, поставивши всю игру на карту, потерпим поражение, — мы нанесем жестокий удар и международной пролетарской революции, нарастающей крайне медленно, но все же нарастающей. А между тем рост революции в Европе сделал бы для нас обязательным, без всяких колебаний, немедленно взять власть в свои руки. В этом же и заключается единственная гарантия победоносности восстания пролетариата в России. Это придет, но этого сейчас еще нет.

Какая же перспектива рисуется нам в ближайшее будущее? Наш ответ таков.

Разумеется, путь наш зависит не только от нас одних. Противник *может принудить* нас принять решительный бой до выборов в Учредительное собрание. Попытки новой корниловщины, конечно, не оставят нам и выборов. Мы, разумеется, будем единодушны в единственном возможном тогда решении. Но тогда и значительная часть мелкобуржуазного лагеря наверняка опять поддержит нас. Бегство правительства в Москву толкнет мелкобуржуазную массу к нам. И тогда будут созданы условия для нашей победы, тогда не мы будем разбиты, а разбиты будут наши противники.

Но, поскольку выбор зависит от нас, мы можем и должны теперь ограничиваться *оборонительной позицией*. Временное правительство часто бессильно провести в жизнь свои контр-революционные намерения. Оно расшатано. Силы солдат и рабочих достаточны, чтобы не дать осуществиться таким шагам Керенского и компании. Крестьянское движение еще только начинается. Массовое подавление крестьянского движения кадетам не может удаться при нынешнем настроении армии. Подделать выборы в Учредительное собрание Временное правительство бессильно. Сочувствие к нашей партии будет расти. Блок кадетов с меньшевиками и с.-р. будет распадаться. В Учредительном собрании мы будем настолько сильной оппозиционной партией, что в стране всеобщего избирательного права наши противники вынуждены будут уступать нам на каждом шагу, либо мы составим вместе с левыми эсерами, беспартийными крестьянами и пр. правящий блок, который в основном должен будет проводить нашу программу. Таково наше мнение.

Перед историей, перед международным пролетариатом, перед русской революцией и российским рабочим классом мы не имеем права ставить теперь на карту вооруженного восстания все будущее. Ошибкой было бы думать, что теперь подобное выступление в случае неудачи привело бы только к тем последствиям, как 3—5 июля. Теперь дело идет о большем. Дело идет о решительном бое, и поражение в *этом* бою было бы поражением революции.

Такова общая обстановка. Но всякий, не желающий только говорить о восстании, обязан твердо взвесить и шансы его. И здесь мы считаем долгом сказать, что в данный момент всего вреднее было бы недооценивать сил противника и переоценивать свои силы. Силы противника больше, чем они кажутся. Решает Петроград, а в Петрограде у врагов пролетарской партии накоплены значительные силы: 5 тысяч юнкеров, *прекрасно* вооруженных, *организованных*, желающих (в силу своего классового положения) и умеющих драться, затем штаб, затем ударники, затем казаки, затем значительная часть гарнизона, затем очень значительная артиллерия, расположенная веером вокруг Питера. Затем противники с помощью Ц.И.К. почти наверняка попробуют привести войска с фронта. Пролетарской партии в данный момент пришлось бы драться при совсем другом соотношении сил, чем в дни корниловщины. Тогда мы дрались вместе с эсерами, меньшевиками и отчасти даже со сторонниками Керенского. Теперь же пролетарской партии пришлось бы драться против черносотенцев, плюс кадеты, плюс Керенский и Временное правительство, плюс Ц.И.К. (эсеры и меньшевики).

Силы пролетарской партии, разумеется, очень значительны, но решающий вопрос заключается в том, действительно ли среди рабочих и солдат столицы настроение таково, что они сами видят спасение уже только в уличном бою, рвутся на улицу. Нет. Этого настроения нет. Сами сторонники выступления заявляют, что настроение трудящихся и солдатских масс отнюдь не напоминает хотя бы настроений перед 3 июля. Существование в глубоких массах столичной бедноты боевого, рвущегося на улицу настроения могло бы служить гарантией того, что ее инициативное выступление увлечет за собой те крупнейшие организации (железнодорожный и почтово-телеграфный союзы и т. п.), в которых влияние нашей партии слабо. Но так как этого-то настроения нет даже на заводах и в казармах, то строить здесь какие-либо расчеты было бы самообманом.

Говорят: но ведь железнодорожники и почтово-телеграфные служащие голодают, задавлены нищетой, раздражены против Временного правительства. Все это так, конечно. Но это все еще не гарантия, что они поддержат восстание против правительства, вопреки эсерам и меньшевикам. Служащие и рабочие железнодорожники были задавлены нищетой и в 1906 году, задавлены они и в Германии и во Франции. И, однако, это не гарантирует поддержки восстания. Если бы все задавленные нищетой люди всегда были готовы поддержать вооруженное восстание социалистов, мы давно завоевали бы социализм.

Это подчеркивает нашу очередную задачу. Съезд Советов назначен на 20 октября. Он должен быть созван во что бы то ни стало. Он должен организационно закрепить растущее влияние пролетарской партии. Он должен стать центром сплочения вокруг Советов всех пролетарских и полупролетарских организаций, как те же союзы железнодорожников, почтовиков, банковских служащих и т. п. Твердой организационной связи нет еще между этими организациями и Советами. Этого нельзя оценивать иначе, как симптомом организационной слабости пролетарской партии. А подобная связь во всяком случае есть предварительное условие действительного проведения в жизнь лозунга «Вся власть Советам». Для каждого данного момента этот лозунг, конечно, обозначает самое решительное сопротивление малейшим покушениям на права Советов и созданных ими организаций со стороны власти.

При этих условиях глубокой исторической неправдой будет такая постановка вопроса о переходе власти в руки пролетарской партии: или сейчас, или никогда.

Нет. Партия пролетариата будет расти, ее программа будет выясняться все более широким массам. Она будет иметь возможность в еще более широкой форме продолжать беспощадное разоблачение политики меньшевиков и эсеров, которые стали на пути действительного перехода власти в руки большинства народа. И только одним способом может она прервать свои успехи, именно тем, что она в нынешних обстоятельствах возьмет на себя инициативу выступления и тем подставит пролетариат под удары всей сплотившейся контр-революции, поддержанной мелкобуржуазной демократией.

Против этой губительной политики мы подымаем голос предостережения.

Г. Зиновьев.
Ю. Каменев.

Архив Ц. К.

№ 13 (к стр. 531).

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА Р.С.-Д.Р.П., ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ПЕТРОГРАДСКОГО КОМИТЕТА, ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ, ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ, ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ, ПЕТРОГРАДСКОГО ОКРУЖНОГО КОМИТЕТА 29 (16) ОКТЯБРЯ 1917 г.

Председательствует т. Свердлов.

Тов. Свердлов предлагает порядок дня:

1) Доклад о прошлом собрании Ц.К.
2) Краткие доклады представителей.
3) Текущий момент.

I. Доклад о прошлом собрании Ц. К.

Тов. Л. *) оглашает резолюцию, принятую Ц.К. на предыдущем собрании. Сообщает, что резолюция была принята против 2-х голосов. Если возражавшие товарищи пожелают высказаться, то можно развернуть прения, пока же мотивирует эту резолюцию.

Если бы партии меньшевиков и эсеров порвали с соглашательством, можно было бы предложить им компромисс; это предложение было сделано, но ясно было, что данными партиями этот компромисс был отвергнут. С другой стороны, к этому периоду уже ясно определилось, что массы идут за нами. Это было еще до корниловщины; в доказательство приводит статистику выборов в Питере и в Москве.

Корниловщина же еще решительней толкнула массы к нам. Соотношение сил на Демократическом совещании. Положение ясное. Либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства. Настроением масс руководиться невозможно, ибо оно изменчиво и не поддается учету; мы должны руководиться объективным анализом и оценкой революции. Массы дали доверие большевикам и требуют от них не слов, а дел, решительной политики и в борьбе с войной и в борьбе с разрухой. Если в основу положить политический анализ революции, то совершенно ясным станет, что даже анархические выступления теперь подтверждают это.

Далее анализирует положение в Европе и доказательства, что там революция еще труднее, чем у нас: если в такой стране, как Германия, дело дошло до восстания во флоте, то это доказывает, что и там дело уже очень далеко дошло. Положение международное дает нам ряд объективных данных, что, выступая теперь, мы будем иметь теперь на своей стороне всю пролетарскую Европу; доказывает, что буржуазия хочет сдать Питер. От этого мы только можем спасти, только взяв Петроград в свои руки. Из всего этого ясен вывод, что на очереди то вооруженное восстание, о котором говорится в резолюции Ц.К.

Что касается практических выводов из резолюции, то их удобнее сделать после заслушания докладов представителей центров.

Из политического анализа классовой борьбы в России и в Европе вытекает необходимость самой решительной, самой активной политики, которая может двинуть только вооруженное восстание.

---

*) Ленин. *Ред.*

II. Доклады представителей.

Тов. Свердлов от Ц.К. докладывает от имени Секретариата Ц.К. о положении дел на местах.

Рост партии достиг гигантских размеров; можно считать, что теперь она объединяет не менее 400 тыс. (приводит доказательства).

Точно так же возросло наше влияние особенно в Советах (доказательства), то же самое в армии и во флоте. Дальше сообщает факты относительно мобилизации контр-революционных сил (Донецкий район, Минск, Северный фронт).

Тов. Бокий от П.К. Сообщает по районам:

Васильевский остров — боевого настроения нет, боевая подготовка ведется.

Выборгский район тоже, но готовятся к восстанию; образован военный совет; в случае выступления массы поддержат. Находят, что начать должны верхи.

1-й Городской район. Настроение трудно учесть. Красная гвардия есть.

2-й Городской район. Настроение лучше.

Московский район. Настроение бесшабашное, выйдут по призыву Совета, но не партии.

Нарвский район. Стремления выступить нет, но упадка авторитета партии нет. На Путиловском заводе усиливаются анархисты.

Невский район. Настроение круто повернулось в нашу пользу. За Советом пойдут все.

Охтенский район. Дело плохо.

Петербургский район. Настроение выжидательное.

Рождественский район. Тоже, сомнение, выступать ли, усиленное влияние анархистов.

Пороховой район. Настроение улучшилось в нашу пользу.

Шлиссельбург. Настроение в нашу пользу.

Тов. Крыленко от военного бюро сообщает, что у них резкое расхождение в оценке настроения.

Личные наблюдения приводят к тому, что настроение в полках поголовно наше, но сведения от товарищей, работающих в районах, расходятся: говорят, что для выступления нужно, чтобы что-нибудь их решительно задело, а именно: вывод войск. Бюро полагает, что настроение падает. Большая часть бюро полагает, что не нужно заострять вопроса практически, и как меньшинство думает, что можно взять на себя инициативу.

Тов. Степанов от Окружной организации. В Сестрорецке, Колпине рабочие вооружаются, настроение боевое, готовятся к выступлению. В Колпине наблюдается анархическое настроение.

В Нарве настроение тяжелое ввиду расчетов. 3.000 уже рассчитаны.

Что касается гарнизонов, то там настроение угнетенное, но большевистское влияние очень сильно (2 пулеметный полк). В Новом Петергофе работа в полку сильно пала, полк дезорганизован. Красное Село — 176-й полк абсолютно большевистский, 172-й полк почти, но, кроме того, там кавалерия. Луга — 30.000 гарнизон, Совет оборонческий. Настроение большевистское, будут перевыборы.

В Гдове — полк большевистский.

Тов. Бокий в дополнение сообщает, что, по имеющимся у него сведениям, в Красном Селе дело не так хорошо.

В Кронштадте настроение пало, и в боевом смысле тамошний гарнизон никуда не годится.

Тов. Володарский от Петербургского Совета. Общее впечатление, что на улицу никто не рвется, но по призыву Совета все явятся.

Тов. Равич подтверждает это и добавляет, что некоторые указали, что и по призыву партии.

Тов. Шмидт от профессионального союза. Общее число организованных свыше 500 тыс. Влияние нашей партии преобладающее, но в союзах более ремесленных наше влияние слабо (особенно у конторщиков, печатников), но и там начинает возрастать, особенно ввиду недовольства тарифными ставками. Настроение таково, что активных выступлений ожидать не приходится, особенно ввиду боязни расчетов. До известной степени это является сдерживающим элементом. Ввиду определенных экономических условий можно ожидать в ближайшее время колоссальной безработицы; в связи с этим и настроение выжидательное. Все признают, что вне борьбы за власть нет выхода из положения, требуют всей власти Советам.

Тов. Шляпников для дополнения сообщает, что в союзе металлистов влияние большевиков преобладает, но большевистское выступление не является популярным; слухи об этом вызвали даже панику. Настроение и по России у металлистов преобладает большевистское; принимаются резолюции большевистские, но сознания возможности самим организовать производство нет. Перед союзом стоит борьба за повышение заработной платы. В связи с этой борьбой будет поставлен вопрос о контроле.

Скрыпник от фабрично-заводских комитетов констатирует, что повсюду замечается тяга к практическим результатам; резолюции уже не удовлетворяют. Чувствуется, что руководители не вполне выражают настроения масс; первые более консервативные; замечается рост влияния анархо-синдикалистов, особенно в Нарвском и Московском районах.

Тов. Свердлов в дополнение сообщает, что в Москве в связи с резолюцией Ц.К. предприняты шаги для выяснения положения о возможности восстания.

Товарищ от железнодорожников. Железнодорожники голодают, озлоблены, организация слаба, особенно среди служащих телеграфистов.

Тов. Шмидт в дополнение сообщает, что в связи со стачкой у железнодорожников произошел перелом. В московском узле особенно наблюдается неудовольствие против комитета. Вообще питерский и московский узлы ближе к большевикам.

Тов. Бокий. О почтово-телеграфных служащих. Отдельной организации нет. У телеграфных аппаратов сидят больше кадеты. Почтальоны сообщают, что в решающий момент смогут овладеть почтамтом.

Тов. Шмидт. Союз почтовиков более радикален, чем железнодорожный. Низшие служащие по существу большевики, но высшие служащие нет; с ними приходится вести борьбу, пока они держат в своих руках союз.

III. О текущем моменте.

Тов. Милютин считает, что на основании всех докладов нужно более конкретизировать резолюцию. Полагает, что лозунг «Вся власть Советам» уже вполне назрел, особенно в провинции, где местами власть фактически в руках Советов. Вопрос действительно не идет об агитации, нужны уже дела, а не слова. Вопрос решается не настроениями, не бюллетенями, а организованными силами. Либо мы делаем первый шаг, либо этот шаг будет сделан нашими врагами. В резолюции недостаточно учтена возможность второй перспективы, т. е. возможность *не* восстания, которое предполагает нашу инициативу, но столкновения, которое является результатом *объективных* условий. Сам полагает, что мы не готовы для нанесения первого удара.

Низложить, арестовать в ближайшие дни власть мы не можем.

Встает другая перспектива: вооруженное столкновение; доказывает, что оно нарастает, возможность его приближается. И к этому столкно-

вению мы должны быть готовы. Но эта перспектива отлична от восстания. Считает нужным развернуть резолюцию в этом смысле.

Тов. Шотман говорит, что на городской конференции и в П.К. и в военке настроение было гораздо более пессимистично. Доказывает, что мы не можем выступить, но должны готовиться.

Тов. Л. *) полемизирует с Милютиным и Шотманом и доказывает, что дело не в вооруженных силах, дело не идет о борьбе с войском, но о борьбе одной части войска с другой. Не видит пессимизма в том, что здесь говорилось. Доказывает, что силы на стороне буржуазии не велики. Факты доказывают, что мы имеем перевес над неприятелем. Почему Ц.К. не может начать? Это не вытекает из всех данных. Чтобы отбросить резолюцию Ц.К., надо доказать, что разрухи нет, что международное положение не приводит к осложнениям. Если профессиональные деятели требуют всей власти, то они отлично понимают, чего хотят. Объективные условия доказывают, что крестьянство нужно вести, за пролетариатом оно пойдет.

Боятся того, что мы не удержим власть, но у нас именно теперь особенные шансы удержать власть.

Выражает пожелание, чтобы дебаты велись в плоскости обсуждения резолюции по существу.

Тов. Крыленко заявляет, что в одном сходилось все в бюро, именно в том, что вода достаточно вскипела; выносить резолюцию, которая брала бы эту резолюцию назад, было бы величайшей ошибкой. Наша задача — поддержать восстание вооруженной силой, если бы оно где-нибудь вспыхнуло. Но настроение, которое здесь характеризовали, является результатом наших ошибок.

В вопросе о том, кто и как будет начинать, расходится с Вл. Ильичем. Считает ненужным вдаваться слишком в технические подробности восстания и, с другой стороны, определенно назначить его признает тоже нецелесообразным. Но вопрос о выводе войск есть именно тот боевой момент, на котором произойдет бой. На Черемисовском совещании будет доказано, что войска вывести нужно, на это мы ответим, что хотя это и нужно, но не будет сделано, ибо нет доверия к генералам; факт наступления на нас уже имеется, таким образом, и этим можно воспользоваться. Уменьшать агитации нельзя и беспокоиться о том, кому начинать, не приходится, ибо начало уже есть.

Тов. Рахиа доказывает, что массы сознательно готовятся к восстанию. Если бы питерский пролетариат был вооружен, он был бы уже на улицах вопреки всяким постановлениям Ц.К. Пессимизма нет. Наступления контр-революции ждать не приходится, ибо оно уже есть. Массы ждут лозунга и оружия. Массы высыпят на улицы, ибо их ждет голод. Повидимому, уже наш лозунг стал запаздывать, ибо есть сомнение, будем ли мы делать то, к чему зовем. Наша задача—не перерешать, а, наоборот, закрепить.

Тов. Григорий **). Повидимому, резолюция воспринимается не как приказ, иначе по ней нельзя было бы высказаться.

По существу же выражает сомнение, обеспечен ли успех восстания. Прежде всего не в наших руках железнодорожный и почтово-телеграфный аппарат. Влияние Ц.И.К. достаточно сильно еще.

Вопрос решится первым же днем и в Питере, ибо в противном случае начнется деморализация. На подкрепления из Финляндии и Кронштадта рассчитывать не приходится. А в Питере мы не имеем уже такой силы. Кроме того, у наших врагов громадный организационный штаб.

---

*) Ленин. *Ред.*

**) Г. Зиновьев. *Ред.*

Наш трезвон за последнее время неправилен даже с точки зрения резолюции Ц.К. Ибо зачем нам давать подготовиться? Настроение на заводах теперь не таково, как было в июне. Ясно, что теперь не такое настроение, как было в июне.

Говорят, мы находимся в таком положении, что выхода нет; я думаю, что такого положения еще нет. Я думаю, что у нас неправильное отношение к Учредительному собранию. Конечно, на него нельзя смотреть как на всеспасающее, но Учредительное собрание произойдет в высшей степени в революционной атмосфере. За это время мы будем крепнуть. Не исключена возможность, что мы там будем с левыми эсерами в большинстве. Не может быть, чтобы крестьянин колебался в вопросе о земле. Я стоял за выход из предпарламента, но не думаю, что эта масса никогда не пойдет за нами. Говорит о международных отношениях и доказывает, что и перед международным пролетариатом мы тоже обязаны величайшей осторожностью: наше влияние все растет. Ждать сдачи Питера до Учредительного собрания не приходится. Мы не имеем права рисковать, ставить на карту все.

Я предлагаю: если 20-го состоится съезд, мы должны ему предложить не разъезжаться до того момента, пока не соберется Учредительное собрание. Должна быть оборонительно-выжидательная тактика на фоне полного бездействия Временного правительства. Нельзя ставить себя в положение полной изолированности. Учредительное собрание тоже не освобождает от гражданской войны, но оно является очень серьезным этапом. Нужно пересмотреть резолюцию Ц.К., если это возможно. Мы должны сказать себе прямо, что в ближайшие 5 дней мы не устраиваем восстания.

Тов. Каменев. С принятия резолюции прошла неделя, и эта резолюция потому и показывает, как нельзя делать восстания: за эту неделю ничего не было сделано, и только испорчена та диспозиция, которая должна была бы быть. Недельные результаты говорят за то, что данных за восстание теперь нет. Нельзя говорить, что резолюция только возбудила мысль, она требовала перехода от слов к делу. А этого нет. Аппарата восстания у нас нет; у наших врагов этот аппарат гораздо сильнее и, наверное, за эту неделю еще возрос. Доказывает, что у нас за эту неделю ничего не сделано ни в военно-техническом смысле, ни в продовольственном. Этой резолюцией, однако, дана была возможность сорганизоваться правительству. Вся масса, которая теперь не с нами, находится на их стороне. Мы их усилили за наш счет. Вопрос серьезнее, нежели в июльские дни. Социально говоря, кризис назрел, но нет никаких доказательств, что мы должны дать бой до 20-го. Вопрос не стоит так: или сейчас, или никогда, — я больше верю в русскую революцию; социальные битвы перед нами стоят, и, готовясь к Учредительному собранию, мы вовсе не становимся на путь парламентаризма. Мы недостаточно сильны, чтобы с уверенностью в победе идти на восстание, но мы достаточно сильны, чтобы не допустить крайних проявлений реакции. Здесь борются две тактики: тактика заговора и тактика веры в движущие силы русской революции.

Фенигштейн считает, что вопрос вооруженного восстания — вопрос не недель, а дней. Это — политическая позиция; он с ней согласен, но с немедленным переходом в штыки не согласен. Доказывает далее, что технически вооруженное восстание нами не подготовлено. Мы не имеем еще даже центра. Мы идем полусознательно к поражению. Бывают моменты, когда все же нужно идти. Но если этого нет, то надо подходить с практической стороны.

Сталин. День восстания должен быть целесообразен. Только так надо понимать резолюцию.

Можно говорить, что нужно ждать нападения, но надо понимать, что такое нападение; повышение цен на хлеб, посылка казаков в Донской район

и т. п. — все это уже нападение. До каких же пор ждать, если не будет военного нападения? То, что предлагают Каменев и Зиновьев, это объективно приводит к возможности контр-революции сорганизоваться: мы без конца будем отступать, и проиграем всю революцию. Почему бы нам не предоставить себе возможности выбора дня и условий, чтобы не давать возможности сорганизоваться контр-революции. Переходя к анализу международных отношений, доказывает, что теперь больше веры должно быть. Тут две линии: одна линия держит курс на победу революции и озирается на Европу, вторая не верит в революцию и рассчитывает быть только оппозицией. Петроградский Совет уже встал на путь восстания, отказавшись санкционировать вывод войск. Флот уже восстал, поскольку пошел против Керенского.

Т. *) Толкует резолюцию, что она не значит завтра выступать, но она переводит вопрос из политики в стратегию и призывает к определенному действию. Заговоров бояться не приходится, заговор всегда должен быть в виду; не нужно сходить на путь парламентской борьбы, это было бы неправильно. Ждать, пока нападут, тоже не следует, ибо сам факт наступления дает шансы победы.

Тов. Свердлов характеризует резолюцию. С одной стороны, это был приказ, но правильно, что вопрос из области политической перешел в область техническую. Говорит о контр-революционной подготовке. Полемизирует с каменевским утверждением, что слабая сторона резолюции — ее практическая неосуществленность до сих пор. Отсюда вывод, что нужно предпринять более энергичную работу. Говорить о том, что большинство не против нас, не приходится, оно только еще не за нас. В Питере же сила наша; юнкера не страшны, особенно если мы выступим первые. Не разделяет того пессимистического настроения к гарнизону, которое здесь проявилось. Соотношение сил в нашу пользу. Резолюции отменять не приходится, но внести коррективы, что техническая подготовка должна быть энергичнее.

Тов. Скрыпник. Если у нас нет сил, то их позже больше не станет; если мы теперь не удержим власти, то потом будет еще хуже. Говорят, что выгодно обороняться, — быть может! Но у нас потом не будет сил и для обороны.

Все доводы, которые здесь приводились, — только отсрочка. Гарантии победы нет. Здесь повторяют то, что говорили меньшевики и эсеры, когда им предлагали брать власть. Теперь мы слишком много говорим, когда надо действовать. Массы с нас спрашивают и считают, что если мы им ничего не даем, то мы совершаем преступление; нужна подготовка восстания и призыв к массам.

Володарский. Если резолюция — приказ, то он уже не выполнен. Если вопрос о выступлении ставится как вопрос завтрашнего дня, то мы должны прямо сказать, что у нас для этого ничего нет. Я выступал среди... **), но утверждаю, что массы с недоумением приняли наш призыв; за эту неделю произошла перемена.

Если бы не было в Ц. К. течения, которое хочет классовую борьбу свести к парламентской, то мы были бы готовы теперь к восстанию, но не в данный момент. Положительная сторона резолюции — та, что она заставила нас пойти в массы с новым лозунгом. Резолюцию надо понимать как курс на восстание, мы не должны прекращать нашей технической подготовки.

Конкретное предложение: техническую подготовку продолжать и внести этот вопрос на съезд, но не считать, что этот момент уже пришел.

---

*) Фамилия в протоколе пропущена. *Ред.*

**) Пропуск в оригинале. *Ред.*

Дзержинский думает, что Володарский ошибается, когда думает, что партия наша ошиблась, когда вела, как он выражается, парламентскую тактику. Как раз наоборот, изменившаяся ситуация и привела к перемене нашего решения. Два месяца назад не были изжиты те иллюзии, которые еще были, и поэтому тогда нельзя было ставить вопроса о восстании. Заговорщичеством именно и является требование, чтобы к восстанию было все технически подготовлено. Когда будет восстание, тогда будут и технические силы. Так же и с продовольствием.

Тов. Равич. Отмена резолюции была бы отменой всех наших лозунгов и всей нашей политики. Массы именно уже усвоили себе взгляд, что восстание неизбежно. Если массы слишком революционны, тогда начинается снизу, но может быть и призыв сверху, никто не сомневается, что в этом случае массы поддержат. Отказываться нельзя.

Тов. Сокольников. Возражения Каменева лишены убедительности. Он обвиняет, что мы раззвонили свое выступление, т. е. именно требует заговора. Величайшая особенность и наша сила в том, что мы открыто готовим выступление. Напоминает события февральские, когда тоже ничего не было подготовлено, однако революция победила. Более благоприятного соотношения сил ожидать нельзя.

По поводу резолюции совершенно напрасно толковали так, что резолюция — приказ выступать.

Если бы оказалось, что события добудут нам отсрочку, то мы, конечно, ею воспользуемся. Возможно, что съезд будет раньше. Если съезд примет всю власть Советам, тогда нужно задать вопрос о том, что делать, вызывать ли массы или нет.

Тов. Скалов доказывает, что для перехода власти к Советам нужно соответствующее соотношение сил. Власть Советов разрешит продовольственный вопрос. Теперь мы становимся оборонцами, если мы не возьмем власти, то, может быть, флот оставит свои позиции и армия тоже. Говорит о расторжении договоров и т. п. Думает, что до созыва съезда Советов нельзя устраивать восстания, но на съезде нужно взять власть.

Милютин. Резолюция была написана иначе, чем ее толковали теперь: ее так толкуют, что вопрос идет о курсе на восстание. Это было еще в сентябре намечено. Говорят все не о технической, а о политической постановке вопроса. Насчет курса никто не спорит. Говорящие о восстании представляют его себе лишь примитивно. Нужно прежде всего брать власть и сменить старую, а действовать по трафарету — это абсурд. Мы выиграли от того, что 3 — 5 не было восстания, и теперь если не будет, мы не погибнем. Эта резолюция должна быть для внутреннего употребления.

Иоффе доказывает, что резолюцию нельзя понимать как приказ выступать, это есть отказ от тактики удержания от выступления и признание возможности и обязательности восстаний при первом подходящем случае. В этом смысле ее надо приветствовать. Но, с другой стороны, неверно, что теперь вопрос чисто технический; и теперь момент восстания должен быть рассмотрен с политической точки зрения. Смысл резолюции — необходимость воспользоваться первым подходящим случаем для захвата власти, и поэтому ее нужно приветствовать.

Шмидт. Теперь вопрос становится яснее, и возражать против подготовки революции не приходится.

Дядя).* Печально, что резолюция в ход не пущена до сих пор. Я убежден, что резолюция будет принята. Я взял слово, чтобы внести корректив в оценку настроения масс. Показателем настроения является охота, с которой массы хватаются за оружие. Странная у нас и стратегия. Когда говорят о юнкерах, то я уже говорил, что их можно вычеркнуть.

---

*) Лацис. *Ред.*

*Л.**) Если бы все резолюции так проваливались, то лучшего желать нельзя было бы. Теперь Зиновьев говорит так, что лозунг «власть Советам» долой, и давит на правительство. Если говорить, что восстание «народов», то говорить о заговорах не приходится. Если политически восстание неизбежно, то нужно относиться к восстанию как к искусству. А политически уже оно назрело.

Именно потому, что хлеба только на день, мы не можем ждать Учредительного собрания. Предлагает резолюцию подтвердить, к подготовке решительно готовиться и [предоставить] Ц.К. и Советам решить, когда.

Зиновьев. Сравнивали революцию эту с революцией Февральской. Сравнивать нельзя, ибо тогда ничего не было на стороне старой власти, а теперь война всему буржуазному миру. Лозунг «власть Советам» не ставился нами абстрактно. Если съезд будет давить на Учредительное собрание, то этого нельзя сравнивать с меньшевистской политикой. Если восстание ставится как перспектива, то возражать нельзя, но если это — приказ на завтра или послезавтра, то это — авантюра. Пока не съедутся наши товарищи и мы не посоветуемся, мы не должны начинать восстания.

Степанов. Резолюция имеет историческое значение; я смотрел на нее, как на барометр, показывающий на бурю. Далее возражает Каменеву по поводу его доводов относительно отсутствия продовольствия.

Помимо Черемисовского совещания, моментом для восстания может явиться уменьшение солдатского пайка.

Объективная обстановка нарастает с каждой минутой, и эта резолюция сыграла великую роль. Она нам многое уяснила. Доказывает, что массы разбираются между Ц.И.К. и Питерским Советом; предлагает эту резолюцию оставить в качестве барометрического показателя.

Каменев доказывает, что нынешняя интерпретация резолюции есть отступление, ибо раньше говорили, что выступление должно быть до 20-го, а теперь говорят о курсе на революцию. Вопрос поставлен политически. И назначение восстания есть авантюризм. Мы обязаны разъяснить массам, что в эти 3 дня на выступление не зовем, но и считаем, что восстание неизбежно.

Предлагает проголосовать резолюцию и поставить предложение о том, чтобы в Ц. О. было напечатано, что до съездов к выступлениям не зовут.

Скрыпник предлагает обратиться к массам с призывом готовиться к восстанию.

Ленин возражает Зиновьеву, что нельзя противопоставить эту революцию революции Февральской.

По существу предлагает резолюцию.

Зиновьев отвечает Ленину относительно Февральской революции. В историю нашей партии эти два месяца не войдут худшей страницей. По существу предлагает свою резолюцию: «Не откладывая разведочных подготовительных шагов, считать, что такие выступления впредь до совещания с большевистской частью съезда Советов недопустимы».

Голосуется резолюция тов. Ленина. В основу. За 20, против 2, воздержалось 3. Поправка т. Милютина заменить словом «вооруженное столкновение» отклонена. Поправка т. Скрыпника отбросить слова «выражая уверенность» и т. д. Отклонена.

Поправка т. Фенигштейна: заменить слово «наступление» словом «выступление». Отклонена.

Поправку вносит т. Володарский.

Резолюцию т. Зиновьева внести в форме поправки к принятой резолюции. Отклонена.

Поправка т. Фенигштейна.

«Центр в составе испол. комитета и военки». Снимается.

---

*) Ленин. *Ред.*

Резолюция в целом.
За — 19; 2 — против; воздержалось 4.
Резолюция т. Зиновьева: за — 6; против — 15; возд[ержалось] — 3.
Ц. К. заседает один и принимает следующее постановление: Ц. К. организует военно-революционный центр в следующем составе:
Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. Этот центр входит в состав революционного Советского комитета.

Архив Ц.К.

IV. ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Члены конституционно-демократической партии (кадеты) — Шингарев, Мануйлов, Шаховской и др., состоявшие министрами в первом коалиционном кабинете князя Львова, демонстративно вышли в отставку 15 (2) июля 1917 г. под предлогом протеста против признания Временным правительством слишком широкой, по их мнению, автономии Украины: разрешение украинского вопроса кадеты считали необходимым отложить до созыва Учредительного собрания. Уход кадетов совпал с начавшимся июльским революционным выступлением в Петрограде.

Статья «На что могли рассчитывать кадеты, уходя из министерства» была написана Лениным, повидимому, 16 (3) июля, в дер. Нейвола (около станции Мустамяки по Финляндской жел. дороге, под Петроградом) до получения известий из Петрограда о начавшихся там событиях («Июльские дни»). Статья предназначалась для «Правды», но не была напечатана, так как «Правда» была закрыта и типография ее разгромлена. Статья появилась значительно позднее в «Пролетарском Деле» (Кронштадт) № 2 от 28 (15) июня 1917 г. без подписи автора. Статья содержит один лишний абзац в самом конце, которого нет в рукописи:

«Но Церетели и Чернов предпочли путь соглашений и уступок контр-революционерам против революционного класса».

Принадлежность этого абзаца Ленину — не установлена. — 1.

[2]) «*Пролетарское Дело*» — ежедневная большевистская газета, издававшаяся в 1917 г. Кронштадтским комитетом Р. С.-Д. Р. П. взамен закрытой в июльские дни Временным правительством «Кронштадтской Правды». Первый номер «Пролетарского Дела» вышел 27 (14) июля 1917 г. — 1.

[3]) «*Июльские дни*» были подготовлены всем ходом русской революции. Со второй половины июня 1917 года недовольство масс против реакционной политики Временного правительства нарастало. На демонстрацию 30 (18) июня массы вышли с лозунгами: «Долой 10 министров-капиталистов», «Вся власть Советам». Неудача предпринятого Керенским наступления на фронте 30 (18) июня и принесенные в угоду союзникам жертвы еще более революционизировали массы. Запасные — старше 40 лет — требовали немедленной демобилизации. Министр юстиции Переверзев обострил конфликт, пробуя воинской силой выселить анархистов и некоторые профессиональные союзы из захваченной рабочими дачи Дурново. Петроградские полки волновались, ввиду намерений правительства, вопреки договору 12 марта (27 февраля) с И. К. Петербургского Совета, вывести их на фронт, чтобы освободить столицу от преданных революции войск. Контр-революционные генералы угрожали сдачей столицы германцам. Уже начавшемуся движению дал дальнейший толчок выход в отставку министров-кадетов. По отчету И. Сталина на VI съезде Р. С.-Д. Р. П. ход событий представляется в следующем виде: 16 (3) июля одним из первых поднялся пулеметный полк, делегаты которого явились в дом Кшесинской,

на общегородскую конференцию большевиков, обсуждавшую муниципальный вопрос, сообщить, что полк разослал своих делегатов по всем воинским частям с призывом к выступлению, и просили поддержки у большевиков. Конференция ответила отказом, считая движение преждевременным. Вечером к дому Кшесинской подошли два полка с лозунгами на знаменах: «Вся власть Советам». Несколько позднее подошла рабочая демонстрация с теми же лозунгами против коалиции. Собравшийся в 10 час. вечера Ц.К., учитывая настроение масс, дал лозунг мирной демонстрации. Рабочая секция Петроградского Совета двумя третями голосов высказалась за выступление, избрав временный комитет из 15 членов для руководства. Призыв воздержаться от преждевременного выступления, посланный днем в «Правду», по распоряжению Ц. К., был ночью вырезан из стереотипа с целью заменить его новыми лозунгами мирной демонстрации, что не удалось сделать вследствие позднего времени, и «Правда» 17 (4) июля вышла с белой полосой (см. «Правда», изд. Истпарта, 1928 г., вып. IV). Ленина 16 (3) июля в Петрограде не было, и он, извещенный о событиях, смог вернуться в город только на следующий день. 17 (4) июля в движении участвовало свыше полумиллиона рабочих и солдат. Демонстрации стягивались к Таврическому дворцу. Из Кронштадта прибыли матросы. Петропавловская крепость была на стороне демонстрантов. В городе господствовал образцовый порядок. Захвата учреждений или насилий массы не применяли. На углу Невского и Садовой по демонстрантам был открыт огонь, на который рабочие и солдаты отвечали. На предъявленное требование взять в свои руки власть, Ц. И. К. Советов, находившийся в руках меньшевиков и эс-эров, ответил отказом. Движение уперлось в тупик. Часть солдат вернулась в казармы, часть оставалась на улице. 18 (5) июля от имени Алексинского и Панкратова были опубликованы сфабрикованные контр-разведкой «документы», имевшие целью деморализовать массы: в них утверждалось, что Ленин действует по поручению германского штаба. К вечеру прибыли приведенные Керенским с фронта контр-революционные войска и юнкера из окрестностей Петрограда, которые заняли город, развели мосты и приступили к арестам, обыскам и погромам. Движение было подавлено. — 9.

[4]) «*Живое Слово*» — издававшаяся в Петрограде с 1916 г. небольшая газета бульварного типа, рассчитанная на наиболее неразвитые слои городского населения, выходила после Февральской революции с подзаголовком: «газета внепартийных социалистов». В июльские дни вела черносотенную агитацию. В августе была закрыта, после чего в течение нескольких недель выходила под названием «Слово» и «Новое Слово».

Клеветническое заявление Алексинского и Панкратова было опубликовано в газете «Живое Слово» № 51 (404) 18 (5) июля 1917 г. под заглавием «Ленин, Ганецкий и К° — шпионы». Текст этого заявления, сфабрикованного при содействии генерального штаба и контр-разведки, таков: «Комитету журналистов при Временном правительстве было доставлено за собственноручной подписью члена II Государственной Думы Г. Алексинского и шлиссельбуржца В. Панкратова следующее письмо:

«Мы, нижеподписавшиеся, Григорий Алексеевич Алексинский, бывший член II Гос. Думы от рабочих города Петрограда, и Василий Семенович Панкратов, член партии социалистов-революционеров, пробывший 14 лет в Шлиссельбургской каторжной тюрьме, считаем своим революционным долгом опубликовать выдержки из только что полученных нами документов, из которых русские граждане увидят, откуда и какая опасность грозит русской свободе, революционной армии и народу, кровью своей эту свободу завоевавших. Требуем немедленного расследования. Г. Алексинский В. Панкратов, 4 июля, 1917 г. Петроград».

«При письме от 16 мая 1917 г. за № 3719 нач. штаба Верховного Главнокомандующего препроводил Военному Министру протокол допроса

от 28 апреля с. г. прапорщика 16 Сибирского стр. полка Ермоленко. Из показаний, данных им начальнику разведывательного отделения штаба Верх. Главнокомандующего, устанавливается следующее. Он переброшен 25 апреля с. г. к нам в тыл на фронт 6 армии для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией. Поручение это Ермоленко принял по настоянию товарищей. Офицеры германского генерального штаба Шидицкий и Люберс ему сообщили, что такого же рода агитацию ведет в России агент германского генерального штаба, председатель Украинской секции «Союза освобождения Украины» А. Скоропись-Иолтуховский и Ленин. Ленину поручено стремиться всеми силами к подорванию доверия русского народа к Временному правительству. Деньги на агитацию получаются через некоего Сведсона, служащего в Стокгольме при Германском Посольстве. Деньги и инструкции пересылаются через доверенных лиц.

Согласно только что поступившим сведениям, такими доверенными лицами являются в Стокгольме: большевик Яков Фюрстенберг, известный более под фамилией «Ганецкий», и Парвус (доктор Гельфандт). В Петрограде: большевик, присяжный поверенный М. Ю. Козловский, родственница Ганецкого — Суменсон, занимающиеся совместно с Ганецким спекуляциями, и другие. Козловский является главным получателем немецких денег, переводимых из Берлина через «Дисконто-Гезельшафт» на Стокгольм «Виа-Банк», а отсюда на Сибирский Банк в Петрограде, где в настоящее время на его текущем счету имеется свыше 2.000.000 р. Военной цензурой установлен непрерывный обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими агентами и большевистскими лидерами (Стокгольм — Петроград)».

Письмо сопровождено следующим примечанием Г. Алексинского и В. Панкратова: «По техническим условиям подлинные документы будут нами опубликованы дополнительно». — 10.

[5]) «*Союз Освобождения Украины*» («Союз Визволення України») — украинская ультра-националистическая организация германской ориентации, возникшая в начале империалистической войны из групп, входивших ранее в украинскую социал-демократию. Во главе Союза стояли: Басок-Меленевский и А. Скоропись-Иолтуховский, бывшие руководители «Спилки», украинского социал-демократического союза, входившего в Р. С.-Д. Р. П., близкого по своим общим тенденциям к меньшевикам, и А. Исук, В. Дорошенко и П. Бензи, бывшие члены украинской с.-д. рабочей партии (отдельная от Спилки организация). «Союз Освобождения Украины», выставивший своим лозунгом независимость Украины, приобретаемую при помощи германо-австрийского империализма, по существу представлял агентуру последнего. Союз широко субсидировался германским правительством, вел на его деньги пропаганду в Германии среди пленных украинцев и пытался, впрочем, без больших результатов, вызвать на Украине соответствующее националистическое движение. Союзом издавался «Робітничий Прапор» («Рабочее Знамя»). — 10.

[6]) «*Листок Правды*» вышел 19 (6) июля 1917 г. в объеме всего двух страниц, взамен разгромленной юнкерами «Правды». В «Листке Правды» были напечатаны воззвание Ц. К., Петроградского комитета, Военной организации большевиков и Междурайонного комитета объединенных соц.-дем. интернационалистов к рабочим и солдатам, с призывом к прекращению демонстрации, краткая передовая статья «Из-за чего идет борьба?», статьи Ленина (без подписи): «Где власть и где контр-революция?», «Гнусные клеветы черносотенной газеты и Алексинского», «Новое дело Дрейфуса», «Злословие и факты», «Близко к сути» и письмо М. Козловского. — 12.

[7]) Вл. Ильич цитирует статью «Стрельба на Невском» («Биржевые Ведомости» № 16317 от 17 (4) июля 1917 г., вечерний выпуск). — 15.

[8]) Н. В. Чайковский, народный социалист, на объединенном заседании Ц. И. К. Советов Р. и С. Д. и И. К. Советов Крестьянских Депута-

тов 17 (4) июля 1917 г., участвуя в прениях по вопросу «о кризисе власти», произнес следующее: «Грозность нашего положения заключается в том, что мы ведем мировую войну, от которой мы не можем отказаться, и в то же время волей неволей должны совершать социальную революцию. В Петрограде забывают про войну, на фронте же не думают о социальной революции. Война требует денег, она требует не только военной мощи, но и финансовой мощи. Если социалисты возьмут власть в свои руки, они через месяц окажутся банкротами. Это значит, что тогда придет голод, анархия..., и появится немецкий диктатор» («Известия» № 109, от 18 (5) июля 1917 г.). — 16.

[9]) Статья Ленина «Дрейфусиада» предназначалась для «Правды», но не могла быть напечатана, так как газета была закрыта Временным правительством, а типография ее разгромлена. — 17.

[10]) Письмо М. Ю. Козловского, на имя «председателя Центрального Комитета Советов» (так в тексте), датированное 5 июля 1917 г. и оглашенное М. Козловским в тот же день на заседании Ц. И. К., было напечатано в «Листке Правды» от 6 июля 1917 г. В письме М. Козловский, между прочим, заявлял:

«... Не входя в политическую оценку этой гнусной клеветы, считаю необходимым, как член Ц. К. Совета Р. и С. Д., сделать нижеследующее заявление:

1) Никаких отношений с кем-либо из агентов германского генерального штаба у меня не было.

2) На текущем счету в Сибирском или каком-либо другом банке двух миллионов руб. я никогда не имел. Вся сумма имеющихся у меня на текущем счету денег не превышает нескольких тысяч рублей.

3) Получателем «немецких денег из Берлина на Стокгольм» или другим каким-либо путем я никогда не состоял.

4) Никаких телеграмм «политического или денежного характера» германским агентам я не посылал и от них не получал.

Обращаясь в Ц. К. Советов Р. и С. Д., в вашем, товарищ председатель, лице с настоящим заявлением, я вместе с тем выражаю полную готовность во всякое время дать Центральному Комитету С. Р. и С. Д. соответствующие и исчерпывающие объяснения в случае надобности в том». — 17.

[11]) При возвращении из Швейцарии в Россию через Германию и Швецию Ленин и др. большевики имели 14 (1) апреля 1917 г. встречу в Стокгольме с левыми шведскими социалистами во главе с Линдхагеном. — 18.

[12]) Статья «Три кризиса» была написана Лениным для «Правды», но появилась лишь 3 августа (21 июля) в Кронштадтской газете «Пролетарское Дело» (№ 7), с незначительными изменениями текста чисто редакционного характера. В начале статьи Ленин, имея в виду помещение ее в «Правде», ссылается «на печатаемую ниже статью, документально доказывающую, что 2 июня большевики агитировали против выступления»...; само собою разумеется, что в «Пролетарском Деле» указанной статьи не имеется. (Эта статья вообще не сохранилась.)

Впервые по рукописи статья «Три кризиса» была напечатана в № 93 «Правды» за 1924 г. — 20.

[13]) Воззвание под заголовком: «Товарищи рабочие и солдаты Петрограда!» за подписью: «Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., П. К. Р. С.-Д. Р. П., Междурайонный комитет Р. С.-Д. Р. П., Военная организация при Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. и Комиссия рабочей секции Совета Р. и С. Д.» (см. «Документы и материалы» №, 1, стр. 469 настоящего тома) было выпущено утром 4 июля 1917 г., перепечатано в № 92 «Дела Народа» от 18 (5) июля. — 20.

[14]) Статья «Момент обязывает» («Дело Народа» № 93 от 19 (6) июля 1917 г.), давая оценку июльскому движению и вполне солидаризируясь с

Временным Правительством, подавившим его, между прочим, говорит: «Не в наших правилах закрывать глаза на факты, отмахиваться от красноречивой доказательности их. А недовольство коалиционным правительством есть факт, оно наметилось давно и систематически нарастало...». — 20.

[15]) Вл. Ильич цитирует передовую статью «Дела Народа» № 93 от 19 (6) июля 1917 г. — 22.

[16]) Цитата из статьи Г. Плеханова «Две недели на размышление» («Единство» № 83, 20 (7) июля 1917 г.); статья посвящена резолюции Исполнительных Комитетов Советов Р., С. и К. Д. от 17 (4) июля 1917 г., постановивших в двухнедельный срок созвать соединенное пленарное заседание Исполнительных Комитетов с представителями с мест для решения вопроса о реконструкции власти, вызванной июльским кризисом и уходом министров-кадетов из правительства. — 22.

[17]) По вопросу об явке Ленина и Г. Е. Зиновьева на суд среди части членов Ц. К. возникли колебания. В. Ногин считал необходимым, чтобы вожди партии дали себя арестовать и явились на суд с целью открытой борьбы с клеветой и ложными обвинениями. И. Сталин и С. Орджоникидзе решительно возражали против этого, опасаясь самосуда контр-революционных юнкеров или тайного убийства в тюрьме. После совещания с Лениным и Зиновьевым, Ногин и Орджоникидзе, по настоянию Ленина, отправились в Ц. И. К., чтобы выяснить положение и, в случае добровольной явки, добиться гарантий безопасности. Из переговоров с членом Ц.И.К. Анисимовым (меньшевик, рабочий) выяснилось, что такой гарантии получить нельзя, так как фактически власть после июльских дней перешла в руки контр-революционной военщины. Заявление Анисимова окончательно устранило колебания отдельных членов Ц.К., и вопрос об явке на суд был решен отрицательно. На VI съезде Р. С.-Д. Р. П. вопрос об явке в суд вновь был подвергнут обсуждению, и съезд решительно высказался против явки ввиду отсутствия гарантий личной безопасности для обвиняемых. Резолюцию съезда по этому вопросу — см. в «Документах и материалах» настоящего тома, стр. 481. — 24.

[18]) В статье «Политическое положение» Ленин впервые после Февральской революции ставит вопрос о подготовке вооруженного восстания. С целью сделать возможным появление статьи в легальной печати Ленин заменил всюду имеющиеся в рукописи слова «вооруженное восстание» — словами «решительная борьба». Ввиду разгрома большевистской печати статья своевременно опубликована не была. Ее основные положения вошли в статьи: «К лозунгам» (стр. 33 настоящего тома) и «О конституционных иллюзиях» (стр. 48).

Последний абзац статьи в рукописи перечеркнут. — 26.

[19]) В Нижнем-Новгороде имело место выступление солдат, совпавшее по времени с июльским выступлением в Петрограде. Движение началось 17 (4) июля 1917 г. мирной демонстрацией эвакуированных с фронта солдат, против которых военное командование направило юнкеров. Эвакуированные были поддержаны двумя пехотными полками. В результате вооруженного столкновения перевес оказался на стороне революционных частей. Власть в городе перешла в руки революционной демократии. 20 (7) июля прибывшей из Москвы карательной экспедицией движение было ликвидировано. — 26.

[20]) Письмо в редакцию «Новой Жизни», появившееся в «Н. Ж.» 24 (11) июля 1917 г., было перепечатано 26 (13) июля в газете Московского комитета большевиков «Социал-Демократ» № 106. Текст «С.-Д.» в редакционном отношении несколько отличен от текста «Новой Жизни». Повидимому, эти изменения внесены редакцией «Социал-Демократа». — 29.

[21]) В целях информации иностранных интернационалистов о русской революции «Правда» выпускала в Стокгольме бюллетень на иностранных языках. Немецкий бюллетень носил заглавие: «Russische Korrespondenz

«Prawda». Herausgegeben von der ausländischen Vertretung des Zentralkomitees der Russ. Soz.-Dem. Arbeiterpartei (Bolschewiki). Erscheint in Stockholm 2 Mal wochentlich» («Русский бюллетень «Правды», издаваемый заграничным представительством Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. (большевиков). Выходит в Стокгольме 2 раза в неделю). С 16 (3) июня по 16 (3) ноября 1917 г. вышло 33 номера. — 30.

[22]) Письмо в редакцию «Пролетарского Дела», напечатанное 28 (15) июля 1917 г., было позднее перепечатано в газете Московского комитета большевиков «Социал-Демократ» № 110 от 31 (18) июля. Текст «Социал-Демократа» несколько отличается от текста «Пролетарского Дела»: устранены некоторые из имеющихся в «Пролетарском Деле» опечаток, и после подписей Н. Ленина и Г. Зиновьева прибавлена подпись Л. Каменева, в то время уже арестованного. В настоящем издании приводится первоначальный текст «Пролетарского Дела», как, несомненно, более близкий к оригиналу, хотя он и имеет ряд стилистических недостатков, напр., не совсем ясна фраза: «Ни о какой легальной почве, ни даже о таких конституционных гарантиях, которые существуют в буржуазных социал-демократических, упорядоченных странах, в России сейчас не может быть и речи». В предыдущей, перед цитированной, фразе слова «просто напрасно» (так в «Пролетарском Деле») редакция, считая их явной опечаткой, заменила словами: «просто-на-просто». — 31.

[23]) Вл. Ильич имеет в виду «Ответ П. Н. Переверзева Н. В. Некрасову и М. И. Терещенко» («Новое Время» № 14822 от 22 (9) июля 1917 г.). — 31.

[24]) Вл. Ильич имеет в виду книгу Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Первое издание по-немецки вышло в 1884 г. О государстве и «особых отрядах вооруженных людей» — см. подробнее настоящий том, «Государство и революция», главу I, параграфы 1 и 2 (стр. 371 и 374). — 36.

[25]) Сообщение под заглавием: «Документы о Ленине и К°. Данные следствия (От прокурора Петроградской Судебной Палаты)» было напечатано в № 14833 «Нового Времени» от 4 августа (22 июля) 1917 г. — 39.

[26]) Днем 16 (3) июля Центральным Комитетом был передан для напечатания в «Правду» призыв воздержаться от выступления, но уже к вечеру движение стихийно приняло массовый характер, и Ц. К. составил новое обращение с призывом к мирной демонстрации. За поздним временем воззвание Ц.К. не могло быть отпечатано в «Правде» и вышло отдельным листком. Составленное днем обращение было вырезано из стереотипа «Правды», которая 17 (4) июля появилась с белой полосой на первой странице.

17 (4) июля ночью Ц.К. составил новое воззвание с призывом прекратить демонстрации. Воззвание было напечатано в «Правде» 18 (5) июля, однако, этот номер получил распространение лишь в нескольких сотнях экземпляров, так как типография во время работы была разгромлена юнкерами. В «Листке Правды», вышедшем 19 (6) июля, напечатано третье воззвание Ц.К., тоже предлагающее прекратить демонстрации. Указанные документы см. в «Документах и материалах» к настоящему тому, №№ 1 и 2, стр. 469. — 40.

[27]) Вл. Ильич имеет в виду корреспонденцию Ник. Андреева «Контрреволюция на улицах Петрограда 4 июля», напечатанную в № 100 «Рабочей Газеты» от 20 (7) июля 1917 г. — 41.

[28]) Вл. Ильич имеет в виду заметку «Рабочей Газеты» № 100 от 20 (7) июля 1917 г. «Тревожные дни. Впечатления 4 июля» за подписью «Ш.». — 41.

[29]) Списки убитых и раненых в июльские дни были напечатаны в ряде петроградских газет. В «Деле Народа» № 96 от 22 (9) июля 1917 г. была помещена заметка «Убитые и раненые» с указанием фамилий по-

страдавших и их социального или служебного положения. В «Речи» № 156 от 19 (6) июля напечатано «Сообщение начальника милиции в Городской Думе», в № 159 от 22 (9) июля — заметка «Жертвы», в № 161 от 28 (15) июля—имеются «Сведения о 700 пострадавших». Все данные очень отрывочны и неполны. — 43.

[30]) Текст статьи «О конституционных иллюзиях», напечатанной первоначально в газете «Рабочий и Солдат» (№№ 11 и 12 от 17 (4) и 18 (5) августа 1917 г.) и переизданной вскоре отдельной брошюрой с подзаголовком «К моменту», отличается несколько от текста рукописи. Редакция «Рабочего и Солдата», с целью смягчения наиболее резких мест, внесла в статью некоторые изменения, оговоренные в настоящем издании в подстрочных примечаниях. Эти изменения сделаны в ленинской рукописи карандашом. — 48.

[31]) В № 92 «Правды» от 10 июля (27 июня) 1917 г.), в заметке под заглавием «Виноваты большевики», помещена перепечатка из московского «Социал-Демократа» № 84 от 30 (17) июня сообщения газеты «Власть Народа» следующего содержания: «Как передают, Временное правительство опубликовало заблаговременно постановление о сроке созыва Учредительного собрания в виду того, что большевики предполагали выступить с обвинениями по адресу Временного правительства, что оно умышленно затягивает созыв Учредительного собрания». — 50.

[32]) Заметка под заглавием «Отсрочка созыва Учредительного собрания» сообщает: «Передают, что в переговорах Временного правительства с кандидатами на министерские посты в новом коалиционном правительстве затронут был вопрос о сроке созыва Учредительного собрания. Эти кандидаты, в качестве представителей партии народной свободы, настойчиво указывают, что созвать Учредительное собрание к 30 сентября невозможно. Члены Временного правительства, в том числе и И. Г. Церетели, указывали, что Временное правительство было вынуждено назначить созыв Учредительного собрания на 30 сентября, но если близкое будущее покажет невозможность обеспечить правильный созыв Учредительного собрания к назначенному сроку, таковой будет отсрочен. Предполагается отсрочить созыв Учредительного собрания на 2 месяца, назначив его на 20 ноября» («Воля Народа» № 67 от 29 (16) июля 1917 г.). —51.

[33]) «Рабочая Газета», центральный орган меньшевиков, назвала будущее Всероссийское Учредительное собрание «русским конвентом» в передовой статье № 112 от 2 августа (21 июля) 1917 г., «Роспуск сейма».—51.

[34]) Говоря о «социал-демократах» 1848 г., Вл. Ильич имеет в виду французскую мелкобуржуазную партию во главе с Ледрю-Ролленом, называвшую себя по аналогии с 1793 годом также «Горой» («монтаньяры») и составлявшую левую оппозицию в Учредительном собрании 1848 г., в большинстве своем монархическом. Партия опиралась на городскую мелкую буржуазию, часть крестьянства и некоторые слои пролетариата. См. оценку ее деятельности и классовый анализ у К. Маркса «18 брюмера».—52.

[35]) *Крестьянские войны* — ряд крестьянских восстаний в Германии в 1524 — 1525 годах, вызванных тяжелым крепостным гнетом и поборами дворянства. Главнейшими требованиями крестьян были отмена крепостничества, уничтожение феодальных повинностей и привилегий, выборные суды и т. д. О крестьянских войнах в Германии см. брошюру Энгельса того же названия. — 54.

[36]) Вл. Ильич имеет в виду статью «Дела Народа» № 92 от 18 (5) июля 1917 г. под заглавием «Итоги». — 57.

[37]) *Государственное Совещание* было созвано в Москве в Большом театре 25 (12) — 28 (15) августа 1917 г. с целью укрепить положение правительства, расшатанное июльским выступлением петроградского пролетариата. На совещание были приглашены по преимуществу представители буржуазных организаций, генералитета и офицерства, в меньшинстве были

представители Советской оборонческой демократии. По приблизительному подсчету Московской городской управы делегаты распадались на следующие группы: членов Государственных Дум четырех созывов — 488, крестьян — 100, от Советов и общественных организаций—129, городских дум—129, земств — 118, земского и городского союзов — 18, торгово-промышленных кругов и банков — 150, научных организаций — 99, трудовой интеллигенции — 83, армии и флота — 117, духовенства — 24, национальных организаций — 58, продовольственных комитетов — 90, сельскохозяйственных обществ — 51, кооперативов — 313, профсоюзов — 176, правительственных комиссаров — 33, военного ведомства — 16, сословных учреждений—4, членов правительства — 15 и пр. Представители столичных и провинциальных Советов допущены не были. От имени Советов фигурировала делегация Ц.И.К., составленная из меньшевиков и эсеров и тщательно очищенная от большевиков. Профессиональные союзы получили небольшое представительство, от имени которого Д. Б. Рязанов огласил большевистскую декларацию. Заседания открылись вступительною речью Керенского, заявившего, что основными задачами правительства являются продолжение войны, водворение порядка в армии и в стране и организация твердой власти. «Я... поставлю предел стремлениям использовать великое несчастие русское... и, какие бы и кто бы мне ультиматумы ни предъявляли, я сумею подчинить воле верховной власти и мне, верховному главе ее». После речи Церетели, поддерживавшего требование твердой власти, главное внимание привлекло выступление верховного главнокомандующего генерала Корнилова, который в то время, при помощи кадетских лидеров и банковских деятелей, открыто подготовлял свою диктатуру. «В наследие от старого режима свободная Россия получила армию... Эта армия была боеспособной, стойкой и готовой к самопожертвованию... Целым рядом законодательных мер... эта армия была превращена в обезумевшую толпу». Необходима поэтому «железная дисциплина» на фронте и «твердая власть» в тылу. «Меры, принятые на фронте» (т. е. смертная казнь) «должны быть приняты также и в тылу... Разницы между фронтом и тылом относительно суровости необходимого для спасения страны режима не должно быть... Нельзя допустить, чтобы порядок в тылу был следствием потери нами Риги и чтобы порядок на железных дорогах был восстановлен ценою уступки Молдавии и Бессарабии». Генерал Каледин, говоривший от имени донских казаков и поддерживавший требования Корнилова, выставил следующую программу: 1) армия должна быть вне политики, 2) Советы и армейские комитеты необходимо упразднить, 3) Декларация прав солдата должна быть отменена, 4) офицерам должна быть предоставлена полная власть. Речи Корнилова и Каледина приветствовались правой частью совещания. «Левая» ограничилась декларацией обычного соглашательского типа, оглашенной от имени Ц.И.К. Советов Чхеидзе. Совещание не увеличило авторитета Временного правительства, но помогло партийному размежеванию страны и вскрыло контр-революционные замыслы буржуазии. Рабочий класс, успевший оправиться от июльского поражения, отнесся резко отрицательно к попытке посредством «Земского Собора» обмануть страну, подсунув ей суррогат Учредительного собрания. Московское Бюро профессиональных союзов, находившееся к этому времени уже в руках большевиков, в день открытия Государственного Совещания провело в городе однодневную забастовку-протест, носившую всеобщий характер. — 58.

[38]) «*Рабочий и Солдат*» — центральный орган большевиков, выходил с 5 августа (23 июля) по 22 (9) августа 1917 г. взамен закрытых «Правды» и «Солдатской Правды». Всего вышло 15 номеров. — 59.

[39]) *Второй коалиционный кабинет Временного правительства* (или третий после Февральской революции) был составлен после июльских дней под председательством А. Ф. Керенского и его заместителя Н. В. Некра-

сова. В кабинет входили: меньшевики — М. И. Скобелев и А. М. Никитин; эсеры — Н. Д. Авксентьев и В. М. Чернов; народные социалисты — А. В. Пешехонов и А. С. Зарудный; беспартийный левый С. Н. Прокопович; кадеты и представители «цензовой» буржуазии — Ф. Ф. Кокошкин, А. В. Карташов, С. Ф. Ольденбург, П. П. Юренев, И. Н. Ефремов, М. И. Терещенко и М. Ф. Бернацкий. Керенский оставил за собой военное и морское министерства при заместителях Б. В. Савинкове и В. И. Лебедеве. — 60.

[40]) Декларация Временного правительства от 22 (8) июля 1917 г., изданная вторым коалиционным кабинетом, заявляла, что «...своей первой и основной задачей Временное правительство считает напряжение всех сил для борьбы с внешним врагом и для охраны нового государственного порядка от всяких анархических и контр-революционных покушений, не останавливаясь перед самыми решительными мерами власти...». В деловой части декларации обещались созыв междусоюзнической конференции не позднее августа «для определения общего направления внешней политики союзников и согласования их действий при проведении принципов, провозглашенных русской революцией», созыв Учредительного собрания 30 (17) сентября 1917 г.; скорейшее введение местного самоуправления на основе четырехчленной формулы; уничтожение сословий и упразднение гражданских чинов и орденов; организация Экономического Совета и Главного Экономического Комитета в целях борьбы с разрухой; свобода стачек, профессиональных союзов и рабочее законодательство, а также ряд подготовительных мер для разрешения Учредительным собранием земельного вопроса в направлении передачи земель крестьянам при условии, однако, самой решительной борьбы с «земельными захватами и тому подобными самочинными местными способами разрешения земельных нужд, противоречащими принципу общегосударственного плана будущей земельной реформы». — 60.

[41]) В статье «Известий Петроградского Совета Р. и С. Д.» № 126 от 7 августа (25 июля) 1917 г. под заглавием «Кризис власти» доказывалось, что «общий состав правительства, несомненно, обнаруживает значительный сдвиг влево».

В статье той же газеты № 128 от 9 августа (27 июля) «В защиту правосудия» возлагались надежды на лойяльность министра юстиции Зарудного и на благотворное влияние Советов на правительство. — 61.

[42]) *«Рабочий»* — центральный орган Р. С.-Д. Р. П. (большевиков), выходивший взамен закрытого «Пролетария», с 7 сентября (25 августа) по 15 (2) сентября 1917 г. Всего вышло 12 номеров, считая с вечерними выпусками. — 65.

[43]) Вопрос о Стокгольмской конференции (см. примечание 142 тома XX Сочинений, а также речь Ленина на Всероссийской апрельской конференции Р. С.-Д. Р. П. и резолюцию конференции — 254 и 616 стр. XX тома) рассматривался в Ц. И. К. 19 (6) августа 1917 г. по докладу меньшевика Розанова. Речь Каменева, выступавшего в прениях, «Новая Жизнь» (№ 95 от 21 (8) августа 1917 г.) передает следующим образом: «В своей речи Ю. Каменев отмечает, что партия большевиков вначале относилась отрицательно к идее Стокгольмской конференции, так как мир может быть достигнут не путем конференций и дипломатических переговоров, хотя бы представителей демократии, но в результате мировой пролетарской революции. Но теперь, когда наша революция отступила на вторые окопы, приходится защищать эту конференцию. Теперь, когда Стокгольмская конференция стала знаменем борьбы пролетариата против империализма, когда Терещенко поддался приказу Бьюкенена и высказался против нее, мы естественно должны защищать ее. Несмотря на то, что Совет арестовывает наших товарищей, мы должны укреплять его, а успех Стокгольмской конференции укрепит авторитет Совета. Но на Стокгольмскую конферен-

цию надо идти с чистыми руками...». Далее «Новая Жизнь» сообщает, что выступавший затем представитель большевиков (Старостин) указал, что Каменев выступал от своего собственного имени и что фракция большевиков своего отношения к конференции не изменила и в конференции участвовать не будет. — 78.

[44]) *«Пролетарий»* — центральный орган Р. С.-Д. Р. П., выходивший взамен закрытого «Рабочего и Солдата» с 26 (13) августа по 6 сентября (24 августа) 1917 г. Всего вышло 10 номеров. — 79.

[45]) В статье Н. Бухарина «К пересмотру партийной программы», помещенной в московском большевистском журнале «Спартак», № 4 от 23 (10) августа 1917 г., между прочим говорится: «Только что закончившийся партийный съезд признал в принципе необходимым переработать программу Р. С.-Д. Р. П. Для этой цели будет созван специальный съезд, более узкий по своему составу и чисто «деловой» по своей задаче. Необходимость пересмотра программы признана, таким образом, официально партией».

«Спартак» — популярный теоретический журнал Московского областного бюро, Московского комитета и (с № 2) Московского окружного комитета Р. С.-Д. Р. П., выходивший в Москве летом 1917 г. под редакцией Н. И. Бухарина. Всего вышло 10 номеров (№ 1 — 2 июня (20 мая) и № 10 — 11 ноября (29 октября). В журнале ближайшее участие принимали: М. Ольминский, И. Степанов, В. Смирнов, Н. Осинский, Е. Ярославский, Н. Овсянников, Н. Мещеряков и др. — 80.

[46]) Речь Л. Мартова на заседании Ц.И.К. 17 (4) августа 1917 г. воспроизведена в № 93 «Новой Жизни» от 18 (5) августа 1917 года. — 81.

[47]) На всех выборах, имевших место в 1917 году, к.-д. партия была самой правой из общественных группировок, выставлявших самостоятельные списки. Октябристы, Союз русского народа и др. правые партии выставлять собственных кандидатов не решались и голосовали за кадетов. Так было, напр., на выборах районных дум в Петрограде в мае 1917 г., то же повторилось и в июне в Москве при выборах центральной городской думы, при чем в последнем случае октябристы и черносотенцы фигурировали в кадетских списках под именем «беспартийных». — 84.

[48]) Заметка «Новой Жизни» № 103 от 30 (17) августа 1917 г. под заглавием «Слухи о заговоре» в общем верно передавала факты, имевшие место в Москве, в период Государственного Совещания. С целью подготовки контр-революционного переворота корниловцами, действительно, был вызван с фронта и отправлен в Москву казачий полк, задержанный позже в пути. Меньшевистско-эсеровский Московский Совет Р. и С. Д., поставленный в известность о готовящемся перевороте, принял ряд мер к охране города, обратившись в то же время за помощью к большевикам, которых он просил провести митинги среди солдат 25 (12) — 29 (16) августа (перед этим в течение полутора месяцев доступ большевикам в московские казармы был воспрещен). Одновременно Московским Советом, на случай возможного выступления, был организован негласный военно-революционный орган в составе 2 большевиков (Ногин и Муралов), 2 меньшевиков (Хинчук и Матвеев), 2 эсеров (Гавронский и Шубников) и представителя Московского военного округа. В результате корниловцы отложили свое выступление на некоторый срок — до 8 сентября (26 августа). — 86.

[49]) *VI съезд Р. С.-Д. Р. П. (большевиков)* состоялся в Петрограде полулегально 8 (26) июля — 16 (3) августа 1917 г. Заседания происходили на Выборгской стороне и за Невской заставой, почти в конспиративной обстановке. Так как «межрайонцы» решили войти в партию, то съезд был созван от имени Организационного Бюро, составленного из 3 большевиков и 2 межрайонцев. На съезде присутствовало 157 делегатов с решающими голосами от 112 организаций, насчитывавших 177 тысяч членов партии. Ленин, принужденный в то время скрываться, на заседа-

ниях не присутствовал. Съезд выбрал его своим почетным председателем. Основными вопросами порядка дня были: политический и организационный отчет Ц. К. (докладчики — Сталин и Свердлов), отчеты с мест, текущий момент (Бухарин и Сталин), экономическое положение (Милютин), организационный вопрос, подготовка к выборам в Учредительное собрание, профессиональное движение (доклад Юренева), объединение партий и др. Съезд выделил секцию по пересмотру партийной программы, однако не принял по этому вопросу никакой резолюции и рассмотрение программы отложил. Принятые съездом резолюции см. в «Приложениях» к настоящему тому, стр. 470. — 89.

[50]) Слова Некрасова (Вл. Ильич приводит их не совсем точно) из стихотворения «Блажен незлобивый поэт» (1852 г.). Соответствующее четверостишие читается следующим образом:

«Его преследуют хулы,
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья».

(Полное собрание стихотворений Н. А. Некрасова. Изд. «Новое Время», Спб., 1914 г., стр. 52, а также Некрасов. Полное собрание стихотворений. Гиз. 1927 г., стр. 19). — 93.

[51]) Клевета, как орудие борьбы с большевизмом, была использована после июльских дней не только по отношению к Ленину и Зиновьеву, но и по отношению к Л. Б. Каменеву, состоявшему в то время представителем большевиков в Ц. И. К. 23 (10) августа в «Известиях Ц. И. К.» (№ 140) и в др. газетах было опубликовано сообщение, якобы исходившее от министерства юстиции об отношении Каменева в дореволюционное время к политической полиции. Каменев тотчас же подал заявление министру юстиции, в котором писал: «...я прошу вас, как генерал-прокурора, установить, на ком из чинов министерства юстиции лежит ответственность за опубликование указанного сообщения, дабы дать мне возможность привлечь виновников опубликования клеветнических и ложных обо мне сведений к суду». В тот же день 23 (10) августа Ц. К. Р. С-Д. Р. П. (больш.) со своей стороны вынес резолюцию, в которой, оценивая клевету на Каменева как продолжение контр-революционного похода на большевиков, требовал «самого строгого расследования условий опубликования этих данных» и настаивал «на самом быстром ведении расследования, для чего Ц. К. командирует в комиссию по этому делу члена Ц. К.» («Новая Жизнь» № 98 от 24 (11) августа 1917 г.). 25 (12) августа Каменев подал заявление в Ц. И. К. Советов, в котором писал между прочим: «...чтобы облегчить работу комиссии и предохранить политические учреждения, в которых я работал, от клеветнических выпадов, я устраняюсь от всякой общественной деятельности вплоть до окончания работ комиссии. Я выражаю уверенность, что в самом близком будущем комиссии Ц. И. К. удастся пролить полный свет на измышления гг. жандармов и их пособников...». 13 сентября (31 августа) министерство юстиции вынуждено было заявить, что «...ни министром юстиции, ни кем-либо из уполномоченных на то чинов министерства юстиции ни в одну из газет сообщение передаваемо не было. Редакция «Известий С. Р. и С. Д.» была, очевидно, введена в заблуждение, напечатав подложное сообщение, будто бы исходящее от министерства юстиции...». — 95.

[52]) Речь Церетели о смертной казни в заседании Петроградского Совета Р. и С. Д. 31 (18) августа 1917 г. «Речь» (№ 194 от 1 сентября (19 августа) 1917 г.) излагает следующим образом: «Кому могло придти в голову в начале революции, что смертная казнь будет восстановлена? Ведь даже самому Гучкову это во сне не снилось, но настали ужасные дни, и революция должна была ввести этот институт, который казался навсегда

уже погребенным. Никакие ваши резолюции не помогут. Здесь необходимы не бумажные резолюции, а реальные дела. Необходимо предупредить возможность повторения тех событий, которые заставили снова ввести смертную казнь. Разве на фронте не было измены? Разве полки, пошедшие вперед, не были преданы?..» (Последние фразы оратора Церетели относятся к отказу некоторых частей идти в наступление 18 июня.) — 96.

[53]) Пункт 3 резолюции Петроградского Совета Р. и С. Д. от 31 (18) августа 1917 г. гласит:

«...3) введенная под предлогом борьбы с изменниками смертная казнь при новом режиме все яснее вырисовывается, как мера устрашения солдатских масс, в целях порабощения их командному составу...». — 97.

[54]) *Германская независимая с.-д. партия* образовалась во время войны, отколовшись от официальной социал-демократии по вопросу об отношении к войне. Ядром ее послужили 18 депутатов рейхстага, отрицательно относившиеся к военным кредитам. Формально партия была основана в апреле 1917 г. Во главе партии стояли Гаазе, Ледебур, Каутский и Гильфердинг. Коммунистический Союз «Спартак» одно время из тактических соображений находился с ней в организационной связи. После ноябрьской революции в Германии независимые вместе с шейдемановцами входили во Временное правительство Германской республики. На конгрессе в Галле в 1920 г. партия раскололась; большинство ее, слившись с коммунистами, вошло в коммунистическую партию Германии, меньшинство сохраняло некоторое время самостоятельное существование, войдя в $2^1/_2$ Венский Интернационал, позднее объединилось, однако, с официальной с.-д. партией II Интернационала. Незначительная группа Ледебура, как осколок независимой социал-демократии, продолжает самостоятельное существование. — 101.

[55]) Вл. Ильич цитирует передовую статью «Новой Жизни» № 97 от 23 (10) августа 1917 г., под заглавием «Большевики и Стокгольм». — 102.

[56]) *«Известия Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов»* — официальный орган Совета Кр. Д., выходил в Петрограде с 22 (9) мая 1917 г., редактором состоял Н. Я. Быховский. Газета находилась в руках правого крыла социалистов-революционеров (председателем Совета Крестьянских Депутатов состоял правый эсер Авксентьев), отражая их политику коалиции с буржуазией и оппортунизм в аграрном вопросе, сводившийся к отказу от собственной программы («не брать земли до Учредительного Собрания»), и социал-патриотизм. — 107.

[57]) «Примерный наказ, составленный на основании 242 наказов, доставленных с мест депутатами на I Всероссийский съезд Советов Крестьянских Депутатов в Петрограде в 1917 году», формулировал 6 и 11 параграфы крестьянских требований следующим образом:

«...6) В республике российской должны быть установлены выборность и подсудимость всех должностных лиц, не исключая депутатов и судей».

«...11) По окончании войны постоянная армия в республике российской должна быть навсегда упразднена и заменена всенародным ополчением». — 108.

[58]) В статье «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», впервые напечатанной в № 10 «Neue Zeit» за 1894 г., Фр. Энгельс говорит: «Во-первых, безусловно правильно следующее положение французской программы: мы заранее предвидим неизбежную гибель мелкого крестьянина, но ни в коем случае не призваны ускорять ее каким-нибудь вмешательством с нашей стороны. А во-вторых, точно так же очевидно, что, обладая государственной властью, мы не будем думать о том, чтобы насильно экспроприировать мелких крестьян (с вознаграждением или нет, это безразлично), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам

состоит прежде в том, чтобы их частичное производство и частную собственность перевести на товарищескую, но не насильно, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели» (Издание Р.С.-Д.Р.П. под редакцией и с предисловием Г. Плеханова. Женева 1904 г., стр. 32). — 112.

[59]) В статье «Союз освобождения Украины», напечатанной в «Речи» № 195 (3937) от 2 сентября (20 августа) 1917 г. без подписи автора, сообщалось: «В распоряжении военного министерства имеется обширный материал относительно организации «Союза освобождения Украины», изобличающий участие в этой организации австро-венгерского и германского правительств». И далее: «Германским правительством было поручено Ленину пропагандировать мир, стараться всеми силами подорвать доверие народа к Временному правительству и стремиться к смещению, во что бы то ни стало, министров, стоящих против германских стремлений к заключению мира... В Берлине было два собрания социалистов, в которых принимали участие Ленин и Иолтуховский». — 114.

[60]) Письмо Вл. Ильича в Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П., в связи с корниловским восстанием, написано в Гельсингфорсе. Оценка Лениным положения, созданного мятежом Корнилова, в основном совпала с линией Ц. К., находившегося с Лениным в постоянной связи. Письмо носило конспиративный характер и было известно, кроме членов Ц. К., немногим членам партии.

Упоминаемые в конце статьи В. Милютин («В. М-н») и В. Володарский («В-ский») принимали ближайшее участие в центральном большевистском органе, выходившем под общим руководством И. Сталина. В №№ 1—6 «Рабочего» помещен ряд статей, написанных ими. В частности Володарскому принадлежат статьи «Победы г.г. объединителей», «Петроград и Россия», Милютину — «Полугодовой итог буржуазной политики» и «Директория». В № 2 «Рабочего» напечатано «Письмо в редакцию» Володарского, в котором он опровергает неправильное изложение «Новой Жизнью» и др. газетами одной из его речей на заседании Ц. И. К., послужившее, повидимому, поводом для упреков Вл. Ильича. «Письмо в редакцию» рассеяло возникшее недоразумение, как об этом и пишет Вл. Ильич. — 116.

[61]) *Выступление генерала Корнилова* было подготовлено командными верхами армии и кадетскими политическими деятелями. Назначенный главковерхом Корнилов уже на Московском Государственном Совещании выступал как глава надвигающейся контр-революции и будущий диктатор, требуя восстановления в армии «железной дисциплины» и угрожая в противном случае сдачей Риги и открытием дороги на Петроград. Одновременно Корнилов имел ряд совещаний с кадетскими лидерами и московскими промышленниками. 8 сентября (26 августа), по предварительному тайному соглашению с Временным правительством, нуждавшимся для своей опоры в надежных воинских частях в Петрограде, Корнилов, под предлогом ожидаемого выступления большевиков, двинул с фронта в столицу один из армейских корпусов, казачьи части и так называемую дикую дивизию. Одновременно Корнилов через посредство В. Н. Львова предъявил Керенскому ряд требований, сводившихся к провозглашению Корнилова диктатором и созданию нового правительства, способного подавить революцию. Соглашение между Корниловым и Временным правительством, однако, не состоялось, и Керенский был вынужден объявить Корнилова, за спиной которого стояла крупная буржуазия и кадетская партия, политически руководившая им, государственным изменником. Буржуазная печать во главе с «Речью» поддерживала мятеж Корнилова. Во главе обороны стали Петроградский и Московский Советы Рабочих Депутатов. В Петрограде в рабочих районах были организованы красногвардейские части. Большевистские организации обеих столиц, особенно

военные, во время корниловского мятежа сыграли решающую роль, организуя массы и проводя многотысячные митинги в полках и на заводах. Влияние большевиков в течение нескольких дней чрезвычайно выросло. Навстречу эшелонам корниловского корпуса были посланы агитаторы и двинуты революционные войска. Корниловские войска, не дойдя до Петрограда, разложились под влиянием революционной агитации и оказались непригодными для контр-революционного переворота. Ген. Крымов, командовавший корпусом, направленным на Петроград, застрелился. Корнилов и некоторые генералы были подвергнуты аресту Временным правительством, однако, позднее им удалось бежать из Быховской тюрьмы вместе с охранявшей их казачьей сотней. Корниловское выступление революционизировало массы, даже самые отсталые, и ускорило октябрьскую победу пролетариата. — **116.**

[62]) *Государственная Дума IV созыва,* распущенная 12 марта (27 февраля) 1917 года указом Николая II, отказалась подчиниться указу и выделила Временный Комитет Государственной Думы. Временное правительство официально Г. Д. не распустило, и она продолжала собираться под наименованием «Совещаний членов Государственной Думы», оказывая сильнейшее влияние на политику Временного правительства. Кадетская партия возлагала серьезные надежды на Государственную Думу, как на свою опору, надеясь при удобных обстоятельствах противопоставить ее Учредительному собранию, созыв которого умышленно затягивался. Таким образом, несмотря на падение царизма, продолжал существовать буржуазно-помещичий орган, выбранный на основе цензового избирательного закона низвергнутого царизма. Временное правительство решилось на формальный роспуск Государственной Думы только после корниловского мятежа. — **119.**

[63]) Вл. Ильич имеет в виду статью Н. Суханова «К ликвидации борьбы за мир» («Новая Жизнь» № 106 от 2 сентября (20 августа) 1917 года). — **121.**

[64]) *«Объединительный Съезд Р. С.-Д. Р. П.»,* созванный «Центральной комиссией», в которую входили: меньшевики (О. К.), «новожизненцы», группа Мартова, московские «объединенцы», бундисты и представители Кавказской областной организации, происходил в Петрограде с 1 сентября (19 августа) по 6 сентября (24 августа) 1917 г. Съезд закончился объединением указанных течений и избранием Центрального Комитета, куда вошли представители всех представленных на съезде направлений (Церетели, Дан, Чхеидзе, Мартов, Рожков, Яхонтов, Абрамович и др.). — **121.**

[65]) Генерал Каледин в речи на Государственном Совещании в Москве 27 (14) августа 1917 г., между прочим, заявил: «... обвинения в контр-революционности были брошены именно после того, как казачьи полки, спасая революционное правительство, *по призыву министров-социалистов* 3 июля (ст. ст. *Ред.*) выступили на защиту государства от анархии и предательства...» («Речь» № 190, 28 (15) августа 1917 г.). — **125.**

[66]) Выборы в Петроградскую городскую думу 2 сентября (20 августа) 1917 г. чрезвычайно усилили большевиков по сравнению с выборами в районные думы, имевшими место в мае. Большевики получили 33% всех поданных голосов (против 20% в мае), соглашательский меньшевистско-эсеровский блок — 44% (вместо 58%) и кадеты — 23% (вместо 22%). Городская управа была составлена из социалистов-соглашателей и кадетов, немедленно вступивших в коалицию; городским головой был избран правый социалист-революционер Шредер. — **127.**

[67]) Вопрос об отношении к Циммервальду обсуждался на Всероссийской апрельской конференции. По докладу Зиновьева 12 мая (29 апреля) 1917 г. о положении дел в Интернационале и задачах Р. С.-Д. Р. П. конференция высказалась за участие в III Циммервальдской конференции, созыв которой тогда предполагался 31 (18) мая. В резолюции Зиновьева,

принятой апрельской конференцией, указывалось на оппортунизм большинства Циммервальда, но в то же время предполагалось оставаться в Циммервальдском блоке, отстаивая внутри его тактику Циммервальдской левой и предпринимая необходимые шаги к основанию III Интернационала. Ленин предлагал «остаться только с информационной целью», но это предложение было отклонено.

Одновременно с подготовкой Циммервальдской конференции происходила подготовка организуемой в Стокгольме социал-шовинистами «мирной» конференции социалистических партий. К сентябрю 1917 г. в Стокгольм съехались представители на Циммервальдскую конференцию и делегаты Стокгольмской конференции. Стокгольмская конференция не состоялась: английское правительство отказало делегатам в паспортах; французская социалистическая партия отказалась заседать вместе с делегатами немецких социал-демократов.

С конца мая по сентябрь в Стокгольме происходил ряд совещаний делегатов на Циммервальдскую конференцию, при чем на этих совещаниях также обсуждался вопрос о Стокгольмской конференции. Некоторые из циммервальдцев высказывались за участие в Стокгольме, что и дало повод Ленину обратиться в Ц. К. партии с письмом против дальнейшего пребывания русских большевиков в Циммервальдском объединении.

«Стокгольмские представители», о которых говорит Ленин, — делегаты Ц. К. большевиков на III Циммервальдскую конференцию — В. Воровский и Н. Семашко. — 130.

[68]) Статьи Энгельса «Программа коммунаров-бланкистов» и «Бланкисты» см. в русском переводе: Ф. Энгельс «Статьи 1871 — 1875 г.г.», перевод под редакцией А. Санина, изд. «Знание», Спб., 1906 г., а также в издании «Союза коммун Северной области», Петроград 1919 г. По-немецки статьи вышли отдельным изданием в 1894 г. под заглавием: «Internationales aus dem Volksstaat» (1871 — 1875) («На международные темы из «Народного Государства»»). Verlag «Vorwärts». Berlin. — 132.

[69]) *«Рабочий Путь»* — центральный орган Р. С.-Д. Р. П., выходивший взамен закрытого «Рабочего», с 16 (3) сентября по 8 ноября (26 октября) 1917 г., когда после победы восстания вновь вышла «Правда», закрытая в июльские дни правительством Керенского. Всего вышло 46 номеров «Рабочего Пути». — 136.

[70]) «Проект резолюции о современном политическом моменте» написан Лениным, повидимому, 16 (3) сентября 1917 г., уже после корниловского выступления, когда был поднят вопрос о созыве так называемого Демократического Совещания. Проект предназначался для внесения в Центральный Комитет партии. Однако, в сохранившихся протоколах Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., опубликованных в «Пролетарской Революции» № 10 (69) 1927 г., нет указаний на обсуждение этого проекта Центральным Комитетом.—137.

[71]) Министр земледелия Чернов вышел в отставку 8 сентября (26 августа) 1917 г. Вскоре ушел и другой представитель народников — министр продовольствия Пешехонов. Отставки были вызваны отказом Временного правительства провести аграрные законопроекты Чернова, имевшие целью подготовку аграрной реформы, а также удвоением хлебных цен, принятым Временным правительством в интересах помещичьего землевладения. — 141.

[72]) *Совет партии социалистов-революционеров* («Советом партии» у эсеров называлось нечто среднее между пленумом Ц.К. и конференцией) состоялся 19 (6) — 23 (10) августа 1917 года. На Совете было представлено значительное левое крыло, по преимуществу из тех элементов, которые впоследствии, в ноябре 1917 г., откололись и образовали партию «левых социалистов-революционеров-интернационалистов». Основная резолюция по текущему моменту, одобрявшая политику Ц.К. и высказывавшаяся за безоговорочную поддержку Временного правительства (резолюция Розенблюма),

получила 54 голоса; конкурировавшая с ней резолюция оппозиции, критиковавшая деятельность Временного Правительства, требовавшая противодействия его контр-революционным мероприятиям и высказывавшаяся за переход власти к революционной демократии, «ответственной перед Советами» (резолюция Штейнберга), — 35 голосов. Отчет и резолюции Совета партии напечатаны в «Деле Народа» №№ 121 — 125 от 21 (8) — 25 (12) августа 1917 г. — **141.**

[73]) Вл. Ильич имеет в виду передовую статью «Дела Народа», № 147 от 19 (6) сентября 1917 г., под заглавием «Проблема власти и Учредительное собрание». — **142.**

[74]) Статья И. Прилежаева «Кризис продовольственной политики министерства продовольствия» напечатана в «Деле Народа», № 147 от 19 (6) сентября 1917 г. — **147.**

[75]) *Демократическое Совещание,* созванное Временным правительством вследствие изменения соотношения общественных сил, вызванного корниловским мятежом, и имевшее целью расширить социальную базу, на которую опиралось правительство, и укрепить его положение, происходило в Петрограде в Александринском театре с 27 (14) сентября по 5 октября (22 сентября) 1917 г. Городским самоуправлениям, земствам и кооперативам было дано усиленное представительство, между тем как представительство Советов, армейских организаций, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов было урезано. Весьма разнородное по своему составу Совещание, после долгих колебаний и повторных голосований, высказалось за коалиционное министерство, но без участия кадетов, однако, Керенский не подчинился вотуму Совещания и составил правительство с участием как отдельных членов кадетской партии, так и представителей московских промышленников. Совещанием был выделен из своего состава «Временный Совет Республики» («Предпарламент»), который, пополненный представителями цензовой буржуазии, должен был заменять представительный (совещательного характера) орган до Учредительного собрания, созыв которого затягивался.

Большевистская фракция Совещания выработала подробную политическую декларацию, которая была оглашена на заседании 1 октября (18 сентября) (см. «Приложения» настоящего тома, стр. 487).

Демократическое Совещание, не пользовавшееся никаким авторитетом в стране, не достигло своей цели укрепления Временного правительства и расширения его базы. Ленин в своих письмах в Ц. К. предлагал «окружить Александринку» и разогнать Демократическое Совещание. «Демократическое Совещание не представляет большинства революционного народа», — писал он, — «а лишь соглашательские мелкобуржуазные верхи... Жалкие колебания Демократического Совещания должны взорвать и взорвут терпение рабочих Питера и Москвы» (стр. 204 — 205 настоящего тома). — **149.**

[76]) «*Русское Слово*» — распространенная газета, издававшаяся в Москве И. Сытиным под редакцией Дорошевича и Благова. Подобно всей либеральной прессе, «Русское Слово» поддерживало выступление генерала Корнилова и представляло ярко выраженный контр-революционный орган. Московский Совет вскоре после победы Октябрьской революции в Москве закрыл газету и конфисковал ее типографию для рабочих изданий. В 1918 г. газета Сытина выходила в течение нескольких месяцев под названием «Наше Слово». — **150.**

[77]) В постановлении Экономического Отдела Ц. И. К. по вопросу о повышении Временным правительством хлебных цен, опубликованном в «Известиях Ц. И. К» № 164 от 20 (7) сентября 1917 г., говорилось:

«Признавая повышение твердых цен на хлеб мерою пагубной, наносящей сильнейший удар как продовольственному делу, так и всей хозяйственной жизни страны, Экономический Отдел считает необходимым ликви-

дацию этой меры путем замены ее системой мер, обеспечивающей на почве общего регулирования экономической жизни, возможно более широкое снабжение деревни предметами необходимости по твердым ценам». Констатируя далее «факт полной бездеятельности образованных при правительстве центральных органов регулирования экономической жизни», Отдел считал необходимым настоящее постановление внести на рассмотрение Ц. И. К. с представлением подробного доклада. Независимо от этого, Отдел поручил делегатам Ц. И. К. в общегосударственном Продовольственном Комитете и в Экономическом Совете «в срочном порядке возбудить вопрос о нарушении прав этих учреждений, обеспеченных им законом, выразившимся в проведении повышения твердых цен без предварительного обсуждения в этих органах».—161.

78) Вл. Ильич цитирует статью М. Смит «Голос демократии» («Свободная Жизнь» № 1 от 15 (2) сентября 1917 года). «Свободная Жизнь» выходила вместо «Новой Жизни», закрытой Временным правительством. —181.

79) Политические резолюции, предложенные большевиками, впервые прошли в столичных советах: в Петроградском—13 сентября (31 августа), в Московском—18 (5) сентября 1917 г. Вследствие подачи в отставку меньшевистско-эсеровских президиумов, Президиум Рабочей секции Петроградского Совета 21 (8) сентября был переизбран в составе 6 большевиков, 3 эсеров и 2 меньшевиков; 26 (13) сентября был переизбран президиум Солдатской секции; избранными оказались 9 большевиков, 10 эсеров, 3 интернационалиста (левых) и 2 меньшевика. Председателем Петроградского Совета вместо Чхеидзе был избран Троцкий, председателем Московского Совета—Ногин (вместо меньшевика Хинчука), председателем Московского губернского Совета, завоеванного большевиками на неделю позднее,—Владимирский. Московский Совет Солдатских Депутатов, существовавший отдельно от Совета Рабочих Депутатов, а также Московский Совет Крестьянских Депутатов, оставаясь в руках эсеров до Октябрьской революции, после своего переизбрания слились с соответствующими рабочими Советами.—192.

80) *7-я Петроградская конференция социалистов-революционеров*, состоявшаяся 23 (10) сентября 1917 г., была посвящена оценке текущего момента (доклад Чернова) и перевыборам Петроградского комитета. Конференция прошла под руководством левого крыла (Шрейдер, Трутовский, Камков, Спиридонова), требовавшего отказа от политики коалиции и организации власти, опирающейся на Советы. В принятой резолюции были выставлены требования: однородности и ответственности власти перед органами революционной демократии, перехода всей земли в ведение земельных комитетов, общегосударственного контроля за производством через фабрично-заводские комитеты, законодательной санкции 8-часового рабочего дня, максимального обложения имущих классов, демократизации армии, «решительной борьбы против войны», проведения принципа самоопределения народов, роспуска контр-революционных организаций, Государственной Думы и Государственного Совета, отмены смертной казни на фронте, расследования корниловщины и пр. Конференция переизбрала Петроградский комитет, предоставив в последнем преобладание левым. —192.

81) Письма Ленина «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание» обсуждались на заседании Центрального Комитета большевиков 28 (15) сентября 1917 г. Протокол заседания Ц. К. сохранил следующую запись: «Порядок дня. Письма Ленина. Решено в ближайшее время назначить собрание Ц. К., посвященное обсуждению тактических вопросов. Тов. Сталин предлагает разослать письма в наиболее важные организации и предложить обсудить их. Решено перенести на ближайшее заседание Ц. К. Ставится на голосование вопрос, кто за то, чтобы был

сохранен только один экземпляр писем. За — 6, против — 4, воздержалось — 6. Тов. Каменевым вносится предложение принять следующую резолюцию: «Ц. К., обсудив письма Ленина, отвергает заключающиеся в них практические предложения, призывает все организации следовать только указаниям Ц. К. и вновь подтверждает, что Ц. К. находит в текущий момент совершенно недопустимым какие-либо выступления на улице. Ц. К. вместе с тем обращается к т. Ленину с требованием разработать в особой брошюре поставленный в его письмах вопрос об оценке текущего момента и политике партии». Резолюция отвергается. В заключение принимается постановление: «Членам Ц. К., ведущим работу в Военной организации и в П. К., поручается принять меры к тому, чтобы не возникло каких-либо выступлений в казармах и на заводах» («Протоколы Центрального Комитета Р.С.-Д.Р.П.», «Пролетарская Революция», № 10 (69), 1927 г.).

На указанном заседании впервые резко обнаружились разногласия внутри Ц. К. по вопросу об отношении к вооруженному восстанию; разногласия эти, постепенно нарастая, в конце октября повели к открытому расхождению Каменева и Зиновьева с Лениным и большинством Ц. К., после Октябрьского восстания — закончились их демонстративным выходом из Ц. К. и уходом части народных комиссаров из Совета Народных Комиссаров. — 193.

[82]) В конце лета 1917 г. германские армии одержали ряд серьезных успехов на Западном фронте, а подводные лодки с большим успехом блокировали Великобританские острова, что создавало почву для заключения мира между некоторыми державами, особенно Англией и Германией за счет России. Дипломаты уже нащупывали почву для соглашения. Вступление Соединенных Штатов в войну и американские баталионы, переброшенные во Францию, изменили соотношение сил, обеспечив в 1918 г. победу Антанты. — 194.

[83]) Определение восстания как искусства сделано в книге «Революция и контр-революция в Германии»; книга написана не Марксом, как считалось долгое время, а Энгельсом. Соответствующая цитата о восстании приводится Лениным на стр. 257 настоящего тома. — 195.

[84]) *Александринка* — Александринский театр в Петрограде, в котором заседало Демократическое Совещание.

Петропавловка — Петропавловская крепость на Неве в центре Петрограда, против Зимнего дворца, при царизме служившая местом заключения политических преступников. — 199.

[85]) Фраза Ленина «меньшевики и эс-эры отказались от коалиции с кадетами» имеет в виду голосование Демократического Совещания 2 октября (19 сентября) 1917 г., высказавшегося за коалицию с буржуазией, но без кадетской партии (за исключение из коалиции кадетов голосовало 595, против — 493, воздержалось — 72). Но и такое, чисто формальное ограничение, не было соблюдено Временным правительством и поддерживавшими его меньшевиками и эсерами. Керенским был организован после Демократического Совещания кабинет с участием московских промышленников и руководящих членов к.-д. партии, с той, однако, оговоркой, что кадеты входят в министерство не в качестве представителей своей партии, но персонально. В кабинет вошли некоторые из меньшевиков и народников. Главнейшие министерства были распределены следующим образом: А. Ф. Керенский — министр-председатель, А. М. Никитин (меньшевик) — внутренних дел, А. И. Коновалов — торговли и промышленности и заместитель министра-председателя, М. И. Терещенко — иностранных дел, А. В. Карташов — исповеданий, Н. М. Кишкин — государственного призрения, П. Н. Малянтович (меньшевик) — юстиции, С. А. Смирнов — государственного контроля, М. В. Бернацкий — финансов, А. В. Ливеровский — путей сообщения, С. Н. Прокопович — продовольствия, С. С. Салазкин — народного просвещения, К. А. Гвоздев (меньшевик) — труда, Верховский — военный,

Вердеревский — морской, С. Третьяков — председатель Экономического Совета. — 200.

[86]) 3 сентября (21 августа) 1917 года немецкая армия после прорыва заняла Ригу. Русские войска оказали энергичное сопротивление, особенно упорно сражались латышские стрелковые полки. В печати тогда же появились указания, что под Ригой высшее командование умышленно парализовало сопротивление армии с целью создать угрозу революционному Петрограду, произвести панику в стране, оказать на меньшевиков и эсеров давление и добиться вывода верных революции войск из Петрограда. Буржуазная печать, перелагая вину на солдат и большевиков, использовала сдачу Риги для контр-революционной агитации, предсказывая (и провоцируя) движение немцев на Петроград. Под предлогом близости Петрограда к фронту, правительство Керенского готовилось перенести столицу в Москву, где, как оно рассчитывало, оно будет более свободно от давления революционных масс. — 200.

[87]) Резолюция Ростовского на Дону комитета к.-д. партии от 14 (1) сентября 1917 г. заявляла, что, так как «окончательное установление нового строя составляет неотъемлемое право Учредительного собрания, всякое выступление против Временного правительства и возвещенной им программы ближайшей деятельности является актом контр-революционным. Дальнейшее углубление революции ведет к разрушению хозяйственной и культурной жизни и угрожает гражданской войной. Комитет убежден в том, что гражданская война может смести все завоевания революции и поглотить в потоках крови нашу молодую, неокрепшую свободу, а потому полагает, что энергичный протест против углубления революции, продиктованного несбыточными социалистическими утопиями, необходим в интересах спасения завоеваний революции». Поэтому кадетский комитет призывал все «живые силы» сплотиться вокруг Временного правительства. («Речь», № 210, 20 (7) сентября 1917 г.). — 200.

[88]) Речь А. Зарудного на Демократическом Совещании, произнесенную им 29 (16) сентября 1917 г., Вл. Ильич цитирует по отчету в № 175 «Известий Ц. И. К.» от 2 октября (19 сентября) 1917 г. — 213.

[89]) Статья Ленина «Из дневника публициста. Ошибки нашей партии», посвященная разногласиям в связи с вопросом о бойкоте Демократического Совещания, была напечатана впервые в 1924 г. в № 3 журнала «Пролетарская Революция» вместе с заметкой т. Таежника (Могильникова), в которой тот рассказывал, что в сентябре (ст. ст.) 1917 г. эта статья «ходила по рукам в Выборгском районе». Статья была напечатана по списку, сохранившемуся у т. Таежника.

По вопросу о бойкоте Демократического Совещания и созданного им Предпарламента внутри большевистского Ц. К. боролись две точки зрения: Ленина — за бойкот и Каменева — за участие. Вопрос об уходе с Демократического Совещания обсуждался на заседании Ц. К. 4 октября (21 сентября) 1917 г. Протокол заседания сохранил следующую запись: «По вопросу о Демократическом Совещании решено с него не уходить, отозвать лишь из президиума членов нашей партии. Что касается предпарламента, то 9 голосами против 8 принято решение не входить. Считаясь же с тем, что голоса разделились пополам, передать окончательное решение партийному совещанию, которое сейчас же конструировать из собравшейся фракции Демократического Совещания. Выделено два доклада: т. Троцкого и т. Рыкова». Заседание большевистской фракции Демократического Совещания состоялось 4 октября (21 сентября). На нем выступали Сталин и Троцкий — за бойкот Предпарламента и Каменев и Рыков — против бойкота. Отчета о заседании в нашем распоряжении не имеется. В протоколах Ц. К. сказано лишь следующее: «На совещании 77 голосами против 50 принято участие в Предпарламенте, каковое решение и утверждено Ц. К.». Вопрос о бойкоте Предпарламента вновь рас-

сматривался на заседании Ц. К. 18 (5) октября. «После дискуссии принимается всеми против одного решение уйти из Предпарламента в первый же день по прочтении декларации. Приняты тезисы, выработка же декларации поручена редакции Центрального Органа». Против ухода из Предпарламента голосовал Каменев, приобщивший к протоколу Ц. К. следующее заявление: «В Ц. К. Р.С.-Д.Р.П. Дорогие товарищи, я полагаю, что ваше решение о выходе с первого же заседания «Совета Российской республики» предопределяет тактику партии на ближайший срок в направлении, которое я лично считаю весьма опасным для партии. Подчиняясь решению партии, я вместе с тем прошу товарищей освободить меня от обязанностей в представительных органах (Ц.И.К. и т. д.) и поручить мне какую-либо другую работу. 5 октября 1917 г. Каменев». («Протоколы заседаний Ц. К. Р.С.-Д.Р.П.», «Пролетарская Революция» № 10 (69) 1927 г.). Большевистская фракция покинула Предпарламент на первом же его заседании 20 (7) октября после оглашения декларации Троцким. — 215.

[90]) Письмо И. Т. Смилге, бывшему в это время председателем Областного Комитета армии, флота и рабочих Финляндии (в Гельсингфорсе), написано Лениным 10 октября (27 сентября) 1917 г. в Выборге, куда Вл. Ильич переехал из Гельсингфорса, чтобы, в связи с нарастанием нового революционного подъема, быть ближе к Петрограду (об определении даты письма см. примечание 92-ое.).

Вл. Ильич советовал И. Смилге сжечь это письмо. И. Смилга письмо сохранил, вырвав лишь из него, по соображениям конспирации, фамилию адресата. См. справку И. Смилги о письме в «Ленинском Сборнике» IV, стр. 333—334.—229.

[91]) Форт Ино на финляндском берегу Финского залива — мощное укрепление, защищавшее вместе с Кронштадтом подступы к Петрограду. В апреле 1918 г., во время десанта германской армии в Финляндии, форт был по постановлению Совета Народных Комиссаров взорван, так как территория форта подлежала передаче Финляндии.—230.

[92]) Дата письма Ленина к И. Смилге точно устанавливается на основании следующих слов Вл. Ильича: «Я читаю сегодня в газетах, что уже через две недели опасность десанта равна нулю» (стр. 230). Вл. Ильич очевидно имеет в виду следующую заметку о десанте в № 138 «Новой Жизни» от 10 октября (27 сентября), в отделе «Последние известия»: «В авторитетных кругах указывают, что германский десант в Финляндию едва ли возможен. Переброска флота и десанта из Киля в Финляндию должна потребовать громадного количества топлива, которым Германия в данный момент не располагает. Недели через две всякая вероятность десанта явится устраненной, так как будет упущено время, необходимое для развития этой операции».

Газеты из Петрограда получались в Выборге в тот же день.—230.

[93]) Упоминаемые Лениным *Усикирко* и *Перкярви* — железнодорожные станции в Финляндии на линии Петроград (Ленинград)—Выборг, Териоки—дачная местность в Финляндии близ Ленинграда на той же железнодорожной линии.—230.

[94]) «*Материалы по пересмотру партийной программы*»—сборник статей В. Милютина, В. Сокольникова, А. Ломова, В. Смирнова, изд. Моск. областного бюро Р. С.-Д. Р. П. (больш.) Москва, 1917 г. Подробней о нем см. статью Ленина «К пересмотру партийной программы», настоящий том, стр. 295. — 232.

[95]) Статья «Кризис назрел» была написана Лениным 12 октября (29 сентября) 1917 г. в Выборге; главы I—V напечатаны в «Рабочем Пути» № 30, причем глава IV была опущена вовсе, глава V была обозначена вместо нее четвертой. Сохранившаяся часть рукописи содержит лишь главы V и VI; таким образом, остается неизвестной глава IV, которая в настоящем издании обозначена точками. Повидимому, глава IV была

опущена редакцией «Рабочего Пути» по соображениям конспиративного характера.—235.

[96]) Вл. Ильич цитирует передовую статью «Дела Народа» № 167 от 12 октября (29 сентября) 1917 г.—237.

[97]) «*Русские Ведомости*» — кадетская газета, издававшаяся в Москве и весьма распространенная среди интеллигенции. В редакцию входил ряд профессоров Московского университета. —238.

[98]) На выборах в Московскую городскую думу 8 (25) июня—11 июля (28 июня) 1917 г., по официальным данным, кадеты получили 109 тысяч голосов или 34 гласных, народные социалисты—8 тысяч и 3 гласных, эсеры—375 тысяч и 116 гласных, меньшевики и интернационалисты — 76 тысяч и 24 гласных, большевики 75 тысяч и 23 гласных и группа «Единство» (плехановцы) полторы тысячи голосов и ни одного гласного; всего в Московской городской думе было 200 гласных.

Выборы в районные думы Москвы 7 (24 сентября)—9 октября (26 сентября) 1917 г. дали большевикам около 52% всех поданных в городе голосов. Приводимые Лениным цифры 47%, 49% и 51% не точны. Всего, по данным Моск. Городской Управы, было избрано 350 большевиков, 184 к.-д., 104 с.-р., 31 меньшевик и несколько беспартийных. Солдаты московского гарнизона голосовали за большевистские списки сплошной массой. Все районные думы на окраинах города и выделенные ими районные управы большевики получили в свое обладание.—238.

[99]) В Центральном Комитете большевиков осенью 1917 г. боролись два течения. Одно, руководимое Лениным, считало необходимым восстание и свержение Временного правительства; другое, во главе с Каменевым и Зиновьевым, высказывалось против восстания, предпочитая «парламентские» пути развития и отводя большевистской партии роль крайней левой оппозиции в будущем Учредительном собрании. Это же течение возражало против бойкота Предпарламента. На решающих заседаниях Ц. К. 23 (10) и 29 (16) октября Каменев и Зиновьев выступали против вооруженного восстания. Разногласия продолжались и после победы Октябрьской революции, но уже в форме спора об образовании коалиционного «социалистического» министерства от правых эсеров и меньшевиков до большевиков. Разногласия в верхах партии закончились выходом Каменева, Зиновьева, Рыкова и др. из Ц. К. и Совета Народных Комиссаров в ноябре 1917 г. Подробней об этом см. том XXII.—240.

[100]) «*Просвещение*»—большевистский ежемесячный журнал, легально издавался в Петербурге при царизме в годы реакции, как «общественно-политический и литературный журнал марксистского направления». № 1 вышел в декабре 1911 г., последний—летом 1914 г., накануне войны. В 1917 г. издание «Просвещения», как «теоретического органа Р.С.-Д.Р.П.», было возобновлено. Вышел, однако, только один двойной номер со статьями Н. Ленина, В. Милютина, Г. Зиновьева, Ф. Меринга, Г. Ломова, Р. Арского, Н. Глебова, К. Залевского и В. Невского.—243.

[101]) На заседании 1 съезда Советов 21 (4) июня во время речи Церетели, заявившего: «В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите—мы займем ваше место. Такой партии в России нет»,—Ленин подал с места реплику: «Есть» («Речь» № 130, 19 (6) июня 1917 г.).—247.

[102]) Вл. Ильич цитирует передовую статью № 218 (3960) «Речи» от 29 (16) сентября 1917 г., посвященную Демократическому Совещанию.—248.

[103]) Вл. Ильич цитирует передовую статью «Дела Народа» № 160 от 4 октября (21 сентября) 1917 г., под заглавием «Пути соглашения».—248.

[104]) Резолюция Демократического Совещания об организации власти, предложенная 3 октября (20 сентября) 1917 г. Церетели, требовала «создания сильной революционной власти», «осуществления программы 27

(14) августа, деятельной внешней политики, направленной на достижение всеобщего мира и ответственности правительства перед представительным учреждением впредь до Учредительного собрания, отражающего волю страны». Резолюция далее предусматривала создание Совещанием «Предпарламента» (Временного Совета Российской Республики), как органа, который должен «содействовать созданию власти на вышеуказанных основаниях, при чем в случае привлечения и цензовых элементов в состав Временного правительства, орган этот может и должен быть дополнен делегатами от буржуазных групп», с сохранением преобладания демократических элементов. Правительство должно быть ответственно перед предпарламентом.

«Платформа 27 (14) августа» была оглашена Чхеидзе от имени «революционной демократии» на московском Государственном Совещании.

Текст «платформы» и резолюции Церетели—см. В. Владимирова «Революция 1917 года», изд. 1924 г., Гиз, т. IV, стр. 246 и 317.—249.

[105]) Вл. Ильич цитирует передовую статью «Новой Жизни» № 135 от 6 октября (23 сентября) 1917 г., под заглавием «В тисках власти». — 250.

[106]) «*Знамя Труда*»—газета, издававшаяся в 1917 г. Петроградским комитетом партии социалистов-революционеров. После 7-й общегородской конференции, имевшей место 23 (10) сентября, комитет перешел в руки левых. В газете ближайшее участие принимали Б. Камков, А. Калегаев, С. Мстиславский, Р. Иванов-Разумник и др.

Вл. Ильич имеет в виду заметку из № 25 «Знамени Труда» под заглавием «Голос крестьянства по вопросу о коалиции».—253.

[107]) Совещание Исполнительных Комитетов Советов Крестьянских Депутатов, созванное Исполнительным Комитетом Всероссийского Совета Кр. Д., состоялось в Петрограде 29 (16)—31 (18) сентября 1917 г. Кроме ряда губернских крестьянских Советов, высказавшихся против коалиции с буржуазией и указанных в статье Ленина, Бессарабский, Уфимский и Херсонский губернские Советы голосовали за Советы, как источник власти. — 253.

[108]) В сентябре 1917 г. Чернов и его сторонники занимали в эсеровской группе центристскую позицию; налево от них имелось значительное левое крыло во главе со Спиридоновой и Камковым, в ноябре 1917 г. образовавшее самостоятельную партию левых эсеров-интернационалистов; направо — стояла значительная масса ультра-правых эсеров, кооператоры, либерального оттенка народники и пр. После Октябрьского восстания Черновский центр весьма быстро растворился в массе правых эсеров. — 255.

[109]) Декларация Мартова была оглашена им от имени «большинства советской делегации» на Демократическом Совещании 1 октября (18 сентября) 1917 г. В декларации, между прочим, говорилось: ... «Все политическое самоуправление великого народа, сбросившего с себя путы царистского рабства, совершалось и совершается через посредство Советов: тем самым Советы являются во всей России непосредственными носителями идей народовластия, органами, осуществляющими на деле демократическую республику и фактически концентрирующими в своих руках государственную власть на местах»... Затем далее: «В то время как эта живая ткань новой революционной государственности развивалась и укреплялась на местах, в центре функционировала власть, построенная на основе коалиции с недемократическими имущими классами». «Это обстоятельство явилось причиной тормоза со стороны цензовых групп в проведении неотложных экономических, финансовых и социальных реформ». «Власть на деле становилась все более и более безответственной, все более независимой от контроля организованной демократии и тем самым фактически все более зависимой от капиталистических классов». Поэтому декларация счи-

тала необходимым «решительно отвергнуть всякое соглашение с цензовыми элементами» и предлагала «приложить свои силы к делу создания истинно-революционной власти» впредь до Учредительного собрания. Полный текст декларации см. В. Владимирова «Революция 1917 года», т. IV, стр. 385. — 257.

[110]) Рост партии в эпоху революции характеризуется следующими цифрами: на Всероссийской апрельской конференции Р.С.-Д.Р.П. (большевиков) 1917 г. было представлено — 76.000 членов; на VI съезде в июле 1917 г. (согласно его протоколам) — более 177 тысяч. — 264.

[111]) Вл. Ильич имеет в виду передовую статью «Дела Народа» № 168 от 13 октября (30 сентября) 1917 г. под заглавием «Новая революция или Учредительное собрание?» — 272.

[112]) Вл. Ильич цитирует статью «Дела Народа» № 167 от 12 октября (29 сентября) 1917 г. под заглавием «Сначала успокоение, а потом реформа». — 273.

[113]) Перефразировка слов Плеханова: «Наши «экономисты созерцают заднюю рабочего класса» (Предисловие к «Vademecum для редакции Рабочего Дела». Сборник материалов, изданный Группою Освобождение Труда, Женева, февраль 1900 г.). — 279.

[114]) Цитата из передовой статьи «Новой Жизни» № 142 от 14 (1) октября 1917 г. под заглавием «Съезд Советов и Учредительное собрание». — 280.

[115]) «У нас два-с: умеренность и аккуратность» — слова Молчалина из комедии А. Грибоедова «Горе от ума». — 281.

[116]) 12 декабря (29 ноября) 1917 г. — срок, на который был отложен Временным правительством созыв Учредительного собрания. — 283.

[117]) В Смольном институте в 1917 г. помещался Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, с 8 октября (25 сентября) находившийся в руках большевиков. — 284.

[118]) Настоящие тезисы, написанные Лениным в связи с назначенным на 30 (17) октября 1917 г. партийным съездом, созыв которого, однако, был затем отменен Центральным Комитетом, обсуждались на Петроградской общегородской конференции. «Тезисы» были впервые опубликованы в 1921 г. в «Собрании сочинений В. И. Ленина», том XIV, часть 2; тезис «о списке кандидатов в Учредительное собрание» и «примечание» к нему, не вошедшие в «Собрание сочинений», впервые были напечатаны в 1927 г. в книге: «Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и сентябре 1917 г.» (Изд. 1927 г.). «Тезисы» печатаются по тексту книги и по архивному экземпляру секретариата Ц.К. В.К.П.(б.).

Петроградская общегородская конференция состоялась 20 (7) — 24 (11) октября 1917 г. Некоторые ее заседания по конспиративным причинам были закрытыми (без участия гостей и совещательных голосов). На конференции было представлено 49 тысяч членов партии. Основными вопросами порядка дня были: отчет П.К. (Г. Бокий и О. Равич), отчет военной организации (Н. Подвойский), Учредительное собрание (Я. Фенигштейн-Долецкий), муниципальный вопрос и текущий момент. Конференция наметила список кандидатов в Учредит. собрание от Петрограда во главе с Лениным, приняла резолюции о текущем моменте, по муниципальному вопросу и др. В заключительной части резолюции по текущему моменту говорилось: «Конференция заявляет, что только замена правительства Керенского, вместе с подтасованным Советом республики, рабочим и крестьянским революционным правительством, способна: а) передать землю крестьянам вместо подавления восстания крестьян, б) тотчас же предложить справедливый мир и тем дать веру в правду всей нашей армии; в) принять самые решительные революционные меры против капиталистов для обеспечения армии хлебом, одеждой и обувью и для борьбы с разрухой». Сохранившиеся протоколы комиссии далеко не полны. Точно также

чрезвычайно отрывочны и газетные отчеты, помещавшиеся в «Рабочем Пути». — 287.

[119]) Письмо Питерской городской конференции было оглашено на заседании конференции 24 (11) октября 1917 г. Обсуждалось ли письмо на конференции, неизвестно, так как протокола заседания не сохранилось. — 290.

[120]) *Съезд Советов Р. и С. Депутатов Северной области,* созванный Областным Исполнительным Комитетом армии, флота и рабочих Финляндии 21 (8) октября в Гельсингфорсе, состоялся в Петрограде (11) 24 — 26 (13) октября. Ввиду подавляющего большинства на съезде большевиков и левых эсэров, меньшевистско-эсэровский Ц.И.К. объявил съезд «частным совещанием». Немногочисленная фракция меньшевиков не принимала участия в работах съезда и оставалась па нем только для информации. Съезд высказался за немедленный переход власти в руки Советов, за немедленное предложение мира, немедленный переход земли крестьянам и созыв Учредительного собрания в назначенный срок. Съезд обратился с радиотелеграммой «всем, всем», сообщая, что на 20 октября назначен II съезд Советов, задачей которого является немедленное перемирие на всех фронтах, передача всей земли крестьянам и обеспечение созыва Учредительного собрания; телеграмма призывала бороться со срывом съезда буржуазией и соглашателями и предлагала всем организациям обеспечить свое представительство на съезде. — 291.

[121]) Солдатская Секция Петроградского Совета в заседании 19 (6) октября 1917 г. обсуждала вопрос о событиях на фронте и о возможности в связи с этим переезда Временного правительства из Петрограда в Москву. Секция категорически высказалась против переезда правительства, так как это означало бы оставление революционной столицы на произвол судьбы и подготовку ее к сдаче германской армии. — 291.

[122]) Протоколы Центрального Комитета большевиков, опубликованные в «Пролетарской Революции» в 1927 г., не содержат указаний на обсуждение в Центральном Комитете посланного Лениным из Финляндии «Письма в Ц.К., М.К., П.К. и членам Советов Питера и Москвы». Точно также в распоряжении редакции не имеется материалов об отношении к письму Петроградского Комитета. По получении же письма в Москве оно обсуждалось па собрании руководящих московских партийных работников. На совещании присутствовали: Н. Бухарин, Н. Осинский, А. Рыков, П. Смидович, Ем. Ярославский, В. Обух, Н. Овсянников и В. Соловьев. Совещание солидаризировалось с письмом Вл. Ильича, и его участники постановили проводить в соответствующих партийных организациях «курс на восстание». Через несколько дней после совещания по докладам Бухарина и Осинского Московский комитет принял к руководству положения, изложенные в письме. — 293.

[123]) Офицер Дубасов выступал на заседании Петроградского Совета 5 октября (22 сентября) 1917 г. при обсуждении доклада о Демократическом Совещании. «Рабочий Путь» № 18 от 6 октября (23 сентября) следующим образом передает его выступления: «Тов. Дубасов, приехавший с фронта, во время речи сообщает, что солдаты сейчас не хотят ни свободы, ни земли. — Они хотят одного — конца войны. Что бы вы здесь ни говорили, солдаты больше воевать не будут». «Это заявление — прибавляет газета — производит на заседание сильное впечатление». — 293.

[124]) Железнодорожники и почтово-телеграфные служащие летом 1917 г. в течение нескольких месяцев безуспешно требовали повышения заработной платы, чрезвычайно понизившейся вследствие падения ценности бумажного рубля. Назначенная Временным правительством комиссия под председательством Г. В. Плеханова отказала в удовлетворении требований железнодорожников. В ответ железнодорожные рабочие и служащие объявили всероссийскую забастовку железных дорог, которая началась в ночь с 6 на

7 октября (с 23 на 24 сентября) 1917 г. После того как Временное правительство удовлетворило требования железнодорожников, забастовка была прекращена в ночь на 10 октября (27 сентября). — 293.

[125]) Совет Ленина о конфискации «Русского Слова» был выполнен Московским Советом сейчас же после победы Октябрьской революции, и типография газеты была конфискована. В помещение «Русского Слова» было перенесено издание «Известий Московского Совета», в марте 1918 г. после переезда правительства в Москву в ту же типографию было перенесено печатание «Правды». — 294.

[126]) Статья «К пересмотру партийной программы» была написана Лениным к назначенному Центральным Комитетом на 30 (17) октября партийному съезду (позднее этот съезд был отменен и заменен рядом партийных совещаний). В заседании 18 (5) октября Ц. К. избрал специальную комиссию для подготовки к съезду проекта программы партии во главе с Лениным в составе: Бухарина, Троцкого, Каменева, Сокольникова и Коллонтай («Протоколы Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.». «Пролетарская Революция» № 10 (69), 1927 г.). — 295.

[127]) Цитата из статьи Фр. Энгельса «К критике социал-демократической программы» — «Zur Kritik des Sozialdemokratischen Programmentwurfes», напечатанной в «Die Neue Zeit», XX Jahrgang, I Band, 1901 — 1902. — 304.

[128]) *Союз «Спартак»* — нелегальная организация, созданная в начале империалистской войны Карлом Либкнехтом, Львом Иогихесом, Розой Люксембург и Францем Мерингом для борьбы с оппортунизмом германской социал-демократии, изменившей Интернационалу. После откола от официальной с.-д. партии «Спартак» из тактических соображений примкнул к независимой с.-д. партии Германии, сохранив свою организацию, как особую группу. После Ноябрьской революции 1918 г. и образования объединенного с.-д. правительства из шейдемановцев и независимцев, «Спартак» разорвал свою связь с независимыми и в декабре того же года прекратил свое существование, образовав вместе с некоторыми другими организациями германскую коммунистическую партию. Программа «Спартака» была написана Р. Люксембург («К чему стремится Спартак?»).

Тезисы «Спартака» были написаны Розой Люксембург и единогласно приняты на конспиративной конференции группы «Интернационал» (входившей в группу «Спартака») 1 января 1916 г., в Берлине на квартире Карла Либкнехта. Первоначально тезисы под заглавием «Руководящие положения» были напечатаны в «Письмах Спартака» («Die Spartakus Briefe») № 3 от 3 февраля 1916 г.; тезисы размножались на гектографе и широко распространялись нелегальным путем в Германии; позднее тезисы неоднократно перепечатывались отдельными листовками.

Пятый тезис «Руководящих положений» гласит: «Мировая война служит не национальной защите, не экономическим или политическим интересам народных масс; она является только порождением империалистического соперничества между капиталистическими классами различных стран в их борьбе за мировое господство и монопольную эксплуатацию и порабощение областей, еще не завоеванных капиталом. В эпоху этого разнузданного империализма не может быть больше национальных войн. Национальные интересы служат только средством обмана, чтобы заставить трудящиеся массы служить их смертельному врагу — империализму». — 305.

[129]) *Пунические войны* — три войны римлян с карфагенянами с 264 г. по 164 г. до Р. Х., окончившиеся разрушением Карфагена и завоеванием его колоний. Основная причина войн — борьба за господство на берегах Средиземного моря, по преимуществу, в Африке и Испании. — 305.

[130]) Вл. Ильич имеет в виду статью Н. Бухарина «К пересмотру партийной программы» («Спартак», № 4 от 23 (10) августа 1917 г.) и статью

В. Смирнова «О пересмотре экономической программы-минимум» (брошюра «Материалы по пересмотру партийной программы», изд. Областного бюро Московского промышленного района Р. С.-Д. Р. П., Москва 1917 г.). — 311.

[181]) Вл. Ильич имеет в виду передовую статью «Рабочего Пути» № 26 от 16 (3) октября 1917 г. под названием «Съезд советов и Учредительное собрание». — 313.

[182]) VI съезд Р. С.-Д. Р. П. (больш.) утвердил на заседании 16 (3) августа 1917 г. следующий протокол секции по пересмотру партийной программы:

«Секция, ознакомившись с материалами по пересмотру программы, изданными под редакцией т. Ленина и Московским областным бюро, и заслушав по данному вопросу доклад т. Сокольникова, постановила:

1. Подтвердить решение конференции 14 — 20 апреля о необходимости пересмотра партийной программы в направлении, указанном конференцией.

2. Ввиду недостаточной предварительной дискуссии по вопросу о пересмотре программы, а также ввиду совершенно неблагоприятных условий работ съезда, выработку нового текста программы на настоящем съезде признать невозможным.

3. В недалеком будущем необходим созыв специального съезда для выработки новой партийной программы.

4. До созыва этого съезда Ц. К. партии и все партийные органы должны организовать возможно широкую дискуссию по вопросу о пересмотре программы и принять меры к обслуживанию членов партии литературой по данному вопросу.

5. Для целей практической партийной работы секция полагает необходимым выработать особую платформу, в основу которой следует положить резолюцию настоящего съезда и не потерявшие силу решения апрельской конференции.

Выработку платформы секция предлагает поручить Ц. К. партии». — 315.

[183]) *«Трибунисты»* — левые голландские социал-демократы, исключенные в 1907 г. из официальной партии и в 1909 г. основавшие газету «Трибуна» (Паннекук, Гортер, Вайнкоп, Генриэтта Роланд-Гольст и др.). В 1919 г. «трибунисты» образовали голландскую коммунистическую партию и вошли в III Интернационал, где занимали ультра-левую позицию (см. том XXV Сочинений, «Детская болезнь «левизны»»). В настоящее время большинство бывших вождей «трибунистов» стоят вне Коминтерна. — 315.

[184]) *«Лига социалистической пропаганды»* — интернационалистская организация в Америке в годы империалистской войны, образованная членами американской социалистической партии и состоявшая в своем большинстве из эмигрировавших в Америку рабочих. — 315.

[185]) *Социалистическая рабочая партия Америки* (*Socialist Labour Party*) — небольшая социалистическая организация левого направления — возникла в 1877 г.; под ее руководством был организован «Индустриальный союз рабочих мира» (I. W. W.), небольшая профессиональная организация, не имевшая значительного влияния и неоднократно раскалывавшаяся. В годы империалистической войны партия занимала анти-военную позицию. Во главе партии долгие годы стоял Даниэль Де-Леон. После Октябрьской революции наиболее революционные элементы партии вошли в коммунистическую партию. — 316.

[186]) *Пункт 9 программы Р. С.-Д. Р. П.*, принятой на II съезде партии в 1903 г., гласил: «Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства». Ленин в брошюре «Материалы по пересмотру партийной программы», вышедшей в июне 1917 г., предлагал поставить: «Право на свободное отделение и на образование своего государства за всеми нациями, входящими в состав государства. Республика русского народа должна привлекать к себе другие народы или народности не наси-

лием, а исключительно добровольным соглашением на создание общего государства. Единство и братский союз рабочих всех стран не мирятся ни с прямым, ни с косвенным насилием над другими народностями» (Сочинения, т. XX, стр. 295). — 316.

[137]) Статья Ю. Ларина «Рабочие требования нашей программы», напечатанная в № 31 «Рабочего Пути» от 21 (8) октября 1917 года, помимо требования аннулирования государственных займов, выдвигала следующие требования в области охраны труда и контроля за производством: легализация фабрично-заводских комитетов, «конституционный строй на фабриках», коллективные договоры, распространение рабочего законодательства на государственных служащих, прислугу и сельское хозяйство, «правильное распределение рабочих сил на основе демократического самоуправления рабочих в деле распоряжения их личностями», минимум заработной платы, ежегодный отпуск, еженедельная расплата и уголовная ответственность предпринимателей за нарушение законов о труде. — 317.

[138]) Поправки, выдвинутые к рабочей части партийной программы подсекцией по охране труда на Всероссийской апрельской конференции Р. С.-Д. Р. П. — см. в брошюре «Материалы по пересмотру партийной программы», изд. «Прибой», Петроград 1917 г. — 317.

[139]) «Письмо к товарищам большевикам, участвующим на Областном съезде Советов Северной области», написано Лениным 21 (8) октября 1917 г. в Выборге. В распоряжении редакции нет никаких данных об обстоятельствах, сопровождавших обсуждение настоящего письма во фракции. — 321.

[140]) В городах Чехии и Моравии (в Праге, Пильзене, Брюнне, Витковицах и др.) летом 1917 г. на почве голода и протеста против войны вспыхнули забастовки. Первоначальные требования касались прекращения реквизиций и вывоза съестных продуктов в Германию и в Вену; в дальнейшем было выдвинуто требование прекращения войны и освобождения арестованных вождей. Местами движение принимало характер явно революционных массовых выступлений. В Брюнне в течение нескольких дней шла вооруженная борьба. Восстание было жестоко подавлено.

В Турине, в Италии, в августе 1917 г. вспыхнула забастовка, вызванная голодом и затянувшейся войной. Бастовало свыше 40.000 рабочих. Забастовка сопровождалась демонстрациями.

В морской крепости Вильгельмсгафен в Германии в сентябре 1917 г. вспыхнуло восстание матросов четырех броненосцев. Восставшие, выбросив за борт нескольких офицеров, высадились на берег. Моряки, которым было поручено их атаковать, отказались повиноваться. Усмирение было проведено пехотными частями. Один из восставших броненосцев направился в Норвегию с целью интернироваться, но, окруженный миноносцами, принужден был сдаться. Восстание было жестоко подавлено. Несколько матросов было казнено, другие получили многолетнюю каторгу. — 321.

[141]) Речь Е. Брешко-Брешковской 20 (7) октября в Совете Республики напечатана в «Деле Народа» № 175 от 21 (8) октября 1917 г. — 323.

[142]) Заседание Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. 23 (10) октября 1917 г. состоялось на квартире Г. К. Сухановой и в большей своей части было посвящено вопросу о вооруженном восстании. Ленин, повидимому, только накануне переселившийся из Выборга в Петроград, впервые после июльских событий присутствовал на заседании Ц. К. На заседании также присутствовали Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников и Ломов. Председательствовал Свердлов. Протоколы заседания весьма кратки, не содержат записи всех прений и, кроме основного доклада Ленина, указывают лишь на краткую информацию Ломова о положении дел в Московской промышленной области и Свердлова о положении в других местностях, и передают весьма бегло возражения Урицкого, сводящиеся к указаниям на слабость воору-

женных сил революции. Резолюция, предложенная Лениным, была принята 10 голосами против 2 (Зиновьева и Каменева). В протоколах имеется также предложение Дзержинского «создать для политического руководства на ближайшее время Политическое Бюро из членов Ц. К.». Политическое Бюро было создано в составе 7 членов: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников и Бубнов. Зиновьев и Каменев, голосовавшие против резолюции о вооруженном восстании, на другой день подали заявление в Ц. К., в котором протестовали против принятого решения; это заявление было разослано также местным партийным организациям (см. «Приложения» к настоящему тому, стр. 494). — 326.

[143]) Представители большевистской организации Минска сообщили Центральному Комитету, как это видно из доклада Свердлова на заседании Ц. К. 23 (10) октября 1917 г., что верховным командованием армии подготовляется окружение Минска казаками с целью подавления революционного движения, но что настроение западного фронта таково, что Минску не только не угрожает никакой опасности, но возможно выделение революционного корпуса для Петрограда с целью поддержки намечавшегося восстания («Протоколы заседаний Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.». «Пролетарская Революция» № 10 (69), 1927 г.). — 329.

[144]) Протокол заседания Центрального Комитета с представителями руководящих партийных организаций 29 (16) октября 1917 г. представляет краткий секретарский пересказ докладов и прений по вопросу о подготовке вооруженного восстания. Заседание, состоявшееся в Лесной подрайонной Думе, имело целью получить точную информацию о настроении рабочих и солдатских масс и выяснить взгляд петроградских и московских работников на восстание. Поэтому первая половина заседания была посвящена заслушанию докладов. Общую информацию с мест дал Свердлов. О положении в Петрограде по отдельным районам доложил секретарь Петроградского комитета Бокий. После ряда дополнительных сообщений других товарищей, собрание перешло к прениям о текущем моменте. Боролись две точки зрения: Ленина — за восстание в ближайшие дни и Зиновьева и Каменева — против восстания или, в крайнем случае, за отложение вопроса до съезда Советов. Подавляющее большинство присутствовавших, в том числе членов Ц.К., решительно поддерживали точку зрения Вл. Ильича. За восстание высказались: Сталин, Калинин, Свердлов, Скрыпник, Дзержинский, Равич, Сокольников, Милютин, Иоффе, Шмидт, Лацис («Дядя») и др. После повторных возражений Каменева и Зиновьева, собрание приняло резолюцию, предложенную Лениным. В конце заседания Центральный Комитет выделил военно-политический центр в составе Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого и Дзержинского.

Оставшиеся в меньшинстве Каменев и Зиновьев в тот же день подали в Ц. К. следующее заявление:

«Мы настоятельно требуем немедленного телеграфного созыва пленума Ц. К. Г. Зиновьев. Ю. Каменев».

Кроме того Каменев подал следующее заявление о своем выходе из Ц. К.:

«В Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. Не имея возможности защищать точку зрения, выразившуюся в последних решениях Ц. К. и определяющую весь характер его работ, и находя, что эта позиция ведет партию и пролетариат к поражению, прошу Ц. К. считать, что более членом Ц. К. не состою. Ю. Каменев».

Протокол заседания Ц. К. 29 (16) октября 1917 г. — см. «Приложения» к настоящему тому, стр. 499. — 331.

[145]) *«Очень важное большевистское собрание в Питере»* — заседание Ц. К. 29 (16) октября 1917 г., на котором участвовал Ленин. Ссылка на товарища, якобы информировавшего Ленина об этом собрании, и изменение даты собрания, «накануне», т.-е. 28 (15) октября, вероятно, сделаны

с конспиративной целью, так как Ленин в это время остался нелегальным и не мог обнаруживать своего присутствия в Петрограде. Выражение «парочка товарищей» относится к Зиновьеву и Каменеву, возражавшим на собрании Ленину. Формулировки возражений противников восстания, которые Ленин разбирает в настоящей статье, по всей вероятности, являются точными записями возражений Зиновьева и Каменева, сделанными Лениным на заседании Ц. К. — 334.

[146]) В передовой статье «Рабочего Пути» от 25 (12) октября 1917 г. под заглавием «Хлеба!» сообщалось: «Никто иной, как буржуазная газета «Русская Воля» признала на-днях, что крестьянское движение в Козловском уезде имело тот неожиданный результат, что все станции железных дорог в уезде оказались буквально засыпанными зерном. Это еще не разгромленные помещики торопились спасать свое добро...». — 336.

[147]) Имеется в виду речь Г. Сокольникова. Протокол заседания Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. 29 (16) октября 1917 г. сохранил следующий отрывок записи речи Сокольникова: «Возражения Каменева лишены убедительности. Он обвиняет, что мы раззвонили свое выступление, т.-е. именно требует заговора. Величайшая особенность и наша сила в том, что мы открыто готовим выступление. Напоминает события февральские, когда тоже ничего не было подготовлено, однако, революция победила. Более благоприятного соотношения сил ожидать нельзя»... На это Зиновьев возражал: «Сравнивали революцию эту с революцией Февральской. Сравнивать нельзя, ибо тогда ничего не было на стороне старой власти, а теперь война всему буржуазному миру...» («Протоколы Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.», «Пролетарская Революция» № 10 (69), 1927 г. См. «Приложения» к настоящему тому, стр. 506). — 342.

[148]) В «Новом Времени» № 14787 от 9 июня (27 мая) 1917 г. во время выборов в Петроградскую городскую думу было напечатано «Обращение от редакции» под заглавием «Подавайте список партии народной свободы». — 346.

[149]) Вл. Ильич имеет в виду статью В. Базарова «Марксистское отношение к восстанию» («Новая Жизнь» № 155 от 30 (17) октября 1917 г.). — 348.

[150]) «Письмо к членам партии большевиков» было написано Лениным 31 (18) октября 1917 г. утром по поводу заметки в «Новой Жизни» № 156 от того же числа под заглавием «Ю. Каменев о выступлении», в которой Каменев от своего и Зиновьева имени заявлял, что они обязаны «в данных обстоятельствах высказаться против всякой попытки брать на себя инициативу вооруженного восстания, которое было бы обречено на поражение и повлекло бы за собой самые гибельные последствия для партии, для пролетариата, для судеб революции. Ставить все на карту выступления в ближайшие дни — значило бы совершить шаг отчаяния». Письмо Ленина, а также письмо в Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. и заявление Каменева от 29 (16) октября о выходе его из Ц.К. обсуждались на заседании Ц.К. 2 ноября (20 октября) 1917 г. После продолжительных прений Ц. К. постановил: принять отставку Каменева, вменить «в обязанность Каменеву и Зиновьеву не выступать ни с какими заявлениями против решений Ц.К. и намеченной им линии работы». Также было принято «предложение Милютина, чтобы ни один член Ц.К. не имел права выступать против принятых решений Ц.К.» («Протоколы заседаний Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.». — «Пролетарская Революция» № 10 (69), 1927 г.). — 350.

[151]) Имеется в виду выступление в 1906—1907 г.г. Г. В. Плеханова, пропагандировавшего блок с кадетами, в издававшейся Е. Д. Кусковой газете «Товарищ», близкой к левому крылу кадетской партии. — 351.

[152]) На заседании Петроградского Совета 31 (18) октября 1917 г. Троцкий по поводу сообщений буржуазной печати о готовящемся выступлении заявил, что ни большевики, ни Петроградский Совет восстания на

ближайшие дни не готовят и никаких вооруженных выступлений не назначали, но они не позволят вывести революционный гарнизон из Петрограда, и при первой попытке контр-революции сорвать съезд Советов «вся революционная Россия ответит на нее самым решительным контр-наступлением, которое будет беспощадным и которое мы доведем до конца». Выступивший после него Каменев заявил, что он подписывается под каждым словом заявления Троцкого («Рабочий Путь» №№ 40 и 41 от 1 ноября (19 октября) и 2 ноября (20 октября) 1917 г.). На заседании Ц.К. 2 ноября (20 октября) Троцкий объяснил, что его заявление было вынуждено угрозой Каменева внести на заседание Совета свою резолюцию против выступления («Протоколы заседаний Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.», «Пролетарская Революция» № 10 (69), 1927 г.). — 353.

[153]) В «Деле Народа» № 183 от 31 (18) октября 1917 г. были опубликованы следующие законопроекты, внесенные министром земледелия социалистом-революционером С. Л. Масловым: правила об урегулировании земельными комитетами земельных сельскохозяйственных отношений, об образовании временного земельного арендного фонда, о распределении земель арендного фонда, о разрешении споров по действующим арендным договорам и др.

На другой день «Дело Народа» в № 184 от 1 ноября (19 октября) напечатало следующее постановление Центрального Комитета партии социалистов-революционеров: «Во Временное правительство министром земледелия внесен законопроект о передаче земель сельскохозяйственного значения в ведение земельных комитетов, первоначальная редакция коего печатается в «Деле Народа». Ввиду громадной важности законопроекта, являющегося крупным шагом к осуществлению аграрной программы партии, Ц.К. настоятельно предлагает всем партийным организациям развить энергичную агитацию в пользу законопроекта и популяризовать его в массах». — 357.

[154]) Земельные комитеты в составе Главного, губернских, уездных и волостных были образованы постановлением Временного правительства от 4 мая (21 апреля) 1917 г. и имели целью собирание материалов по земельной реформе и ее подготовку для Учредительного собрания. — 357.

[155]) Брошюра «Государство и революция» была написана Лениным в августе-сентябре 1917 г. (см. стр. 455 настоящего тома), в Гельсингфорсе. Материалы, в виде ряда обширных выписок из сочинений Маркса и Энгельса, были подготовлены Лениным в Швейцарии во время войны. На первой странице рукописи автор работы обозначен псевдонимом Ф. Ф. Ивановский. Этот совершенно новый псевдоним, которым Ленин никогда раньше не пользовался, был совершенно необходим, так как Временное Правительство, несомненно, конфисковало бы книгу, подписанную именем Ленина или одним из его известных псевдонимов. Однако вследствие загруженности типографий и медленности печатных работ в 1917 г., брошюра вышла только в 1918 г., и необходимость в каких-либо псевдонимах отпала. По сохранившемуся в архиве Института наброску первоначального плана, сделанному Лениным, работа должна была заключать в себе не только теоретический анализ учения Маркса и Энгельса о государстве, но и разбор «опыта русских революций 1905 и 1917 годов» с точки зрения этого учения. Последнему вопросу предполагалось посвятить главу VII брошюры, однако Октябрьская революция и необходимость отдать все силы непосредственной практической работе помешали окончанию начатого труда. Сохранился лишь подробно разработанный набросок плана главы VII. — 365.

[156]) *Тридцатилетняя война* (1618 — 1648 г.г.), вызванная борьбой европейских держав за преобладание в феодально-раздробленной Германии и на берегах Балтийского моря, повлекла за собой чрезвычайное разорение и упадок Германии. — 382.

[157]) *Готская программа* была принята в 1875 г. на объединительном конгрессе в Готе, на котором две фракции германских социалистов, лассальянцы и эйзенахцы, слились в социалистическую рабочую партию Германии. Принятая программа явилась компромиссом между лассальянцами и эйзенахцами. Первые внесли в нее все свои боевые пункты: полный продукт труда для рабочих, железный закон заработной платы, производительные ассоциации на основе государственного кредита и признание буржуазии «единой реакционной массой». Программа просуществовала официально до партейтага в Эрфурте в 1891 г., когда была заменена новой программой («Эрфуртская программа»).

Маркс и Энгельс подвергли Готскую программу жесточайшей критике, первый — в письме к Бракке от 5 мая 1875 г. и второй — в письме к Бебелю от 28 марта 1875 г. (K. Marx «Ein Brief an Bracke 5 Mai 1875, London, «Die Neue Zeit», 1891, IX Jahrgang, I Band; письмо Энгельса впервые воспроизведено в книге: August Bebel «Aus meinem Leben», zweiter Teil, 1911). — 383.

[158]) «Не нужно было браться за оружие» — слова Г. Плеханова о декабрьском вооруженном восстании 1905 г. в «Дневнике Социал-Демократа» № 4, декабрь 1905 г., стр. 9. — 393.

[159]) Письма Маркса к Кугельману впервые напечатаны по-немецки в «Die Neue Zeit», XX Jahrgang, I и II Band, 1901—1902. Вл. Ильич имел в виду следующие русские издания писем: 1) К. Маркс «Письма к Л. Кугельману» с предисловием редакции «Neue Zeit». Перевод с немецкого М. Ильиной под редакцией и с предисловием Н. Ленина. Книгоиздательство «Новая Дума». С. Петербург. 1907 г. 2) «Письма К. Маркса к члену Интернационала Кугельману» с предисловием Карла Каутского. «Библиотека научного социализма». 1907 г. — 395.

[160]) Вл. Ильич имеет в виду книгу Эдуарда Бернштейна: «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». По-немецки книга впервые вышла в 1899 г. в Штутгарте (Ed. Bernstein. «Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie»). — 399.

[161]) Вл. Ильич имеет в виду передовую статью «Обновление ведомств и демократия» в органе с.-р. «Дело Народа» № 113 от 29 июля (11 августа) 1917 г. — 401.

[162]) Статья Маркса и Энгельса против прудонистов под заглавием: первая — «L'indifferenza in materia politica» и вторая «Dell Autorità» с пометкой: «London, Januar 1873» были напечатаны в итальянском сборнике «Almanacco Republicano per l'anno 1874», Lodi 1873 («Республиканский альманах на 1874 г.»). Немецкий перевод имеется в «Die Neue Zeit», 1913—1914, XXXII Jahrgang, I Band, под заглавием: K. Marx, «Der politische Indifferentismus» u. Fr. Engels «Ueber das Autoritätsprinzip» (К. Маркс «Политический индифферентизм» и Фр. Энгельс «Об авторитарном принципе»). — 410.

[163]) *Эрфуртская программа*, считавшаяся наиболее выдержанной с точки зрения марксизма программой в эпоху II Интернационала и долгое время служившая образцом для всех других соц.-дем. партий, в том числе и для Р.С.-Д.Р.П., была принята на съезде германской социал-демократии в Эрфурте 14 — 20 октября 1891 г., взамен устаревшей Готской программы (1875), явившейся результатом компромисса двух направлений в германском социализме (лассальянцы и эйзенахцы).

Проект программы, написанный Каутским, был предварительно сообщен им некоторым видным деятелям рабочего движения, в том числе Энгельсу. Ознакомившись с проектом, Энгельс высказал по поводу его ряд замечаний, пересланных им Каутскому 29 июля 1891 г. Эти замечания были опубликованы через 10 лет. В «Neue Zeit» (XX Jahrgang, 1901—1902, I Band, № I, S. S. 5 — 13) под заглавием «Zur Kritik des sozialdemokratischen Programmentwurfes 1891» («Критика проекта социал-демократической программы 1891 г.»). — 416.

[164]) По-немецки см. Fr. Engels «Einleitung zu «Der Bürgerkrieg in Frankreich». K. Marx — Dritte deutsche Auflage, Berlin, 1891». — 421.

[165]) У Ленина здесь и ниже описка: «историческая» речь Церетели была произнесена не 9 июня, а 11-го. Подробнее об этой речи см. примечание 233 к XX тому Сочинений. — 421.

[166]) Следует иметь в виду, что приводимые Лениным цифры возможных окладов заработка выражены в бумажной валюте второй половины 1917 г. Книга «Государство и революция» написана в августе 1917 г., когда русский бумажный рубль за годы войны успел упасть более чем втрое против своей номинальной цены. — 423.

[167]) Вл. Ильич имеет в виду русский перевод под редакцией Веры Засулич статьи К. Маркса «Критика Готской программы». С. Петербург. «Новое книгоиздательство». 1906 г. — 427.

[168]) *Гаагский (V) конгресс I Интернационала* (1872 г.), на котором присутствовали Маркс и Энгельс, был почти целиком посвящен борьбе с бакунистами. По предложению Вальяна конгресс, вопреки мнению бакунистов, принял резолюцию о необходимости политической борьбы. Бакунин и некоторые из его сторонников были исключены из Интернационала. Гаагский конгресс был последним конгрессом I Интернационала. — 442.

[169]) «*Заря*» — теоретический орган русской социал-демократии, издававшийся в 1901 — 1902 г.г. в Штутгарте под редакцией Г. Плеханова, Н. Ленина, П. Аксельрода, Ю. Мартова, В. Засулич и А. Потресова. Всего вышло три книги «Зари»: № 1 — апрель 1901 г., № 2—3 — декабрь 1901 г., № 4 — август 1902 г. — 443.

[170]) О 5-м международном социалистическом конгрессе в Париже (1900 г.) и принятой им резолюции Каутского о «мильеранизме» см. примечание 35 к IV тому Сочинений. Конгрессу посвящена статья Плеханова в № 1 «Зари»: «Несколько слов о последнем Парижском международном социалистическом конгрессе». — 443.

[171]) Вл. Ильич имеет в виду книгу К. Каутского «Die Soziale Revolution. I. Sozialreform und Sociale Revolution. II. Am Tage nach der sozialen Revolution». Вышла в 1902 г. в Берлине в издании: Expedition der Buchhandlung «Vorwärts». По-русски вышла в 1903 г., в Женеве, в переводе и под редакцией Ленина: Карл Каутский «Социальная революция. I. Социальная реформа и социальная революция. II. На другой день после социальной революции». Издание «Лиги Русской Революционной Социал-Демократии».

На протяжении всей книги «Государство и революция» Ленин почти всюду цитирует иностранных авторов по первоисточникам, делая заново собственный перевод с немецкого для каждой цитаты, видимо, не удовлетворенный существующими переводами. — 444.

[172]) Вл. Ильич имеет в виду книгу: K. Kautsky. «Der Weg zur Macht. Politische Betrachtungen in die Revolution». Berlin. 1909. Verlag: Buchhandlung «Vorwärts» (К. Каутский «Путь к власти. Политические размышления о врастании в революцию»). Русское издание впервые вышло в 1918 г., в переводе Н. Л. Мещерякова. — 447.

[173]) Статья К. Каутского против Паннекука «Die Neue Taktik» («Новая тактика») была напечатана в «Die Neue Zeit», XXX Jahrgang, II Band, 1911 — 1912. — 448.

УКАЗАТЕЛЬ ПРИМЕЧАНИЙ В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ.

V. СЛОВАРЬ-УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

А.

АВКСЕНТЬЕВ, Н. Д. (р. 1878 г.)—один из старейших членов и руководителей партии социалистов-революционеров. Член Исполнительного Комитета Петроградского Совета рабочих депутатов в 1905 г., член Ц.К. П.С.-Р. с 1907 г. В годы реакции стоял на правом крыле партии, защищавшем легальность и отказ от террора в своем органе «Почин». Крайний социал-шовинист в годы войны, участник оборонческих с.-р. органов «За рубежом» и «Новости» и один из редакторов социал-шовинистского журнала «Призыв», выходившего в Париже (Плеханов, Алексей Любимов, Авксентьев, Аргунов, Вольский и Бунаков). Член одного из коалиционных правительств Керенского в 1917 г. После Октябрьской революции один из организаторов гражданской войны на чехо-словацком фронте. На Уфимском совещании (1918 г.) вошел в состав Уфимской Директории, разогнанной вскоре Колчаком. В настоящее время находится за границей в белой эмиграции. — **60, 62, 84, 83, 89, 90, 103—105, 110, 112, 126, 169, 170, 249, 322, 342, 377, 401.**

АДЛЕР, ВИКТОР (1852 — 1918) — основатель и вождь австрийской социал-демократии. Политическую деятельность начал в качестве буржуазного радикала, но очень скоро перешел к марксизму и, поддерживая близкие сношения с Энгельсом, в 1886 г. предпринял издание с.-д. газеты «Gleichheit», чем способствовал созыву объединительного съезда австрийской социал-демократии в Гайнфельде в 1889 г. После завоевания в 1905 г. всеобщего избирательного права в австрийский парламент А. посвятил свои силы парламентской борьбе, надеясь использовать раздробление национальных буржуазных фракций в интересах рабочего класса. Увлечение парламентской борьбой сделало Адлера одним из вождей реформизма на конгрессах II Интернационала. В годы империалистской войны он не пошел дальше заурядного пацифизма и попыток соглашения с социалистами из II Интернационала стран Антанты. Австрийская революция 1918 г. застала Адлера близким к смерти и уверенным, что настала, наконец, новая эпоха в истории человечества. А., вместе с Жоресом, принадлежал к наиболее идеалистически настроенным представителям реоформизма довоенной эпохи. — **46.**

АДЛЕР, ФРИДРИХ (р. 1879 г.)—сын Виктора Адлера. В 1907—1911 г.г. состоял приват-доцентом по кафедре теоретической физики в Цюрихском университете, будучи в то же время редактором «Volksrecht», органа швейцарской социал-демократии; позднее был избран секретарем австрийской с.-д. партии. Во время войны занимал неясную пацифистскую позицию. Движимый отчаянием при виде распада массового рабочего движения.

22 октября 1916 г. Адлер убил австрийского министра-президента графа Штюргка, вследствие чего был приговорен к смертной казни, замененной 18 годами каторжных работ. Выстрел Адлера был понят рабочими массами Европы как призыв к революционному действию. Ленин в 1916 и 1917 г.г. считал сидевшего в тюрьме Адлера одним из будущих строителей III Интернационала. Майские демонстрации 1917 г. в России, на которых одним из популярных лозунгов было требование освобождения Фр. Адлера, заставили австрийское правительство значительно смягчить его положение. Однако, по выходе из тюрьмы после австрийской революции 1918 г., Адлер отрицательно отнесся к Октябрьской революции в России. Одновременно он делал все, чтобы погасить развивавшуюся пролетарскую революцию в Австрии. В 1920 г. Адлер предпринял попытку создания «центристского» $2^1/_2$ Интернационала, в 1922 г., по его же инициативе, объединившегося с реставрированным II Интернационалом, председателем М.С.Б. которого он в настоящее время состоит. В области политики Адлер является эклектиком, полным непоследовательности и противоречий; в области философии — махистом.—235.

АЛЕКСАНДР III (1845—1894).—98.

АЛЕКСИНСКИЙ, Г. А. (р. 1879)—в молодости участвовал в революционном студенческом движении. С конца 1905 г. принимал участие в работе московской с.-д. организации. В 1907 г. был проведен во II Государственную Думу, участвовал на Лондонском съезде Р.С.-Д.Р.П. в 1907 г. После роспуска II Государственной Думы и ареста с.-д. фракции скрылся от суда, вопреки мнению фракции, считавшей нужным не уклоняться от процесса и сурового приговора (каторга для большинства ее членов). За границей вошел в группу «Вперед». С начала войны Алексинский занял ультра-шовинистическую позицию и вошел вместе с Плехановым и эс-эрами Авксентьевым и Бунаковым в редакцию социал-патриотического «Призыва», разорвав с партией. Одновременно с парижским «Призывом», Алексинский сотрудничал в «Русской Воле», издававшейся в Петрограде в 1916—1917 г.г. на банковские деньги октябристом Протопоповым, позднее министром Николая II, вследствие чего меньшевик Иорданский, редактор оборончеcкого «Современного Мира», принужден был печатно заявить об устранении Алексинского из числа сотрудников журнала. По возвращении в Россию в 1917 г. Алексинский примкнул к Плехановской социал-патриотической группе «Единство». Оборончеcкий Ц.И.К. первого созыва не счел возможным допустить его в свой состав. В момент июльского выступления петроградского пролетариата Алексинский, по соглашению с контр-разведкой, опубликовал подложные документы, долженствовавшие, в целях срыва движения, скомпрометировать Ленина и большевиков, как германских агентов. В 1918 году Алексинский был арестован В.Ч.К.; отпущенный на поруки, скрылся за границу, где примкнул к вождям крайней реакции, явившись впоследствии вместе с Бурцевым главным литературным агентом барона Врангеля. В эмигрантских кругах Алексинский приобрел заслуженную репутацию грязного интригана и нестесняющегося в средствах человека.—9—13, 24, 30, 32, 39, 42, 45—47, 55, 58.

АЛЕКСЕЕВ, М. В. (1857—1918)—генерал. Формально числясь начальником штаба верховного главнокомандующего Николая II, с осени 1915 г. по март 1917 г. фактически являлся главковерхом. В момент Февральской революции, уже после отречения Николая II, издал по фронтам приказы об аресте «злоумышленных» агитаторов, сеющих в армии смуту. Несмотря на участие в августе 1917 г. в Московском «Совещании общественных деятелей», подготовлявшем корниловское выступление, после его подавления был назначен верховным главнокомандующим. В конце 1918 г. положил начало формированию на Дону «Добровольческой армии», перешедшей после его смерти под командование Деникина.—139, 145, 200, 222.

Б.

БАГРАТИОН, Д. П. (р. 1863 г.), князь — генерал царской армии, ближайший сотрудник Керенского по военному ведомству, одновременно был близок с Корниловым. — 145, 222.

БАЗАРОВ, В. (В. А. РУДНЕВ) (р. 1874 г.)—начал социал-демократическую работу в Москве в 1896 г., откуда был выслан в Тулу, где продолжал пропагандистскую работу вместе с И. И. Степановым-Скворцовым. В 1901 г. вошел в Московский комитет, но вскоре был выслан в Сибирь. После раскола партии примкнул к большевикам. В 1905 г. состоял членом Петербургского комитета. Работал в легальной и нелегальной большевистской печати. Принимал участие в Стокгольмском съезде. В годы реакции отошел от большевиков. Во время войны остался интернационалистом, сотрудничал в «Современнике», «Летописи» и в 1917 г. в «Новой Жизни». В 1919 г., в период деникинщины, участвовал вместе с меньшевиками в журнале «Мысль», издававшемся в Харькове. Переводчик (вместе со Степановым) «Капитала». Махист в области философии. Ныне работник Госплана. — 267 — 269, 348.

БАКУНИН, М. А. (1814 — 1876) — известный русский революционер-анархист. В 1840 г. уехал за границу, участвовал в Германской революции 1848 г., был одним из руководителей вооруженного восстания в Дрездене и Праге; после ареста выдан австрийскими властями русскому правительству, сидел в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях; после ссылки в Сибирь бежал за границу, где возобновил революционную деятельность. В 1863 г. оказывал содействие польским повстанцам. Принимал участие в деятельности I Интернационала, внутри которого пытался организовать тайный союз своих единомышленников. «Союз» получил довольно широкое распространение в романских странах, и Бакунин стал фактическим главой анархического движения в Европе. За дезорганизаторскую деятельность в 1872 г. по настоянию Маркса исключен из Интернационала. Идеи Бакунина в 70-х г.г. занимали господствующее положение в среде русской революционной интеллигенции. Русская с.-д-тия сложилась в борьбе с идеями Бакунина. — 406, 415, 442.

БАСОК (МЕЛЕНЕВСКИЙ) — украинский националист, бывший меньшевик, работавший в украинском с.-д. союзе «Спилка», активный деятель националистически-буржуазного «Союза вызволения Украины», во время мировой войны был связан с германскими империалистическими кругами.— 114, 115.

БЕБЕЛЬ, АВГУСТ (1840 — 1913) — виднейший представитель международного рабочего движения второй половины XIX и начала XX в., один из основателей и вождей германской социал-демократии и II Интернационала, рабочий-токарь. Под влиянием В. Либкнехта в 1865 г. вступил в Интернационал и примкнул к учению Маркса. Вместе с В. Либкнехтом основал в 1869 г. «Соц.-дем. рабочую партию», слившуюся в 1875 г. с лассальянцами в единую «Социалистическую рабочую партию Германии», впоследствии переименованную в «Соц.-дем. партию Германии». Неоднократно избирался депутатом от соц.-демократической партии в рейхстаг. В 1872 г. был вместе с Либкнехтом приговорен к двухлетнему заключению в крепости, несколько раз подвергался административной высылке и тюремному заключению. Постоянный участник партейтагов (партийных съездов). Играл выдающуюся роль в международном пролетарском движении. В теории всегда признавал себя учеником Маркса и Энгельса. Стоял на левом крыле партии, неоднократно и резко выступал против бернштейнианства и оппортунизма в рядах партии и на международной арене. К концу жизни занял центристскую позицию. Автор ряда книг, брошюр и речей, пользовавшихся широким распространением. — 413, 415, 427, 431.

БЕЙЛИС, МЕНДЕЛЬ — еврей, портной, судился в 1913 г. Киевским окружным судом по обвинению его в убийстве православного мальчика Андрея Ющинского с ритуальными целями; в действительности же Ющинский был убит из боязни доноса шайкой воров, имевшей притон в квартире некоей Веры Чебиряк и связанной с полицией. Процесс был инсценирован царским правительством в целях усиления реакции в России, развития антисемитской агитации, организации еврейских погромов и, тем самым, укрепления самодержавия. Николай II лично давал указания властям в этом деле. Для направления следствия в желательную сторону министр юстиции Щегловитов оказывал сильнейшее давление на суд, отстраняя следователей и прокуроров, пытавшихся отыскать действительных виновников преступления. Состав присяжных заседателей был подобран из самых невежественных слоев киевского населения. На суде были мобилизованы все силы «Союза русского народа». Несмотря на старания черной сотни и царского правительства, присяжные оправдали Бейлиса. — **31, 40, 45, 46.**

БЕРКЕНГЕЙМ, А. М. — социалист-революционер, деятель кооперации, преподаватель Высших женских курсов в Москве, до революции, член Московского комитета общественных организаций, гласный Московской городской думы и член городской управы в 1917 г. — **249.**

БЕРНАЦКИЙ, М. В. (р. 1876 г.) — профессор политической экономии. Министр финансов в последнем перед октябрем кабинете Керенского и в белогвардейских правительствах Деникина и Врангеля. В период первой русской революции был близок к марксистам, сотрудничал в легальной марксистской печати. Ныне эмигрант, сторонник бывш. великого князя Николая Николаевича. — **167.**

БЕРНШТЕЙН, ЭД. (р. 1850 г.) — германский с.-д., в эпоху исключительных законов против социалистов редактор нелегального центрального органа партии («Sozial-Demokrat»). В середине 90-х г.г. выступил в теоретическом органе германской с.-д-ии «Neue Zeit» со статьями, где пытался подвергнуть пересмотру философские, экономические и политические основы революционного марксизма и заменить их теорией примирения классовых противоречий, отрицанием социалистической революции и верой в возможность достижения социализма путем постепенного «врастания» в капиталистический строй. Более или менее связное изложение своих взглядов Бернштейн дал в книге «Предпосылки социализма и задачи с.-д-ии», вышедшей в январе 1899 г. Выступления Бернштейна, вызвавшие тотчас же резкую критику Р. Люксембург и Парвуса, а затем Г. Плеханова и К. Каутского, послужили исходным пунктом широкой и острой полемики в среде международной с.-д-ии и привели к оформлению двух течений: ортодоксов и ревизионистов. В настоящее время Бернштейн — один из лидеров II Интернационала. Его воззрения целиком победили в германской с.-д-ии и нашли свое отражение в новой програмне партии, принятой в 1925 г. в Гейдельберге. — **195, 399, 404 — 406, 443, 444, 447, 451.**

БИСМАРК, О., князь (1815 — 1898) — канцлер в эпоху создания Германской империи, проведший объединение Германии вокруг прусского королевства и династии Гогенцоллернов путем ряда войн (с Данией, Австрией и Францией). Аннексировал у Дании Шлезвиг и у Франции — Эльзас и Лотарингию. Провел в Германии всеобщее избирательное право, желая опереться на отсталые народные массы против либералов; автор «исключительного закона» против социалистов, отмененного в 1891 г. после его отставки. — **377.**

БИССОЛАТИ, Л. (1857 — 1920) — один из основателей итальянской социалистической партии, был несколько раз редактором ее центрального органа «Аванти». В 1911 г. поддерживал войну с Турцией, предпринятую ради приобретения колоний в Африке (Триполитания), вследствие чего был исключен из партии и образовал отдельную реформистскую группу,

С самого начала мировой войны был решительным сторонником вмешательства Италии на стороне Антанты, после объявления войны пошел добровольцем и был ранен. В 1916 — 1918 г.г. входил в правительство в качестве министра без портфеля. — 400.

БЛАН, ЛУИ (1811 — 1882) — французский социалист-утопист, политический деятель, историк. В своей работе «Организация труда» развил теорию постепенного осуществления социализма посредством организации промышленных и земледельческих ассоциаций, путем конкуренции при поддержке государства, вытесняющих частные предприятия. Исходя из положения о солидарности интересов всего общества, Блан решительно отрицал классовую борьбу и метод революционного насилия. «Если буржуазия одушевится благородными стремлениями, она все сделает для возрождения страны... Пусть она сольется с народом и возьмет в свои руки инициативу перехода от конкуренции к ассоциации». В революцию 1848 г. Блан вошел от рабочих во временное правительство, где требовал, но безуспешно, создания министерства труда. Временное правительство, в виде уступки, ограничилось организацией под его председательством лишенной всякой власти комиссии по изучению положения рабочих (Люксембургская комиссия). Выработанные ею весьма умеренные законопроекты были отвергнуты. Уговаривая рабочих ждать и предоставить действовать их представителям, Блан мечтал о создании «социальной республики», которая должна была создать кооперацию классов, уничтожив классовые противоречия, но которая, по выражению Маркса, на деле оказалась «социальным порабощением рабочих республикой». Пытаясь примирить непримиримое, Блан оказался игрушкой в руках буржуазии и после разгрома июньского восстания парижских рабочих принужден был эмигрировать. Вернувшись во Францию после падения Второй империи и выбранный в Национальное собрание, Блан в 1871 г. остался с версальцами, разгромившими Коммуну. — 83, 144.

БОБРИНСКИЕ графы: 1) Алексей Александрович (р. 1852 г.) — крупный землевладелец Киевской губернии и сахарозаводчик, предводитель дворянства Петербургской губернии и городской гласный, предводитель Совета объединенного дворянства, член III Госуд. Думы от Киевской губ., крайний правый. 2) Андрей Александрович (р. 1860 г.) — сахарозаводчик и крупный помещик, член Государственного Совета в 1909 г. от Киевской губернии, правый. 3) Владимир Алексеевич (1868 г.) — крупный тульский помещик, председатель Богородской земской управы, член II, III и IV Государственных Дум, принадлежал к фракции националистов. — 169.

БОНАПАРТ, ЛУИ — см. **НАПОЛЕОН III.**

БРАККЕ, В. (1842 — 1880) — видный германский социал-демократ, примыкавший первоначально к лассальянцам. Во время франко-прусской войны после недолгого колебания занял анти-военную позицию, принимал деятельное участие в издании Центральным Комитетом социал-демократической партии воззвания к рабочим с призывом начать борьбу против войны, за что был заключен в крепость. Член рейхстага. Автор популярной брошюры «Долой социал-демократов!», переведенной на ряд языков. — 413, 427.

БРАМСОН, Л. М. (р. 1869 г.) — народный социалист, член Ц. И. К. первого созыва, литератор и петербургский адвокат, в настоящее время в эмиграции. — 85.

БРАНТИНГ, КАРЛ ЯЛЬМАР (1860 — 1925) — лидер шведской социал-демократии и один из вождей II Интернационала. С 1884 г. работал в газете «Тиден», с 1887 г. был редактором партийного органа «Социал-Демократен». В 1896 г. прошел в нижнюю палату депутатов (риксдаг). Брантинг еще до войны был крайним приверженцем министериализма, во время войны — сторонник франко-английской ориентации. В 1917 г. вошел в качестве министра финансов в кабинет Эдена, оказавшего в 1918 г. вооруженную помощь белофинским палачам рабочего класса Финляндии, в 1920—

1921 г.г. состоял премьером социал-демократического министерства, в 1924 г. был назначен представителем Швеции в Лиге Наций. — 102 — 105, 400, 433.

БРЕШКО-БРЕШКОВСКАЯ, Е. К. (р. 1847), прозванная эс-эрами «бабушкой русской революции», начала революционную деятельность в 1873 г. хождением в народ. В 1878 г. по «процессу 193» получила 5 лет каторги, которую отбывала на Каре. Вернувшись из Сибири в 1896 г., она приняла участие вместе с Гершуни в создании «Рабочей партии политического освобождения», влившейся в 1902 г. в вновь созданную «партию социалистов-революционеров». Брешковская, будучи убежденной сторонницей политического террора, главную свою энергию отдавала работе среди крестьян, неоднократно состояла в Ц. К. с.-р. партии. В 1907 г. была арестована в Симбирске и сослана по суду на поселение в Сибирь, откуда ее возвратила дряхлой старухой Февральская революция. После Февраля, будучи сторонницей войны и коалиции, примкнула к крайнему правому крылу партии («Воля Народа»). После Октября озлобленная противница советской власти; эмигрировав в Соединенные Штаты, предприняла целый поход лжи и клеветы против пролетарской революции. — 206, 210, 212, 255, 266, 276 — 278, 291, 323, 369.

БРИАН, АРИСТИД (р. 1862) — французский политический деятель. В 90-х г.г. стоял во главе полуанархической организации «Рыцарей Труда», выступал ярым сторонником всеобщей стачки, благодаря чему пользовался известностью среди рабочих и получил в 1902 г. возможность пройти в парламент; позже примкнул к жоресистам. Несмотря на запрещение Амстердамского конгресса (1904), на основе которого произошло объединение французских социалистов, участвовать социалистам в буржуазном правительстве, Бриан в 1906 г. вступил в буржуазное министерство в качестве министра народного просвещения. Исключенный из социалистической партии, Бриан примкнул к группе «независимых» социалистов (Мильеран и др.), положивших (в 1911 г.) начало «республиканской социалистической партии» и постоянно поддерживавших кандидатуру Бриана. С 1906 г. по настоящее время Бриан почти все время, за исключением кратковременных перерывов, входит в кабинет министров. В 1909 — 1911 г.г. — глава министерства — принимал суровые меры против бастующих железнодорожников, объявив железные дороги на военном положении. В 1913, 1915 — 1917, 1921 — 1922 г.г. — председатель совета министров. В 1924 г. был представителем Франции в Лиге Наций. С апреля 1925 г. после падения кабинета Эррио — министр иностранных дел в кабинете Пенлеве. В 1926 году снова премьер-министр, а в 1927 году министр иностранных дел в кабинете Пуанкаре. На этом посту ратифицировал оккупацию Бессарабии Румынией. — 260.

БРОНЗОВ — член Ц. И. К. Советов первого созыва. — 85.

БУБЛИКОВ, А. А. (р. 1875) — инженер, член Совета и Комитета съездов торговли и промышленности, депутат IV Государственной Думы, прогрессист, член Временного комитета Госуд. Думы после Февральской революции, участник Государственного Совещания в Москве, скрепивший публичным рукопожатием с Церетели коалицию буржуазии с соглашательскими социалистами. — 162, 174.

БУХАРИН, Н. И. (р. 1889) — один из виднейших большевиков, крупный теорик марксизма, экономист. На гимназической скамье участвовал в с.-д. кружках, в 1906 году принял участие в работе Московского комитета Р. С.-Д. Р. П. (больш.). В первый раз был арестован в 1909 г., вскоре вновь подвергся аресту и был сослан в Архангельскую губ., откуда сейчас же бежал. Будучи арестован в 1911 году, судился в Московской судебной палате и, выпущенный под залог, эмигрировал за границу. Работал с Лениным в Кракове, обслуживая заграничный «Социал-Демократ» и петербургскую «Правду». Неоднократно подвергался арестам за границей. Не-

задолго до войны был арестован в Австрии и заключен в крепость. Переселившись в Стокгольм, сотрудничал в «Коммунисте», издававшемся в Женеве, и принимал участие в работе шведских левых с.-д. Привлеченный по делу Хеглунда и др., просидел полтора месяца в тюрьме и был приговорен к высылке из пределов Швеции навсегда. По пути в Америку вновь подвергся аресту в Англии. В Америке подвергся новой высылке. Февральская революция открыла ему доступ на родину, однако и здесь, на обратном пути через Японию, Бухарин подвергся аресту в Челябинске со стороны меньшевистских властей «за интернационалистическую агитацию среди солдат». Вернувшись в Москву в апреле 1917 г., Бухарин вошел в состав Московского комитета, московского областного бюро и редакции «Социал-Демократа». На VI съезде Р. С.-Д. Р. П., в июле 1917 г., был избран в Ц. К., в котором состоит до настоящего времени. Во время дискуссии о Брестском мире и последующих споров, вместе с К. Радеком и Осинским, Бухарин стоял во главе «левых». Издавал журнал «Коммунист». После Ноябрьской революции в Германии признал свою ошибку. В дискуссии 1921 г. занимал «буферную» позицию. Редактор «Правды» со времени ее перевода в Москву в 1918 г., член Политбюро, член всех Исполкомов Коминтерна. — **80, 297, 311, 312, 314 — 316.**

БЬЮКЕНЕН, ДЖОРДЖ (1854 — 1924) — посол Англии в России с 1910 по 1918 г., в качестве представителя союзной державы оказывал сильнейшее влияние на русскую политику, диктуя волю английских империалистов. Октябристско-кадетская буржуазия усиленно искала у него поддержки и покровительства. В февральские дни 1917 г. Гучков и Милюков действовали по соглашению с Бьюкененом. Во время корниловского похода на Петроград (август 1917 года) английские броневики были в составе дикой дивизии. По настоянию Бьюкенена Керенским был издан закон, устанавливающий тяжелую ответственность печати за оскорбление союзных держав и их представителей. На основании этого закона был привлечен к суду орган Московского комитета Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) «Социал-Демократ», установивший содействие Бьюкенена генералу Корнилову. Октябрьская революция аннулировала процесс. Неудачное наступление на фронте летом 1917 года было предпринято Керенским под давлением Бьюкенена и других союзных послов. — **207, 322.**

В.

ВАНДЕРВЕЛЬДЕ, ЭМИЛЬ (р. 1866) — председатель Международного Социалистического Бюро II Интернационала в довоенную эпоху, адвокат, лидер бельгийской социалистической партии и член парламента, крайний ревизионист и оппортунист, в продолжение всей своей политической деятельности проводил идею блока с либералами. В июле 1914 года, на так называемой Брюссельской конференции, созванной Международным Социалистическим Бюро, пытался объединить все группировки в российской социал-демократии против большевиков. С начала войны первый из лидеров II Интернационала вступил в буржуазное министерство, оставался в нем до 1921 года, затем снова был министром в 1925 и 1926 г.г. В 1914 г., будучи министром, обратился с телеграммой, составленной вместе с русским послом князем Кудашевым, к социал-демократической фракции IV Государственной Думы с призывом поддержать войну против «прусского юнкерства». В 1917 г. приезжал вместе с А. Тома и др. социал-патриотами Антанты в Россию для агитации за продолжение войны. В 1922 году вновь приезжал в Москву в качестве защитника членов Ц. К. партии эс-эров в Верховном Трибунале. Главные работы: «Профессиональные союзы ремесленников и рабочих Бельгии», «Социалистические этюды», «Trois aspects de la rèvolution russe 7 Mai — 25 Juin 1917». — **369, 400, 402, 453.**

*

ВЕЙДЕМЕЙЕР, ИОСИФ (1818 — 1866) — участник Германской революции 1848 г., после поражения которой вынужден был бежать. Был близок к К. Марксу, состоял членом «Союза Коммунистов». Переселившись в 1851 г. в Соединенные Штаты, принимал активное участие в американском рабочем движении. В издававшемся им журнале «Revolution» Маркс поместил свою работу «18 брюмера». Принимал участие в гражданской войне в Северо-Американских Соединенных Штатах. — 391.

ВЕРХОВСКИЙ, А. И. — полковник старой армии, летом 1917 г. командующий войсками Московского военного округа, позднее военный министр Временного Правительства последнего состава. За несколько дней до Октябрьского восстания вынужден был выйти в отставку, так как вместе с морским министром адмиралом Вердеревским доложил Предпарламенту, что русская армия воевать дольше не может и поэтому необходимо заключение мира. В настоящее время работает в Красной армии, состоя преподавателем ее высших учебных заведений. — 362.

ВИЛЬГЕЛЬМ II (р. 1859) — прусский король и германский император (1888 — 1918). 9 ноября 1918 г. принужден был отречься от престола, находится в настоящее время в Голландии. — 322, 339, 343.

ВИХЛЯЕВ, П. А. (1869 — 1928) — земский статистик, член партии социалистов-революционеров, товарищ министра земледелия в первом коалиционном кабинете Временного правительства, позднее профессор Московского университета. — 346.

ВОИНОВ, И. А. — рабочий, большевик, сотрудник и экспедитор «Правды». 19 (6) июля 1917 г. убит на Шпалерной казаками и юнкерами за попытку распространения «Правды». — 36, 44, 57.

ВОЛОДАРСКИЙ, В. (1891 — 1918) — в ранние годы бундист, потом — меньшевик. В 1911 г. был сослан в Архангельскую губ., откуда в 1913 г. эмигрировал в Северную Америку, где вступил в американскую социалистическую партию. Во время войны — интернационалист. После Февральской революции вернулся в Россию и после короткого пребывания у межрайонцев примкнул к большевикам. Очень быстро получил широкую известность среди рабочих, как пламенный агитатор. Член П. К., член В.Ц.И.К. После отъезда правительства из Петрограда был назначен петроградским комиссаром печати, пропаганды и агитации. Снискал на этом посту озлобленную ненависть всех врагов советской власти. В июне 1918 г. убит социалистами-революционерами. — 116, 120.

В—СКИЙ — см. **ВОЛОДАРСКИЙ, В.**

ВЭББЫ (УЭББЫ) — см. **УЭББ, СИДНЕЙ** и **УЭББ, БЕАТРИСА.**

Г.

ГАГАРИН — генерал царской армии, активно поддерживавший выступление Корнилова. — 145, 222.

ГАЙНДМАН, Г. (1842 — 1922) — один из основателей с.-д. федерации в Англии, затем лидер британской социалистической партии (1911 г.). Гайндман был председателем Международного соц. конгресса в Лондоне в 1896 г., членом М. С. Б. (1900 — 1910). Большим влиянием на английское рабочее движение он не пользовался. В начале империалистической войны вместе с британской соц. партией Гайндман занял антимилитаристическую позицию, но вскоре стал открытым социал-шовинистом, вследствие чего был исключен из партии, левое крыло которой позже вошло в Коминтерн. — 100, 104, 369.

ГАНЕЦКИЙ, Я. С. (р. 1879) — один из старейших членов социал-демократии Польши и Литвы и член Главного Правления, а после ее раскола — член Краевого Правления. Представитель польской с.-д. на втором, четвертом и пятом съездах Р.С.-Д.Р.П. На последнем вошел в общероссийский Ц. К. Участник Базельского международного конгресса в 1912 г.

После Февральской революции в 1917 г. жил в Стокгольме, поддерживая связь между русскими большевиками и заграничными революционными с.-д. Позднее работал в Наркоминделе. В настоящее время член коллегии Наркомторга СССР. — 11, 12, 18, 29, 46, 47.

ГВОЗДЕВ, К. А. — меньшевик-ликвидатор, рабочий, в годы войны оборонец, председатель рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, созданного российскими промышлениками для распределения военных заказов. Товарищ министра труда в одном из коалиционных кабинетов Временного правительства. В настоящее время работает в НКПС. — 237, 259, 346.

ГЕГЕЛЬ, Г. (1770 — 1831) — знаменитый немецкий философ-идеалист. Диалектический метод гегелевской философии оказал громадное влияние на выработку миросозерцания Маркса, давшего диалектике материалистическое обоснование. Философия Гегеля пользовалась в свое время большим успехом и имела много последователей в Германии и России. В настоящее время вновь возник интерес к философии Гегеля. — 372.

ГЕНДЕРСОН, АРТУР (р. 1863) — трэд-юнионист, один из вождей Британской Рабочей партии, член парламента, деятель II Интернационала. Во время империалистской войны входил в коалиционное (консерваторы и либералы) министерство Ллойд-Джорджа; в 1917 г. был принужден, однако, выйти в отставку, так как высказался за созыв социалистической (II Интернационала) конференции в Стокгольме, имевшей целью подготовить открытие мирных переговоров воюющих держав путем соглашения, чем вызвал недовольство английской буржуазии, жаждавшей «полной победы». Министр внутренних дел в кабинете Макдональда в 1924 г. — 104, 400.

ГЕССЕН, И. В. (р. 1866) — присяжный поверенный, один из лидеров кадетской партии, редактор газеты «Речь» и журнала «Право», член II Госуд. Думы от Петербурга. После Октябрьской революции эмигрировал за границу и издавал газету «Руль» и журнал «Архив Русс. Революции». — 94, 95.

ГИЛЬФЕРДИНГ, РУДОЛЬФ (р. 1877) — немецкий с.-д., экономист, автор книги «Финансовый Капитал», позднее один из лидеров германской независимой с.-д. партии, примыкавшей к $2^1/_2$ Интернационалу и в 1922 г. объединившейся с шейдемановцами в лоне II Интернационала. Министр финансов в первом коалиционном министерстве Штреземана в 1923 г. — 308.

ГИНДЕНБУРГ (ФОН-БЕНКЕНДОРФ), ПАУЛЬ (р. 1847) — главнокоманд. германской армией во второй половине империалистической войны», «герой» Вост. Пруссии и Балкан. Имя Гинденбурга является синонимом германского империализма. С 1924 г. — президент Герм. республики. — 29, 179.

ГРАВ, Ж. — французский анархист-коммунист, последователь Кропоткина и Э. Реклю, антипарламентарист, сторонник всеобщей стачки и террора (с оговорками). Отстаивал революционный переворот в интернациональном масштабе. В годы войны превратился в анархо-патриота и защитника Французской республики. — 348.

ГУЧКОВ, А. И. (р. 1862) — крупный московский домовладелец и промышленник; доброволец в Бурскую войну и участник восстания македонских четников; состоял на Дальнем Востоке при Красном Кресте во время Русско-японской войны; основатель «Союза 17 октября» (в 1905 году); представитель реакционных кругов крупной буржуазии, вдохновитель третье-июньского блока; председатель III Государственной Думы; во время империалистской войны председатель Центрального военно-промышленного комитета; в первом Временном правительстве в 1917 г. — военный и морской министр, аннексионист и сторонник «войны до победного конца», отстаивал восстановление в армии железной дисциплины. Ушел в отставку в мае 1917 г., поддерживал все контр-революционные движения в 1917 — 1921 г.г. Эмигрировал в Берлин. — 74, 204, 205, 218, 226, 358.

ГЭ, АЛЕКСАНДР — русск. анархист-коммунист, сторонник сов. власти, состоял членом В. Ц. И. К., казнен белыми на Кавказе в 1918 г. — 438.

ГЭД, Ж. (1845 — 1922) — основатель и многолетний руководитель марксистского рабочего движения и марксистской рабочей партии во Франции. Основатель первой марксистской газеты во Франции. В 1881 г. вместе с Марксом и Энгельсом выработал программу французской социалистической партии. Как внутри партии, так и на международной арене вел борьбу как с анархо-синдикалистскими и прудонистскими, так и с оппортунистическими, поссибилистскими, бернштейнианскими течениями и группами, отстаивая в теории и тактике принципы ортодоксального марксизма. Особо жестокую борьбу пришлось вести Гэду против жоресовской политики блоков и соглашений с буржуазией. В частности, Гэду принадлежит заслуга широкой революционной кампании в связи со вхождением социалистов в буржуазное министерство («мильеранизм»). В объединенной социалистической партии Франции (гэдисты объединились с жоресистами после Амстердамского международного конгресса 1904 г.) гэдисты оставались левым, марксистским крылом, продолжая идейную борьбу с оппортунизмом. С начала империалистской войны Гэд резко изменил революционному прошлому, не устоял перед «патриотическими» настроениями, пошел на «священный союз» с буржуазией и вошел в буржуазное правительство национальной обороны. — **104, 369.**

Д.

ДАВИД, ЭДУАРД (р. 1863) — немецкий социал-демократ, экономист, бернштейнианец. После Франкфуртского съезда (1894 г.) вошел в образованную съездом комиссию по выработке аграрной программы с проектом, обещавшим крестьянству обеспечение и упрочение мелкой частной собственности при капитализме; Бреславский съезд 1895 г. отверг этот проект. В 1903 г. выпустил исследование «Социализм и сельское хозяйство», где пытался доказать несостоятельность экономического учения Маркса в области сельского хозяйства. С 1903 г. — член рейхстага. В годы империалистической войны крайний социал-шовинист; после революции 1918 г. вошел в первое коалиционное правительство Германской республики, в 1919—1920 г. г.—министр без портфеля. Один из виднейших представителей ревизионизма, проделавший типичную эволюцию от якобы «научных» поправок к теории Маркса к прямой борьбе с революционным пролетариатом в союзе с буржуазией. — **369, 400, 453.**

ДАН, Ф. И. (псевдоним Ф. И. ГУРВИЧА) (р. 1871) — врач, в половине девяностых годов работал в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Был сослан на три года в Вятскую губернию. По окончании ссылки принимал участие в русской и заграничной с.-д. работе. В 1902 г. в качестве агента «Искры» участвовал в конференции в Белостоке, имевшей целью подготовку II съезда Р. С.-Д. Р. П., после которой был арестован и сослан в Восточную Сибирь, откуда эмигрировал за границу. Революция 1905 г. дала ему возможность вернуться в Россию. Участник партийных съездов 1906 и 1907 г.г. и ряда конференций. Один из вождей меньшевизма. Публицист и редактор ряда меньшевистских изданий. Бессменный член меньшевистских О. К. и Ц. К. В годы реакции поддерживал ликвидаторов, во время войны при царизме—«пацифист» и «умеренный» интернационалист («центрист»), после Февраля—«революционный» оборонец и соглашатель, после Октября — деятельный противник коммунистической партии и советской власти во имя буржуазной демократии. В настоящее время эмигрант, член II Интернационала. — **36, 42, 60, 84, 85, 94, 95, 126, 211—214, 216, 218, 240, 258, 273, 293, 338, 341, 342, 345, 348, 355.**

ДАНТОН, ЖОРЖ (1759—1794) — один из вождей и организаторов Великой французской революции. 17 июня 1791 г. Дантон выступил в качестве республиканца, призывая народ на Марсово поле подписывать петицию

о низложении короля. Председатель клуба якобинцев в первый его период и видный деятель Парижской коммуны. Принимал энергичное участие в низвержении короля и взятии Тюльери (10 августа 1791 г.). Позднее член правительства в качестве министра юстиции и депутат Конвента от Парижа. Вместе с Робеспьером стоял во главе «горы» и боролся с жирондой. Один из вдохновителей обороны революции, блестящий и страстный оратор, пользовавшийся огромной популярностью в массах. Период его наибольшего влияния с апреля по сентябрь 1793 года. В 1793 г. образовал более умеренную группу, боровшуюся против диктатуры Робеспьера и Комитета Общественного спасения. В 1794 г. Дантон, по требованию Робеспьера, был предан Конвентом суду революционного трибунала и казнен. — 281, 320.

ДРЕЙФУС, АЛЬФРЕД (р. 1859) — офицер французского генерального штаба, еврей, невинно осужденный в 1894 г. военным судом по ложному обвинению в государственной измене и приговоренный к вечному одиночному заключению. Дрейфус был осужден под давлением генерального штаба, руководимого монархистами, клерикалами и антисемитами, заинтересованными в том, чтобы скрыть действительных виновников выдачи военных тайн Германии,—офицеров, принадлежавших к наиболее реакционным слоям французской армии, и нанести заодно моральный удар республиканскому режиму, дающему евреям право занимать офицерские посты во французской армии. Когда осенью 1897 г. социалисты и наиболее прогрессивные элементы буржуазной демократии подняли кампанию за пересмотр дела Дрейфуса, вопрос о нем сразу же приобрел ярко политический характер, поскольку под лозунгом «за и против пересмотра» шла на самом деле борьба сторонников республики с монархистами, предпринявшими несколько попыток военного переворота, и вызвал громадное возбуждение в стране, сопровождавшееся массовыми демонстрациями, ожесточенной полемикой прессы и т. д. Под давлением общественного мнения Дрейфус в 1899 г. был помилован и освобожден. — 17, 31, 40.

ДУБАСОВ—беспартийный офицер, фронтовик. — 293.

ДЮРИНГ, Е. (1833—1901)—немецкий экономист и философ, ярый противник Маркса и научного социализма, пытался создать свою собственную «философию действительности», «социалитарную теорию», в области политической экономии повторяя положение Кэри о возрастающей доле рабочего класса в распределении по мере общественного прогресса и примирении классового антагонизма в процессе производства. Эклектик, провозгласивший себя «обновителем наук» и «объединителем истины», пользовавшийся, однако, большой, но кратковременной популярностью в Германии. Уничтожающую критику взглядов Дюринга дали Маркс и Энгельс в книге «Анти-Дюринг». Из сочинений Дюринга на русском языке известна «Ценность жизни». — 380, 382.

Е.

ЕРМОЛЕНКО, Д., военный шпион, зауряд-прапорщик, служил в 1900 г. во Владивостокской полиции. Позднее судился Иркутской судебной палатой за должностное преступление, но был оправдан. Во время японской войны служил добровольцем. По другим данным во время японской войны Ермоленко служил в контр-разведке и оставался на этой службе до 1913 г., когда был уволен в отставку и «по высочайшему повелению» награжден чином зауряд-прапорщика. В 1914 г. вновь поступил на военную службу и, находясь в немецком плену, вел полицейскую слежку в концентрационных лагерях за украинцами и заграничным «Союзом освобождения Украины». Вновь появившись в апреле 1917 г. на русском фронте, он заявил контрразведке, что немецкий генеральный штаб перебросил его через фронт, снабдив деньгами и поручив вести «пораженческую» агитацию в русской

армии; одновременно Ермоленко сообщил, что такой же агитацией по поручению штаба якобы занимается «живущий во дворце Кшесинской» большевик Ленин. — 10, 11, 17, 29.

ЕФРЕМОВ, И. А. (р. 1867)—член III и IV Государственных Дум от Ставропольской губернии. Член «Союза 17 октября». — 40.

Ж.

ЖОРДАНИА, НОЙ (КОСТРОВ) (р. 1869) — родом гуриец, в 1894 г. привлекался жандармами по обвинению в участии в «Лиге свободы Грузии». Работал в с.-д. кружках в Грузии. В 1901 г. вновь был арестован в Тифлисе и выслан в Елисаветполь, скрылся, перейдя на нелегальное положение, и продолжал работу на Кавказе. Один из старейших с.-д., основатель грузинской с.-д., занимал влиятельное положение среди русских меньшевиков, участник ряда всероссийских партийных съездов. Член I Государственной Думы от Тифлисской губ. и лидер с.-д. думской фракции, привлекался к суду за подписание «Выборгского воззвания». После Октябрьской революции глава меньшевистского правительства Грузии. Ныне за границей продолжает интриги против СССР, опираясь на поддержку различных буржуазных правительств. — 256.

ЖОРЕС, ЖАН (1859—1914)—один из виднейших вождей французского социалистического движения. Первоначально профессор философии в Тулузе, сторонник идеализма в философии, Ж. в процессе постепенной эволюции превратился в социалиста, пытавшегося примирить марксизм с идеалистической философией. В общем стоял на правом фланге французского социализма и в начале XX века поддерживал социалиста Мильерана (нынешнего буржуазного политика), принявшего портфель в радикально-буржуазном кабинете Вальдека-Руссо (1899 г.). Спор, возникший по этому поводу во французской партии между оппортунистами во главе с Гэдом, был разрешен в пользу марксистов на Амстердамском международном социалистическом конгрессе 1904 г. Жорес впервые был избран в парламент в 1885 г. в качестве левого радикала, в 1892 г. он прошел в качестве «независимого социалиста», а с 1902 г. являлся официальным представителем социалистической партии и лидером ее парламентской фракции. В 1897 г. Ж. вместе с Золя и Клемансо принимал руководящее участие в известном деле Дрейфуса, а в 1904 г. основал центральный орган партии «Юманите», который и редактировал до конца своих дней. Ж. был одним из лучших ораторов Европы и весьма искусным парламентарием. Особенно энергично он вел борьбу с милитаризмом, отстаивая идею народной милиции. Был горячим сторонником франко-германского сближения. 1 августа 1914 г., т. е. накануне войны, Ж. был убит шовинистом Виленом. Убийца Жореса был судом оправдан. — 443.

З.

ЗАМЫСЛОВСКИЙ, Г. Г. (р. 1872) — член Государственной Думы III и IV созывов, один из лидеров черносотенцев, активный антисемит, энергично поддерживавший на процессе Бейлиса в качестве гражданского истца обвинение евреев в употреблении христианской крови с ритуальными целями. Бывший прокурор. — 30.

ЗАРУДНЫЙ, А. С. (р. 1864) — петербургский присяжный поверенный, получивший известность своими выступлениями в политических процессах, «трудовик». Министр юстиции во втором коалиционном министерстве Керенского, образовавшемся после июльских дней. Унаследовав после своего предшественника Переверзева начатое им дело против Ленина и большевиков, энергично его продолжал, держа в тюрьме Каменева, Раскольникова, Коллонтай, Луначарского и др. большевиков. Не-

сколько раз отдавал приказы о розыске Ленина и Зиновьева, требуя их явки. — 61, 84, 213, 214.

ЗАСЛАВСКИЙ, Д. О. — меньшевик-ликвидатор в годы реакции, оборонец во время империалистской войны, один из редакторов газеты «День» и сотрудник меньшевистской «Рабочей Газеты» в 1917 г. Ныне работает в советской прессе, фельетонист. — 94, 95, 346.

ЗЕНЗИНОВ, В. М. — член партии социалистов-революционеров; в 1905 г. был одним из руководящих членов Московского Комитета партии с.-р., принимал участие в декабрьском восстании, позднее был тесно связан с боевой террористической организацией; после отставки Центрального Комитета, вызванной раскрытием провокации Азефа, на 5-м Совете партии был избран членом Ц. К. и руководил нелегальной работой в России вплоть до своего ареста в 1910 г. В 1917 г. состоял членом редакции «Дело Народа», центрального органа партии, примыкавшего к черновскому центру. В настоящее время находится за границей и стоит на крайнем правом крыле заграничных эс-эровских организаций, продолжая кампанию против Советской России. — 401.

ЗИНОВЬЕВ, Г. Е. (р. 1883) — вступил в с.-д. организацию в Елисаветграде (Зиновьевске) в 1901 г., после второго съезда и раскола партии присоединился к большевикам. До 1905 г. учился в Бернском университете, продолжая партийную работу. В период первой русской революции возвратился в Петербург, где работал в Василеостровском районе и вскоре был выбран в Петербургский Комитет. После ареста эмигрировал за границу и участвовал в Лондонском съезде, где был избран членом Ц. К. В 1908 г. пытался вести работу в России, но после нового ареста принужден был эмигрировать за границу, где вошел в состав редакции «Пролетария», центрального органа большевиков, и участвовал в «Социал-Демократе». Участник Циммервальдской и Кинтальской конференций. После Февральской революции вместе с Лениным возвратился в Петербург. После Октября был выбран председателем Петроградского Совета. С 1919 по 1926 г.—председатель Исполкома Коммунистического Интернационала. В период подготовки октябрьского восстания и позднее Зиновьев неоднократно обнаруживал колебания; осенью 1917 г. был против восстания, отстаивая против Ленина «демократические» пути развития русской революции; после Октябрьской революции — сторонник коалиционного правительства социалистических партий; в 1923—1924 г.г. решительно выступал против «троцкизма»; в 1925 г. стал во главе «новой» оппозиции; в 1926 г. вступил в блок с Троцким. В своей книге «Ленинизм» Зиновьев подверг пересмотру основные положения ленинизма. В ноябре 1927 г. был исключен из партии. В 1928 г. признал свои ошибки и восстановлен в качестве члена В.К.П.(б). — 19, 30, 32, 40, 45, 332, 335, 350, 351, 353—356.

И.

ИВАНОВ, КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ — имя, под которым скрывался В. И. Ленин в Финляндии в 1917 г.

ИОЛТУХОВСКИЙ, А.—см. СКОРОПИСЬ-ИОЛТУХОВСКИЙ, А.

К.

КАВЕНЬЯК, Л. (1802—1857)—генерал, военный министр временного правительства «Французской республики» после февральской революции 1848 года; в июньские дни, обладая диктаторскими полномочиями, разгромил восстание парижских рабочих. Член Учредительного собрания и президент Совета министров в 1849 г. Кандидат республиканцев в президенты Второй Республики, забаллотированный в пользу Луи Наполеона (Наполеона III). — 26, 35—37.

КАЛЕДИН, А. М. (1861—1918)—генерал, в августе 1917 г. был избран казачьим войсковым кругом наказным атаманом войска Донского. Во время выступления Корнилова пытался оказать ему поддержку выступлением на Дону, но опоздал. После Октября начал гражданскую войну против Советов, был разбит партизанскими отрядами красногвардейцев, по преимуществу сформированными московскими рабочими, и застрелился. Во время борьбы от него откололась часть казаков-фронтовиков, признавших советскую власть. — 89, 90, 125—127, 145, 146, 204.

КАМЕНЕВ, Л. Б. (р. 1883)—в с.-д. организацию вошел в 1901 г., в первый раз был арестован в 1902 г. на студенческой демонстрации в Москве. После раскола партии 1903 г. примкнул к большевикам, последовательно работал в Москве, Тифлисе и Петербурге. Участник третьего и пятого съездов партии. После ареста 1908 г. в Петербурге выехал за границу, где входил в редакцию «Пролетария» (центр. органа большевиков) и участвовал в «Социал-Демократе». В начале 1914 г. был командирован Ц. К. в Россию для руководства работой с.-д. фракции и редакцией «Правды», был арестован на совещании большевистской с.-д. фракции с представителями партийных организаций и вместе с 5 депутатами сослан на поселение в Сибирь, откуда возвратился в Петроград после Февральской революции и вошел в редакцию «Правды». На всероссийской апрельской конференции, на которой он выступал против «тезисов» Ленина, был избран членом Ц. К. Во время июльских дней подвергся аресту со стороны правительства Керенского, осенью 1917 г. был против восстания, отстаивая против Ленина «демократические» пути развития русской революции, после победы Октябрьской революции отстаивал коалиционное министерство из всех социалистических партий, в том числе и большевиков, и вышел из Ц. К. На II Съезде Советов был избран председателем В.Ц.И.К., но через несколько дней сменен Я. М. Свердловым. Председатель Московского Совета в 1918—1926 г.г., позднее заместитель председателя Совета Народных Комиссаров и председатель СТО, был некоторое время полномочным представителем в Италии. Борясь энергично в 1923—1924 г.г. с «троцкизмом», в 1925 г. перешел в оппозицию («новая оппозиция»), в 1926 г. вступил в блок с Троцким. В декабре 1927 г. на XV съезде В.К.П.(б.) был исключен из партии. В 1928 г. признал публично свои ошибки и восстановлен в качестве члена В.К.П.(б.) — 19, 30, 36, 78, 79, 95, 350, 351, 353—355.

КАМЕНЕВ, Ю.—см. **КАМЕНЕВ, Л. Б.**

КАМКОВ, Б. Д. (КАЦ) — член партии социалистов-революционеров, интернационалист, по возвращении из эмиграции в 1917 г. сейчас же встал в оппозицию к официальной эс-эровской партии. После Октябрьской революции часть с.-р. откололась от П. С.-Р., образовала партию «левых социалистов-революционеров-интернационалистов» и вошла в Совет Народных Комиссаров. Камков вместе со Спиридоновой состоял лидером новой партии. В июле 1918 г. Камков, в качестве члена Ц. К., явился одним из инициаторов убийства германского посла графа Мирбаха и лево-эс-эровского восстания в Москве. Однако попытка вызвать войну с Германией не встретила сочувствия масс, и Камков принужден был скрыться, но вскоре был арестован. — 127, 342.

КАТКОВ, М. Н. (1818—1887)—публицист, выразитель дворянско-монархической реакции 60—80-х г.г. В годы студенчества был близок с Белинским, Герценом и Бакуниным. С 1851 г. редактор «Московских Ведомостей», которые сначала велись им в либеральном направлении; с начала 60-х г.г., особенно со времени польского восстания 1863 г., — ярый защитник самодержавия, полицейщины и всяческой реакции, резко выступает против малейших уступок либерализму, интеллигенции, «радикальной кружковщины», против земства, суда присяжных и прочих учреждений, созданных реформами 60-х годов. Катков и его орган пользова-

лись громадным влиянием в среде высшей бюрократии и дворянства в конце царствования Александра II и в царствование Александра III. — 98.

КАУТСКИЙ, К. (р. 1854) — немецкий соц.-демократ, крупнейший из теоретиков марксизма эпохи II Интернационала, экономист, историк. Начал свою научную деятельность под непосредственным руководством Энгельса. С 1887 г.—редактор научного марксистского журнала «Neue Zeit». До войны примыкал к левому крылу марксизма, вел борьбу с ревизионизмом. Еще в 1909 г. в работе «Путь к власти» Каутский оставался на почве революционного марксизма. С началом империалистской войны занимает колеблющуюся позицию между интернационалистами и оборонцами, постепенно скатываясь к реформизму и отказу от прежних своих ортодоксальных взглядов. После Октябрьской революции борется против советской системы, защищая демократию и парламентаризм. О нем см. работу В. И. Ленина 1918 г. «Пролетарская революция и ренегат Каутский». — **101, 305, 370, 373, 376, 388, 392, 400, 405, 415, 422, 441—449, 451, 453.**

КЕРЕНСКИЙ, А. Ф. (р. 1881) — впервые выступил на политическое поприще, подписав в 1905 г. коллективный протест против ареста представителей радикальной интеллигенции, пытавшихся путем переговоров с гр. Витте и кн. Святополк-Мирским предотвратить расстрел 9 января. Будучи присяжным поверенным, приобрел известность в качестве защитника в политических процессах; был избран от гор. Вольска Саратовской губ. в IV Государственную Думу; будучи социалистом-революционером, в Думе примкнул к фракции трудовиков. Социал-патриот с начала войны. После революции, состоя товарищем председателя Петроградского Совета, вопреки решению его Исполкома не давать министров в буржуазное правительство, вошел в состав последнего в качестве министра юстиции. После отставки Гучкова, взял портфель военного и морского министра. По требованию союзных империалистских правительств русскую армию, уставшую и не хотевшую войны, толкнул в июньское наступление, кончившееся полнейшей неудачей. После подавления военной силой июльского движения петроградского пролетариата, становится в качестве премьера во главе ряда коалиционных министерств, сменявших друг друга с калейдоскопической быстротой. После неудачного похода на Петроград генерала Корнилова, становится главковерхом. В качестве министра, а затем премьера и главковерха, проводит соглашательскую политику, скатываясь от революции к контр-революции и бонапартизму. Октябрьская революция смела коалиционное правительство Керенского. Его попытка вновь опереться на фронт и поход на Петроград окончилась поражением в Гатчине и бегством Керенского. После Октября Керенский эмигрировал за границу. — **11—13, 25, 26, 36, 40, 42, 47, 58, 60, 62, 71, 72, 74, 75, 89, 90, 116, 119, 122, 124, 126, 136, 139, 140, 145—147, 150, 167, 169—171, 174, 181—183, 187, 192—194, 196, 205, 208, 210—214, 218, 219, 222, 224, 229—231, 237—241, 254, 255, 271—274, 278, 282, 284—288, 290—292, 294, 322—325, 330, 337, 338, 340—342, 345, 346, 352, 355, 360, 362, 377, 420.**

КИШКИН, Н. М. (р. 1864) — врач, один из руководителей к.-д. партии. Летом 1917 г. был выбран буржуазным «Комитетом общественных организаций» комиссаром Москвы. Вошел в последний состав Временного правительства. Накануне Октябрьской революции был назначен диктатором Петрограда для борьбы с большевиками. Арестован вместе с Временным правительством в Зимнем дворце 7 ноября (25 октября) 1917 г., по освобождении продолжал энергичную контр-революционную работу против советской власти. В 1919 г. был арестован, как один из руководителей «Тактического центра» — Деникинской организации в Москве. В 1921 г. принимал участие в общественных организациях, созданных для борьбы с голодом. В настоящее время работает в Наркомздраве. — **219, 240, 249, 255, 256, 293.**

КЛЕМБОВСКИЙ, В. Н. (р. 1860) — генерал, главнокомандующий Северным фронтом, сторонник Корнилова. В момент корниловского мятежа получил от Временного правительства предложение взять на себя обязанности верховного главнокомандующего. Клембовский отказался под предлогом крайней опасности перемены верховного командования. Во время гражданской войны Клембовский поступил на службу в Красную армию и был расстрелян за измену советской власти. — 139, 145, 222, 292.

КОЗЛОВСКИЙ, М. Ю. (1876—1927)—большевик, ранее входил в с.-д. Польши и Литвы. Присяжный поверенный. В 1917 г. член Исполнительного Комитета Петроградского Совета и В. Ц. И. К. первого состава, председатель Выборгской районной думы. Позднее работал в В.Ч.К., Н.К.Ю. и Малом Совете Народных Комиссаров. Последние годы был вне партии. — 11, 12, 17, 29.

КОЛЛОНТАЙ, А. М. (р. 1872) — первоначально работала у меньшевиков, примыкая к ликвидаторам, принимала участие в рабочем женском движении, читала лекции в партийной школе в Болонье, организованной «впередовцами». С самого начала войны Коллонтай заняла интернационалистскую позицию. Участвовала в парижских изданиях — «Голосе» и «Нашем Слове», органах интернационалистов. Позднее была вынуждена уехать в Америку, где продолжала интернационалистскую агитацию. По возвращении в Россию, после июльских дней 1917 г. была арестована правительством Керенского вместе с другими большевиками, к которым она примкнула еще за границей. В 1921 г. во время дискуссии о профсоюзах была одним из лидеров «рабочей оппозиции». Последовательно состояла полпредом в Норвегии, в Мексике и вновь в Норвегии. — 58.

КОЛЬБ, В. — правый немецкий социал-демократ. — 453.

КОНОВАЛОВ, А. И. (р. 1875) — крупнейший текстильный фабрикант Центрального промышленного района. Член IV Государственной Думы, влиятельнейший член прогрессивного блока. В министерстве Керенского Коновалов был министром торговли и промышленности. 7 ноября (25 октября) был арестован в Зимнем дворце, но вскоре освобожден. В настоящее время находится в эмиграции, работая по объединению бывших фабрикантов и промышленников. — 249.

КОРНЕЛИССЕН — голландский анархист-коммунист синдикалистского типа, один из продолжателей Кропоткина, сторонник материалистического понимания истории, противник парламентаризма. Считал возможным совершить революцию при помощи всеобщей стачки, допускал в переходный период существование революционной армии. Во время империалистической войны примкнул к сторонникам защиты отечества. — 438.

КОРНИЛОВ, Л. Г. (1870 — 1918) — генерал, в 1915 г. командовал одной из русских армий в Галиции; окруженный неприятелем, сдался в австрийский плен, откуда бежал. Весною 1917 г., будучи командующим войсками Петроградского военного округа, отдал приказ двинуть артиллерию против апрельских рабочих демонстраций; принужден был выйти в отставку по требованию Совета. После июльских дней был назначен верховным главнокомандующим русской армии. По требованию Корнилова и поддерживавшего его генералитета Временным правительством была восстановлена на фронте смертная казнь, сведены на-нет права выборных комитетов и предпринята энергичная борьба с большевистскими настроениями в армии. Тысячи солдат были брошены в тюрьмы. В период московского Государственного Совещания Корнилов был кумиром всей буржуазии, как единственный человек, могущий водворить «порядок». В августе 1917 г. с целью установления военной диктатуры начал поход на Петроград, окончившийся для него полной неудачей. Позднее бежал на Дон, где вместе с ген. Алексеевым стал во главе Добровольческой армии, но был разбит Красной гвардией, отступил в степи и в начале 1918 г. был убит в бою под Екатеринодаром. — 60, 77, 116, 119, 122, 126, 135,

137—140, 145, 146, 151, 168, 179, 203, 204, 207, 208, 212, 221, 272, 278, 291, 292, 323, 331, 337, 338, 340, 362.

КРОПОТКИН, П. А. (1842—1921) — теоретик анархизма. Происходит из древнего княжеского рода. Окончив пажеский корпус, поступил на службу в Амурское казачье войско, откуда под видом купца предпринял экспедицию в Китай. По возвращении в Петербург поступил на математический факультет, одно время состоял секретарем Географического общества и занимался исследованием скандинавских ледников. Во время одной из поездок за границу сошелся с бакунистами. Участвовал в кружке чайковцев, в 1874 г. был арестован, но бежал из тюрьмы за границу и поселился в Англии. В 1881 г. был выслан в Швейцарию, в 1883 г. за принадлежность к Международной Ассоциации Рабочих был приговорен к 5 годам тюрьмы, но амнистирован в 1886 г. Поселившись вновь в Лондоне, посвятил себя целиком научной литературной работе. Во время империалистической войны был сторонником антантовской коалиции, выступал на московском Государственном Совещании в 1917 г. После Октябрьской революции — сторонник Советов и пролетарской революции. В своих теоретических работах Кропоткин высказывался против централистической организации общества, отрицал необходимость государства и считал идеалом социализма ассоциацию свободных мелких коопераций производителей. — 438, 452.

КРЫЛЕНКО, Н. В. (р. 1885) — большевик, окончил юридический и историко-филологический факультеты Петербургского университета, был широко известен в студенчестве в 1905—1908 г.г. как лидер студенческого революционного движения; одновременно работал в Петербургской организации большевиков. Позднее поддался синдикалистским настроениям (его книга «В поисках ортодоксии»). Февральская революция застала его на фронте в чине прапорщика. Участник I съезда Советов, в июне 1917 г. был арестован на фронте за большевистскую агитацию. В ноябре 1917 г., после отказа главковерха Духонина подчиниться приказу о начале переговоров о перемирии, был назначен главковерхом. Провел ликвидацию белогвардейщины на фронте в первый период после Октября и выборы командного состава. В настоящее время зам. народного комиссара юстиции и старший помощник прокурора РСФСР. — 289.

КУГЕЛЬМАН, Л. (1828—1902) — по профессии врач-гинеколог в Ганновере, член I Интернационала. Почитатель и корреспондент Карла Маркса в период 1864—1872 г.г. (см. «Письма Маркса к Кугельману». С предисловием Н. Ленина. Гиз. 1920 г.); распространитель первого тома «Капитала». После Гаагского конгресса, куда был избран делегатом, Кугельман охладел к Марксу, считая, что Маркс в качестве политического деятеля губит себя как ученый. — 394.

КУСКОВА, Е. Д. (р. 1869) — политический деятель и публицист. Начала свою общественную деятельность как марксистка. В конце 90-х г.г. принимала участие в «Союзе русск. с.-д. за границей». Затем выступила против идей революционного марксизма, усвоив целиком бернштейнианскую ревизию марксизма. Автор «Credo» («Кредо»). Накануне революции 1905 г. входит в либеральный «Союз Освобождения» и поддерживает «Освобождение» Струве. При образовании партии к.-д. в партию, однако, не входит и основывает с группой единомышленников (Прокопович, Богучарский и др.) журнал «Без Заглавия», который открыто заявляет, что хочет быть органом «последовательных русских бернштейнианцев». Журнал, как и издававшаяся той же группой газета «Товарищ», выступают прямыми противниками классовой политики пролетариата и, критикуя кое в чем слишком умеренную тактику кадетов, на деле поддерживают либерализм в борьбе против пролетарской партии и меньшевиков против большевиков. После поражения революции Кускова принимает участие в кооперативном движении. В революции 1917 года Кускова занимает обще-

либеральную позицию и выступает решительным противником большевиков и советской власти. Ныне в эмиграции, сотрудничает в эмигрантских газетах. Последнее время вместе с Пешехоновым стала во главе так называемого «возвращенства», — движения в пользу возврата в СССР, охватившего мелкобуржуазные круги эмиграции. — **249.**

Л.

ЛАРИН, Ю. (ЛУРЬЕ, М. А.) (р. 1882) — литератор и экономист, старый партийный работник с.-д., неоднократно подвергавшийся аресту и заключению. В 1902 г. был привлечен по делу с.-д. и сослан на 8 лет в Якутскую область, откуда в 1904 г. бежал. После раскола партии примкнул к меньшевикам. В 1905 г. был членом Петербургского комитета Р.С.-Д.Р.П., а с начала 1906 г. — членом Федеративного комитета в Петербурге. На Киевском съезде «Спилки» (украинская соц.-дем. организация) был выбран членом Главного Комитета Спилки. Участвовал от Спилки на Лондонском съезде Р.С.-Д.Р.П. В 1907 г. отстаивал идею созыва «широкого рабочего съезда», являясь автором одного из проектов созыва съезда. В эпоху реакции — ликвидатор. В годы войны примыкал к группе интернационалистов-меньшевиков, возглавляемой Мартовым. После Февральской революции примыкал к левому крылу меньшевиков-интернационалистов, после июльских дней вступил в партию большевиков. После Октября находится все время на ответственных партийных и советских должностях.— **289, 317, 318.**

ЛАССАЛЬ, ФЕРДИНАНД (1825—1864) — один из крупнейших деятелей германского рабочего движения, выдающийся оратор и публицист. В 1848 г. принял участие в революционном движении на Рейне и сотрудничал в руководимой Марксом «Новой Рейнской Газете». Исходя из неверной теории «железного закона заработной платы», не придавал значения экономической борьбе и профессиональной организации пролетариата и главное внимание обращал на завоевание всеобщего избирательного права, которое дало бы рабочим влияние на правительство для получения государственного кредита свободными производительными ассоциациями рабочих, через которые совершился бы постепенный переход к социалистическому строю, вел в этих целях вызвавшие резкий протест со стороны Маркса и Энгельса переговоры с Бисмарком. В 1863 г. основал «Всеобщий Германский Рабочий Союз», долго враждовавший с основанной А. Бебелем и В. Либкнехтом «Социал-демократической рабочей партией», с которою Союз, наконец, слился в 1875 г. в единую «Социалистическую рабочую партию Германии», впоследствии переименованную в «Социал-демократическую партию Германии». — **427, 433, 434.**

ЛЕГИН, К. (1861—1920)—видный деятель германского профессионального движения, социал-демократ, ревизионист, по профессии токарь. В 1890 г. был избран председателем Генеральной Комиссии германских профессиональных союзов, с 1903 г. — секретарь международного объединения професс. союзов и с 1913 г. его председатель. В 1893—1898 г.г. депутат рейхстага и в 1919 г. член Национального собрания. Социал-шовинист в годы войны. — **369, 400.**

ЛЕНИН, В. И. (ЛЕНИН, Н.) —10—13, 19, 29—32, 46, 55, 114, 272, 297, 326, 332, 333, 353, 402, 453.

ЛЕНЧ, П. (р. 1873) — немецкий социал-демократ, до войны — левого направления, сотрудник «Лейпцигской Народной Газеты»; во время войны— социал-империалист, сотрудник ревизионистского «Социалистического Ежемесячника» и парвусовского «Колокола». — **186.**

ЛИБЕР (ГОЛЬДМАН, М. И.) (р. 1880) — бывший учитель, видный деятель Бунда и член его Ц. К. Был несколько раз в ссылке, последний

раз в 1910 г. бежал из Вологодской губернии. Представитель бундовского Ц. К. на общерусских съездах и совещаниях и член общепартийного Ц. К. после Лондонского съезда 1907 г. Меньшевик-ликвидатор. Оборонец в годы войны, сторонник коалиции с буржуазией во время революции. Влиятельный член Ц.И.К. Советов первого созыва. — **85, 126, 211, 213, 214, 216, 240, 258, 293, 338, 341, 342, 345, 348, 355.**

ЛИБКНЕХТ, В. (1826 — 1900) — один из вождей германской социал-демократии, отец Карла Либкнехта, принимал активное участие в революции 1848 г. С наступлением реакции эмигрировал в Швейцарию, а оттуда в Лондон, где сблизился с Марксом и Энгельсом. Возвратившись в 1860 г. по амнистии в Германию, вел упорную борьбу с тактикой Лассаля. По инициативе Либкнехта и Бебеля в 1869 г. основана в Эйзенахе соц.-дем. партия. В 1870 г. за протест против аннексии Эльзас-Лотарингии арестован по обвинению в государственной измене. Вместе с Бебелем вел борьбу против Бисмарка во время господства исключительных законов против социалистов. В 1867 — 1870 — 1888 г.г. — член германского парламента. Виднейший деятель революционного крыла партии, боролся против соглашательских тенденций (Фольмар и др.). Был редактором центрального органа партии «Vorwärts» («Вперед»). — **415, 417.**

ЛИБКНЕХТ, КАРЛ (1871 — 1919) — сын Вильгельма Либкнехта. С самого начала своей политической деятельности примыкал к левому крылу германской с.-д., много отдавал времени работе среди молодежи. На заседании рейхстага 4 августа 1914 г. остался верен Интернационалу, отказавшись голосовать за военные кредиты, в то время как вся с.-д. фракция голосовала за кредиты. Свою борьбу за Интернационал он не ограничил парламентом и перенес ее в массы, призывая рабочих к демонстрациям против войны и к борьбе за социалистическую революцию. Один из основателей революционной с.-д. группы «Спартак». На первомайской демонстрации 1916 г. в Берлине Либкнехт, к тому времени мобилизованный, был арестован и приговорен к двум с половиной годам каторжной тюрьмы, откуда его освободила Ноябрьская революция 1918 г. После победы большевиков в России, Либкнехт, находясь в тюрьме, один из первых в Германии стал на сторону русской революции, призывая рабочих организовать Советы по русскому образцу, и, действительно, организовал их в ноябре 1918 г. Во время восстания берлинских рабочих в январе 1919 г. стоял во главе движения; будучи членом революционного комитета, после его ликвидации был арестован правительством Шейдемана и вместе с Розой Люксембург предательски убит германскими офицерами. Имя К. Либкнехта во время войны стало синонимом социалистической революции и знаменем Коммунистического Интернационала, одним из идейных основателей которого он был. — **100, 103, 235, 321, 340.**

ЛИНДЕ прапорщик, социал-демократ-интернационалист, стоял во главе солдатских демонстраций в апрельские дни 1917 г. Позднее был комиссаром на фронте, где и убит при попытке уговорить солдат идти в бой. — **202.**

ЛОМОВ-ОППОКОВ (р. 1888) (литературный псевдоним — А. ЛОМОВ) — видный большевик, экономист, литератор. Революционную деятельность начал в 1905 г. В годы реакции работал в Москве и Петербурге, некоторое время примыкал к «Впередовцам». Во время войны работал в Саратове. В 1916 г. был сослан в Восточную Сибирь. В 1917 г. работал членом Московского Областного Бюро Ц. К. В 1917 г. — член Ц. К. Принимал активное участие в октябрьском перевороте в Москве. Позднее — левый коммунист. В настоящее время руководитель донецкой угольной промышленности. — **297.**

ЛЮКСЕМБУРГ, РОЗА (1870 — 1919) — участница германского, польского и русского рабочего движения, автор ряда работ по экономическим и др. вопросам. В 1893 г. принимала участие в основании «Социал-демо-

кратии Царства Польского» (позже «С.-д-ии Польши и Литвы»), написала ряд теоретических работ для обоснования польского с.-д. движения. С 1897 г. принимала активнейшее участие в германском с.-д. движении, находясь всегда на левом крыле партии и ведя борьбу с бернштейнианством и его французской разновидностью — мильеранизмом. В 1905 г. работала в Варшаве. Принимала участие в Лондонском съезде Р. С.-Д. Р. П. в 1907 г., где шла вместе с большевистской фракцией. С самого начала империалистской войны заняла интернационалистскую позицию и выпустила вместе с Ф. Мерингом и К. Цеткин один номер журнала «Интернационал». Вошла в основанный К. Либкнехтом «Союз Спартака», написала (в тюрьме) под псевдонимом Юниус брошюру «Кризис социал-демократии», где указала на распад II Интернационала и на необходимость образования III Интернационала. После Ноябрьской 1918 г. революции в Германии развила широкую коммунистическую агитацию, но вскоре была вместе с К. Либкнехтом убита германскими офицерами. Ленин, всегда высоко ценивший Р. Люксембург, посвятил ей, однако, ряд полемических статей, выступая против некоторых ее ошибок, в частности против ее позиции в национальном вопросе. — 448.

ЛЬВОВ, Г. Е., князь (1861 — 1925) — видный общественный деятель, председатель Тульской губ. земской управы. Член кадетской партии. Член Государственной Думы от Тулы. Председатель «Земского союза» во время войны. Премьер-министр Временного правительства с марта по июль 1917 г. Крупный помещик. — 5, 357 — 359.

М.

МАКЛАКОВ, В. А. (р. 1869) — крупный московский адвокат, член II, III и IV Государственных Дум от Москвы, член партии к.-д., примыкавший к ее правому крылу, посол правительства Керенского, а позднее Колчака и Врангеля в Париже. Ныне эмигрант. — 205, 226, 290, 339.

МАКЛИН, ДЖОН (1879 — 1923) — английский социалист, народный учитель в Шотландии, где имел сильное влияние на рабочее движение, руководя его левым крылом. Во время войны был присужден к тюремному заключению за интернационалистскую агитацию. В первые годы Коминтерна примыкал к последнему. — 100, 103, 235, 292.

МАК-МАГОН, М. (1808 — 1893) — маршал Франции и политический деятель. Командовал армией во время франко-прусской войны в 1870 г., потерпел жестокое поражение и принужден был запереться в крепости Седан, где вскоре сдался в плен со всей армией, несмотря на полную возможность дальнейшего сопротивления. Отпущенный пруссаками после перемирия, успел принять деятельное участие в борьбе против Парижской Коммуны. В 1873 г. был избран президентом республики голосами трех монархических партий, господствовавших в палатах III республики, но бессильных сговориться о претенденте на престол. В ноябре того же года его полномочия, как главы государства, были продолжены на семилетний срок. В 1879 г. Мак-Магон вышел в отставку. — 135.

МАРКОВ, Н. Е. (р. 1866) — член «Союза русского народа», член III и IV Государственных Дум и лидер крайних правых. Крупный помещик Курской губернии. Ныне эмигрант. — 30.

МАРКС, КАРЛ (1818 — 1883) — см. его биографию, написанную В. И. Лениным в 1914 г. (XVIII том Сочинений). — 52, 53, 113, 122, 194, 195, 198, 256, 257, 270, 280, 302, 319, 320, 347, 369, 371 — 373, 378, 380, 382 — 388, 390, 392 — 402, 404 — 408, 410 — 411, 413, 414, 418, 419, 421, 425, 427 — 430, 432 — 435, 438, 442 — 446, 448 — 452.

МАРТОВ, Л. (1873 — 1923) — вождь меньшевизма. Участник Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В конце 1900

года вошел в состав редакции газеты «Искра», на II съезде Р. С.-Д. Р. П., в 1903 году, Мартов стал во главе меньшинства. В 1905 г., после манифеста 17 октября, вернулся в Россию, работал в ноябре — декабре в Совете Рабочих Депутатов и в редакции меньшевистской газеты «Начало». В 1906 г. был арестован и выслан за границу. Оттуда продолжал руководить меньшевистской фракцией во время выборов во II Государственную Думу. Вначале колебался в вопросе о предвыборных соглашениях с кадетами, но под влиянием Плеханова стал поддерживать блок с кадетами. В годы реакции редактировал «Голос Социал-Демократа» и поддерживал ликвидаторов. В конце 1913 г. Мартов вернулся в Россию и в качестве редактора «Рабочей Газеты» руководил борьбой правого крыла соц.-демократии против большевиков. Война застала Мартова в рядах меньшевиков-интернационалистов. Он участвовал на Циммервальдской конференции (центр) и входил в редакцию «Нашего Слова», издававшегося в Париже. После Февральской революции Мартов проехал с группой меньшевиков-интернационалистов через Германию в Россию. В первый период революции Мартов стоял на интернационалистской позиции и часто расходился по ряду вопросов с большинством своей партии. На втором съезде Советов отстаивал необходимость образования правительства из представителей всех социалистических партий; остался на съезде после ухода меньшевиков и правых эс-эров. Вскоре, однако, целиком перешел в стан врагов советской власти. В 1920 г. М. эмигрировал в Берлин, где редактировал «Социалистический Вестник», центральный орган меньшевиков. — **56, 81 — 83, 85, 97, 127, 130, 136, 221, 257, 258, 317, 342.**

МАСЛОВ, С. Л. — социалист-революционер правого крыла, деятель кооперации, литератор, народнический специалист по аграрному вопросу. Сменил Чернова в министерстве Керенского в качестве министра земледелия. Социал-патриот и сторонник коалиции с буржуазией. — **357, 358, 360.**

МЕРИНГ, Ф. (1846 — 1919) — историк и журналист, выдающийся представитель революционного марксизма в Германии, сначала буржуазный демократ, затем левый соц.-демократ, потом коммунист. С 90-х г.г., со времени возникновения ревизионизма в Германии, вел резкую борьбу против оппортунизма, был редактором левой «Leipziger Volkszeitung» («Лейпцигская Народная Газета»), вместе с Каутским редактировал «Neue Zeit». Во время империалистской войны примыкал к Циммервальду, один из руководителей спартаковцев. Автор ряда трудов, из которых особенно известна четырехтомная «Geschichte der deutschen Socialdemokratie» («История германской социал-демократии»); затем «Легенда о Лессинге» и др. Издал в четырех томах «Литературное наследство Маркса, Энгельса и Лассаля». — **391.**

МИЛЮКОВ, П. Н. (р. 1859 г.) — лидер к.-д. партии, вождь русского либерализма, бывш. приват-доцент Московского университета. В эпоху I Думы намечался кадетами премьером ответственного министерства. Во время войны — идеолог русских империалистов, сторонник аннексии Дарданелл, Галиции, Восточной Пруссии и Армении, ярый враг интернационализма. Во время Февральской революции отстаивал Романовскую монархию во главе с Михаилом. Во Временном правительстве первого состава Милюков занял пост министра иностранных дел. Его нота 18 апреля 1917 г. о верности Временного правительства договорам Николая II с союзниками вызвала бурный протест рабочих масс (апрельский кризис), и Милюков вынужден был подать в отставку. Идеолог корниловщины в августе 1917 г. После Октябрьской революции — вдохновитель контр-революционных выступлений против Советской России. Сторонник свержения советской власти при помощи иноземных штыков. В дни Скоропадского резко изменил антантовую ориентацию на германскую и искал помощи у кайзера, но германская революция расстроила его планы. После победы советских войск на фронтах гражданской войны Милюков поселился в Париже. Редакти-

рует лево-кадетскую газету «Последние Новости». Стал во главе «демократической группы» кадетской партии. — 22, 30, 32, 55, 60, 91, 95, 113, 119, 167, 187, 204, 205, 207, 209, 218, 226, 346, 358.

МИЛЮТИН, В. П. (р. 1887) — большевик, первоначально работал у меньшевиков, с которыми разорвал еще до войны. На апрельской конференции 1917 г. был избран в Ц. К., принимал участие в «Правде» и других заменивших ее большевистских газетах, после Октябрьской революции вошел в состав Совета Народных Комиссаров в качестве наркома земледелия, после Октября вместе с Рыковым, Ногиным и др. вышел из Совнаркома, позднее состоял заместителем председателя ВСНХ, член Ц. К. К. Литератор и экономист. — 297, 332.

МИЛЬЕРАН, А. (р. 1859) — французский политический деятель, проделавший эволюцию от социализма к решительной защите буржуазии; первый из социалистов, вошедший в буржуазное министерство (1899—1902), где оказался рядом с палачем Коммуны генералом Галифэ. Вхождение Мильерана в буржуазное министерство явилось практической иллюстрацией бернштейнианства и послужило поводом к острой борьбе как в рядах французской Социалистической партии, так и на международной арене. После исключения Мильерана из партии (в 1904 г.), образовал с группой бывших социалистов и будущих буржуазных министров (Бриан, Вивиани) партию «независимых социалистов». Во время войны один из лидеров «Национального блока». В 1920 — 1924 г. президент Французской республики; крайний реакционер, фактический глава французского фашизма. — 443.

М—ИН, В. — см. МИЛЮТИН, В. П.

МИХАЙЛОВСКИЙ, Н. К. (1842 — 1904) — виднейший теоретик народничества, «властитель дум» русской интеллигенции 80 — 90-х г.г., давший ей собственную теорию «исторического процесса». В начале 80-х г.г. примыкал к народовольцам, составляя и редактируя их издания. Был одним из руководителей «Отечественных Записок» в 1869 — 1884 г.г., а с 1894 г. редактировал «Русское Богатство», на страницах которого с самого начала 90-х г.г. и до смерти вел ожесточенную полемику с марксистами. Эс-эры считают Михайловского, на-ряду с П. Л. Лавровым, одним из основоположников их партии. Его полемические статьи против марксистов собраны в 2-х томах под заголовком: «Литературные воспоминания и современная смута» и вошли в VII том его Собр. сочинений. Спб. 1909. — 374.

МОНТЕСКЬЕ, ШАРЛЬ-ЛУИ (1684 — 1755) — французский философ и либеральный политический писатель. В главном своем сочинении «Дух законов» он дает социалистическое объяснение различных общественных учреждений и требует организации правового государства, основанного на разделении властей (законодательной, исполнительной и судебной) и охраны прав личности. Его государственные принципы легли в основу большинства конституций европейских государств и особенно конституции С.-А. Соединенных Штатов. — 407.

Н.

НАПОЛЕОН I (БОНАПАРТ) (1769 — 1821) — император французов (1804—1814). — 95, 190, 422.

НАПОЛЕОН, ЛУИ — см. НАПОЛЕОН III.

НАПОЛЕОН III (1808—1873) — император французский (1852—1870). — 95, 98, 387.

НЕКРАСОВ, Н. В. (р. 1879) — министр путей сообщения в кабинете кн. Львова и в коалиционных кабинетах Керенского, левый кадет, вместе с Терещенко и Керенским составлял «левое» крыло во Временном Правительстве; летом 1917 г. неудачно пытался создать радикально-демократи-

ческую партию, долженствовавшую стать несколько левее дискредитировавших себя кадетов. Будучи министром путей сообщения, обострил конфликт с железнодорожниками, упорно отказывая в удовлетворении справедливого требования повысить заработную плату. В настоящее время работает в Центросоюзе. — 60, 167.

НИКИТИН, А. М. (р. 1876 г.)—присяжный поверенный и юрисконсульт некоторых профессиональных союзов в Москве в эпоху реакции, деятель легальных рабочих «обществ образования» и клубов. Принимал участие в поездке либеральной столичной адвокатуры на Лену после Ленского расстрела. Меньшевик-ликвидатор. Один из с.-д. кандидатов от второй курии (квартиронанимателей) Москвы. Министр в последнем коалиционном министерстве Керенского и член сентябрьской директории (Керенский, Терещенко, Верховский, Никитин и Вердеревский). В настоящее время член коллегии защитников в Москве, одновременно работает в Центросоюзе. — 257, 259, 273, 346.

НИКОЛАЙ II (1868 — 1918) — вступил на престол в 1894 г., свергнут с престола Февральской революцией 1917 г. Казнен в 1918 г. — 50, 68, 70, 75, 131.

П.

ПАЛЬЧИНСКИЙ, П. И. — инженер, организатор капиталистического синдиката «Продуголь», тесно связанный с банковыми кругами; принимал участие в Февральской революции в качестве члена «военной комиссии» Комитета Государственной Думы. Товарищ министра торговли и промышленности в правительстве Керенского, вдохновитель саботажа промышленников. Помощник к.-д. Кишкина, губернатора Петрограда, и начальник обороны Зимнего дворца 7 ноября (25 октября) 1917 г. В 1919 г. Пальчинский был арестован В. Ч. К. по обвинению в контр-революционной деятельности, но освобожден по распоряжению Ленина. В настоящее время работает в советских органах. — 73, 145, 146, 180, 181, 377.

ПАНИНА, С. В. — графиня, член Ц. К. кадетской партии. Товарищ министра в последнем кабинете Керенского. В конце 1917 г. была привлечена к суду Петроградского трибунала за несдачу казенных денег, бывших у нее на руках, и приговорена к общественному порицанию (первый по времени процесс революционного трибунала).—68.

ПАННЕКУК, АНТОН — левый голландский социалист, в 1907 г. был исключен оппортунистами из партии вместе с группой своих единомышленников (Вайнкоп, Роланд-Гольст и др.) и в 1909 г. основал лево-социалистическую газету «Трибуна» («трибунисты»). С образованием Коминтерна примкнул к последнему, но вскоре вышел, покинув политическую деятельность. Профессор астрономии. — 448 — 451.

ПАРВУС—псевдоним А. Л. ГЕЛЬФАНДА (1869—1924)—русский эмигрант в 90-х и начале 900-х годов работавший в германской с.-д-тии, примыкал к ее левому крылу, рядом с Р. Люксембург вел решительную кампанию против Бернштейна и оппортунистических течений в партии вообще. Дал ряд значительных марксистских работ по вопросам мирового хозяйства, аграрного кризиса и т. д. Сотрудничал в «Искре» и «Заре» (под псевдонимом Молотова). После раскола поддерживал меньшевиков, хотя и расходился с ними в ряде тактических вопросов. Выдвинул в применении к русской революции теорию «перманентной революции». В 1905 г. вернулся в Россию и принимал деятельное участие в первой русской революции. Входил в редакцию меньшевистского «Начала». Был сослан и бежал обратно в Германию. В эпоху войны — крайний социал-шовинист и прямой агент германского империализма. — 17, 18, 29, 46.

ПЕРЕВЕРЗЕВ, П. Н. — петербургский адвокат, трудовик, приобревший известность участием в политических процессах, министр юстиции

*

в первом коалиционном министерстве 1917 г. Когда в июльские дни ренегатом Алексинским были сфабрикованы вместе с военной контр-разведкой документы, долженствовавшие скомпрометировать большевиков, Переверзев поспешил их опубликовать, несмотря на то, что колебавшееся Временное правительство взяло обратно свое согласие на их опубликование. Эпизод с подложными документами положил конец политической карьере Переверзева. — 24, 31, 32, 58, 281.

ПЕТРОВСКИЙ, Г. И. (р. 1879)—председатель В.У.Ц.И.К. и Ц.И.К. С.С.С.Р., рабочий, старый большевик, член IV Государственной Думы от рабочей курии Екатеринославской губернии и один из руководителей большевистской части с.-д. думской фракции. В ноябре 1914 г. был арестован на партийном совещании, на котором обсуждалась тактика фракции по отношению к войне, и вместе с другими депутатами-большевиками был сослан на поселение в Сибирь, откуда вернулся после Февральской революции. Член Ц.К. В.К.П. (б). — 289.

ПЕШЕХОНОВ, А. В. (р. 1867 г.) — народник, статистик и публицист. Несколько раз подвергался арестам и высылке. В 1903 г. вошел в состав «Союза Освобождения» и был лидером его левого крыла; вышел из него осенью 1905 г. — во время возникновения партии кадетов. Был одним из организаторов и руководителей партии народных социалистов (с 1906 г.), ее теоретиком по аграрному вопросу. С 1909 г., сотрудничая в журнале «Русское Богатство», вел в нем отдел внутренних обозрений. В 1917 г. был министром продовольствия в правительстве Керенского. После Октября выслан за границу. В настоящее время ведет агитацию среди эмигрантов за возвращение в С.С.С.Р. и возглавляет вместе с Кусковой так называемое «возвращенство». — 112, 141, 145 — 147, 180, 181, 210, 261, 277, 278.

ПИРОГОВ, Н. И. (1810 — 1881) — знаменитый хирург и педагог, крупный общественный деятель, автор ряда медицинских работ. — 98.

ПЛАНСОН, А. А. — петербургский адвокат, народный социалист, член Ц.И.К. первого состава. Оборонец и сторонник коалиционного министерства в 1917 г. Один из руководителей Викжеля — Всероссийского железнодорожного Союза, организации, находившейся в руках соглашателей. — 392.

ПЛЕХАНОВ, Г. В. (1856 — 1918) — крупнейший теоретик марксизма, основатель Группы «Освобождение Труда». Вел в 90-х г.г. энергичную борьбу с бернштейнианством и его отражением на русской почве — «экономизмом». В 900-х г.г. становится одним из редакторов «Искры» и «Зари». После раскола на II съезде партии 1903 г. примкнул первоначально к большевикам, затем к меньшевикам, но вскоре ушел и от них. После поражения декабрьского восстания 1905 г. выступил с пресловутым заявлением: «не надо было браться за оружие». Во время избирательной кампании во II Государственную Думу занимал крайнюю правую позицию среди меньшевиков, неизменно толкал их к блоку с кадетами, выдвинув в противовес Учред. собранию лозунг «полновластная Дума». С нарождением ликвидаторства в борьбе с ним снова сблизился с большевиками. Когда разразилась империалистская война, Плеханов стал во главе наиболее правых оборонцев («Призыв»), продолжал ту же линию после Февральской революции («Единство»). После Октябрьской революции, оставаясь противником советской власти, отказался активно выступать против большевиков. —18, 22, 46, 73, 100, 101, 104, 143, 146, 166, 186, 187, 200, 201, 206, 207, 209, 212, 218, 255, 276 — 278, 291, 350, 389, 393, 400, 405, 441, 442, 453.

ПОЛОВЦЕВ, П. — генерал, командующий войсками Петроградского военного округа летом 1917 г. В июльские дни руководил подавлением движения и разгромом «Правды». — 12, 14, 15, 57, 58.

ПОТРЕСОВ, А. Н. (СТАРОВЕР) (р. 1869) — один из лидеров меньшевизма. В 90-х г.г. примкнул к марксизму, в 1894 — 1896 г.г. содействовал

легальному изданию марксистского сборника «Материалы» (со статьей Ленина-Тулина) и книги Бельтова (Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и сблизился с Петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса»; в 1898 г. сослан в Вятскую губ., откуда сотрудничал в марксистских журналах «Новое Слово» и «Начало». По отбытии ссылки эмигрировал в 1900 г. за границу и вместе с Лениным участвовал в организации «Искры» и «Зари». На II съезде Р.С.-Д.Р.П. (1903 г.) примкнул к меньшевикам и с тех пор оставался одним из виднейших сотрудников и руководителей меньшевистских изданий. После революции 1905 г. оставался в России и играл руководящую роль в легальных меньшевистских органах печати («Наша Заря»). Один из вождей ликвидаторства. В 1908 г. редактировал вместе с Мартовым и Масловым пятитомник «Общественное движение в России в начале XX в.». Во время войны один из наиболее откровенных защитников социал-патриотизма. В 1917 г. играл руководящую роль в буржуазной газете «День», ведшей бешеную кампанию против большевиков. — **143, 146, 166, 201, 206, 207, 209, 212, 346, 369, 453.**

ПРИЛЕЖАЕВ, И. — народник, сотрудник эс-эровской газеты «Дело Народа». — **147.**

ПРОКОПОВИЧ, С. Н. (р. 1871 г.)—экономист и общественный деятель; был некоторое время членом «Союза русских соц.-демократов», крайне правым «экономистом», от соц.-демократии вскоре ушел к либералам и вступил в «Союз Освобождения». В 1906 г. — член Ц.К. кадетской партии, затем занял позицию «левее к.-д.». В 1906 г. издавал радикальный журнальчик «Без Заглавия». В 1917 г.—министр продовольствия в правительстве Керенского. Автор ряда работ по рабочему вопросу с буржуазно-демократической точки зрения: «Рабочее движение на Западе. 1. Германия и Бельгия» (1899), «Рабочее движение в Германии» (переизд. в 1908 г.), «К критике Маркса» (1901), «Аграрный кризис и мероприятия правительства» (1912) и др. В настоящее время эмигрант.— **167, 295.**

ПРУДОН, П. Ж. (1809—1865)—идеолог мелкой буржуазии, французский теоретик анархизма. Видя причину всех зол капиталистического общества в современной товарной форме обмена, в целях реорганизации общественного строя выдвинул утопическую систему, строящую общество на началах мютюализма (взаимности) путем организации дарового кредита и меновых банков, увековечивая мелкую частную собственность. «Нищета философии» К. Маркса посвящена разбору взглядов Прудона. Его главнейшие работы: «Философия нищеты», «Система экономических противоречий», «Что такое собственность» и др. — **310, 405, 406, 414, 442.**

Р.

РАДЕК, К. (р. 1883) — уроженец Галиции. Работал в Польше и Галиции, затем переехал в Германию, где вместе с Р. Люксембург и молодыми с.-д., группировавшимися вокруг бременской «Arbeiterpolitik», стоял на левом крыле германской с.-д., был выслан из Германии. Во время войны в Швейцарии примыкал к Циммервальдской левой. В 1917 г. не был пропущен в Россию Временным правительством и поселился в Стокгольме, где входил в Бюро Ц.К., служившее для сношений русского большевистского Ц.К. с иностранными социалистами, сохранившими верность Интернационалу. В октябре 1917 г. приехал в Петроград и вошел в большевистскую партию. В январе 1919 г. участвовал на съезде «спартаковцев» в Берлине и был арестован правительством Шейдемана. Член Ц.К. В.К.П. в 1919 — 1924 г.г. Позднее один из лидеров Троцкистской оппозиции, вследствие чего на XV съезде В.К.П. в 1927 г. был исключен из партии. — **448.**

РАКИТНИКОВ, Н. И. (р. 1864 г.)—народник, член партии социалистов-революционеров с самого ее основания и член ее Ц.К., литератор и редактор с.-р. газет в России и за границей, оборонец и сторонник коалиции. В 1918 г. во время чехо-словацкого восстания работал в эс-эровских рядах по ту сторону фронта, после разгона Колчаком Уфимской Директории возвратился в Москву, признал советскую власть и принимал участие в организации эс-эровской группы «Народ» левого направления (Ракитников, Святицкий, Вольский и др.). — **36, 346.**

РЕНОДЕЛЬ, ПОЛЬ (р. 1871) — один из вождей французской социалистической партии, член ее Ц.К., редактор центрального органа «Юманитэ» в 1914 — 1918 г.г.; в эпоху войны социал-патриот и социал-пацифист. В настоящее время стоит на правом крыле французской социалистической партии. — **100, 103, 104, 340, 369, 400.**

РОВИО, ГУСТАВ—финский социал-демократ, рабочий, был в сентябре 1917 г. в связи с революционными событиями выдвинут рабочими организациями на пост «красного» полицмейстера в Гельсингфорсе. У него скрывался Ленин после июльских дней. В настоящее время коммунист. — **231, 232.**

РОДБЕРТУС-ЯГЕЦОВ, К. (1805—1875) — крупный прусский землевладелец, экономист, примыкавший к классической школе политической экономии, один из главных теоретиков «государственного» («прусско-юнкерского», как называл Маркс) социализма. Его взгляды изложены и рассмотрены Г. В. Плехановым еще в 80-х годах в «Отечественных Записках» (см. I том его Сочинений). — **302.**

РОДЗЯНКО, М. В. (1859 — 1924) — крупнейший землевладелец, в 900-х г.г. председатель губернской земской управы в Екатеринославе; монархист, стоявший на крайне-правом фланге земского движения. Вошел в IV Государственную Думу как член партии октябристов, целиком поддерживал политику Столыпина и был избран председателем Думы после ухода с этого поста А. Гучкова, во время войны играет крупную роль во главе буржуазно-помещичьего блока, направленного к поддержке войны и доведении ее до «победного конца», ведет борьбу с революционным движением. В момент Февральской революции ради спасения династии и продолжения войны становится во главе Исполнительного Комитета Государственной Думы. В эпоху Керенского выступает как организатор буржуазной контр-революции. После Октябрьской революции эмигрировал за границу. — **119, 212, 213, 292, 338, 339, 341 — 343, 346, 351, 352, 355.**

РОЛОВИЧ — член Центрального продовольственного комитета в 1917 г., представитель интересов частного капитала. — **181, 182.**

РУБАНОВИЧ, И. А. (1860—1920) — принимал деятельное участие в народовольческом движении, после разгрома «Народной Воли» эмигрировал за границу, в 1893 г. вошел в парижскую «Группу старых народовольцев». С образованием партии социалистов-революционеров примкнул к ней, являясь официальным представителем партии за границей. С января 1904 г. по декабрь 1909 г. редактировал издававшийся в Париже партией на французском языке журнал, член Международного Социалистического Бюро от с.-р. В годы войны — социал-патриот и соглашатель. Был приват-доцентом Сорбонны, университета в Париже. — **369.**

РУСАНОВ, Н. С. (р. 1859) (псевдонимы **ТАРАСОВ, КУДРИН**) — литератор, автор ряда популярных книг и брошюр, в молодости народоволец, позднее принимал участие в основании партии социалистов-революционеров. Много лет провел в эмиграции, в 1893 г. в Париже организовал «Группу старых народовольцев», вошедшую позднее в организацию социалистов-революционеров, в 1901 г. редактировал в Париже «Вестник Русской Революции» и др. народнические издания, позднее имел близкое отношение к заграничной «Революционной России», центральному органу партии соц.-рев.; одновременно сотрудничал в «Русском Богатстве», журнале, основанном Михайловским; в 1917 г. в Петрограде входил вместе с Черновым

и др. в редакционную коллегию «Дела Народа», центральный орган социалистов-революционеров после Февральской революции. В настоящее время эмигрант. — 401.

РЯБУШИНСКИЙ, П. П. — крупнейший московский капиталист и банкир, на II всероссийском съезде промышленников летом 1917 г. призывавший «костлявую руку голода» для усмирения революционных рабочих. В настоящее время проживает в Париже, участвуя в «Союзе русских промышленников» и продолжая контр-революционную деятельность. — 162, 204, 205, 207, 226, 346.

РЯЗАНОВ, Д. Б. (р. 1870.) — старейший русский социал-демократ, организовал в первой половине 90-х годов рабочие кружки в Одессе, после 5-летнего заключения в «Крестах» эмигрировал за границу, где примкнул к революционному крылу социал-демократии, стоя обычно несколько особняком от основных русских с.-д. группировок. Участник заграничной с.-д. группы «Борьба» в начале 900-х годов. Во время первой революции одно время работал в Одессе, затем был организатором и руководителем профессиональных союзов в Петербурге. Вынужден был вторично эмигрировать за границу, где уделял большую часть своего времени заграничному с.-д. движению и работе по изданию сочинений Маркса и Энгельса, а также по истории Интернационала. Участник многих русских и немецких партийных изданий. Интернационалист с самого начала войны. После Февральской революции возвратился в Россию и принимал участие как агитатор в подготовке Октябрьской революции. Организатор Социалистической (ныне — Коммунистической) Академии и Института К. Маркса и Фр. Энгельса в Москве. Член Ц.И.К. и В.Ц.И.К. — 348.

С.

САВИНКОВ, Б. В. (1879—1925) — видный деятель партии социалистов-революционеров. Революционную деятельность начал как социал-демократ. В 1901 г. входил в группу пропагандистов Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и после ареста был выслан в Вологду. Во время пребывания в ссылке из марксиста превратился в народника и примкнул к социалистам-революционерам, войдя в 1903 г. в состав «Боевой организации» П.С.-Р. Принимал ближайшее участие в убийстве министра Плеве (1904 г.) и вел. князя Сергея Романова (1905 г.). По своей террористической работе был близко связан с известным провокатором Азефом. Деятельность Савинкова всегда, даже в пору его искреннего увлечения революцией, носила в себе много элементов спорта и авантюризма. В годы реакции занялся беллетристикой (псевдоним В. Ропшин) и написал несколько романов из жизни революции, проникнутых мистицизмом и разочарованием в революционном движении. Во время войны — оборонец, пошел добровольцем во французскую армию, корреспондировал в патриотические газеты. Летом 1917 г. — комиссар при ставке, помощник военного министра (Керенского), играл роль посредника между Керенским и Корниловым по подготовке контр-революционного переворота и энергично содействовал Корнилову. После Октябрьской революции — активный враг Советской власти, организатор белогвардейских заговоров и восстаний, эмигрант, в 1924 г. арестован при переходе границы СССР. На суде отказался от борьбы с советской властью. Приговорен к лишению свободы на 10 лет. В 1925 г. покончил самоубийством. — 60, 212.

САМБА, МАРСЕЛЬ (1862 — 1922) — член французской социалистической партии, социал-шовинист, депутат и министр в период империалистической войны. Масон. — 400, 402.

СКОБЕЛЕВ, М. И. (р. 1885) — с.-д. меньшевик, был выбран в IV Государственную Думу от г. Баку. Товарищ председателя Исполнительного

Комитета Петроградского Совета Р. и С. Д. 19 (6) мая 1917 г. вошел в первое коалиционное министерство Временного правительства в качестве министра труда. Сторонник коалиции с буржуазией и оборонец. После Октябрьской революции эмигрировал за границу, однако, вскоре эволюционировал влево. Некоторое время состоял представителем Центросоюза в Париже и Брюсселе. В настоящее время работает в Концессионном комитете РСФСР. Член В.К.П. (б)—**73, 74, 79, 89, 90, 103—105, 110, 126, 169, 180, 377, 401.**

СКОРОПИСЬ-ИОЛТУХОВСКИЙ, А.—украинский националист, руководитель «Союза освобождения Украины», буржуазно-националистической организации, по поручению германского военного штаба занимавшейся пропагандой среди украинцев русской армии, находившихся в германских концентрационных лагерях.—**10, 114.**

СМИЛГА, И. Т. (р. 1892)—в латышское с.-д. движение вошел в 1907 г., два раза отбывал ссылку. На апрельской конференции большевиков в 1917 г. был избран членом Ц.К. Во время гражданской войны работал на фронтах и состоял членом Реввоенсовета Республики. Позднее перешел на работу в ВСНХ и др. экономические органы. Один из лидеров троцкистской оппозиции. В декабре 1927 г. на XV съезде В.К.П. (б.) исключен из партии.—**229.**

СМИРНОВ, В. М.—в 1917 г. работал в Москве, один из редакторов московского «Социал-Демократа», член Военно-Революционного Комитета Московского Совета в октябрьские дни; участник гражданской войны на Восточном фронте. Позднее работал в экономических органах. «Левый коммунист» в 1918 г., позднее примыкал к оппозиционной группе «демократического централизма», с 1923 г. участник троцкистской оппозиции; в 1926 г., порвав с троцкистами, образовал вместе с Сапроновым новую оппозиционную группу, выпустившую так называемую «платформу 15-ти». В декабре 1927 г. на XV съезде В.К.П. (б.) исключен из партии.—**297, 311, 312, 314.**

СМИТ, М.—см. **ФАЛЬКНЕР, М. Н.**

СОКОЛЬНИКОВ, В.—см. **СОКОЛЬНИКОВ, Г. Я.**

СОКОЛЬНИКОВ, Г. Я. (р. 1888) (литер. псевдоним **В. СОКОЛЬНИКОВ**)—видный большевик. С 1905 по 1907 г. работал в Московской организации. В 1909 г. эмигрировал за границу. В годы войны—интернационалист. После Февральской революции нес партийную работу в Моск. областном бюро Р. С.-Д. Р. П. (больш.) и в Московском Совете, затем в Петрограде, редактировал «Правду» и др. газеты, заменившие ее после июльских дней; состоял председателем советской делегации в Бресте в марте 1918 г. и подписал Брестский договор; во время гражданской войны работал на фронтах в качестве одного из ответственнейших военных работников; состоял народным комиссаром финансов СССР; неоднократно избирался в Ц.К. В 1925 г. на XIV съезде примыкал к «новой» оппозиции, но вскоре от нее отошел.—**297—310.**

СПЕНСЕР, Г. (1820—1903)—английский буржуазный философ и социолог, в своих сочинениях («Система синтетической философии» и «Основания социологии») давший обоснование эволюционной точке зрения в философии и социологии, пытавшийся перенести на явления общественного порядка законы развития организмов. Был противником социализма, считая его величайшим несчастьем, какое когда-либо знал мир. Взгляды Спенсера пользовались широким распространением среди русской интеллигенции в 70—90-х годах прошлого столетия.—**374.**

СПИРИДОНОВА, М. А. (р. 1889)—член партии социалистов-революционеров; в 1906 г. по постановлению Тамбовского комитета П.С.-Р. убила усмирителя крестьянского движения в Тамбовской губернии Луженовского. Будучи арестованной, подверглась диким насилиям и истязаниям. От последующей долголетней каторги (Акатуй) освободила Спиридонову Фе-

ральская революция 1917 г. Спиридонова вскоре стала во главе лево-эс-эровских интернационалистов, а затем и во главе партии левых социалистов-революционеров. В Учредительном собрании ее кандидатура на пост председателя, выдвинутая против Чернова, кандидата правых эс-эров, кадетов и меньшевиков, получила свыше трети общего числа голосов. За Спиридонову голосовали большевики и левые эс-эры. После разрыва левых эс-эров с большевиками по поводу Брестского мира Спиридонова вела подготовку лево-эс-эровского мятежа 18 (5) — 19 (6) июля 1918 г. Будучи арестованной и помилованной декретом В.Ц.И.К. после ноябрьской революции в Германии, продолжала поддерживать активистскую по отношению к советской власти политику партии. — 21, 127, 136, 221.

СТАЛИН, И. В. (ДЖУГАШВИЛИ) (р. 1879) — крупнейший деятель партии большевиков, сын рабочего обувной фабрики в Тифлисе. В 1897 г., еще учеником, принимал участие в марксистских кружках; позднее, войдя в нелегальную с.-д. организацию, вел энергичную пропаганду среди рабочих. С созданием в 1900 г. Тифлисского комитета Р. С.-Д. Р. П. Сталин становится одним из его руководящих членов; после обыска переходит на нелегальное положение и продолжает работу в качестве профессионального революционера. В 1901 г. Сталин переехал в Батум, где руководил рядом забастовок, но вскоре (в 1902 г.) был арестован и, после полуторагодичного тюремного заключения, выслан в Восточную Сибирь, откуда вскоре бежал. По возвращении из Сибири вел работу в качестве члена Закавказского союзного комитета. С самого начала партийного раскола Сталин становится во главе закавказских большевиков, руководя изданием нелегального органа «Борьба пролетариата» и участвуя в подготовке III съезда партии. В конце 1905 г. Сталин принимал участие в большевистской конференции в Таммерфорсе; был делегатом Стокгольмского и Лондонского съездов партии. В 1907 г. Сталин перешел на работу в Баку; благодаря его энергичной деятельности Бакинская организация, находившаяся под сильным влиянием меньшевиков, была превращена в опору большевизма в Закавказьи. После двух арестов и ссылок в 1908 и 1910 г.г. Ц. К. перевел Сталина на работу в Петербург; на этой работе Сталин оставался в течение двух лет, несмотря на новые аресты и высылки. В 1912 г. на Пражской конференции Сталин был заочно выбран в Ц. К. В 1912—1913 г.г. Сталин произвел ряд объездов важнейших районов и участвовал в руководстве легальными газетами «Звезда» и «Правда» и в работе большевистской фракции Государственной Думы. В 1913 г. Сталин был вновь арестован и сослан в Туруханский край, откуда вернулся после Февральской революции. На апрельской всероссийской конференции 1917 г., когда обнаружились в партии два течения, Сталин решительно поддерживал Ленина. С образованием в мае 1917 г. Политбюро Сталин вошел в его состав и остается бессменным членом Политбюро до настоящего времени. После перехода Ленина в июле 1917 г. на нелегальное положение Сталин являлся фактическим руководителем центрального органа партии и, вместе с Свердловым, был одним из руководителей VI съезда партии. В Октябрьские дни Ц. К. избрал Сталина членом «пятерки» и «семерки» — руководящих органов восстания. После победы пролетарской революции Сталин состоял народным комиссаром национальностей (1917 — 1922) и Рабоче-Крестьянской Инспекции (1919 — 1922). Период гражданской войны Сталин провел по преимуществу на фронтах (оборона Царицына, Пермь, Северо-Западный фронт, Южный фронт, Польский и Врангелевский). С 1920 по 1923 г. Сталин состоял членом Реввоенсовета Республики; с 1922 г. — генеральный секретарь Ц. К., с 1925 г. — член президиума Исполкома Коминтерна. Автор ряда работ: «Марксизм и национальный вопрос», «На путях к Октябрю», «О Ленине и ленинизме», «Вопросы ленинизма». — 9, 10.

СТАРОСТИН, П. И. — большевик, член Ц. И. К. Советов первого созыва. — 79.

СТАУНИНГ, ТОРВАЛЬД (р. 1873) — председатель с.-д. фракции датского рейхстага, лидер партии, реформист, с начала империалистской войны вошел в министерство, придерживался германской ориентации, после войны был премьер-министром. — **102 — 105, 400, 453.**

СТРУВЕ, П. Б. (р. 1870) — в 90-х годах с.-д., автор «Манифеста Р. С.-Д. Р. П.», выпущенного по постановлению I съезда партии, участник Международного социалистического конгресса в Лондоне в 1896 году. Наиболее видный представитель «легального марксизма» 90-х г.г. Участник и редактор легальных марксистских журналов («Новое Слово», «Начало», «Жизнь»). Уже в первой своей работе («Критические заметки») признал, что не разделяет всех взглядов Маркса. В дальнейших работах под видом «критической проверки» Маркса подменил революционные идеи марксизма идеями о сотрудничестве классов, мирной эволюции социализма и т. д. Философию марксизма (диалектический материализм) отрицал всегда. В конце 1900 — начале 1901 г.г., в качестве представителя «демократической оппозиции», вел переговоры с «искровцами» о блоке, сотрудничал в первых номерах «Искры». Вскоре окончательно порвал с марксизмом и с социал-демократией и перешел в лагерь либералов, став во главе организации земцев-конституционалистов — «Союза Освобождения» (1902 — 1905 г.г.); редактировал орган этого «Союза» — «Освобождение» (Штутгарт, Париж). С образованием к.-д. («конституционно-демократической») партии — член ее Ц.К. После поражения революции 1905 года — лидер самого правого крыла либералов, скатывается к черносотенному национализму. В 1909 году участник реакционно-мистического сборника «Вехи». Во время гражданской войны принимал участие в правительстве Деникина, а затем стал министром у Врангеля. Позже редактировал в Праге журнал «Русская Мысль», объединяя в нем правых кадетов с монархистами. С 1925 г. издает в Париже православно-монархическую газету «Возрождение». — **395.**

СУВОРИН, А. С. (1834 — 1912) — журналист, вначале либерал, потом редактор влиятельного органа консервативно-дворянских кругов «Нового Времени», антисемитствующего и лакействующего перед бюрократией. Представитель журнализма «чего изволите». — **346.**

СУМЕНСОН — частное лицо, проживавшее в Стокгольме и не имевшее никакого отношения ни к русскому, ни к международному рабочему движению. Коммерческую переписку г-жи Суменсон с Ганецким прокуратура, толкуя как условную и зашифрованную, пыталась использовать в качестве обвинительного материала против Ленина. — **29, 46, 47.**

СУХАНОВ, Н. (**Н. Н. ГИММЕР**) (р. 1882) — начал политическую деятельность в качестве народника, позднее пытался сочетать народничество с марксизмом. «Нефракционный» «социал-демократ», интернационалист, позднее меньшевик. Один из редакторов интернационалистского журнала «Летопись» в эпоху войны и член редакции Горьковской «Новой Жизни» после Февральской революции. Член И. К. Петроградского Совета первого состава, вместе с Ю. М. Стекловым и Н. Д. Соколовым вел переговоры и заключил соглашение с Комитетом Госуд. Думы о составе первого Временного правительства. Автор нескольких книг по аграрному вопросу и «Записок о русской революции», изданных Гржебиным в Берлине. Ныне работает в советских экономических органах. — **121 — 125, 127, 342.**

Т.

ТЕРЕЩЕНКО, М. И. — финансист и сахарозаводчик, министр финансов в первом Временном правительстве и министр иностранных дел в позднейших коалиционных министерствах, сменивший Милюкова, подавшего в отставку под давлением петроградских рабочих, и продолжавший его империалистскую политику. — **60, 162, 167, 169, 174, 182, 213.**

ТРЕВЕС, КЛАВДИО — один из старейших членов итальянской социалистической партии, редактор ее центрального органа «Аванти» до 1912 г., депутат, теоретик итальянского реформизма, единомышленник Турати, пацифист в годы войны. — 453.

ТРИА (В. Д. МГЕЛАДЗЕ) — грузин, меньшевик, участник конференции меньшевиков и союзных им группировок, состоявшейся в Вене в 1912 г. и положившей начало «августовскому блоку». — 114, 115.

ТРОЦКИЙ, Л. Д. (р. 1879) — работал в Николаеве, принимал участие в Южно-Русском Рабочем Союзе, в 1898 г. был арестован и сослан в Иркутскую губ., откуда в 1902 г. бежал за границу. В 1903 г. участвовал на II съезде и после раскола партии, оставшись с меньшевиками, принимал ближайшее участие в «Искре». Во время первой революции, в 1905 г., работал в Петербурге. Сторонник парвусовской теории перманентной революции. С организацией Петербургского Совета Рабочих Депутатов вошел в его Исполнительный Комитет и позднее был его председателем. После ареста Петербургского Совета был сослан на поселение в Сибирь, по дороге в ссылку бежал из Березова и участвовал на Лондонском съезде. Проживая в Вене, образовал собственную группу, идейным выразителем которой являлась издававшаяся им газета «Правда». В 1912 г. участвовал в так называемом «августовском блоке», созданном для борьбы с большевиками. Во время империалистской войны входил в редакцию издававшегося в Париже интернационалистского органа «Наше Слово» и принимал участие в Циммервальде, придерживаясь «центристской» позиции и не примыкая к Циммервальдской левой. В 1916 г., по обвинению в интернационалистской пропаганде, был выслан из Франции в Испанию, откуда его вновь после ареста выслали в Америку. В 1917 г. по приезде в Петроград примкнул к интернационалистской организации «межрайонцев», вместе с последней на VI съезде Р. С.-Д. Р. П. (б.) вошел в большевистскую партию и был избран в Ц. К. По завоевании большевиками Петроградского Совета Р. Д. в сентябре 1917 г. Троцкий становится его председателем. После Октября — народный комиссар иностранных дел. В споре о Брестском мире — решительный противник последнего, высказывался за тактику «ни мир, ни война». После Брестского мира — наркомвоен и председатель Реввоенсовета Республики до 1924 г. Во время дискуссии 1920 — 1921 г.г. стоял во главе одной из образовавшихся тогда фракций, отстаивая необходимость «огосударствления» профессиональных союзов. В 1923 г. перешел в оппозицию, с 1926 г. лидер — «объединенной» оппозиции. В 1927 г. исключен из партии. — 40, 219, 272, 289, 353.

ТРУЛЬСТРА, ПИТЕР (р. 1860) — вождь голландской социалистической партии и ее парламентский лидер, состоял членом Международного Социалистического Бюро II Интернационала. Внутри партии вел борьбу против ее левого крыла (так называемые «трибунисты», исключенные из официальной социалистической партии в 1907 г.). Последние годы вследствие болезни отошел от политической деятельности. — 102, 104.

ТУГАН — см. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ, М. И.

ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ, М. И. (1865 — 1919) — один из видных представителей «легального марксизма», вскоре перешедший в ряды «критиков Маркса» и скатившийся в лагерь либералов. Сотрудничал в журналах «Новое Слово» (1897) и «Начало» (1899). Соратник Струве в первых стычках с народничеством. В 1894 г. выпустил книгу: «Промышленные кризисы в современной Англии». В 1898 г. выпустил капитальный труд: «Русская фабрика в прошлом и настоящем» с критикой народнических взглядов на развитие капитализма в России. Впоследствии выступил с рядом работ, направленных против политико-экономического учения Маркса. Его своеобразная «теория кризисов» одно время пользовалась большим влиянием среди «критиков Маркса» и буржуазных ученых. Во время революции 1905 г. и после нее примыкал к партии кадетов, а во время

гражданской войны принимал участие в правительстве Центральной Рады на Украине. — 434.

ТУРАТИ, ФИЛИПП (р. 1857) — итальянский социалист-реформист, по образованию юрист, литератор. Впервые был выбран в палату депутатов в 1896 г. В 1898 г. за участие в так называемых «голодных бунтах» был приговорен к 12 годам тюремного заключения, которое отбывал до 1909 г. С начала империалистской войны Турати стоял против вмешательства Италии, после ее выступления за соглашательский «демократический» мир в духе вильсонизма; после войны на конгрессах социалистической партии руководил правым реформистским крылом, отвергая диктатуру пролетариата и сближение с Коммунистическим Интернационалом; после раскола в 1922 г. — вождь унитарной социалистической партии. — 453.

У.

УМАНСКИЙ, А. М. — журналист, официальный редактор черносотенной газеты «Живое Слово», первой из петербургских газет опубликовавшей клеветническое сообщение Алексинского и Панкратова против Ленина в июльские дни 1917 г. — 10.

УЭББ, БЕАТРИСА (Б. ПОТТЕР) (р. 1858) — жена Сиднея Уэбба и его ближайшая сотрудница, правая социалистка, писательница. Литературные произведения Уэббов носят имя обоих супругов. Член фабианского общества. — 451.

УЭББ, СИДНЕЙ (р. 1859) — английский экономист и политический деятель, правый социал-соглашатель. Один из основателей Фабианского общества. Автор книги «Теория и практика английского трэд-юнионизма», переведенной Лениным по-русски в 1898 г. Уэбб состоял министром труда в «рабочем» министерстве Макдональда в 1924 г. — 451.

Ф.

ФАЛЬКНЕР, М. Н. (М. СМИТ) — экономист и статистик, в 1917 г. сотрудничала в «Новой Жизни». В настоящее время — коммунистка, член коллегии Ц.С.У. СССР, член Коммунистической академии, преподавательница в ряде высших учебных заведений. — 181.

ФЮРСТЕНБЕРГ, ЯКОВ — см. ГАНЕЦКИЙ, Я. С.

Х.

ХУТТУНЕН — финский социал-демократ, депутат сейма в 1917 г., оказывал услуги большевикам в первый период революции, позднее, в период гражданской войны в Финляндии, перешел на сторону буржуазии. — 231.

Ц.

ЦЕРЕТЕЛИ, ИРАКЛИЙ (р. 1882) — с.-д. меньшевик, член II Государственной Думы от Кутаисской губернии, лидер с.-д. фракции. После роспуска Думы (3 июня 1907 года) вместе со всей фракцией был привлечен к суду по обвинению (вымышленному) в организации военного заговора и осужден на каторгу. Февральская революция освободила его из Сибири, где он находился в качестве ссыльно-поселенца. По возвращении в Петроград стал во главе меньшевиков и отстаивал продолжение империалистской войны и коалицию с буржуазией. 19 (6) мая 1917 г. вошел в первое коалиционное министерство в качестве министра почт и телеграфов. Член Исполнительного Комитета В.Ц.И.К. первого созыва и его вдохновитель. В настоящее время — эмигрант. — 5, 6, 10, 12, 26, 31, 37, 40, 45, 47, 51, 58,

Ч.

ЧАЙКОВСКИЙ, Н. В. (1850—1926) — народник. Сгруппировал вокруг себя в 1869—1871 г.г. кружок из петербургской студенческой молодежи, занимавшейся самообразованием и пропагандой среди интеллигенции, позднее положивший начало «хождению в народ». Эмигрировал в 1874 г. в Сев. Америку вместе с сектантом Маликовым, пытавшимся организовать там земледельческую колонию. После провала этой попытки, Чайковский переселился в Лондон; в 90-х г.г. участвовал в издании листков «Фонда вольной русской прессы» умеренно народнического направления, затем постепенно отошел от политической деятельности. После Февральской революции возвратился в Россию, был членом оборонческого Ц.И.К., позднее вошел в образованное под прикрытием английского десанта белогвардейское правительство в Архангельске (1918—1919 г.г.). После эвакуации англичан и падения Северного фронта вновь эмигрировал за границу. — 16.

ЧЕРНОВ, В. М. (р. 1876) — социалист-революционер, начал свою политическую деятельность в девяностых годах в качестве члена «партии Народного права». Эмигрировал за границу в 1899 г., где стал во главе сначала союза, а затем партии социалистов-революционеров в качестве ее идеолога и вождя; бессменный член Ц. К. и редактор ее центрального органа «Революционная Россия». В годы войны занимал колеблющуюся позицию между интернационализмом и оборончеством, участвовал на Циммервальдской конференции (воздержался при голосовании ее манифеста). Яркий оборонец — по возвращении в Россию после Февральской революции министр земледелия в первом коалиционном кабинете Временного Правительства, боровшийся против крестьян, отбиравших помещичью землю. Вышел в отставку после июльских дней. 18 (5) января 1918 г. Чернов был избран председателем Учредительного собрания, насчитывавшего две трети право-эс-эровских голосов и распущенного В.Ц.И.К-ом. Принимал деятельное участие в чехо-эс-эровском восстании на Волге в 1918 г., возглавлял съезд членов Учредительного собрания в Уфе, был арестован Колчаком, но вскоре освобожден. Принимал участие в Парижском съезде членов Учредилки (февраль 1921 г.), выделившем из себя комитет, составленный из эс-эров и к.-д., пытался оказать энергичное содействие Кронштадтскому восстанию из Ревеля, куда специально для этой цели приехал. — 5, 6, 26, 36, 37, 47, 49, 58, 60, 61, 68, 73, 77, 79, 81—85, 89, 94, 102, 103, 110, 112, 126, 141, 144, 145, 146, 162, 175, 180, 187, 196, 210—213, 216, 218, 255, 258, 259, 273, 276, 341, 345, 369, 377, 421, 424, 437, 453.

ЧХЕИДЗЕ, Н. С. (1864—1926) — участвовал в с.-д. работе на Кавказе. Депутат III и IV Государственных Дум от Тифлисской губернии, лидер думских меньшевиков. По отношению к войне занимал неопределенную, постоянно колеблющуюся позицию. С февраля 1917 г. до конца лета состоял председателем Петроградского Совета Р. и С. Д. Сторонник коалиции с буржуазией, оборонец. После Октябрьской революции оставил активную политическую деятельность, поддерживая за границей грузинских меньшевиков. Кончил жизнь самоубийством в Париже. — 10, 12, 13.

Ш.

ШЕЙДЕМАН, ФИЛИПП (р. 1865) — правый германский социал-демократ. В молодости работал наборщиком. В 1895 г. редактировал провинциальный партийный орган, примыкая к Бебелевскому центру и резко

выступая против ревизионизма. В 1903 г. был избран в рейхстаг от г. Золингена и вскоре занял выдающееся положение в парламенте. В 1912 г. вошел в ЦК, в том же году, после крупной победы с.-д. на парламентских выборах, давших социал-демократам 110 депутатских мест, был избран членом президиума фракции и вице-президентом рейхстага. С начала империалистской войны Шейдеман круто изменил политическую линию, вотировал военные кредиты и сделался лидером националистического крыла немецкой социал-демократии. Во время Ноябрьской революции 1918 г. предпринял попытку спасти монархию, поддерживая регентство принца Максимилиана Баденского, а после его падения вошел в Совет Народных Уполномоченных, временное правительство «Германской Социалистической Республики»; проводил в своей деятельности политику саботажа революции и боролся всеми средствами, вплоть до расстрела, против революционного германского пролетариата. — 100, 102 — 105, 186, 340, 341, 369, 400, 402, 453.

ШИНГАРЕВ, А. И. (1869 — 1918) — врач и земский деятель, член III и IV Государственных Дум и лидер кадетской думской фракции. В первый коалиционный кабинет Временного правительства вошел в качестве министра финансов, сменив Терещенко, взявшего портфель министра иностранных дел вместо Милюкова. Вышел в отставку вместе с другими кадетами 16 (3) июля 1917 г., намеренно создав министерский кризис, послуживший толчком к июльским событиям. После Октябрьской революции был арестован и, переведенный из Петропавловской крепости в лечебницу, убит группой матросов. — 167, 261, 359.

ШОТМАН, А. В. (ГОРСКИЙ) (р. 1880) — видный большевик, рабочий, токарь по металлу, революционную деятельность начал в 1899 г., в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Принимал участие в «Обуховской обороне» (1901 г.). В 1902—1903 г.г. был членом Петербургского комитета («искровского»), которым был затем делегирован на II съезд Р.С.-Д.Р.П., где вошел в состав «большинства». После II съезда Ш. был направлен в Смоленск в распоряжение члена Ц.К. Носкова, затем работал в Северном комитете партии. В начале 1904 г. был арестован, вышел из тюрьмы в феврале 1905 г., работал затем в Одессе, в Петербурге и Гельсингфорсе (1910 — 1912), где входил в состав Гельсингфорсского комитета финляндской с.-д. партии. В 1912 г. ездил к Вл. Ильичу в Париж. В 1913 г. с поручениями от большевистского центра ездил в Вену; участвовал на одном из поронинских совещаний, был кооптирован в Ц.К. и направлен для работы на юг России. В ноябре 1913 г. арестован в Екатеринославе и сослан в Нарымский край, где и пробыл до Февральской революции. Во время войны отстаивал интернационалистскую позицию (пораженец). В июне 1917 г. работал в Петрограде и поддерживал связь с финляндской с.-д. партией. В июле и вплоть до октября Ш., используя финляндские связи, организовал переезд Вл. Ильича в Финляндию. После победы Октябрьской революции и до января 1918 г. Ш. был членом коллегии Наркомпочтеля, затем членом президиума В.С.Н.Х., председателем Урало-Сибирской комиссии совета труда и обороны (в Омске) и одновременно членом Сибревкома, председателем Карельской А.С.С.Р. (1922 — 1925), председателем общества Радиопередачи. С XIII съезда В.К.П.(б) — член Ц.К.К. В настоящее время Ш. — член Ц.И.К. С.С.С.Р. — 322.

ШТЕЙНБЕРГ — русский эмигрант, член эмигрантского комитета в Стокгольме. — 46.

ШТИРНЕР, МАРКС (ШМИДТ, КАСПАР) (1806 — 1856) — анархист-индивидуалист, левый гегельянец. Считая высшим принципом личное благо, полагал, что для личности не может быть никаких авторитетов: религии, бога, власти, государства, родины, морали, чести. Будущее анархическое общество рассматривал, как добровольный союз эгоистов. Главное произведение Штирнера: «Единственный и его собственность». — 442.

Э.

VI. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ В. И. ЛЕНИНА.

(Июль — октябрь 1917 г.)

12—17 июля (29— июня — 4 июля). Вл. И. проводит несколько дней около ст. Мустамяки, под Петроградом.

17 (4) июля. Получив известие о демонстрациях в Петрограде, Вл. И. утром возвращается в город и принимает руководство движением. Речь перед демонстрантами с балкона дома Кшесинской. Участие в ночном заседании Ц.К., постановившем обратиться к рабочим и солдатам с воззванием о прекращении демонстрации. Из предосторожности Вл. И. ночует вне дома.

18 (5) июля. Вл. И. принимает меры для возможно более безболезненной ликвидации движения.

Опубликование Алексинским и Панкратовым клеветнического обвинения против Ленина. Вл. И. отвечает на клевету рядом статей, напечатанных на другой день в «Листке Правды».

19 (6) июля. Вл. И. участвует в заседании Исполнительной комиссии Петроградского Комитета в сторожке завода Рено и высказывается против предлагавшейся некоторыми товарищами всеобщей забастовки.

Поздно ночью Временное правительство отдает распоряжение об аресте Вл. И. Вл. И. переходит на нелегальное положение.

19 (6) — 21 (8) июля. Вл. И. скрывается в квартире рабочего С. Аллилуева.

20 (7) июля. Сообщение В.Ц.И.К'а о назначении им комиссии для расследования обвинений, выдвинутых против Вл. И. Опубликование постановления Временного правительства об аресте Ленина и др.

Обыск на квартире Ленина и Крупской.

20 — 21 (7 — 8) июля. Вл. И. совещается с рядом товарищей (Сталин, Зиновьев, Крупская, Ногин, Яковлева, Орджоникидзе, Стасова) по вопросу об явке на суд.

22 (9) июля. Вл. И. покидает квартиру С. Аллилуева и временно помещается вместе с Зиновьевым у рабочего Н. Емельянова на чердаке сарая, в окрестностях Сестрорецка. Через день Вл. И. переходит в шалаш на сенокосе, в нескольких верстах от ст. Разлив.

24 (11) июля. В «Новой Жизни» напечатано письмо в редакцию Вл. И., Зиновьева и Каменева по поводу обвинения в шпионстве.

28 (15) июля. В кронштадтском «Пролетарском Деле» напечатано письмо в редакцию Вл. И. и Зиновьева, в котором они заявляют о своем отказе подчиниться приказу Временного правительства об аресте.

Июль — октябрь. Вл. И., находясь на нелегальном положении, продолжает сотрудничать в большевистских газетах, посылая ряд руководящих политических статей и мелких заметок, и одновременно поддерживает тесную связь с Ц. К.

3 августа (21 июля). Постановлением прокурора Петроградской судебной палаты Вл. И. привлечен в качестве обвиняемого по ст.ст. 51, 100, 1 ч. 108 Уголовн. уложения (измена и организация вооруженного восстания).

8 августа (26 июля). VI съезд Р.С.-Д.Р.П.(б.) избирает Вл. И. почетным председателем съезда.

Вл. И. из подполья руководит работами VI съезда Р.С.-Д.Р.П.(б.).

16 (3) августа. VI съезд Р.С.-Д.Р.П.(б.) избирает Вл. И. членом Ц. К.

Начало сентября (конец августа). С наступлением холодов Вл. И. покидает шалаш и, переночевав у тов. Кальске на Выборгском шоссе в Петрограде, переезжает через финляндскую границу в качестве кочегара на паровозе (машинист — т. Ялава).

Вл. И. живет в Гельсингфорсе, сначала у финляндского с.-д. Ровио (начальника милиции), а затем на квартире одного финского рабочего социал-демократа.

Август—сентябрь. Вл. И. пишет книгу «Государство и революция».

12 сентябрь (30 августа). Вл. И. пишет письмо в Ц. К. в связи с корниловским восстанием.

14—16 (1—3) сентября. Вл. И. пишет статью «О компромиссах».

Сентябрь. Вл. И. пишет статью «Пугают гражданской войной».

25 (12) сентября. Петроградский Совет Р. и С. Д. избирает Вл. И. одним из своих делегатов на Демократическое Совещание.

23—27 (10 — 14) сентября. Вл. И. пишет статью «Грозящая катастрофа».

25—27 (12—14) сентября. Вл. И. пишет письма в Ц. К.: «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание».

Начало октября (конец сентября). Вл. И. переезжает из Гельсингфорса в Выборг, чтобы быть ближе к Петрограду.

7—14 октября (24 сентября—1 октября). Вл. И. пишет статью «Удержат ли большевики государственную власть?».

10 октября (27 сентября). Вл. И. пишет из Выборга письмо И. Смилге.

12 октября (29 сентября). Вл. И. пишет статью «Кризис назрел».

16 (3) октября. Ц. К. дает согласие на переезд Вл. И. в Петроград.

18 (5) октября. Вл. И. избран Ц. К. в комиссию для подготовки проекта партийной программы.

14—20 (1—7) октября. Вл. И., руководя из подполья работами Петроградской конференции Р.С.-Д.Р.П. (большевиков), пишет для нее «тезисы», «наказ на партийный съезд» и «письмо».

16—20 (3—7) октября. Вл. И. пишет письмо Ц. К., М. К. и П. К. и членам Совета Питера и Москвы большевикам, в котором предлагает брать власть немедленно.

21 (8) октября. Вл. Ил. пишет из Выборга «Письмо к товарищам большевикам, участвующим на Областном съезде Советов Северной области» и письмо-статью «Советы постороннего».

22 (9) октября. Вл. И. переезжает из Выборга — в Лесной под Петроградом.

23 (10) октября. Вл. И. участвует на заседании Ц. К. и проводит резолюцию о необходимости вооруженного восстания.

29 (16) октября. Вл. И. участвует на заседании Ц. К. с представителями партийных организаций по вопросу о вооруженном восстании.

29 и 30 (16 и 17) октября. Вл. И. пишет «Письмо к товарищам», в котором подвергает уничтожающей критике возражения Зиновьева и Каменева против восстания.

31 (18) октября. Вл. И. пишет «Письмо к членам партии» о «штрейкбрехерстве» Каменева и Зиновьева, выступивших в непартийной печати против решения Ц. К. о вооруженном восстании.

1 ноября (19 октября). Вл. И. пишет «Письмо в Ц. К.» с требованием исключения из партии Зиновьева и Каменева.

3 ноября (21 октября). Вл. И. участвует в партийном совещании по вопросу о вооруженном восстании.

6 ноября (24 октября). Вечером Вл. И. пишет «Письмо членам Ц. К.», требуя немедленного вооруженного выступления.

Поздно вечером, переодетый, Вл. И. из Лесного переходит в Смольный и приступает к непосредственному руководству восстанием.

VII. ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ.

1917 г.

16 (3) VII. Открытие 2-й общегородской конференции Петроградской организации большевиков.

Выход в отставку министров кадетов, под предлогом протеста против решения Временным правительством вопроса об автономии Украины до созыва Учредительного собрания. Правительственный кризис.

Начало стихийного движения среди рабочих и солдат Петрограда под лозунгом «Вся власть Советам».

Забастовки на заводах, вооруженные столкновения на улицах. Демонстрация рабочих у Таврического дворца, с требованием решения В.Ц.И.К.'ом вопроса о власти.

В течение всей ночи совещания представителей заводских, войсковых, партийных и др. коллективов.

Поздно вечером печатается воззвание большевистского Ц. К. «К рабочим и солдатам Петрограда» с призывом к мирному и организованному выявлению своей воли в вопросе об организации власти.

17 (4) VII. Забастовки на фабриках и заводах продолжаются. Прибытие матросов из Кронштадта.

Огромные манифестации вооруженных рабочих и солдат с лозунгами: «Долой десять министров-капиталистов, вся власть Советам» стягиваются к Таврическому дворцу.

Вызов юнкеров и казачьих частей Временным правительством.

Стрельба по демонстрантам.

Вечером объединенное заседание В.Ц.И.К. и Исп. Ком. Крестьянских Советов с представителями делегаций фабрик и заводов обсуждает вопрос об организации власти. Принято решение о созыве через две недели пленума Советов Р., С. и Кр. Депутатов. Резолюция большевиков о необходимости передачи всей власти в руки правительства из делегатов центральных советских органов — отвергается.

Ночью в «Правде» печатается воззвание Ц. К. большевиков, с призывом к прекращению демонстраций.

Вооруженные демонстрации в Москве.

Карательные отряды в Рязани и Н.-Новгороде, в связи с отказом солдат отправиться на фронт.

18 (5) VII. Разгром юнкерами типографии и редакции газеты «Правды».

Опубликование Алексинским и Панкратовым сфабрикованного контрразведкой клеветнического «документа» о шпионстве Ленина.

Прибытие гельсингфорсской делегации Балтийского флота для выяснения причин вызова Временным правительством в Петроград некоторых судов Балтфлота.

Возвращение матросов в Кронштадт.

На улицах Петрограда казачьи части. Движение подавлено.

19 (6) VII. Занятие правительственными войсками помещения Ц. К. большевиков и Петропавловской крепости.

Выход «Листка Правды», с объявлением об окончании демонстрации 3—5 июля.

Убийство рабочего Воинова, распространявшего «Листок».

Протест Центр. Совета фабр.-зав. комитетов и правлений профсоюзов Петрограда против разгрома «Правды» и призыв к бойкоту контр-революционной печати.

Постановление Временного правительства об аресте Ленина, Зиновьева и Каменева.

Забастовка металлистов в Москве.

Демонстрации рабочих в Иваново-Вознесенске.

Волнения среди матросов Черноморского флота.

Прорыв русского фронта под Тарнополем.

Законопроект финляндского сейма об автономии Финляндии.

20 (7) VII. Арест делегации Балтийского флота в Петрограде.

Постановление Временного правительства о расформировании всех воинских частей, принимавших участие в демонстрациях 3—5 июля.

Отставка министра-председателя кн. Львова.

Подавление выступления солдат и рабочих в Нижнем-Новгороде.

21 (8) VII. Декларация Временного правительства «об очередных мероприятиях в осуществление начал, возвещенных декларацией 6 мая».

Назначение Керенского министром-председателем.

Постановление Временного правительства о предоставлении военному министру права запрещения распространения в действующей армии газет «Правда», «Солдатская Правда» и «Окопная Правда».

22 (9) VII. Арест Каменева.

Объединенное заседание В. Ц. И. К. и И. К. С. и Кр. Д. постановило объявить Временное правительство «правительством спасения революции» с неограниченными полномочиями. Оглашение декларации большевиков и интернационалистов о необходимости перехода всей власти к Советам Раб., Солд. и Кр. Депутатов.

Открылась Московская окружная конференция большевиков.

В Красноярске состоялась огромная демонстрация рабочих и солдат, под лозунгом: «Вся власть Советам».

24 (11) VII. Взятие Тарнополя немцами.

25 (12) VII. Приказ Временного правительства о введении смертной казни на фронте.

28 (15) VII. Приказ Керенского о закрытии газет «Правда» и «Окопная Правда».

Запрещение митингов на фронте.

Закрытие в Ревеле газет «Кийр» и «Утро Правды».

Аресты большевиков в Гельсингфорсе.

Открытие железнодорожного съезда в Москве.

29 (16) VII. Закрытие большевистской газеты «Волна» в Гельсингфорсе.

В Москве открылся Всероссийский съезд торгово-промышленных служащих.

31 (18) VII. Постановление Временного правительства о роспуске финляндского сейма.

Резолюция совещания членов Государственной Думы с требованием твердой власти.

Назначение генерала Корнилова верховным главнокомандующим. Назначение Савинкова товарищем военного министра.

2 VIII (20 VII). Волнения в тверском гарнизоне.

3 VIII (21 VII). Временное правительство совместно с представителями меньшевиков, эс-эров и кадетов предоставляет Керенскому право по своему усмотрению составить кабинет.

4 VIII (22 VII). Арест Троцкого и Луначарского.

5 VIII (23 VII). Вышел № 1 «Рабочего и Солдата». Открытие Московской общегородской конференции фабрично-заводских комитетов. Открытие 9-го съезда кадетской партии.

6 VIII (24 VII). Утвержден новый коалиционный состав Временного правительства под председательством Керенского. Карательная экспедиция и аресты большевиков в Твери.

7 VIII (25 VII). Резолюция Московского Совета Р. Д. против введения смертной казни.

8 VIII (26 VII). Открытие VI съезда Р. С.-Д. Р. П. (б.) в Петрограде.

9 VIII (27 VII). Доклад Сталина на VI съезде Р. С.-Д. Р. П. (б.) о политике Ц. К.

Карательная экспедиция и аресты большевиков в Царицыне.

10 VIII (28 VII). Предоставление министрам внутренних дел и военному права запрещения съездов и собраний.

Резолюция Московской окружной конференции фабрично-заводских комитетов о необходимости передачи всей власти в руки Советов.

В Царицыне закрыта большевистская газета «Борьба».

11 VIII (29 VII). Открытие Украинской войсковой рады.

12 VIII (30 VII). Доклады Бухарина и Сталина на VI съезде Р. С.-Д. Р. П. (б.) о текущем моменте.

13 VIII (31 VII). Доклад Милютина на VI съезде Р. С.-Д. Р. П. (б.) об экономическом положении.

Открытие в Москве съезда Всероссийского крестьянского союза.

14 (1) VIII. Ссылка Николая II с семьей в Тобольск.

Всеобщая забастовка в Гельсингфорсе.

16 (3) VIII. Окончание VI съезда Р. С.-Д. Р. П. (б). Открытие II торгово-промышленного съезда в Москве.

18 (5) VIII. Издание Временным Правительством закона об уголовной ответственности за оскорбление представителей союзных держав.

Постановление Ц. И. К. Советов об отсрочке выборов в Учредительное собрание до конца октября.

20 (7) VIII. Резолюция рабочей секции Петроградского Совета Р. и С. Д. против введения смертной казни на фронте и арестов большевиков.

В Казани закрыта большевистская газета «Рабочий».

Открытие Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов.

Заседание Совета (конференции) партии социалистов-революционеров по вопросу о выборах в Учредительное собрание.

21 (8) VIII. Опубликована резолюция Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) о московском Государственном Совещании (12 августа), призывающая разоблачать Совещание как орган контр-революционной буржуазии, разоблачать контр-революционную политику эс-эров и меньшевиков, поддерживающих это Совещание, и организовать массовые протесты против Совещания.

22 (9) VIII. Перенесение Временным правительством срока выборов в Учредительное Собрание на 25 (12) ноября и созыва Собрания на 11 декабря (28 ноября).

Приветственная телеграмма московского «Совещания общественных деятелей» во главе с Родзянко генералу Корнилову с обещанием поддержки его авторитета в армии.

Закрытие газеты «Рабочий и Солдат».

25 (12) VIII. Опубликование манифеста VI съезда Р. С.-Д. Р. П. (б.) ко всем трудящимся, рабочим, солдатам и крестьянам.

Открытие Московского Государственного Совещания.

Забастовка в Москве—протест против Московского Совещания. Митинги на фабриках и заводах.

В Киеве, Костроме и др. городах однодневные забастовки.

26 (13) VIII. Торжественный приезд в Москву генерала Корнилова. Речи Керенского, Прокоповича и Некрасова на Государственном Совещании.

Выход в Петрограде большевистской газеты «Пролетарий».

Открытие в Киеве 1-го всероссийского съезда рабочих сахарной промышленности, требовавшего передачи всей помещичьей земли крестьянским комитетам.

27 (14) VIII. Выступления на Государственном Совещании генералов Корнилова и Каледина.

28 (15) VIII. Закрытие Государственного Совещания.

29 (16) VIII. Занятие русскими войсками здания финляндского сейма в Гельсингфорсе, в связи с попыткой открыть заседание вопреки роспуску сейма Временным правительством.

Открытие всероссийского церковного собора в Москве. Приветственная речь Московского городского головы эс-эра Руднева на заседании собора.

31 (18) VIII. Резолюция Петроградского Совета Р. и С. Д. против смертной казни.

Образование в Киеве комитета обороны для борьбы с контр-революцией.

Политическое совещание в ставке по вопросу о провозглашении военной диктатуры.

1 IX (19 VIII). Открытие в Петрограде объединенного съезда Р. С.-Д. Р. П. (меньшевики, «объединенцы» и «внефракционные»).

Прорыв Рижского фронта немцами.

2 IX (20 VIII). Выборы в Петроградскую городскую думу.

Совещание членов Государственной Думы вынесло резолюцию против хлебной монополии.

Беспорядки в Москве на продовольственной почве.

3 IX (21 VIII). Занятие Риги германской армией.

5 IX (23 VIII). Переговоры в ставке Савинкова с генералом Корниловым, по поручению Керенского, об отправке конного корпуса в Петроград для поддержки Временного правительства в случае выступления большевиков.

6 IX (24 VIII). Закрытие в Петрограде газеты «Пролетарий».

7 IX (25 VIII). Начало движения корниловских войск на Петроград.

Образование при Ц. И. К. Советов Комитета по борьбе с контр-революцией.

Воззвание генерала Корнилова к войскам.

8 IX (26 VIII). Выход в Петрограде большевистской газеты «Рабочий».

Приказ Корнилова о назначении генерала Крымова главнокомандующим корпуса, двигающегося на Петроград.

Обращение В. Н. Львова к Керенскому от имени Корнилова, с требованием вручить последнему всю полноту власти. Арест Керенским Львова. Отставка министров кадетов.

9 IX (27 VIII). Воззвание Керенского «К населению» с призывом к борьбе против Корнилова. Объявление военного положения в Петрограде и назначение Савинкова петроградским генерал-губернатором. Воззвание Корнилова: «Ко всем русским людям».

10 IX (28 VIII). Объявление Временным правительством генерала Корнилова изменником родине. Аресты корниловцев.

Предложение Милюковым своего посредничества между Керенским и Корниловым.

«Комитет борьбы с контр-революцией» организует под руководством «Бюро военной организации большевиков» вооруженные рабочие дружины для охраны и обороны Петрограда.

Рабочие большинства фабрик и заводов Петрограда на окопных работах.

Организация рабочей милиции, — легализация фактически существовавших уже ячеек Красной гвардии.

11 IX (29 VIII). Объявление военного положения в Москве.

Разложение корниловских войск.

12 IX (30 VIII). Арест генерала Крымова. Ликвидация корниловского выступления. Отставка Савинкова.

Назначение Керенского верховным главнокомандующим.

13 IX (31 VIII). Отставка министров Некрасова, Чернова и др. Самоубийство генерала Крымова.

В Вятке, Луганске и др. городах организованы «комитеты охраны революции».

В Красноярске вся гражданская и военная власть в руках Исп. Ком. Советов Р., С. и Кр. Депутатов.

В Минске собрание правлений всех профессиональных союзов постановило организовать группы Красной гвардии.

14 (1) IX. Провозглашение Временным правительством Российской Республики.

Отставка министров Скобелева, Зарудного и Авксентьева.

Образование директории в составе: Керенского, Никитина, Терещенко, Верховского и Вердеревского.

Арест в Могилеве генералов Корнилова, Лукомского и Романовского.

Отказ Донского войскового правительства исполнить приказ Временного правительства об аресте генерала Каледина.

Распоряжение революционного штаба Царицына о вооружении рабочих.

15 (2) IX. Закрытие газеты «Рабочий» в Петрограде.

В Москве рабочие фабрик и заводов требуют выдачи им оружия Советами Р. и С. Депутатов.

Организация кронштадтской Красной гвардии.

16 (3) IX. Выход в Петрограде большевистской газеты «Рабочий Путь».

18 (5) IX. Постановление Московского Совета Р. Д. об организации Красной гвардии.

Резолюция Московского Совета Р. и С. Д. о необходимости решительной борьбы за завоевание власти революционным пролетариатом и крестьянством.

Назначение Терещенко заместителем министра-председателя.

19 (6) IX. Выход в отставку меньшевистско-эс-эровского президиума Петроградского Совета Р. и С. Д. в связи с принятием Петроградским Советом большевистской резолюции об организации власти.

21 (8) IX. Избрание большевистского президиума Рабочей секцией Петроградского Совета Р. и С. Д.

23 (10) IX. Назначение генерала Духонина начальником штаба верховного главнокомандующего.

24 (11) IX. IV Петроградская конференция фабрично-заводских комитетов.

25 (12) IX. Привлечение к суду редакции газ. «Социал-Демократ» в Москве за оскорбление английского посла Бьюкенена.

Волнения в Тамбове, Липецке, Астрахани и Уфе.

В Ташкенте власть перешла в руки Советов.

26 (13) XI. Забастовка на Виндаво-Рыбинской ж. д.

Переизбрание президиума Солдатской секции Петроградского Совета Р. и С. Д.

Аграрное движение в Кишиневской губ.

27 (14) IX. Открытие Всероссийского Демократического Совещания в Петрограде.

Объявление Тамбовской губернии на военном положении. Из Москвы послан карательный отряд.

28 (15) IX. Волнения среди солдат орловского гарнизона.

Аграрные беспорядки в Кирсановском уезде Тамбовской губ.

1 X (18 IX). Роспуск Временным правительством Центрального Комитета Балтийского флота.

Совещание Советов Крестьянских Депутатов в Петрограде.

2 X (19 IX). Избрание большевистского Исполнительного Комитета Московского Совета Р. Д.

Аграрные беспорядки в Таганрогском округе.

4 X (21 IX). Петроградским Советом Раб. и Солд. Деп. принята резолюция об отрицательном отношении к Демократическому Совещанию и необходимости сплочения масс вокруг Советов Раб., Солд. и Крест. Депутатов.

Постановление Демократического Совещания об организации Предпарламента.

Всеобщая забастовка в Ташкенте, прибытие казаков, введение военного положения.

Постановление Одесского Совета Р. и С. Д. об организации Красной гвардии.

5 X (22 IX). Закрытие Демократического Совещания в Петрограде.

Отмена Временным правительством распоряжения о роспуске Центрофлота.

Соединенное заседание Выборгского Совета Р., С. и Кр. Д., полковых и ротных командиров постановило потребовать от В. Ц. И. К. немедленного созыва съезда Советов для решения вопроса о власти.

6 X (23. IX). Центральный стачечный комитет железнодорожников объявил всероссийскую железнодорожную забастовку.

7 X (24 IX). Соединенное заседание Ц. К. и П. К. Р. С.-Д. Р. П. с участием большевиков — членов Демократического Совещания. Доклад Бухарина о текущем моменте.

8 X (25 IX). Новый коалиционный состав Временного Правительства под председательством Керенского, с участием московских промышленников.

Избрание Троцкого председателем Петроградского Совета Р. и С. Д.

Победа большевиков на выборах в районные думы в Москве.

Аграрное движение в Саратовской губернии.

10 X (27 IX). Забастовка на бакинских нефтяных промыслах.

12 X (29 IX). Германский десант в Балтийском море. Аграрное движение в Волынской губернии.

13 X (30 IX). Воззвание Ц. К. большевиков с призывом к борьбе за съезд Советов.

15 (2) X. Резолюция Петроградского Совета о необходимости перехода власти к Советам и предложения немедленного перемирия на всех фронтах.

18 (5) X. Постановление Временного правительства о необходимости перенесения столицы в Москву и разгрузки Петрограда.

19 (6) X. Роспуск Временным правительством Государственной Думы и Государственного Совета.

20 (7) X. Открытие Совета Российской Республики (Предпарламента). Декларация и уход большевиков из Предпарламента.

Аграрное движение в Воронежской губернии.

23 (10) X. Заседание Ц. К. большевиков с участием Ленина. Принята резолюция о подготовке вооруженного восстания. Избрано Полит-

бюро в составе: Ленина, Троцкого, Сталина, Зиновьева, Каменева, Сокольникова и Бубнова.

24 (11) X. Съезд Советов Северной области в Петрограде.

Николаевский Совет Раб. Деп. (Саратовской губ.) приступил к конфискации частно-владельческих земель.

25 (12) X. Резолюция Съезда Советов Северной области о необходимости перехода всей власти к Советам в центре и на местах.

Совещание «общественных деятелей» в Москве.

26 (13) X. Постановление Исполнительного Комитета Петроградского Совета об образовании Военно-Революционного Комитета.

27 (14) X. 10-й съезд кадетской партии в Москве.

29 (16) X. Заседание Ц. К. большевиков с участием Ленина и представителями партийных организаций. Принята резолюция об усилении подготовки к вооруженному восстанию. Петроградским Советом Р. и С. Д. утвержден проект организации Военно-Революционного Комитета.

Избрание Иваново-Вознесенским съездом Советов Военно-Революционного Комитета для подготовки восстания.

30 (17) X. Бюро Ц. И. К. Советов постановило перенести открытие II съезда Советов на 7 ноября (25 октября).

31 (18) X. Занятие Калуги казачьим отрядом с фронта. Обстрел казаками Совета Солдатских Депутатов; разгон Совета и аресты.

1 XI (19 X). Резолюция всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов о необходимости перехода власти к Советам.

Образование в Предпарламенте фракции левых эс-эров-интернационалистов.

3 XI (21 X). На собрании полковых комитетов Петроградский Военно-Революционный Комитет признан руководящим органом военных частей Петрограда.

4 XI (22 X). Постановление собрания представителей полков Петрограда о неподчинении приказам штаба, не скрепленным подписью Военно-Революционного Комитета. В «День Петроградского Совета» — многолюдные митинги на заводах и в воинских частях.

5 XI (23 X). Назначение Военно-Революционным Комитетом комиссаров в воинские части. Принятие Исполнительным Комитетом Московского Совета Р. Д. декрета № 1 «о приеме и увольнении рабочих, с согласия фабрично-заводских комитетов». Отказ меньшевиков и эс-эров от участия в обсуждении этого декрета.

6 XI (24 X). Охрана отрядами Военно-Революционного Комитета типографий закрытых Временным правительством газет «Рабочий Путь» и «Солдат».

Постановление Временного правительства о предании суду членов Военно-Революционного Комитета.

Приказы командующего Петроградским округом о запрещении исполнять распоряжения Военно-Революционного Комитета, об аресте его комиссаров, запрещении выходить на улицы с оружием и т. д. Вызов Временным правительством юнкерских училищ к Зимнему дворцу. Принятие Предпарламентом резолюции о немедленном издании декрета о передаче земель земельным комитетам и скорейшем соглашении с союзниками по вопросу о мире.

Образование контр-революционного «Комитета общественной безопасности».

Распоряжение Военно-Революционного Комитета о приводе воинских частей в боевую готовность.

Заседание эс-эровской Московской городской думы по вопросу об организации Комитета общественной безопасности.

Начало организации белой гвардии в Москве.

СОДЕРЖАНИЕ *).

*) Звездочкой отмечены произведения, не вошедшие в первое издание Сочинений.

стр.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

стр.

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

XXI ТОМ

СОЧИНЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ

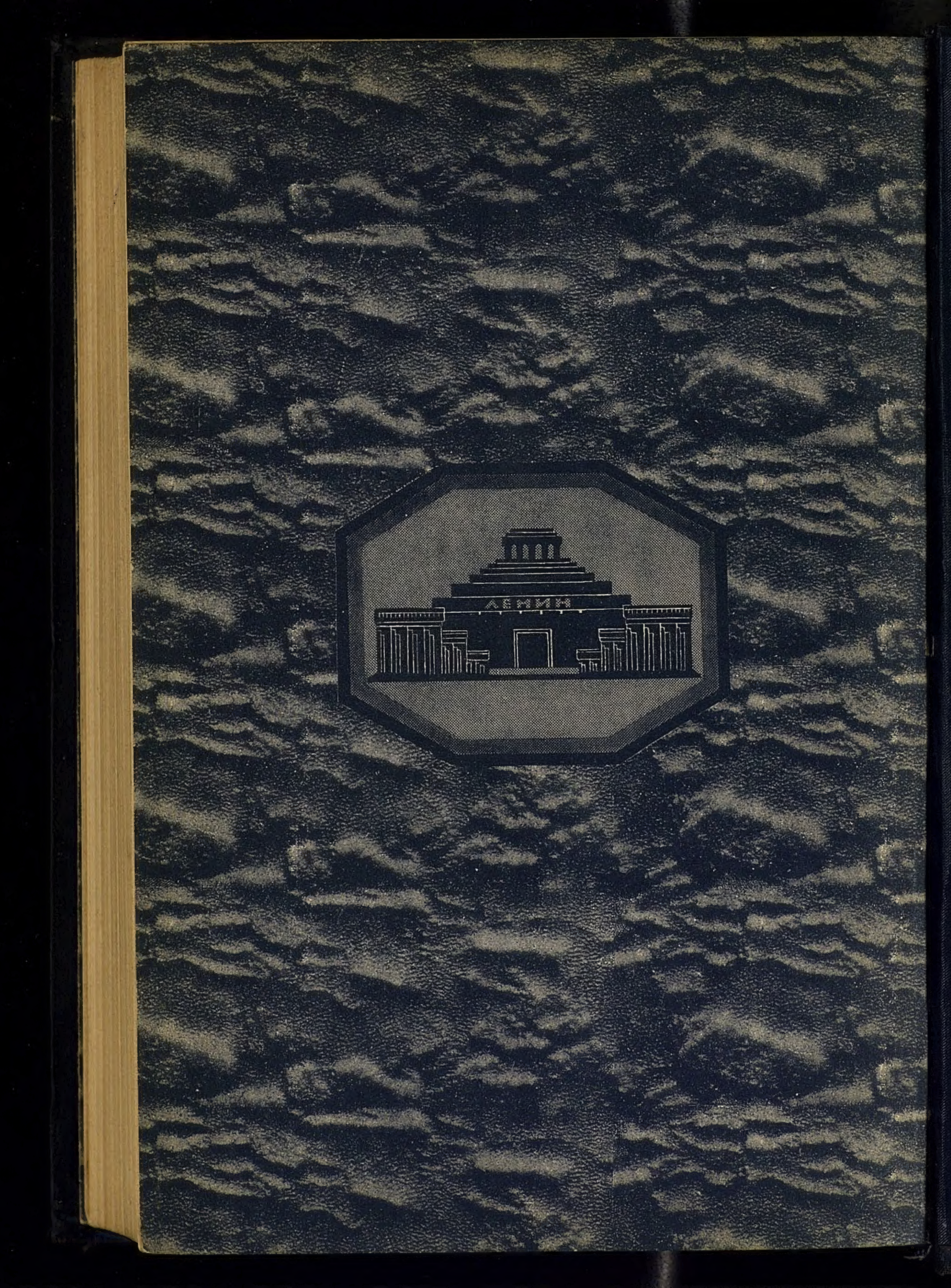
Н. Н. ОВСЯННИКОВЫМ

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ:
Е. И. КОРОТКИЙ, С. С. КРИВЦОВ, В. Г. СОРИН

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ:
Д. К. БОГОМИЛЬСКИЙ, П. Д. ГАЛАКТИОНОВ,
К. И. ХАЛАБАЕВ

ИЗДАНИЕ НАПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ «ПЕЧАТНЫЙ ДВОР»
ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ:
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ТЕХНИЧЕСКОЙ ЧАСТЬЮ
В. И. ФЕДОТОВА,
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ОПЕРАТИВНО-ПЛАНОВЫМ ОТДЕЛОМ
Д. Ф. БУТЫШКИНА
БРИГАДИРОВ:
А. Г. ИВАНОВА И А. И. СОСНОВА,
ВЕРСТАЛЬЩИКОВ:
Н. Т. ВАСИЛЬЕВА, П. П. ЗАХАРОВА И В. П. ФЕДОРОВА,
КОРРЕКТОРА
Б. А. ГУРЕВИЧ,
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПЕЧАТНЫМ ОТДЕЛЕНИЕМ
П. В. ЕГУПОВА,
ПЕЧАТНЫХ МАСТЕРОВ:
В. В. ВАСИЛЬЕВА, И. Р. КЛЮЧЕВА И Т. А. ФАДДЕЕВА,
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПЕРЕПЛЕТНЫМ ОТДЕЛЕНИЕМ
И. С. БУХАРИНА
И ЕГО ПОМОЩНИКОВ:
Я. Ф. ГОЛУБЕВА И К. Ю. ТРЕЙФЕЛЬДТ

Л, 2. Гиз № 19807/м.
Ленинградский Областлит № 18223.
$37^{3}/_{4}$ л. Тираж 40 000. 30. X. 28.


ЛЕНИН